64024
3 79

Зелинскій

КРИТИЧЕСКІЙ КОММЕНТАРІЙ КЪ СОЧИНЕНІЯМЪ ДОСТОЕВСКАГО

64024

Пр. 2010

Пр. 1955 г.
8(С)Р
349

КРИТИЧЕСКІЙ КОММЕНТАРІЙ

КЪ СОЧИНЕНІЯМЪ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

СБОРНИКЪ КРИТИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

„Бѣсы“. — „Подростокъ“. — „Рѣчь Ѳ. М. Достоевскаго объ А. С. Пушкинѣ“.

64024

СОБРАЛЪ

В. Зелинскій.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

БИБЛИОТЕКА
СВЕРДЛОВСКОГО
ГОСУНИВЕРСИТЕТА
им. А. М. ГОРЬКОГО

МОСКВА.
Типографія Вильде. Малая Кисловка, собственный домъ.
1907.

Типографский
Г.У.
Каталог

ОГЛАВЛЕНІЕ.

„Бѣсы".

Критическія статьи:

	Стр.		Стр.
В. Авсѣенки	1	О. Миллера	100
Н. Михайловскаго	11	К. Головина	115
П. Ткачова	51	А. Введенскаго	120
Вс. Соловьева	79	А. Волынскаго	121
Изъ „Сіянія"	81	И. Вернера	145
Е. Маркова	83		

Характеристика дѣйствующихъ лицъ романа „Бѣсы" каждаго въ отдѣльности.

Ставрогинъ.

Характеристики:

В. Авсѣенки	151
Е. Маркова	152
Н. Звѣрева	159
А. Волынскаго	163
Д. Мережковскаго	193
А. Волынскаго	212

Степанъ Трофимовичъ Верховенскій.

Характеристики:

В. Авсѣенки	231
П. Ткачева	237
Е. Маркова	251
А. Волынскаго	260

Петръ Степановичъ Верховенскій.

Характеристики:

В. Авсѣенки	269
Е. Маркова	272

Кирилловъ.

Характеристики:

В. Авсѣенки	277
В. Чижа	279
И. Вернера	283
А. Волынскаго	305
Д. Мережковскаго	328

Шатовъ.

Характеристики.

В. Авсѣенки	346
А. Волынскаго	347

Эркель.

Характеристика В. Авсѣенки. 363

Фонъ-Лембке.

Характеристика В. Чижа ... 364

Кармазиновъ.

Характеристика Е. Маркова.. 370

Варвара Петровна Ставрогина.

Характеристики: *Стр.*

П. Ткачова..... 374
Е. Марковъ..... 376

Романы Ставрогина.

(Характеристика Лебядкиной, Даши и Лизы).

Статья А. Волынскаго 378

Елизавета Николаевна Дроздова.

Стр.

Характеристика В. Чижа... 397

„Матеріалы къ роману Бѣсы“.

Изъ „Записныхъ книжекъ“ Ѳ. М. Достоевскаго 398

„Подростокъ“.

Критическія статьи:

П. Ткачова..... 424
Изъ „Дѣтскаго Сада“..... 460
—„С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“..... 466
В. Авсѣенки..... 468
Изъ „Гражданина“..... 471
О. Миллера 472
Д. Мережковскаго 480
А. Введенскаго..... 490
Д. Мережковскаго..... 493
В. Чижа 506

„Рѣчъ Ѳ. М. Достоевскаго объ А. С. Пушкинѣ“.

Критическія статьи:

А. Кошелева. 512
Изъ „Дѣла“. Статья О. П.. 520
А. Градовскаго..... 525
Изъ „Вѣстника Европы“. Статья В. В. 535
В. Чуйко 545

Алфавитный указатель именъ и предметовъ, относящихся къ литературѣ V

Алфавитный указатель

именъ и предметовъ, относящихся къ литературѣ.

Авсѣенко, В. 1—11, 151, 152, 231—237, 269—272, 277—279, 346—347, 363—364, 468—471.
Аксаковъ, И. 52, 546.
„Also sprach Zarathustra", Ницше. 148, 284, 288, 294, 295.
Алѣева, писат. 459.
Анджело-Микель. 356.
Антокольскій. 547.
Анфантенъ. 520.
Апокалипсисъ. 100, 123, 124, 126, 218, 219, 267, 307, 322, 323, 333, 334, 337, 533.
Аоанасьевъ 43.
Байронъ. 120, 193, 196.
Балинскій. 431.
Бальзакъ. 18, 26, 222.
„Беллетристы-метафизики и беллетристы-эмпирики", статья П. Ткачова. 459.
„Берегъ", газета. 536.
Беркли. 264.
„Биржевыя Вѣдомости". 397, 511.
Бисмаркъ. 19.
„Богъ", ода. 54.
„Больные Люди", статья Ткачова. 51, 237, 374.
„Борьба съ Западомъ въ русской литературѣ", Н. Страхова. 474.
„Братья Карамазовы". 115, 117, 148, 150, 363, 390, 397, 484, 526, 530.
„Бѣдные Люди". 61, 63, 80, 83, 258, 431, 433.
Бѣлинскій. 36, 251, 410, 413, 416, 420, 421, 423, 427, 472.
„Бѣсы". 1—423, 424, 426, 428, 460, 469, 490, 493, 495, 505.
Бюхнеръ. 338.
Введенскій, А. И. 120, 121, 490—493.
Веневитиновъ. 546.
Вернеръ. И. 145—151, 283—304.
„Взбаламученное Море", Писемскаго. 4, 5.
Да-Винчи, Леонардо. 332.
Винкельманъ. 47.
де-Вогюэ. 115.
Волынскій, А. Л. 121 — 145, 163—192, 212—231, 260—269, 305—328, 347—363, 378—396.
Вольтеръ. 339.
„Время". 80.
„Вставайте, оковы распались", Хомякова. 514.
„Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями", Гоголя. 537, 546.
„Вѣстникъ Европы". 535 — 545, 547.
„Вѣчный Мужъ". 63.
Габоріо. 59.
Гартманъ. 149.
Гегель. 355.
Гейне. 13.
Гельвецій. 339.
Герценъ. 22, 35, 36, 45, 224, 251, 403, 423, 473, 474.
Гоголь. 100, 103, 140, 174, 427, 529, 537, 538, 546.
Головинъ, К. 115—120.
„Голосъ", газ. 397.
Гончаровъ. 237.
Градовскій, А. 525 — 535, 537, 541, 543.
„Гражданинъ". 12, 13, 29, 31,

35, 48, 52, 53, 54, 56, 72, 77, 79, 82, 471, 472.
Грановскій. 251, 373, 423.
Григорьевъ, Ап. 52.
Гризингеръ. 16, 281.
„Грѣхъ и Покаяніе", легенда Аѳанасьева. 44.
Гуцковъ, Карлъ. 119.
Гюго, Викторъ. 120.
Данте. 356.
„Дантовъ Адъ". 84.
„Двойникъ". 54, 437.
„Декамеронъ", Боккачіо 14.
„Дневникъ Писателя". 13, 14, 29, 31, 33, 35, 36, 38, 39, 53, 77, 82, 113, 148, 163, 360, 427, 428, 474, 480, 512, 537, 544, 546.
Диккенсъ. 253, 466.
Діонисъ. 330, 340, 500.
Добролюбовъ. 100, 426, 476.
„Довольно", Тургенева. 372.
Донъ Кихотъ. 16, 17.
Доре, Густавъ. 84.
„Достоевскій какъ психопатологъ", В. Чижа. 279, 397, 507.
Дрозъ. 59.
„Дѣло", журн. 51, 237, 374, 397, 424, 438, 476, 511, 520—525.
„Дѣтскій Садъ", журн. 460—465.
„Дядюшкинъ Сонъ". 506.
Евангеліе. 100, 266, 267, 307, 334, 387, 472, 473.
Евгеній Сю. 119, 153.
Евгеньевъ. 49.
„Ежени Гранде", Бальзака. 222.
Жанъ-Жакъ Руссо. 196.
Жоржъ Сандъ. 119, 253, 423.
Жюль Фавръ. 19.
„Записки Сумасшедшаго", Гоголя. 54.
„Записки изъ подполья". 195.
„Записки Охотника", Тург. 373.
„Записныя Книжки", Ѳ. М. Достоевскаго. 398—423.
Звѣревъ, Н. А. 159—163.
Ибсенъ. 311.
„Идіотъ". 17, 61, 63, 84, 85, 165, 285, 391, 428.
„Иллюстрированная Недѣля". 511.
Іоаннъ Богословъ. 123, 124, 219, 267, 322.
„Искра" журн. 81, 397.
Кабета. 129.
Кавелинъ. 547—552.
„Казнь Тропмана", Тург. 372.
Кантъ. 145, 336—339, 355.
Катковъ. 52, 537.
Карамзинъ. 474.
Каульбахъ. 98.
Кирѣевскій. 73.
„Кіевскій Телеграфъ". 511.
Ключниковъ. 15.
Коломенскій Кандидъ, псевдонимъ В. О. Михневича. 546.
Кольцовъ. 546.
Колумбъ. 276, 331.
Коперникъ. 270, 271.
Коранъ. 494.
„Корсаръ", Байрона. 120.
Кошелевъ, А. 512—520.
„Крестный Отецъ", легенда Аѳанасьева. 44.
Крестовскій. 60.
„Кризисъ западной философіи", Вл. Соловьева. 150.
„Критика чистаго разума", Канта. 334, 336, 337.
„Критическія Бесѣды", статья Е. Маркова. 83, 152, 251, 272, 370, 376.
„Крокодилъ въ Пассажѣ". 53.
Кругловъ. 547.
„Кто Виноватъ". 527.
Кузенъ. 410.
„Л. Толстой и Достоевскій", Д. Мережковскаго. 193, 328, 480, 493.
Леонардо да-Винчи. 332.
Лермонтовъ. 193, 195, 196, 546.
„Литературныя Попури," статья Ткачова. 424.

„Литературныя и журнальныя замѣтки“, И. Михайловскаго. 11.
Лѣсковъ. 55, 479.
Лютеръ. 355.
Мальтусъ. 405.
Марковъ, Е. 83—99, 152—159, 251—259, 272—277, 370—374, 376—377.
„Матеріалы къ роману *Бѣсы*“, О. М. Достоевскаго. 398—423.
Мебіусъ. 286.
Мережковскій, Д. С. 193—212, 328—345, 480—490, 493—506.
„Мертвый Домъ“. 14, 52, 53, 55, 56, 80, 82, 85.
„Мечта“. Хомякова. 514.
Мещерскій, кн. 13, 52, 55.
Микель-Анджело. 356.
Миллеръ, О. 100—115, 472—480.
Мильтонъ. 85.
Михайловскій, Н. 11—50, 547.
Михайловъ, П. 129, 130, 131.
Моленотъ. 338.
„Московскія Вѣдомости“. 512, 525.
„Мы родъ избранный“, Хомякова. 514.
Наполеонъ. 196, 285, 500.
„Народныя русскія легенды“, Аѳанасьева. 43.
„Недѣля“. 80.
Некрасовъ. 33, 35, 40, 251.
„Некуда“, Лѣскова. 56.
Неронъ. 369.
Нечаевъ. 126, 128—132, 137, 138.
Никитинъ, П., псевдонимъ П. И. Ткачова. 51, 78, 237, 374, 424, 460, 511.
Ницше, Фридрихъ. 123, 148—150, 174, 193, 199, 220, 284, 286, 288, 294, 304, 311, 313, 314, 328—334, 336—341, 343, 344, 345, 355, 489.
„Новое Время“. 397, 511.
„Новороссійскій Телеграфъ“. 511.
„Новости“. 479, 511, 545, 546.
„Новый Путь“, журн. 145, 283.
„Новь“, ром. Тург. 93.
„Общественная психологія въ романѣ“, статья В. Авсѣенко. 1, 151, 231, 269, 277, 346, 363.
„Общественное самосознаніе въ русской литературѣ“, А. Введенскаго. 120, 490.
Общество любителей россійской словесности. 512.
„О дарящей добродѣтели“, Ницше. 294.
„Одесскій Вѣстникъ“. 397, 511.
„Орелъ“, стих. Хомякова. 514.
„Островъ“, стих. Хомякова. 514.
„Отечественныя Записки“. 11, 48, 424, 471, 476.
„Отзывъ по поводу слова, сказаннаго О. М. Достоевскимъ на Пушкинскомъ торжествѣ“, статья А. Кошелева. 512.
„Отцы и Дѣти“, Тург. 93.
Павелъ, апостолъ. 307, 352, 531.
„Парижскія Тайны“. 152.
„Пиковая Дама“. 486.
Писемскій. 4. 237.
Платонъ, филос. 128.
„Подростокъ“. 212, 424—511.
Полежаевъ. 491.
„По поводу рѣчи О. М. Достоевскаго“, А. Градовскаго. 525.
„По ту сторону добра и зла“, Ницше. 148.
Праховъ. 13.
„Преступленіе и Наказаніе“. 4, 14, 17, 18, 21, 56, 61, 63, 82, 85, 115, 120, 165, 424, 426, 428, 433, 478, 482, 490, 506.
„Призраки“, Тург. 372.
Пушкинъ. 27, 100, 101, 102, 104, 120, 140, 158, 161, 174, 483, 504, 512—514, 518—521, 525—529, 535, 536, 539, 546.
„Пушкинскій юбилей и рѣчь Достоевскаго“, статья О. П. 520.
„Пчела“, журн. 511.

Радищевъ. 240.
Рафаэль. 98, 102, 264, 265.
Ренанъ. 47, 403.
„Республика“, Платона. 128.
„Романистъ-психіатръ“, Е. Маркова. 152, 251, 272, 370, 376.
„Россія“, Хомякова. 514.
„Рудинъ“. 527.
„Русская Бесѣда“. 251.
„Русская Мысль“. 512.
„Русская рѣчь“. 83, 152, 272, 370, 376.
„Русскій Вѣстникъ“. 1, 52, 82, 110, 151, 231, 260, 269, 277, 279, 346, 363, 397, 468, 476, 507.
„Русскій Міръ“. 81, 397, 511.
„Русскіе писатели послѣ Гоголя“, О. Миллера. 100, 472.
„Русскій романъ и русское общество“, К. Головина. 115.
Руссо. 128, 196, 285.
„Русь“, журн. 108, 159.
„Рѣчь Ѳ. М. Достоевскаго объ А. С. Пушкинѣ“. 512.
Савонаролла. 311, 356.
„С.-Петербургскія Вѣдомости“. 79, 397, 466—468, 511.
де-Садъ, Маркизъ. 9, 30, 202, 379.
Сандъ-Жоржъ. 119, 253, 423.
Сикстинская Мадонна. 29, 260, 262, 263, 265.
„Сіяніе“, журн. 81—83.
Sine ira, псевдонимъ Вс. Соловьева. 79.
„Скупой Рыцарь“. 482, 483.
„Смерть Ивана Ильича“, Л. Толстого. 479.
Смирнова, писат. 459.
Сократъ. 311.
Соловьева, Вл. 150.
Соловьевъ, Вс. 79—81.
Стебницкій. 15, 52.
Страховъ, Н. 47, 52, 398, 474.
„Сынъ Отечества“. 397, 511.
Сѣченовъ. 547.
Сю, Евгеній. 119, 153.
Татаринова. 14, 25.
Тертулліанъ. 181.
„Типъ Кириллова у Достоевскаго“, статья Н. Вернера. 145, 283.
„Тифлисскій Вѣстникъ“. 511.
Ткачовъ. Н. Н. 51—78, 237—250, 374—376, 424—460.
Толстой, Л. Н. 96, 99, 205, 311, 340, 345, 479, 489, 500.
Тургеневъ. 63, 92, 93, 120, 142, 237, 256, 257, 259, 372, 420, 423, 475, 529.
„Тысяча Душъ“, Писемскаго. 5.
„Униженные и Оскорбленные“. 110, 426, 431, 434, 491.
„Фаустъ“. 233.
Фетъ. 54.
Фихте. 355.
„Фіеско“, Шиллера. 120.
Фурье. 128, 129, 141.
Хомяковъ, А. С. 73, 514.
Цицеронъ. 270, 271.
Чаадаевъ. 251, 546.
Чернышевскій. 262.
Чечотъ. 431.
Чижъ, Вл. 279—282, 364—370, 397, 506—511.
„Что Дѣлать“, ром. Чернышевскаго. 262.
Чуйко, В. 545—552.
Шекспиръ. 99, 102, 264, 265, 270, 271.
Шеллингъ. 355.
Шиллеръ. 120.
Шопенгауэръ. 149, 355.
Шпильгагенъ. 119.
Щедринъ. 106, 547.
„Эпоха“. 52.
„Эрнани“, В. Гюго. 120.
„Юрій Милославскій“. 54.
„Ѳ. М. Достоевскій“, А. Волынскаго. 121, 163, 212, 260, 305, 347, 378.

„БѢСЫ“.

(1871 г. *)

**) Въ образованіи гражданскихъ обществъ, какъ и во всякомъ историческомъ процессѣ, неизбѣженъ извѣстный осадокъ, въ которомъ скопляются единицы, выдѣляющіяся изъ общихъ формъ жизни, такъ точно, какъ въ химическомъ процессѣ осѣдаютъ на стѣнкахъ сосуда частицы, неспособныя къ химическому соединенію. Объемъ и злокачественность такого осадка обыкновенно увеличивается въ періоды общаго броженія, когда предложенныя къ рѣшенію задачи колеблютъ общественную массу и нарушаютъ спокойное равновѣсіе, въ которомъ она пребывала многіе годы. Въ такія эпохи, подъ видимыми, исторически образовавшимися общественными слоями, накопляется особый подпольный слой, обыкновенно враждебно расположенный къ устроившемуся надъ нимъ общественному организму, и во всякомъ случаѣ совершенно чуждый историческимъ формамъ жизни, подлѣ которой онъ накопился въ прахѣ, представляя собою патологическій наростъ на живомъ тѣлѣ.

Общественное подполье, о которомъ мы говоримъ, образуется не изъ какого-либо опредѣленнаго и однороднаго матеріала. Оно составляется изъ всѣхъ сословій: въ немъ сходятся люди всякаго разбора, зараженные недугомъ полуобразованія. «Полунаука, говоритъ авторъ соціальнаго романа, заглавіе котораго приведено нами впереди этой статьи.

---

*) Первоначально помѣщенъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1871 г., въ книгахъ: 1—2, 4, 7, 9—12; и за 1872 г. въ книгахъ 11—12.

**) (А). В. Авсѣенко. „Общественная психологія въ романѣ“. „Русскій Вѣстникъ“ 1873 г., № 8.

самый страшный бичъ человѣчества, хуже мора, голода и войны, неизвѣстный до нынѣшняго столѣтія. Полунаука это деспотъ, какихъ еще не приходило никогда. Деспотъ, имѣющій своихъ жрецовъ и рабовъ, деспотъ, предъ которымъ все преклонилось съ любовью и съ суевѣріемъ, до сихъ поръ немыслимымъ, предъ которымъ трепещетъ даже сама наука и постыдно потакаетъ ему».

Полунаука, полуобразованность, есть именно та сила, которая выбрасываетъ изъ гармоніи жизни отдѣльныя единицы, и вмѣстѣ служитъ связующимъ звеномъ, объединяющимъ эти единицы въ форму общественнаго подполья. Чтобы разъ навсегда ясно опредѣлить предметъ нашей рѣчи, мы должны сказать, что подъ общественнымъ подпольемъ мы разумѣемъ именно *подполье нашей интеллигенціи*, наносный слой, созданный у насъ пролетаріатомъ полуобразованности и вербующій свой контингентъ среди осадковъ образованныхъ классовъ. Все, что потеряло связь съ установившимися формами жизни; что враждебно имъ, что не находитъ себѣ мѣста въ гармоніи историческаго порядка, уходитъ въ подполье, пронизываетъ народный организмъ злокачественными элементами, непримѣтно, но дѣятельно содѣйствующими его разложенію. У насъ, при извѣстной рыхлости нашего общественнаго порядка, выдѣленіе наноснаго слоя происходитъ внѣ всякихъ соціальныхъ причинъ, и есть всего чаще—простое искривленіе мысли, пораженной недугомъ полуобразованности. Нашъ умственный пролетаріатъ возникаетъ не изъ того, чтобъ обиліе интеллигентныхъ силъ превышало у насъ запросъ, предъявляемый на нихъ жизнью, а изъ внутренней несостоятельности нашего образованія. Такъ точно у насъ есть мѣстности, въ которыхъ рабочее сословіе поражено безысходною нищетою — не потому, чтобъ эти мѣстности страдали излишествомъ рабочихъ рукъ, но вслѣдствіе собственной несостоятельности рабочаго класса, пораженнаго отсутствіемъ трезвости, экономіи и образованія.

Въ этомъ смыслѣ, подполье нашей интеллигенціи есть явленіе вполнѣ патологическое, порожденное безпочвенностію нашей цивилизаціи отъ вчерашняго числа и язвою

полуобразованности. Каждый новый моментъ нашего развитія отзывается глухимъ броженіемъ и нерѣдко приводитъ къ тѣмъ сатурналіямъ мысли, съ которыми намъ приходится знакомиться на страницахъ нашей уголовной лѣтописи, и которыя съ такою художественною глубиною раскрыты и изображены во многихъ романахъ г. Достоевскаго. Самые дикіе силлогизмы, самыя уродливыя искаженія мысли и морали находятъ себѣ мѣсто въ этой больной средѣ, приводя мало-по-малу къ окончательному извращенію ума и человѣческой природы...

Писатель, котораго мы назвали и послѣднему произведенію котораго предполагаемъ посвятить эту статью, по свойствамъ своего оригинальнаго таланта особенно чутокъ къ этимъ болѣзнямъ ума, къ этимъ психическимъ недугамъ нашего страннаго времени. Подпольный міръ интеллигенціи нашелъ въ немъ своего сатирика-поэта, соединившаго глубину наблюдающей и анализующей мысли съ замѣчательною силою художественнаго изображенія. Никому изъ нашихъ беллетристовъ не близокъ до такой степени этотъ уклонившійся отъ нормальныхъ путей жизни міръ нашего общественнаго подполья, эти больныя натуры, которыхъ, по выраженію одного изъ дѣйствующихъ лицъ романа *Бѣсы*, «съѣла идея», и которые съ своимъ психическимъ недугомъ стоятъ на чертѣ, отдѣляющей здороваго человѣка отъ помѣшаннаго. Душевная патологія этой категоріи людей изучена г. Достоевскимъ въ совершенствѣ и составляетъ ему одному принадлежащую область въ нашей беллетристикѣ, его литературную собственность. Свойства таланта этого писателя таковы, что нормальная, здоровая жизнь, ежедневная дѣйствительность, обыкновенно исчезаютъ изъ сферы его наблюденій, заслоняясь изображеніями и анализомъ ненормальныхъ явленій, въ чемъ онъ особенно силенъ. Талантъ такого рода долженъ чувствовать себя совершенно въ своей области, какъ скоро онъ спускается въ наше умственное подполье, куда почти не проникаетъ ясный дневной свѣтъ, гдѣ всѣ предметы представляются при блѣдномъ, искусственномъ, полуфантастическомъ освѣщеніи. Особенная нервность и лихора-

дочность, присущая таланту г. Достоевскаго, какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ искаженностью этой жизни. Свою силу въ этой совершенно особенной области г. Достоевскій обнаружилъ еще въ романѣ *„Преступленіе и Наказаніе“*, прочитанномъ всей Россіей и стоящемъ совершенно уединенно въ нашей литературѣ. Мастерское и полное глубины изображеніе нравственнаго недуга, приводящаго героя этого романа къ безсмысленному преступленію, которое онъ впослѣдствіи искупаетъ раскаяніемъ и возрождается къ новой жизни — обнаружило въ авторѣ особенную чуткость къ болѣзненнымъ явленіямъ духа, носящимся въ воздухѣ, какъ бы въ видѣ какой-то новой эпидеміи и поражающимъ слабые субъекты недугомъ тенденціознаго помѣшательства.

Въ романѣ «Бѣсы» г. Достоевскій раздвинулъ рамки своихъ наблюденій, и отъ анализа больной человѣческой натуры перешелъ къ анализу больного общества, обобщая патологическія явленія до степени *болѣзни вѣка*. Идея романа «Бѣсы» прозрачно выразилась въ знаменательномъ эпиграфѣ, взятомъ авторомъ изъ Евангелія отъ Луки... Идея эта приводитъ романъ въ связь съ общимъ направленіемъ нашей современной беллетристики, задавшейся разработкою общественныхъ темъ и изученіемъ нашего положенія съ отрицательной стороны его... Мы уже разсмотрѣли рядъ произведеній общественнаго характера, принадлежащихъ перу г. Писемскаго, и видѣли, какъ полно и живо отразилась въ нихъ одна изъ отрицательныхъ сторонъ нашего положенія. Романъ «Бѣсы» исчерпываетъ другую сторону той же литературно-общественной задачи. «Всѣ язвы, всѣ міазмы, вся нечистота, всѣ бѣсы и всѣ бѣсенята, накопившіеся въ великомъ и миломъ нашемъ больномъ, въ нашей Россіи» — это въ сущности почти то же, что «вся ложь русской жизни», отразившаяся въ *„Взбаламученномъ Морѣ“* и въ позднѣйшихъ произведеніяхъ г. Писемскаго. Но талантъ г. Достоевскаго, въ извѣстномъ смыслѣ, прямо противоположный таланту г. Писемскаго, подошелъ къ предмету своей художественной сатиры съ совершенно другой стороны. Для такого крайняго реалиста, каковъ

авторъ *„Тысячи Душъ“* и *„Взбаламученнаго Моря“*, ложь современной русской жизни, или, лучше сказать, движенія, охватившаго наше общество съ шестидесятыхъ годовъ, представилась въ практическихъ отклоненіяхъ отъ здраваго смысла и морали, и эти отклоненія онъ воспроизвелъ въ живыхъ, реальныхъ типахъ, взятыхъ имъ въ ихъ житейскихъ столкновеніяхъ. Г. Достоевскій, съ его способностью наблюдать и анализовать преимущественно болѣзненныя явленія человѣческой души, задался выслѣдить роковое вліяніе новыхъ идей на слабый умъ и тѣ нравственныя изъязвленія, какія извращеніе этихъ идей производитъ въ жалкихъ, внутренно несостоятельныхъ натурахъ, пораженныхъ безсиліемъ и безплодіемъ полуобразованности. Его романъ представляетъ полное изученіе любопытнаго психологическаго вопроса, поставленнаго въ связи съ нашимъ соціальнымъ положеніемъ и со всею суммою нравственныхъ недуговъ, которыми заражена извѣстная часть нашего общества.

Фабула романа «Бѣсы» отчасти какъ будто позаимствована изъ пресловутаго Нечаевскаго дѣла. Оговоримся, что для цѣли, предположенной нами въ настоящей статьѣ, это обстоятельство не имѣетъ никакого значенія. Авторъ воспользовался своимъ матеріаломъ совершенно художественно, взявъ изъ него то, что подходило къ его литературной задачѣ, и обработалъ эти крупныя детали сообразно идеѣ и плану своего произведенія. Выборъ фабулы былъ, конечно, подсказанъ ему тою очевидностью, въ какой Нечаевское дѣло представлялось самымъ характернымъ дѣломъ нашего подполья, наиболѣе отразившимъ на себѣ роковыя искаженія мысли и человѣческой натуры и всѣ симптомы нравственнаго недуга, которымъ пораженъ этотъ темный міръ. Нечаевцы, безъ сомнѣнія, цѣликомъ шли изъ подполья нашей интеллигенціи, и могутъ быть признаны самыми яркими его представителями, по крайней мѣрѣ, въ тотъ періодъ его существованія, въ какомъ оно было застигнуто судебнымъ процессомъ... Среда эта еще очень мало разработана нашею литературой, и г. Достоевскій едва ли не первый обособилъ ее въ своихъ наблюденіяхъ и изучилъ

ее въ той замкнутости, въ томъ уединеніи среди волнующейся кругомъ ея обыденной, практической жизни, которая и составляетъ главную особенность этого общественнаго слоя. Задача была не легкая; только углубляясь вмѣстѣ съ авторомъ въ темныя дебри этого подполья, чувствуешь, сколько трудностей приходилось преодолѣть, чтобы помощью художественнаго освѣщенія заставить выступить изъ мрака самыя темныя извилины этого подпольнаго міра. Сначала странныя, неестественныя краски, которыми авторъ рисуетъ избранную имъ среду, криволинейность изображеній, рѣзкіе тоны, напоминающіе фантасмагорію—ставятъ читателя въ нѣкоторое недоумѣніе. Кажется, будто авторъ ошибкою взялъ фальшивый тонъ и опасается за правильность раздвигающейся дальше и дальше перспективы. Но чѣмъ болѣе подвигается дѣйствіе романа, чѣмъ болѣе накопляется на полотнѣ самыхъ удивительныхъ красокъ и контуровъ, тѣмъ яснѣе начинаешь сознавать, что въ этомъ случаѣ сама жизнь, въ ея подпольныхъ извилинахъ, нарядилась въ противоестественныя краски и изломала свои нормальные пути и очертанія. Мало-по-малу убѣждаешься, что тонъ дѣйствительно взятъ нестерпимо-фальшиво, но не въ романѣ, а въ самой жизни, выступившей изъ своихъ законныхъ формъ и безмѣрно удалившейся отъ своего обычнаго русла. Чувствуешь все безобразіе этой жизни, все уродство этихъ недужныхъ, нравственно-искалѣченныхъ организацій, и сознаешь, что тѣмъ не менѣе авторъ изображаетъ дѣйствительность подпольную.

Главный характеристическій признакъ этой среды, даже вся ея суть заключается, мы сказали, въ ея совершенномъ удаленіи отъ нормальныхъ путей жизни. Въ кружкѣ, который описываетъ авторъ, собрались единицы изъ самыхъ различныхъ общественныхъ слоевъ: тутъ и сынъ аристократки Варвары Петровны, и сынокъ Степана Трофимовича, и вышедшій изъ крѣпостного званія Шатовъ, и инженеръ Кирилловъ, и отставной капитанъ Лебядкинъ, и молоденькій офицерикъ Эркель, и неизвѣстно изъ какого званія и состоянія вышедшіе Толкаченко, Шигалевъ, Виргинскій. Но есть нѣчто общее, родовое, роднящее ихъ всѣхъ

до такой степени, что даже всѣ они говорятъ почти однимъ и тѣмъ же языкомъ, именно языкомъ полуобразованнаго подполья, какимъ, кромѣ ихъ, не говоритъ ни одинъ живой человѣкъ. Эта, повидимому, второстепенная черта составляетъ однако весьма существенный признакъ этой среды, и очень послѣдовательно выдержана авторомъ. Только въ сторонѣ отъ дѣйствительной жизни, въ полуобразованномъ захолустьѣ, внѣ всякихъ общественныхъ связей и соприкосновеній, могъ выработаться этотъ жаргонъ, отчасти носящій на себѣ отпечатокъ нѣкотораго, впрочемъ, весьма умѣреннаго, обращенія съ книжной литературой, и въ то же время своею грамматическою неряшливостью какъ бы выражающій величавое презрѣніе подпольной среды къ выработаннымъ формамъ... русскаго синтаксиса. Совершенная непривычка къ такъ-называемому обществу выразилась въ этой чертѣ такъ же рельефно, какъ и во всемъ складѣ подпольнаго міросозерцанія и житья-бытья. Синтаксическая неряшливость подпольнаго языка чувствуется даже самими обитателями подполья, такъ что они безпрестанно поправляютъ другъ друга въ разговорахъ, подсказываютъ выраженія—какъ бы не сознавая, что поправившій одно нелѣпое выраженіе за минуту предъ тѣмъ сказалъ другое, столь же нелѣпое. Разъ одинъ изъ индивидуумовъ этого кружка даже спросилъ другого, Кириллова: не оттого ли онъ такъ странно выражается, что долго жилъ за-границей? — И Кирилловъ, удивленный такимъ вопросомъ, отвѣчаетъ въ раздумьи: «нѣтъ, не потому, что за-границей. Я всегда такъ; я привыкъ». А задавшій такой вопросъ и не подозрѣваетъ, что самъ онъ выражается ничуть не лучше Кириллова. Эта особенность подпольнаго языка, нестрящаго всѣ страницы романа и вредящаго индивидуальности дѣйствующихъ лицъ, нагоняетъ на читателя значительную скуку, но вмѣстѣ съ тѣмъ она много помогаетъ тому почувствованью изображенной среды, которое непремѣнно выносится изъ романа. Среда эта тѣмъ и отличается, что, при неизбѣжномъ различіи характеровъ, удаленіе ихъ отъ обычныхъ нормъ жизни кладетъ на всѣхъ чрезвычайно яркій специфическій отпечатокъ.

Въ неряшливости рѣчи отпечатывается не только неряшливость мысли, но и весь практическій складъ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, трудно даже въ низшихъ подонкахъ человѣческаго общества найти столько нравственнаго и житейскаго разгильдяйства, сколько заключается его въ жизни и нравахъ интеллигентнаго подполья. Эта дикая богема, раскинувшая свой шатеръ на стогнахъ губернскаго города, чуждается самыхъ элементарныхъ законовъ общежитія. Потасовки и пощечины сопровождаютъ чуть не каждую встрѣчу членовъ этого союза, при чемъ получившій оплеуху и давшій ее смотрятъ на эту маленькую случайность такъ точно, какъ если бъ одинъ изъ нихъ высморкался въ носовой платокъ. Они говорятъ другъ другу «мерзавецъ» и «подлецъ» такъ же спокойно, какъ другіе говорятъ «здравствуйте»; но при этомъ щепетильны и обидчивы до послѣдней степени, и въ душѣ страстно ненавидятъ и презираютъ другъ друга. Они ведутъ самую свинскую жизнь, съ какимъ-то сладострастіемъ погружаясь въ грязь, которой не только не замѣчаютъ, но скорѣе даже находятъ въ ней «новую, вчера лишь открытую красоту». Тѣ изъ нихъ, которые по своему происхожденію принадлежатъ къ болѣе порядочному обществу, почти съ наслажденіемъ и словами и поступками стараются доказать, что разорвали всякую связь съ этимъ обществомъ, и ежеминутно какъ бы хвастаютъ своимъ переселеніемъ изъ болѣе верхнихъ ярусовъ въ подполье. И они правы, потому что въ той зараженной средѣ, въ которой и ради которой они дѣйствуютъ, нравственное и общественное паденіе человѣка привѣтствуется какъ величайшее торжество надъ историческими предразсудками. Эти недужныя организаціи находятъ какое-то сладострастное наслажденіе въ попраніи всего того, что выше заурядnаго, плоскаго уровня. Грязь выступаетъ поразительнѣе, когда ея касаются бѣлыя руки. «Ставрогинъ, вы красавецъ!» восклицаетъ въ *Бѣсахъ* молодой Верховенскій въ какомъ-то упоеніи: «знаете-ли, что вы красавецъ! Въ васъ всего дороже то, что вы иногда про это не знаете. О, я васъ изучилъ: я на васъ часто сбоку, изъ-за угла гляжу! Въ васъ даже

есть простодушіе и наивность, знаете ли вы это? Еще есть, есть! Вы, должно-быть, страдаете и страдаете искренно отъ того простодушія. Я люблю красоту, я нигилистъ, но люблю красоту. Развѣ нигилисты красоту не любятъ? Они только идоловъ не любятъ, ну, а я люблю идола! Вы мой идолъ! Вы никого не оскорбляете, и васъ всѣ ненавидятъ; вы смотрите всѣмъ ровней, и васъ всѣ боятся, это хорошо. Къ вамъ никто не подойдетъ васъ потрепать по плечу. Вы ужасный аристократъ. *Аристократъ, когда идетъ въ демократію, обаятеленъ!*» Такъ устами одного изъ своихъ героевъ авторъ высказываетъ чрезвычайно тонко подмѣченную черту—одинъ изъ тѣхъ позорныхъ инстинктовъ развращенной природы, который играетъ не послѣднюю роль въ сцѣпленіи человѣческихъ единицъ, населяющихъ подполье... Въ другомъ мѣстѣ авторъ еще яснѣе заставляетъ звучать этотъ самый мотивъ въ психологической гаммѣ, которую онъ разыгрываетъ въ своемъ романѣ. «Правда-ли, что вы, спрашиваетъ Шатовъ у Ставрогина, принадлежали въ Петербургѣ къ скотскому сладострастному секретному обществу? Правда ли, что маркизъ де-Садъ могъ бы у васъ поучиться? Правда ли, что вы заманивали и развращали дѣтей?.. Правда ли, будто вы увѣряли, что не знаете различія въ красотѣ между какою-нибудь сладострастной звѣрской штукой и какимъ угодно подвигомъ, хотя бы даже жертвою жизни для человѣчества? Правда ли, что вы въ обоихъ полюсахъ нашли совпаденіе красоты, одинаковость наслажденія?» Шатовъ переходитъ затѣмъ къ женитьбѣ Ставрогина на полоумной, хромой сестрѣ капитана Лебядкина: «Знаете ли, почему вы тогда женились такъ позорно и подло? Именно потому, что тутъ позоръ и безсмыслица доходили до геніальности! О, вы не бродите съ краю, а смѣло летите внизъ головою. Вы женились по страсти къ угрызеніямъ совѣсти, по сладострастію нравственному. Тутъ былъ первый надрывъ... Вызовъ здравому смыслу былъ уже слишкомъ прельстителенъ! Ставрогинъ и плюгавая, скудоумная, нищая хромоножка! Когда вы прикусили ухо губернатору, чувствовали вы сладострастіе? чувствовали? Праздный, шатающійся барченокъ, чувство-

вали?» Если бы порокъ въ его обыкновенной формѣ былъ исключительною дѣйствующею силою въ этихъ подпольныхъ натурахъ, если бы грязь, въ которой онѣ копошатся съ какимъ-то почти сладострастнымъ упоеніемъ, была результатомъ нищенства, этотъ подпольный міръ мало отличался бы отъ обыкновенныхъ трущобъ, въ какихъ скопляются отребья человѣческаго общества. Но это особый продуктъ нравственнаго и умственнаго недуга, который и есть настоящій герой романа. Не Ставрогинъ, не Верховенскій, не Шатовъ и не Кирилловъ—выражаютъ собою идею послѣдняго произведенія г. Достоевскаго. Настоящій герой его есть, какъ мы сказали, психическая гангрена, заразившая весь этотъ подпольный муравейникъ, всѣ эти недужныя организаціи. Еще въ романѣ «*Преступленіе и Наказаніе*» Раскольниковъ убиваетъ и грабитъ старуху не для того, чтобы на разграбленныя деньги доставить себѣ извѣстную сумму личныхъ удовольствій, матеріальнаго комфорта; онъ совершаетъ преступленіе потому, что мечтаетъ осуществить этимъ способомъ идею общаго блага, потому что эта *идея съѣла его*—какъ выражается одно дѣйствующее лицо въ новомъ романѣ того же автора. Въ этомъ смыслѣ Раскольниковъ есть истинный родоначальникъ Шатовыхъ, Кирилловыхъ, Шигалевыхъ, всѣхъ этихъ малыхъ бѣсовъ, свившихъ свое гнѣздо подлѣ стараго бѣса, Степана Трофимовича. Ихъ всѣхъ *заѣла идея*, и про каждаго изъ нихъ можно сказать то самое, что сказано авторомъ про Шатова; «Это было одно изъ тѣхъ идеальныхъ русскихъ существъ, которыхъ вдругъ поразитъ какая-нибудь сильная идея, и тутъ же разомъ точно придавитъ ихъ собою, иногда даже навѣки. Справиться съ нею они никогда не въ силахъ, а увѣруютъ страстно, и вотъ вся жизнь ихъ проходитъ потомъ какъ бы въ послѣднихъ корчахъ подъ свалившимся на нихъ и на половину совсѣмъ уже раздавившимъ ихъ камнемъ». Эти-то корчи подъ раздавившею ихъ «идеею» и производятъ ту изумительную умственную и нравственную сатурналію, которая составляетъ внутреннее содержаніе романа, и всѣ эти Ставрогины, Верховенскіе, Кирилловы, Шигалевы — постоянно

носятся съ извѣстной идеей, пребываютъ въ непрерывномъ процессѣ умственной работы, въ страстномъ напряженіи мысли, приводящемъ однихъ къ умопомѣшательству, другихъ къ отвратительному преступленію. Что-то, когда-то очень давно запало въ ихъ мозгъ и безпрерывно дѣйствуетъ тамъ и держитъ ихъ въ состояніи умственной придавленности. У Кириллова эта напряженная, изнурительная возня съ идеей приводитъ къ нелѣпѣйшей философской системѣ; у Шигалева она создаетъ соціально-политическую теорію, требующую для своего осуществленія милліонъ голосовъ; Ставрогина и Верховенскаго она бросаетъ въ сладострастіе разврата, низводитъ ихъ на ту послѣднюю ступень скотства, когда въ человѣкѣ пробуждается совершенно животная жажда крови; Шатова она совершенно измочаливаетъ, превращаетъ въ глубоко несчастное существо, одичавшее и человѣко-ненавидящее, и вмѣстѣ способное растаять отъ малѣйшей ласки. Предъ читателемъ проходитъ рядъ лицъ, въ одинаковой степени сдѣлавшихся жертвою непосильной умственной задачи, фанатиковъ идеи, кривыми путями внѣдрившейся въ слабосильный мозгъ. Читатель какъ бы присутствуетъ въ клиникѣ нравственныхъ и душевныхъ болѣзней и читаетъ надъ изголовьями паціентовъ ихъ скорбные листы.

В. Авсѣенко.

* * *

*) Когда стало извѣстнымъ, что г. Достоевскій дѣлается отвѣтственнымъ редакторомъ «Гражданина», «органа русскихъ людей, стоящихъ внѣ всякой партіи», многіе были этимъ обстоятельствомъ заинтересованы. Интересовался и я. Мнѣ было прежде всего обидно за г. Достоевскаго. Если бы у «органа русскихъ людей, стоящихъ внѣ всякой партіи», какъ онъ обрисовался за годъ своего существованія; если бы, говорю, у него были какія-нибудь опредѣленныя

*) Н. Михайловскій. „Литературныя и журнальныя замѣтки“. „Отечественныя Записки“ 1873 г., № 2. „Также „Сочиненія Н. К. Михайловскаго“.

идеи, то это были бы, повидимому, идеи весьма дикія, ни съ чѣмъ несообразныя. Въ такомъ случаѣ можно бы было даже радоваться, что ни съ чѣмъ несообразныя идеи отстаиваются неумѣло и бездарно. Вѣдь, хуже бы было если бы за такое дѣло взялся человѣкъ или очень ловкій, или очень талантливый. Но такое разсужденіе совершенно не примѣнимо къ «Гражданину». Никакихъ ясно опредѣленныхъ дикостей и несообразностей онъ не проповѣдывалъ, а былъ все время нѣкоторой кунсткамерой, хранилищемъ самыхъ разнообразныхъ антиковъ, монстровъ и раритетовъ, большею частью неважныхъ даже въ смыслѣ античности и монструозности. Такъ, шутовство какое-то было, въ сущности даже совсѣмъ невинное, насколько шутовство можетъ-быть невинно. Шутовство составляло именно цвѣтъ органа русскихъ людей, стоящихъ внѣ всякой партіи. Теперь въ Петербургѣ появились какія-то конфекты, называемыя «пуррируъ» (sic). Конфекты сами по себѣ просто скверныя, и соль или вѣрнѣе сладость ихъ состоитъ въ прилагаемыхъ къ нимъ билетикахъ. На билетикахъ напечатаны стишки, сами по себѣ не столько смѣшные, сколько неожиданные, и эта неожиданность-то и можетъ заставить иногда улыбнуться. Стишки тутъ собственно вовсе не «для смѣху», не pour rire, а просто «пуррируъ». Такъ вотъ такой-то газетой «пуррируъ» и былъ органъ русскихъ людей, стоящихъ внѣ всякой партіи. Издалъ напримѣръ «Гражданинъ» за лѣтніе мѣсяцы, въ которые онъ не выходилъ, сборникъ; на первой страницѣ второго тома этого сборника напечатано: «Посвящается подписчикамъ «Гражданина» въ знакъ благодарности и уваженія отъ издателя и редакціи». Очевидно это не для смѣха, это просто «пуррируъ». Или вотъ, напримѣръ, стихотвореніе:

О, я, несчастный Атласъ! Цѣлый міръ,
Міръ цѣлый мукъ и скорби я несу!
Невыносимую несу я ношу, сердце!
О, какъ еще не разорвешься ты!
О, сердце гордое! ты этого хотѣло!
Хотѣло счастья ты безмѣрнаго хотѣло
Или безмѣрнаго несчастья—сердце!
Пришло къ тебѣ—безмѣрное несчастье!

Это очевидно вовсе не для смѣха сдѣланный переводъ Гейне, это отрывокъ изъ обширнаго «пуррира» г. Прахова, печатавшагося въ прошломъ году въ «Гражданинѣ». А пурриры кн. Мещерскаго? Да всего и не перечтешь. И редакторомъ такой-то газеты «пурриръ» является вдругъ г. Достоевскій. Поневолѣ станетъ обидно за него, какъ за одного изъ талантливѣйшихъ современныхъ писателей. Что онъ Гекубѣ? Что она ему? Но затѣмъ является вопросъ: что сдѣлаетъ изъ «Гражданина» г. Достоевскій и сдѣлаетъ ли что-нибудь? Теперь, кажется, можно уже отвѣтить на этотъ вопросъ. Г. Достоевскій изъ «Гражданина» ничего не сдѣлаетъ, ничего или почти ничего. Правда, шутовской характеръ органа русскихъ людей, стоящихъ внѣ всякой партіи, постепенно ослабѣваетъ подъ вліяніемъ, надо думать, новаго редактора. Но богъ вѣсть къ добру ли это: шутовство именно и составляло до сихъ поръ цвѣтъ «Гражданина», и, лишаясь его, «Гражданинъ» обезцвѣчивается. А что получаетъ онъ взамѣнъ? Фельетоны г. Достоевскаго («Дневникъ Писателя»), которые, безъ сомнѣнія, читаются съ большимъ интересомъ. Но г. Достоевскій, писатель въ высшей степени своеобразный и однообразный, до такой степени своеобразный и однообразный, что для него едва ли возможно распространить свой духъ на всю пустыню «Гражданина». Онъ будетъ изображать собою нѣкоторый оазисъ среди этой пустыни, и больше отъ него ничего нельзя требовать.

Кстати о своеобразіи и однообразіи г. Достоевскаго. Я только на-дняхъ прочиталъ его послѣдній романъ «Бѣсы», уже въ отдѣльномъ изданіи, и по прочтеніи мнѣ пришелъ въ голову слѣдующій вопросъ: отчего г. Достоевскій не напишетъ романа изъ европейской жизни XIV—XVI столѣтія? Какое, вѣдь, тамъ обширное поприще представляется для его блестящаго психіатрическаго таланта (иначе я не могу назвать талантъ г. Достоевскаго). Всѣ эти бичующіеся, демономаны, ликантропы, всѣ эти макабрскіе танцы, пиры во время чумы и проч., весь этотъ поразительный переплетъ эгоизма съ чувствомъ грѣха и жаждой искупленія,—какая это была бы благодарная тема для г. До-

стоевскаго. Мнѣ почему-то вспомнился Декамеронъ, и я уже сравнивалъ игривыя и легкомысленныя арабески Боккаціо съ тѣмъ, какъ воспользовался бы этой темой г. Достоевскій. Но я очень быстро оборвалъ нить этихъ соображеній и едва не вскрикнулъ: «ахъ я телятина!» Съ какой въ самомъ дѣлѣ стати г. Достоевскому заниматься такимъ далекимъ временемъ и такими чужими дѣлами? Просто мнѣ глупость пришла въ голову. Какіе тутъ макабрскіе танцы и шабаши вѣдьмъ, съ чего? Это такъ. Но почему бы не воспользоваться г. Достоевскому такими моментами, какъ, напримѣръ, наше масонство? Можетъ-быть, изъ декабристовъ нашлись бы для него подходящія фигуры. Или вотъ, напримѣръ, «духовный союзъ» Татариновой или исторія Грабянки. Да и вообще царствованіе Александра I и начало царствованія Николая Павловича такъ и просятся подъ перо г. Достоевскаго. Если, наконецъ, и это для него слишкомъ отдаленное время, то онъ и нынче можетъ найти благодарнѣйшіе мотивы въ нѣкоторыхъ раскольничьихъ сектахъ, въ монастырской жизни, наконецъ, въ спиритизмѣ. Я видалъ всего одну только спиритку, но положительно говорю, что лучшаго матеріала г. Достоевскому не найти.

Однако, это становится любопытно. Какъ ни верти, а г. Достоевскій точно намѣренно обходитъ всѣ тѣ темы, которыя дали бы ему возможность развернуть свой блестящій талантъ. Скажутъ, можетъ быть, что перечисленныя темы требуютъ особаго, спеціальнаго изученія. Это правда. Но, спрашивается, изучалъ ли г. Достоевскій тѣ темы, которыя имъ эксплуатируются, и принадлежатъ ли онѣ фактически къ числу темъ, преимущественно для его таланта пригодныхъ? Небезынтересно разсмотрѣть это дѣло нѣсколько поближе. Замѣчу на всякій случай, что я очень уже давно читалъ старыя произведенія г. Достоевскаго, и только «Мертвый Домъ» помню съ достаточною отчетливостью. Матеріалы для моей бесѣды о г. Достоевскомъ ограничиваются «Преступленіемъ и Наказаніемъ», «Бѣсами» и «Дневникомъ Писателя». Было бы очень любопытно прослѣдить весь ходъ развитія идей и таланта г. Достоевскаго, но я долженъ отказаться отъ этой интереснойзадачи.

Можно съ различныхъ точекъ зрѣнія различно классифицировать многочисленныя дѣйствующія лица новаго романа г. Достоевскаго. Но я попробую раздѣлить ихъ на нѣсколько категорій съ точки зрѣнія отношенія къ нимъ г. Достоевскаго, *какъ писателя*, причемъ и выяснятся особенности его таланта.

Мы найдемъ въ «Бѣсахъ», во-первыхъ, нѣсколько фигуръ, сдѣланныхъ очень топорно и вовсе г. Достоевскому не принадлежащихъ. Это молодые люди, говорящіе: «нынче нѣтъ привидѣній, а естественныя науки»; дѣвушки, разъѣзжающія изъ города въ городъ, «чтобъ заявить о страданіяхъ несчастныхъ студентовъ и возбудить ихъ повсемѣстно къ протесту», и т. п. Эти шаблонные образы, играющіе въ романѣ послѣднюю роль, авторомъ не продуманы и не прочувствованы, а взяты на прокатъ у гг. Стебницкихъ и Ключниковыхъ. Нѣкоторое исключеніе впрочемъ составляютъ болѣе или менѣе самостоятельно отдѣланныя и потому болѣе или менѣе человѣкообразныя фигуры женъ Шатова и Виргинскаго. Всю эту группу г. Достоевскій окрещиваетъ именемъ «идеи, попавшей на улицу».

Затѣмъ идетъ рядъ образовъ, принадлежащихъ г. Достоевскому наравнѣ съ другими русскими беллетристами. Они разумѣется очень разнообразны по поэтической концепціи, по своей нравственной идеѣ, по роли занимаемой ими въ романѣ, и проч. Но я ихъ ставлю въ одну категорію потому, что всѣмъ имъ можно подыскать параллели въ произведеніяхъ другихъ нашихъ романистовъ, и всѣ они въ то же время суть самостоятельныя созданія г. Достоевскаго. Напримѣръ, типъ идеалиста сороковыхъ годовъ эксплуатировался у насъ весьма часто. Г. Достоевскій беретъ его, но беретъ съ нѣкоторыхъ новыхъ сторонъ и потому придаетъ ему свѣжесть и оригинальность, несмотря на избитость темы. Если бы я имѣлъ въ виду собственно критическій разборъ «Бѣсовъ», то я непремѣнно занялся бы этими поучительными параллелями. Но я пишу только замѣтки. Большая часть лицъ этой второй категоріи въ «Бѣсахъ» удачны, а нѣкоторыя даже превосходны. Если прекрасныя фигуры упомянутаго идеалиста сороковыхъ

годовъ, Степана Трофимовича Верховенскаго, и знаменитаго русскаго писателя Кармазинова, читающаго свой прощальный разсказъ Mercі,—впадаютъ мѣстами въ шаржъ, то фигуры супруговъ Лембке положительно безупречны.

Третья категорія для насъ самая интересная. Здѣсь группируются образы, составляющіе въ русской литературѣ исключительную собственность г. Достоевскаго. Такихъ довольно много въ «Бѣсахъ»: Ставрогинъ, Шатовъ, Петръ Верховенскій, Кириловъ, Шигалевъ. Общее между этими лицами то, что всѣ они находятся на границѣ нормальнаго и ненормальнаго состоянія духа. Всѣ они ведутъ странный образъ жизни, всѣ высказываютъ странныя мысли. Весьма важно, однако, замѣтить, что это не сумасшедшіе. Г. Достоевскій любитъ иногда рисовать и такихъ. Такъ въ «Бѣсахъ» есть намекъ на временное умопомѣшательство Ставрогина; есть сумасшедшая Лебядкина-Ставрогина, есть сходящій на глазахъ читателя съ ума Лембке. Но не въ этомъ состоитъ спеціальность г. Достоевскаго. Его любимые герои держатся на границѣ ума и безумія, нормальнаго и ненормальнаго состоянія воли. Это или люди, находящіеся въ сильно возбужденномъ состояніи, или мономаны, имѣющіе возможность сочинять и проповѣдывать весьма замысловатыя теоріи.

Гризингеръ въ своемъ сочиненіи о душевныхъ болѣзняхъ замѣчаетъ: «*Нѣкоторыя* поэтическія изображенія умалишенныхъ превосходны во многихъ чертахъ, взятыхъ съ натуры (Офелія, Лиръ, лучше всѣхъ Донъ Кихотъ); но такъ какъ поэтъ преставлялъ эти состоянія почти исключительно съ духовной стороны, какъ результатъ предшествовавшихъ столкновеній, выставляя только то, что могло служить ему для этой цѣли, и совершенно обходя органическое ихъ основаніе, то и описаніе его по крайней мѣрѣ односторонне». И далѣе: «Поэтическія и моралистическія представленія не только безполезны и теоретически ошибочны, но и положительно вредны въ практическомъ отношеніи. Они дали людямъ, не знающимъ дѣла, такія представленія о душевныхъ болѣзняхъ, которыя не имѣютъ даже и отдаленнаго сходства съ дѣйствительностью, и

когда представленія эти не соотвѣтствуютъ ей, у такого человѣка является сомнѣніе, дѣйствительно ли это душевная болѣзнь. Какъ наивно удивляются многіе посѣтители дома умалишенныхъ, представлявшіе себѣ его жителей совершенно иначе!» Таковы требованія психіатра. Но, конечно, они слишкомъ строги. Обыкновенный читатель не психіатръ и очень рѣдко эмпирическій психологъ, поэтому въ Донъ-Кихотѣ, напримѣръ, для него имѣютъ совершенно второстепенный интересъ тѣ именно черты, которыя съ психіатрической точки зрѣнія, можетъ-быть, особенно дороги, напримѣръ, галлюцинаціи ламанчскаго героя. Поэтому, называя выше талантъ г. Достоевскаго психіатрическимъ, я не то хотѣлъ сказать, чтобы имъ вѣрно изображались уклоненія разума и воли отъ нормальнаго состоянія. Объ этомъ я судить не могу. Думаю, что, какъ и всякому наблюдателю, интересующемуся извѣстнымъ кругомъ явленій, г. Достоевскому случается и дѣлать вѣрныя наблюденія и впадать въ фальшь. Но некомпетентность эта не мѣшаетъ мнѣ, какъ и всякому другому, судить о психіатрическихъ субъектахъ г. Достоевскаго съ эстетической и нравственной стороны. Донъ-Кихотъ занимаетъ меня какъ художественное произведеніе и какъ нравственный типъ, хотя бы я имѣлъ самыя смутныя понятія о процессахъ галлюцинацій и иллюзій. Литературная критика и голосъ толпы оцѣнили Донъ-Кихота задолго до психіатровъ.

Относительно г. Достоевскаго дѣло облегчается еще тѣмъ, что, несмотря на свою наклонность къ изображенію безумія, онъ рѣдко рисуетъ его только какъ процессъ. Въ большинствѣ случаевъ онъ рѣшаетъ при помощи своихъ психіатрическихъ субъектовъ какую-нибудь нравственную задачу и большею частью придаетъ рѣшенію мистическій характеръ. Онъ, если позволена будетъ нѣкоторая восточность метафоры, разыгрываетъ на струнахъ душевной болѣзни нравственно-политическіе мотивы. Въ «Бѣсахъ», какъ и въ «Преступленіи и Наказаніи», какъ, сколько помнится, и въ «Идіотѣ», онъ устраиваетъ цѣлые оркестры такого рода. Онъ дѣлаетъ это двояко. Либо онъ беретъ какой-нибудь психологическій мотивъ, напримѣръ, чувство

грѣха и жажду искупленія (мотивъ, его особенно интересующій), и заставляетъ его дѣйствовать въ образѣ. Вы видите, напримѣръ, что человѣкъ согрѣшилъ, его мучаетъ совѣсть, онъ налагаетъ, наконецъ, на себя какую-нибудь эпитемію и тѣмъ достигаетъ душевнаго спокойствія. Это одинъ пріемъ. Онъ былъ примѣненъ г. Достоевскимъ въ «Преступленіи и Наказаніи». Въ «Бѣсахъ» неудачную попытку этого рода представляетъ Ставрогинъ. Другой пріемъ состоитъ въ томъ, что измученному душевною болѣзнью человѣку влагается въ уста извѣстное разрѣшеніе какого-нибудь нравственнаго вопроса. Въ «Бѣсахъ», къ сожалѣнію, преобладаетъ второй пріемъ. Говорю: къ сожалѣнію, потому что пріемъ этотъ, очевидно, невыгоденъ въ художественномъ отношеніи. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ послѣдняго романа г. Достоевскаго говоритъ: «не я съѣлъ свою идею, а моя идея меня съѣла». Это могли бы сказать объ себѣ весьма многіе герои г. Достоевскаго. И это типъ, безъ сомнѣнія, въ высшей степени интересный и поучительный. Но одно дѣло показать его какъ типъ, какъ живой образъ, на глазахъ читателя дѣйствительно пожираемый своею идеею. И другое дѣло заставить человѣка безъ устали проповѣдывать пришитую къ нему идею. А таковы большею частью герои «Бѣсовъ» (я разумѣю героевъ третьей категоріи, излюбленныхъ героевъ г. Достоевскаго). Они пожираются своею идеею въ совершенно другомъ смыслѣ. Дѣло въ томъ, что у г. Достоевскаго такой громадный запасъ эксцентрическихъ идей, что онъ просто давитъ ими своихъ героевъ. Въ этомъ отношеніи его можно сравнить съ Бальзакомъ. Приведемъ два-три примѣра.

Въ числѣ всякой губернской сволочи, увивающейся около губернаторши, m-me Лембке, есть нѣкто Лямшинъ. Это мелкая гадина, трусливая, глупая, скверная. M-me Лембке, наконецъ, выгоняетъ его отъ себя, но пріятели убѣждаютъ ее прослушать «новую особенную штучку на фортепьяно», которую выдумалъ Лямшинъ. Штучка называется «Франко-прусская война». «Начиналась она грозными звуками марсельезы:

Qu'un sang impur abreuve nos sillons!

Слышался напыщенный вызовъ, упоеніе будущими побѣдами. Но вдругъ, вмѣстѣ съ мастерски варьированными тактами гимна, гдѣ-то сбоку, внизу, въ уголку, но очень близко послышались гаденькіе звуки Mein lieber Augustin. Марсельеза не замѣчаетъ ихъ, Марсельеза на высшей точкѣ упоенія своимъ величіемъ; но Augustin укрѣпляется, Augustin все нахальнѣе, и вотъ такты Augustin какъ-то неожиданно начинаютъ совпадать съ тактами Марсельезы. Та начинаетъ какъ бы сердиться, она замѣчаетъ, наконецъ, Augustin, она хочетъ сбросить ее, отогнать, какъ навязчивую, ничтожную муху, но Mein lieber Augustin уцѣпилась крѣпко; она весела и самоувѣренна; она радостна и нахальна; и Марсельеза какъ-то вдругъ ужасно глупѣетъ: она уже не скрываетъ, что раздражена и обижена, это вопли негодованія, это слезы и клятвы съ простертыми къ провидѣнію руками:

Pas un pouce de notre terrain, pas une pierre de nos fortresses.

Но уже она принуждена пѣть съ Mein lieber Augustin въ одинъ тактъ. Ея звуки какъ-то глупѣйшимъ образомъ переходятъ въ Augustin, она склоняется, погасаетъ. Изрѣдка лишь, прорывомъ, послышится опять: qu'un sang impur... Но тотчасъ же преобидно перескочитъ въ гаденькій вальсъ. Она смиряется совершенно: это Жюль Фавръ, рыдающій на груди Бисмарка и отдающій все, все... Но тутъ уже свирѣпѣетъ и Augustin: слышатся сиплые звуки, чувствуется безмѣрно выпитое пиво, бѣшенство самохвальства, требованія милльярдовъ, тонкихъ сигаръ, шампанскаго и заложниковъ; Augustin переходитъ въ непстовый ревъ... Франко-прусская война оканчивается. *Наши аплодируютъ, Юлія Михайловна улыбается и говоритъ: „ну какъ его прогнать?“ Миръ заключенъ. У мерзавца дѣйствительно былъ талантикъ*“. Не то что талантикъ, а идея мерзавца совершенно давитъ его, его не видишь въ теченіи всего дуэта Марсельезы съ Mein lieber Augustin, такъ что подчеркнутыя слова встрѣчаешь съ нѣкоторымъ изумленіемъ: читатель совсѣмъ было и забылъ Лямшина.

Другой примѣръ. Петръ Верховенскій обнаруживаетъ

свою «идею» только въ концѣ второй части романа. И пока этого не случилось, вы можете слѣдить за его фигурой, можете разсуждать, удовлетворительна ли она въ литературномъ отношеніи (весьма неудовлетворительна), какова она какъ нравственный типъ и т. п. Но вдругъ на Верховенскаго нападаетъ восторженное состояніе, оказывается, что онъ фанатикъ. Онъ развиваетъ свою идею. Онъ восторженно доказываетъ Ставрогину, что необходимо одно или два поколѣнія разрушенія, пожаровъ, убійствъ, разврата «неслыханнаго, подленькаго, когда человѣкъ обращается въ гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь». «Начнется смута! Раскачка такая пойдетъ, какой еще міръ не видалъ. Затуманится Русь, заплачетъ земля по старымъ богамъ». Тутъ, по плану г. Верховенскаго, надо пустить «Ивана Царевича»,—роль, предназначаемая имъ Ставрогину. «Слушайте, я васъ никому не покажу, никому: такъ надо. Онъ есть, но никто не видалъ его, онъ скрывается. А знаете, что можно даже и показать, изъ ста тысячъ одному, напримѣръ. И пойдетъ по всей землѣ: «видѣли, видѣли». И Ивана Филипповича бога-саваоѳа видѣли, какъ онъ въ колесницѣ вознесся предъ людьми, «собственными» глазами видѣли. А вы не Иванъ Филипповичъ: вы красавецъ, гордый, какъ Богъ, ничего для себя не ищущій, съ ореоломъ жертвы, «скрывающійся». Главное легенду! Вы ихъ побѣдите, взглянете и побѣдите. Новую правду несетъ и «скрывается». А тутъ мы два-три соломоновскихъ приговора пустимъ. Кучки-то, пятерки-то—газетъ не надо! Если изъ десяти тысячъ одну только просьбу удовлетворить, то всѣ пойдутъ съ просьбами. Въ каждой волости каждый мужикъ будетъ знать, что есть, дескать, гдѣ-то такое дупло, куда просьбы опускать указано. И застонетъ стономъ земля: «новый правый законъ идетъ», и заволнуется море, и рухнетъ балаганъ, и тогда подумаемъ какъ бы поставить строеніе каменное. Въ первый разъ! Строить *мы* будемъ, мы, одни мы!»

Мы привели только часть практическаго плана Верховенскаго, и онъ еще на нѣсколькихъ страницахъ развиваетъ теоретическую сторону своей идеи. И во все это

время читатель до такой степени пораженъ дикой оригинальностью, эксцентричностью идеи, что Верховенскаго тутъ какъ будто и не бывало. Точно вы читаете дикую книгу или слушаете дикую рѣчь совершенно неизвѣстнаго и ни малѣйше васъ не интересующаго человѣка. И замѣчательно, что исчезновеніе Верховенскаго, какъ образа, какъ характера, происходитъ какъ разъ въ ту минуту, когда онъ становится представителемъ третьей изъ принятыхъ нами категорій, т. е. когда онъ переходитъ въ исключительную собственность г. Достоевскаго. Безъ сомнѣнія такое пожираніе тучныхъ коровъ поэзіи тощими коровами фантазіи людей, находящихся на границѣ ума и безумія, — въ художественномъ отношеніи не можетъ быть выгодно. Герои г. Достоевскаго, давимые идеями, по необходимости блѣдны, блѣднѣе, по крайней мѣрѣ, чѣмъ они могли бы быть нарисованы рукою такого мастера. И въ «Бѣсахъ» они особенно блѣдны, здѣсь нѣтъ ни одного образа, равнаго въ художественномъ отношеніи фигурамъ Раскольникова, Свидригайлова въ «Преступленіи и Наказаніи». Недуренъ пожалуй Шигалевъ, но онъ, во-первыхъ, стоитъ въ самомъ заднемъ углу, а во-вторыхъ, не развертываетъ своей идеи вполнѣ, а только показываетъ одинъ край ея, такъ что не успѣваетъ быть ею придавленнымъ. Вообще же, вмѣсто образовъ *людей, придавленныхъ своими идеями*, въ «Бѣсахъ» фигурируютъ *образы, придавленные идеями, обязательно изобрѣтенными для нихъ авторомъ*.

Позволивъ себѣ эти бѣглыя эстетическія замѣчанія, перейдемъ къ самымъ идеямъ. Хорошо или дурно изображены извѣстные типы, но надо еще знать умѣстно ли ихъ изображеніе. Надо знать, съ кого г. Достоевскій портреты эти писалъ и гдѣ разговоры эти слышалъ.

Въ «Бѣсахъ» разсказывается исторія, по внѣшнему ходу событій и обстановкѣ поразительно сходная съ такъ называемымъ Нечаевскимъ дѣломъ. Есть тутъ вожакъ, Верховенскій (сынъ), устраивающій тайное общество посредствомъ цѣлаго ряда обмановъ. Онъ водитъ всѣхъ за носъ какимъ-то центральнымъ революціоннымъ комитетомъ; связями съ международнымъ обществомъ рабочихъ; вершами,

будто бы въ честь его, «студента», написанными *Герценомъ*. Есть поддѣльный ревизоръ, присутствующій съ записной книжкой на засѣданіяхъ кружка. Есть студентъ Шатовъ, постоянно враждующій съ вожакомъ Верховенскимъ. Есть сцена убійства Шатова, котораго заманиваютъ въ гротъ въ паркѣ и тамъ сначала пристрѣливаютъ, а потомъ топятъ. Есть нѣкто Толкаченко, «странная личность, человѣкъ уже лѣтъ сорока и славившійся огромнымъ изученіемъ народа, преимущественно мошенниковъ и разбойниковъ, ходившій нарочно по кабакамъ, впрочемъ, не для одного изученія народнаго». И проч., и проч., и проч. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ романистъ точно задался мыслію не отступать отъ свѣдѣній, добытыхъ слѣдствіемъ и судомъ по Нечаевскому дѣлу. Такъ, напримѣръ, отношенія, существовавшія между Нечаевымъ и Ивановымъ, не выяснены. Неизвѣстнымъ и до сихъ поръ остается, хотѣлъ ли Ивановъ сдѣлать доносъ, или онъ только въ томъ подозрѣвался, или, наконецъ, Ивановъ совсѣмъ по другимъ причинамъ мѣшалъ Нечаеву. Такъ дѣло стоитъ и у г. Достоевскаго. Отношенія Шатова и Верховенскаго весьма неясны: авторъ не позволилъ себѣ ни на волосъ отступить не то что отъ описываемой имъ дѣйствительности, а даже отъ дѣйствительности, какъ она выяснилась слѣдствіемъ и судомъ. Естественное дѣло, что если важная часть фабулы романа взята изъ современной и надѣлавшей шуму исторіи, то мы вправѣ ожидать отъ автора картины современныхъ нравовъ весьма точной. Странно было бы описывать фактическую сторону дѣла съ фотографической скрупулезностью, а содержаніе влагать въ нее фантастическое или вообще несоотвѣтствующее. Но точность поэтической картины есть нѣчто весьма условное. Въ дѣйствительности есть черты важныя и неважныя, типическія и случайныя. Если поэтъ самымъ тщательнымъ образомъ и вполнѣ точно обрисуетъ черты случайныя, а не важныя, то этимъ еще отнюдь не достигается поэтическая точность картины. И наоборотъ; я понимаю, что художникъ можетъ изобразить, напримѣръ, лиссабонское землетрясеніе двумя, тремя человѣческими фигурами, если

сумѣетъ сконцентрировать въ нихъ суть дѣла. Въ какой мѣрѣ точна картина современной жизни, написанная г. Достоевскимъ? Если бы его романъ былъ переведенъ на какой-нибудь иностранный языкъ и попалъ бы такимъ образомъ въ руки людей, мало или вовсе незнакомыхъ съ капризными особенностями нашего даровитаго романиста, то они пришли бы въ крайнее изумленіе. Оставляя пока въ сторонѣ смыслъ всего романа, мы видимъ небольшую группу излюбленныхъ авторомъ героевъ, молодыхъ людей, занимающихся разрѣшеніемъ религіозныхъ вопросовъ, въ которыхъ для нихъ кульминируется вся злоба дня. «Вы атеистъ?—Да». «Вѣруете вы сами въ Бога? – Я вѣрую въ Россію, я вѣрую въ ея православіе. Я вѣрую въ тѣло Христово. Я вѣрую, что новое пришествіе совершится въ Россіи.—А въ Бога? въ Бога?—Я... Я буду вѣровать въ Бога». «Вы стали вѣровать въ будущую вѣчную жизнь?—Нѣтъ не въ будущую вѣчную, а въ здѣшнюю вѣчную». «Онъ придетъ, и имя ему человѣкобогъ.—Богочеловѣкъ?—Человѣкобогъ, въ этомъ разница.—Ужъ не вы ли и лампадку зажигаете?—Да, это я зажегъ.—Увѣровали?» «Богъ необходимъ, а потому долженъ быть, но я знаю, что его нѣтъ и не можетъ быть». Вотъ вопросы и отвѣты, имѣющіе мѣсто между тремя самыми видными изъ излюбленныхъ героевъ г. Достоевскаго. Изъ этого источника берутъ начало и ихъ соціальныя теоріи. Впрочемъ, другія дѣйствующія лица третьей категоріи, Петръ Верховенскій и Шигалевъ, строятъ свои замысловатыя теоріи на другихъ основаніяхъ. Но во всякомъ случаѣ имѣлъ ли какое-нибудь основаніе г. Достоевскій группировать около Нечаевскаго дѣла людей, проникнутыхъ мистицизмомъ? Думаю, что нѣтъ, а тѣмъ паче не имѣлъ онъ права ставить ихъ типами современной русской молодежи вообще. Такіе люди, конечно, возможны и здѣсь, какъ и вездѣ. Но мало ли что возможно. Едва ли русская молодежь такъ пристально занимается мистико-религіозными вопросами. Напротивъ направленіе ея, вообще говоря, чисто практическое, а если кое-кто изъ нея и занимается соціальными теоріями, то ужъ, конечно, не такого характера, какимъ

отличаются теоріи Ставрогина, Шатова, Кириллова. Замѣчательно, что молодые люди, представляющіе у г. Достоевскаго «идею, попавшую на улицу», тяготѣютъ къ вящшему реализму, съ задоромъ объявляютъ, что «нынче нѣтъ привидѣній, а естественныя науки» и т. п. Молодые же люди, «съѣденные своею идеей», тяготѣютъ въ совершенно противоположную сторону. Обстоятельство это въ романѣ ничѣмъ не мотивировано, а это жаль. Во всякомъ случаѣ. еслибы г. Достоевскій принялъ въ соображеніе громадную массу русскихъ молодыхъ людей, стремящихся въ адвокаты, мировые судьи, проводители усовершенствованныхъ путей сообщенія и проч., и проч., и проч.; если бы онъ прибавилъ сюда массу молодыхъ людей, настроенныхъ и серіозно и трезво, наконецъ, если бы онъ остановилъ подольше свое вниманіе на массѣ молодыхъ верхоглядовъ, то онъ, безъ сомнѣнія, убѣдился бы, что теоріи, подобныя Шатовскимъ, Кирилловскимъ, Ставрогинскимъ, могутъ занимать здѣсь только микроскопически ничтожное мѣсто. Онъ убѣдился бы даже, что Нечаевское дѣло есть до такой степени во всѣхъ отношеніяхъ монстръ, что не можетъ служить темой для романа съ болѣе или менѣе широкимъ захватомъ. Оно могло бы доставить матеріалъ для романа уголовнаго, узкаго и мелкаго, могло бы, пожалуй, занять мѣсто и въ картинѣ современной жизни, но не иначе какъ въ качествѣ третьестепеннаго эпизода. Но и помимо Нечаевскаго дѣла, гдѣ слышалъ г. Достоевскій, чтобы современные русскіе молодые люди встрѣчали и провожали другъ друга вопросами: вы атеистъ? вы лампадку зажигали? вы увѣровали? Тѣмъ паче, гдѣ слышалъ онъ изъ устъ молодежи такія идеи, какъ, напримѣръ: «народъ есть тѣло божіе», «русскій народъ богоносецъ» и т. п.? Я не спорю, можетъ быть, онъ все это и слышалъ, но уже, конечно, не имѣетъ права выставлять эти черты, въ качествѣ характерныхъ, типическихъ, на первое мѣсто. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Парижѣ и въ Берлинѣ существовали клубы самоубійцъ, по статуту которыхъ члены по жребію должны были убивать себя по одному въ годъ. Это фактъ любопытный. Но что бы сказали о писателѣ,

который, рисуя картину европейской жизни начала нынѣшняго вѣка, наполеоновскія войны поставилъ бы въ задній уголъ, а клубъ самобійцъ на первое мѣсто? Писатель этотъ могъ бы быть очень точенъ въ описаніи своихъ героевъ, но несоблюденіе правила художественной перспективы испортило бы все дѣло. Я думаю, что нѣтъ надобности настаивать на пунктѣ, который доступенъ ежедневному наблюденію всѣхъ и каждаго, и потому позволяю себѣ сказать афористически: еслибы г. Достоевскій нарочно искалъ такой среды, въ которой мистическія теоріи были бы совершенно не умѣстны, то онъ нашелъ бы ее въ современной русской молодежи.

Такимъ образомъ мы пришли къ чрезвычайно странному и любопытному результату. Г. Достоевскій не пользуется темами, подходящими къ свойствамъ его таланта, и въ то же время втискиваетъ эксцентрическія идеи туда, гдѣ ихъ въ дѣйствительности нѣтъ. Это объясняется очень легко, если мы примемъ въ соображеніе, какъ богатъ г. Достоевскій эксцентрическими идеями. Онѣ очевидно его просто мучатъ, тѣснятся въ его фантазіи въ гораздо даже большемъ количествѣ, чѣмъ художественные образы. Прошу покорно выносить въ головѣ Ивана Царевича и два поколѣнія невообразимаго разврата и разрушенія, или теорію самообожествленія посредствомъ самоубійства, которую исповѣдуетъ и практикуетъ Кирилловъ. Разъ подобная теорія сложилась въ головѣ автора, она требуетъ исхода. Значитъ, авторъ уже органически не можетъ взяться за беллетристическую эксплоатацію, напримѣръ, духовнаго союза Татариновой или спиритизма. Такъ есть *свои*, готовыя уже теоріи, *свои* эксцентрическія идеи, а г. Достоевскому надо прежде всего сложить свое собственное бремя. И понятно, что удобнѣе всего его сложить туда, гдѣ больше мѣста, гдѣ дѣйствительность создала наименьшее количество эксцентрическихъ идей и теорій. Г. Достоевскому нужны только подходящія рамки, готовое драматическое положеніе и слабый намекъ на возможность эксцентрическихъ идей. Намекъ этотъ долженъ быть, но чѣмъ онъ слабѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ просторнѣе продуктамъ фантастической

лабораторіи автора. Конечно, это обобщеніе можетъ показаться слишкомъ поспѣшнымъ. Но я только предлагаю объясненіе, въ пользу котораго говорятъ и еще кое-какія соображенія. Сюда относится вышеупомянутое пожираніе тучныхъ коровъ поэзіи тощими коровами фантазіи людей, находящихся на границѣ ума и безумія. Сюда же относится и самое пристрастіе автора въ этой границѣ. Герои г. Достоевскаго какъ разъ настолько безумны, что имъ позволительно уклоняться отъ самыхъ неопровержимыхъ истинъ, и въ то же время какъ разъ настолько умны, что могутъ излагать довольно связно весьма замысловатыя идеи. Люди нормальные для г. Достоевскаго неудобны, такъ какъ имъ нельзя вложить въ уста эксцентрическую идею. Сумасшедшіе тоже не годятся, потому что тутъ пришлось бы довольствоваться совершенно безсвязною галиматьей.

Выше было сказано, что г. Достоевскій напоминаетъ Бальзака, конечно, не по симпатіямъ своимъ, а только по богатству эксцентрическихъ идей и наклонности къ изображенію исключительныхъ психологическихъ явленій. (Небезынтересно замѣтить мимоходомъ еще одно сходство: фельетонный способъ писанія широко задуманныхъ вещей). Но разница вотъ въ чемъ. Бальзакъ, во-первыхъ, гораздо смѣлѣе, потому что нерѣдко беретъ не только исключительное психологическое явленіе, а нѣчто совершенно невозможное, фантастическое (напримѣръ, Серафитъ). Во-вторыхъ, взявъ какой-нибудь рѣдкій феноменъ, большею частью одностороннее развитіе какой-нибудь страсти, онъ уже за нимъ только и слѣдитъ, на немъ одномъ, отъ имени его одного только и строитъ свои эксцентрическія теоріи. Вслѣдствіе такой сосредоточенности романъ получаетъ иногда удивительную силу, идея романа (а не дѣйствующихъ лицъ) вырѣзывается съ необыкновенною ясностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ оправдывается и исключительность сюжета. Менѣе плодовитый г. Достоевскій надѣляетъ эксцентрическими идеями всѣхъ, кого только физически возможно надѣлить ими. (Въ «Бѣсахъ» онѣ прорываются даже у Ѳедьки-каторжника и пьяницы капитана Лебядкина). Носители эксцентрическихъ идей оказываются при этомъ придавленными

не только нравственно, что и хотѣлъ изобразить г. Достоевскій, а и въ художественномъ отношеніи, чего онъ, разумѣется, не желалъ. Въ результатѣ получается нѣчто многоцентренное, расплывающееся, рядъ насильственно притянутыхъ драматическихъ положеній, въ которыхъ чрезвычайно трудно оріентироваться. А между тѣмъ въ «Бѣсахъ» г. Достоевскій желалъ быть какъ можно яснѣе. Онъ, во-первыхъ, снабдилъ романъ двумя очень характерными эпиграфами. Одинъ—стихи Пушкина:

Хоть убей, слѣда не видно.
Сбились мы, что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
Да кружитъ по сторонамъ.

. . . . . .

Сколько ихъ, куда ихъ гонятъ,
Что такъ жалобно поютъ?
Домового ли хоронятъ,
Вѣдьму ль замужъ отдаютъ?

Другой эпиграфъ взятъ изъ евангельскаго разсказа объ исцѣленіи бѣсноватаго, о томъ какъ изгоняемые Христомъ бѣсы попросили у него позволенія переселиться въ пасшееся недалеко стадо свиней и какъ потомъ свиньи бросились въ озеро и потонули. Эпиграфъ этотъ получаетъ въ концѣ романа спеціальное объясненіе. Верховенскій-отецъ, больной, проситъ сидѣлку прочитать ему разсказъ объ исцѣленіи бѣсноватаго. Та читаетъ, а Степанъ Трофимовичъ предается по этому случаю нѣкоторымъ изліяніямъ. «Видите,—говоритъ онъ между прочимъ,—это точь въ точь какъ наша Россія. Эти бѣсы, выходящіе изъ больного и входящіе въ свиней — это язвы, всѣ міазмы, вся нечистота, всѣ бѣсы и всѣ бѣсенята, накопившіеся въ великомъ и миломъ нашемъ больномъ, въ нашей Россіи, за вѣка, за вѣка! Oui, cette Russie que j'aimais toujours. Но великая мысль и великая воля осѣнятъ ее свыше, какъ и того безумнаго бѣсноватаго, и выйдутъ всѣ эти бѣсы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будутъ проситься войти въ свиней. Да и вошли уже, можетъ-быть! Это мы, мы и тѣ, и Петруша...

et les autres avec lui, и я, можетъ-быть, первый, во главѣ, и мы бросимся, безумные и взбѣсившіеся, со скалы въ море и всѣ потонемъ, и туда намъ дорога, потому что насъ только на это, вѣдь, и хватитъ. Но больной исцѣлится и «сядетъ у ногъ Іисусовыхъ»... и будутъ всѣ глядѣть съ изумленіемъ».

Такимъ образомъ г. Достоевскій весьма обязательно самъ даетъ ключъ къ уразумѣнію «Бѣсовъ». Но это мало подвигаетъ дѣло впередъ. Если бы еще г. Достоевскій ограничился первымъ эпиграфомъ:

Хоть убей, слѣда не видно,
Сбились мы, что дѣлать намъ?

то идея романа могла бы быть хоть и слишкомъ общею, но за то, по крайней мѣрѣ, ясною. Второй эпиграфъ, въ особенности въ связи съ его объясненіемъ устами Степана Трофимовича, показываетъ только, что идея романа замысловата, что тутъ есть нѣкоторая претензія. Но ключъ къ ея уразумѣнію предлагается въ видѣ аллегоріи, которую не съ разу и поймешь. Спрашивается, въ чемъ состоятъ міазмы, нечистота, бѣсы и бѣсенята, въ теченіи вѣковъ копившіеся въ нашемъ больномъ? кто эти «мы, мы и тѣ, и Петруша et les autres avec lui», о которыхъ говоритъ Степанъ Трофимовичъ Верховенскій? кто эти свиньи, въ которыхъ вселяются бѣсы, изгоняемые изъ больной Россіи? въ чемъ, наконецъ, состоитъ ихъ бѣсовскій элементъ? Въ самомъ романѣ трудно найти отвѣты на эти вопросы. Пожалуй, многія дѣйствующія лица его дѣйствительно напоминаютъ бѣсноватыхъ, но, конечно, дѣло не въ этомъ прямомъ смыслѣ слова, а въ аллегоріи. Формула «мы, мы и тѣ, и Петруша et les autres avec lui» обобщаетъ элементы чрезвычайно разнообразные, такъ что нелегко усмотрѣть ихъ совпадающія стороны. «Петруша et les autres avec lui» представляются, напримѣръ, намъ, т. е. Степану Трофимовичу Верховенскому, въ видѣ «подлаго раба, вонючаго и развратнаго лакея», который при извѣстныхъ обстоятельствахъ «взмостится на лѣстницу съ ножницами въ рукахъ и раздеретъ божественный ликъ великаго идеала

(Сикстинскую Мадонну) во имя равенства, зависти и ниспроверженія». Съ своей стороны и Петруша et les autres avec lui осыпаютъ «насъ», Степана Трофимовича Верховенскаго, эпитетами, полными ненависти и презрѣнія. И эти враждебныя отношенія вполнѣ объясняются дѣйствительнымъ внутреннимъ различіемъ обоихъ лагерей. Далѣе въ каждомъ изъ нихъ мы опять таки видимъ только различія и различія. Люди, представляющіе собою исключительные психологическіе феномены, уже сами по себѣ составляютъ нѣчто трудно поддающееся обобщеніямъ. А такъ какъ въ «Бѣсахъ» эти люди суть большею частью только подставки для эксцентрическихъ идей, то становится еще труднѣе стать на такую точку зрѣнія, съ которой всѣ они сливались бы въ понятіе стада бѣсноватыхъ свиней. Въ самомъ дѣлѣ эксцентрическая идея непремѣнно стоитъ, если можно такъ выразиться, ершомъ, она не имѣетъ ничего общаго съ идеями неэксцентрическими и другими эксцентрическими, такъ что рядъ подставокъ для эксцентрическихъ идей не подлежитъ никакому синтезу; нѣтъ возможности подвести имъ итогъ. И потому, какъ ни старался г. Достоевскій быть яснымъ, онъ этого не достигъ.

Къ счастію, тутъ подвернулся «Гражданинъ». Потому ли, что идея «Бѣсовъ» вообще сильно занимаетъ г. Достоевскаго, или потому, что «Дневникъ Писателя» пишется подъ непосредственнымъ вліяніемъ писанія «Бѣсовъ», но дневникъ этотъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ комментарій къ «Бѣсамъ». Многія мысли «Дневника» высказаны уже въ «Бѣсахъ» разными дѣйствующими лицами и въ особенности молодымъ студентомъ Шатовымъ, или, въ переводѣ на языкъ дѣйствительности, убитымъ Ивановымъ. Комментируя «Бѣсовъ» «Дневникомъ», мы уяснимъ себѣ многое.

Николай Ставрогинъ, по первоначальному по крайней мѣрѣ замыслу автора, долженъ былъ, повидимому, быть самымъ замѣтнымъ изъ дѣйствующихъ лицъ романа, нѣкоторымъ его центромъ. Вышла однако фигура съ претензіями, но крайне тусклая. Шатовъ, Кирилловъ, Лебядкинъ повторяютъ ему одну и ту же фразу: «вспомните, какъ

много значили вы въ моей жизни», но это значеніе остается невыясненнымъ. Шатовъ ждетъ отъ Ставрогина многаго, расчитывая на его геніальность; Верховенскій Петръ тоже ждетъ отъ него многаго, но въ расчетѣ на его «необыкновенную способность къ преступленію». Всѣ видятъ въ немъ отчасти натуру крайне сильную, а отчасти крайне слабую. Гдѣ-то за кулисами дѣйствуетъ Ставрогинъ въ качествѣ члена тайнаго «сладострастнаго» общества, «у котораго маркизъ де-Садъ могъ бы поучиться», которое «заманивало и развращало дѣтей». Когда-то, опять таки за кулисами, Ставрогинъ «увѣрялъ, что не знаетъ различія въ красотѣ между какою-нибудь сладострастною звѣрскою штукой и какимъ угодно подвигомъ, хотя бы жертвой жизнью для человѣчества, что онъ нашелъ въ обоихъ полюсахъ совпаденіе красоты, одинаковость наслажденія». Словомъ, это что-то очень бурное, необыкновенное, но вмѣстѣ съ тѣмъ что-то очень плоское, будничное. Такъ, напримѣръ, Ставрогинъ давно записался въ граждане кантона Ури, купилъ тамъ маленькій домъ и зоветъ туда съ собой поочереди трехъ, ни въ чемъ между собою несходныхъ женщинъ: экзальтированную Лизу, преданную Дашу и сумасшедшую Лебядкину. Ему кажется все равно съ кѣмъ скоротать свою бурную жизнь, но только непремѣнно съ женщиной, непремѣнно въ маленькомъ швейцарскомъ домѣ, никого не видя, ничего не дѣлая. Всѣ поступки Ставрогина какъ-то изысканно необычайны. И особенно замѣчательно, что г. Достоевскому очень хочется показать, что онъ въ здравомъ разсудкѣ. Онъ даже нарочно для этого сводитъ его на время съ ума, заставляетъ дѣлать безумныя выходки, которыя однако по общему необъяснимо таинственному, инстинктивному убѣжденію свойственны Ставрогину и въ здравомъ умѣ. Романъ даже тѣмъ и оканчивается, что трупъ самоубійцы Ставрогина анатомируютъ, и «наши медики по вскрытіи трупа совершенно и настойчиво отвергли помѣшательство». Это послѣднія строки романа. Очевидно г. Достоевскій хотѣлъ тутъ разрѣшить нѣкоторую психологическую задачу, но не только разрѣшенія какой-нибудь задачи не вышло, не вышла даже по-

становка ея. Нѣкоторое поясненіе дѣла найдемъ мы въ Дневникѣ Писателя» («Гражданинъ», № 4). Тамъ разсказывается слѣдующая исторія. Одинъ мужикъ взялся сдѣлать какую угодно «дерзостную» штуку. Другой и заказалъ ему: пойди причащаться, но причастія не глотай, а возьми въ руку и сохрани. Мужикъ сдѣлалъ. Тогда деревенскій Мефистофель повелъ его въ огородъ, велѣлъ положить причастіе на землю, зарядить ружье и выстрѣлить въ причастіе. «И вотъ только бы выстрѣлить, разсказывалъ потомъ мужикъ, вдругъ предо мной какъ есть крестъ, а на немъ Распятый. Тутъ я и упалъ съ ружьемъ въ безчувствіи». Затѣмъ мужикъ пошелъ каяться въ грѣхахъ своихъ, почувствовалъ жажду искупленія и страданія и отправился за совѣтомъ къ «схимнику, монаху-совѣтодателю», который и наложилъ на него подходящую эпитемью.

Вотъ разсказъ. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ замѣчаній г. Достоевскаго, онъ могъ бы составить прекрасную монографію, въ смыслѣ описанія и разъясненія даннаго случая. Въ качествѣ поэта г. Достоевскій могъ бы ограничиться собственно образнымъ представленіемъ развитія «дерзостной» мысли, страшнаго страданія, послѣдовавшаго за ея осуществленіемъ, и, наконецъ, наслажденія искупляющимъ страданіемъ. Могла бы выйти великолѣпная вещь. Если г. Достоевскій не надѣется на силу своего поэтическаго таланта, то онъ могъ бы конечно развести образы нѣкоторыми размышленіями. Но г. Достоевскій ведетъ дѣло въ этомъ отношеніи уже слишкомъ далеко. Онъ видитъ въ дерзостномъ и кающемся мужикѣ символъ ни больше ни меньше, какъ «всего русскаго народа въ его цѣломъ», и по этому случаю передается нѣкоторой мало основательной публицистикѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ характеристическихъ, по мнѣнію г. Достоевскаго, чертъ русскаго народа въ его цѣломъ. «Это прежде всего — забвеніе всякой мѣрки во всемъ (и замѣтьте всегда почти временное и преходящее, являющееся какъ бы какимъ-то навожденіемъ). Это потребность хватить черезъ край, потребность въ замирающемъ ощущеніи, дойдя до пропасти, свѣсться въ нее на половину, заглянуть въ самую бездну и — въ частныхъ

случаяхъ, но весьма рѣдкихъ—броситься въ нее какъ ошалѣлому внизъ головой... нѣкоторое адское наслажденіе собственной гибелью, захватывающая дыханіе потребность нагнуться надъ пропастью и заглянуть въ нее, потрясающее восхищеніе предъ собственной дерзостью». Это одна черта, по мнѣнію г. Достоевскаго, всенародная. Въ частности выразилась она и въ исторіи дерзостнаго мужика. Она же очевидно должна была составлять основу характера Ставрогина, ибо нѣкоторыя дѣйствующія лица романа говорятъ объ немъ почти тѣми же словами, какія г. Достоевскій употребляетъ для характеристики народа. Потому-то г. Достоевскій такъ и хлопочетъ, чтобы Ставрогина не приняли за сумасшедшаго: онъ долженъ выражать собою одну изъ типическихъ чертъ русскаго народа, и всѣ его безобразія должны объясняться потребностью дерзости.

Другая черта народа состоитъ въ страстной потребности искупить дерзость, грѣхъ. «Съ такою же силою, съ такою же стремительностью, съ такою же жаждою самосохраненія и покаянія русскій человѣкъ, равно какъ и весь народъ, и спасаетъ себя самъ и обыкновенно когда дойдетъ до послѣдней черты, т. е. когда уже итти больше некуда. Но особенно характерно то, что обратный толчокъ возстановленія и самоспасенія бываетъ серьезнѣе прежняго порыва — отрицанія и саморазрушенія. То бываетъ всегда на счету какъ бы мелкаго малодушія: тогда какъ въ возстановленіе свое русскій человѣкъ уходитъ съ самымъ огромнымъ и серьезнымъ усиліемъ, а на отрицательное прежнее движеніе свое смотритъ съ презрѣніемъ къ самому себѣ. Я думаю самая главная, самая коренная духовная потребность русскаго народа есть потребность страданія, всегдашняго и неутолимаго, всегда и во всемъ. Этою жаждою страданія онъ кажется зараженъ исконни вѣковъ. Страдальческая струя проходитъ черезъ всю его исторію, не отъ внѣшнихъ только несчастій и бѣдъ, а бьетъ ключомъ изъ самаго сердца народнаго... Если онъ способенъ возстать изъ своего униженія, то мститъ себѣ за прошлое паденіе ужасно, даже больнѣе, чѣмъ вымещалъ на другихъ, въ чаду безобразія, свои тайныя муки отъ собственнаго не-

довольства собой». Вотъ другая черта народнаго русскаго характера, фигурирующая и въ исторіи дерзостнаго мужика. Есть она отчасти и въ Ставрогинѣ. Она прорывается въ немъ отдѣльными вспышками, напримѣръ, когда онъ объявляетъ о своемъ бракѣ съ Лебядкиной, когда онъ молча выноситъ пощечину отъ Шатова и т. д. Прорывается, но не доходитъ до конца. Любопытно, что Шатовъ, представляющій собою вообще мнѣнія г. Достоевскаго, посылаетъ Ставрогина къ какому-то Тихону, бывшему архіерею, живущему по болѣзни на покоѣ, къ которому ходятъ за совѣтами. Это очевидно тотъ же схимникъ, монахъ - совѣтодатель, къ которому дерзостный мужикъ идетъ за эпитемьей. Но Ставрогинъ не пошелъ за эпитемьей, не пошелъ за активнымъ, такъ сказать, страданіемъ, а страданія пассивнаго, предложеннаго стеченіемъ жизненныхъ обстоятельствъ, не вынесъ и повѣсился. Вотъ въ чемъ, значитъ, разница между Ставрогинымъ и Власомъ, какъ г. Достоевскій зоветъ дерзостнаго мужика, мотивируя весь разсказъ о немъ извѣстнымъ стихотвореніемъ г. Некрасова:

Въ армякѣ съ открытымъ воротомъ,
Съ обнаженной головой.
Медленно проходитъ городомъ
Дядя Власъ—старикъ сѣдой, и т. д.

И Власъ и Ставрогинъ одинаково чувствуютъ «наклонность къ преступленію», наклонность, впрочемъ, только порывистую, наклонность согрѣшить для грѣха, для сильнаго ощущенія. Но Власа этотъ грѣхъ не выбиваетъ изъ его жизненнаго сѣдла окончательно; въ концѣ концовъ даже укрѣпляетъ въ немъ. Онъ идетъ искупать свой грѣхъ и въ страданіи искупленія находитъ примиреніе съ самимъ собой. Ставрогинъ этого сдѣлать не въ силахъ. Онъ падаетъ окончательно именно потому, что не можетъ или не хочетъ принять на себя крестъ; вѣрнѣе сказать, не можетъ, силъ не хватаетъ, хотъ его и тянетъ къ этому.

Такимъ образомъ, благодаря «Дневнику Писателя», туманный образъ Ставрогина нѣсколько уясняется. Но мы все-таки еще далеки отъ идеи романа—отъ бѣсовъ, бѣснова-

тыхъ свиней и больной Россіи. Неясенъ даже ближайшій пунктъ: что долженъ изображать собою Ставрогинъ, если только онъ не единица, не имѣющая никакого общаго значенія; почему, сохранивъ одну черту народнаго характера, онъ утратилъ другую; почему, наконецъ, у Власа хватаетъ силы на искупленіе, а у Ставрогина нѣтъ. Пойдемъ дальше въ своихъ комментаріяхъ.

Одинъ изъ героевъ «Бѣсовъ», Кирилловъ, сочинилъ эксцентрическую теорію, сущность которой, на сколько ее понимать можно, состоитъ въ слѣдующемъ: Бога нѣтъ; если бы онъ былъ, то я долженъ бы былъ повиноваться его волѣ; но такъ какъ Бога нѣтъ, то я остаюсь единственнымъ и полнымъ властителемъ своей судьбы, и долженъ заявить, что я человѣкъ вольный, никого надъ собой не признаю и никого и ничего не боюсь; такимъ полнымъ актомъ моей воли или «своеволія» можетъ быть только самоубійство, но самоубійство безъ всякой видимой причины: хочу и баста. Это вяжется у Кириллова съ разными другими вещами и между прочимъ со служеніемъ человѣчеству. Онъ вѣруетъ, что, убивъ себя, онъ докажетъ міру ложь бытія божія и укажетъ человѣчеству новые пути. Въ силу этой теоріи Кирилловъ и рѣшаетъ убить себя. Этимъ пользуется шайка Петра Верховенскаго и заставляетъ безумца подписать передъ самоубійствомъ записку, въ которой Кирилловъ принимаетъ на себя убійство Шатова. Подписывая, Кирилловъ находится въ какомъ-то истерическомъ состояніи и непремѣнно хочетъ подписаться: de Kiriloff, gentilhomme russe et citoyen du monde, «еще лучше»: gentilhomme—séminariste russe et citoyen du monde civilisé. Немедленно послѣ этихъ словъ Кирилловъ хватаетъ револьверъ и бѣжитъ стрѣляться. Въ словахъ этихъ звучитъ какая-то насмѣшка надъ самимъ собой, какая-то ироніа, тѣмъ болѣе необъяснимая, что Кирилловъ, по собственному своему убѣжденію, исполняетъ священный долгъ. И ничто въ предыдущемъ не даетъ ни малѣйшаго намека на смыслъ французской подписи. Очевидно, здѣсь авторъ просто не утерпѣлъ и подсунулъ Кириллову, на свой собственный страхъ, насмѣшливое прозвище, въ устахъ

Кириллова совершенно безсмысленное, невозможное. Къ счастью, у насъ есть опять-таки «Дневникъ Писателя», въ которомъ это самое насмѣшливое прозвище является въ сопровожденіи нѣкотораго объясненія. Въ Дневникѣ г. Достоевскій называетъ Герцена gentilhomme russe et citoyen du monde, г. Некрасова «общечеловѣкомъ и русскимъ gentilhomme'омъ». Но опять-таки съ которой стороны могутъ быть подведены къ одному знаменателю Некрасовъ, Герценъ и Кирилловъ?

Мнѣ очень хочется добраться вмѣстѣ съ читателемъ до идеи «Бѣсовъ». Г. Достоевскій имѣетъ полное право требовать, чтобы къ его мыслямъ и произведеніямъ относились со всевозможными вниманіемъ и осторожностью. Я это дѣлаю, и не моя вина, что это можетъ быть сдѣлано только при помощи цѣлаго ряда отступленій. Такъ ужъ г. Достоевскій свой романъ устроилъ. Но теперь мы сдѣлаемъ, надо думать, уже послѣднее отступленіе, мы у берега.

Я уже говорилъ о любопытномъ совпаденіи кровныхъ, задушевныхъ мыслей г. Достоевскаго, высказываемыхъ имъ въ «Гражданинѣ», съ идеями Шатова. Сходство между Шатовымъ и г. Достоевскимъ до такой степени полно, что, излагая мысли Шатова, можно цитировать «Дневникъ Писателя» и наоборотъ. Но при изложеніи этомъ надо устранить прежде всего одну двусмысленность. И г. Достоевскій и Шатовъ, къ сожалѣнію, играютъ словомъ «Богъ». Иногда они придаютъ этому слову тотъ же смыслъ, который ему придается всѣми людьми, какъ вѣрующими, такъ и невѣрующими. Но иногда они разумѣютъ подъ «Богомъ» нѣчто иное, и именно, кажется, совокупность и высшую точку развитія національныхъ особенностей. Такъ, напримѣръ, они называютъ религіей древнихъ грековъ ихъ философію и искусство, римскимъ богомъ — государство. Куда при этомъ дѣваются Зевесъ и Юпитеръ со всей ихъ свитою—неизвѣстно. Г. Достоевскій и Шатовъ иногда громятъ атеистовъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, то-есть въ качествѣ людей, отрицающихъ существованіе личности творца вселенной. И въ то же время Ставрогинъ

пишетъ: «Шатовъ говорилъ мнѣ, что тотъ, кто теряетъ связи съ своей землей, тотъ теряетъ и боговъ своихъ, то-есть *всѣ свои цѣли*». Да въ этомъ же смыслѣ высказываются и сами Шатовъ и г. Достоевскій. А между тѣмъ, на этой двусмысленности, на этой игрѣ словъ основываются многіе ихъ аргументы. Шатову, какъ человѣку, находящемуся въ постоянно возбужденномъ состояніи, наконецъ, какъ человѣку, не берущемуся никого поучать, это простительно. Но отъ г. Достоевскаго можно было бы требовать большей отчетливости и меньшей игривости. Онъ, вѣдь, романистъ, а теперь и публицистъ, и редакторъ журнала. Любопытно наблюдать процессъ, которымъ обнаруживается это легкомысленное отношеніе г. Достоевскаго къ дѣлу. Шатовъ, смѣшавъ Бога съ богами въ смыслѣ цвѣтовъ и плодовъ цивилизаціи и народныхъ особенностей, доказываетъ, что человѣкъ, оторванный отъ народной, національной почвы, тѣмъ самымъ уже становится атеистомъ. Доказываетъ онъ это восторженно, но торопливо, нескладно, нелѣпо, что вполнѣ объясняется его ненормальнымъ состояніемъ: съ нимъ «жаръ», онъ только что прожилъ три дня съ мыслью, что его убьетъ Ставрогинъ. И тѣмъ не менѣе г. Достоевскій считаетъ этотъ пунктъ доказаннымъ, и говоритъ въ «Дневникѣ»: «Герценъ былъ продуктъ нашего барства, gentilhomme russe et citoyen du monde. Въ полтораста лѣтъ предыдущей жизни русскаго барства, за весьма малыми исключеніями, истлѣли послѣдніе корни, расшатались послѣднія связи его съ русской почвой и съ русской правдой. Герцену какъ будто сама исторія предназначила выразить собою въ самомъ яркомъ типѣ этотъ разрывъ съ народомъ огромнаго большинства нашего образованнаго сословія. Въ этомъ смыслѣ это типъ историческій. Отдѣлясь отъ народа, они *естественно потеряли и Бога*. Безпокойные изъ нихъ стали атеистами, вялые и спокойные—индиферентными» и т. д. (Шатовъ говоритъ почти слово въ слово то же самое о Бѣлинскомъ). Въ виду этого легкомыслія я отказываюсь слѣдить за теоріей г. Достоевскаго-Шатова во всей ея полнотѣ. Это просто невозможно. Въ теоріи этой заключается между прочимъ

такой пунктъ: каждый народъ долженъ имѣть своего бога, и когда боги становятся общими для разныхъ народовъ, то это признакъ паденія и боговъ и народовъ. И это вяжется какъ-то съ христіанствомъ, а я до сихъ поръ думалъ, что для христіанскаго Бога нѣсть эллинъ ни іудей...

За вычетомъ этой двусмысленности, этой совершенно неприличной игры словъ, воззрѣнія г. Достоевскаго-Шатова сводятся къ слѣдующему. Вѣками сложилась русская почва и русская правда, сложились извѣстныя понятія о добрѣ и злѣ. Петровскій переворотъ раздѣлилъ народъ на двѣ части, изъ которыхъ одна, меньшая, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе теряла смыслъ русской правды, а другая, большая, только слегка подернулась этимъ движеніемъ. Когда первая часть, меньшинство, образованные классы обратили, наконецъ, свое вниманіе на большинство, на народъ, обратились къ нему даже съ любовью и желаніемъ добра, они уже не понимали его. Если они и любили народъ, то не тотъ, который тутъ возлѣ нихъ реально существовалъ, а народъ идеальный, созданный ихъ воображеніемъ по западно-европейскимъ образцамъ. А любить идеальный народъ, любить «общечеловѣка» значитъ презирать или ненавидѣть народъ, существующій въ дѣйствительности. Этого мало. По мѣрѣ удаленія отъ народной правды, народныхъ понятій о добрѣ и злѣ, образованные citoyens du monde теряли *всякое* чутье въ различеніи добра и зла, потому что внѣ народныхъ преданій нѣтъ почвы для такого различенія, на него неспособны ни разумъ ни наука. А между тѣмъ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, тянетъ къ этому различенію, и вотъ они мечутся, ищутъ и ничего не находятъ, а назадъ вернуться уже не могутъ. Они и погибнутъ. Можетъ-быть, они увлекутъ за собой временно и народъ, можетъ-быть, уже и увлекаютъ, но въ концѣ концовъ Власы скажутъ свое слово, и спасутъ себя и насъ.

Такова теорія г. Достоевскаго-Шатова. Шатовъ говоритъ, что это «или старая, дряхлая дребедень, перемолотая на всѣхъ московскихъ славянофильскихъ мельницахъ, или совершенно новое слово, послѣднее слово, единственное слово обновленія и воскресенія». Увы! кажется, и сомнѣнія не

можетъ быть въ томъ, что это дребедень. Теорія эта, да проститъ мнѣ почтенный авторъ, и слишкомъ стара и слишкомъ ребячески молода, чтобы изъ нея стоило вытаскивать ту крупицу истины, которая въ ней заключается. Г. Достоевскій справедливо говоритъ, что барство извращаетъ понятія о добрѣ и злѣ, но съ Петра ли оно началось? Авторъ, повидимому, и самъ догадывается, что гораздо раньше, и что съ Петра оно только явилось въ другой формѣ. Онъ говоритъ, что бѣсы и бѣсенята, міазмы и нечистота накопились въ «нашемъ миломъ больномъ за вѣка, за вѣка!» Извѣстно, что это одинъ изъ камней преткновенія славянофильскаго ученія, и мы его трогать не будемъ. Мы воспользуемся только приведенной теоріей для объясненія идеи «Бѣсовъ» и нѣкоторыхъ любопытныхъ соображеній г. Достоевскаго въ «Дневникѣ Писателя».

Бѣсноватый больной—это Россія, въ которую вселились бѣсы, въ точности неизвѣстно когда. Бѣсы — это утрата способности различать добро и зло. Стадо свиней, пасущееся недалеко,—это оторванные отъ народной почвы citoyens du monde, это «мы, мы и тѣ, и Петруша et les autres avec lui». Всѣ они сохранили въ себѣ одну черту русскаго народнаго характера—потребность дерзости, жажду отрицанія и разрушенія. Весь романъ представляетъ рядъ болѣе или менѣе дерзкихъ выходокъ и подвиговъ отрицанія и разрушенія, совершаемыхъ разными типами citoyen'овъ. Одинъ пускаетъ мышь въ кіоту образа, другой надругается надъ самыми святыми чувствами, третій херитъ всю вѣковую русскую исторію, четвертый безцѣльно и безсмысленно оскорбляетъ людей, пятый объявляетъ себя богомъ, шестой проповѣдуетъ всеобщій развратъ и проч. и проч. и проч. Все это совершается въ силу особенной черты русскаго характера, заставившей и дерзостнаго мужика Власа покушаться на разстрѣляніе причастія. Но изъ Власа бѣсъ забвенія границъ добра и зла немедленно выходитъ, Власъ не теряетъ чувства грѣха и жаждетъ искупленія, страданія. Citoyen'ы неспособны къ этому. Отрицая, разрушая, дерзая не только въ силу народной, безсознательной особенности, а и во имя чуждыхъ, общечеловѣческихъ иде-

аловъ, они не чувствуютъ грѣха, они гордятся имъ, а если и чувствуютъ, то не въ силахъ понести искупающее страданіе. Они вѣшаются, стрѣляются, окунаются въ омутъ разврата и подлости, впадаютъ въ систематическое, хроническое преступленіе,—словомъ такъ или иначе, одолѣваемые вселившимся въ нихъ бѣсомъ, бросаются со скалы въ море и тонутъ. Возврата, спасенія нѣтъ даже для Щатова, который съ болѣзненною ясностью сознаетъ ужасъ своего положенія. Онъ предлагаетъ Ставрогину нелѣпость, которую и самъ готовъ назвать «кунстштюкомъ»: «добыть Бога мужицкимъ трудомъ».

Хоть убей, слѣда не видно,
Сбились мы, что дѣлать намъ?

Но вотъ свиньи бѣсноватыя побросались со скалы въ море и потонули. Что же, больной исцѣлился? сидитъ у ногъ Іисусовыхъ? Нѣтъ, не исцѣлился, не сидитъ. Иначе г. Достоевскій не писалъ бы своего «Дневника». Можетъ быть, потому не исцѣлился, что еще не всѣ свиньи перетонули, а можетъ-быть, и потому, что народились новыя, особенныя, которыхъ г. Достоевскій просмотрѣлъ. Да, онъ многое просмотрѣлъ, онъ *все* просмотрѣлъ...

Г. Достоевскій очень ясно видитъ, что больной не исцѣлился. Онъ говоритъ, что Власы «кутятъ»—пьянствуютъ, кривятъ душой, грабятъ, убиваютъ. Но особенное вниманіе г. Достоевскій обращаетъ на забвеніе Власами народной правды въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей. Подталкиваемые citoyen'ами, либеральничающими прокурорами и философствующими о вліяніи среды адвокатами, присяжные, по замѣчанію г. Достоевскаго, слишкомъ склонны къ оправданію преступниковъ. Г. Достоевскій весьма желаетъ отдѣлить сантиментальность и философію среды отъ того воззрѣнія народнаго, въ силу котораго народъ зоветъ *наказанныхъ* преступниковъ «несчастными». Кстати, я не знаю, почему г. Достоевскій вездѣ пропускаетъ подчеркнутое мною слово: сколько мнѣ извѣстно, народъ не зоветъ несчастными воровъ, убійцъ, поджигателей; онъ зоветъ несчастными каторжниковъ, заключенныхъ въ тюрьму, аре-

стантовъ, вообще терпящихъ наказаніе. Это простое соображеніе помогло бы г. Достоевскому безъ всякихъ діалектическихъ тонкостей отдѣлить воззрѣнія народа на «несчастныхъ» отъ философіи среды и сантиментальности. Но эта простота и ясность затруднили бы г. Достоевскаго въ другомъ отношеніи. Ему нужно доказать, что русская народная правда состоитъ главнымъ образомъ въ стремленіи къ страданію. Обобщивъ нѣсколько патологическихъ случаевъ въ этомъ направленіи, г. Достоевскій доходитъ почти до смѣшного въ томъ жарѣ, въ той ревности, съ которыми онъ охраняетъ свой выводъ. Онъ приводитъ, напримѣръ, стихотвореніе Некрасова «Власъ», критикуетъ его съ той и съ другой стороны, но за всѣмъ тѣмъ признаетъ, что Некрасовымъ вѣрно понята страстная жажда страданія, обуявшая бывшаго грѣшника Власа. Нѣкоторыя строки стихотворенія приводятъ г. Достоевскаго даже въ восторгъ, и онъ замѣчаетъ: «Чудо, чудо какъ хорошо. Даже такъ хорошо, что точно и не вы писали; точно это не вы, а другой кто, замѣсто васъ, кривлялся потомъ «на Волгѣ» въ великолѣпныхъ тоже стихахъ про бурлацкія пѣсни. А впрочемъ не кривлялись вы и на Волгѣ, развѣ только немножко: вы и на Волгѣ любили общечеловѣка въ бурлакѣ и, дѣйствительно, страдали по немъ, то-есть не по бурлакѣ собственно, а, такъ-сказать, по обще-бурлакѣ». Чтобы видѣть, чѣмъ удовлетворяется и противъ чего возмущается г. Достоевскій, я напоминаю читателю тѣ стихи Некрасова про бурлацкія пѣсни, о которыхъ идетъ рѣчь:

Унылый, сумрачный бурлакъ!
Какимъ тебя я въ дѣтствѣ зналъ,
Такимъ и нынѣ увидалъ.
Все ту же пѣсню ты поешь,
Все ту же лямку ты несешь.
Въ чертахъ усталаго лица
Все та-жъ покорность безъ конца...
Прочна суровая среда,
Гдѣ поколѣнія людей
Живутъ безсмысленнѣй звѣрей
И мрутъ безъ всякаго слѣда
И безъ урока для дѣтей!

Отецъ твой сорокъ лѣтъ стоналъ,
Бродя по этимъ берегамъ,
И передъ смертію не зналъ,
Что заповѣдать сыновьямъ.
И какъ ему—не довелось
Тебѣ наткнуться на вопросъ:
Чѣмъ хуже былъ бы твой удѣлъ,
Когда-бъ ты менѣе терпѣлъ?
Какъ онъ, безгласно ты умрешь,
Какъ онъ, безплодно пропадешь.
Такъ заметается нескомъ
Твой слѣдъ на этихъ берегахъ,
Гдѣ ты шагаешь подъ ярмомъ
Не краше узника въ цѣпяхъ,
Твердя постылыя слова,
Отъ вѣка тѣ-же: разъ да два!
Съ болѣзненнымъ припѣвомъ „ой“
И въ тактъ мотая головой...

Я думаю, я не ошибусь, если скажу, что г. Достоевскій возмущается именно подчеркнутыми мною строками. Въ нихъ выражается протестъ противъ страданій бурлака и, можетъ быть, протестъ противъ отсутствія протеста съ его стороны. И замѣтьте, какъ зорко ревнивъ и подозрителенъ г. Достоевскій. Добро бы поэтъ представилъ русскаго человѣка, не желающаго страдать, терпѣть, тянуть вѣковѣчную лямку, и окружилъ бы его какимъ-нибудь ореоломъ или представилъ бы его какимъ-нибудь всенароднымъ русскимъ типомъ. Ну, тогда такъ. Тогда г. Достоевскій могъ бы поднять оружіе за терпѣніе и страданіе, какъ за истинные и великіе атрибуты русскаго народа; это было бы законно съ его точки зрѣнія. Но ничего подобнаго нѣтъ. Поэтъ изобразилъ людей, страдающихъ молча, почти не сознающихъ своего страданія, а тѣмъ паче не протестующихъ. И г. Достоевскій все-таки недоволенъ. Для объявленія войны ему достаточно чисто отрицательнаго явленія: человѣкъ только не поэтизируетъ страданія, покорности и терпѣнія, и г. Достоевскому чудится уже здѣсь и презрѣніе и ненависть къ русскому народу, во имя общечеловѣческихъ идеаловъ, презрѣніе и ненависть къ бурлаку во имя «обще-бурлака». И замѣтьте

еще, какъ оригинально вяжутся мысли въ головѣ г. Достоевскаго. Онъ готовъ не видѣть разницы между добровольнымъ искупительнымъ страданіемъ Власа и невольными страданіями неповинныхъ бурлаковъ. Страданіе есть — и конецъ: благоговѣйте и не пытайтесь хотя бы мысленно вычеркнуть его, въ немъ вся суть народнаго характера и все спасеніе народа.

Понятно, какъ должна возмущать г. Достоевскаго подмѣченная имъ наклонность присяжныхъ къ оправдательнымъ вердиктамъ; они отнимаютъ у преступниковъ искупительное страданіе, спасительный крестъ. «Прямо скажу: строгимъ наказаніемъ, острогомъ и каторгой вы, можетъ-быть, половину спасли бы изъ нихъ. Облегчили бы ихъ, а не отяготили. Самоочищеніе страданіемъ легче, легче, говорю вамъ, чѣмъ та участь, которую вы дѣлаете многимъ изъ нихъ сплошнымъ оправданіемъ ихъ на судѣ. Вы только вселяете въ его душу цинизмъ, оставляете въ немъ соблазнительный вопросъ и насмѣшку надъ вами же, надъ судомъ вашимъ, надъ судомъ всей страны. Вы вливаете въ его душу безвѣріе въ правду народную, въ правду божію». Эти слова произвели нѣкоторую сенсацію, такъ что, по собственному разсказу г. Достоевскаго, къ нему приходилъ съ репримандомъ одинъ пріятель, человѣкъ имъ уважаемый. Г. Достоевскій отвѣтилъ пріятелю, что онъ вовсе не противъ суда присяжныхъ и вовсе не желаетъ административной опеки. Пусть самъ народъ свободно творитъ судъ, пусть онъ именно творитъ его свободно, и тогда, если бы и произошла какая-нибудь большая общая бѣда, народъ спасетъ и себя и насъ. Не знаю, остался ли доволенъ этимъ объясненіемъ пріятель г. Достоевскаго, но, по-моему, оно слишкомъ туманно и до него дѣло стояло даже какъ будто яснѣе: г. Достоевскій желалъ спасти народную правду отъ опеки сіѣоуеп'овъ прокуроровъ и адвокатовъ. Кажется, такъ. Но въ развитіи этой мысли г. Достоевскій раздваивается. Съ одной стороны, онъ твердо стоитъ на своемъ: страданіе есть атрибутъ русскаго народа, онъ любитъ, онъ хочетъ страдать, а, слѣдовательно, тѣмъ паче долженъ страдать преступникъ, во искупленіе

своего грѣха, для своего собственнаго счастья. Это одна струя въ аргументаціи г. Достоевскаго. Другая же состоитъ изъ положеній, отъ которыхъ не отказались бы многіе citoyens du monde. Рядомъ съ народной правдой г. Достоевскій самымъ общечеловѣческимъ языкомъ и съ самыхъ общечеловѣческихъ точекъ зрѣнія доказываетъ, что ученіе о средѣ въ своемъ крайнемъ развитіи обезличиваетъ и нравственно унижаетъ человѣка. Онъ предполагаетъ нелѣпую рѣчь адвоката, защищающаго «развитаго» убійцу тѣмъ, что онъ убилъ «неразвитаго», и находитъ, что она нелѣпа. Еще бы не нелѣпа, но при чемъ же тутъ народная правда? Онъ разсказываетъ (и мучительно превосходно разсказываетъ) исторію мужика, который варварствомъ своимъ довелъ жену до самоубійства, и объявленъ по суду виновнымъ, но достойнымъ снисхожденія. Этотъ приговоръ возмущаетъ г. Достоевскаго, но только отчасти, потому что варваръ лишенъ возможности искупить свой грѣхъ соотвѣтственнымъ страданіемъ. Главнымъ образомъ его заботитъ судьба дѣвочки, которая свидѣтельствовала противъ отца и которая, когда онъ черезъ восемь мѣсяцевъ вернется домой изъ острога, будетъ имъ истиранена и замучена, какъ и мать. А это совершенно уже общечеловѣческое разсужденіе. Съ точки зрѣнія народной-то правды, дѣвочкѣ, можетъ-быть, даже и хорошо пострадать, вотъ какъ бурлаку волжскому.

Да, г. Достоевскій, и вы citoyen du monde, какъ и мы всѣ грѣшные. И тутъ, пожалуй, не объ чемъ печалиться, потому что разные бываютъ citoyens, точно такъ же, какъ и народная правда бываетъ разная. Элементы народной правды растутъ какъ грибы, стихійно, по направленію наименьшаго сопротивленія, и на одной и той же полянкѣ можно найти и съѣдобный грибъ и поганку. Вѣдь, варваръ мужикъ въ основаніи своемъ (я не говорю во всемъ своемъ существѣ) тоже имѣлъ правду народную, — право мужа бить жену, «учить». Что касается спеціально уголовной правды народной, то я напомню вамъ «Народныя русскія легенды» Аѳанасьева, гдѣ вы можете найти подвиги искупленія почище подвиговъ Власа и дерзостнаго

мужика. Вы найдете тамъ еще двѣ замѣчательныя легенды, помѣщенныя почти рядомъ (№ 28 «Грѣхъ и Покаяніе» и № 30 «Крестный Отецъ»). Въ одной идетъ рѣчь о великомъ грѣшникѣ, который долго несъ крестъ, но однажды не вытерпѣлъ и убилъ разбойника, хваставшаго убійствами. Онъ думалъ, что онъ совсѣмъ пропалъ, совершивъ убійство, когда и старыхъ грѣховъ не успѣлъ замолить. А оказалось, что именно убійство разбойника и спасло его: «міръ за него умолилъ Бога». Въ другой легендѣ совершенно наоборотъ: человѣкъ, изъ такихъ же побужденій, какъ и герой первой легенды, убиваетъ разбойника, и Господь ему говоритъ: «этотъ разбойникъ убилъ въ свою жизнь девять человѣкъ, а ты его грѣхи теперь на себя снялъ; ступай и трудись, пока грѣховъ своихъ не замолишь». Вотъ вы тутъ и разсуждайте. Спрашивается, что же дѣлать citoyen'амъ, людямъ, нюхнувшимъ правды «общечеловѣческой», въ виду стихійности и разнороднаго состава правды народной. Дѣлаютъ они вотъ что, и не могутъ они не дѣлать либо того либо другого: или они выбираютъ изъ народной правды то, что соотвѣтствуетъ ихъ общечеловѣческимъ идеаламъ, тщательно оберегаютъ это подходящее и при помощи его стараются изгнать неподходящее; или же навязываютъ народу свои общечеловѣческіе идеалы и стараются не видать неподходящаго. Г. Достоевскій, къ сожалѣнію, избираетъ второй путь, путь очень легкій. Ему хорошо жить. Онъ знаетъ, что, что бы съ народомъ ни случилось, онъ въ концѣ концовъ спасетъ себя и насъ. Г. Достоевскій очень часто повторяетъ эту фразу, и не подозрѣвая, вѣроятно, до какой степени она citoyen'ская: въ народной правдѣ этой фразы нѣтъ, народъ ждетъ спасенія отъ Бога, отъ «царей съ царицами», отъ «купцовъ московскихъ», но ничего подобнаго не ждетъ отъ себя. Какъ бы то ни было, но съ этою мыслью легко жить. Легко тоже жить съ мыслью о томъ, что мой народъ любитъ страдать. Но опять-таки это мысль citoyen'ская. Народъ ротъ разинетъ, если ее ему представить. Народъ можетъ съ почтеніемъ смотрѣть на принимающихъ мученическій вѣнецъ, онъ можетъ сочувственно относиться къ

добровольно несущимъ искупительный крестъ, онъ можетъ, наконецъ, страдать, не замѣчая этого или не зная выхода, но только citoyen'у можетъ притти въ голову, что народъ хочетъ, любитъ страдать, и притомъ citoyen'у, наклонному къ эксцентрическимъ идеямъ и къ обобщенію патологическихъ явленій. Однако, при всей легкости этихъ двухъ citoyen'скихъ мыслей, онѣ имѣютъ и нѣкоторое неудобство: съ ними легко жить, но трудно дѣйствовать. Каждый шагъ citoyen'а, проникнутаго этими мыслями, связанъ: съ одной стороны, онъ знаетъ, что народъ и только народъ скажетъ послѣднее слово, значитъ ему, citoyen'у, и соваться нечего; съ другой стороны, онъ знаетъ, что онъ, чего добраго, можетъ неосторожно лишить народъ его святыни — страданія. Не значитъ ли это броситься со скалы въ море? Сказать, что русскій народъ есть единственный народъ «богоносецъ» въ обоихъ смыслахъ слова Богъ, отрицать все созданное человѣчествомъ, — значитъ «дерзать» не меньше, чѣмъ дерзалъ Лямшинъ или Петръ Верховенскій, пуская мышь въ кіоту, и чѣмъ вообще дерзаютъ герои «Бѣсовъ». Границы добра и зла забыты здѣсь не меньше, чѣмъ у Ставрогина, Шигалева, Верховенскихъ. И, какъ и они, г. Достоевскій-Шатовъ грѣшникъ нераскаянный, гордящійся своимъ грѣхомъ и не помышляющій объ искупленіи.

Я вамъ скажу, г. Достоевскій, какъ смотрятъ на вещи другіе citoyen'ы, придерживающіеся перваго способа воззрѣнія на народъ и народную правду. Мы—я говорю «мы», потому что вмѣняю себѣ въ честь стоять въ рядахъ этихъ citoyen'овъ — мы поняли, что сознаніе общечеловѣческой правды и общечеловѣческихъ идеаловъ далось намъ только, благодаря вѣковымъ страданіямъ народа. Мы не виноваты въ этихъ страданіяхъ, не виноваты и въ томъ, что воспитались на ихъ счетъ, какъ не виноватъ яркій и ароматный цвѣтокъ въ томъ, что онъ поглощаетъ лучшіе соки растенія. Но, принимая эту роль цвѣтка изъ прошедшаго, какъ нѣчто фатальное, мы не хотимъ ея въ будущемъ. «Логическимъ ли теченіемъ идей», какъ вы смѣетесь надъ Герценомъ, или непосредственнымъ чувствомъ, долгимъ ли

размышленіемъ или внезапнымъ просіяніемъ, исходя изъ высшихъ общечеловѣческихъ идеаловъ или изъ прямого наблюденія,—мы пришли къ мысли, что мы должники народа. Можетъ-быть, такого параграфа и нѣтъ въ народной правдѣ, даже навѣрное нѣтъ, но мы его ставимъ во главу угла нашей жизни и дѣятельности, хоть, можетъ-быть, не всегда вполнѣ сознательно. Мы можемъ спорить о размѣрахъ долга, о способахъ его погашенія, но долгъ лежитъ на нашей совѣсти, и мы его отдать желаемъ. Вы смѣетесь надъ нелѣпымъ Шигалевымъ и несчастнымъ Виргинскимъ за ихъ мысли о предпочтительности соціальныхъ реформъ передъ политическими. Это характерная для насъ мысль, и знаете ли, что она значитъ? Для «общечеловѣка», для citoyen'а, для человѣка, вкусившаго плодовъ общечеловѣческаго древа познанія добра и зла, не можетъ быть ничего соблазнительнѣе свободы политической, свободы совѣсти, слова устнаго и печатнаго, свободы обмѣна мыслей (политическихъ сходокъ) и проч. И мы желаемъ этого, конечно. Но если всѣ связанныя съ этою свободой права должны только протянуть для насъ роль яркаго и ароматнаго цвѣтка,—мы не хотимъ этихъ правъ и этой свободы! Да будутъ они прокляты, если они не только не дадутъ намъ возможности разсчитаться съ долгами, но еще увеличатъ ихъ! А, г. Достоевскій, вы сами citoyen, вы знаете, что свобода вещь хорошая, очень хорошая, что соблазнительно даже мечтать объ ней, соблазнительно желать ея во что бы то ни стало, для нея самой и для себя самого. Вы значитъ знаете, что гнать отъ себя эти мечты, воздерживаться отъ прямыхъ и слѣдовательно болѣе или менѣе легкихъ шаговъ къ ней—есть нѣкоторый подвигъ искупительнаго страданія. Конечно, г. Достоевскій можетъ тутъ пустить въ ходъ иронію и посмѣяться надъ пожертвованіемъ, происходящимъ исключительно въ области мысли. Впрочемъ, я знаю, г. Достоевскій надъ этимъ не посмѣется...

Какъ бы то ни было, но увлекшись разработкой эксцентрическихъ идей и исключительныхъ патологическихъ явленій, г. Достоевскій просмотрѣлъ общую и здоровую основу, если не всѣхъ ихъ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ. Ухва-

тившись за печальное, ошибочное и преступное исключеніе — нечаевское дѣло, онъ просмотрѣлъ общій характеръ citoyen'ства, характеръ, достойный его кисти по своимъ глубоко трагическимъ моментамъ. Да, онъ достоинъ его кисти даже больше, чѣмъ разсказъ о дерзостномъ мужикѣ. Тотъ самъ согрѣшилъ, активно. Citoyen'ы-же подобны тѣмъ героямъ легендъ, которые *не зная* совершили блудъ съ матерью, сестрой и кумой, и за это несутъ тяжелую кару. Это несравненно глубже, трагичнѣе. Искупленіе невольнаго грѣха при помощи средствъ, добытыхъ грѣхомъ,— вотъ задача citoyen'овъ, я не говорю, конечно, всѣхъ.

Если г. Достоевскій считаетъ петровскій переворотъ моментомъ грѣхопаденія, то я готовъ съ нимъ согласиться, что только съ этого момента мы получили возможность познать свою наготу и устыдиться ея, какъ познали и устыдились наши прародители, Адамъ и Ева, вкусивъ древа познанія добра и зла. До Петра мы не стыдились и не могли стыдиться, не могли сознавать своей срамоты, хотя изъ этого не слѣдуетъ, чтобы срамоты не было въ дѣйствительности или чтобы срамота не была срамотой. Во всякомъ случаѣ, въ настоящее-то время мы, говоря словами, кажется, Винкельмана, не до такой степени нравственны и въ то же время не до такой степени безнравственны, чтобы ходить нагишомъ. И это сдѣлала петровская реформа. Какъ и всякая другая, наша цивилизація зачата въ грѣхѣ. Потъ многихъ позволяетъ немногимъ вести благородную жизнь, говоритъ Ренанъ и повторяетъ г. Страховъ. Таково несомнѣнно фактическое условіе первыхъ шаговъ всякой цивилизаціи. И пока извѣстный народъ остается замкнутымъ и непровѣтриваемымъ, это воспитаніе меньшинства насчетъ пота и страданія большинства входитъ въ составъ народной правды; оно никого не возмущаетъ, оно не сознается какъ грѣхъ. Такъ и шло у насъ дѣло до Петра. Допустивъ притокъ общечеловѣческихъ идеаловъ, Петръ вычеркнулъ этотъ параграфъ изъ народной правды, далъ возможность отнестись къ нему сознательно, тогда какъ народная правда инстинктивна и безсознательно наивна. Славянофилы клевещутъ, что Петръ внесъ неправду

въ русскую жизнь, тогда какъ онъ внесъ только возможность сознанія и, слѣдовательно, исправленія исконно существовавшей неправды. Тутъ произошло не забвеніе границъ добра и зла, а ихъ открытіе. Петръ не вычеркнулъ первороднаго грѣха цивилизаціи и даже не прекратилъ его развитія, хотя и далъ ему новыя формы. Да онъ этого и не могъ сдѣлать. Наука, искусство, богатство, утонченныя понятія, «благородная жизнь» не перестали высасывать силы изъ народа и послѣ Петра. Петръ даже, пожалуй, далъ моментально этому порядку вещей сильнѣйшее напряженіе. Но до него порядокъ этотъ не возбуждалъ обвиненій и не нуждался въ оправданіяхъ, какъ не возбуждаютъ обвиненій и не нуждаются въ оправданіяхъ удары грома, ростъ дерева, паденіе лавины. Послѣ него нужно одно изъ двухъ: либо подыскать какія-нибудь разумныя основанія для продолженія грѣховной цивилизаціи, либо подумать объ искупленіи грѣха помощью средствъ, добытыхъ грѣхомъ, каковы наука, искусство, техника. Они не могли быть добыты иначе, какъ потомъ и страданіями большинства, и, каково бы ни было величіе ихъ, ничто не въ состояніи сгладить пятна ихъ происхожденія. Если мы, citoyens du monde civilisé, пишемъ статьи въ «Гражданинѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ», то только потому, что досугъ нѣсколькихъ поколѣній нашихъ предковъ былъ обезпеченъ трудами, можетъ-быть, голодными смертями тысячъ и тысячъ людей. На извѣстной ступени развитія человѣкъ не можетъ не содрогаться при мысли о томъ количествѣ жизней, которое оплатило собою его личное развитіе. Если онъ и не въ состояніи представить себѣ съ достаточною ясностью всю эту необъятную перспективу невольныхъ жертвъ его невольной высоты, то его все-таки смутно тянетъ къ уплатѣ долга. Для насъ этимъ стремленіемъ даже измѣряется высота развитія человѣка. И замѣтьте, что несчастный citoyen, находящійся въ такомъ положеніи, не можетъ отказаться отъ дальнѣйшаго движенія цивилизаціи. Онъ не можетъ сказать: довольно науки, не надо искусства, не надо богатства, развитія, свободы; подѣлимся всѣмъ, что мы имѣемъ и знаемъ, съ народомъ и конецъ дѣлу. Это

простое рѣшеніе, предлагаемое кажется нѣкоторыми изъ полоумныхъ citoyen'овъ г. Достоевскаго, только полоумныхъ и можетъ удовлетворить. Нашъ долгъ народу неисчислимъ, и того, что мы въ настоящую минуту имѣемъ и знаемъ, не хватитъ и на уплату процентовъ, если бы даже предполагаемая полоумными citoyen'ами ликвидація и была возможна. Но она не возможна. Отдавая соціальной реформѣ предпочтеніе передъ политической, мы отказываемся только отъ усиленія нашихъ правъ и развитія нашей свободы, какъ орудій гнета народа и дальнѣйшаго грѣха. Отрицая науку для науки, мы требуемъ только, чтобы она помогла намъ расплатиться; но самая эта расплата можетъ совершиться только безостановочнымъ движеніемъ науки впередъ. Всѣ эти особенности положенія citoyen'овъ г. Достоевскій просмотрѣлъ.

Но вы просмотрѣли и, кромѣ этого, многое, г. Достоевскій, просмотрѣли любопытнѣйшую и характернѣйшую черту нашего времени. Если бы вы не играли словомъ «Богъ» и ближе познакомились съ позорнымъ вами соціализмомъ, вы убѣдились бы, что онъ совпадаетъ съ нѣкоторыми по крайней мѣрѣ элементами народной русской правды. А разъ вы убѣдитесь въ этомъ, вы уже не повторите, что «девятнадцатымъ февралемъ закончился петровскій періодъ русской исторіи, такъ что мы давно уже вступили въ полнѣйшую неизвѣстность». Нѣтъ, г. Достоевскій, мы вступили или вѣрнѣе вступаемъ въ полнѣйшую извѣстность. Спросите у своего сотрудника, автора экономическаго фельетона, г. Евгеньева, и онъ вамъ, вѣроятно, подтвердитъ это. Только онъ, можетъ-быть, разрисуетъ эту извѣстность въ слишкомъ розовыхъ краскахъ. Пока вы занимаетесь безумными и бѣсноватыми citoyen'ами и народной правдой, на эту самую народную правду налетаютъ, какъ коршуны, citoyen'ы благоразумные, не бѣснующіеся, мирные и смирные, и рвутъ ее съ алчностью хищной птицы, но съ аллюрами благодѣтелей человѣчества. Какъ! Россія, этотъ бѣсноватый больной, вами изображаемый, перепоясывается желѣзными дорогами, усыпается фабриками и банками, — и въ вашемъ романѣ нѣтъ ни одной черты изъ этого міра!

Вы сосредоточиваете свое вниманіе на ничтожной горсти безумцевъ и негодяевъ! Въ вашемъ романѣ нѣтъ бѣса національнаго богатства, бѣса самаго распространеннаго и менѣе всякаго другого знающаго границы добра и зла. Свиньи, одолѣваемыя этимъ бѣсомъ, не бросятся, конечно, со скалы въ море, нѣтъ, онѣ будутъ похитрѣе вашихъ любимыхъ героевъ. Если бы вы ихъ замѣтили, онѣ составили бы украшеніе вашего романа. Вы не за тѣхъ бѣсовъ ухватились. Бѣсъ служенія народу—пусть онъ будетъ дѣйствительно бѣсъ, изгнанный изъ больного тѣла Россіи,—жаждетъ въ той или другой формѣ искупленія, въ этомъ именно вся его суть. Обойдите его лучше совсѣмъ, если вамъ бросаются въ глаза только патологическія его формы. Рисуйте дѣйствительно нераскаянныхъ грѣшниковъ, рисуйте фанатиковъ собственной персоны, фанатиковъ мысли для мысли, свободы для свободы, богатства для богатства. Это, вѣдь, тоже citoyens du monde civilisé, но citoyen'ы, отрицающіе свой долгъ народу или не додумавшіеся до него. (Таковы у васъ только развѣ Степанъ Верховенскій и Кармазиновъ). Значитъ, они-то именно и составляютъ искомую вами противоположность Власамъ и дерзостнымъ мужикамъ, практикующимъ искупительное страданіе и только въ немъ находящимъ примиреніе со своею измученною совѣстью. Но если бы вы знали, г. Достоевскій, какъ мучитъ иногда совѣсть бѣдныхъ citoyen'овъ, признающихъ свой долгъ, особенно въ виду того, что кредиторъ и не сознаетъ себя кредиторомъ. Если бы вы знали, какъ мучительно напрягается иной разъ ихъ мысль, взвѣшивая способы погашенія долга. Я не говорю всегда, но бываютъ у этихъ людей минуты страшнаго страданія, и они не прячутся отъ него. Лучше бы вамъ ихъ не трогать, особенно въ такую минуту, когда кругомъ кишатъ и даютъ тонъ времени citoyen'ы съ совѣстью хрустальной чистоты и твердости...

Н. Михайловскій.

* * *

*) «Въ юности увлекался... съ лѣтами созналь свои заблужденія, раскаялся, отрекся отъ прошлаго и строго осудилъ свои юношескія мечтанія»,—вотъ въ короткихъ словахъ исторія такихъ писателей, какъ г. Достоевскій. Я знаю, что нѣкоторые поверхностные умы находятъ это несовсѣмъ благовиднымъ и даже... хуже того. Но, очевидно, что эти поверхностные умы никогда не раскаивались и не отрекались,—въ противномъ случаѣ они должны были бы понять, сколько великаго самоуслажденія заключается въ актѣ публичнаго раскаянія и отреченія. «Глядите на меня, добрые люди, какъ я смѣлъ и независимъ: сегодня я говорю и дѣлаю какъ-разъ противное тому, что говорилъ и дѣлалъ вчера, и я не скрываюсь, не прячусь,—напротивъ, я открыто и торжественно объявляю, что вчера я былъ однимъ, а нынче другимъ». И этотъ герой дня сознаетъ себя несравненно выше всѣхъ этихъ ординарныхъ «людишекъ», которые имѣютъ глупость упорствовать въ увлеченіяхъ своей юности, которые приросли къ своимъ убѣжденіямъ, какъ улитка къ раковинѣ, которые считаютъ измѣну низостью, ренегатство — пошлостью. Разумѣется, если слишкомъ многіе и слишкомъ часто будутъ прибѣгать къ этому дешевому (а иногда и очень выгодному) средству самовозвеличенія и самоуслажденія, то можно думать, что «отреченіе» и «раскаяніе» утратятъ всѣ свои обаятельныя свойства,—изъ актовъ, требующихъ нѣкотораго геройства и смѣлости, они превратятся въ акты самые будничные и ординарные. Можно опасаться, что у насъ это скоро и случится: слишкомъ ужъ много развелось кающихся и отрекающихся. Конечно, съ болѣе высшей, общественной точки зрѣнія, это фактъ весьма утѣшительный: юношескія увлеченія теряютъ свой вредный характеръ и становятся даже въ высокой степени полезными, служа постоянно предлогомъ къ самообличенію и самобичеванію...

Этотъ великій актъ публичнаго самозаушенія въ послѣднее время едва ли кто производилъ надъ собою съ такимъ

*) П. Никитинъ (П. Н. Ткачовъ) „Больные Люди“. „Дѣло“ 1873 года, №№ 3 и 4.

геройскимъ самоотверженіемъ, какъ разбираемый мною авторъ «Бѣсовъ». Что г. Достоевскій въ юности увлекался — это ни для кого не составляетъ тайны. Ни для кого не составляло также тайны, что онъ давно, повидимому, *покаялся* и *отрекся*. Самъ г. Достоевскій употреблялъ всевозможныя усплія, чтобы разсѣять на этотъ счетъ всякія недоумѣнія. Началъ онъ, разумѣется, тихонько и исподволь съ гг. Страхова, Аполлона Григорьева и незабвенныхъ «кнутиковъ либерализма», а кончилъ Мещерскимъ, «Гражданиномъ» и «Бѣсами». «Русскій Вѣстникъ» служилъ ему превосходной ступенью изъ стойла «Эпохи» въ причетническую «Гражданина»; «кнутики либерализма» и «свистуны изъ куска хлѣба» логически привели его къ бѣсовщинѣ г. Стебницкаго. Повидимому, раскаяніе и отреченіе полное: далѣе Лѣскова нельзя же итти! Понятно, съ какимъ искреннимъ удовольствіемъ должны были слѣдить прежніе его противники за успѣхами автора «Мертваго Дома» на поприщѣ покаянія. Успѣхи эти оказались неподлежащими ни малѣйшему спору и вдругъ... и вдругъ — о, ужасъ! — г. Достоевскій отпирается и открещивается отъ собственнаго покаянія, г. Достоевскій жалуется, что его «не понимаютъ», что его мысли превратно истолковываются, что его «аллегоріямъ» придается смыслъ, котораго онѣ вовсе не имѣютъ. Бѣдный г. Достоевскій! Его постигла участь, уже разъ испытанная однимъ изъ его вѣрныхъ соратниковъ по «Эпохѣ», г. Страховымъ. Сей философъ, въ тѣ дни, «когда намъ было ново сказанье правды и добра», и когда онъ еще не писалъ о женскомъ вопросѣ, вздумалъ было, порѣшивъ съ цивилизаціею луны, заняться вопросомъ о цивилизаціи Польши. Вопросъ былъ очень тонкій и щекотливый; нашъ философъ, какъ говорятъ,— желалъ разрѣшить его въ смыслѣ гг. Каткова и Аксакова, но на самомъ дѣлѣ рѣшилъ его такъ, что навлекъ на себя пареканіе въ сѣяніи «смуты и крамолы», и Аксаковъ съ Катковымъ не только не одобрили его, но едва ли не первые обличили его въ измѣнѣ и призвали къ порядку. Философъ, — какъ, вѣроятно, помнятъ читатели, — совсѣмъ растерялся: онъ публично расплакался и покаялся. Все

оказалось однимъ недоразумѣніемъ: философа не поняли; слова его превратно истолковали. Теперь та же исторія повторяется съ г. Достоевскимъ. Лѣтъ восемь тому назадъ написалъ онъ небольшой фантастическій разсказъ, который приняли въ то время за пасквиль на «одно лицо». Г. Достоевскій, какъ теперь оказывается, очень хорошо зналъ, въ какомъ именно смыслѣ понимается и комментируется его «Крокодилъ въ Пассажѣ», и однако, онъ тогда молчалъ, а теперь, почти черезъ цѣлое десятилѣтіе, онъ вдругъ начинаетъ увѣрять, что его превратно поняли, и что ему и на умъ не приходило писать пасквиль на упомянутое лицо.

8-го января нынѣшняго (1873) года, тотъ же Достоевскій написалъ въ «Гражданинѣ» фельетонъ (такъ - называемый «Дневникъ Писателя»), въ которомъ увѣрялъ, будто наши присяжные одержимы маніей прощать преступниковъ, и доказывалъ вредныя и разрушительныя послѣдствія такой странной маніи. Изъ этого фельетона вообще слѣдовало, по логикѣ обыкновеннаго читателя, что авторъ не доволенъ дѣятельностію нашихъ судовъ съ присяжными и отрицательно относится къ правосудію ихъ приговоровъ. Но г. Достоевскій въ слѣдующемъ же номерѣ «Гражданина» торжественно заявилъ, что его опять не поняли, и что статьѣ его придали такой смыслъ, какого она не имѣла или, по крайней мѣрѣ, не должна была имѣть. Изъ этихъ примѣровъ можно, кажется, заключить, что авторъ «Мертваго Дома» обладаетъ печальною способностью говорить не то и не такъ, какъ бы онъ хотѣлъ сказать; хочетъ онъ, напримѣръ, сказать, что столъ черенъ, а бумага бѣла, а по его словамъ выходитъ, будто столъ сѣръ, а бумага желта и т. п. Несчастное неумѣніе сообразовать свои мысли и желанія съ словами, или, лучше сказать, полнѣйшее отсутствіе такта,—того такта, безъ котораго и умный человѣкъ рискуетъ прослыть за полоумнаго, — вотъ это-то и составляетъ, какъ кажется, характеристическую, болѣзненную особенность таланта г. Достоевскаго. Въ головѣ у него точно сидитъ какой-то *злой духъ* и, помимо воли и желанія бѣднаго автора, постоянно заставляетъ его выдѣ-

лывать такіе поступки и произносить такія рѣчи, отъ которыхъ ему самому впослѣдствіи приходится отрекаться. Теперь онъ отрекается отъ крокодиловской аллегоріи и отъ очевиднаго смысла своихъ фельетонныхъ упражненій въ «Гражданинѣ», завтра онъ будетъ отрекаться отъ того значенія, которое, по мнѣнію всякаго обыкновеннаго читателя, должны имѣть его «Бѣсы». Онъ точно такъ же, какъ и теперь, воскликнетъ съ благороднымъ негодованіемъ: «но гдѣ же тому доказательства? Принесите мнѣ, что хотите: «Записки Сумасшедшаго», оду «Богъ», «Юрія Милославскаго», стихи Фета,—что хотите, и я берусь вамъ вывести тотчасъ же изъ первыхъ десяти строкъ, вами указанныхъ, что тутъ именно аллегорія о франко-прусской войнѣ или пасквиль на актера Горбунова,—однимъ словомъ, на кого угодно, на кого прикажете». И г. Достоевскій останется въ наивномъ убѣжденіи, что онъ «жертва вечерняя», «оскорбленная невинность», непонятый герой, и что только человѣческая злоба можетъ усмотрѣть въ *гражданскихъ* фельетонахъ, въ его аллегоріяхъ и бѣсахъ — пасквили и инсинуаціи, что они такъ чисты и невинны въ гражданскомъ отношеніи, какъ «безглагольныя» пѣснопѣнія Фета или «Записки Сумасшедшаго». Мнѣ кажется, что съ г. Достоевскимъ (если судить о немъ по его теперешнимъ отнѣкиваньямъ) случилось то же, что и съ однимъ изъ его героевъ, описанныхъ въ «Двойникѣ»; читатель, можетъ-быть, помнитъ, что въ «Двойникѣ» авторъ представилъ тонкій и необыкновенно искусный анализъ нѣкотораго *психіатрическаго случая*, характеризующагося *раздвоеніемъ* сознанія. Человѣку кажется (впрочемъ, самъ больной иногда этого и не сознаетъ), будто въ немъ сидятъ два человѣка, будто у него не одно, а *два* «я», каждое *я* ведетъ независимую, самостоятельную жизнь, и не только не отвѣчаетъ, но иногда даже и не сознаетъ поступковъ другого *я*. Случай этотъ хорошо извѣстенъ медикамъ и, вѣроятно, не безызвѣстенъ и самому г. Достоевскому. Въ г. Достоевскомъ тоже сидятъ два человѣка, его сознаніе раздѣлилось на два *я*: одно *я* сознаетъ себя неспособнымъ писать пасквили и гордо объявляетъ, что оно «не торгуетъ своимъ перомъ», и гну-

шается даже самой мыслей о какихъ-нибудь «заискиваніяхъ au haut lieu». Другое *я* — аникошонствуетъ съ Мещерскимъ, сочиняетъ крокодиловъ, пишетъ инсинуаціи на присяжныхъ и соперничаетъ съ Лѣсковымъ въ «Бѣсахъ». Я не хочу дѣлать первое *я* отвѣтственнымъ за поступки второго *я*; я вѣрю на слово г. Достоевскому, когда онъ увѣряетъ, будто его «не понимаютъ» и «невѣрно перетолковываютъ», т. е. я вѣрю на слово, что г. Достоевскій искренно отказывается отъ солидарности съ нѣкоторыми изъ своихъ поступковъ и съ настоящимъ смысломъ нѣкоторыхъ изъ своихъ писаній. Такимъ образомъ, авторъ «Бѣсовъ» представляется намъ не просто кающимся и отрекающимся, а *двойникомъ*, одна половинка котораго кается и отрекается, а другая отнѣкивается отъ этого покаянія и отреченія.

Случай не совсѣмъ ординарный, но не невозможный; и если вы вспомните, какъ странны и *бъсноваты* почти всѣ дѣйствующія лица въ повѣстяхъ и романахъ г. Достоевскаго, если вы вспомните, что большинство ихъ отличается какими-нибудь психическими аномаліями, то вы должны будете согласиться, что аномалія самого автора не изъ самыхъ удивительныхъ.

Но дѣйствительно ли это—только психическая аномалія, а не что-нибудь хуже... или лучше, смотря по воззрѣніямъ каждаго? Иными словами, имѣемъ ли мы право вѣрить г. Достоевскому на слово и дѣлать его, такъ сказать, невмѣняемымъ?

По правдѣ говоря, вопросъ этотъ, взятый самъ по себѣ, не особенно важенъ; по крайней мѣрѣ, что касается меня, то я бы не сталъ ни на единую секунду утруждать имъ своего вниманія; оцѣнка нравственнаго достоинства и личнаго характера автора «Мертваго Дома» нисколько меня не занимаетъ. Но дѣло въ томъ, что отъ того или другого разрѣшенія этого вопроса зависитъ рѣшеніе и вопроса о художественномъ талантѣ г. Достоевскаго, — а послѣдній литературная критика уже никакъ не можетъ обойти. Вотъ почему мы начнемъ именно съ провѣрки предположенія,

допускающаго въ авторѣ не столько сознательную умышленность, сколько болѣзненное настроеніе ума.

Стоитъ только припомнить все, что писалъ г. Достоевскій, въ качествѣ публициста, въ журналѣ своего покойнаго брата, стоитъ вспомнить, какая тенденція была пришита къ роману «Преступленіе и Наказаніе» и какъ многимъ «Бѣсы» позаимствовались отъ «Некуда», стоитъ, наконецъ, припомнить фельетоны «Гражданина», и мы безъ труда поймемъ, почему г. Достоевскій прослылъ за «кающагося и отрекающагося». Но, съ другой стороны, въ публицистическихъ и беллетристическихъ писаніяхъ этого «покаявшагося» грѣшника невольно обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее обстоятельство: въ своихъ публицистическихъ статьяхъ г. Достоевскій имѣетъ обыкновеніе выражаться такъ неясно, неопредѣленно, такъ мистически-туманно, такъ аллегорично (онъ очень любитъ аллегорію), что легко можно усомниться въ томъ, понимаетъ ли онъ самъ внутренній смыслъ того, что пишетъ. Въ лучшемъ случаѣ, онъ двусмысленъ, потому онъ всегда имѣетъ и будетъ имѣть возможность жаловаться, что его не понимаютъ и превратно толкуютъ. При отсутствіи раздвоенности въ его мысляхъ, такой фактъ было бы трудно объяснить; тѣмъ болѣе, что откровенное покаяніе не должно, повидимому, допускать никакой двусмысленности, никакой неопредѣленности. Еще болѣе двусмысленности и раздвоенности представляютъ два только что упомянутыя беллетристическія произведенія автора «Мертваго Дома». Дѣло въ томъ, что г. Достоевскій во всѣхъ своихъ беллетристическихъ упражненіяхъ исключительно ограничивается анализомъ *психіатрическихъ* аномалій человѣческаго характера, живописаніемъ внутренняго міра психически больныхъ людей. Само собою понятно, что никакія тенденціозныя обобщенія тутъ невозможны: нельзя же по больнымъ людямъ судить о здоровыхъ, и *чортикъ* Достоевскаго всегда остается въ дуракахъ, а самъ Достоевскій всегда имѣетъ предлогъ отнѣкиваться отъ его проказъ. Только одна психическая раздвоенность можетъ объяснить такое удивительное явленіе: съ одной стороны, г. Достоевскій никогда не выхо-

дитъ изъ своей спеціальности, и постоянно занимаетъ насъ разсказами о душевныхъ состояніяхъ разныхъ идіотовъ, маніаковъ, меланхоликовъ, эпилептиковъ; съ другой—ему очень хочется провести какую-нибудь *покаянную* тенденцію, *нѣчто* обличить и *кого-то* заклеймить. Но такъ-какъ тенденція бьетъ на изобличеніе здоровыхъ людей, а романистъ всегда имѣетъ дѣло съ больными людьми, то его тенденціозность находится въ вѣчномъ разладѣ съ его художественностью, его первое *я* съ его вторымъ *я*. Нагляднѣе всего доказываетъ это послѣднее его произведеніе—«Бѣсы».

Помимо детальныхъ подробностей, авторъ преслѣдуетъ въ романѣ какую-то не то благонамѣренную, не то мистическую тенденцію; тенденція эта, въ короткихъ словахъ, формулируется такимъ образомъ: всѣ эти ваши, тамъ, «мечтанія», «начинанія», «новые люди» и т. п.—все это не болѣе, какъ бѣсы, вышедшіе изъ больной Россіи и, подобно евангельскимъ бѣсамъ, перешедшіе въ *свиней*, т. е. «мечтающихъ юношей». «Юношамъ», обороченнымъ въ «свиней», ничего, разумѣется, болѣе не остается, какъ «броситься со скалы въ море» и потонуть; т. е. говоря не метафорически, а юридически, окончить жизнь самоубійствомъ или подпасть подъ дѣйствіе нѣкоторыхъ статей уголовнаго кодекса... Такъ просто, такъ удивительно просто формулируетъ *Бѣсъ* г. Достоевскаго свои отношенія къ окружающей его современности; г. Достоевскій могъ бы превзойти въ подвигахъ покаянія самыхъ аскетическихъ подвижниковъ россійской литературы. Но двойственность его внутренняго міра нейтрализуетъ ядовитость его чортика, и подвиги покаянія превращаетъ въ безцѣльное кривляніе. Не будь авторъ двойникомъ,—этого, конечно, никогда бы не могло случиться. Но почему эта двойственность автора почти или, лучше сказать, нисколько незамѣтная въ его первыхъ произведеніяхъ, съ такою откровенною рѣзкостью обнаруживается въ его послѣднихъ писаніяхъ и въ особенности въ «Бѣсахъ»? Я думаю: тутъ-то именно и доказалъ г. Достоевскій, на собственномъ примѣрѣ, что отрицать «философію среды» еще не значитъ эмансипировать себя отъ капризныхъ «вѣяній» этой «среды».

«Среда» сыграла съ нимъ злую штуку. «Ты позволяешь себѣ отрицать меня, высокомѣрно относиться ко мнѣ, можетъ сказать ему «среда»—презрительно смотрѣть на людей, которые проповѣдуютъ *мою* философію,—«философію среды» (слово, сочиненное самимъ г. Достоевскимъ), ты усматриваешь въ этой философіи подкопъ подъ общественную нравственность, обезличеніе человѣка, ниспроверженіе основъ уголовнаго, а слѣдовательно, и всякаго другого права, и т. д. Хорошо, посмотри теперь самъ на себя. Что ты такое, какъ не игрушка въ моихъ рукахъ, развѣ ты не продѣлывалъ всѣхъ тѣхъ штукъ, которыя я заставляю тебя продѣлывать? Развѣ ты не мечталъ и не увлекался, когда я мечтала и увлекалась? Развѣ ты не каялся и не отрекался, когда я каялась и отрекалась? «Среда» жаждетъ теперь сплетенъ, скандаловъ, Оффенбаха и танцъклассовъ. Давайте больше и больше сплетенъ, скандаловъ, раздражайте сильнѣе спинной мозгъ читателя, заставляйте его волосы подыматься дыбомъ, потѣшайте его, смѣшите его или пугайте, но только не заставляйте его думать и оглядываться. «Г. Достоевскій—человѣкъ среды, и онъ не могъ остаться глухъ къ ея потребностямъ; не онъ одинъ... большинство нашихъ беллетристовъ и публицистовъ на перерывъ спѣшатъ приспособиться къ капризнымъ вожделѣніямъ этой среды. Достоевскій поплылъ по теченію вмѣстѣ съ другими, но въ то время, какъ другіе умѣли отдаться этому теченію вполнѣ и нераздѣльно, нашъ бѣдный романистъ поплылъ какъ-то бокомъ, постоянно оборачивая одну половину тѣла назадъ, а другую впередъ. Тутъ-то ему и пришлось раздвоиться. Это была дань «духу времени». И опять таки, не съ одного него была взята такая дань. Почти всѣ современные (это еще не значитъ *новые*; читатель знаетъ, что новое и современное давно уже перестали быть синонимами) беллетристы были захвачены, какъ бы врасплохъ, новѣйшими требованіями среды. «Нервнаго раздраженія, скандаловъ, ужасовъ, разныхъ пикантностей», предъявляетъ имъ среда свой ультиматумъ. А откуда имъ ихъ взять? Въ жизни, правда, никогда не ощущалось недостатка ни въ скандалахъ, ни въ ужасахъ,

ни въ чертовщинѣ. Но на бумагѣ ничего не выходитъ; яркія черты дѣйствительности тускнѣютъ и стираются, все становится какъ-то вяло и безцвѣтно, какъ-то мутно и грязно. Въ результатѣ не оказывается не только никакого раздраженія, но даже никакого пріятнаго препровожденія времени. Въ другомъ мѣстѣ я старался объяснить, почему именно это такъ и должно было случиться. У нашихъ беллетристовъ, въ силу чисто историческихъ причинъ, не могла развиться творческая фантазія, они не способны, какъ и ихъ читатели, ни глубоко чувствовать ни смотрѣть прямо въ глаза неприглядной дѣйствительности; они способны только резонировать да анализировать, т. е. нагонять скуку, но скуки и безъ нихъ такъ много, что читатели не знаютъ, куда отъ нея дѣваться. Не обладая ни воображеніемъ ни глубиною чувствъ и въ то же время основательно опасаясь конкуренціи такихъ виртуозныхъ сочинителей скандаловъ, какъ Дрозъ, Габоріо и пр. — наши бѣдные романисты принялись за туземную фабрикацію «ужастей» и «пикантностей». Но тутъ-то и обнаружилась вся бѣдность ихъ творческихъ рессурсовъ: на первыхъ-же шагахъ пришлось обратиться за помощью и совѣтомъ къ полицейскимъ агентамъ, судебнымъ слѣдователямъ и даже просто къ стенографисткамъ окружныхъ судовъ. Конечно, это еще не бѣда, почему же и не позаимствоваться, когда это такъ легко и общедоступно? Матеріалъ самый богатый, повидимому, изъ него можно-бы было выкроить столько романовъ, что на каждаго беллетриста пришлось-бы въ годъ, по скромному расчету, дюжины по двѣ. Но полицейскіе агенты, судебные слѣдователи и стенографы давали только грубые факты, сырье; чтобы воспользоваться ими, нужно было предварительно обработать ихъ, прогнать ихъ, какъ говорится, сквозь горнило творческаго вдохновенія; безъ такой обработки и прогонки они не только не могли произвести на читателя желаемаго эффекта, но скорѣе могли нагнать на него опять таки одну скуку. Что за удовольствіе читать въ двухъ изданіяхъ разсказъ объ одномъ и томъ-же происшествіи, что за удовольствіе, развертывая новый романъ, на-

тыкаться на старую газетную корреспонденцію, на старый стенографическій отчетъ? Притомъ, если фактъ дѣйствительной жизни вклеивается цѣлкомъ и безо всякихъ существенныхъ измѣненій въ рамки какой-нибудь вымышленной фабулы, то онъ всегда производитъ впечатлѣніе суконной заплаты на атласномъ платьѣ. Процессъ воспроизведенія и передача дѣйствительно совершившихся фактовъ—это два совершенно различные и, во многихъ отношеніяхъ, діаметрально противоположные процесса, смѣшивать ихъ никогда не слѣдуетъ. Чѣмъ болѣе второй процессъ будетъ вмѣшиваться въ дѣятельность перваго, тѣмъ несовершеннѣе и неудовлетворительнѣе будетъ послѣдній. Беллетристъ, пичкающій свои романическіе вымыслы сырыми и непереработанными фактами и анекдотами изъ дѣйствительной жизни, перестаетъ быть художникомъ, и превращается въ простого хроникера, а подчасъ и въ сплетника. Наши беллетристы способны лишь на живописаніе *внутреннихъ* состояній человѣка, на отдѣлку разныхъ психологическихъ тонкостей и деталей, а между тѣмъ, та-же среда, которая выработала въ нихъ этотъ ограниченный талантъ, та-же среда требуетъ отъ нихъ теперь «пикантнаго» и «ужаснаго». За отсутствіемъ у насъ литературы скандалезныхъ мемуаровъ и семейныхъ хроникъ, беллетристамъ по необходимости приходится дѣлать постоянныя вторженія въ область уголовно-полицейскаго права. При нѣкоторомъ навыкѣ и при нѣкоторомъ (хотя бы и весьма поверхностномъ) знакомствѣ съ практикою полицейскихъ сыщиковъ, слѣдователей и т. п. можно, разумѣется, и не придерживаться слишкомъ слѣпо документальныхъ данныхъ, а сочинять уголовные случаи «изъ головы», какъ это, напримѣръ, дѣлаетъ извѣстный Крестовскій. Но отъ такого «сочинительства» произведеніе автора не становится ни на волосъ художественнѣе, оно только перестаетъ быть правдоподобнымъ и нерѣдко является, дѣйствительно, стоящимъ «внѣ законовъ» всякаго здраваго смысла. Впрочемъ, г. Достоевскій не принадлежитъ къ числу подобныхъ «сочинителей», онъ всегда строго и буквально придерживается «документовъ»; безъ ихъ помощи онъ не въ состоя-

ніи сочинить ни одной «ужасти», даже ни одной сплетни, ни одного скандала. Да, даже простого скандала, если онъ требуется романическимъ вымысломъ, онъ не способенъ изобрѣсти путемъ самостоятельнаго творчества.

Романъ г. Достоевскаго «Бѣсы» доказываетъ самымъ безспорнымъ образомъ то, что было, впрочемъ, очевидно и по первому его роману «Бѣднымъ Людямъ» — отсутствіе въ авторѣ всякой творческой фантазіи. Напрасно авторъ думалъ впослѣдствіи (въ «Преступленіи и Наказаніи» и въ «Идіотѣ»), когда явился спросъ на «ужасное», дополнить этотъ существенный недостатокъ своего таланта фантастическими вымыслами, напрасно онъ прибѣгалъ къ театральнымъ эффектамъ, безжалостно эксплуатируя и свои собственные нервы и нервы своихъ читателей, — изъ его потугъ ничего не выходило, кромѣ самыхъ безобразныхъ нелѣпостей, во вкусѣ французскихъ беллетристическихъ ремесленниковъ. Только у послѣднихъ фантастическій вымыселъ всегда отличается большею смѣлостью, чѣмъ у нашего автора. Въ «Бѣсахъ» окончательно обнаруживается творческое банкротство автора «Бѣдныхъ Людей»: онъ начинаетъ переписывать судебную хронику, путая и перевирая факты, и наивно воображаетъ, будто онъ создаетъ художественное произведеніе. Подобно большинству нашихъ беллетристовъ, и г. Достоевскій способенъ лишь на анализъ внутренняго міра человѣческой души, на психологическое резонерство; когда онъ выходитъ за предѣлы этого внутренняго міра, когда онъ даетъ волю своей творческой фантазіи, когда изъ анализирующаго психолога онъ пытается стать обобщающимъ художникомъ, онъ впадаетъ въ нелѣпость и односторонность, и тутъ-то его талантъ выказывается во всей своей яркости. Вы видите, что дальше психологическаго анализа онъ не можетъ итти, что за предѣлами психологіи онъ совершенно безсиленъ. Но и внутренній міръ человѣческой души доступенъ его анализу только *отчасти*, только въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ; и въ этомъ отношеніи г. Достоевскій мало чѣмъ отличается отъ прочихъ россійскихъ романистовъ. Я уже имѣлъ случай не разъ замѣтить, что наши романисты ограничива-

ются обыкновенно разработкою одной какой-нибудь группы человѣческихъ чувствъ, душевныхъ настроеній и т. п., одной какой-нибудь стороною человѣческаго характера. Излюбленное чувство ихъ—любовь, излюбленное душевное состояніе—почти всегда раздоръ съ самимъ собою и, такъ сказать, внутренній маразмъ,—привлекаетъ къ себѣ все вниманіе романиста, на нихъ сосредоточивается весь интересъ воспроизводимой имъ жизни, — все остальное стушевывается и отходитъ на задній планъ. Оттого нашему романисту никогда не удавалось и не удается создавать цѣлостные характеры, но за то часто удавалось и удается съ поразительною рельефностью живописать нѣкоторыя отдѣльныя чувства и изолированныя душевныя состоянія. У г. Достоевскаго есть тоже своя группа психическихъ явленій, и ихъ исключительнымъ анализомъ, ихъ постояннымъ воспроизведеніемъ исчерпывается весь его талантъ. Излюбленная имъ группа, съ одной стороны, довольно тѣсно примыкаетъ къ тѣмъ душевнымъ состояніямъ, которыя, по преимуществу, эксплуатируются россійскими беллетристами; но, съ другой стороны, она, если хотите, и весьма рѣзко отличается отъ нихъ. Впрочемъ, это различіе, на самомъ дѣлѣ, не такъ велико, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Герои г. Достоевскаго почти всегда ненормальные люди съ рѣзко обнаруживаемыми признаками умственной болѣзни; авторъ съ особенною любовію анализируетъ именно болѣзненныя явленія человѣческой души, извращенія человѣческихъ чувствъ и мыслей; психіатрія—вотъ его спеціальность, и вотъ почему онъ занимаетъ какъ бы исключительное мѣсто въ стаѣ славныхъ нашихъ беллетристовъ; однако тѣ душевныя состоянія, которыя чаще всего воспроизводятся нашими беллетристами, не только не отличаются никакою слишкомъ рѣзкою чертою отъ болѣзненныхъ явленій, воспроизводимыхъ г. Достоевскимъ, но, напротивъ, находятся съ нимъ въ близкомъ родствѣ: послѣднія составляютъ какъ-бы естественный продуктъ, окончательный результатъ первыхъ. Душевная дряблость и инертность, вѣчная возня съ своими внутренностями, вѣчный разладъ съ самимъ собою, вѣчное резонерство, от-

сутствіе живой, свободной, чуждой мелко-эгоистическихъ интересовъ дѣятельности, рѣшительная неспособность активнаго сопротивленія гнетущимъ вліяніямъ «среды»,—вотъ основной фонъ, вотъ тѣ существенные моменты, изъ которыхъ по преимуществу слагаются характеры героевъ, живописуемыхъ нашими романистами. Конечно, эти моменты выбраны не случайно, не въ силу какого-нибудь каприза; они дѣйствительно являются господствующими моментами въ характерахъ живыхъ людей нашей мѣщанско-интеллигентной среды, въ ея семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, въ ея теоретическихъ идеалахъ и нравственныхъ доктринахъ, во всемъ складѣ ея умственнаго міросозерцанія. Но хотя эти свойства нашего характера находятъ свое полное оправданіе въ условіяхъ нашихъ общественныхъ отношеній, хотя они составляютъ законный продуктъ нашего историческаго образованія, тѣмъ не менѣе въ нихъ нельзя видѣть здороваго, нормальнаго проявленія психической жизни человѣка. Не составляя сами по себѣ болѣзни, они составляютъ, однако, какъ-бы преддверіе болѣзни, почву, въ высокой степени благопріятную для развитія психическихъ аномалій; ими начинается вырожденіе человѣческаго характера, — вырожденіе, оканчивающееся идіотизмомъ, эпилепсіею, нравственнымъ или мыслительнымъ помѣшательствомъ. Особенно легко и почти незамѣтно они переходятъ въ такъ называемую *меланхолію*; въ большей части случаевъ почти невозможно даже опредѣлить, гдѣ кончается та «ветхость внутренняго человѣка», которую воспѣвалъ г. Тургеневъ, и гдѣ начинаются тѣ ясно выраженныя формы умственной болѣзни, которыя съ большимъ искусствомъ анализируетъ г. Достоевскій. Въ произведеніяхъ самого г. Достоевскаго читатель встрѣтитъ множество характеровъ, представляющихъ какъ бы переходную ступень отъ здоровья къ болѣзненному состоянію. Таковъ, напримѣръ, характеръ героя «Бѣдныхъ Людей», Раскольникова въ «Преступленіи и Наказаніи», Прокофія въ «Идіотѣ», Вельчанинова въ «Вѣчномъ Мужѣ», наконецъ, Степана Трофимовича Верховенскаго въ «Бѣсахъ» и т. д...»

Далѣе, переходя къ анализу дѣйствующихъ лицъ романа

«Бѣсы», Ткачовъ говоритъ: «Люди изъ «либераловъ-идеалистовъ» à la Верховенскій, или матери изъ категоріи помѣщицъ-самодурокъ à la Ставрогина имѣли прекрасное обыкновеніе держаться относительно воспитанія своихъ дѣтей спокойнаго правила laissez-faire. Сбывъ ребенка въ какое-нибудь казенное заведеніе, сдавъ на руки гувернеру или учителю, они считали свою воспитательную роль оконченною и тщательно воздерживались отъ всякаго вліянія на подраставшее поколѣніе. Конечно, это дѣлалось не ради какого-нибудь отвлеченнаго принципа, а просто по лѣни, эгоизму да невѣжеству. Люди, подобные Верховенскимъ и Ставрогинымъ, очень хорошо знали, что въ тепличной атмосферѣ крѣпостного быта дѣти должны были расти чисто-растительною жизнію; отъ нихъ не требовалось ни развитія активной воли ни воспитанія общественнаго чувства, тѣмъ менѣе образованія, которое бы становилось въ разрѣзъ съ общественнымъ кодексомъ крѣпостныхъ понятій и привычекъ. Такъ какъ будущая карьера ребенка заранѣе опредѣлялась извѣстнымъ служебнымъ рангомъ, и матеріальное его обезпеченіе готовымъ крестьянскимъ оброкомъ, то родительскія заботы о раціональномъ воспитаніи были совершенно излишни. Да и къ чему бы послужило это воспитаніе, если-бъ оно и сознавалось въ такой невѣжественной и лѣнивой школѣ, какъ маменьки Ставрогины и папеньки Верховенскіе, когда дальнѣйшее умственное развитіе дѣтей обусловливалось, по преимуществу, интересами и умственнымъ складомъ той среды, въ которую они попадали. Правда, въ большинствѣ случаевъ, интересы и умственное міросозерцаніе этой среды ничѣмъ существеннымъ не отличались отъ интересовъ и міросозерцанія родителей. Дѣти попадали обыкновенно въ житейскіе тиски такихъ же самодуровъ или такихъ же тряпичныхъ идеалистовъ, какими были и ихъ почтенные папеньки и маменьки. Но съ дѣтьми гг. Верховенскихъ и Ставрогиныхъ приключилась неожиданная штука: въ тотъ самый моментъ, когда имъ пришло время учиться, та среда, которой было препоручено ихъ обученіе, подверглась вторженію нѣкоторыхъ новыхъ, рутинно непредусмотрѣнныхъ

умственныхъ элементовъ. Дѣтей охватилъ потокъ какихъ-то «идей», ни разу еще не попадавшихъ въ прописи, какихъ-то «высшихъ интересовъ», весьма мало гармонировавшихъ съ реальными интересами ихъ отцовъ. Можетъ быть, эти дѣти, всѣ эти Верховенскіе, Ставрогины, Шатовы, Кирилловы, Виргинскіе etc. etc. при иной наслѣдственной организаціи и не оказались бы слишкомъ падкими на «новыя идеи» и «высшіе интересы»; но организація то ихъ была ужъ очень воспріимчива. Восковыя свойства нашихъ душъ, конечно, еще не разъ дадутъ себя знать въ нашей послѣдующей исторіи, и мы имъ будемъ обязаны еще многими чудными метаморфозами въ близкомъ будущемъ. Но едва ли хоть одна изъ предстоящихъ намъ метаморфозъ будетъ заключать въ себѣ столько трагическаго элемента, сколько та метаморфоза, которая превратила законныхъ дѣтищъ гг. Верховенскихъ, Ставрогиныхъ, Шатовыхъ, Кирилловыхъ etc. въ «рыцарей идей». Это была просто какая-то глупая и въ то же время безчеловѣчная пронія судьбы: изъ воска вздумали лѣпить фигуры, предназначенныя для мышленія! Какая несообразность! Но это еще не все: позволивъ этимъ фигуркамъ думать, желать, создавать великолѣпнѣйшіе идеалы, имъ не дали ни малѣйшей возможности осуществлять свои желанія, переводить теорію въ практику, идеалъ—въ дѣйствительность. Ихъ идеи были какъ бы законопачены въ ихъ головахъ; если имъ и позволялось иногда вылѣзать наружу, то все-таки не иначе, какъ подъ формою все той же абстрактной идеи. Вѣчно носить въ умѣ идеи, которымъ никогда не суждено перейти въ дѣло, т. е. дойти до послѣдняго фазиса развитія каждой мысли,—это уже само по себѣ пытка, и страшно-мучительная пытка. Однако, и это еще было не все. Можно жить, и даже очень пріятно жить, одними идеями, не мечтая объ ихъ практическомъ осуществленіи, если только въ запасѣ имѣется достаточное количество пищи для постояннаго обновленія и развитія этихъ идей. Въ этомъ случаѣ самый процессъ развитія идей до такой степени можетъ увлечь человѣка въ міръ безпечальнаго созерцанія «отвлеченностей», что до всего прочаго, до прак-

тическаго міра реальныхъ конкретностей ему и дѣла никакого не будетъ; онъ станетъ самодовольно наслаждаться въ своемъ царствѣ, и хотя это царство только идеальное царство, но онъ не промѣняетъ его на царство реальное, земное. Какъ бы ни шла въ разрѣзъ дѣйствительность съ его идеалами—это нисколько не разстроитъ его счастливаго настроенія духа, а только еще болѣе заставитъ его привязаться къ послѣднимъ и стать въ сторонѣ отъ первой. Не въ такомъ положеніи очутилось несчастное потомство господъ Верховенскихъ и Ставрогиныхъ. Въ ихъ головы было втиснуто нѣсколько идей, но имъ не дано было никакихъ прочныхъ рессурсовъ для питанія и развитія этихъ идей. Жить идеями, полюбить эти идеи, и въ то же время не имѣть возможности ни осуществлять ихъ во внѣ ни поддерживать внутренній процессъ ихъ развитія—вотъ по истинѣ великая пытка, способная сломить и *желѣзнаго*, не только *воскового* человѣка! И на эту пытку осудила жизнь ничѣмъ неповинное потомство Верховенскихъ и Ставрогиныхъ. Конечно, и сами родители не могутъ тутъ «умыть рукъ». Не могутъ они сказать: «мы тутъ не при чемъ; независящія отъ насъ обстоятельства сдѣлали изъ нашихъ дѣтей то, чѣмъ они никогда не сдѣлались бы, если бы...» и т. д. Правда, на счетъ идей—отцы неповинны; эти идеи, по большей части, забрались въ юныя головы, какъ уже сказано, безъ отцовской воли и благословенія. Но воскоподобный характеръ, но трусливая пассивность, слабость мозговъ, привычка къ умственной спячкѣ—развѣ это не отцовское наслѣдіе и развѣ не ему обязаны дѣти своей трагической судьбой? Конечно, тутъ были и другія условія, имѣвшія роковое значеніе въ ихъ жизни, но все-таки за ними никогда не слѣдуетъ просматривать вліяніе наслѣдственности. Спору нѣтъ, что дѣйствительность слишкомъ мало гармонировала съ лучшими стремленіями, навѣянными новыми идеями, конечно, требовалось много героизма, чтобы вступить съ нею въ борьбу; все это вѣрно. Однако-жъ вѣрно и то, что борьба, какъ бы она ни была сама по себѣ безнадежна, въ тысячу разъ лучше вѣчнаго приготовленія къ ней, безконечныхъ сбо-

ровъ и никогда не осуществляющихся ожиданій. Тамъ все-таки дѣятельность, тамъ жизнь, здѣсь пассивное, сонное прозябаніе. Человѣкъ, вступившій въ борьбу, не чувствуетъ ранъ, наносимыхъ ему вражескимъ оружіемъ, онъ не замѣчаетъ своей крови, ему некогда ни скучать ни отчаиваться; онъ забываетъ о самомъ себѣ, и хотя онъ погибаетъ, но вы не назовете его несчастнымъ. Несчастенъ, глубоко несчастенъ только тотъ человѣкъ, который падаетъ и изнемогаетъ еще прежде, чѣмъ вступитъ въ реальную борьбу, который самъ вѣчно убиваетъ себя малодушнымъ сомнѣніемъ и, постоянно приготовляясь къ чему-то, постоянно опускаетъ руки, съ отчаяніемъ восклицая: Зачѣмъ? Что изъ этого выйдетъ? Что я могу сдѣлать? При подобномъ настроеніи духа, идея, требующая энергіи, является дѣйствительно мучителемъ человѣка, она тиранитъ его и, взамѣнъ этихъ мученій, не обѣщаетъ ему никакихъ радостей. Разъ попавъ въ человѣческую голову, и не находя тамъ никакихъ матеріаловъ для своего дальнѣйшаго внутренняго развитія и никакихъ средствъ для своего внѣшняго осуществленія на практикѣ, она становится какимъ-то уже чисто патологическимъ явленіемъ. Задержанная въ своемъ логическомъ развитіи, она безпорядочно вмѣшивается во всѣ сферы внутренней жизни человѣка, насильно ввязывается въ такіе психическіе процессы, которые безъ нея совершались бы гораздо правильнѣе; она получаетъ какое-то уродливое, ненормальное развитіе... Прибавьте къ этому тотъ унаслѣдованный болѣзненный темпераментъ, о которомъ я говорилъ выше, и вы легко поймете, что метаморфоза, превратившая «либераловъ-идеалистовъ», «самодуровъ», лакействующихъ крѣпостныхъ въ «рыцарей идей», въ протестантовъ, что эта метаморфоза создала почву, въ высокой степени благопріятную для развитія психическихъ аномалій, умственнаго помѣшательства. Я не хочу этимъ сказать, будто умственное помѣшательство было необходимымъ, естественнымъ продуктомъ тѣхъ психическихъ и общественныхъ условій, при которыхъ росли разные Шатовы, Кириловы, Верховенскіе и имъ подобные, — что личности, въ родѣ названныхъ,

должны быть типическими представителями своего поколѣнія. Нѣтъ, и у этого поколѣнія, несмотря на всѣ благопріятныя обстоятельства, болѣзненное вырожденіе характера уже потому не могло сдѣлаться общимъ, обыденнымъ явленіемъ, что оно имѣло, подобно поколѣнію отцовъ, восковую душу. Восковая душа, облегчивъ, съ одной стороны, усвоеніе новыхъ идей, проникновеніе новыми интересами, съ другой, предохранила юношей отъ печальныхъ послѣдствій метаморфозы, ускорила или, по крайней мѣрѣ, сдѣлала возможнымъ ея обратный процессъ: отъ «рыцаря идеи» къ либералу-идеалисту, отъ смѣлаго теоретика къ осторожному практику, отъ протестанта къ вялому самодуру или къ пассивно подчиняющемуся человѣку. Восковая душа спасла многихъ отъ отчаянія и самыхъ непримиримыхъ превратила въ тихенькихъ овечекъ; она приспособила большинство къ новымъ или, лучше сказать, новѣйшимъ требованіямъ жизни, и, такимъ образомъ, благодаря ей, дѣтская трагедія окончилась водевилемъ съ переодѣваніями. Восковая душа облегчила непосредственный переходъ дѣтей господъ Верховенскихъ и Ставрогиныхъ въ адвокатуру, земство, пристроила ихъ къ концессіямъ, ко всевозможнымъ акціонернымъ компаніямъ, къ желѣзнодорожному дѣлу, къ обществу поощренія русской торговли и промышленности и т. п. Вообще воскъ, какъ извѣстно, вещество весьма пригодное для выдѣлки маленькихъ фигурокъ, и воскового рыцаря идей очень легко было перелѣпить въ современнаго Молчалина. Для того, чтобы человѣкъ могъ помѣшаться на идеѣ, нужно, чтобы онъ былъ вообще способенъ крѣпко прилѣпиться къ идеѣ, что бы она сдѣлалась выдающимся, господствующимъ факторомъ его душевной дѣятельности. Но воскъ очень мягокъ, и вылѣпленныя изъ него формы не отличаются большою прочностью; ихъ безъ особаго труда можно смять и передѣлать. Вотъ почему, какъ я уже сказалъ, помѣшательство, несмотря на условія, несомнѣнно ему благопріятствовавшія, все таки не сдѣлалось явленіемъ общимъ, а скорѣе является, какъ нѣкоторое исключеніе. Но если рѣзко выраженныя формы умственныхъ болѣзней и составляютъ

рѣдкое изъятіе изъ общаго правила, то нельзя того же сказать о формахъ, менѣе ясно выраженныхъ, о тѣхъ формахъ, которыя являются какъ бы переходною ступенью между здоровымъ и больнымъ состояніемъ человѣческой души. Идеи, запертыя въ головахъ, въ уединенное заключеніе и посаженныя на весьма скудную діэту, не могутъ развиваться вполнѣ нормально; желанія, которымъ никогда не суждено удовлетвориться, не могутъ не оставлять слѣда какой-то приниженности, недовольства на общемъ фонѣ психической жизни. И пока уединенно законопаченныя идеи окончательно не повытряхаются изъ головы, пока не замрутъ желанія и не затушуются высшіе интересы другими интересами, хотя и не столь возвышенными, но за то болѣе реальными, пока всѣ эти метаморфозы не совершатся въ восковой душѣ юноши, до тѣхъ поръ въ этой душѣ есть много поводовъ къ развитію психическихъ аномалій. Мы указали нѣкоторые изъ нихъ, но еще не всѣ; были и другіе и, быть-можетъ, не менѣе существенные. Здѣсь намъ нѣтъ надобности перечислять ихъ отъ перваго до послѣдняго, но нельзя не остановить вниманія, по крайней мѣрѣ, хоть на одномъ изъ нихъ,—на рѣшительномъ преобладаніи интеллектуальной жизни надъ прочими сторонами характера дѣтей. Такое отсутствіе равновѣсія въ отправленіяхъ психическаго организма, взятое само по себѣ, можетъ-быть, и не составляетъ недостатка, и во всякомъ случаѣ никто не увидитъ въ немъ болѣзненную аномалію. Но вспомните, что психическій организмъ младшихъ Ставрогиныхъ, Верховенскихъ и др. былъ весьма мало подготовленъ къ подобному казусу; вспомните, что длинный рядъ предшествующихъ генерацій велъ жизнь, по преимуществу, растительную; что у этихъ полу-людей элементъ чувственно-животный рѣшительно преобладалъ надъ элементомъ интеллектуальнымъ; вспомните, что нѣкоторыя изъ этихъ дѣтей, какъ, напр., Шатовъ, непосредственно вышли изъ той среды, «суровой среды», гдѣ, по мѣткому замѣчанію одного современнаго поэта, «поколѣнія людей живутъ безсмысленнѣй звѣрей и мрутъ безъ всякаго слѣда и безъ урока для дѣтей». И вдругъ этотъ слабый интел-

лектъ, не привыкшій къ самостоятельной работѣ, всегда игравшій второстепенную подчиненную роль, возводится на степень главнаго, преобладающаго фактора душевной жизни; ему передаютъ всѣ бразды внутренняго управленія, ему стараются насильственно подчинить тѣ чисто-инстинктивныя проявленія человѣческой природы, которыя еще такъ недавно считались неподлежащими никакому разумному контролю. Развѣ подобный психическій переворотъ, развѣ это неожиданное перемѣщеніе центровъ тяжести психической жизни не грозитъ весьма серьезными опасностями бѣдному уму дѣтей? Правда, и тутъ восковыя свойства ихъ души помогли имъ и счастливо выручили изъ бѣды; «жизнь по принципу», надъ которой въ свое время такъ много смѣялись, въ которой, дѣйствительно, часто встрѣчалось не мало нелѣпостей и эксцентричностей, но которая все-таки показывала, что у человѣка преобладаетъ критика надъ рутиною, разумность надъ животностью, — эта жизнь очень скоро выродилась въ пустое и водянистое резонерство, язву нашихъ дней.

Наконецъ, нельзя не указать еще на одно обстоятельство, въ высокой степени благопріятствовавшее болѣзненному вырожденію характеровъ,—это тѣ внѣшнія условія, та матеріальная обстановка, въ которой очутилось большинство дѣтей послѣ отмѣны крѣпостного права. Здѣсь не мѣсто говорить подробно объ этихъ условіяхъ, но никто не станетъ отрицать, что даже съ чисто-гигіенической точки зрѣнія они были крайне неудовлетворительны. Жизнь пролетарія, а именно такую жизнь приходилось вести разнымъ Верховенскимъ, Виргинскимъ, Шатовымъ, Кирилловымъ и т. п., уже сама по себѣ представляетъ весьма мало шансовъ для здороваго развитія человѣческаго организма. Только натуры энергическія, только дѣятельные и мужественные характеры, только люди, привыкшіе къ самостоятельному труду, не раздавленные ея тяжелымъ бременемъ, только они въ состояніи выйти цѣлыми и невредимыми изъ той тяжелой борьбы, которую она имъ готовитъ. Но потомство людей сороковыхъ годовъ, какъ мы уже знаемъ, не отличалось подобными качествами; имъ

негдѣ и некогда было выработаться. Крѣпостное право— завѣщало имъ лѣнь, непривычку къ дѣятельной жизни, пассивность и вялость. И съ такими свойствами имъ пришлось попасть въ обстановку пролетарія! Правда, и это вліяніе не долго имѣло мѣсто. Скоро для дѣтей открылись заманчивыя перспективы практической дѣятельности; потребовались вакансіи въ судебномъ вѣдомствѣ, пошли въ ходъ разные банки, акціонерныя, торговыя, техническія и иныя общества, бѣдняку была брошена довольно вкусная подачка, и настроеніе его духа совершенно измѣнилось. Но все это случилось уже нѣсколько позже. Условія жизни юношества измѣнились, и восковыя свойства его души гарантировали его отъ дальнѣйшихъ умственныхъ и нравственныхъ потрясеній. Тѣмъ не менѣе, однако, раньше, какъ мы старались выше объяснить, несомнѣнно существовалъ такой моментъ, когда всѣ условія — и наслѣдственныя предрасположенія, и внѣшняя обстановка, и характеръ воспитанія, — были въ высокой степени благопріятны для развитія психическихъ аномалій, весьма близко приближающихся къ концу пограничной области, отдѣляющей болѣзнь отъ здоровья.

Г. Достоевскій беретъ на себя трудъ анализировать эти аномаліи. Задача, повидимому, вполнѣ соотвѣтствующая его таланту, весьма искусному въ психіатрическомъ анализѣ и никогда не выходящему за предѣлы этого анализа. Однако, на этотъ разъ работа оказалась совершенно не подъ силу автору. Я уже выше сказалъ, что г. Достоевскій способенъ на анализъ лишь *нѣкоторыхъ* психіатрическихъ явленій; изъ «Бѣсовъ» оказывается, что это именно тѣ явленія, которыя, такъ сказать, болѣе или менѣе присущи его собственной душѣ; что онъ, какъ и большинство нашихъ беллетристовъ, совершенно неспособенъ къ объективному наблюденію; созерцая собственныя внутренности, наблюдая за проявленіями своей личной психической жизни, г. Достоевскій, какъ истый русскій романистъ, воображаетъ, будто онъ изучаетъ дѣйствительность и создаетъ характеры живыхъ людей. Въ «Бѣсахъ» авторъ представляетъ намъ цѣлую галлерею помѣшанныхъ юношей: Верхо-

венскаго, Ставрогина (сыновей), Шатова, Кириллова, Шигалева, но ни въ одномъ изъ нихъ вы не увидите ни образа ни подобія живого человѣка, это какіе-то манекены. и къ каждому манекену пашитъ ярлыкъ съ означеніемъ характера бреда, которымъ онъ одержимъ. Одинъ бредитъ (въ буквальномъ смыслѣ этого слова) проэктомъ будущаго соціальнаго устройства, по которому все человѣчество должно быть раздѣлено на двѣ неравныя части: одна десятая получаетъ свободу личности и безграничное право надъ остальными девятью десятыми; а эти послѣдніе превращаются въ какихъ-то вьючныхъ животныхъ, и путемъ длиннаго ряда перерожденій достигаютъ состоянія первобытной райской невинности. Другой бредитъ теоріею самоубійства; третій бредитъ теоріею самого г. Достоевскаго, изложенною въ «Гражданинѣ», *о народѣ-богоносцѣ*,—теоріею, которая отождествляетъ понятіе о Богѣ съ понятіемъ о національности. Четвертый бредитъ теоріею какого-то разрушенія, долженствующаго произойти при помощи всеобщаго разврата, оглупѣнія, мошенничества и подставного Ивана Царевича. Пятый ничѣмъ особеннымъ не бредитъ, но развратничаетъ до самозабвенія, кусается и выкидываетъ всевозможныя эксцентрическія штуки. За вычетомъ бреда, манекены г. Достоевскаго ничѣмъ особеннымъ другъ отъ друга не отличаются: Шатова не распознаешь отъ Кириллова, Верховенскаго отъ Ставрогина и т. п. Ихъ бредъ не находится ни въ какой логической связи и съ ихъ характерами, да и характеровъ-то у нихъ никакихъ нѣтъ. Шатовъ и Кирилловъ внѣ сферы своего бреда совсѣмъ какъ бы не существуютъ; Верховенскій сколько-нибудь своеобразенъ только въ своей фанатической исповѣди Ставрогину. Но эта исповѣдь нимало не гармонируетъ съ общимъ характеромъ героя, выкроеннаго по шаблону лѣсковскихъ нигилистовъ. Ставрогинъ—это какое-то бѣдное воплощеніе какой-то мистической теоріи о характерѣ «русскаго человѣка», подобно излагаемой авторомъ въ фельетонахъ «Гражданина». Съ точки зрѣнія этой теоріи русскій человѣкъ, съ одной стороны, постоянно хочетъ дерзнуть, съ другой стороны, — дерзнувъ, стремится

къ смиренному покаянію и самобичеванію. Такого-то, на все дерзающаго и касающагося человѣка тщится г. Достоевскій изобразить въ взбалмошномъ сынкѣ Варвары Петровны. Впрочемъ, моментъ покаянія оттѣненъ весьма слабо. Ставрогинъ, хотя и терпѣливо, сноситъ плюхи «за грѣхи свои», но вообще кается не особенно усердно. За это авторъ истомляетъ его внутренними страданіями, доводитъ до отчаянія и заставляетъ повѣситься. Но, независимо отъ полнаго отсутствія художественности въ изображеніи характеровъ «юныхъ безумцевъ», субъективизмъ автора съ особою рельефностью высказывается въ содержаніи того бреда, который онъ влагаетъ въ уста своихъ манекеновъ...

Если бы наше юношество воспитывалось подъ исключительнымъ вліяніемъ достопамятнаго Ивана Яковлевича, если бы оно почерпало всю свою мудрость изъ богословскихъ писаній Хомякова и философскихъ трактатовъ Кирѣевскаго, если бы его, вмѣсто гимназій и университетовъ, отправляли въ монастыри и къ отцамъ-схимникамъ, если бы оно съ пеленокъ было окружено спертою атмосферою семинарской схоластики, казарменной школы и юродствующаго невѣжества,—тогда, и только тогда, изъ его среды могли бы выходить больные, одержимые шатовскимъ и кириловскимъ бредомъ. Авторъ какъ будто не подозрѣваетъ, что между міросозерцаніемъ сумасшедшаго и міросозерцаніемъ той среды, изъ которой онъ вышелъ, всегда существуетъ самая тѣсная, неразрывная связь. Его занимаютъ тѣ-же вопросы, онъ разрабатываетъ тѣ-же темы, которыя занимаютъ и разрабатываются окружающими его людьми: онъ никогда не выходитъ изъ круга *ихъ* интересовъ, *ихъ* мыслей. «Среда» доставляетъ ему весь тотъ психическій матеріалъ, весь тотъ умственный фондъ, изъ котораго его больной мозгъ строитъ свои болѣзненные представленія и чернаетъ свои idées fixes. Идеи сумасшедшаго отличаются отъ идей породившей его среды не по своему содержанію, а по характеру своего развитія и въ особенности по своимъ отношеніямъ къ прочимъ факторамъ психической жизни человѣка. Какъ ни одинъ человѣкъ не можетъ видѣть во

снѣ ничего такого, чего-бы онъ сознательно или безсознательно не передумалъ и не перечувствовалъ наяву,—такъ точно ни одинъ психически больной не можетъ формировать свои идеи независимо отъ данныхъ, сознательно или безсознательно усвоенныхъ отъ окружающихъ его людей. Поэтому, по характеру сумасшествія и по содержанію бреда больного, всегда возможно опредѣлить характеръ и міросозерцаніе среды, изъ которой онъ вышелъ. Въ болѣзненныхъ представленіяхъ уродцевъ, созданныхъ не совсѣмъ нормальной фантазіей г. Достоевскаго, — уродцевъ, помѣшавшихся на какихъ-то неопредѣленно мистическихъ пунктахъ,—очевидно, нисколько не отражается міросозерцаніе той среды, — среды лучшей образованной молодежи, изъ которой они вышли. Правда, пунктъ помѣшательства Верховенскаго нѣсколько болѣе правдоподобенъ. Его idée fixe рѣзко отличается отъ туманныхъ фантасмагорій Шатова и Кириллова. Между нею и вопросами, волнующими ту среду, изъ которой вышелъ Верховенскій, дѣйствительно существуетъ нѣкоторая связь, и помѣшательство на ней сына Степана Трофимовича, не представляя никакого абсурда, могло бы, напротивъ, стать очень благодарною темою для психіатрическаго анализа. Но тутъ-то вотъ и обнаружилось все безсиліе авторскаго таланта, способнаго лишь на воспроизведеніе своихъ субъективныхъ ощущеній. Онъ никогда не наблюдалъ и не можетъ себѣ представить, даже въ самыхъ общихъ, я не говорю уже — образныхъ, чертахъ психическое состояніе человѣка, помѣшавшагося на идеѣ разрушенія. Потому идея у него осталась сама по себѣ, а человѣкъ самъ по себѣ; между бредомъ и бредящимъ не существуетъ ни малѣйшей связи. Если бы какой-нибудь шутникъ вырѣзалъ изъ романа тѣ страницы, на которыхъ напечатанъ разговоръ Верховенскаго съ Ставрогинымъ объ Иванѣ Царевичѣ, то читателю и въ умъ бы никогда не пришло, что Верховенскій фанатикъ, одержимый несбыточными идеями. Вообще характеръ этой личности составленъ механически крайне грубымъ и топорнымъ образомъ, изъ двухъ частичекъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго: съ одной стороны, авторъ,

позаимствовавъ изъ одного стенографическаго отчета нѣсколько біографическихъ данныхъ объ одномъ подсудимомъ, вздумалъ воспроизвести ихъ въ лицѣ своего героя; съ другой стороны, онъ подслушалъ гдѣ-то чью-то мысль о необходимости «разрушенія», не понялъ ея, перепуталъ, затѣмъ эту перепутанную мысль облекъ въ формы безсвязнаго бреда, и объявилъ, будто этотъ бредъ — idée fixe его героя. Но какой-же читатель этому повѣритъ? Читатель видитъ только плохое олицетвореніе одного стараго стенографическаго отчета и пришитую къ нему бѣлыми нитками какую-то нелѣпость, самимъ авторомъ изобрѣтенную и ничего общаго съ его стенографическимъ олицетвореніемъ не имѣющую. Совершенно не понимая, не имѣя даже ни малѣйшаго предчувствія о тѣхъ психическихъ и физіологическихъ феноменахъ, которые совершаются въ душѣ человѣка, одержимаго какою-нибудь idée fixe, авторъ наивно воображаетъ, будто достаточно заставить человѣка говорить безсвязный отрывочный вздоръ, притомъ вздоръ ни мало несообразный ни съ образомъ жизни этого человѣка, ни съ его поведеніемъ, ни съ дѣятельностію, — и характеръ больного субъекта очерченъ. Благодаря такой забавной мысли, герои романа г. Достоевскаго болѣе походятъ на пьяныхъ или на одержимыхъ острымъ delirium tremens. чѣмъ на хронически больныхъ или вообще на трезвыхъ людей. Когда Верховенскій начинаетъ излагать Ставрогину свое profession de foi, то у послѣдняго прежде всего является вопросъ: «гдѣ онъ успѣлъ напиться?» Вѣроятно, тотъ-же вопросъ приходилъ на умъ и гостямъ Виргинскаго, присутствовавшимъ при «бредѣ» Шигалева. Этотъ юноша задался идеею, что онъ изобрѣлъ какое-то удивительнѣйшее рѣшеніе соціальнаго вопроса, котораго до него никто и не подозрѣвалъ, и въ которомъ, по его мнѣнію, заключается все спасеніе человѣчества. «Кромѣ моего разрѣшенія общественной формулы, восторженно восклицаетъ онъ,—не можетъ быть никакого»... «все, что изложено въ моей книгѣ, не замѣнимо, и другого выхода нѣтъ, никто ничего не выдумаетъ». Но, кромѣ этого восторженнаго заявленія, ничто не даетъ намъ права заключать, что Ши-

галевъ дѣйствительно одержимъ какою-нибудь idée fixe. Въ своемъ безсвязномъ бреду онъ даже самъ съ ироніею относится къ своей теоріи. «Я, бредитъ онъ, запутался въ собственныхъ данныхъ, и мое заключеніе въ прямомъ противорѣчіи съ первоначальной идеею, изъ которой я выхожу»... Г. Достоевскій не подозрѣваетъ, кажется, что у сумасшедшаго, одержимаго хроническимъ однопредметнымъ помѣшательствомъ, есть своя логика, и логика очень сильная; онъ обыкновенно излагаетъ свои мысли связно, пространно и совершенно спокойно (если только ему не противорѣчатъ); онъ слишкомъ убѣжденъ въ своей правотѣ и непогрѣшимости, онъ слишкомъ проникнутъ возможностью своихъ умозрѣній, чтобы лѣзть изъ-за нихъ на стѣну. Въ его рѣчахъ гораздо больше торжествующаго самодовольства, чѣмъ горячечнаго волненія. При томъ-же, въ настоящее время, при современныхъ успѣхахъ психіатріи, странно воображать, какъ это дѣлаетъ авторъ «Бѣсовъ», будто мѣстное пораженіе мозга, помѣшательство на одной какой-нибудь идеѣ, можетъ имѣть мѣсто безъ общаго, болѣе или менѣе ясно выраженнаго разстройства всего психическаго организма; будто человѣкъ можетъ возрастить въ своей головѣ безумныя идеи, городить по поводу ихъ всякую чушь, и въ то же время оставаться совершенно здоровымъ во всѣхъ прочихъ проявленіяхъ своей аффективной и интеллектуальной жизни. Только люди, впавшіе во временный горячечный бредъ, подъ вліяніемъ алкоголя или какихъ-нибудь иныхъ сильныхъ нервныхъ потрясеній, представляютъ нѣкоторую аналогію съ юными героями «Бѣсовъ», въ особенности съ Верховенскимъ и Шигалевымъ. Шатовъ и Кирилловъ въ развитіи своихъ безумныхъ идей обнаруживаютъ болѣе логики, но они все-таки болѣе смахиваютъ на пьяныхъ, чѣмъ на больныхъ. Если бы они слишкомъ часто не впадали въ бредъ, читатель ни за что бы не догадался, что это хроническіе больные, помѣшанные, одинъ — на отрицаніи, другой—на исканіи истины. Они бредятъ, «точно по книжкѣ читаютъ», отчитаютъ — и все кончено и незамѣтно, что они сумасшедшіе. Одинъ Кирилловъ составляетъ нѣкоторое исключеніе и то только

потому, что авторъ постоянно заставляетъ его бредить и, кромѣ этого бреда, не знакомитъ насъ рѣшительно ни съ чѣмъ, что могло бы имѣть хоть какое - нибудь отношеніе къ его внутренней жизни. Вы получаете нѣкоторое понятіе о свойствѣ бреда Кириллова, но у васъ не остается ни малѣйшаго представленія о самомъ Кирилловѣ. О Шатовѣ узке и говорить нечего; это плохое олицетвореніе фельетоновъ «Гражданина» («Дневника Писателя»), какъ Верховенскій олицетвореніе стенографическаго отчета, и ничего болѣе. Тутъ опять сказывается все безсиліе художественнаго таланта автора. Идеи, вложенныя въ уста Шатова и Кириллова, очевидно, его собственныя идеи, онъ самъ додумался до нихъ, онъ не подслушалъ ихъ гдѣ-то на улицѣ, какъ онъ подслушалъ у кого-то шигалевскую философію и верховенскія теоріи; потому онъ развиваетъ ихъ (т. е. заставляетъ своихъ героевъ развивать) довольно логично, до такой степени логично, что даже «Гражданинъ» не прочь позаимствовать у Шатова его мистическія бредни. Видимо, что эти бредни — плоть отъ плоти, кровь отъ крови самого автора. Но за то ими одними и исчерпывается весь характеръ Шатова и Кириллова. Кромѣ отвлеченнаго, абстрактнаго бреда, въ нихъ нѣтъ рѣшительно ничего реальнаго, конкретнаго: онѣ изображаютъ собою одинъ горячечный бредъ и только. Авторъ пережилъ идеи, вложенныя имъ въ уста его двухъ героевъ, но онъ, вѣроятно, не помѣшанъ на этихъ идеяхъ, для него онѣ не болѣе, какъ нѣкоторыя отвлеченныя умозрѣнія, не играющія никакой господствующей роли въ его психической жизни. У него онѣ имѣютъ, такъ сказать, чисто мѣстный характеръ, занимаютъ лишь очень маленькій уголокъ въ его внутреннемъ мірѣ. Если бы значеніе ихъ измѣнилось, если бы онѣ превратились въ деспотическія idées fixes, то и весь внутренній міръ автора измѣнился бы, онъ испыталъ бы такія субъективныя ощущенія, которыхъ теперь и представить себѣ не можетъ. Тогда бы онъ могъ дать намъ если не художественный образъ (онъ, вообще, не обладаетъ способностью къ художественному синтезу) то, по крайней мѣрѣ, вѣрный и правдивый ана-

лизъ шатовскаго и кирилловскаго характеровъ. Теперь же онъ далъ намъ лишь анализъ своихъ идей, а изъ однихъ идей, да еще несомнѣнно нелѣпыхъ, нельзя выкроить характера. Вотъ отчего его Шатовъ и Кирилловъ вышли только манекенами. Но и манекеновъ то онъ не сумѣлъ создать порядочныхъ; вмѣсто того, чтобы сообразкаться при ихъ построеніи съ тѣми безумными идеями, которыя они должны были воплощать въ себѣ, онъ, подъ вліяніемъ, вѣроятно, своего шаловливаго чортика, вздумалъ сообразкаться съ тѣмъ несчастнымъ стенографическимъ отчетомъ, изъ котораго уже сдѣлалъ столько ненужныхъ заимствованій и въ которомъ всегда менѣе могъ найти матеріалы, пригодные для своихъ манекеновъ. Въ самомъ дѣлѣ, есть ли какая-нибудь логическая возможность предположить, будто люди, долженствующіе служить олицетвореніемъ московскаго кликушества и философіи «Гражданина», чтобы эти люди впутались въ тайное политическое общество, руководимое Верховенскимъ и преслѣдующее цѣли, не имѣющія ничего общаго съ ихъ idées fixes? Между міросозерцаніемъ Ставрогиныхъ, Верховенскихъ, Виргинскихъ, Шигалевыхъ и т. п. и міросозерцаніемъ Шатова и Кириллова не было ни единой точки соприкосновенія; то, что волновало и интересовало первыхъ, было совершенно индифферентно для послѣднихъ, и наоборотъ. Зачѣмъ же романисту вздумалось свести всѣхъ этихъ людей вмѣстѣ? Вѣдь, они принадлежали не только къ различнымъ, но и противоположнымъ лагерямъ. Неужели г. Достоевскій не могъ понять, что на манекена, приноровленнаго къ средѣ Верховенскихъ и Ставрогиныхъ, нельзя нашивать кирилловско-шатовскаго міросозерцанія? Неужели его нисколько не шокировала дикая нелѣпость измышленнаго имъ сопоставленія? Безъ преувеличенія можно сказать, что ни одинъ изъ самыхъ даже лубочныхъ беллетристовъ отечественной прессы никогда еще не впадалъ въ такой психическій абсурдъ, никогда еще такъ грубо не нарушалъ самыхъ элементарныхъ правилъ художественнаго творчества, самыхъ законныхъ требованій правдоподобія.

П. Никитинъ (П. П. Ткачовъ).

* * *

*) Г. Достоевскій, несмотря на безспорный и выходящій изъ ряду талантъ, признаваемый за нимъ даже его литературными врагами, не можетъ называться любимцемъ русской читающей публики, значительная часть которой просто на просто *боится* его романовъ. Читатель, принимаясь за романъ, въ большинствѣ случаевъ ищетъ въ немъ легкаго, занимательнаго чтенія, иногда извѣстнаго рода тенденціи, развитія какой-нибудь модной идейки; не прочь онъ, пожалуй, даже отъ драматическаго содержанія, лишь бы драма была въ мѣру и не слишкомъ разстраивала она нервы. Это и понятно: человѣкъ усталъ отъ дневныхъ дѣлъ и заботъ своихъ, ему хочется отдохнуть, развлечься, стряхнуть съ себя хоть минутно пыль своей дѣятельности, часто очень некрасивой — и онъ идетъ къ писателю за развлеченіемъ, а не за тяжелой работой для мысли, за впечатлѣніями болѣе или менѣе легкими, скользящими, а не подавляющими.

Г. Достоевскій не можетъ удовлетворить этимъ требованіямъ. Съ первыхъ же страницъ схватываетъ онъ читателя и увлекаетъ противъ воли въ свое мрачное царство, гдѣ собрано все, что только есть темнаго, больного, мучительнаго, безобразнаго въ нашей общественной и личной жизни. Онъ вскрываетъ такую глубину человѣческаго *я*, и освѣщаетъ въ ней такія явленія, что иногда, дѣйствительно, морозъ подираетъ по кожѣ; онъ находитъ выраженіе самымъ неуловимѣйшимъ ощущеніямъ и мыслямъ. Въ этомъ удивительномъ схватываніи и выраженіи неуловимыхъ, но, тѣмъ не менѣе, безспорно существующихъ явленій внутренняго міра человѣка, и заключается вся мощь таланта г. Достоевскаго; въ направленіи этого тончайшаго анализа, имѣющаго дѣло почти исключительно съ темными и болѣзненными проявленіями человѣческой общественной жизни, и выражается односторонность его таланта. Впечатлѣніе, оставляемое многими изъ его повѣстей и романовъ, можно сравнить съ тяжелымъ сновидѣніемъ, обусловленнымъ какимъ-нибудь особеннымъ состо-

*) Sine ira (Вс. С. Соловьевъ). „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1875 г., № 32.

яніемъ организма: грезится что-то огромное, сложное, иногда съ несмѣтнымъ количествомъ лицъ или событій; все перепутано, все крутится, несется въ какомъ-то вихрѣ, и надо всѣмъ этимъ царитъ одно мучительное, давящее и необычайно сильное ощущеніе. Проснешься—даже не помнишь подробностей этого сна; но испытанное въ немъ ощущеніе сохранилось всецѣло, и никогда его не забудешь.

Подобное впечатлѣніе, разумѣется, помимо мыслей, ими вызванныхъ, оставляютъ, главнымъ образомъ, послѣднія произведенія г. Достоевскаго, всего же болѣе романъ «Бѣсы». Здѣсь авторъ нѣсколько отходитъ отъ своего исключительно субъективнаго взгляда въ анализѣ внутренняго міра отдѣльнаго человѣка и подвергаетъ анализу тѣ явленія современной общественной жизни, которыя представлются ему странными и безобразными. Что не выдуманы имъ эти явленія, а дѣйствительно существуютъ въ этомъ долженъ убѣдиться каждый зрячій человѣкъ, не ограничивающій свой кругозоръ тѣсными рамками той сферы, въ которой онъ постоянно вращается. Напрасно авторъ статьи «Русская Литература въ 1874 году», помѣщенной въ 4 № «Недѣли», говоря объ изданіи журнала «Время», редакторомъ котораго былъ г. Достоевскій, замѣчаетъ, между прочимъ, слѣдующее: «...Сопоставляя это обѣщаніе съ именемъ г. Достоевскаго, славу котораго въ то время составляли не «Бѣсы», а «Бѣдные Люди» и потомъ «Записки изъ Мертваго Дома», общество встрѣтило новый журналъ съ замѣтнымъ сочувствіемъ...» Исторія нашей литературы доказываетъ, что сочувствіемъ или несочувствіемъ читателей не всегда еще можно измѣрять значеніе и достоинство литературнаго просвѣщенія, и намъ кажется, что «Бѣсы», дѣйствительно, встрѣченные весьма многими съ какимъ-то недоумѣніемъ, несмотря на это, все-же представляютъ одно изъ крупнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ явленій современной литературы. Въ романѣ много неяснаго и безпорядочнаго, и онъ напоминаетъ, какъ мы уже сказали, впечатлѣніе тяжелаго сна: но всѣ эти недостатки порождаются сущностью той задачи, которую взялъ на себя авторъ. Человѣкъ, окруженный атмосферой, въ ко-

торую медленно проникаютъ міазмы, не замѣчаетъ существованія этихъ міазмовъ, и если даже оно ему доказано, то нужно необыкновенно развитое обоняніе и много усилій, чтобъ уловить ихъ. Авторъ «Бѣсовъ» живетъ въ нашей атмосферѣ и только необыкновенная чуткость его таланта позволяетъ ему замѣчать окружающіе насъ міазмы. Спѣша уловлять ихъ и подвергать анализу, онъ весь отдается этой работѣ, и вотъ почему не всегда можетъ удовлетворять нѣкоторымъ условіямъ, требуемымъ отъ романиста. Только спокойный взоръ человѣка, находящагося внѣ нашей атмосферы, въ извѣстномъ отдаленіи отъ нашей эпохи, увидитъ итогъ современныхъ явленій, ихъ результаты, и найдетъ въ твореніяхъ г. Достоевскаго богатый матеріалъ для уразумѣнія этихъ явленій. Поэтому намъ кажется, что вполнѣ вѣрная и безпристрастная оцѣнка «Бѣсовъ» возможна только въ будущемъ.

В. С. Соловьевъ.

* * *

*) Если вы имѣли терпѣніе дочитать до конца это произведеніе нашего, когда-то чрезвычайно популярнаго бел-

*) „Сіяніе“ 1873 г., № 15.

*) Настоящая статейка помѣщается здѣсь, какъ особенно типичный образецъ тогдашнихъ отзывовъ и рецензій о романѣ „Бѣсы“, разбросанныхъ почти по всѣмъ газетамъ большой и малой прессы. Хотя и были исключенія въ пользу романа и его автора, но по своей немногочисленности они стушевывались среди общаго крика порицанія „Бѣсовъ“ и Достоевскаго. Нападкамъ подвергались со стороны печати, порицавшей романъ, даже тѣ литературные органы, которые позволили себѣ отнестись къ нему одобрительно. Такъ, напр., „Русскій Міръ“ (1875 г., № 237), причислившій „Бѣсовъ“ „къ лучшимъ и талантливѣйшимъ явленіямъ нашей литературы за послѣдніе годы“, былъ неоднократно и зло осмѣянъ. Однако, несмотря на подобное отношеніе критики къ „Бѣсамъ“, романъ весьма охотно читался и распространялся въ публикѣ. Этотъ неоспоримый фактъ нѣкоторые критики объясняли тѣмъ, что „Бѣсы“ принадлежатъ къ разряду *уголовныхъ романовъ*, которые вошли у насъ въ большую моду со времени введенія въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ.—Здѣсь же умѣстнымъ считаю, въ видѣ курьеза, напомнить читателямъ слова одного рецензента „Бѣсовъ“, характеризующаго какъ свое личное понятіе и отношеніе къ критикѣ, такъ и взглядъ на нее своей-же братіи. „Присяжные наши критики, серьезно говоритъ рецензентъ,—высказались на счетъ романа съ разныхъ точекъ зрѣнія, иные одобрительно, другіе съ бранью, смотря по тому, въ какихъ отношеніяхъ, въ какой степени родства или свойства находился тотъ или другой критикъ къ Ѳедору Достоевскому“ (Искра 1873 г., № 6). *Примѣч. В. Зелинскаго.*

летриста, то, кромѣ чувства досады и даже сильнѣе его, вы почувствуете сожалѣніе, можетъ даже грусть... Вамъ будетъ больно видѣть паденіе писателя, безъ сомнѣнія, талантливаго, и паденіе человѣка въ этомъ романѣ, украшавшемъ собою въ прошломъ году страницы «Русскаго Вѣстника». Теперь литературѣ особенно нужны талантливые и честные дѣятели, а передъ вами еще утрата. Конечно, никто не обвинитъ меня въ голословности сказаннаго: стоитъ сравнить — «Записки изъ Мертваго Дома» съ «Дневникомъ Писателя», и тѣмъ г. Достоевскимъ — объ которомъ теперь достаточно сказать только то, что онъ состоитъ редакторомъ «Гражданина» — и это сравненіе краснорѣчивѣе всего подтвердитъ мое мнѣніе. Да,

Измѣнились и люди и нравы—

и какъ еще измѣнились! Но вмѣстѣ съ тѣмъ должно было измѣниться и дѣйствительно измѣнилось къ нимъ и отношеніе литературы. Кто не помнитъ, какое произвели впечатлѣніе первыя произведенія г. Достоевскаго! Объ нихъ и по поводу ихъ писались критическія статьи, типы его подвергались тщательному анализу, лучшая часть литературы невольно отдавала ему дань уваженія. Теперь-же...— теперь достаточно небольшого библіографическаго отзыва для «сочиненій» г. Достоевскаго, написанныхъ размашисто, отчасти по пословицѣ—«не любо не слушай, а врать не мѣшай», густыми красками и кистью маляра, а не художника. Если-же изрѣдка и посвятятъ еще г. Достоевскому довольно обширную статью, то развѣ для того, чтобы яснѣе показать плачевные результаты ренегатства, особенно рѣзко отдѣлить его прежнюю дѣятельность отъ настоящей и въ концѣ концовъ признать его «больнымъ», а его образы — произведеніями болѣзненно-разстроеннаго воображенія; да и то еще вопросъ: не составляютъ-ли подобныя длинныя статьи «по старой памяти» ошибки?—Пожалуй, «игра не стоитъ свѣчъ?» Да, волей неволей приходится признать, что съ романомъ «Преступленіе и Наказаніе» мы разстались съ прежнимъ г. Достоевскимъ, которому могли сочувствовать и о которомъ должны были говорить. Теперь

мы имѣемъ дѣло съ совершенно другимъ человѣкомъ. Къ нему критика можетъ отнестись лишь равнодушно или съ презрѣніемъ и съ сожалѣніемъ. Единственное не совсѣмъ пріятное оправданіе его, да и то лишь въ виду прежнихъ заслугъ, извѣстныя слова: «не вѣдаютъ то, что творятъ...»

Въ виду ужасовъ и нелѣпостей, измышленныхъ всѣми этими господами, въ виду ихъ безцеремоннаго обращенія съ печатнымъ словомъ и тѣхъ клеветъ, которыя они взводятъ на все молодое и живое, ихъ остается лишь спросить словами поэта, да и то обращаясь въ третьемъ лицѣ, ибо имѣть дѣло съ подобными господами не всегда пріятно:

Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышатъ?

Все это положительно неизвѣстно. А между тѣмъ, чего только, какихъ «происшествій» и «ужасовъ» нѣтъ въ романахъ этихъ «сочинителей»! И пожары, и убійства, и сѣти интригъ, и политическая агитація, и разбойники, и разные «тайные агенты», и чуть даже не сходки и митинги — ну, словомъ, всѣ «исчадія революціи». Помилосердуйте, господа!.. Я ничего еще не сказалъ, спеціально относящагося къ «Бѣсамъ», такъ сильно смущавшимъ г. Достоевскаго. Впрочемъ, послѣ всего сказаннаго нечего и говорить о нихъ. Развѣ можно только прибавить, что въ нихъ есть всѣ «эффекты» и «махинаціи», небылицы и ужасы, и нѣтъ, по обыкновенію, только одного: истины, справедливости, жизненной правды...

Изъ „Сіянія“.

* * *

*) Романъ «Бѣсы», какъ мы уже сказали прежде, составляетъ послѣднюю ступень того мрачнаго, во всемъ отчаявшагося направленія, какое постепенно развивается въ творчествѣ Достоевскаго.

Если сопоставить «Бѣдныхъ Людей» съ «Бѣсами», не повѣришь, что это произведеніе одной и той же головы.

*) Е. Марковъ. „Русская Рѣчь“ 1879 г., № 6. „Критическія Бесѣды“.

Жутко и непріятно дѣлалось читателю, когда онъ провожалъ черную музу Достоевскаго въ ея странствованіяхъ по лабиринту больной психіи «Идіота», Раскольникова, Свидригайлова и ихъ компаніи.

Но еще безотраднѣе, еще тяжелѣе, словно свинцовая доска, придавливаетъ его та хаотическая панорама внутренняго безобразія, которую Достоевскій распахиваетъ ему настежь въ своихъ «Бѣсахъ».

Тутъ же совсѣмъ нѣтъ типовъ добра, идей добра; тутъ нѣтъ даже слабой попытки, даже отдаленнаго желанія отыскать ихъ, изобразить ихъ, ободрить ими, хотя немного, угнетенный духъ читателя...

Плачъ и скрежетъ зубовный наполняютъ грѣшную юдоль скорби, въ которой мечутся «Бѣсы» Достоевскаго. Точно вы перелистываете мрачный альбомъ Густава Доре къ Дантову Аду...

Что ни картина, то страданіе и ужасъ; что ни картина, то безнадежность...

Голыя, какъ стѣны, отвѣсныя скалы, однообразныя и унылыя, какъ тюрьма, загораживаютъ горизонтъ и небо, задвигаютъ всѣ выходы... На днѣ этой сухой, раскаленной тѣснины кишатъ, словно клубы червей, въ безобразныхъ судорогахъ отчаянія, перепутанныя другъ съ другомъ, безсмысленно грызущія, безсмысленно давящія другъ друга, нагія существа съ человѣческимъ обликомъ, но уже безъ всякихъ внутреннихъ признаковъ человѣчности...

Точно то же впечатлѣніе овладѣваетъ вами и по прочтеніи трехъ томовъ романа «Бѣсы»; вамъ дѣлается такъ гадко, такъ безсмысленно на душѣ, что вы бѣжали бы куда-нибудь и отъ людей и отъ самого себя.

Тутъ все осмѣяно, тутъ все поругано и низвергнуто въ корнѣ.

Душа человѣка безпощадно вывернута на изнанку, выскоблена до костей, прощупана, какъ рѣшето, грубымъ зондомъ изслѣдователя и кинута имъ съ отвращеніемъ въ помойную лохань, какъ негодная, грязная тряпка...

Я думаю, что бѣсы дѣйствительнаго ада, если бы онъ

существовалъ, оказались бы все-таки симпатичнѣе и разумнѣе безобразныхъ «Бѣсовъ» Достоевскаго.

Гётевскій Мефистофель, сравнительно съ ними, гуманный философъ, а падшій духъ Мильтона — возвышенный поэтъ...

Если въ «Мертвомъ Домѣ» глубокое сердце автора сумѣло въ «бѣсахъ» признать человѣка, то тутъ онъ, отмстивъ самъ себѣ сторицею за великодушныя увлеченія своей молодости, кажется, въ цѣломъ человѣчествѣ не видитъ ничего, кромѣ «бѣсовъ».

Что «Бѣсы» подготовлялись въ сознаніи автора постепенно и послѣдовательно, это мы уже видѣли изъ предыдущихъ страницъ. Стало быть, они не случайность, не исключительное явленіе въ его творчествѣ.

Въ «Идіотѣ» вы какъ будто видите первое зарожденіе тѣхъ безобразныхъ взглядовъ, тѣхъ безобразныхъ дѣйствій, тѣхъ безобразныхъ людей, которые потомъ разыгрываютъ цѣликомъ свою драму въ «Бѣсахъ».

Въ «Преступленіи и Наказаніи» Свидригайловъ приподнимаетъ вамъ уголокъ той таинственной завѣсы, за которою начинается темный лабиринтъ юродствъ и безумій.

Послѣднія страницы этого романа служатъ какъ бы введеніемъ въ новый романъ, какъ бы программою «Бѣсовъ».

Вотъ какъ разсказывается странный, ни къ чему, повидимому, не ведущій, ни съ чѣмъ въ романѣ несвязанный, сонъ Раскольникова на каторгѣ:

«Ему грезилось въ болѣзни, будто весь міръ осужденъ въ жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язвѣ, идущей изъ глубины Азіи на Европу. Всѣ должны были погибнуть, кромѣ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ избранныхъ. Появились какія-то новыя трихины, существа микроскопическія, вселявшіяся въ тѣла людей. Но эти существа были духи, одаренные умомъ и волей. Люди, принявшіе ихъ въ себя, становились тотчасъ же бѣсноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя такъ умными и непоколебимыми въ истинѣ, какъ считали зараженные. Никогда не считали непоколебимѣе своихъ приговоровъ, своихъ научныхъ выводовъ,

своихъ нравственныхъ убѣжденій и вѣрованій. Цѣлыя селенія, цѣлые города и народы заражались и сумасшествовали. Всѣ были въ тревогѣ, и не понимали другъ друга, всякій думалъ, что въ немъ одномъ и заключается истина, и мучился, глядя на другихъ, билъ себя въ грудь, и плакалъ, и ломалъ себѣ руки. Не знали кого и какъ судить, не могли согласиться, что считать зломъ, что — добромъ. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать и т. д...»

Если сонъ этотъ является только безсвязнымъ эпизодомъ въ біографіи Раскольникова, то относительно «Бѣсовъ»—это вся идея ихъ, весь ихъ замыселъ и внутреннее содержаніе; три тома «Бѣсовъ» служатъ только подробною иллюстраціею этого краткаго основного текста...

Прочтя «Бѣсовъ», вы, дѣйствительно, чувствуете себя въ такомъ же безысходномъ чаду недоумѣній, въ такомъ же нравственномъ и умственномъ хаосѣ, какой изображается сномъ Раскольникова.

Апокалипсическія преувеличенія и апокалипсическіе эффекты Достоевскаго, дѣйствительно, переносятъ васъ на послѣдній рубежъ существованія міра, когда небо свивается какъ риза, и солнце и земля бѣгутъ отъ глазъ Всевышняго, въ тѣ страшныя времена мірового безумія и ослѣпленія, когда сынъ возстаетъ на отца и братъ на брата.

«И солнце мрачно бысть яко вретище власяно, и луна бысть яко кровь. И звѣзды небесныя падоша на землю, якоже смоковница отметаетъ пупы своя, отъ вѣтра велика движима. И небо отлучится, яко свитокъ свиваемо, и всяка гора и островъ отъ мѣстъ своихъ двигнушася...

И царіе земстіи, и вельможи, и богатіи, и тысящницы, и сильніи, и всякъ рабъ, и всякъ своболь скрышася въ пещерахъ и каменіи горстѣмъ. И глаголаша горамъ и каменію: падите на ны, и покройте ны...»

«Бѣсы» производятъ тѣмъ болѣе тягостное впечатлѣніе, что они слабѣе другихъ романовъ Достоевскаго и въ смыслѣ художественнаго изображенія характеровъ. Собственно, по основѣ, по общему замыслу, Достоевскій далъ въ «Бѣсахъ» великолѣпные образцы очень оригинальныхъ характеровъ.

Но вѣрные и высоко интересные по своей идеѣ, они разработаны въ романѣ съ большими недостатками, растянуто, неправдоподобно, преувеличенно, иногда до гаерства, и вообще производятъ впечатлѣніе скорѣе психологическихъ диссертацій, чѣмъ живыхъ людей... Видно, что логика автора съ глубокою мѣткостью опредѣлила внутреннюю сущность характера своихъ героевъ, но у него не хватило художественной любви къ нимъ, которая одна могла-бы сообщить имъ неподдѣльныя краски живой жизни.

Главными героями «Бѣсовъ» являются двѣ пары: Ставрогины, мать и сынъ, и Верховенскіе, отецъ и сынъ...

Описывая засѣданіе «у нашихъ», авторъ далъ волю своему сатирическому чувству и сочинилъ довольно забавную водевильную сцену. Тамъ дѣйствуетъ и «гимназистъ, очень горячій и взъерошенный мальчикъ лѣтъ 18, сидѣвшій съ мрачнымъ видомъ оскорбленнаго въ своемъ достоинствѣ молодого человѣка и видимо страдая за свои 18 лѣтъ. Этотъ крошка былъ уже начальникомъ самостоятельной кучки заговорщиковъ, образовавшейся въ высшемъ классѣ гимназіи». Тутъ появляется «сытенькая и плотненькая, какъ шарикъ, студентка-нигилистка» съ свиткомъ въ рукахъ, который она развозитъ по всѣмъ университетскимъ городамъ, чтобы принять участіе въ страданіяхъ бѣдныхъ студентовъ и возбудить ихъ къ протесту»; тутъ «длинноухій Шигалевъ», съ необычайно толстою и чрезвычайно мелко исписанною тетрадью, гдѣ изложена его собственная система устройства міра; краткое изложеніе содержанія ея потребуетъ, по объясненію Шигалева, «по крайней мѣрѣ десять вечеровъ».

«Кромѣ того, объявляю, что система моя не окончена, дополняетъ авторъ.—Я запутался въ собственныхъ данныхъ, и мое заключеніе въ прямомъ противорѣчіи съ первоначальною идеей. Выходя изъ безграничной свободы, я заключилъ безграничнымъ деспотизмомъ. Прибавлю, однакожъ, что, кромѣ моего разрѣшенія общественной формулы, не можетъ быть никакого».

Сущность этого устройства въ томъ, что «одна десятая доля человѣчества получаетъ свободу личности и безгра-

ничное право надъ остальными 9-ю десятыми. Тѣ же должны потерять личность и обратиться въ родѣ какъ въ стадо».

Лямшинъ предлагаетъ поправку, «взять эти девять-десятыхъ человѣчества и взорвать ихъ на воздухъ, а оставить только кучку людей образованныхъ, которые и начали бы жить-поживать по ученому».

Студентка объявляетъ 1-й проектъ подлостью, а автора второго шутомъ.

«Гимназистъ, возненавидѣвшій ее съ перваго взгляда до кровомщенія, хотя и видѣлъ ее въ первый разъ въ жизни», третируетъ ее какъ «ребенка», не понимающаго, что давно уничтожено всякое различіе между нравственнымъ и безнравственнымъ.

Зачѣмъ-то присутствующій тутъ майоръ ругаетъ студентку, свою племянницу, даже просто «дурындою», за предложенный ею вопросъ: «откуда произошелъ предразсудокъ о семействѣ», на что получаетъ такого же откровеннаго «дурака».

Хитростей, какъ видитъ читатель, особыхъ тутъ нѣтъ, а все сумасшествіе и всю неприличность этихъ пересоздателей общества Достоевскій обнаруживаетъ вамъ до бѣлыхъ нитокъ, чтобы вамъ уже ничего не оставалось для собственныхъ размышленій и особенно для сомнѣній.

По такому реценту пишутся обыкновенно фарсы и буфонады всякаго рода. Что смѣшно, то и должно быть выставлено въ смѣшномъ видѣ такими огромными литерами, такою яркою краскою, чтобы даже издали въ глаза било, чтобы даже послѣднему ротозѣю сразу вдомекъ было, въ чемъ тутъ дѣло.

Тотъ же ли самый законъ обязателенъ для художественнаго творчества, объ этомъ пусть подумаетъ самъ Достоевскій. Жаль только, что онъ, будучи такимъ игривымъ буффомъ въ одномъ случаѣ, въ другихъ случаяхъ усиливается представить намъ тѣхъ же людей въ необыкновенно глубокомъ, хотя и психіатрическомъ свѣтѣ.

Такъ, среди компаніи этихъ революціонеровъ, у него выступаетъ весьма интересный характеръ инженера Ки-

риллова, полусумасшедшаго, который не спитъ ночей, отрицая различіе между смертью и жизнью, который кротокъ и до самоотверженія добръ ко всякому чужому ребенку, который хладнокровно обѣщаетъ застрѣлиться, когда другимъ это будетъ нужно, и въ то же время очень любитъ жизнь. Этотъ безумецъ словно воспроизводитъ на свой оригинальный ладъ знаменитое Гегелевское положеніе: Бытіе или небытіе—одно и то же (Sein und nicht sein ist dasselbe).

— Вы любите дѣтей? — спрашиваетъ его Ставрогинъ, заставъ какъ онъ утѣшалъ хозяйскаго ребенка.

— Люблю, — отозвался Кирилловъ, довольно впрочемъ равнодушно.

— Стало-быть, и жизнь любите?

— Да, люблю и жизнь, а что?

— Если рѣшились застрѣлиться?

— Что же? почему вмѣстѣ? жизнь особо, а то особо. Жизнь есть, а смерти нѣтъ совсѣмъ.

Черезъ нѣсколько времени Ставрогинъ предлагаетъ другой вопросъ.

— Вы, кажется, очень счастливы, Кирилловъ?

— Да, очень счастливъ,—отвѣтилъ тотъ, какъ бы давая самый обыкновенный отвѣтъ.

«Человѣкъ несчастливъ только потому, что не знаетъ, что онъ счастливъ, только потому», объясняетъ онъ потомъ Ставрогину.

— Кто узнаетъ, тотчасъ станетъ счастливъ, сію минуту, потому что въ сущности на свѣтѣ все хорошо.

— А кто обидитъ и обезчеститъ дѣвушку—это хорошо?

— Хорошо. И кто размозжитъ голову за ребенка, и то хорошо, и кто не размозжитъ, и то хорошо. Все хорошо, все. Всѣмъ тѣмъ хорошо, кто знаетъ, что все хорошо. Если бы они знали, что имъ хорошо, то имъ было бы хорошо; но пока они не знаютъ, что имъ хорошо, то имъ будетъ не хорошо. Вотъ вся мысль, вся,—больше нѣтъ никакой.

Почти подобнымъ же маньякомъ, смѣсью необыкновенной внутренней доброты и умственной нескладицы, выставленъ Шатовъ, тоже членъ кружка, отступившій потомъ

отъ него и разыгравшій въ немъ трагическую роль Иванова въ извѣстномъ Нечаевскомъ дѣлѣ.

Всѣ такіе характеры, стоящіе на рубежѣ безумія, всѣ эти субъекты заведеній для душевно-больныхъ составляютъ спеціальную силу Достоевскаго и изображаются имъ съ любовью и искусствомъ, какими не владѣетъ другой писатель, и какихъ не найдется даже у самого Достоевскаго въ примѣненіи къ другой, болѣе нормальной, психіи.

Сами по себѣ эти психіатрическіе герои Достоевскаго несомнѣнно вѣрны и правдивы, но въ общей картинѣ они служатъ, съ одной стороны, иллюстраціею невѣрныхъ положеній и глубоко ошибочныхъ взглядовъ романиста, съ другой стороны — признакомъ его нравственной усталости въ борьбѣ съ жизнью.

Если писатель-художникъ въ многотомномъ романѣ берется рисовать широкую картину нашей общественной жизни въ одинъ изъ самыхъ знаменательныхъ моментовъ ея, въ ту критическую эпоху, когда новые, не установившіеся элементы жизни сталкиваются съ неупраздненными еще элементами стараго, и Россія, въ мукахъ рожденія, пытается совлечь съ себя ветхаго человѣка, чтобы облещись въ новаго, — то такой писатель не долженъ быть, не смѣетъ быть одностороннимъ сатирикомъ ея слабыхъ, смѣшныхъ и вредныхъ сторонъ.

На сатиру смотрятъ, какъ на сатиру, и требуютъ, какъ отъ сатиры. Сатира сама не претендуетъ на положительное и всестороннее воспроизведеніе жизни, а сознательно, по внутренней программѣ своей, бьетъ только въ извѣстныя черты, въ извѣстныя стороны ея.

Не то—художественное произведеніе, не то—романъ.

Отъ романа неизбѣжно требуется, чтобы онъ перенесъ читателя всецѣло въ міръ своихъ иллюзій, чтобы онъ заставилъ его увѣровать въ нихъ и жить среди настоящихъ событій. Всесторонняя правда, рельефность и разнообразіе живой жизни—необходимыя внутреннія условія романа.

Но неужели же романъ въ родѣ «Бѣсовъ» въ силахъ заставить читателя повѣрить, что наша эпоха общественнаго кризиса не представляла ничего болѣе достойнаго,

болѣе серьезнаго, нравственнаго и разумнаго, какъ тотъ хаотическій, карнавальный фарсъ, который всплошную разыгрывается на всѣхъ 1000 страницахъ романа, дураками, дурами, подлецами и сумасшедшими всякаго рода, начиная отъ идіотовъ-администраторовъ и кончая идіотами-заговорщиками? Авторъ, очевидно, желалъ поселить въ головѣ читателя наглядныя представленія того нравственнаго и умственнаго хаоса, который овладѣлъ всѣми людьми того времени подъ безумно-требовательнымъ напоромъ новыхъ, никѣмъ не переваренныхъ, на-лету всѣми схваченныхъ, съ чужого голоса скраденныхъ идей, при помощи постыднаго малодушія и безвѣрія въ свои старые идеалы со стороны тѣхъ, кто долженъ былъ бы дать отпоръ потоку вредной новизны.

Но усилія автора приводятъ къ другому. Безпристрастный и внимательный читатель сразу чувствуетъ фальшивую основную ноту всего произведенія. Онъ на каждой страницѣ романа страдаетъ отъ безмѣрныхъ преувеличеній, отъ грубой шаржировки, отъ посторонняго творчеству личнаго раздраженія и личныхъ счетовъ романиста. Онъ перестаетъ въ немъ видѣть художника, творца типовъ и картинъ, а начинаетъ съ первыхъ же шаговъ относиться къ нему, какъ къ памфлетисту и сатирику. Онъ приходитъ къ прискорбному заключенію, что слишкомъ субъективное отношеніе автора къ предмету заставило его упустить изъ виду, при оцѣнкѣ людей и эпохи, самые существенные и господствующіе элементы ихъ; что, вмѣсто общаго и главнаго, онъ уразумѣлъ и изобразилъ только частныя подробности, только нѣкоторые внѣшніе пріемы и одежду, только тѣ боковыя теченія, которыя всегда, въ подобныхъ случаяхъ, появляются со всѣхъ сторонъ, пересѣкая главное теченіе величественной рѣки, запутывая его, часто противорѣча ему...

Мы не споримъ, чтобы у насъ, въ Россіи, не встрѣчалось гдѣ-нибудь такого сумбура, какой происходилъ въ городѣ, управляемомъ Лембками; не споримъ, что и сами Лембки, и Степаны Трофимычи, и другіе плохіе водевильные типы романа могли быть списаны, хотя и весьма

грубо, съ живыхъ подлинниковъ; чтобы нелѣпые анекдоты, разсказанные Достоевскимъ подъ заглавіемъ литературныхъ вечеровъ, фабричныхъ бунтовъ, пожаровъ и убійствъ, нельзя было откопать, само по себѣ, въ какой-нибудь дѣйствительности. Но мы повторяемъ, что въ общемъ картина эта неправдоподобна, фальшива и узка до жалости. Растянутая на 1000 страницъ, она доводитъ читателя до тошноты постоянными назойливыми повтореніями одного и того же, никуда не попадающаго, болѣзненнаго, натянутаго и раздраженнаго остроумничанья.

Крайне неудачная форма романа, излагаемаго въ видѣ какихъ-то личныхъ воспоминаній автора даже о томъ, чего разсказчику невозможно было ни знать ни видѣть, еще болѣе усиливаетъ тяжелое впечатлѣніе, точно такъ же, какъ и не прекращающееся дребезжаніе пошлыхъ французскихъ фразъ, которыми, тоже въ видѣ остроумія и насмѣшки, пересыпаются, безъ всякаго чувства мѣры, размышленія и рѣчи Степана Трофимыча.

Сквозь всю эту фальшь и натяжку въ изображеніяхъ жизни—читателю ясна только одна правда, правда авторскаго настроенія.

Ясно одно, что новыя идеи, новые люди не произвели на Достоевскаго другого впечатлѣнія, кромѣ безобразнаго и хаотическаго. Въ колебаніи старыхъ, отжившихъ формъ, неизбѣжномъ при нарожденіи новыхъ, онъ искренно видитъ разрушеніе вѣковѣчныхъ устоевъ міра; изъ-за уродливыхъ крайностей немногихъ проповѣдниковъ новаго, имѣющихъ меньше другихъ право считать себя представителями этого новаго, онъ искренно не можетъ разглядѣть ничего достойнаго и утѣшительнаго. Поэтому немудрено, что тревожное переходное время наполняетъ его сердце только враждою и страхомъ, что романъ его весь цѣликомъ посвященъ проклятію этой эпохи «бѣсовъ».

Въ этомъ отношеніи мы опять не можемъ не вспомнить Тургенева.

Какъ увлеченіе сороковыхъ годовъ онъ воплотилъ въ типахъ Рудина и его собратій, такъ посвятилъ онъ нѣ-

сколько послѣднихъ произведеній своихъ разнымъ теченіямъ новаго времени.

Но сравните однако «Отцовъ и Дѣтей» и даже гораздо менѣе удачную «Новь» съ «Бѣсами» Достоевскаго.

Сколько безпристрастія и художественной совѣсти въ его портретахъ изъ того лагеря, который ему, конечно, былъ не болѣе сочувственъ, чѣмъ и Достоевскому; какая спокойная и достойная точка зрѣнія на печальныя общественныя явленія, сравнительно съ нетерпѣливою и злорадною сатирою Достоевскаго.

Художественная искра спасла въ этомъ случаѣ и заслонила собою въ Тургеневѣ негодующаго гражданина.

Насъ глубоко печалитъ такое неустойчивое и случайное отношеніе даже лучшихъ изъ нашихъ писателей и, быть можетъ, лучшихъ изъ людей нашихъ, къ самымъ коренпымъ условіямъ нашей исторической жизни.

Наша жалкая, вѣчно шатающаяся Русь, безбрежная, безсильная, съ своимъ сплошнымъ, ползущимъ и расплывающимся черноземомъ, съ своими навозными и соломенными селеніями, ежегодно выгорающими, ежегодно какъ грибы прибывающими вновь, все наше безтолковое, лыкомъ шитое царство, не оставляющее за собою, не приготовляющее впереди себя никакихъ прочныхъ, несокрушимыхъ формъ, ни скалъ, ни замковъ, ни правъ, ни корпорацій, никакихъ твердыхъ символовъ, никакихъ глубокихъ привычекъ, — отражается, какъ нельзя болѣе, полно въ этой жалкой чертѣ нашего общественнаго характера.

Какъ не мудрить надъ нашимъ стоячимъ болотомъ всякимъ Верховенскимъ и Нечаевымъ, когда мы сами, противники и ненавистники ихъ, на каждомъ шагу силимся собственными руками, подобно слѣпцу Самсону, расшатать немногіе столбы, на которыхъ только что успѣли утвердить свою общественную храмину.

На кого-же, въ самомъ дѣлѣ, можемъ мы пенять за несочувствіе къ самымъ спасительнымъ шагамъ нашего общественнаго роста, если даже передовые писатели наши, запечатлѣвшіе страданіемъ свои гражданскія убѣжденія, въ минуты нравственной усталости или душевнаго одря-

хлѣнія въ состояніи видѣть только бѣсовскую оргію въ величайшемъ изъ пережитыхъ нами кризисовъ?

Мы сами виноваты въ своемъ неустроеньѣ, въ своемъ безсиліи, въ своемъ несчастіи. Мы ничѣмъ не умѣемъ дорожить, мы ни во что не умѣемъ вѣрить. Сегодня поднимаемся на облака надежды, вдохновляемся, какъ юноши, неизвѣданною новинкою, а завтра сами приходимъ отъ нея въ ужасъ. Мы не мужи, а дѣти! Мы ждемъ и ищемъ не жизни, со всѣми ея естественными колебаніями направо и налѣво, со всѣми ея лучами и тѣнями, а балуемся опрятными дѣтскими картиночками, на которыхъ намъ хочется видѣть послушнаго Ваню и добродѣтельную Машу.

Часто мы смѣемся надъ нѣмцами за ихъ склонность къ формализму, за всѣ эти разноцвѣтныя перевязи студенческихъ корпорацій, за неизбѣжныя дубовыя вѣтки на шляпахъ, за неизбѣжные именинные букеты и грошовые транспаранты, вообще за ихъ серьезное уваженіе къ пустякамъ.

Но въ этомъ уваженіи къ пустякамъ, унаслѣдованнымъ отъ стараго времени, связывающимъ людей привычками взаимности и единенія, гораздо болѣе серьезнаго смысла, чѣмъ кажется нашимъ дешевымъ скептикамъ и раціоналистамъ.

Англичанинъ, который въ 1879 году одѣваетъ часовыхъ Тоуэра въ костюмы Генриха VIII, и заставляетъ своихъ мэровъ, альдермановъ, канцлеровъ и аторнеевъ наряжаться въ парики и мантіи, не только съ важностью продѣлываетъ этотъ педантическій маскарадъ, но еще и цѣпко держится за права, добытыя почти семь столѣтій тому назадъ, еще твердо вѣруетъ въ тѣ естественные принципы свободы человѣка, которыми былъ исполненъ его полу-голый германскій предокъ.

У англичанина несокрушимы не только парики и старыя формулы его кодексовъ, но и вѣра его, и его общественное право, и его политическое устройство.

Тамъ же, гдѣ мода каждаго дня безслѣдно изгоняетъ вмѣстѣ съ фасонами шляпъ и пиджаковъ, бѣглые фасоны мысли и убѣжденій, заимствованные напрокатъ на иностранномъ базарѣ, — тамъ, конечно, не откопаете ничего

прочнаго ни въ мірѣ нравственной ни въ мірѣ общественной жизни.

У насъ нѣтъ, положимъ, смѣшныхъ парниковъ, доказывающихъ мелочность и тупоуміе черезчуръ консервативнаго народа, съ точки зрѣнія нашихъ либераловъ, гордо носящихся въ безвоздушномъ пространствѣ, «безъ руля и безъ вѣтрилъ», но за то нѣтъ ни глубокихъ убѣжденій, ни обязательной морали, ни искренней религіи, ни истинныхъ знаній, ни правъ, ни преданій, ни союзовъ, ни сословій, — ни даже ясной программы, ни даже опредѣленныхъ желаній.

Для насъ сороковые года скверны потому, что въ нихъ нѣтъ никого, кромѣ капризничающей губернской аристократки Ставрогиной, кромѣ болтуновъ-паразитовъ въ родѣ Степана Трофимыча и кривляки Кармазинова; для насъ шестидесятые года скверны потому, что это сплошное царство полоумныхъ и бѣсовъ.

«Только и есть одинъ порядочный человѣкъ, что прокуроръ, да и тотъ, по правдѣ сказать, свинья!», какъ выразился Собакевичъ, этотъ самый русскій изъ русскихъ, плоть отъ плоти нашей и кость отъ костей нашихъ.

На западѣ существуютъ партіи, ученія, системы; у насъ же вездѣ и во всемъ личный произволъ; Китъ Китычъ съ своимъ неподдѣльно русскимъ евангеліемъ: «Никто моему нраву не препятствуй; для всѣхъ ты честный человѣкъ, а для меня подлецъ»,—царитъ не въ одномъ замоскворѣчьѣ, не за однимъ купеческимъ прилавкомъ. Онъ властительно сидитъ и въ литературѣ нашей, и въ нашей администраціи, и въ нашей общественной жизни.

Сегодня либералъ, завтра капитанъ-исправникъ; нынче англоманъ, завтра славянофилъ, — у насъ это сплошь да рядомъ. И на все одинъ отвѣтъ Китъ Китыча: «ну чтожъ? Хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю!»

Когда у людей нѣтъ въ сердцѣ и умѣ выросшей вѣками «Святая Святыхъ» своего рода; когда хорошее и дурное оцѣнивается ежедневно по новому масштабу, и въ обществѣ нѣтъ никакихъ якорей, на которыхъ бы можно было держаться сужденію среди непрерывныхъ колыханій «взба-

ламученнаго моря», тогда нечего удивляться, что общество безъ борьбы отдается на жертву цинизма «бѣсовъ» и трусливаго малодушія ихъ противниковъ.

«Надъ кѣмъ смѣетесь? надъ собою смѣетесь!» можемъ мы по всей справедливости крикнуть автору романа, изображающаго бѣсовское царство.

Ихъ грѣхъ—нашъ общій грѣхъ! Ихъ грѣхъ—грѣхъ писателя, которому недорого прошлое, который не имѣетъ идеаловъ въ будущемъ!

Мы закончимъ этимъ разборъ важнѣйшаго изъ романовъ Достоевскаго, важнѣйшаго далеко не по художественнымъ достоинствамъ, а по серьезности затронутыхъ вопросовъ, по широтѣ задуманной картины, по жгучей современности интереса.

Изъ предыдущихъ разсужденій нашихъ, читатель, конечно, успѣлъ себѣ уяснить нашъ взглядъ на основныя черты творчества Достоевскаго; но, чтобы не оставить за собою недомолвокъ и недоразумѣній, мы повторимъ теперь вкратцѣ нашъ общій взглядъ на Достоевскаго, какъ писателя.

Мы считаемъ Достоевскаго очень даровитымъ, очень оригинальнымъ и сильнымъ писателемъ. Сила его въ глубинѣ, самобытности и необычайной смѣлости психологическаго изслѣдованія. Онъ погружается въ самый мрачный и самый загадочный духъ человѣка, съ рѣшимостью опытнаго водолаза, и открываетъ тамъ, въ мутныхъ глубинахъ, на недоступномъ днѣ его, то разныя чудовища пучины незглаголаннаго ужаса, то погребенныя въ его грязи никому невѣдомыя сокровища.

Въ этой дерзкой пытливости, въ этомъ неустрашимомъ, всепроникающемъ взглядѣ, въ этой леденящей душу искренности открытій его, у Достоевскаго нѣтъ соперниковъ.

Ближе всего этимъ качествомъ своимъ онъ стоитъ къ графу Л. Н. Толстому, съ тою, впрочемъ, огромною разницею, что графъ Толстой имѣетъ дѣло съ психіями не только нормальными, но большею частью еще и прекрасными, съ тихою морскою погодою; а Достоевскаго какой-то внутренній демонъ неудержимо толкаетъ въ самый де-

вятый валъ бушующаго моря, въ смутную, взволнованную психію больныхъ духовъ, изступленныхъ, помѣшанныхъ, злодѣевъ и чудаковъ, среди которыхъ онъ смѣло ныряетъ и любовно полощется, наслаждаясь жгучею опасностью, какъ дельфинъ среди родного ему морского шквала.

Въ предѣлахъ художественнаго изображенія психіатрическихъ портретовъ, психіатрическихъ сценъ Достоевскій поучаетъ и потрясаетъ читателя. Но Достоевскій не имѣетъ многихъ важныхъ качествъ романиста.

Онъ начертываетъ серьезную и умную общую программу романа, создаетъ ему основной скелетъ. Но онъ совершенно не умѣетъ вести быстро текущаго, широко вѣтвящагося, сложно пересѣкающагося дѣйствія романа, въ живыхъ и естественныхъ картинахъ, полныхъ объективнаго спокойствія и объективной правды. У него, на дѣльной основѣ романа написаны въ разныхъ мѣстахъ великолѣпные отдѣльные этюды того характера, о достоинствѣ котораго мы только что говорили; но эти художественные оазисы связаны рядомъ такихъ фальшивыхъ, плоскихъ, наскоро выдуманныхъ сценъ, въ которыхъ гораздо болѣе раздраженной, не всегда обдуманной сатиры, чѣмъ какого-нибудь подобія художества. Подобнымъ балластомъ иногда наполнены цѣлыя длинныя главы подъ-рядъ, особенно все то, что не касается прямо психіи главныхъ героевъ.

Крайняя субъективность письма; погоня за оригинальностью, доходящая до болѣзненной натяжки; копировка не съ натуры, а изъ головы; недозволительный, въ художественномъ произведеніи, процентъ разсужденій автора и монологовъ дѣйствующихъ лицъ; неправдоподобіе многихъ происшествій и коллизій, напоминающихъ мелодрамы или плохіе романы, когда-то переводимые съ французскаго, въ нѣкоторыхъ случаяхъ доходящихъ прямо до нелѣпаго, до невозможнаго; наконецъ, слишкомъ сильная примѣсь сатиры къ рисунку — вотъ художественные грѣхи романовъ Достоевскаго.

Читая эти романы и вникая внимательно въ ихъ оригинальные замыслы, намъ не разъ приходило въ голову, что другой, можетъ-быть, и менѣе талантливый писатель на-

писалъ бы, по великолѣпной иногда компоновкѣ Достоевскаго, многія группы и сцены его романовъ гораздо удачнѣе самаго мастера. У Достоевскаго почти всегда есть строгій рисунокъ, но почти всегда письмо его—изъ рукъ вонъ плохо. Вѣдь, и Каульбаху, Рафаэлю современной германской живописи, писали же ученики почти всѣ его знаменитыя фрески, привлекающія Европу въ прославленный Freppenhaus берлинскаго музея.

Сильнѣе этихъ артистическихъ грѣховъ Достоевскаго, намъ кажется его грѣхъ не какъ художника, а какъ мыслителя.

Въ своихъ романахъ новаго періода онъ словно утерялъ то внутреннее родство своего духа съ слабостями и горемъ людей, которое такъ располагало къ нему въ его прежнихъ произведеніяхъ, которое дѣлало эти произведенія ободряющею, ведущею впередъ силою, вкоренявшею въ обществѣ симпатіи къ человѣчеству и къ человѣчному.

Въ новыхъ своихъ романахъ Достоевскій является не столько сострадателемъ людей, вѣрующихъ въ ихъ будущее, сколько печальнымъ пѣвцомъ ничтожности и безсилія всего живущаго, безотраднымъ живописцемъ ихъ пороковъ и преступленій, озлобленнымъ сатирикомъ ихъ разнородныхъ грѣховъ.

Не вѣрою, а отчаяньемъ, не любовью, а горькою насмѣшкою, горькимъ презрѣніемъ вѣетъ на читателя отъ всѣхъ этихъ Идіотовъ, Раскольниковыхъ, Верховенскихъ и Ставрогиныхъ...

Не зоветъ человѣка на великодушную борьбу со зломъ міра, на широкій просторъ общественной жизни мрачная муза Достоевскаго.

Нѣтъ, она гонитъ человѣка прочь отъ образа человѣка, она безжалостно обрываетъ крылья его надежды, она заслоняетъ ему всякія свѣтлыя, манящія перспективы человѣческаго благополучія, и забиваетъ насильно его мысль и чувство въ безплодное одиночество личнаго страданія!

Рисуя сплошныя картины общественнаго хаоса и душевной мерзости человѣка, она весь міръ одѣваетъ своимъ

калиписса, что нужно быть или холоднымъ или горячимъ, а не только теплымъ. Онъ понимаетъ, что онъ былъ *только теплъ*, что онъ былъ «середка на половинкѣ», а потому и вышло отъ него такъ немного проку. Такіе люди дѣйствительно были, — это праздные идеалисты сороковыхъ годовъ. Были въ томъ поколѣніи, разумѣется, и другіе люди, заслуги которыхъ никогда не будутъ забыты. Достоевскій, въ лицѣ Степана Трофимовича, не польстилъ этому поколѣнію *отцовъ*; онъ и въ своей записной книжкѣ называлъ ихъ не иначе, какъ «старыми колпаками сороковыхъ годовъ».

Въ качествѣ человѣка, которому, ради его направленія, не повезло, удалившись въ провинцію и пристроившись на положеніи «приживалки» у матери своего бывшаго ученика, генеральши Ставрогиной *), Степанъ Трофимовичъ сталъ, повидимому, поддаваться вліянію обыденной провинціальной жизни, но... «посмотрѣли бы вы на него, когда онъ садился за карты... Весь видъ его говорилъ: я сажусь съ вами въ ералашъ? Кто-жъ отвѣчаетъ за это? Кто разбилъ мою дѣятельность и обратилъ ее въ ералашъ? Э, погибай Россія!—И онъ осанисто козырялъ съ червей». Но вотъ повѣяло новымъ воздухомъ; у него же все сводилось на то, что отечество неблагодарнѣйшимъ образомъ о немъ позабыло... Какъ вдругъ о немъ вспомнили гдѣ-то въ заграничныхъ изданіяхъ. «Все высокомѣріе его взгляда на современниковъ сразу соскочило, и въ немъ загорѣлась мечта — примкнуть къ движенію и показать свои силы». Онъ сталъ заявлять о правахъ искусства... Надъ нимъ стали подсмѣиваться, такъ какъ современники опередили его. «Онъ безспорно согласился въ безполезности и комичности слова «отечество», согласился и съ мыслію о вредѣ религіи, но громко и твердо заявилъ, что «сапоги ниже Пушкина и даже гораздо ниже». Разумѣется, такой ереси ему простить не могли.

Какъ подѣйствовало на Степана Трофимовича ожиданіе 19-го февраля? «У насъ многіе полагали, —говоритъ лицо,

*) Въ этомъ отношеніи онъ, такъ сказать, Рудинъ въ кубѣ.

ведущее въ романѣ разсказъ,—что въ день манифеста будетъ нѣчто необычайное... И все, вѣдь, такъ-называемые знатоки народа и государства»... И Степанъ Трофимовичъ «почти наканунѣ великаго дня сталъ вдругъ проситься у Варвары Петровны (своей генеральши) за границу; однимъ словомъ, сталъ безпокоиться»... «Мы слишкомъ поспѣшили съ нашими мужичками,—заговорилъ онъ;—мы ихъ ввели въ моду... мы надѣвали лавровые вѣнки на вшивыя головы. Русская деревня за всю тысячу лѣтъ дала намъ лишь одного Камаринскаго... Пора не смѣшивать нашего роднаго сиволапаго дегтя съ bouquet de l'impératrice».

Одинъ изъ губернскихъ радикаловъ, Липутинъ, замѣчаетъ ему на это, что похвалить мужичковъ «все-таки было тогда необходимо—для направленія»... Когда въ сосѣдней деревнѣ, по поводу воли, оказались недоразумѣнія, и туда, по мудрости мѣстныхъ властей, сгоряча послали воинскую команду, то либеральный Степанъ Трофимовичъ разглагольствовалъ въ клубѣ о томъ, что войска надо болѣе, и предлагалъ даже немедленно передать это заявленіе, кому слѣдуетъ, въ Петербургъ... *).

Но заботясь въ подобномъ смыслѣ о возстановленіи своей репутаціи, онъ неожиданно теряетъ въ другомъ смыслѣ, понеся на литературномъ утрѣ рацею о томъ, что «Шекспиръ и Рафаэль—выше освобожденія крестьянъ, выше народности, выше соціализма, выше юнаго поколѣнія, выше химіи, выше почти всего человѣчества, ибо они уже плодъ, настоящій плодъ всего человѣчества, и, можетъ-быть, высшій плодъ, какой только можетъ быть». Но, вѣдь, это значило зайти въ своей вѣрности любимымъ традиціямъ гораздо далѣе «Пушкина, который выше сапогъ»,—и такая смѣлость погубила Степана Трофимовича. Послѣ скандала, приключившагося съ нимъ, когда тутъ же нѣкій семинаристъ громогласно напомнилъ ему о бывшемъ его крѣпостномъ—теперь Ѳедькѣ Каторжномъ, Степанъ Трофимовичъ беретъ суму, странниче-

*) Между тѣмъ, при первомъ слухѣ о крестьянской реформѣ тотъ же Степанъ Трофимовичъ „не вытерпѣлъ и крикнулъ: „ура!“ и даже сдѣлалъ рукой какой-то жестъ, изображавшій восторгъ“. Но одно дѣло—*слухъ*, а другое—*осуществленіе*.

«все это—чиновничество и сентиментальность—клейстеръ хорошій, но есть одна штука еще получше: подговорите четырехъ членовъ кружка укокошить пятаго, подъ видомъ того, что тотъ донесетъ—и тотчасъ же вы ихъ всѣхъ пролитою кровью, какъ однимъ узломъ, свяжете». Но Ставрогинъ нѣсколько запоздалъ со своимъ совѣтомъ: все это уже входило въ рецептъ, вывезенный изъ-за границы Петромъ Степановичемъ. При помощи такого пріема онъ и рѣшаетъ развязаться съ оказавшимся для нихъ неудобнымъ Шатовымъ. Неудобство это въ томъ, что онъ, какъ оказывается, не поддался тому «миленькому», который такъ потрудился никому не оставить ни одной собственной идеи. Шатовъ не способенъ разъ на всегда отлиться въ готовую форму, неспособенъ отдать свою волю чужому верховодству. Вотъ Верховенскій и рѣшаетъ его устранить, на томъ основаніи, что онъ будто бы можетъ на нихъ донести. «Если бы каждый изъ насъ, — предлагаетъ онъ вопросъ своему собранію, — зналъ о замышленномъ политическомъ убійствѣ, то пошелъ ли бы онъ донести, предвидя всѣ послѣдствія, или остался бы дома, ожидая событій?»—Прямого отвѣта никто не рѣшился дать, стали говорить обинякомъ. Только Шатовъ въ это время молча всталъ и вышелъ изъ комнаты. Онъ насквозь понимаетъ Петра Степановича, и видитъ, къ чему это клонится. Онъ видитъ, что уже обреченъ на смерть, и тутъ ничего не подѣлаешь. «Вѣдь, это для васъ же невыгодно»,—говоритъ, какъ бы прямо его тѣмъ отмѣчая, Верховенскій. — Зато тебѣ выгодно, какъ шпіону и подлецу»,—докапываетъ себя такою смѣлою прямотою Шатовъ. Это было уже «преступленіе противъ величества» наибольшаго, а за такое преступленіе вездѣ полагается смертная казнь.—«Донесетъ онъ или не донесетъ?» — стали спрашивать по уходѣ Шатова. «Если бы доносчикъ, онъ бы прикинулся, а то онъ наплевалъ да и вышелъ»,—совершенно резонно замѣтилъ кто-то. Но какіе резоны передъ тою особою практическою логикою, которая предписывается имъ всѣмъ Петромъ Степановичемъ? Кончилось неизбѣжно тѣмъ, что въ доносъ Шатова всѣ повѣрили; «но,—прибавляетъ авторъ,— и въ то, что

Петръ Степановичъ играетъ ими, какъ пѣшками, тоже вѣрили. А затѣмъ всѣ знали, что завтра все-таки явится въ комплектѣ на мѣсто, и судьба Шатова рѣшена. Чувствовали, что вдругъ, какъ мухи, попали въ паутину къ огромному пауку: злились, но тряслись отъ страху» *). Исключеніе составляетъ Ставрогинъ, котораго онъ припасаетъ, на случай, въ Иваны Царевичи. «Мы проникнемъ въ самый народъ,—говоритъ онъ Ставрогину.—Знаете-ли, что мы ужъ и теперь ужасно сильны?.. Знаете-ли, сколько мы однѣми готовыми идейками возьмемъ. Я поѣхалъ — свирѣпствовало ученіе Littré, что преступленіе есть помѣшательство, а именно оно здравый-то смыслъ-то и есть» (развитіе Раскольниковской теоріи)... Русскій Богъ,—говоритъ онъ съ особеннымъ смакомъ,—уже спасовалъ передъ «дешевкой»... Матери пьяны, дѣти пьяны... Жаль только, что некогда ждать, а то пусть бы они еще попьянѣе стали. Ахъ, какъ жаль, что нѣтъ пролетаріевъ! Но будутъ, будутъ—къ этому идетъ» (тутъ же, вѣдь, и мудрые администраторы подмогутъ). «Одно или два поколѣнія развесть теперь необходимо... Человѣкъ обращается въ гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь — вотъ чего надо! А тутъ еще «свѣженькой кровушки», чтобы попривыкли. ...Тутъ-то мы и пустимъ Ивана Царевича. ...И застонетъ стономъ земля: «новый правый законъ идетъ». А «строить *мы* будемъ, мы, одни мы!».

Ну, какъ тутъ не вспомнить дипломата въ «Униженныхъ и Оскорбленныхъ?» «Безъ насъ, говоритъ онъ тамъ, безъ насъ нельзя... мы всплывемъ, всплывемъ, а девизомъ нашимъ въ настоящую минуту должно-быть: «plus ça va, mieux ça est». Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, тѣмъ для нашего могущества выгоднѣе — перевели и истолковали Петры Верховенскіе.

*) Въ числѣ средствъ, употребляемыхъ этимъ паукомъ, мы, однако, не видимъ *подкупа*. Между тѣмъ насъ хотятъ увѣрить, что Петрашевцы въ свое время именно *подкупали*, такъ какъ подкупленнымъ былъ у нихъ — самъ Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій!! Если вѣрить его бывшему пріятелю, доктору Яновскому, то, занявъ у покойнаго Спѣшнева 500 р., Достоевскій говорилъ: „я теперь съ *нимъ* и *его*“. Кого это только морочитъ докторъ Яновскій? Должно-быть себя самого (см „Русскій Вѣстникъ“ 1885 г., апрѣль, стр. 816 - 817).

Могущество, именно *ихъ могущество* — статья для нихъ очень важная. «Одна десятая доля человѣчества, по ихъ теоріи, получаетъ свободу личности и безграничное право надъ остальными девятью десятыми. Тѣ же должны обратиться... въ родѣ какъ бы въ стадо» (слова Шигалева). Раздается между ними даже такое мнѣніе, что не проще ли, не скорѣе ли — «взять да взорвать на воздухъ эти $^{9}/_{10}$». такъ какъ слѣпо повиноваться онѣ, пожалуй, не вдругъ научатся (мнѣніе Лямшина).

Та-же жажда могущества выставлена была уже въ Раскольниковѣ, также, вѣдь, признающемся: «власть, власть прежде всего». Но въ Раскольниковѣ, при симпатическихъ сторонахъ его характера, власть все же не можетъ окончательно обратиться въ самодовлѣющую. Въ немъ не только живо, но и громко говоритъ сердце, способное подсказывать власти, что на самомъ дѣлѣ она—только прикладная сила, способное ее наводить на благія ея приложенія. Въ Петрѣ же Степановичѣ сердце умерло; въ немъ одинъ холодный разсудокъ, состоящій на службѣ у всепожирающаго властолюбія; жертва же этой адской службы—подрастающее поколѣніе.

Оно попадаетъ въ ловушку въ силу той ловкой игры на свободолюбивыхъ струнахъ его души, которая заключается, напримѣръ, въ слѣдующемъ воззваніи Петра Степановича: «я васъ спрашиваю, что̀ вамъ милѣе: медленный ли путь, состоящій въ сочиненіи соціальныхъ романовъ и въ канцелярскомъ предрѣшеніи судебъ на тысячи лѣтъ впередъ на бумагѣ, тогда какъ деспотизмъ тѣмъ временемъ будетъ глотать жареные куски... или вы держитесь рѣшенія скораго?.. Кричатъ: «сто мильоновъ головъ»;— это, можетъ-быть, еще и метафора, но чего ихъ бояться, если при медленныхъ бумажныхъ мечтаніяхъ деспотизмъ въ какія-нибудь сто лѣтъ съѣстъ не 100, а 500 мильоновъ головъ... Прошу всю почтенную компанію... прямо и просто заявить, что̀ вамъ веселѣе: черепашій ли ходъ въ болотѣ или на всѣхъ парахъ черезъ болото?» Желанный отвѣтъ подразумѣвается.

Достоевскій съ глубокою грустью останавливается на

этомъ явленіи. Тутъ, вѣдь, передъ его душевнымъ взоромъ тѣ же «униженные и оскорбленные» — люди, надъ которыми совершается величайшее изъ насилій. Они обращаются съ юныхъ лѣтъ въ безгласное орудіе чужихъ цѣлей, изъ нихъ вербуются тѣ палачи — добровольцы, къ которымъ прямо примѣняется выраженіе: «добровольно — наступя на горло».—Имъ говорятъ: «ступай — и взорви», «ступай—и подкинь», «ступай—заколи или выстрѣли»; и они идутъ и исполняютъ, потому что, отказавшись положить другого на плаху, они сами на нее попадутъ, да еще и съ клеймомъ такъ называемаго «подлеца», которое, увѣряютъ ихъ, перейдетъ въ потомство.

Въ числѣ этихъ особаго рода «несчастныхъ» оказывается у Достоевскаго и гимназистъ, «очень горячій и взъерошенный мальчикъ лѣтъ 18-ти, сидящій съ мрачнымъ видомъ... Видимо страдая за свои 18 лѣтъ, этотъ крошка, сострадательно замѣчаетъ Достоевскій, былъ уже начальникомъ самостоятельной кучки». Тутъ же оказывается и студентка съ добрѣйшимъ сердцемъ, отправляющаяся по университетскимъ городамъ, чтобы принять участіе въ страданіяхъ бѣдныхъ студентовъ и «возбудить ихъ къ протесту». На все это Достоевскій указывалъ имъ-же самимъ, вразумляя и предостерегая ихъ отъ того особаго деспотизма, который, пожалуй, будетъ еще похуже всякаго другого. И значительная часть молодежи такъ и понимала намѣренія Достоевскаго; она знала, что онъ настоящій другъ ея, другъ и такъ называемыхъ студентокъ, что онъ всегда сочувствовалъ и этимъ послѣднимъ, благословляя въ нихъ жажду высшаго образованія, цѣня ихъ способность на всѣ лишенія, ихъ удивительный аскетизмъ во имя науки, той науки, которая нужна и женщинѣ, даже и въ томъ случаѣ, если имѣть въ виду только положеніе ея въ семьѣ.

Самымъ, можетъ-быть, жалкимъ, самымъ вызывающимъ состраданіе тою «униженностью и оскорбленностью», которой онъ долго совсѣмъ не чувствуетъ, является въ «Бѣсахъ» прапорщикъ Эркель,—этотъ, по природѣ, любящій сынъ, отсылающій матери цѣлую половину своего скуднаго

«заполоненье души» вообще, онъ предостерегалъ отъ него нашу учащуюся молодежь. Другіе, либеральничая, искали себѣ популярности у молодежи, и преспокойно получали затѣмъ не малые даже знаки отличія, потому что умѣли не все досказывать, мудро кое о чемъ умалчивать съ обоихъ концовъ. Онъ зато имѣлъ полное право сказать: «я ничего не прошу и ничего не возьму и не мнѣ хватать звѣзды за мое направленіе» *). Но онъ-то и высказывался передъ молодежью вполнѣ, сознавая своимъ любящимъ сердцемъ, какой страшный грѣхъ беретъ на душу тотъ, кто въ такое время, какъ наше, допускаетъ въ своихъ рѣчахъ хоть какія-нибудь недомолвки. И вотъ — онъ всегда говорилъ, «какъ власть имѣющій, а не какъ книжники и фарисеи!» **).

О. Миллеръ.

* * *

***) При несомнѣнной тенденціозности, «Бѣсы», на-ряду съ «Преступленіемъ и Наказаніемъ» и «Братьями Карамазовыми», — одно изъ трёхъ крупнѣйшихъ произведеній Достоевскаго. Оно крупно и по достоинствамъ своимъ и по недостаткамъ. Фабула не только сложна и запутана до крайности, но воображенію читателя сплошь и рядомъ приходится дополнять существенные пробѣлы въ разсказѣ. Особенно загадочной является личность главнаго героя— Николая Ставрогина, для разъясненія которой предоставлено уже слишкомъ много простора читательской фантазіи. Есть, правда, какая-то особенная прелесть въ этой загадочности. Но въ «Бѣсахъ» этотъ пріемъ, вообще свойственный Достоевскому, доведенъ до того, что нѣкоторые изъ главныхъ моментовъ романа вовсе не мотивированы

*) Изъ записной книжки О. М. Достоевскаго.

**) Лучше всѣхъ оцѣнилъ „Бѣсовъ“ иностранецъ — де Вогюэ: Онъ назвалъ этотъ романъ *пророческимъ*. Пора оцѣнить его и у насъ — послѣ всего того, что въ немъ предугадано, послѣ всего того, что изъ этого вышло—къ удовольствію Гаганновыхъ и Лембке.

***) К. Головинъ. Изъ его книги: „Русскій романъ и русское общество“. Спб. 1897 г.

предыдущимъ его ходомъ. Такова, между прочимъ, заключительная любовная сцена между Ставрогинымъ и Лизой, послѣ которой они разстаются почти врагами, и Лиза въ сырое осеннее утро выбѣгаетъ полуодѣтая на улицу изъ ставрогинскаго дома. Да и всѣ прошлыя отношенія Ставрогина къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ остаются до такой степени не разъясненными, что является вопросъ, не выкинулъ-ли Достоевскій изъ своего романа нѣсколько существенныхъ главъ.

Впрочемъ, и въ судьбѣ другихъ лицъ, выведенныхъ въ «Бѣсахъ», много остается темнаго. Такова, напримѣръ, вся фигура Марьи Тимофеевны, тайной жены Ставрогина, и въ особенности исторія ея страннаго замужества. Таковы отношенія Петра Верховенскаго къ Кириллову и причина его непонятной власти надъ бѣднымъ полупомѣшаннымъ энтузіастомъ. Таково, наконецъ, положеніе самого Верховенскаго въ городѣ, гдѣ онъ одновременно играетъ роль приближеннаго къ губернатору и главы революціоннаго кружка. Цѣлая половина романа уходитъ, такимъ образомъ, въ полутьму, словно жизнь его героевъ должна оставаться для читателя такою же тайной, какой остается для властей организація революціоннаго общества. Но всего болѣе недоразумѣній вызываетъ мелодраматическій конецъ романа, гдѣ катастрофы разражаются одна за другой, какъ громовые удары въ лѣтнюю грозу. Въ ту самую ночь, когда разбойникъ Федька Каторжный убиваетъ Марью Тимофеевну, Лиза отдается Ставрогину въ его загородномъ домѣ и, вслѣдъ за тѣмъ, становится жертвою слѣпой народной мести. Такое накопленіе ужасовъ годится развѣ для опернаго финала, тѣмъ болѣе, что трагическая смерть Лизы не только сама по себѣ неправдоподобна, но рѣзко противорѣчитъ самому духу русскаго народа. Французская рабочая толпа могла бы выместить убійство женщины на любовницѣ того человѣка, котораго она заподозрѣла въ этомъ убійствѣ. Но едва-ли такое проявленіе ярости соотвѣтствуетъ нашему сѣверному темпераменту.

Недостатки «Бѣсовъ», повторяю, очень крупны. Но ихъ искупаютъ съ избыткомъ качества романа, его потрясаю-

щій интересъ, мастерство, съ какимъ изображены главные характеры, и въ особенности глубина мысли, которой преисполнены почти всѣ его сцены.

Ни въ одномъ изъ прочихъ своихъ произведеній, развѣ въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», Достоевскій не высказалъ такъ много оригинальныхъ и мѣткихъ сужденій, не развернулъ передъ нами души своихъ героевъ съ такимъ поразительнымъ, даже потрясающимъ ясновидѣніемъ. Отличаются «Бѣсы» и еще однимъ достоинствомъ, довольно рѣдкимъ у Достоевскаго—блестящимъ юморомъ, образцомъ котораго можетъ служить знаменитая сцена засѣданія революціоннаго кружка. Комизмъ этой сцены совершенно неподдѣльный и нигдѣ не доходитъ до шаржа, отъ котораго не свободно другое мѣсто въ романѣ,—описаніе благотворительнаго концерта. Изъ всѣхъ обличительныхъ произведеній беллетристики, направленныхъ противъ уродливостей нашего радикализма, «Бѣсы» наиболѣе правдивое и яркое. Оттого-то, должно-быть, несмотря на все негодованіе, вызванное ими въ передовомъ лагерѣ, критика отнеслась къ нимъ очень осторожно, почти боязливо. Изобличенные почувствовали силу удара и пробовали обвинить Достоевскаго лишь въ томъ, что фабулу своего романа онъ всецѣло извлекъ изъ Нечаевскаго процесса, притомъ намѣренно изуродовавъ его главныхъ участниковъ. Нельзя не замѣтить, что оба эти обвиненія какъ будто противорѣчатъ другъ другу. Въ дѣйствительности ни то ни другое невѣрно. Убійство студента Иванова, конечно, послужило темой для Достоевскаго, сдѣлалось для него, такъ сказать, исходнымъ стимуломъ. Но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы Достоевскій представилъ въ «Бѣсахъ» не болѣе, какъ переложеніе Нечаевской исторіи на карикатурный ладъ. Онъ поступилъ такъ, какъ до него поступали всѣ геніальные писатели. Дѣйствительное событіе дало толчокъ его фантазіи, но, переработывая его въ романъ, онъ не просто воспроизводилъ сырой фактъ, выхваченный изъ революціоннаго броженія, а переработалъ этотъ фактъ, придавъ ему характеръ типичности. Когда политическое движеніе ограничено довольно тѣснымъ кругомъ дѣяте-

лей, нѣтъ возможности обойтись безъ воспроизведенія индивидуальныхъ чертъ, принадлежащихъ дѣйствительнымъ лицамъ. Вотъ почему въ личности Петра Верховенскаго могло встрѣтиться нѣкоторое сходство съ Нечаевымъ. Но Достоевскій все-таки не скопировалъ физіономію агитатора, а возсоздалъ его фигуру самостоятельно, открывъ передъ нами весь его сложный психологическій образъ. И поступая такъ, онъ пользовался не одними данными уголовнаго слѣдствія, а въ своей фантазіи переработалъ фигуру Нечаева. И нельзя сказать, чтобы онъ поскупился на яркія, даже на блестящія черты. Верховенскій негодяй, это правда, но обладаетъ онъ недюжинными способностями и силой воли необыкновенной. И еслибы всѣ коноводы движенія 70-хъ годовъ были равны ему по дарованіямъ, оно могло бы повести къ послѣдствіямъ несравненно болѣе крупнымъ.

И одна искупающая черта все-таки имѣется у Верховенскаго — черта, притомъ, очень рѣдкая. Онъ искренній энтузіастъ, и холодность ума не умѣряетъ горячности его увлеченій.

Шатовъ—жертва Верховенскаго — совсѣмъ уже не похожъ на бѣднаго Иванова. Достоевскій поручилъ ему въ романѣ гораздо болѣе крупную роль, чѣмъ была роль Иванова въ революціонномъ кружкѣ. Онъ сдѣлалъ изъ него носителя своихъ идей и, въ особенности, того идеала всепрощенія, съ которымъ всегда носился Достоевскій. Стоитъ вспомнить великолѣпную сцену между Шатовымъ и его виновной женой, когда онъ принимаетъ ее къ себѣ въ домъ наканунѣ своей мученической смерти. Нельзя не видѣть параллелизма между душевнымъ процессомъ, совершающимся у Шатова, когда онъ отказывается отъ своего революціоннаго прошлаго, и перерожденіемъ самого Достоевскаго на сибирской каторгѣ.

И прочіе болѣе мелкіе революціонные дѣятели, вплоть до барышни, пріѣхавшей изъ Петербурга, чтобы протестовать отъ имени студентовъ, написаны все съ тѣмъ же яркимъ мастерствомъ. Ни одного фальшиваго штриха, ни тѣни перерисовки, даже въ фигурахъ совершенно комическихъ. И что за убійственный контрастъ между силою

натуры Верховенскаго, между преступленіями, на которыя онъ идетъ не обинуясь, и жалкими, даже смѣшными средствами, къ которымъ онъ вынужденъ прибѣгать, какъ, напримѣръ, распространяемыя имъ стихотворенія о «свѣтлой личности» и скандалъ, устроенный на концертѣ.

Не менѣе ярки и правдивы фигуры лицъ, не участвующихъ въ движеніи. Губернаторъ фонъ-Лембке — этотъ образецъ административной безтолковости, отецъ Петра Верховенскаго, Степанъ Трофимовичъ— отставной выдохшійся либералъ 40-хъ годовъ,— и мать Ставрогина, Варвара Петровна, совершенно бездушная, хоть и умная эгоистка, какъ всѣ женщины, которымъ пришлось жить лишь умомъ и гордостью. Слабѣе прочія женскія фигуры—Марья Тимофеевна, сестра Шатова Дарья и, въ особенности, сама героиня романа Лиза, вышедшая даже не совсѣмъ ясной. Молодыя женщины, впрочемъ, если онѣ не подростки, вообще рѣдко удаются Достоевскому.

Мнѣ осталось сказать нѣсколько словъ о Николаѣ Ставрогинѣ. Одной его фигуры достаточно, чтобы опровергнуть мнѣніе, будто Достоевскій въ «Бѣсахъ» ограничился воспроизведеніемъ Нечаевскаго процесса. Ставрогинъ выдуманъ Достоевскимъ съ головы до ногъ и, сказать правду, едва-ли имѣлъ себѣ подобныхъ въ эпоху бури и натиска. Онъ напоминаетъ демагоговъ изъ аристократовъ въ романахъ Жоржъ-Санда, Еженя Сю, Карла Гуцкова и Шпильгагена. Это «рыцарь духа» чистѣйшей воды, запоздалый отпрыскъ 40-хъ годовъ, только 40-хъ годовъ не русскихъ, а иностранныхъ. Богатый, избалованный баринъ, презирающій всѣхъ, въ томъ числѣ и себя, дѣлающійся революціонеромъ отъ скуки, женящійся на полусумасшедшей мѣщанкѣ, на зло гордой матери, способный на все, даже на гнусное преступленіе, и все-таки не лишенный нѣкотораго великодушія—это лишь на половину русскій человѣкъ, русскій лишь по утонченному самодурству. Гражданинъ кантона Ури, вѣрящій въ революцію такъ же мало, какъ и во все остальное, нелѣпо кончающій жизнь самоубійствомъ, когда она ему давала полную чашу наслажденій, Ставрогинъ гораздо ближе къ героямъ первой эпохи

западнаго романтизма, къ байроновскому «Корсару», къ «Эрнани» Виктора Гюго, къ шиллеровскому «Фіеско», чѣмъ даже къ фигурамъ Пушкина и Тургенева. Если всѣ его подвиги сводятся къ тому, что онъ грубо насмѣялся въ клубѣ надъ двумя—тремя городскими тузами, виноватъ въ этомъ не онъ самъ—онъ весь жаждетъ сильныхъ впечатлѣній—виновата бѣдная русская дѣйствительность, гдѣ даже въ революціонной агитаціи нѣтъ мѣста такимъ аристократическимъ Донъ-Жуанамъ. Однимъ онъ отличается отъ героевъ чистаго романтизма — онъ гораздо циничнѣе и грубѣе, и сверстниковъ ему (не по духу, правда, — по духу онъ чистокровный сынъ Байрона, — а по наклонностямъ и поведенію) — надо искать въ романахъ молодой Германіи, гдѣ романическій идеалъ нѣсколько заразился буржуазнымъ скептицизмомъ и буржуазными вкусами, и гдѣ Донъ-Жуанамъ зачастую приходилось искать приключеній на улицѣ.

К. Головинъ.

* * *

*) Романъ «Бѣсы», по своему общему характеру и по идеѣ, лежащей въ немъ, есть дальнѣйшая своеобразная разработка задачи, лежащей въ «Преступленіи и Наказаніи». Въ этомъ послѣднемъ, какъ мы видѣли, изображается психологическое развитіе въ форму фактическаго дѣйствія одной теоріи, «теорійки, какъ всѣ», по выраженію слѣдователя Порфирія. Но эта теорія—одна изъ многихъ, примѣръ, характеризующій тогдашнее направленіе русской мысли, безъ отношенія къ какой-либо общественной группѣ людей. Въ «Бѣсахъ» Достоевскій предпринялъ изображеніе той среды, въ которой подобныя теоріи составляли предметъ практической дѣятельности, руководили всей жизнью людей и не были случайностью, какъ у Раскольникова. Но рѣзко отрицательному отношенію автора

*) А. И. Введенскій. Изъ его книги: „Общественное самосознаніе въ русской литературѣ“. Спб. 1900 г.

къ умственному и нравственному направленію, которое выразилось въ этой средѣ, романъ не могъ не принять рѣзко тенденціознаго оттѣнка. Въ противоположность мнѣнію, появлявшемуся въ критической литературѣ, «Бѣсы» въ художественномъ смыслѣ значительно уступаютъ другимъ романамъ Достоевскаго. Въ немъ уже значительно меньше глубокаго психологическаго анализа, душевныхъ движеній, объясняющихъ, какъ изображенные въ романѣ персонажи приходятъ къ ихъ дѣйствіямъ. Кирилловъ, напримѣръ, подчиненъ нелѣпой теоріи, которая выражается въ полномъ отрицаніи жизни, и осуществляетъ въ дѣйствительности эту теорію, убивая себя, но душевный процессъ, приведшій его къ ней, и муки, вынесенныя имъ при инстинктивномъ чувствѣ противорѣчія этой теоріи нравственному чувству, остаются намъ неизвѣстными. Кружокъ подобныхъ людей совершаетъ убійство,—но при этомъ нѣтъ и помину о тѣхъ нравственныхъ страданіяхъ, какія вынесъ Раскольниковъ. Молодой Верховенскій продѣлываетъ рядъ изумительныхъ мерзостей, но въ немъ мы не находимъ и тѣни—не говоримъ: сомнѣній и страданій,—а даже просто чего-нибудь похожаго на совѣсть. Та общая черта произведеній Достоевскаго, что въ самомъ преступномъ и, повидимому, погибшемъ окончательно человѣкѣ онъ видѣлъ и изображалъ «душу живую», «человѣка», слабо проявляется въ «Бѣсахъ». Можно подумать, что «нигилисты» совершенно перестали быть обыкновенными людьми съ человѣческими чувствами, мыслями, увлеченіями, страстями, сомнѣніями и разочарованіями.

А. Введенскій.

* * *

*) «Бѣсы» — одно изъ самыхъ трудныхъ произведеній Достоевскаго, трудныхъ для чтенія, трудныхъ для пониманія. Всѣ фигуры кажутся сначала неясными и загадоч-

*) А. Л. Волынскій. Изъ его книги: „Ѳ. М. Достоевскій“. Двѣ главы: „Книга великаго гнѣва“ и „Бури“.

ными. Читаешь и не понимаешь, что такое Ставрогинъ, что такое этотъ изступленный, надоѣдливый, вѣчно юлящій Петръ Степановичъ Верховенскій, что такое Кириловъ. Съ первыхъ же страницъ передъ нами развертывается картина изъ эпохи либеральнаго русскаго движенія, и въ самомъ центрѣ этой картины — фигуры почти не реальныя, идущія въ струяхъ этого движенія и все-таки цѣликомъ ему не принадлежащія. Легко понять, какое странное и раздражающее впечатлѣніе долженъ былъ произвести этотъ романъ на русское общество 70-хъ годовъ. Онъ вызвалъ взрывъ настоящаго негодованія въ передовыхъ слояхъ русской читающей публики, которая не сумѣла прозрѣть въ немъ ничего, кромѣ авторской злобы и даже политическаго ретроградства, хотя, въ сущности, его здѣсь нѣтъ, потому-что, полемизируя противъ русскаго либерализма и русской революціи, Достоевскій стоитъ на почвѣ византійскаго богословія, а не на обычныхъ устояхъ консервативной гражданственности. Достоевскій является въ этомъ романѣ народникомъ,—народникомъ съ православно-славянофильскою окраскою, и понятно, что это народничество, насыщенное византійскими идеями, воюющее съ европейскимъ раціонализмомъ, должно было отпугнуть отъ него либеральную русскую публику, изъ среды которой лились массовыя движенія въ народъ. Народничество Достоевскаго и народничество русскаго либерализма стояли въ рѣзкой оппозиціи другъ къ другу. Либеральное движеніе хотѣло атеизировать русскій народъ, и связывало свои планы и политическія надежды именно съ его эмансипаціей отъ всякой религіи, отъ всякой мистики. Достоевскій же мечталъ о пересозданіи русской жизни, во всѣхъ ея слояхъ, именно при помощи религіозной идеи, при помощи Бога. Но Богъ Достоевскаго, схваченный имъ въ откровеніяхъ его великаго духа, переработался для него въ сложную систему идей и понятій, въ цѣлый рядъ неподвижныхъ религіозно-философскихъ символовъ, уже оторвавшихся отъ живой жизни и ливших на нее свое свирѣпое отрицаніе. Поистинѣ можно сказать, что «Бѣсы»— это книга великаго гнѣва. Художникъ особеннаго, сладо-

страстно-изступленнаго темперамента и небывалой силы логической мысли и діалектики показалъ себя тутъ во всемъ своемъ объемѣ. Человѣкъ великаго гнѣва написалъ эту книгу великаго гнѣва. И гнѣвомъ и отверженіемъ отвѣтило на нее молодое русское общество. Оно не могло не признать злобной карикатурою на себя героевъ романа—Ставрогина, Верховенскаго, Кармазинова, Липутина, даже Шатова. А такія фигуры, какъ Кирилловъ, такія философскія построенія, какъ кирилловская концепція новой религіи и человѣкобога, въ то время были слишкомъ неожиданны и слишкомъ оторваны отъ общихъ интересовъ. До Ницше нужно было пройти еще черезъ цѣлый историческій перевалъ, черезъ трансформацію разсудочно-политическихъ идей въ идеи нравственно-психологическія, а безъ Ницше фигура Кириллова осталась бы непонятною и до сихъ поръ.

Эта книга великаго гнѣва написана въ апокалипсическихъ краскахъ. Самый темпъ романа, бурный характеръ его натиска на передовые слои русскаго общества, символическая условность главныхъ фигуръ—все напоминаетъ Апокалипсисъ. И сами герои романа, повидимому, занимаются Апокалипсисомъ и знаютъ его. Ставрогинъ бесѣдуетъ съ Кирилловымъ объ Апокалипсисѣ и короткимъ замѣчаніемъ затрагиваетъ одну изъ главныхъ догмъ Апокалипсиса. Кирилловъ читаетъ Апокалипсисъ Федькѣ Каторжному, а самъ этотъ Федька Каторжный, въ горячемъ разговорѣ съ Петромъ Степановичемъ Верховенскимъ, споритъ съ нимъ тоже при помощи образовъ изъ Апокалипсиса, какъ понимаетъ ихъ его простая, хотя по своему тонкая душа. Славянофильствующій Шатовъ въ своихъ полемическихъ изліяніяхъ противъ Ставрогина произноситъ слѣдующую фразу: «Духъ жизни—рѣки воды живой, изсякновеніемъ которыхъ такъ угрожаетъ Апокалипсисъ». Онъ не открылъ въ своей душѣ непосредственнаго отношенія къ Богу, но религіозно-философская и поистинѣ богодухновенная, окрыленная книга сына Грома, Іоанна Богослова, повидимому, глубоко захватила его. Душѣ его тоже нужны громы и опаляющія молніи, и онъ невольно обращается къ

этой книгѣ. Къ сожалѣнію, эта черта Шатова въ романѣ не выяснена, хотя она могла бы прекрасно дорисовать обликъ насильно вѣрующаго Шатова. Наконецъ, Степанъ Трофимовичъ, въ послѣдніе дни жизни, знакомится съ Апокалипсисомъ и загорается сентиментальнымъ восторгомъ по отношенію къ этой книгѣ. Все это вмѣстѣ показываетъ, что Апокалипсисъ стоялъ передъ глазами художника, когда онъ писалъ свой романъ. Ставрогинъ, какъ мы уже говорили выше, это звѣрь изъ бездны—гордый, съ холодными страстями, воплощающій въ своемъ лицѣ могущество злого духа. Петръ Степановичъ Верховенскій—это второй звѣрь, звѣрь изъ земли, лжепророкъ, пророкъ перваго звѣря. Онъ полонъ плановъ и концепцій, онъ проповѣдуетъ со всею властью перваго звѣря, хотя онъ только слуга и вѣстникъ его. Не хватаетъ въ романѣ только апокалипсическаго Дракона, передающаго свою власть первому звѣрю, но мы какъ бы слышимъ трепетъ его крыльевъ. Вотъ она вся «великая анти-троица ада», со всѣмъ ея воинствомъ въ лицѣ нигилистовъ и соціалистовъ, всѣхъ этихъ Липутиныхъ, Виргинскихъ, Шигалевыхъ, Лебядкиныхъ и др., всѣхъ этихъ бѣсовъ и прислужниковъ Сатаны. Но у русскаго Іоанна Богослова не хватаетъ въ этомъ романѣ того, что онъ иногда открывалъ передъ нами въ другихъ своихъ произведеніяхъ — этого послѣдняго неба, неба духовнаго обновленія, этого новаго Іерусалима, который сходитъ съ новаго неба на новую землю, этой свѣтлой утренней звѣзды, которая прославляется на послѣднихъ страницахъ Апокалипсиса. Гдѣ великое прощеніе Достоевскаго человѣчеству, гдѣ его осанка развивающейся, бунтующей исторіи, которая изъ стараго вырабатываетъ новое, ломая и убивая, и тутъ же возрождая къ новой жизни? Можно сказать, что въ этомъ романѣ, написанномъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ по прообразу Апокалипсиса, не слышно того возвышеннаго литургическаго напѣва, который такъ ясно звучитъ во вдохновенной символикѣ историческаго Апокалипсиса. Нѣтъ здѣсь взгляда на протестантскія движенія человѣчества, какъ на святую соціальную евхаристію, которою добывается новый хлѣбъ жизни и новое вино ду-

ховнаго экстаза,—то, безъ чего человѣчество жить не можетъ и не должно жить. Художественный замыселъ Достоевскаго былъ грандіознѣе его исполненія.

Достоевскій разсмотрѣлъ въ своемъ романѣ революціонное движеніе 60-хъ годовъ съ самыхъ различныхъ сторонъ и осудилъ его, какъ истинный фанатикъ иныхъ идей, иныхъ общественныхъ стремленій. Передъ нами вся скала русскаго протестантства, отъ праздно-болтающаго либерализма до террора, либерально-прогрессивная литература, задѣтая крыломъ либеральнаго вѣянія администрація—вся скала русской жизни. И все это осуждено и опозорено въ изображеніи художника, потому-что, по его мнѣнію, все это оторвано отъ народа и должно погибнуть, какъ стадо свиней, въ которое вселились бѣсы русской исторіи. Такова концепція романа, этотъ негодующій протестъ Достоевскаго противъ исторіи, которая направляетъ движеніе общественной мысли, куда ей нужно и угодно, такъ сказать, не справляясь съ исключительными идейными построеніями, съ умственными схемами даже такихъ великихъ людей, какъ Достоевскій. Всей своей художественной и публицистической дѣятельностью Достоевскій становился поперекъ либеральному движенію, металъ въ него свои молніи, бунтовалъ противъ него, — и все-таки это движеніе, то замирая, то поднимаясь, росло и шло впередъ, вплоть до настоящаго момента, когда передовые представители его уже почти клянутся именемъ Достоевскаго и питаютъ свой духъ діалектическими силами его художественнаго творчества, хотя отвергаютъ его византизмъ и его анаѳемствующую публицистику. Но самъ Достоевскій говоритъ «нѣтъ» этому движенію, и въ этомъ его ошибка, потому-что всякое великое искусство ничему, что оно дѣлаетъ предметомъ своего изображенія, не говоритъ «нѣтъ», а всему говоритъ свое художественное «да», все постигаетъ въ его идеальномъ значеніи, все видитъ въ дѣйственномъ процессѣ исторіи. Достоевскій посмотрѣлъ на революціонное движеніе Россіи, какъ на какое-то занесенное изъ Европы повѣтріе, а между тѣмъ оно было мѣст-

нымъ, русскимъ землетрясеніемъ, распаденіемъ старыхъ основъ русской жизни или, вѣрнѣе сказать, первымъ проявленіемъ будущихъ духовно-соціальныхъ катастрофъ передъ нарожденіемъ новаго духовно-соціальнаго быта. И когда оглянешься назадъ и посмотришь на эту эпоху сквозь идеи современности, можешь только удивляться тому, что было: какіе характеры, какія огненныя концепціи выбрасывала изъ себя жизнь, какая стихійная сила, какое дерзновеніе при ошибочныхъ логическихъ построеніяхъ, которыя, при молодости народнаго организма, не парализовали всего этого движенія! Если вдумаешься въ это движеніе съ психологической стороны, — даже положивши на вѣсы всѣ ошибки публицистики, всѣ ошибки критики, матеріализмъ, позитивизмъ, эстетическій и жизненный нигилизмъ, — нельзя не уловить въ немъ того безкорыстія и того энтузіазма, которые больше значатъ для исторіи, чѣмъ самая высокая культурная разсудочность. И только потому, что русское общество, въ движеніяхъ прошлаго, уже показало свою стихійную мощь, можно предвидѣть всю его мощь въ будущемъ, на службѣ у болѣе высокихъ и глубокихъ идей.

Вождемъ партіи движенія представленъ въ романѣ Петръ Степановичъ Верховенскій. Это поистинѣ фантастическая фигура, для созданія которой Достоевскій, можетъ-быть, схватилъ нѣсколько реальныхъ чертъ изъ исторической фигуры извѣстнаго Нечаева. Это Нечаевъ, переплавленный въ пламенной и негодующей душѣ Достоевскаго, съ ея апокалипсическими видѣніями, во что-то совершенно исключительное и оригинальное. Передъ нами настоящій чортъ, напоминающій чорта, который пригрезился Ивану Карамазову. Онъ всѣхъ сводитъ, все путаетъ, подо все подбрасываетъ свою сѣть и надо всѣми простираетъ свои демонскіе планы. Нужно было обладать сладострастнымъ темпераментомъ Достоевскаго, чтобы въ реальномъ романѣ, изъ реальной эпохи русской революціи, нарисовать такую фигуру. Ничего человѣчнаго, несмотря на шаржированныя трагикомическія черты. Все обвѣяно гипнозомъ Апокалипсиса и фигуры Неправеднаго Агнца. Такое странное, небывалое въ русской литературѣ творчество возможно только

у Достоевскаго, потому-что въ немъ самомъ шевелилось что-то сатанинское, и онъ далъ этимъ сатанинскимъ чувствамъ своимъ полную свободу по отношенію къ нигилизму.

Петръ Степановичъ Верховенскій ходитъ маленькими, частыми шагами, страшно суетливъ, и слова его «сыплются какъ ровныя, крупныя зернышки, всегда подобранныя и всегда готовыя къ вашимъ услугамъ». Это цѣлый градъ словъ, которыми онъ осыпаетъ окружающихъ, и они волнуются въ бесѣдѣ съ этимъ человѣкомъ, едва преодолѣвая свое отвращеніе къ нему. «Сначала это вамъ и нравится,—пишетъ Достоевскій,—но потомъ станетъ противно, и именно отъ этого слишкомъ ужъ яснаго выговора, отъ этого бисера вѣчно готовыхъ словъ». Кажется, достаточно для обрисовки его манеры говорить съ людьми, но воображеніе Достоевскаго, уже впившееся въ намѣченный образъ революціоннаго чорта, дорисовываетъ намъ эту манеру Петра Степановича Верховенскаго еще слѣдующими полуфантастическими чертами. «Вамъ какъ-то начинаетъ представляться, — говоритъ онъ, — что языкъ у него во рту, должно-быть, какой-нибудь особенной формы, какой-нибудь необыкновенно длинный и тонкій, ужасно красный и съ чрезвычайно острымъ, безпрерывно и невольно вертящимся кончикомъ». Образъ словно взятый изъ какой-нибудь старинной картины или иконы на тему «Страшнаго Суда». И вотъ этотъ-то чортъ ведетъ за собою всю партію. Безсердечный по отношенію ко всему живому, пламенный энтузіастъ по отношенію къ собственнымъ фантазіямъ, онъ убиваетъ Шатова, подталкиваетъ къ самоубійству Кириллова и расправляется съ Федькой Каторжнымъ. Убійство Шатова навязано имъ кружку революціонеровъ подъ тѣмъ предлогомъ, что Шатовъ, въ пылу негодованія противъ нигилизма, можетъ выдать партію властямъ. Замыселъ же его состоитъ въ томъ, что пролитая кровь свяжетъ между собою всѣхъ конспираторовъ лучше всякаго договора. Онъ какой-то призванный убійца и, при его комической суетливости и словоохотливости, въ немъ чуется что-то зловѣщее. Онъ вьется между людьми, какъ проворная, холодная змѣя, и вдругъ взвивается надъ ними, какъ

огненный языкъ вспыхнувшаго пожара. Если довѣриться преданіямъ и документамъ недавняго прошлаго, то надо сказать, что и въ этомъ соединеніи сердечной холодности и вдохновеннаго шарлатанизма, хищной подвижности и непреклоннаго умственнаго упорства прообразомъ для Достоевскаго послужилъ Нечаевъ. Но, можетъ-быть, историческое лицо было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше, глубже и ужаснѣе апокалипсической сатиры Достоевскаго. Это былъ какой-то живой вулканъ, который, при другихъ условіяхъ, могъ бы затопить своею лавою половину русскаго государства, и по этому вулкану можно судить о томъ, какія вулканическія силы скрыты подъ русскою почвою.

На собраніи нигилистовъ, куда увиваясь за Ставрогинымъ, но, въ сущности, ведя его за собою, пришелъ Петръ Степановичъ Верховенскій, развертывается обширный и принципіальный разговоръ на соціально-революціонныя темы. Длинноухій Шигалевъ докладываетъ свой утопическій проектъ будущаго устройства человѣчества. Достоевскій подчеркиваетъ, что весь этотъ проектъ, который долженъ упразднить собою утопіи Платона, Руссо, Фурье, пригодныя, по мнѣнію Шигалева, «только для воробьевъ, а не для человѣческаго общества», что весь этотъ проектъ имѣетъ чисто разсудочный характеръ. Шигалевъ тоже «фанатикъ человѣколюбія» и мечтаетъ о раѣ на землѣ. Онъ предлагаетъ «въ видѣ конечнаго разрѣшенія вопроса раздѣленіе человѣчества на двѣ неравныя части: одна десятая доля получаетъ свободу личности и безграничное право надъ остальными девятью десятыми». На верху общества стоятъ всевластные руководители, а само это общество, въ цѣломъ, теряетъ свою личность и обращается «вродѣ какъ въ стадо» и, «при безграничномъ повиновеніи», должно достигнуть, «рядомъ перерожденій, первобытной невинности, вродѣ какъ бы первобытнаго рая». Достоевскій, если можно такъ выразиться, перешаржировалъ нѣкоторыя черты наивнаго соціализма прежнихъ временъ, съ его нивелирующими тенденціями и боязнью всего, что выходитъ изъ нормы и поднимается надъ толпой. А идея властителей является какою-то карикатурою на «Республику» Пла-

тона и вовсе уже не подходитъ къ какой бы то ни было соціалистической концепціи. Шигалевщина служитъ въ романѣ какъ бы антитезою огненному демонизму Петра Степановича и въ самомъ дѣлѣ усиливаетъ впечатлѣніе отъ его анархическаго энтузіазма. «Видите, господа,—говоритъ Верховенскій,—по-моему, всѣ эти книги, Фурье, Кабеты, всѣ эти права на работу, шигалевщина—все это вродѣ романовъ, которыхъ можно написать сто тысячъ. Эстетическое препровожденіе времени». Если допустить, что Достоевскій взялъ прототипомъ для своего Петра Степановича сатанинскую фигуру Нечаева, то нужно думать, что и эту черту его, — его презрительное отношеніе къ революціонной книжности и доктринерству — онъ могъ схватить изъ тѣхъ самыхъ «подкидныхъ листковъ иностранной фактуры», о которыхъ упоминается въ романѣ и которые были распространены тогда въ русскомъ обществѣ. Таковы, напримѣръ, прокламація «Къ молодому поколѣнію», писанная Михайловымъ, бурная революціонная прокламація «Молодая Россія» и, наконецъ, такая революціонная проповѣдь, какъ «Народная расправа», написанная самимъ Нечаевымъ. Нѣкоторыя слова Петра Степановича являются прямымъ отголоскомъ нечаевскихъ словъ. «Для насъ,—говорилъ Нечаевъ,—мысль дорога только, поскольку она можетъ служить великому дѣлу радикальнаго и повсюднаго всеразрушенія. Но ни въ одной книгѣ изъ нынѣ существующихъ книгъ нѣтъ такой мысли. Кто учится революціонному дѣлу по книгамъ, будетъ всегда революціоннымъ бездѣльникомъ». Далѣе Нечаевъ съ негодующимъ презрѣніемъ говоритъ о «доктринерствующихъ поборникахъ бумажной революціи». «Бумажная революція»—какъ это сильно и мѣтко сказано, и какъ эти два слова, произнесенныхъ съ ѣдкой усмѣшкою, сразу ставятъ передъ нами этого загадочнаго человѣка подпольной русской исторіи! «Фактическими же проявленіями мы называемъ только рядъ дѣйствій, разрушающихъ положительно что-нибудь: лицо, вещь, отношеніе, мѣшающія народному освобожденію». Этому человѣку надо было что-нибудь непремѣнно шевелить, разрушать или пересоздавать: такая въ немъ

сидѣла анархическая энергія, не дававшая ему покоя, толкавшая его къ дѣйствованію, какъ паръ въ локомотивѣ.

Всѣ эти мысли Нечаева, весь революціонный бредъ этой загадочной натуры, съ жаждою разрушенія, убійства, широкихъ катастрофъ, съ ея холодною вѣрою въ необходимость анархіи, — все это перелилось въ романъ и заговорило въ немъ языкомъ Достоевскаго. Петръ Степановичъ Верховенскій ищетъ «быстраго разрѣшенія» соціально-политическаго вопроса, — быстраго и рѣшительнаго, хотя бы цѣною ста милліоновъ человѣческихъ головъ, потому что всею своею натурою онъ презираетъ «медленныя бумажныя мечтанія», черепашій ходъ въ болотѣ. «Слушайте,— говоритъ онъ Ставрогину по окончаніи засѣданія у нигилистовъ,—мы сдѣлаемъ смуту. Вы не вѣрите, что мы сдѣлаемъ смуту? Мы сдѣлаемъ такую смуту, что все поѣдетъ съ основъ». Для этого пламеннаго энтузіаста совершеніе радикальнаго переворота представляется почти легкимъ дѣломъ. «Нѣсколько такихъ кучекъ... И пусть ищутъ. Одну кучку вырвутъ, а на другой сядутъ. Мы пустимъ смуту... Неужто вы не вѣрите, что насъ двоихъ совершенно достаточно?» Если не знать нѣкоторыхъ документовъ подпольной русской исторіи, можетъ показаться, что, изображая революціонный паѳосъ, Достоевскій вдается въ утрировку. А между тѣмъ это все реальныя черты, взятыя изъ жизни и дѣятельности такихъ людей, какъ Нечаевъ, Михайловъ и другіе. Тутъ скрыта большая правда русской психологіи, еще не раскрывшейся до конца въ процессѣ русской исторіи. Это какая-то мистика бунтующаго народнаго естества, какое-то исканіе безпредѣльности — быть-можетъ, въ ложномъ направленіи, но съ такимъ горячимъ подъемомъ, съ такимъ изступленіемъ, которые уже выходятъ за предѣлы ограниченныхъ, нормальныхъ силъ человѣческихъ и всѣхъ соціально-политическихъ эмпиризмовъ. «Мы пустимъ пьянство, сплетню, доносъ, мы пустимъ неслыханный развратъ! — восклицаетъ въ какомъ-то бреду Верховенскій. Мы всякаго генія потушимъ въ младенчествѣ. Все къ одному знаменателю. Полное равенство. Необходимо лишь необходимое, — вотъ девизъ земного шара

отселѣ». Это онъ хватаетъ одну черту отъ шигалевщины — именно ту черту, черезъ которую онъ можетъ дать прорваться своему презрѣнію къ человѣку, къ человѣчеству съ его избранными натурами, аристократами ума, геніями. Но въ общемъ шигалевщина не можетъ насытить его кровожадной фантазіи. И въ этомъ пунктѣ Достоевскій, использовавъ все, что было подходящаго для его художественно-апокалипсическаго образа въ Нечаевѣ, можно сказать, совершенно оставляетъ первообразъ и ударяется въ настоящія фантасмагоріи. Перемѣшавъ соціалистическія идеи съ собственными тенденціями, особенно хорошо выразившимися впослѣдствіи въ его Великомъ Инквизиторѣ, и представивъ все это на почвѣ разбушевавшихся революціонныхъ страстей, Достоевскій влагаетъ въ уста Верховенскаго слѣдующія слова: «Но нужна и судорога. Объ этомъ позаботимся мы, правители. У рабовъ должны быть правители. Полное послушаніе, полная безличность. Но разъ въ тридцать лѣтъ Шигалевъ пускаетъ и судорогу. И всѣ вдругъ начинаютъ поѣдать другъ друга, до извѣстной черты, единственно, чтобы не было скучно. Скука есть ощущеніе аристократическое». Въ этомъ сплетеніи анархическаго сладострастія съ романтическимъ властолюбіемъ, опирающимся на догму широкихъ революціонныхъ жертвоприношеній,— все хаотично и сумбурно, и, можетъ-быть, именно сквозь этотъ хаосъ и сумбуръ перепутанныхъ революціонныхъ идей проглядываетъ сатанинскій обликъ самого Достоевскаго. Онъ тутъ виденъ, его тутъ чувствуешь — нервами чувствуешь.

Петръ Степановичъ продолжаетъ свои дикія изліянія и намѣчаетъ поистинѣ неслыханный соціально-политическій планъ, особенно странный въ устахъ нигилиста и анархиста: онъ хотѣлъ отдать міръ папѣ, но теперь онъ рѣшилъ отдать его красавцу Ставрогину. Онъ пуститъ легенду о скрывающемся Иванѣ-Царевичѣ, который идетъ, приближается, чтобы спасти Россію. «Вы красавецъ,—говоритъ онъ ему,—гордый, какъ богъ, ничего для себя не ищущій, съ ореоломъ жертвы, скрывающійся. Главное,— легенду!.. И застонетъ стономъ земля: новый, правый за-

конъ идетъ, и взволнуется море, и рухнетъ балаганъ, и тогда подумаемъ, какъ бы поставить строеніе каменное. Въ первый разъ! Строить мы будемъ, мы, одни мы!» Тутъ Петръ Степановичъ Верховенскій стоитъ передъ нами во весь свой ростъ, и чувствуется, что если въ словахъ его и нѣтъ опредѣленной соціально-политической идеи и нѣтъ даже суровой выдержанности Нечаева, за то въ нихъ выразилась мучительная психологія самого Достоевскаго. Онъ и отрицаетъ Петра Степановича, и въ какихъ-то отношеніяхъ,— можетъ-быть, невѣдомо для самого себя—самъ сливается съ нимъ. Достоевскій имѣлъ въ себѣ эту ненависть къ толпѣ, которою проникнутъ Верховенскій, и въ иныя минуты ненавидѣлъ окружающую жизнь, какъ балаганъ. Когда Петръ Степановичъ говоритъ о каменномъ зданіи, которое должно быть воздвигнуто на обломкахъ стараго порядка, мы ощущаемъ въ этомъ духъ и настроеніе самого Достоевскаго, и даже тиранническіе инстинкты Верховенскаго, изъ подъ власти которыхъ не можетъ выйти ни одинъ изъ членовъ революціоннаго кружка, и отъ которыхъ едва отбивается самъ Ставрогинъ, даже эти тиранническіе инстинкты его какъ бы идутъ изъ души самого Достоевскаго. Было въ этомъ сложномъ человѣкѣ именно что-то сатанински-тираническое, доведенное до сладострастія и имѣвшее свои тонкія развѣтвленія во всѣхъ сферахъ его внутренней жизни, въ области ума, такъ же, какъ и въ области его чувствованій, и особенно въ области его воли, и эта-то скрытая тираническая черта его натуры прорвалась въ немъ подъ впечатлѣніемъ фантастической фигуры Нечаева. И этотъ галлюцинатъ религіозно-сладострастныхъ утопій выбросилъ въ этой фигурѣ Петра Степановича, перевоплотившей Нечаева, цѣлый снопъ какого-то ирраціональнаго свѣта, что-то чудовищно-демоническое. Можно сказать, что весь этотъ клокочущій революціонный бредъ его всего болѣе интересенъ и характеренъ именно по отношенію къ самому Достоевскому, который въ этомъ пунктѣ не могъ ни подавить въ себѣ безумныхъ порывовъ своей настоящей натуры, ни скрыть ихъ за своими византійскими схемами, ни растворить ихъ въ экстазахъ своего

высшаго одухотворенія. Онъ тутъ страшно натураленъ, онъ юродствуетъ на этой революціонной почвѣ, онъ кощунственно издѣвается надъ человѣческими бунтами и революціями, но самъ онъ любитъ нервами разрушеніе, буйство толпы, судороги народныхъ возмущеній, грозные ночные пожары. «Большой огонь по ночамъ всегда производитъ впечатлѣніе раздражающее и веселящее,—говоритъ онъ въ романѣ, уже отъ своего лица.—На этомъ основаны фейерверки. Но тамъ огни располагаются по изящнымъ правильнымъ очертаніямъ и, при полной своей безопасности, производятъ впечатлѣніе игривое и легкое, какъ послѣ бокала шампанскаго. Другое дѣло настоящій пожаръ: тутъ ужасъ и все же какъ бы нѣкоторое чувство личной опасности, при извѣстномъ веселящемъ впечатлѣніи ночного огня, производятъ въ зрителѣ нѣкоторое сотрясеніе мозга и какъ бы вызовъ къ его собственнымъ разрушительнымъ инстинктамъ, которые, увы, таятся во всякой душѣ самаго смиреннаго и семейнаго титулярнаго совѣтника. Это мрачное ощущеніе почти всегда упоительно». Сквозь робость изумительной логической формулировки опредѣленной идеи видится пламень самого Достоевскаго, вырывающійся изъ его души въ отвѣтъ на всякій пожаръ—пожаръ въ обычномъ смыслѣ этого слова или пожаръ соціально-революціонный. Огни соціально-политическихъ революцій тоже не располагаются «по изящнымъ правильнымъ очертаніямъ», и потому тоже производятъ на Достоевскаго «раздражающее и веселящее впечатлѣніе». Можетъ-быть, въ этой странной любви человѣчества къ пожарамъ и разгромамъ заложенъ одинъ изъ мотивовъ, опьяняющихъ отдѣльныхъ людей и толпу во время соціально-политическихъ катастрофъ, по какимъ-бы другимъ болѣе реальнымъ и въ то же время болѣе идеальнымъ причинамъ онѣ ни разыгрывались. Есть что-то дикое въ человѣческой натурѣ, есть какой-то революціонный ферментъ въ самомъ естествѣ человѣческомъ, есть какой-то анархическій напѣвъ въ самой душѣ человѣческой, въ ея безпредѣльныхъ хаотическихъ глубинахъ. И тутъ еще наука человѣческой психологіи въ соприкосновеніи съ соціологіей не сказала своего

послѣдняго, обобщающаго слова, потому что еще не извѣданъ и не изученъ ею до конца человѣкъ, такъ сказать, по линіи его личнаго начала, не измѣрена вглубь его любовь къ хаосу, къ неопредѣлившемуся, къ грандіозному и жестокому. Быть-можетъ, когда-нибудь будетъ написана цѣлая книга о пожарахъ—о психологіи, связанной съ пожарами, какъ индивидуальной, такъ и массовой, и можно съ увѣренностью сказать, что именно въ Россіи такая книга будетъ блистать особенно народнымъ колоритомъ, потому-что, какъ говорится въ «Бѣсахъ», пожары являются въ Россіи «средствомъ народнымъ по преимуществу» — средствомъ протеста, бунта, мести. Пустить краснаго пѣтуха, поджечь цѣлый лѣсъ—это, въ самомъ дѣлѣ, по-русски!

Фигура Петра Степановича Верховенскаго, какъ мы уже сказали, прекрасно воплощаетъ разрушительные инстинкты самого Достоевскаго. Петръ Степановичъ держитъ въ гипнозѣ весь революціонный кружокъ и ведетъ его отъ одного преступленія къ другому. «Вы всего лишь одинъ узелъ безконечной сѣти узловъ и обязаны слѣпымъ послушаніемъ центру»,—говоритъ онъ членамъ этого кружка,—и почти всѣ они, за исключеніемъ одного лишь Липутина, какъ зачарованные, вѣрятъ его словамъ. «Тамъ не теряютъ ни волоска ни пылинки, все идетъ въ пользу общаго дѣла»,—продолжаетъ онъ, гипнотизируя этихъ людей и подталкивая ихъ къ убійству Шатова. И они идутъ и убиваютъ Шатова. А никакого «тамъ», никакого большого руководящаго центра съ могучими силами во главѣ, съ неусыпнымъ вниманіемъ къ тому, что дѣлается на периферіи, среди разсыпанныхъ будто-бы по всей Россіи революціонныхъ «пятерокъ», совершенно нѣтъ. Все это какая-то революціонная миѳологія, мечта о могущественныхъ центрахъ,—ничего болѣе. Но какая-же была нужна сила самогипноза и страстнаго заговорщицкаго паѳоса по отношенію къ окружающимъ, если какихъ-нибудь нѣсколько человѣкъ — какихъ-нибудь одиннадцать человѣкъ, какъ это и выяснилось исторически на Липецкомъ Съѣздѣ 17 іюня 1879 г.—могли держать въ террорѣ цѣлую страну, всю интеллигенцію Россіи. Что-то нечаевское — по духу, по

идеѣ, по безумному размаху демоническої силы—разгулялось въ русскомъ обществѣ, и само это общество, даже среди своихъ смиренныхъ и семейныхъ титулярныхъ совѣтниковъ, не могло не чувствовать, что на пути поджога, бунта и разгрома русскій революціонеръ долженъ оказаться страшно сильнымъ даже въ глазахъ безмолвнаго народа: одинъ человѣкъ можетъ зажечь огромный пожаръ и при томъ вызвать въ душахъ не протестъ, а то «раздражающее и веселящее ощущеніе», о которомъ говоритъ Достоевскій. Одиннадцать титановъ убѣжденія, одиннадцать демоновъ ненависти къ старому балагану могутъ стоить иногда всѣхъ армій, съ ихъ дисциплиною, всѣхъ пушечныхъ огней, расположенныхъ, какъ въ пустомъ фейерверкѣ, по «изящнымъ, правильнымъ очертаніямъ». Невѣдомо для себя Достоевскій выпустилъ въ своемъ романѣ одного изъ такихъ титановъ и, думая сдѣлать его только отвратительнымъ, бросилъ на него свѣтъ революціоннаго безумія, загадочнаго и притягательнаго.

Кружокъ революціонеровъ, руководимый Верховенскимъ, убиваетъ Шатова. Непосредственное участіе въ этомъ убійствѣ принимаетъ молодой трогательный человѣкъ съ дѣтскими глазами, прапорщикъ Эркель, собственно не принадлежащій къ «пятеркѣ», но съ какимъ-то вдохновеніемъ преклоняющійся передъ Петромъ Степановичемъ, а также Липутинъ, знатокъ народа Толкаченко, Лямшинъ, Виргинскій и, наконецъ, самъ Верховенскій. Шигалевъ, пришедшій на мѣсто убійства, въ послѣднюю минуту отказывается отъ какого-бы то ни было участія въ немъ. «Я явился сюда,—говоритъ онъ,—единственно, чтобы протестовать противъ замышляемаго предпріятія, для общаго назиданія. Я ухожу—не изъ страха этой опасности, и не изъ чувствительности къ Шатову, съ которымъ вовсе не хочу цѣловаться, а единственно потому, что все это дѣло, съ начала и до конца, буквально противорѣчитъ моей программѣ». Шигалевъ, по складу своихъ убѣжденій, соціалистъ, и потому устраняется отъ экстренныхъ мѣропріятій революціоннаго характера. Достоевскій уловилъ эту черту, отдѣляющую соціализмъ, хотя-бы и воинствующій, отъ ни-

нигилистическо-революціонной анархіи, которая съ самаго начала пошла путемъ террора. Сцена самаго убійства изображена коротко, просто и съ необычайною внѣшней реальностью. На Шатова бросается изъ-за дерева Толкаченко, а молоденькій, невинный Эркель, настоящій агнецъ въ душѣ, схватываетъ его сзади за локти. «Липутинъ накинулся спереди. Всѣ трое тотчасъ-же сбили его съ ногъ и придавили къ землѣ. Тутъ подскочилъ Петръ Степановичъ со своимъ револьверомъ... Шатовъ вдругъ прокричалъ краткимъ и отчаяннымъ крикомъ, но ему кричать не дали: Петръ Степановичъ аккуратно и твердо наставилъ ему револьверъ прямо въ лобъ, крѣпко въ упоръ, и спустилъ курокъ». Черезъ нѣсколько минутъ Лямшинымъ овладѣваетъ припадокъ какого-то сумасшествія, а Виргинскій дрожитъ мелкою дрожью и «горестно» кричитъ во весь голосъ: «это не то, не то! Нѣтъ, это совсѣмъ не то!» Это психологическіе намеки на то, что и въ гнѣздѣ революціонизма, въ центрѣ самой «пятерки», не все благополучно. Было-бы, однако, ошибкою думать, что Достоевскій этимъ психологически-вѣрнымъ штрихомъ воздаетъ справедливость русской революціи, что онъ хотѣлъ изобразить революціонеровъ въ тѣхъ естественныхъ внутреннихъ противорѣчіяхъ, которыя дѣлаютъ ихъ человѣчными и понятными. Въ дѣйствительности это не такъ. Этимъ штрихомъ Достоевскій хотѣлъ только лишній разъ подчеркнуть, что въ русской революціонной партіи все было противоестественно и въ своей противоестественности возмутительно. По его художественному замыслу это былъ только тираническій гипнозъ нѣсколькихъ сильныхъ и безсердечныхъ злодѣевъ надъ толпою мелкихъ душонокъ, лакеевъ мысли, «людей изъ бумажки», людей безъ личныхъ страстей и безъ личной воли. Этотъ штрихъ, и въ такой именно несочувственной окраскѣ по отношенію къ нигилизму, дополняется еще тѣмъ, что Лямшинъ, не выдержавъ угрызеній совѣсти, «*побѣжалъ* къ начальству», чтобы выдать участниковъ убійства. Онъ побѣжалъ къ начальству, какъ къ источнику прощенія и обновленія, и—странно, жутко сказать,—Достоевскій кое въ чемъ сочувствуетъ тутъ жал-

кому Лямшину. До того доходило ожесточеніе его по отношенію къ русскому нигилизму.

Среди этихъ ничтожныхъ, нецѣльныхъ людей, всегда колеблющихся и всегда готовыхъ лобызать хлещущую ихъ руку, только Петръ Степановичъ Верховенскій, и послѣ убійства, стоитъ на своей демонической высотѣ и ничѣмъ себѣ не измѣняетъ. Это въ самомъ дѣлѣ фигура, списанная съ историческаго Нечаева, и даже самая картина убійства напоминаетъ убійство студента Петровской академіи Иванова, совершонное, подъ непосредственнымъ руководительствомъ Нечаева, Успенскимъ, Прыжовымъ, Николаевымъ и Кузнецовымъ. Это знаменитая «пятерка», созданная злымъ геніемъ Нечаева. Такъ сказать, прощальное слово, которое произноситъ Петръ Степановичъ своимъ товарищамъ по убійству Шатова, полно какого-то демонскаго самоупоенія. Они должны ощущать,—говоритъ онъ,— «ту свободную гордость, которая сопряжена съ исполненіемъ свободнаго долга». «Одинъ мигъ свободнаго размышленія» долженъ показать имъ, что они не могли поступить иначе, что они должны были сбросить Шатова со своего революціоннаго пути. Отвѣтственность они несутъ только передъ центромъ. «Каждый изъ васъ,—продолжаетъ Верховенскій,—обязанъ высшимъ отчетомъ. Вы призваны обновить дряхлое, завонявшее отъ застоя дѣло; имѣйте всегда это передъ глазами для бодрости. Весь вашъ шагъ пока въ томъ, чтобы все рушилось, и государство, и его нравственность. Останемся только мы, заранѣе предназначившіе себя для пріема власти: умныхъ пріобщимъ къ себѣ, а на глупцахъ поѣдемъ верхомъ... Еще много тысячъ предстоитъ Шатовыхъ». Такъ говоритъ Петръ Степановичъ Верховенскій, и въ словахъ его историческая правда,— черты, взятыя изъ исторіи русской революціи, — перемѣшана съ личными настроеніями Достоевскаго — его полемикой противъ нигилизма. Ни Нечаевъ ни другіе представители русскаго радикальнаго движенія, несмотря на свойственные человѣку и въ особенности политическому демагогу властолюбивые инстинкты, не сказали-бы такихъ циническихъ словъ, какія произноситъ Верховенскій:

«умныхъ пріобщимъ къ себѣ, а на глупцахъ поѣдемъ верхомъ». Въ русскомъ революціонномъ движеніи было все, что бываетъ вообще въ такого рода движеніяхъ—страсти, соперничество, ожесточеніе, неразборчивость въ средствахъ для достиженія намѣченныхъ цѣлей, весь хаосъ политической идеологіи и практическихъ ошибокъ, но не слѣдуетъ забывать, что изъ самаго центра движенія исходили предостерегающіе протесты даже противъ такихъ людей, какъ Нечаевъ. Въ отвѣтъ на разныя рискованныя предложенія Нечаева въ духѣ Петра Степановича Верховенскаго ему говорили и писали, что смотрѣть на людей, какъ на пѣшекъ, нельзя, что считать «всѣ средства—до обмана и убійства включительно» позволительными значитъ вносить въ революціонную дѣятельность элементы, убійственные для этой дѣятельности», что «шарлатанство дѣло очень опасное». Понося русское революціонное движеніе, Достоевскій черезчуръ односторонне пользуется фактами и вдается въ фантазіи, очень характерныя и интересныя для его собственной психологіи, но невѣрно передающія колоритъ огромнаго историческаго броженія, тоже въ своемъ родѣ фантастическаго, но при этомъ не теряющаго связи съ широкими правдами жизни и съ глубокими нравственными правдами. Анаѳема, которую Достоевскій бросаетъ въ это движеніе, закрываетъ отъ него истинный смыслъ его, его размѣры, его народо-подпочвенныя основы. Даже Петръ Степановичъ Верховенскій, съ его любовью къ разрушенію и какими-то воспаленными мечтами о новомъ Стенькѣ Разинѣ, о красавцѣ Иванѣ-Царевичѣ, съ которымъ можно переѣхать на новой ладьѣ черезъ застоявшуюся рѣку русской жизни и выйти на другой берегъ, даже этотъ Петръ Степановичъ Верховенскій, какимъ онъ изображенъ у Достоевскаго,—постоянно шарлатанствующій, лебезящій, разсыпающійся мелкимъ бѣсомъ передъ Ставрогинымъ, вѣчно плетущій какія-то противныя интриги, юродствующій, кривляющійся и суетящійся,—является фигурою, не чуждою русскому народу. Въ немъ чуется что-то карамазовское. Это Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ, вышедшій на политическую дорогу, а карамазовщина, во всѣхъ ея линіяхъ,

бѣгущихъ въ гору и подъ гору, есть явленіе чисто русское, почвенно русское, дающее русскому народу свое особенное мѣсто среди другихъ народовъ. Изучая вглубь Петра Степановича Верховенскаго, мы подходимъ къ этому огромному котлу карамазовщины, въ которомъ кипятъ и бродятъ новые и новые ферменты.

Нигилизмъ тоже былъ однимъ изъ ферментовъ русской жизни. Онъ былъ эмансипаціей отъ разныхъ условностей общественной жизни, съ одной стороны, и эмансипаціей отъ всякой догматики, религіозной, философской и моральной, съ другой стороны, а за одно съ этимъ и отъ всякой идеалистической мистики. Нигилизмъ можетъ быть названъ системою отрицающаго раціонализма, со всѣми недостатками, свойственными всякому раціонализму. Исторически говоря, онъ явился на русской почвѣ нѣкоторымъ подобіемъ европейскому «вѣку просвѣщенія», хотя, конечно, въ иномъ, гораздо болѣе узкомъ масштабѣ, съ гораздо меньшей глубиною научно-критической работы, съ гораздо меньшимъ запасомъ положительнаго знанія, и при томъ съ нѣкоторыми разсудочно-догматическими основами, заимствованными изъ современной ему системы естественнонаучнаго матеріализма. Но при всей несамостоятельности своего фундамента на русской почвѣ, нигилизмъ выросъ въ Россіи въ очень большое историческое явленіе, потому что, при молодости русскаго общества, онъ проявилъ здѣсь поистинѣ убійственный размахъ и связалъ себя съ политическими мечтаніями и разрушительной и обновительной работой данной эпохи. Здѣсь онъ сразу забурлилъ и заигралъ свѣжей пѣною, брызги которой разлетѣлись по всей Россіи. И при всей ошибочности его философствованія, при всѣхъ нелѣпостяхъ притязательнаго и впадающаго въ догматику раціонализма, при всей ограниченности его утилитарнаго кругозора, при всѣхъ тѣхъ опасностяхъ, которыя онъ представлялъ для идеалистической работы русскаго творчества, русскаго искусства, онъ все-таки былъ силенъ, и явился неизбѣжнымъ звеномъ въ діалектическомъ процессѣ русскаго общественнаго развитія. Онъ представляетъ собою реалистическій тезисъ для современнаго

идеалистическаго антитезиса, въ которомъ поглотилось все то, что было сильнаго и вѣрнаго въ этомъ тезисѣ, и въ которомъ по новому, свободно отъ всякой спиритуалистической догматики, прорвались подпочвенныя основы русскаго народнаго духа. Для этого именно идеалистическаго антитезиса работало всегда все русское искусство — отъ цѣльнаго Пушкина, черезъ антиноміи Гоголя, до декадентски прогрессивнаго, хотя и закутаннаго въ темный плащъ византизма, геніальнаго Достоевскаго. И для этого-же современнаго идеалистическаго антитезиса, какъ-бы пріуготовляя почву для него, работали всѣ мятежи, всѣ протестантскія движенія русской исторіи отъ Стеньки Разина и Пугачова до представителей того самаго движенія, противъ котораго ополчается Достоевскій. Работая для этого жизненно-реальнаго, а по духу идеальнаго антитезиса, Достоевскій въ то-же время мечетъ въ нигилизмъ свои отравленныя стрѣлы и не замѣчаетъ своей ошибки, не постигаетъ, что въ этомъ случаѣ онъ теряетъ изъ-подъ ногъ русскую почву и стоитъ на почвѣ Византіи. Это стрѣлы и громы изъ державной Византіи. Онъ не видитъ, что революціонная евхаристія только случайно, по историческому сцѣпленію идей и событій, соединила себя съ нигилизмомъ, что основы ея глубже всякаго раціонализма, что она заложена въ духовныхъ инстинктахъ человѣчества, что прообразъ ея данъ уже въ кроткой идеалистической Голгоѳѣ, что она отвѣчаетъ неискоренимой потребности человѣка итти все дальше и дальше, не къ личнымъ только правдамъ, но и къ духовно-соціальнымъ правдамъ, черезъ самопожертвованіе, черезъ самыя тяжелыя жертвы. И странно, что приходится въ этомъ пунктѣ полемизировать противъ такого человѣка, какъ Достоевскій: вѣдь, онъ въ самой крови своей имѣлъ тѣ элементы, которые дѣлаютъ не только понятною, но и сладострастно-ощутимою и любимою идею всякой евхаристіи, и личной и общественно-всемірной.

Все, что непосредственно окружаетъ Петра Степановича Верховенскаго, представлено Достоевскимъ въ грубо-карикатурныхъ чертахъ, и эта карикатура на нигилизмъ, не-

смотря на пламенную психологію Достоевскаго, имѣетъ все-таки наивный характеръ, потому-что онъ и не видѣлъ въ нигилизмѣ ничего другого, никакого освободительнаго настроенія, ничего, кромѣ умственнаго лакейства и нравственной мерзости, а въ лучшемъ случаѣ—нравственнаго безсилія и подчиненія чужому верхоглядному отрицанію. Таковъ въ романѣ Липутинъ, мелкій чиновникъ, грубый тиранъ семьи, капиталистъ и процентщикъ, умудряющійся при всемъ этомъ любить и понимать утопіи Фурье, писанныя «на всемірно-человѣческомъ языкѣ». Онъ любитъ Фурье, а къ дѣлу русской революціи относится скептически и говоритъ, что это одно «необузданное царство призраковъ и болѣе ничего». Почти живое лицо, выхваченное изъ революціоннаго движенія, но тоже въ шаржированныхъ чертахъ и сгущенныхъ краскахъ. Другой дѣятель провинціальнаго революціоннаго кружка, Виргинскій, человѣкъ честнаго душевнаго огня, но безхарактерный, безвольный, слѣпо подчиняющійся массовымъ настроеніямъ. Рядомъ съ этими лицами Достоевскій изобразилъ пьянаго капитана Лебядкина, который служитъ орудіемъ для разбрасыванія прокламацій, но въ то-же время способенъ и къ доносу. Въ нетрезвомъ видѣ онъ говоритъ иногда фразами, напоминающими прокламацію «Молодая Россія». Тутъ-же мы видимъ и комическую студентку, пріѣхавшую заявить «о страданіи и о протестѣ студентовъ». Изъ своихъ научныхъ занятій она вынесла понятіе о томъ, что «предразсудокъ о Богѣ произошелъ отъ грома и молніи». О длинноухомъ утопистѣ Шигалевѣ мы уже говорили раньше. Еще надо отмѣтить только одного грубаго маніака, произносящаго громовую радикальную рѣчь на публичномъ собраніи.

Вотъ въ какомъ видѣ рисуется Достоевскому партія движенія. Прежде всего это кучка негодяевъ, людей безъ инстинкта правды, подхваченныхъ и унесенныхъ вѣтромъ западно-европейскаго либерализма. Они живутъ въ развратѣ, въ подлости, лакействуя передъ сильными и деспотически обращаясь съ слабыми. Всѣ они оторваны отъ родной почвы, всѣ они одержимы бѣсами, которые жили

въ народномъ организмѣ и теперь вселились въ нихъ, нигилистовъ, какъ нѣкогда, выйдя изъ бѣсноватаго, вселились въ стадо свиней. Никакого просвѣта къ лучшему нѣтъ для Достоевскаго во всемъ этомъ движеніи молодой Россіи. Все въ немъ мелко, гадко, пошло, все въ немъ нужно спалить въ огнѣ безпощаднаго отрицанія, все нужно разбить и истребить. Тѣмъ болѣе надо разбить и истребить это движеніе, что оно, какъ опасное радикальное повѣтріе, охватываетъ и болѣе широкіе круги общества, инертнаго, пассивнаго, но за то склоннаго къ развращающей либеральной болтовнѣ. Среди этихъ либеральныхъ болтуновъ Достоевскій поставилъ извѣстнаго писателя Кармазинова,—ужасающую и отвратительную карикатуру на Тургенева. Достоевскій ненавидѣлъ Тургенева всѣми фибрами своего существа, и съ истиннымъ сладострастіемъ просмаковалъ все то, что было въ этомъ человѣкѣ и его талантѣ непріятнаго ему: его барственную меланхолію, его кокетливость и рисовку передъ молодымъ поколѣніемъ, его европейскую культурность, окутанную поэтической дымкой,—все то, что составляетъ индивидуальность Тургенева, одновременно и обаятельную и кое въ чемъ дающую матеріалъ для добродушнаго художественнаго юмора. У Достоевскаго Кармазиновъ представленъ, какъ гадкое ничтожество. Никакой пощады по отношенію къ собрату по искусству, къ этому огромному русскому таланту, который выросъ на почвѣ освободительныхъ русскихъ движеній,—коренастый, стройный и красивый, какъ дубъ.

Достоевскій не забылъ также представить въ комическомъ свѣтѣ расшатавшуюся въ либеральной атмосферѣ мѣстную губернскую администрацію—полоумнаго губернатора Андрея Антоновича Лембке съ окружающими его мелкими чиновниками,—и даже прихватилъ для полноты сатиры либерально болтающую жену губернатора, которая тоже не хочетъ отстать отъ передового движенія. «Въ модѣ былъ нѣкоторый безпорядокъ умовъ»,—говоритъ Достоевскій,—и среди этого безпорядка все сходило съ рельсовъ, все теряло подъ собою историческія основы. Все замутилось, все закружилось въ русскомъ обществѣ. Замѣтны

какія-то зловѣщія явленія даже въ сферѣ, какъ-будто и неприкосновенной къ либеральному движенію. Но уже многое предвѣщаетъ очистительную грозу — реваншъ неиспорченныхъ, нетронутыхъ слоевъ общества или, вѣрнѣе, народа противъ того, что произведено радикальными отщепенцами отъ народа. Народъ не вѣритъ ничему, что исходитъ отъ интеллигенціи, — и тогда, когда эта интеллигенція, въ лицѣ Лизы, по-народному кладетъ земные поклоны передъ поруганной иконою, и тогда, когда интеллигенція затѣваетъ бунты во имя свободы. Народъ пока еще молчитъ, «не выказывая ни порицанія ни одобренія». Но Достоевскій намекаетъ въ образѣ одного парня изъ мѣщанъ, размахивающаго отъ недоумѣнія руками во время пожара, что скоро онъ прорвется и подниметъ кулакъ надъ головою русскаго интеллигентнаго человѣка, забывшаго народную правду, и опуститъ этотъ кулакъ на его голову, какъ сдѣлалъ парень изъ мѣщанъ по отношенію къ Лизѣ. Невинная Лиза падаетъ жертвою народнаго протеста—потому только, что она «ставрогинская», что она связана со Ставрогинымъ. И сколько другихъ такихъ-же жертвъ падетъ въ день, когда разбушуется народное мщеніе, русская контръ-революція. Вотъ чѣмъ угрожаетъ Достоевскій развратному, преступному Вавилону — невѣрующей интеллигенціи во главѣ съ такими людьми, какъ Ставрогинъ и Верховенскій, которые измѣнили народнымъ святынямъ: православному русскому Богу, съ его небесными и земными аттрибутами, съ его двойною державностью, котораго проповѣдуетъ изступленный Шатовъ. На страшномъ судѣ народнаго мщенія все это,—всѣ не русскія затѣи,—погибнетъ, какъ апокалипсическій Вавилонъ.

Но вдумываясь во внутренній смыслъ настроенія самого Достоевскаго, улавливаешь, въ чемъ тутъ правда и въ чемъ ошибка этого великаго художественно-философскаго ума. Конечно, разбушевавшаяся народная стихія должна была затопить первыхъ протестантовъ за народное благо, хотя бы уже потому, что эти первенцы революціоннаго движенія были слишкомъ далеки отъ нея по строю своихъ раціоналистическихъ понятій, потому-что, воюя за

высшее, идеальное благо, они отвергали самый синтезъ всѣхъ идеальныхъ стремленій человѣчества, идею божества, метафизическаго, безличнаго, безформеннаго, которая на языкѣ народа называется просто Богъ. Имя Бога не горѣло на ихъ устахъ. Они впадали даже въ ту грубую ошибку, что не хотѣли психологически считаться съ религіозными инстинктами народа, честнаго по отношенію къ своимъ догматическимъ святынямъ и глубокаго въ своихъ безсознательныхъ постиженіяхъ высшихъ правдъ. Нѣкоторымъ дѣятелямъ движенія, можетъ-быть, удавалось или удается въ настоящее время забросить разсудочно-атеистическій ферментъ въ отдѣльныя группы народной массы. Но въ общемъ эта большая народная масса до сихъ поръ не чувствовала связи съ протестантскимъ движеніемъ, относилась къ нему недовѣрчиво, и готова была въ отдѣльныхъ случаяхъ вязать и избивать его вожаковъ, какъ нѣкогда Самозванца. Но что-то уже мѣняется въ этомъ отношеніи—мѣняется въ самой протестующей интеллигенціи и въ самомъ народѣ. Народъ, можетъ-быть, уже нѣсколько расшатался въ своемъ правовѣріи на греко-византійской основѣ, а интеллигенція, уйдя съ путей узкаго раціонализма, стала просыпаться для новой умственной и психологической работы подъ вѣяніемъ новаго идеалистическаго духа. Критически поставленная идея Бога готовитъ въ будущемъ союзъ народа съ интеллигенціей, высшій синтезъ соціально-политическихъ и религіозно-философскихъ идей, основы возрожденія и обновленія для человѣка и для общественнаго строя. И въ этой подготовительной работѣ огромное значеніе имѣетъ и художественно-философская работа самого Достоевскаго, хотя онъ и гремѣлъ со своего византійскаго неба грозными громами противъ первыхъ проблесковъ русской революціи. Важны, вѣдь, не его логическія понятія, ошибочныя, при всемъ его геніи, а то, что было и горѣло въ его натурѣ, подвижнической, страстотерпческой, чуявшей все великое значеніе историческихъ распятій, идейныхъ жертвоприношеній, личныхъ и общественныхъ. Онъ былъ противъ революціи, но революція, настоящая, глубокая, идеалистиче-

ская революція современности, должна любить такихъ людей, какъ Достоевскій.

А. Волынскій.

* * *

*) Раціоналистическая философія и основанная на ней мораль, вотъ уже почти триста лѣтъ господствующая въ Европѣ и въ XIX столѣтіи дошедшая до крайнихъ своихъ выводовъ, вызвала къ концу его сильнѣйшую реакцію противъ себя, — реакцію, исходящую притомъ съ самыхъ различныхъ сторонъ, отъ мыслителей, почти діаметрально противоположныхъ по конечнымъ цѣлямъ своей умственной работы.

Общимъ и существеннымъ признакомъ для всего направленія философской мысли Европы со временъ Возрожденія (за немногими исключеніями) является ея стремленіе основывать свои положенія *исключительно* на выводахъ разсудка, безусловно отвергая все, что не можетъ быть подкрѣплено логическими основаніями. Правда, различныя теченія раціоналистической мысли приписывали разуму различную способность познавать предметы: одни философы отводили познавательной дѣятельности разума очень широкое поле, другіе значительно сужпвали его. Метафизики XVII—XVIII в. полагали, что разумъ не только можетъ познавать всѣ явленія міра внѣшняго и внутренняго, физическаго и психическаго, но и проникать въ самую сущность ихъ. Кантъ (а еще раньше — англійскіе эмпирики) ограничилъ плодотворную дѣятельность разума, исключивъ изъ области теоретической философіи все, лежащее за предѣлами опыта,—внѣшняго и внутренняго. Наконецъ, «позитивисты» XIX столѣтія (включая сюда и позднѣйшихъ англійскихъ эмпириковъ и эволюціонистовъ) признали непогрѣшимость опыта и вмѣстѣ съ тѣмъ отвергли изученіе всей области идей и ощущеній, лежащихъ за предѣлами

*) И. Верперъ. „Типъ Кириллова у Достоевскаго". „Новый Путь" 1903 г., № 10.

возможнаго опыта и потому не поддающихся логическому изслѣдованію. Позитивизмъ былъ крайнимъ и хотя односторонним, но вполнѣ послѣдовательнымъ развитіемъ основныхъ положеній раціоналистической философіи. Онъ испугалъ, однако, многихъ послѣдователей этой философіи и вызвалъ ожесточенную критику своихъ началъ со стороны цѣлаго ряда болѣе или менѣе оригинальныхъ мыслителей. Но эти мыслители не сходили съ привычной почвы раціонализма и въ своихъ возраженіяхъ позитивистамъ опирались на кантовскую критику теоріи познанія, почему и самое направленіе это получило названіе критическаго идеализма,—въ противоположность «положительному». Впрочемъ, эта критика позитивизма въ значительной степени была вызвана той матеріалистической окраской, которую онъ принялъ, но которая не была необходимо обусловлена сущностью его идеи, а свидѣтельствовала только объ общемъ направленіи умовъ эпохи. Однако, критика позитивизма, исходящая изъ раціоналистическихъ началъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась мало убѣдительной, хотя противники критическихъ идеалистовъ и не могли упрекнуть ихъ *) въ логической несостоятельности, въ самопротиворѣчіи.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло, пока критикой позитивизма занимались преимущественно философы-теоретики съ абстрактнымъ складомъ ума, высказывавшіе свои положенія въ отвлеченныхъ понятіяхъ, а не выражавшіе ихъ въ живыхъ образахъ.

Но въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія съ громкимъ протестомъ противъ господствующаго направленія выступили два человѣка огромнаго художественнаго таланта, съ тонкимъ нравственнымъ чувствомъ, съ любовью къ людямъ, доходившей до жгучей боли,—люди, способные къ самымъ широкимъ обобщеніямъ, выраженнымъ въ самыхъ яркихъ и живыхъ образахъ, «философы-практики» въ полномъ смыслѣ этого слова,—*пророки* скорѣе, чѣмъ учителя или проповѣдники. Эти два человѣка принадлежали къ

*) Въ спорѣ объ объективномъ значеніи явленій внѣшняго міра.

двумъ величайшимъ по силѣ и глубинѣ мысли (какъ это показало XIX столѣтіе) націямъ Европы, и вмѣстѣ съ тѣмъ—къ двумъ націямъ, наиболѣе разнящимся другъ отъ друга всѣмъ направленіемъ своего народнаго характера, своими національными идеалами и надеждами. Мало того, эти два мыслителя являлись наиболѣе яркими и типичными представителями особенностей умственнаго склада каждой націи. Ихъ умственныя, моральныя и эстетическія привычки, складъ ихъ духовной натуры, ихъ привязанности, лучшія ихъ вѣрованія и надежды — все это было, можно смѣло сказать, діаметрально противоположно. Одинъ былъ полнымъ отрицаніемъ другого.

Что для одного — русскаго — являлось конечной цѣлью всей всемірной исторіи, къ чему онъ стремился всѣми силами своей души, на что положилъ всю любовь своего великаго сердца, то другой—нѣмецъ—не менѣе страстно и глубоко отвергалъ и ненавидѣлъ, считая высшей задачей человѣчества окончательное разрушеніе лучшихъ идеаловъ своего геніальнаго современника и антипода. И однако—эти два, столь непохожіе одинъ на другого мыслителя-пророка,—именно потому, что одинъ изъ нихъ былъ антиподомъ другого—являются натурами глубоко родственными, дополняющими другъ друга до полной гармоніи.

Имъ было суждено итти по одному пути, передумать тѣ же думы, перестрадать тѣ же муки; даже вопросы они ставили себѣ одни и тѣ же, и ставили ихъ совершенно одинаково. Оба они пережили страшное раздвоеніе, оставившее яркіе слѣды на ихъ послѣднихъ произведеніяхъ. Но тѣ идеи, тѣ начала и стремленія, которыя въ одномъ изъ нихъ побѣдили въ этой борьбѣ, въ другомъ—были сами побѣждены и отвергнуты. Каждый изъ нихъ пережилъ, выстрадалъ, выносилъ и отвергъ то самое, что для другого явилось конечнымъ выводомъ, положительнымъ результатомъ его думъ и страданій. Потому-то каждому изъ нихъ должны быть вполнѣ понятны всѣ фазисы умственнаго развитія и духовной борьбы, пройденные другимъ, но въ то же время должны быть имъ безусловно отвергнуты, какъ нѣчто превзойденное, оставленное позади. Мы можемъ даже сказать,

что если бы ихъ внутренняя борьба осталась нерѣшенной, то идейные результаты ихъ творчества были бы въ сущности одинаковы. Надо помнить, что мы говоримъ только объ ихъ послѣднихъ произведеніяхъ; у Ницше—«Also sprach Zarathustra и (отчасти) «По ту сторону добра и зла», у Достоевскаго главнымъ образомъ «Бѣсы» и «Братья Карамазовы» (но также и другія вещи, особенно «Подростокъ» и «Дневникъ Писателя»). То-то и замѣчательно, что оба мыслителя выросли въ совершенно различныхъ условіяхъ умственной жизни, но, выйдя изъ различныхъ отправныхъ пунктовъ, идя разными путями, они пришли въ концѣ своего поприща къ *однимъ и тѣмъ же* вопросамъ, и если дали на нихъ противоположные отвѣты, то все же продѣлавъ предварительно одну и ту же духовную работу. Въ этомъ смыслѣ, говоря именно о послѣднихъ годахъ ихъ творчества, являющихся, однако, конечнымъ результатомъ всей ихъ предшествующей дѣятельности, мы и сказали раньше, что имъ «суждено было итти однимъ и тѣмъ же путемъ». Именно—«суждено», такъ какъ вышли они въ началѣ своей проповѣди на разные пути, далекіе другъ отъ друга, и долго шли по нимъ, пока не встрѣтились на одномъ—уже почти на закатѣ своихъ силъ: но именно на этомъ *одномъ* пути ихъ геній и далъ самый пышный свой цвѣтъ.

Что они дали различные отвѣты на постановленные себѣ вопросы, это не удивительно. Что это будетъ такъ, за то ручалась вся ихъ прежняя дѣятельность, условія, въ которыхъ они воспитались, сѣмена, вложенныя въ нихъ. Но знаменательно и важно, что вопросы они поставили себѣ одинаковые, что, исходя изъ разныхъ началъ, въ полномъ смыслѣ слова принадлежа къ *«разнымъ мірамъ»*, они стали на одну почву, что они *могли* стать на одну почву.

Мы говоримъ здѣсь, конечно, не о внѣшней оболочкѣ ихъ послѣднихъ произведеній, не о томъ, *какъ* они выражали извѣстные идеи и вопросы, но о томъ, *какіе* именно вопросы они ставили, *какія* идеи высказывали. Достоевскій взялъ эти вопросы прямо изъ русской жизни, но освѣтилъ ихъ свѣтомъ собственныхъ мукъ и размышленій, огнемъ

того великаго пожара, которымъ они зажгли его душу и умъ. Такъ создалъ онъ вѣчные, мало еще понятые образы Ивана Карамазова, Ставрогина, Версилова, Кириллова, отца Зосимы. Ницше, какъ философъ-пророкъ, какъ *провидецъ*, пишущій подъ напіемъ *откровенія*, психическаго внушенія, недоступнаго и непонятнаго уму, говорилъ то яркими, блестящими образами, надъ которыми не приходится даже задумываться—мысль философа какъ бы помимо нашей воли глубоко запечатлѣвается въ умѣ,—то темными, смутными символами, трудно поддающимися разгадкѣ и, можетъ-быть, мало понятными даже самому философу.

Ницше, несмотря на огромную примѣсь въ немъ художника, поэта—все же прежде всего умъ философскій, выражающій явленія и сущность жизни въ общихъ идеяхъ. Талантъ Достоевскаго, несмотря на множество чисто философскихъ его чертъ, прежде всего—талантъ художественный, рисующій частное, а не отвлекающій общее.

Но Достоевскій *такъ* рисуетъ частное, что въ немъ ярко просвѣчиваетъ общее, а Ницше, отвлекая общее изъ частнаго, умѣетъ, однако, сохранить за нимъ всю яркость и блескъ красокъ, всю свѣжесть, весь «трепетъ жизни» частныхъ явленій, умѣетъ дѣлать то, чего не умѣютъ (да къ чему и не стремятся) другіе философы.

Самая важная, *общая* у Достоевскаго и Ницше черта—черта ставящая ихъ обоихъ въ рѣшительную оппозицію господствующему раціонализму—ихъ *мистицизмъ*.

70-е годы знаменательны по той смутной и глухой еще реакціи противъ раціонализма вообще и самаго яркаго и грубаго его проявленія,—матеріализма,—въ частности, которая наступила тотчасъ же вслѣдъ за необычайнымъ торжествомъ матеріалистическихъ ученій во всей Европѣ.

Особенно ярко проявилось это торжество у насъ, въ Россіи, во вторую половину 60-хъ годовъ, и именно у насъ протестъ противъ этого торжества проявился раньше, чѣмъ на Западѣ, и выразился яснѣе. Въ то время, какъ на Западѣ онъ еще довольно смутно сказывался въ формѣ увлеченія забытой философіей Шопенгауэра и новой системой Гартмана,—у насъ только что начинавшій тогда свое по-

прище философъ Владиміръ Соловьевъ пишетъ магистерскую диссертацію: «Кризисъ западной философіи», а еще раньше въ (1871—1872 гг.) Достоевскій выступаетъ со своими «Бѣсами», а въ 1875 г.—съ «Подросткомъ». Въ этихъ двухъ его романахъ—*гораздо раньше,* чѣмъ у Ницше,—совершенно ясно и опредѣленно высказана и подробно развита критика началъ раціонализма и западной культуры, на немъ основанной. Впослѣдствіи эта критика еще яснѣе и подробнѣе развита въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» и, что всего замѣчательнѣе, развита устами истиннаго дѣтища этой самой культуры—Ивана Карамазова.

Говоря о «мистицизмѣ» Достоевскаго и Ницще, мы разумѣемъ подъ этимъ словомъ *отрицаніе необходимости логическаго основанія* для утвержденія извѣстныхъ теоретическихъ или практическихъ началъ. Такое отрицаніе мы встрѣчаемъ и у Достоевскаго и у Ницше, хотя у каждаго изъ нихъ оно служитъ совершенно инымъ, даже противоположнымъ цѣлямъ. «Мистицизмъ» *) въ этомъ смыслѣ есть понятіе чисто формальное, какъ противоположность раціонализму. Въ него можно вложить различное содержаніе, смотря по тому, какіе принципы мы будемъ защищать мистическимъ путемъ, т. е. не прибѣгая къ содѣйствію логики и опираясь единственно на непогрѣшимое (субъективно) внутреннее чувство, которое у Достоевскаго—по христіанской терминологіи—называется «вѣрой» и «любовью», а у Ницше носитъ названіе «Sehnsucht zum Uebermenschen» («тоска по сверхчеловѣкѣ). На примѣрѣ Ницше и Достоевскаго можно видѣть, какое различное содержаніе можно вложить въ понятіе «мистицизма», сколь различные принципы можно отстаивать, оставаясь мистикомъ. Достоевскій былъ мистикомъ-христіаниномъ, Ницше—мистикомъ-атеистомъ. Достоевскій мистически утверждалъ существованіе Бога и вѣчную загробную жизнь, Ницше мистически отрицалъ объ эти идеи. Достоевскій *вѣрилъ* въ будущую загробную жизнь, вѣчную и блаженную, отрицая земную; Ницше *вѣрилъ* въ будущую земную жизнь, блаженную и

*) Μυστικος—таинственный.

вѣчную, отрицая загробную. Первый вѣрилъ въ Богочеловѣка и отрицалъ «человѣкобога», второй вѣриль въ «сверхчеловѣка» и отрицалъ Богочеловѣка.

И. Вернеръ.

Характеристика дѣйствующихъ лицъ романа „Бѣсы" каждаго въ отдѣльности.

Ставрогинъ.

*) Ставрогинъ даже вообще мало говоритъ: у него болѣзнь сидитъ болѣе въ крови, чѣмъ въ мозгу, и вмѣсто того, чтобы создавать системы à la Шигалевъ или Кирилловъ, онъ предпочитаетъ удивлять прямо своими поступками... Это зараженная кровь въ той-же степени, какъ и зараженный мозгъ. Еще при самомъ вступленіи въ свѣтъ, онъ вдругъ какъ-то дико закутилъ. «Не то, чтобъ онъ игралъ или очень пилъ; разсказывали только о какой-то дикой разнузданности, о задавленныхъ рысаками людяхъ, о звѣрскомъ поступкѣ съ одною дамой хорошаго общества, съ которою онъ былъ въ связи, а потомъ оскорбилъ ее публично. Что-то даже слишкомъ ужъ откровенно-грязное было въ этомъ дѣлѣ». Разжалованный въ солдаты и очень быстро вновь выслужившійся, онъ опять появляется въ Петербургѣ, но уже совершенно въ другомъ обществѣ. «Допскались, что онъ живетъ въ какой-то страшной компаніи, связался съ какимъ-то отребьемъ петербургскаго населенія, съ какими-то безсапожными чиновниками, отставными военными, благородно-просящими милостыню, пьяницами, посѣщаетъ грязныя ихъ семейства, дни и ночи проводитъ въ темныхъ трущобахъ и Богъ знаетъ въ какихъ закаулкахъ, опустился, оборвался и что, стало быть, это ему нравится». Вотъ въ этомъ-то *стало быть, ему*

*) (А.). В. Авсѣенко. „Общественная психологія въ романѣ". „Русскій Вѣстникъ" 1873 г., № 8.

нравится и заключается единственная причина и единственное объясненіе всѣхъ его поступковъ, заставившихъ Петра Степановича предполагать въ немъ «необыкновенную способность къ преступленію». Отсутствіе въ мозгу всякихъ сдерживающихъ рефлексовъ, органическая порча крови, болѣзненная развращенность, которая «въ обоихъ полюсахъ находитъ совпаденіе красоты, одинаковость наслажденія»; собственно политической закваски въ этой фигурѣ нѣтъ никакой, и онъ остается очень равнодушенъ къ дѣлу, въ которое всею силою тянетъ его молодой Верховенскій. Когда послѣдній объясняетъ ему планъ политической организаціи и программу тайнаго общества, Ставрогинъ дѣлаетъ замѣчаніе, которое заставляетъ Верховенскаго воскликнуть: «О, будьте поглупѣе, Ставрогинъ, будьте поглупѣе!» Дѣйствительно, Ставрогинъ умнѣе подпольныхъ дѣятелей, хотя онъ на половину помѣшанный человѣкъ; его преимущество въ томъ, что его заразила не политическая и не соціальная идея. Въ политикѣ онъ настолько трезвъ, что когда Петръ Степановичъ развиваетъ предъ нимъ изумительный планъ дѣйствія революціоннаго общества, онъ серьезно задаетъ себѣ вопросъ: «если этотъ человѣкъ пьянъ, то гдѣ-же онъ успѣлъ напиться»?—«Охоты нѣтъ, такъ я и зналъ»!—восклицаетъ съ унынiемъ Верховенскій, когда тотъ рѣшительно отказывается отъ предложенной ему роли Ивана-царевича.

В. Авсѣенко.

* * *

*) Центральная личность романа, проходящая героемъ и духовнымъ вождемъ новѣйшаго юношества—сынъ генеральши Ставрогиной, Николай Всеволодовичъ.

Это какая-то смѣсь Печорина съ Донъ-Жуаномъ и съ тѣмъ героемъ «Парижскихъ Тайнъ», который посвящаетъ досуги своей аристократической жизни и золото своихъ

*) Е. Марковъ. Романистъ-психіатръ“. „Критическія Бесѣды“. „Русская Рѣчь“ 1879 г., № 6.

карманов скитанью по самым отвратительным и ужасным вертепам преступления!

Только французский барич Евгения Сю производит свои наблюдения с разными возвышенными, филантропическими цѣлями, а русский барич Достоевскаго, хотя встрѣчается съ такими же Рѣзаками и такими же падшими женщинами, ищетъ этихъ встрѣчъ единственно изъ потребности, такъ сказать, высшаго гурманства, вслѣдствіе того пресыщенія сластолюбивыхъ вкусовъ, которое наталкиваетъ желудокъ на какой-нибудь червивый, гніющій сыръ, которое раздражаетъ позывы любви только какимъ-нибудь противуестественнымъ до чудовищности отступленіемъ отъ всего обычнаго. Такіе внутренно изжившіеся юноши, развращаются до мозга костей, являются въ судебныхъ процесахъ любовниками нищихъ-старухъ изъ дома Вяземскаго, убійцами, самоубійцами, преступниками всевозможныхъ, почти всегда фантастически-своеобразныхъ видовъ.

Художественная страсть Достоевскаго именно къ этимъ типамъ безпорядочной и протестующей психіи, не укладывающейся въ пріѣвшіяся рамки обыденной морали и житейскаго здраваго смысла, къ типамъ безумцевъ, преступниковъ, страдальцевъ всякаго рода, къ населенію остроговъ, больницъ, публичныхъ домовъ, кабаковъ и судебныхъ камеръ,—нигдѣ не проявилась съ такою бушующею силою, какъ въ романѣ «Бѣсы».

Не мудрено, что и главною личностью этого романа является такая болѣзненно-сложная, такая до безумія оригинальная психія, какъ Николай Ставрогинъ.

Съ первой страницы, гдѣ онъ появляется, и до послѣдней, съ которой онъ исчезаетъ, читатель постоянно терзается сомнѣніемъ, что это такое?—необыкновенно загадочный великій духъ, или субъектъ, по ошибкѣ еще не попавшій въ домъ умалишенныхъ, или, наконецъ, жалкій, безсодержательный капризникъ, юродствующій надъ собою и другими и утѣшающійся своею ролью героя мелодрамы.

Еще въ Петербургѣ, совершенно юнымъ кавалергардомъ, онъ впадаетъ въ калигуловскую разнузданность, давитъ рысаками людей, звѣрски оскорбляетъ дамъ высшаго круга,

съ которыми находится въ связи, убиваетъ на дуэли пріятелей за собственную дерзость, оскорбляетъ всякаго единственно изъ удовольствія оскорбить; когда его разжаловали въ солдаты и потомъ опять скоро произвели въ офицеры и дали крестъ, то онъ вдругъ исчезаетъ изъ свѣтскаго круга и связывается съ послѣднимъ отребьемъ столицы, съ пьянчужками, безсапожными чиновниками, грязными публичными женщинами...

Онъ самъ опустился, оборвался до-нельзя.

И вдругъ, по мольбѣ матери, онъ является въ провинцію самымъ изящнымъ денди и джентльменомъ, скромнымъ, разсудительнымъ, авторитетнымъ.

Но не прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ «звѣрь показалъ когти».

Почтеннаго губернскаго сановника онъ протащилъ за носъ черезъ весь клубъ, публично на вечерѣ расцѣловалъ жену одного провинціальнаго либерала, наконецъ, укусилъ за ухо самого губернатора, друга своей maman...

Оказалось, будто у него бѣлая горячка; но «нѣкоторые у насъ такъ и остались въ увѣренности, что негодяй просто насмѣялся надъ нами»,—прибавилъ авторъ.

За границей онъ сталкивается съ русскими революціонерами и до такой степени подчиняетъ ихъ авторитету своей безстрашной натуры, что они смотрятъ на него, какъ на Мессію революціи, какъ на избранника, который одинъ только можетъ стать вождемъ рѣшительнаго движенія и сказать міру какое-то, ему одному извѣстное, магическое слово.

А онъ и революціонной страсти отдался только на мгновеніе, только изъ жажды всего новаго, жгучаго, рискованнаго; онъ и это настроеніе прожилъ безслѣдно, какъ всѣ другія, какъ прожилъ свою эпоху религіозности, грязнаго разврата, свѣтской жизни, и проч., не считая себя къ чему-нибудь обязаннымъ, глубоко презирая бывшихъ своихъ товарищей и поклонниковъ по революціи, и смѣясь надъ ихъ дѣтскими бреднями.

Онъ пожимаетъ съ сожалѣніемъ плечами, видя, что они серьезно считаютъ его въ своихъ рядахъ и ждутъ отъ него

чего-то особеннаго, хотя имъ давно слѣдовало бы понять, что онъ всѣмъ давно пресытился, давно ничего не желаетъ, никого кромѣ себя не любитъ, да и собою-то самимъ совершенно не дорожитъ, потому что впечатлѣніе наслажденій притупилось въ немъ, и онъ не знаетъ больше, что̀ ему дѣлать съ собою.

Мимоходомъ, среди своихъ грязныхъ оргій и возвышенныхъ фантазій, онъ, для шалости, женится на хромой идіоткѣ-нищенкѣ, которую потомъ содержитъ цѣлую жизнь; губитъ шутя воспитанницу своей матери, влюбленную въ него до забвенія всего; играетъ безжалостно другою, болѣе самолюбивою, дѣвушкою, тоже безумно влюбленною въ него; разлучаетъ съ мужемъ и дѣлаетъ матерью незаконнаго ребенка жену своего пріятеля...

И все это, скучая, словно нехотя, и едва замѣчая то, что онъ дѣлаетъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ щедръ, великодушенъ, готовъ на всякомъ шагу бросить послѣдній рубль нуждающемуся, рискнуть своею жизнью за перваго прохожаго.

Читатель видитъ, что въ такой личности дѣйствительно есть много обаятельнаго и даже симпатичнаго, что тутъ нѣтъ ни мелочности ни пошлости обыденныхъ характеровъ, что отъ всякаго слова и дѣйствія молодого Ставрогина вѣетъ чѣмъ-то болѣе сильнымъ и болѣе высокимъ, чѣмъ обычные пороки толпы. Во всякой его глупости слышится умъ, способный руководить другими, и характеръ, достойный того, чтобы ему подчинялись; печать какого-то истиннаго аристократизма духа лежитъ на всемъ его существѣ, и это понимаютъ инстинктомъ всѣ, кто имѣетъ съ нимъ дѣло,—и бѣглый каторжникъ и свѣтская дѣвушка. Никто не можетъ устоять передъ органическою повелительностью его натуры; всякій, кто приближается къ нему, заранѣе проникнутъ мыслью, что для Николая Ставрогина не существуетъ препятствій и отказа, что ему должно уступить, что ему нельзя не уступить, потому что все равно онъ непремѣнно возьметъ все, что̀ ему нужно.

Таковъ общій рисунокъ этого типа, и, какъ контуръ, онъ дѣйствительно интересенъ и выразителенъ. Но онъ

«написанъ» въ подробностяхъ далеко не правдоподобно и не художественно. Исполненіе слишкомъ не отвѣчаетъ оригинальному замыслу. Въ романѣ, Николай Ставрогинъ дѣйствуетъ не столько живымъ лицомъ, сколько иллюстраціею къ психологическому трактату, и всѣ коллизіи его съ другими дѣйствующими лицами, вся обстановка его въ романѣ часто полны неестественности и неискусности, доходящихъ до нелѣпаго...

Но даже и самый замыселъ, самый основной планъ этого характера возбуждаетъ много недоумѣній. Автору, очевидно, хотѣлось въ своемъ романѣ представить не только характерные составные элементы новаго соціальнаго явленія, но еще и обнажить въ художественномъ процессѣ ихъ генетическую связь съ старыми формами жизни.

Мало того, что Ставрогинъ во всѣхъ чертахъ характера является сыномъ своей матери; мало того, что мать его какимъ-то внутреннимъ сродствомъ впередъ предугадывала и впередъ трепетала отъ его дикихъ выходокъ, за которыя она стала любить его и подчиняться ему еще больше,— гибельное направленіе Ставрогина авторъ прямо приписываетъ сантиментализму сороковыхъ годовъ. Онъ былъ съ дѣтства предоставленъ Степану Трофимовичу, который «разстроилъ нервы своего воспитанника», съ которымъ вмѣстѣ онъ плакалъ, «бросаясь ночью взаимно въ объятія», и который воспитывалъ въ немъ «вѣковѣчную священную тоску». Такимъ образомъ, и прямо и косвенно, идеализація сороковыхъ годовъ тащится авторомъ на скамью подсудимыхъ. Она развратила впечатлительность юношества фантастическою жаждою невозможнаго благополучія и привела его черезъ это на совершенно реальную почву животнаго сладострастія и презрѣнія къ всему существующему, даже къ своей жизни.

Но положимъ—такъ. Возьмемъ характеръ Ставрогина готовымъ, какъ онъ есть. Если вникнуть въ него безпристрастно, въ немъ окажется одно самолюбіе, доведенное до боготворенія. Никакія привязанности сердца, никакія задачи разума не приковываютъ къ себѣ молодого Ставрогина. Если онъ щедръ, добръ, смѣлъ, то только

потому, что онъ полонъ невыразимой гордости. Ему просто гадко замѣтить въ себѣ, признать въ себѣ какую-нибудь мѣщанскую черту, въ родѣ разсчета, трусости и т. п. Ему необходимо любоваться самому на себя и позировать передъ другими въ роли человѣка, отличающагося отъ всѣхъ, превышающаго всѣхъ, хотя бы дерзостью преступленія и цинизма. Его преслѣдуетъ какой-то плохо сознанный идеалъ возвышенной Байроновской натуры, которой міръ недостоинъ, и которая поэтому неизбѣжно впадаетъ въ безысходныя противорѣчія съ собою и съ міромъ.

Но если такія натуры дѣйствительно бывали, дѣйствительно страдали и падали, то вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ и боролись дѣйствительно, онѣ имѣли хотя измѣнчивыя, но все-таки ясныя и высокія цѣли, ради которыхъ происходило и страданіе и борьба.

Такія, непризнанныя міромъ и неподходящія къ міру, деспотическія натуры бывали истинными героями мысли или подвига; онѣ думали страстно, онѣ любили много, у нихъ были идеалы внѣ того безплоднаго и театральнаго самообоготворенія, которымъ вдохновляются пресыщенные барчуки-эгоисты.

Ничего этого нѣтъ на сердцѣ и въ умѣ Ставрогина; внутри его хаосъ отрывочныхъ настроеній, отрывочныхъ, не связанныхъ ни съ чѣмъ въ его жизни, рѣшеній, самихъ себя оправдывающихъ, самихъ себя имѣющихъ въ виду. Хочется—дѣлаю, не хочется—бросаю. Капризничанье, возведенное въ культъ, окрашенное фальшивою окраскою чего-то возвышеннаго и загадочнаго.

Какую цѣль имѣлъ авторъ, выставивъ такую существенно пустую натуру въ ореолѣ избранничества и духовной высоты своего рода—мы рѣшительно не постигаемъ. Очень можетъ быть, что онъ идеализировалъ его только въ смыслѣ психіатрической оригинальности, ради сопоставленія въ одномъ психическомъ организмѣ такой бездны эффектныхъ противорѣчій; это было бы самое понятное и дозволительное.

Но грустно, если въ замыслѣ автора была еще и моральная идеализація; если онъ хотѣлъ сказать этимъ типомъ, что это въ сущности благородный и глубокій типъ,

только вредно направленный условіями нашей общественной жизни; если самъ авторъ видитъ дѣйствительную внутреннюю красоту въ той аристократической гадливости, съ которою его герой Ставрогинъ отвращается отъ «неприличныхъ» внѣшнихъ сторонъ преступленія, въ то же время равнодушно принимая на себя весь его нравственный ужасъ.

Это далеко не Донъ-Жуанъ Пушкина, у котораго и сладострастіе и преступленіе безсознательно наивны, полны искренняго увлеченія, веселья и удали жизни; Донъ-Жуанъ вѣрилъ въ себя, въ право всякаго мужчины любить всякую женщину, въ право всякаго любовника добрымъ ударомъ кинжала отдѣлаться отъ всякаго мужа; его любовь стремительна, легка и красива, какъ свободное, естественное теченіе рѣки. Онъ понятенъ, онъ полонъ жизненной поэзіи, несмотря на свою преступность.

Въ Ставрогинѣ совсѣмъ не то. Тамъ какая-то злая тоска, полное безвѣріе и безнадежность, полное отсутствіе смысла даже въ области сладострастія, даже въ области преступленія... Ставрогинъ и къ себѣ самому и къ своимъ поступкамъ относится съ какимъ-то мстительнымъ и раздраженнымъ чувствомъ. Увлеченія у него нѣтъ, а есть только какая-то мрачная и безумная рѣшимость. Словно онъ идетъ на преступное дѣло не потому, что самъ хочетъ этого, а потому, что это взбѣситъ и собьетъ съ толку другихъ. Онъ дразнитъ собою, загадочностью и неожиданностью своихъ поступковъ, своею безпредѣльною дерзостью—всѣхъ, среди кого живетъ. Словомъ, въ Ставрогинѣ воплощена самая послѣдняя, самая безнадежная форма нравственнаго отчаянія и апатіи. Онъ только опрятнѣе Свидригайлова, но онъ нисколько не осмысленнѣе его, не тверже его во взглядахъ.

А между тѣмъ, авторъ выставляетъ его громадною, вліятельною силою среди революціонной молодежи. Въ этомъ нѣтъ, впрочемъ, ничего страннаго. Ставрогинъ все-таки натура скрытая, горделиво замкнутая въ себѣ; конечно, не молодежь, увлекающаяся собственными грезами, въ состояніи раскусить скоро внутреннюю ничтожность подоб-

ныхъ натуръ. Молодежь легко принимаетъ смѣлую настойчивость себялюбія и привычку властвовать за стойкость принциповъ, за твердость цѣли...

Е. Марковъ.

* * *

*) Въ Раскольниковѣ художникъ изобразилъ состояніе *вѣрующаго отрицанія,* которое было не рѣдкостью въ приснопамятную эпоху шестидесятыхъ годовъ. Понятно само собою, что на этомъ дѣло не могло остановиться: колесо, пущенное подъ гору, продолжало свое движеніе. На рубежѣ слѣдующаго десятилѣтія мы опять встрѣчаемся и на этотъ разъ уже съ цѣлою компаніей отрицателей въ новомъ романѣ Достоевскаго «Бѣсы». Во главѣ компаніи стоитъ Николай Ставрогинъ. Это новый Раскольниковъ, на котораго протекшее десятилѣтіе положило яркую печать. Въ сущности содержаніе мысли какъ у него, такъ и у всей компаніи, осталось прежнее: ни до чего новаго они не додумались за это время. Но отношеніе къ этому содержанію совсѣмъ не то, что было прежде. Раскольниковъ отрицалъ страстно, вѣрующе, ибо отрицаніе далось ему не легко: чтобы отказаться отъ своихъ прежнихъ вѣрованій, чтобы отрицать то, что ранѣе было предметомъ его поклоненія, чтобы разбить наслѣдственные кумиры, ему довелось, быть-можетъ—провести не одну безсонную ночь. То было выстраданное, дорого купленное отрицаніе, и потому понятно, съ какою сердечностью относился къ нему Раскольниковъ. Это чувство интимной привязанности къ отрицательнымъ выводамъ своей мысли, беззавѣтная вѣра въ нихъ, поддерживалась и усиливалась тѣмъ отпоромъ, который должны были встрѣтить новыя идеи въ жизни: приходилось отстаивать ихъ право на существованіе, приходилось бороться за ихъ признаніе. А все, за что человѣкъ борется, уже по одному этому дорого и близко его сердцу. Ничего подобнаго нѣтъ въ Ставрогинѣ. Отрицаніе

*) Н. А. Звѣревъ. „Русь“ 1884 г., № 1.

не было въ немъ плодомъ его пытливой мысли; оно не проникало въ его сердце болѣзненнымъ мучительнымъ процессомъ; онъ не страдалъ, не мучился утратою прежнихъ вѣрованій. Отрицаніе перешло къ нему по наслѣдству; оно пробиралось въ его душу постепенно и безболѣзненно. Кто былъ его первымъ учителемъ въ этомъ дѣлѣ—онъ и самъ бы не могъ сказать: ученіе носилось въ воздухѣ и невольно захватывало собою всякаго живого человѣка. Не встрѣчая прежней энергіи противодѣйствія, упрочивъ, такъ сказать, свои права гражданства, медленнымъ ядомъ вливалось оно въ душу человѣка, глубоко и прочно западало въ ней. Оно не было уже предметомъ вѣры; оно стало предметомъ холоднаго знанія, которое ровно ничего не говоритъ сердцу, какъ не говоритъ ему сухая математическая формула. Что люди поклонялись когда-то ложнымъ богамъ—это казалось столь простою и безспорною истиною, о которой не стоитъ и говорить, какъ не стоитъ говорить о томъ, что дважды два—четыре. Но если само отрицаніе утратило свою обаятельную силу, если уже оно ничего не говоритъ нашему сердцу, то что же любить, что ненавидѣть, чего добиваться, къ чему привязаться душою, зачѣмъ, наконецъ, жить?—Ради заботы о ближнихъ? ради облегченія страданій униженныхъ и оскорбленныхъ? ради водворенія счастія на землѣ? Все это, конечно, высокія и святыя цѣли, но не для Ставрогина. Во имя чего дорожить ему этими цѣлями? Ставрогинъ стоитъ на ступени отрицанія, на которой онъ ничего не приметъ на вѣру, зря; онъ не способенъ на мѣсто сброшенныхъ кумировъ воздвигать новые идеалы. Такъ во имя чего же стремиться ко всему этому? Ужъ опять не во имя ли «общаго блага?» Но Ставрогинъ хорошо знаетъ цѣну этой идеи, и она уже не плѣняетъ болѣе его мысли. Онъ спокойно и холодно все отрицающій, не видитъ и не знаетъ, зачѣмъ онъ явился на свѣтъ Божій и для чего существуетъ. Неужели же онъ, отрицаніе котораго приводитъ къ мысли о безцѣльности и безсмысленности своего личнаго существованія, будетъ хлопотать и ставить задачею жизни, чтобы столь же безцѣльно и безсмысленно существовали другіе?

Нѣтъ, человѣкъ не отступающій передъ выводами своей мысли, онъ не сдѣлаетъ этого, и онъ, дѣйствительно, этого не дѣлаетъ. Отрицаніе,—холодное, безстрастное, неумолимое отрицаніе,—убило въ немъ все, смерчемъ пронеслось оно по его психическому міру, и съ корнемъ вырвало въ немъ всѣ живые побѣги; оно выжало его душу и обратило ее въ полную и совершенную пустыню. Это уже не живой человѣкъ, любящій и ненавидящій: онъ ко всему относится безучастно и не знаетъ болѣе ни радости ни горя. Онъ живетъ изо дня въ день, колотится какъ рыба объ ледъ и не ищетъ даже исхода. Единственное чувство, которое еще не замерло въ немъ, это чувство тоски гнетущей, мучительной, ужасной:

Цѣли нѣтъ передо мною;
Сердце пусто, праздненъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ!

могъ бы воскликнуть Ставрогинъ вмѣстѣ съ великимъ поэтомъ. Чтобы избавиться отъ этой невыносимой тоски, которую онъ носитъ въ своемъ сердцѣ, ему остается одно—искать развлеченія: въ чемъ-нибудь потопить, чѣмъ-нибудь заглушить гнетущее чувство. И Ставрогинъ развлекается всѣмъ, что попадется ему на глаза, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, ничего не щадя, не заботясь даже о самомъ себѣ. Сегодня онъ смиренно сноситъ тяжкое публичное оскорбленіе, завтра безъ особой нужды играетъ на дуэли своею жизнію, послѣзавтра губитъ встрѣтившуюся ему дѣвушку, которую, однако, вовсе не любитъ. Къ тому, другому и третьему онъ относится одинаково безучастно; онъ дѣлаетъ все это потому, что хочетъ заглушить въ себѣ смертельную тоску, которая его душитъ. Помните у Пушкина: Фаустъ приказываетъ съ тоски потопить корабль, на который указываетъ ему на концѣ сцены Мефистофель. Ну, вотъ это именно то душевное состояніе, которое переживаетъ Ставрогинъ, хотя оно происходитъ у него отъ другихъ причинъ, чѣмъ у Фауста. Зачѣмъ потопить? кому и для чего это нужно?—Да такъ, чтобы хоть

немножко забыться. Дѣло позволительное тѣмъ болѣе, что чего же жалѣть тѣхъ далекихъ пловцовъ, которые такъ же, какъ и онъ, безсмысленно живутъ и прозябаютъ? Но прихотливыми забавами не заглушить тоски и не наполнить содержаніемъ безцѣльной жизни. И вотъ, естественно, въ одну изъ минутъ, когда тоска сказалась съ особою силою, Ставрогинъ кончаетъ съ собою. Мы, впрочемъ, не знаемъ, какъ собственно онъ кончаетъ: быть можетъ, онъ лѣзетъ въ петлю такъ же спокойно и безучастно, какъ дерется на дуэли; въ смерти, быть-можетъ, онъ видитъ новое, еще неиспытанное имъ, развлеченіе и съ любопытствомъ идетъ къ нему навстрѣчу. Какъ бы тамъ ни было, но конецъ Ставрогина вытекаетъ съ необходимостью изъ всего прошлаго этого жалкаго человѣка. Однако, возлѣ Ставрогина цѣлая компанія, предводимая Петромъ Верховенскимъ, которая какъ будто дѣлаетъ что-то, стремится къ чему-то. Но Боже! Это опять развлекающаяся компанія, и развлекается она ужаснымъ дѣломъ: для счастья людей—она губитъ одного изъ своихъ членовъ и прикрывается самоубійствомъ другого. Что же? Это убійство товарища—результатъ увлеченія, въ которомъ убійцы будутъ горько раскаиваться?—О, нѣтъ, никакъ! Это дѣло холоднаго разсчета, и дѣльцы уже не новички, чтобы поддаваться той непростительной слабости, жертвою которой дѣлается Раскольниковъ. Убійство нужно имъ для осуществленія плана, имѣющаго сдѣлать людей счастливыми. Этотъ планъ не работа возбужденной фантазіи, а плодъ спокойнаго обсужденія. Компанія относится и къ своему плану и къ предполагаемому убійству дѣловымъ образомъ, — такъ точно, какъ всякій другой отнесся бы къ какому-нибудь практическому вопросу. Въ ней, въ этой компаніи, тотъ же духовный строй, что въ Ставрогинѣ: тотъ съ тоски губитъ себя, а эти губятъ другого, чтобы на его погибели основать общее дѣло, которымъ они развлекаются. Безцѣльность, пустота души, полныя и совершенныя потемки внутри и внѣ, непроницаемый мракъ, окутывающій человѣка,—вотъ тѣ характерныя черты, которыми отмѣчаетъ усопшій писатель состояніе отрицанія,

низведеннаго на степень холоднаго и безпристрастнаго *знанія*. Ни въ своей ни въ чужой жизни нѣтъ уже болѣе смысла, нѣтъ и цѣны ей; не существуетъ ни правыхъ ни ложныхъ путей, да и вообще нѣтъ никакихъ путей, которые вели бы къ чему-либо, стоющему хлопотъ.

Хоть убей, слѣда не видно!
Сбились мы; что дѣлать намъ?..

восклицаетъ въ отчаяніи Достоевскій, ставя этотъ стихъ эпиграфомъ своихъ «Бѣсовъ».

Н. Звѣревъ.

* * *

*) Одной изъ главныхъ фигуръ въ «Бѣсахъ» Достоевскаго является Николай Ставрогинъ. Это истинный центръ романа. Съ него и надо начать анализъ этого замѣчательнаго произведенія, въ которомъ такъ много идейной глубины, такая масса загадочныхъ образовъ, выписанныхъ не просто художественными, а художественно-символическими чертами. Романъ этотъ особенно интересенъ еще и потому, что здѣсь схвачена въ символической перспективѣ русская общественность извѣстнаго боевого момента, схвачена и превращена въ какую-то чудовищную химеру. Можно сказать, что именно этимъ романомъ Достоевскій болѣе, чѣмъ какимъ-либо другимъ своимъ произведеніемъ, даже болѣе, чѣмъ «Дневникомъ Писателя», поставилъ преграду между собою и прогрессивною частью русскаго общества. Преграда эта, можетъ-быть, никогда не разрушится, потому-что Достоевскій выступаетъ здѣсь настоящимъ фанатикомъ своихъ убѣжденій, столь чуждыхъ и столь враждебныхъ извѣстной сторонѣ русской дѣйствительности. Эта дѣйствительность, развивающаяся по своимъ законамъ, несется впередъ въ свѣжемъ потокѣ, поднимая отъ времени до времени новыя идейныя волны, и чѣмъ дальше несется

*) А. Л. Волынскій. „Ѳ. М. Достоевскій". „Книга великаго гнѣва". „Бѣсы". Глава подъ заглавіемъ: „Маска".

этотъ потокъ соціально-политической жизни, тѣмъ очевиднѣе становится вся обособленность міровоззрѣнія Достоевскаго, который такъ современенъ по своей психологической схемѣ и такъ далекъ отъ современности по кругозору своего духа.

Итакъ, начнемъ анализъ съ Ставрогина, самой загадочной фигуры романа.

Вотъ какими чертами Достоевскій описываетъ его при первомъ появленіи его передъ читателемъ. Это былъ чрезвычайно красивый и изящный молодой человѣкъ, почти высокаго роста, лѣтъ двадцати пяти, прекрасно одѣтый и «державшій себя такъ, какъ могъ держать себя только господинъ, привыкшій къ самому утонченному благообразію». Онъ былъ неразговорчивъ, скроменъ и въ то же время смѣлъ и самоувѣренъ. Особенно странное впечатлѣніе производило его лицо. «Волосы его были что-то ужъ очень черны, свѣтлые глаза его что-то ужъ очень спокойны и ясны, цвѣтъ лица что-то ужъ очень нѣженъ и бѣлъ, румянецъ что-то ужъ слишкомъ ярокъ и чистъ, зубы, какъ жемчужины, губы, какъ коралловыя,—казалось бы писанный красавецъ, а въ то же время какъ-будто и отвратителенъ. Говорили, что лицо его напоминаетъ маску». Вотъ изумительное описаніе, въ которомъ, можетъ-быть, нѣтъ ни одного чисто художественнаго штриха, потому-что все въ немъ дается въ крайнихъ чертахъ и краскахъ, безъ тѣхъ полутоновъ, оттѣнковъ и тѣней, которые создаютъ ощущеніе живого индивидуальнаго существа. Это какіе-то условные знаки, символизирующіе извѣстную мысль художника, а не живая плоть, которая всегда тоже нѣчто символизируетъ, но символизируетъ не слишкомъ замкнутыя человѣческія мысли, а болѣе неуловимыя идеи, разлитыя въ самой жизни. Прежде всего въ этомъ описаніи чувствуется желаніе Достоевскаго показать человѣка, выявившаго всѣ силы своего естества и застывшаго на извѣстный періодъ въ какой-то внутренней неподвижности. Ставрогинъ дошелъ до крайняго предѣла въ данномъ моментѣ своего личнаго развитія. Черезъ нѣкоторое время онъ войдетъ въ новую полосу внутреннихъ переживаній, и, какъ

мы увидимъ, лицо его перестанетъ походить на маску. Но въ описаніи его наружности есть черты, намекающія на какую-то трагическую законченность всего его существа: въ какія бы эволюціи ни вошла его жизнь, какихъ бы высокихъ идей ни коснулось его сознаніе, онъ не вырвется изъ какого-то фатальнаго круга,—изъ съѣдающей злобы своей безсердечно-демонской личности. «Волосы его были что-то ужъ очень черны», — пишетъ Достоевскій: лицо Ставрогина выступаетъ какъ бы въ темной рамѣ, между нимъ и небомъ намѣчена темная преграда. Удивительный и въ высшей степени характерный для Достоевскаго штрихъ, особенно если вспомнить князя Мышкина въ «Идіотѣ», съ его почти бѣлыми волосами, и Свидригайлова въ «Преступленіи и Наказаніи», котораго Достоевскій описываетъ такими же чертами, какъ Ставрогина, но которому онъ даетъ свѣтлые волосы. Цвѣтъ волосъ какъ бы соотвѣтствуетъ у Достоевскаго степени интенсивности личнаго человѣческаго начала и, такъ сказать, степени его открытости для возрождающихъ, благодатныхъ воздѣйствій неба. «Свѣтлые глаза его что-то ужъ очень спокойны и ясны»—новая зловѣщая черта въ внѣшнемъ обликѣ Ставрогина. Его глаза тоже представляютъ собою какую-то прозрачную маску, скрывающую его душу. Это чрезмѣрное спокойствіе и неподвижная ясность его взгляда даютъ ощущеніе того, что называется на морѣ мертвой зыбью. На поверхности все какъ бы тихо — не волны, а только мелкая зыбь,—а между тѣмъ корабль качается отъ глубокихъ толчковъ и ударовъ бушующей внутри стихіи, и пассажиры болѣе, чѣмъ когда-либо, подвергаются приступамъ морской болѣзни. Въ Ставрогинѣ тоже все какъ бы застыло, все подернуто жуткой тишиной, но внутри его кипитъ необузданная стихія, и сквозь его мертвое спокойствіе чувствуется что-то опасное, почти злодѣйское. Въ душѣ его нѣтъ солнечной игры божества, лучей духа, сердечности, которые смягчаютъ жизнь личнаго начала въ человѣкѣ, бросаютъ нѣжный колоритъ на всѣ человѣческія чувствованія и прежде всего переливаются свѣтомъ и тѣнями въ глазахъ. Въ глазахъ Ставрогина — блѣдное

спокойствіе, равнодушная ясность, то безразличіе къ добру и злу, въ самомъ глубокомъ смыслѣ этого слова, которое хуже всякой преступности, ужаснѣе всякаго злодѣйства, потому-что это какое-то безблагодатное состояніе души и тѣла, гипнотически притягивающее своею дерзостью и отталкивающее своимъ коварствомъ. Тутъ въ одномъ многозначительномъ штрихѣ вся скрытая трагедія и даже вся судьба Ставрогина. Цвѣтъ лица у него «что-то ужъ очень нѣженъ и бѣлъ», румянецъ «что-то ужъ слишкомъ ярокъ и чистъ». Словно кровавое пятно на бѣлоснѣжномъ фонѣ: что-то одновременно и болѣзненное, напоминающее чахотку, и какая-то утомленность тѣла при сосредоточенномъ напряженіи всѣхъ душевныхъ силъ. Кровь его прилила къ щекамъ и какъ-бы неподвижно застыла въ этомъ румянцѣ, — психическія движенія его на время прекратились. Этотъ контрастъ между аристократической нѣжностью и бѣлизной его тонкой кожи и почти вульгарными яркими пятнами румянца на щекахъ тоже производитъ жуткое впечатлѣніе: тонкая аристократическая организація должна была бы тонко вибрировать, должна была бы пѣть, откликаться на всякое явленіе жизни, двигаться — хотя бы и сдержанно—вмѣстѣ съ этою жизнью, перевоплощаться въ нее и перевоплощать ее въ себя; а между тѣмъ, этотъ мертвый румянецъ говоритъ о томъ, что въ Ставрогинѣ запеклись его страсти,—страсти большія, но не одухотворенныя, а потому и низменныя. Онъ весь напряженъ, весь измученъ своимъ напряженіемъ, и эта напряженность и измученность сами по себѣ страшно не аристократичны. Скоро мы увидимъ, на какія психологическія, плотскія бездны намекаетъ здѣсь великій символистъ - художникъ. Зубы и губы Ставрогина тоже представляютъ контрастъ нѣжнаго изящества и грубой рѣзкости: «зубы, какъ жемчужины, губы, какъ коралловыя». Чуть-чуть женственные и здоровые зубы, въ мягкомъ блескѣ выступающіе между красными, чувственными губами,—какъ въ этомъ противоположеніи почти затрепанныхъ образовъ ясно очерчивается вся натура Ставрогина, съ ея болѣзненной двойственностью и неразрѣшеннымъ трагическимъ надрывомъ. Всѣ черты

его лица сливаются вмѣстѣ, создаютъ собою какой-то фантастическій образъ,—образъ «писаннаго красавца», который «въ то же время какъ-будто и отвратителенъ». Онъ отвратителенъ для сердца, для духовной стороны человѣческаго существа, потому-что онъ мертвъ для живого бога, потому-что въ немъ не чувствуется отзывчивой жалости, какой-то музыки высшаго состраданія, которая звучитъ именно изъ сердца человѣческаго, изъ человѣческаго духа. Въ немъ глубоко спрятана возможность холоднаго, злодѣйскаго удара въ самое чувствительное мѣсто человѣка, въ самые нѣжные, тайные нервы его. Но онъ отвратителенъ также и для самого человѣческаго естества, которое легко идетъ на свѣтъ всякаго демонскаго обольщенія, потому-что неподвижность и напряженность Ставрогина претятъ всякой живой, подвижной эстетикѣ. Онъ безплоденъ во всѣхъ своихъ силахъ и способностяхъ, которыя отрѣзаны отъ Бога, а, слѣдовательно, и отъ процессовъ жизни.

Такимъ является передъ нами Ставрогинъ на границѣ двухъ эпохъ своей жизни,—бурнаго петербургскаго періода, съ его дикой разнузданностью, кутежами, дуэлями, грубымъ развратомъ среди самаго низменнаго общества, фантастической женитьбой на полусумасшедшей хромоножкѣ ради какого-то пари,—и новаго періода его жизни, который начался путешествіемъ по заграницѣ. Напряженіе, въ которомъ показанъ Ставрогинъ на первыхъ страницахъ романа, разрѣшается рядомъ болѣзненно-непроизвольныхъ, экстравагантныхъ поступковъ и, наконецъ, бѣлою горячкою. Человѣкъ не можетъ долго жить съ напряженно-застывшей душею и при совершенной бездѣятельности духа, и Николай Ставрогинъ, одаренный отъ природы многими свойствами избранныхъ натуръ, неизбѣжно долженъ двинуться впередъ. Уѣхавъ изъ Россіи, онъ сразу вовлекается въ какой-то вихрь разнообразнѣйшихъ умственныхъ интересовъ и обнаруживаетъ въ этомъ отношеніи необычайную подвижность и дѣятельность. Не много словъ мы находимъ въ романѣ на эту тему, но то, что сказано, въ высшей степени колоритно. «Онъ изъѣздилъ всю Европу, былъ даже въ Египтѣ и заѣзжалъ въ Іерусалимъ, потомъ

примазался гдѣ-то къ какой-то ученой экспедиціи въ Исландію и, дѣйствительно, побывалъ въ Исландіи. Передавали тоже, что онъ одну зиму слушалъ лекціи въ одномъ нѣмецкомъ университетѣ». Ясно, что, при нѣкоторомъ дилетантствѣ, на которое Достоевскій намекаетъ тономъ своего краткаго разсказа, Ставрогинъ проявилъ въ этихъ своихъ метаніяхъ страстную пытливость. Онъ слушаетъ лекціи въ нѣмецкомъ университетѣ: тутъ и философія, и соціализмъ, и все, вообще, что называется европейской умственной культурою, разныя тончайшія касанія къ видимымъ и невидимымъ мірамъ. Онъ ѣдетъ въ Египетъ и Іерусалимъ. — и кто знаетъ, какія очарованія пронеслись здѣсь хотя бы на мгновеніе черезъ его большую, мрачную, безплодно-пустынную душу. Онъ не могъ успокоиться на одномъ раціонализмѣ культурныхъ идей и понятій, ему нужны яркія впечатлѣнія изъ всѣхъ сферъ высшей человѣческой жизни, ему нужно ощутить, такъ сказать, подержать въ собственныхъ рукахъ все то, чѣмъ живетъ или жило человѣчество въ безднахъ своего историческаго прошлаго. Вотъ что могло толкнуть его въ Египетъ и въ Іерусалимъ. Но никакое самое яркое и самое глубокое впечатлѣніе не можетъ окончательно побѣдить и захватить этого человѣка. Все превращается для него въ игру ощущеній и понятій, мучительныхъ, тревожныхъ, иногда угарно-тяжелыхъ, и ничто не перевоплощаетъ его души, ничто не удовлетворяетъ его. Онъ ни на чемъ не останавливается и, только-что переживъ впечатлѣнія палестинской природы и палестинскихъ легендъ, насыщенныхъ знойными религіозными экстазами, бросается, въ поискахъ за новыми экзотическими ощущеніями, въ далекую холодную Исландію. Вотъ какой кругъ дѣлаетъ Ставрогинъ, войдя, послѣ бѣлой горячки, въ новую полосу жизни. Тутъ были мимолетныя упоенія ума, которыя всегда кончались для него нолями, тутъ были и капризныя, странныя, полузагадочныя броженія души и тѣла, которыя тоже кончались для него нолями. Черезъ четыре года онъ возвращается въ Россію съ огромными и ослѣпительными во всѣхъ направленіяхъ горизонтами, но безъ возможности на чемъ-ни-

будь остановиться, что-нибудь полюбить, что-нибудь создать. Онъ является на родину, но для него здѣсь нѣтъ дома и нѣтъ дѣла. Это какой-то новый Евгеній Онѣгинъ—бездомный скиталецъ на собственной землѣ, какъ назвалъ Достоевскій пушкинскаго Евгенія Онѣгина, но гораздо болѣе сложный и уже по современному, по декадентски развинченный, гораздо болѣе знаменательный для Россіи, чѣмъ сравнительно примитивный Онѣгинъ 20-хъ годовъ.

Второе появленіе Ставрогина Достоевскій описываетъ слѣдующими словами. «Онъ вошелъ очень тихо и на мгновеніе остановился въ дверяхъ, тихимъ взглядомъ окидывая собраніе». Онъ попадаетъ къ матери въ ту минуту, когда у нея случайно собрались всѣ прикосновенныя къ нему лица,—черта, не вполнѣ реальная въ смыслѣ жизненной правдоподобности, но обычная въ романахъ Достоевскаго, гдѣ художникъ какъ-бы экспериментируетъ надъ своими героями. Въ приведенныхъ словахъ чувствуется уже намекъ на какія-то перемѣны, происшедшія въ Ставрогинѣ: въ этомъ человѣкѣ, который четыре года тому назадъ, передъ бѣлою горячкою, каждое двигательное свое представленіе разрѣшалъ въ стремительныхъ рефлексахъ, что-то, повидимому, задерживаетъ естественныя проявленія его натуры. Онъ тихъ, сдержанъ, какъ-бы спокоенъ, потому-что надъ нимъ колдуетъ какая-то мысль, отвлекающая и даже, можетъ-быть, разлагающая его нервно-физическія силы. «Повидимому, онъ былъ все тотъ-же, какъ и четыре года назадъ: такъ-же изященъ, такъ-же важенъ, такъ-же важно входилъ, какъ и тогда, даже почти такъ-же молодъ». Но это только первыя впечатлѣнія,—общія, не заключающія въ себѣ полной правды. «Легкая улыбка его была такъ-же оффиціально ласкова и такъ-же самодовольна,—взглядъ такъ же строгъ, вдумчивъ и какъ-бы разсѣянъ. Однимъ словомъ, казалось, мы вчера только разстались». Художникъ рисуетъ черты своего героя двойственнымъ образомъ: съ одной стороны, какъ-бы сквозь иллюзію обыкновеннаго поверхностнаго воспріятія, которое не улавливаетъ никакихъ тонкихъ перемѣнъ и даже нѣсколько притупляется воспоминаніями о томъ-же человѣкѣ, о томъ-же предметѣ

въ прошломъ, съ другой стороны—сквозь свою личную идею, которая заставляетъ его незамѣтно вкрапливать въ описаніе своего героя какія-то совсѣмъ новыя внѣшнія черты, соотвѣтственно намѣченнымъ въ немъ психологическимъ перемѣнамъ. Достоевскій говоритъ, что взглядъ Ставрогина былъ такъ-же строгъ, вдумчивъ и разсѣянъ, какъ прежде, а между тѣмъ мы знаемъ, что именно этой строгости, вдумчивости и разсѣянности во взглядѣ Ставрогина совершенно не было: прежде свѣтлые глаза его были «что-то ужъ очень спокойны и ясны». Въ этомъ черезчуръ спокойномъ и ясномъ взглядѣ чувствовалась какая-то внутренняя пустота. Теперь въ глазахъ его замѣчается строгость, вдумчивость и разсѣянность, которыя являются признаками новыхъ внутреннихъ процессовъ, можетъ-быть, не столько психологическихъ, сколько умственныхъ. Онъ сосредоточенъ въ своихъ идеяхъ, строго слѣдитъ за ихъ логическими ходами и развѣтвленіями, и на все окружающее, какъ-бы близко оно его ни касалось, смотритъ словно сквозь дымку. Отсюда эта разсѣянность его взгляда. Ставрогинъ, дѣйствительно, перемѣнился и при томъ—кореннымъ образомъ. Продолжая описаніе его наружности, Достоевскій говоритъ, что онъ сдѣлался «чуть-чуть блѣднѣе, чѣмъ прежде, и, кажется, нѣсколько похудѣлъ». Теперь онъ сталъ «рѣшительнымъ, неоспоримымъ красавцемъ, такъ-что ужъ никакъ нельзя было сказать, что лицо его походитъ на маску». Оно, очевидно, пріобрѣло подвижность, похудѣло и поблѣднѣло, прежній вульгарный румянецъ, который знаменовалъ собою напряженность и внутренній застой, потускнѣлъ. Въ немъ возникла новая жизнь, какъ-бы духовная, но, въ сущности, только головная,—сложная, но не сильная, не сильная въ томъ смыслѣ, что она не можетъ пролиться на его естество, переродить и возродить его. Вся его кровь, со всѣми ея отравами, со всѣми ядами грубаго былого разврата и позднѣйшихъ декадентски-чувственныхъ утонченій, — можно сказать, весь его сладострастный темпераментъ отлилъ въ мозгъ и, давъ непобѣдимую силу его логикѣ, обезсилилъ его характеръ. Въ жизненныхъ отношеніяхъ, въ отноше-

ніяхъ съ людьми, и даже въ собственныхъ личныхъ ощущеніяхъ, сначъ Ставрогинъ лишился прежняго размаха, прежней непосредственности, померкъ и, въ глазахъ такого человѣка, какъ прямолинейный Шатовъ, измельчалъ и палъ.

Сцена перваго свиданія Ставрогина съ матерью кончается скандаломъ, и въ этомъ скандалѣ его поведеніе, вся его фигура, экспрессія его лица, такъ сказать, анатомія и физіологія его естества—все даетъ намъ живое представленіе о Ставрогинѣ въ данномъ моментѣ его личной эволюціи. У Достоевскаго все такъ сжато, можно сказать, скомкано,—одни только мимондущіе, но волнующіе намеки, но критикѣ тутъ нужно постоять, потому-что въ этихъ условно символическихъ намекахъ, геніальныхъ по своей научной, психологической прозорливости, узелъ всѣхъ перипетій романа, поскольку они касаются Ставрогина. Скандалъ разыгрывается между Ставрогинымъ и Шатовымъ—для читателя еще не ясно, по какому поводу. Шатовъ вдругъ поднялся со стула и «черезъ всю комнату, неспѣшнымъ, но твердымъ шагомъ направился къ Николаю Всеволодовичу, прямо смотря ему въ лицо. Тотъ еще издали замѣтилъ его приближеніе и чуть-чуть усмѣхнулся, но когда Шатовъ подошелъ къ нему вплоть, то пересталъ усмѣхаться». Сразу намѣчается два различныхъ характера, двѣ различныя силы, два различныхъ умственныхъ роста. Въ Шатовѣ сейчасъ-же чувствуется какая-то нравственная незыблемость и прямота узкой, фанатической честности. Улыбка, едва прозмѣившаяся по лицу Ставрогина,—это его высокомѣріе, его «холодная, спокойная, разумная злоба», это необычайная сила его самообладанія даже въ самыя роковыя для него минуты. Такіе именно люди бываютъ необыкновенно обольстительны—обольстительны своею красотою—и побѣдоносны даже въ тѣ минуты, когда ихъ хотятъ житейски унизить. Они рѣжутъ своихъ противниковъ своимъ тихимъ, безпощаднымъ презрѣніемъ. Шатовъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ не спускаетъ глазъ съ Ставрогина. «Выраженіе дерзкаго недоумѣнія смѣнилось въ лицѣ Николая Всеволодовича гнѣвомъ, онъ нахмурилъ брови и вдругъ... И вдругъ Шатовъ размахнулся

своей длинной тяжелой рукой и изо всей силы ударилъ его по щекѣ». Ставрогинъ сразу почувствовалъ намѣреніе Шатова, и его охватилъ гнѣвъ, онъ нахмурилъ брови. Въ немъ вспыхиваетъ его злое естество, которое черезъ минуту могло-бы развернуться во всей своей силѣ, но тутъ-же, въ ту-же секунду, въ противовѣсъ этому естеству, въ немъ собираются, скликаются его мысли, онъ не отдается рефлексу своей натуры: какая-то большая логика беретъ верхъ надъ этимъ рефлексомъ. Въ самомъ дѣлѣ, произошло что-то «чудное», что-то для всѣхъ неожиданное. «Не затихъ еще, казалось, въ комнатѣ подлый, какъ-бы мокрый какой-то звукъ отъ удара кулака по лицу, какъ тотчасъ-же онъ схватилъ Шатова обѣими руками за плечи, но тотчасъ-же, въ тотъ-же почти мигъ, отдернулъ свои обѣ руки назадъ и скрестилъ ихъ у себя за спиной». Ставрогинъ одерживаетъ побѣду надъ мгновеніемъ своей холодной ярости, которая могла-бы растерзать Шатова или положить его на мѣстѣ. Онъ спасаетъ себя отъ банальнаго поступка. Онъ спасаетъ себя гипнозомъ какой-то логики, отъ которой коченѣютъ всѣ возможности мстительныхъ рефлексовъ. Это чары логики, именно логики, а не противодѣйствіе сердца, тоже мгновенное и всесильное, но имѣющее совершенно другой колоритъ, исходящее изъ совершенно другихъ ощущеній или самоощущеній. Оторвавъ свои руки отъ плечъ Шатова, Ставрогинъ скрестилъ ихъ у себя за спиною: онъ точно связалъ ихъ веревками и, дѣйствительно, какъ-бы вошелъ на минуту въ ощущеніе физической связанности, потому что человѣческое естество, душа и тѣло человѣка, всегда гипнотизируется тѣми или другими жестами и позами, и реагируетъ, какъ-бы исходя изъ этихъ жестовъ и позъ. Если-бы Ставрогинъ не скрестилъ рукъ за спиною, не отнялъ у нихъ вольной подвижности, то, при нецѣльности его настроенія, руки его, быть можетъ, сдѣлали-бы новый рефлексъ и этимъ рефлексомъ вызвали-бы новый токъ бѣшенства въ его раздвоенной душѣ. И въ самомъ дѣлѣ, въ ту минуту, когда Ставрогинъ стоялъ, скрестивъ за спиной руки передъ ударившимъ его Шатовымъ, онъ «молчалъ, смотрѣлъ на Ша-

това и блѣднѣлъ, какъ рубашка. Но странно, взоръ его какъ-бы погасалъ». Какая-то мысль льетъ холодную воду въ его душу, на его нервы, и—изумительная черта!—самые глаза его гаснутъ, блѣднѣютъ, такъ сказать, пустѣютъ. Черезъ него пронеслась не положительная мысль съ человѣчнымъ содержаніемъ, а только мысль отрицательная по отношенію къ черезчуръ банальнымъ рефлексамъ, и теперь для него все дѣло только въ томъ, чтобы какъ-нибудь не выйти изъ гипноза этой эстетически красивой мысли, лишенной теплоты и сердечности по отношенію къ Шатову. Въ дальнѣйшія десять секундъ глаза его уже смотрятъ холодно и спокойно. Онъ не чувствуетъ оскорбленія, обиды, хотя оскорбленіе и обида были, потому-что въ немъ не пульспруетъ сердце: ударившій его Шатовъ совсѣмъ для него не существуетъ. Онъ занятъ только собой, измѣреніемъ собственныхъ силъ—въ немъ не зашевелилось никакой сердечной жалости ни къ себѣ ни къ другимъ, и мягкая зыбь этой сверхчеловѣческой и все-таки человѣческой жалости не отразилась въ глазахъ его. Они даже не затуманились.

Внѣшній обликъ Ставрогина, съ этими его особенными чертами, съ этимъ его умственнымъ самогипнозомъ и отсутствіемъ всякой сердечной пульсаціи, остается однимъ и тѣмъ-же на протяженіи всего романа. И на протяженіи всего романа Ставрогинъ кажется загадкою, какою-то странно написанною, смутною фигурою. Чтобы понять Ставрогина и уловить ту мысль, которая оживляла творческую работу Достоевскаго при созданіи этой фигуры, приходится вникать во всѣ мельчайшія детали ея пластическаго изображенія, на всемъ останавливать свое вниманіе, сопоставлять между собою отдѣльные, разрозненные штрихи. Это изученіе художника, его концепцій, его идейныхъ замысловъ, такъ сказать, черезъ плоть его героевъ, потому-что самъ этотъ художникъ, при изумительной высотѣ духовныхъ полетовъ, смотритъ въ бездны міра черезъ подвижныя линіи и формы плоти, въ ихъ капризныхъ сочетаніяхъ и мистически чувственной игрѣ. Таково, вообще, символическое, можно сказать, апокалипсическое письмо

Достоевскаго, единственное въ русской литературѣ, представляющей разновидности вольной реалистической живописи и достигающей идейныхъ цѣлей по своему. Новыя идеи Достоевскаго, образующія грань между старой и новой эпохой въ русскомъ творчествѣ, какъ и идеи Ницше въ нѣмецкой литературѣ, сдѣлали неизбѣжнымъ новый характеръ чувственно художественнаго письма, который можно назвать чисто идеалистическимъ, хотя вся эта напряженность, судорожность и экспериментальная условность, отличающая произведенія Достоевскаго, является результатомъ его индивидуальной писательской натуры, а не его идеалистическаго міросозерцанія. Въ этой натурѣ не было ничего ровнаго, простого и гармоническаго: въ ней вѣчно неслись какіе-то огненные вихри, разыгрывались, какъ во снѣ, какъ въ бреду, какія-то чудовищныя фантазіи, и утонченно реальныя черты плоти преображались для него въ какую-то новую, фантастическую плоть. Воображеніе читателя захвачено стремительнымъ разбѣгомъ писательскихъ мыслей и настроеній, стремительнымъ процессомъ какой-то огнедышащей діалектики, и хотя мы все время вращаемся среди конкретныхъ жизненныхъ явленій, мы не чувствуемъ себя въ плотскомъ, матеріальномъ мірѣ. Отъ всего плотскаго мы получаемъ тутъ не чувственное, а чисто духовное ощущеніе, импульсы для мысли, а не для легкихъ, играющихъ художественныхъ эмоцій, какія получаются, напримѣръ, отъ идейнаго письма Толстого, не говоря уже о Пушкинѣ и Гоголѣ. Достоевскій—это не художникъ въ чистомъ смыслѣ этого слова, это галлюцинантъ, великій безумецъ, глядящій сквозь свои галлюцинаціи въ будущее, съ упорствомъ безумія занимающійся вопросами плоти, законами плоти, словно для того, чтобы выяснить, какъ новый духъ создастъ изъ этой плоти новый міръ. Онъ видитъ въ дымномъ отдаленіи небо будущей жизни, и къ этому небу несутся всѣ призраки его яркой фантазіи.

Итакъ, возвратимся къ загадочному образу Ставрогина и прослѣдимъ его по всѣмъ главнымъ сценамъ романа.

Черезъ нѣсколько дней послѣ скандала съ Шатовымъ

мы видимъ его въ его роскошномъ кабинетѣ, въ легкомъ бархатномъ пиджакѣ. Онъ сидитъ одинъ, въ углу на диванѣ, задумавшись надъ полученнымъ письмомъ отъ Гаганова. Это письмо несетъ съ собой перспективу новой дуэли: Гагановъ давно уже ищетъ случая отомстить Ставрогину за экстравагантное оскорбленіе, нанесенное имъ нѣкогда его отцу. Онъ погруженъ въ свою мысль. Къ нему робко постучалась мать его, но онъ ничего не слышитъ. Но вотъ къ нему врывается Петръ Степановичъ Верховенскій. Онъ принимаетъ его, не трогаясь съ мѣста. Тотъ сыплетъ словами, которыя то задѣваютъ Ставрогина за самые чувствительные его нервы, то вызываютъ на его лицѣ брезгливую усмѣшку. Когда разговоръ принимаетъ особенно значительный характеръ, онъ хмуритъ брови и начинаетъ прислушиваться съ какимъ-то напряженнымъ, труднымъ для него самого вниманіемъ. Глаза его не зажигаются оживленіемъ: онъ слушаетъ холодно, неохотно, очевидно, продолжая свою собственную умственную работу. Вдругъ Верховенскій коснулся вопроса о Гагановѣ, и Ставрогинъ вскочилъ и «сдѣлалъ сильное движеніе впередъ». Ясно, что тутъ задѣтъ для него одинъ изъ самыхъ глубокихъ вопросовъ настоящаго момента, что около этого вопроса совершается вся мучительная работа его мысли. Въ другой разъ, въ концѣ разговора съ Верховенскимъ, Ставрогинъ опять быстро приподнимается съ своего мѣста «съ какимъ-то страннымъ движеніемъ въ лицѣ». Верховенскому показалось даже на мгновеніе, что онъ хотѣлъ схватить палку. Онъ намекнулъ ему, что есть лицо, которое могло-бы освободить его, Ставрогина, отъ законной жены его, хромоножки, и съ дьявольскимъ коварствомъ поигралъ на его нервахъ, коснувшись вопроса о Лизаветѣ Николаевнѣ. Тутъ-то Ставрогинъ и вспыхнулъ. Едва уловимые штрихи художника даютъ намъ понять, что Ставрогинъ сосредоточенъ на какихъ-то коренныхъ вопросахъ жизни, сосредоточенъ умственно, чисто логически,—такъ сказать, внѣ конкретностей своей жизни, и вотъ почему только наиболѣе острыя замѣчанія конкретнаго характера производятъ на него впечатлѣніе и словно пробуждаютъ

его. Онъ просыпается для дѣйствительности, но реагируетъ на нее только странными, судорожными движеніями—на одну секунду—чтобы сейчасъ-же опять впасть въ свое прежнее оцѣпенѣніе. Никакой жизни на периферіи его существа, никакой работы воспринимающихъ и двигательныхъ нервовъ, хотя, казалось-бы, только-что полученныя впечатлѣнія, только-что произнесенныя Верховенскимъ слова—и о хромоножкѣ, и о Лизѣ, и о кружковомъ ярмѣ, изъ подъ котораго онъ не имѣлъ права выйти,—должны были-бы расшевелить его. Въ самомъ дѣлѣ, выйдя отъ него, Верховенскій думалъ, что Ставрогинъ «начнетъ колотить кулаками въ стѣну»: онъ сознательно билъ его по самымъ чувствительнымъ нервамъ, и если-бы эти нервы не были атрофированы истощающей умственной работой, они, навѣрное, трепетали-бы теперь, какъ въ яростномъ бреду. Но Ставрогинъ, оставшись одинъ, «минуты двѣ простоялъ у стола въ томъ-же положеніи, повидимому, очень задумавшись». На губахъ его «выдавилась вялая, холодная улыбка», онъ медленно сѣлъ на свое прежнее мѣсто въ углу дивана и закрылъ глаза, какъ-бы отъ усталости. Ни единаго новаго движенія,—словно этого мучительнаго разговора между нимъ и Верховенскимъ и не было: онъ по прежнему сосредоточенъ въ своихъ отвлеченныхъ мысляхъ, напряженныхъ и пустынныхъ. Наконецъ, онъ совсѣмъ забылся. Мать опять стучится къ нему въ дверь и опять не получаетъ отвѣта: Ставрогинъ ничего не слышитъ, ничего не воспринимаетъ, онъ плыветъ гдѣ-то въ туманныхъ облакахъ за своими мыслями, которыя медленно уплываютъ все дальше и дальше отъ жизни, какъ-бы переступаютъ за грань ея, за грань сознанія, переходятъ въ какія-то химеры, въ какіе-то сны. Не услышавъ никакого отвѣта на свой стукъ въ дверь, мать входитъ въ комнату и съ бьющимся сердцемъ приближается къ сыну. Онъ сидитъ неподвижно, прямо, съ блѣднымъ, суровымъ, какъ-бы застывшимъ лицомъ, съ немного сдвинутыми и нахмуренными бровями. «Рѣшительно онъ походилъ на бездушную восковую фигуру». Въ такомъ состояніи онъ провелъ около часа. «Ни одинъ мускулъ лица его не двинулся, ни ма-

лѣйшаго движенія не выказалось, брови были все такъ же сурово сдвинуты. Если бы Варвара Петровна осталась еще на три минуты, то навѣрно бы не вынесла подавляющаго ощущенія этой летаргической неподвижности». Потомъ онъ открылъ глаза и, въ той же позѣ, не шевелясь, просидѣлъ еще минутъ десять. Глаза его были «упорно» и «любопытно» устремлены въ уголъ, на какой-то стоявшій тамъ самый обыкновенный, привычный ему предметъ.

Это, поистинѣ, геніальная страница въ романѣ Достоевскаго. Какая прозорливость въ пониманіи человѣческаго естества, всей механики его жизни, всей его физіологіи, которая сливается съ человѣческой психологіей. При поверхностномъ чтеніи этой страницы кажется, что Ставрогинъ просто спитъ, но, присмотрѣвшись къ художественнымъ намекамъ Достоевскаго, начинаешь понимать, что это какое-то особенное состояніе. Онъ не спитъ, а думаетъ, — думаетъ всѣмъ напряженіемъ ума: вся кровь, вся жизнь сосредоточилась въ мозгу его. Тѣло его какъ бы находится въ летаргіи. Это не тихій, отдохновительный сонъ, а истощающее мышленіе, столь характерное и знаменательное для Ставрогина вообще и особенно въ данномъ періодѣ его личной эволюціи. Онъ находится въ моментѣ той умственной сосредоточенности, которая какъ бы отрываетъ человѣка отъ жизни: нервы ничего не воспринимаютъ, органы соприкосновенія съ міромъ какъ бы закрыты, все засыпаетъ въ человѣкѣ, кромѣ его ума, кромѣ схематической, безпредметной мысли. Таковы вообще свойства всякой чисто умственной дѣятельности, въ отличіе отъ работы человѣческаго духа, которая, овладѣвая всѣмъ существомъ человѣка, какъ бы заставляетъ биться всѣ его нервы, дѣлаетъ ихъ особенно чуткими ко всему окружающему, ко всему на свѣтѣ. Дѣятельность ума является при этомъ только одною частью общей внутренней работы, гармонически входящею въ нее и потому не отвлекающею тѣхъ силъ, которыя нужны для другихъ проявленій человѣческаго естества. Въ человѣкѣ зажигается огонекъ, который бросаетъ теплый свѣтъ на всѣ соприкосновенныя явленія жизни, сердце стучитъ ровнымъ, тихимъ стукомъ,

въ которомъ какъ бы передается пульсація міровой души, или, вѣрнѣе, мірового духа. При этомъ работа ума, захватывая большіе горизонты, не имѣетъ напряженнаго характера, не превращается ни въ холодное сверленіе односторонняго анализа, ни въ бездушную игру схоластическихъ химеръ. Она идетъ черезъ поэтическія интуиціи, черезъ инстинктивныя догадки, черезъ неожиданныя сопоставленія вещей, не связанныхъ между собою никакими формальными ассоціаціями. Все дается легко, какими-то внезапными озареніями, проливающимися изъ духа, который и есть внутренняя основа міра, его высшая, скрытая логика, не укладывающаяся въ рамки умственной логики. Логика человѣческаго духа слита съ глубочайшими, безсознательными ощущеніями человѣка, съ его смутными грезами и фантазіями, сквозь которыя онъ радостно смотритъ въ даль будущаго. Вотъ почему работа духа никогда не создаетъ никакихъ оцѣпенѣній въ тѣлѣ, отлива крови къ мозгу, ни бездушной разсѣянности по отношенію къ конкретному міру, ни страннаго, суженнаго, удивленнаго любопытства къ отдѣльному явленію, ставшему передъ глазами. Когда Ставрогинъ, оторвавшись отъ своихъ мыслей, «упорно» и «любопытно» всматривается «въ какой-то поразившій его предметъ въ углу комнаты», можетъ показаться, что онъ галлюцинируетъ, что художникъ намекаетъ на возникающее въ немъ сумасшествіе. А между тѣмъ, Ставрогинъ смотритъ на обыденный реальный предметъ—внѣ всякихъ галлюцинацій, но смотритъ съ интересомъ гипнотика, которому внушено, напримѣръ, не видѣть стоящаго передъ нимъ человѣка, надѣвающаго на себя шляпу: гипнотикъ увидитъ шляпу, относительно которой ему не сдѣлано никакого внушенія, но не увидитъ самого человѣка, и съ удивленіемъ, именно «упорно» и «любопытно», уставится на нее. Такъ смотритъ Ставрогинъ на предметъ, находящійся въ углу комнаты, потому-что, вернувшись къ дѣйствительности изъ своихъ безпредметныхъ умственныхъ блужданій, изъ какой-то химерической пустоты, онъ не можетъ уловить никакого явленія въ связи съ другими явленіями, и отдѣльные предметы

кажутся ему какъ бы торчащими или висящими въ воздухѣ. Что бы ни встало передъ его вниманіемъ,—будь то человѣкъ или вещь,—ему нужно особенное усиліе, чтобы вернуться къ обычнымъ жизненнымъ ассоціаціямъ относительно этого предмета, понять его въ естественной связи съ собою и съ остальнымъ міромъ. Онъ какъ бы отвыкъ жить въ этомъ конкретномъ мірѣ, и у него нѣтъ для этого міра ни живыхъ, подвижныхъ ощущеній, съ ихъ теплыми красками, ни простой, жизненной, здравомысленной логики, которая оріентируетъ человѣка среди любыхъ условій жизни. Онъ нетерпѣливъ по отношенію къ людямъ, онъ какъ бы не можетъ дослушать ихъ изліяній даже тогда, когда съ нимъ говорятъ наиболѣе близкіе и говорятъ въ подъемѣ высокаго вдохновенія, порожденнаго его же собственными мыслями. Онъ слушаетъ ихъ, нахмуривъ брови, съ брезгливою, холодною, свѣтскою усмѣшкою, потому-что все невыносимо для него въ этомъ мірѣ, все отрываетъ его отъ его собственныхъ умственныхъ упоеній, въ которыхъ уже нельзя отличить дѣйствительности отъ сна. Въ этомъ отношеніи для Ставрогина нѣтъ никакихъ различій между людьми. Всѣ одинаково тяготятъ его, всѣ кажутся ему надоѣдливыми, рѣшительно всѣ—и Федька Каторжный, и Лебядкинъ, и хромоножка, и безпредѣльно прекрасный Кирилловъ, и фанатически восторженный Шатовъ. Этотъ красавецъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ ходитъ среди людей разсѣянно и равнодушно, занятый только своими мыслями: ему кажется и всѣмъ кажется, что его «боретъ» большая идея, что въ немъ строится какой-то новый міръ, но, на самомъ дѣлѣ, его внутренняя работа лишена творческаго характера, лишена красокъ, лишена свѣтлыхъ экстазовъ, потому-что это работа только ума, а не работа духа. Со всѣми своими мыслями онъ какъ бы спитъ на яву.

Продолжая слѣдить за Ставрогинымъ, мы все болѣе и болѣе убѣждаемся, что онъ находится въ состояніи настоящаго умственнаго гипноза. Опомнившись на время отъ той летаргической неподвижности, въ которую онъ впалъ послѣ бесѣды съ Верховенскимъ, Ставрогинъ надѣваетъ на себя суконный сюртукъ, который онъ употреблялъ «для цере-

монныхъ вечернихъ визитовъ», и отправляется по своимъ дѣламъ — къ Кириллову, Шатову и Лебядкиной. Кириллову онъ даетъ порученіе предложить, отъ его имени, дуэль молодому Гаганову. Небольшая сцена у Кириллова полна геніальныхъ умственныхъ концепцій, въ свѣтѣ которыхъ выступаетъ изумительная фигура этого человѣка, который сотворилъ для себя, подъ вліяніемъ Ставрогина, новую религію, религію человѣкобога. Ставрогинъ слушаетъ изліянія Кириллова «съ какимъ-то брезгливымъ сожалѣніемъ», «нахмуренно», слѣдя при этомъ не столько за его мыслями, сколько за нимъ самимъ. Это очень характерная и важная деталь для пониманія Ставрогина: такъ именно слушаютъ люди, занятые собственными мыслями,— серіозно, неподвижно, безъ игры въ глазахъ, безъ всякой насмѣшки, вызываемой у другихъ людей разногласіемъ со словами собесѣдника. То вниманіе къ внѣшнему міру, которое остается у Ставрогина отъ его собственныхъ, личныхъ мыслей, механически цѣпляется при этомъ за какія-нибудь подробности въ наружности или манерахъ говорящаго. И поразительно ярокъ въ этой сценѣ контрастъ между Ставрогинымъ и Кирилловымъ. Одинъ неподвиженъ, равнодушенъ, холодно нетерпѣливъ ко всему, что говорится—и какъ говорится!—другой вдохновененъ, конвульсивенъ въ своихъ пламенныхъ антирелигіозныхъ и все же религіозныхъ грезахъ о счастьѣ, о свободѣ, о полной эмансипаціи человѣка отъ обветшавшихъ традицій. Въ этой сценѣ нѣтъ почти никакихъ словъ Ставрогина, но онъ виденъ и понятенъ читателю въ своемъ молчаніи, въ своемъ странномъ, «упорномъ» и «любопытномъ» вниманіи къ мелочамъ, къ пустякамъ, оторваннымъ другъ отъ друга, словно висящимъ въ воздухѣ. Весь внѣшній міръ разсыпался для него въ клочки, не связанные для него никакою общею логическою нитью, и онъ видитъ этотъ міръ съ своей холодной умственной высоты, какъ бы съ горной вершины, подъ которой плывутъ только мѣстами разступающіеся туманы и облака.

Такимъ же онъ является и въ сценѣ съ огненно-пылкимъ Шатовымъ. Этотъ человѣкъ тоже бурно изливаетъ передъ нимъ свои мысли, имъ же, Ставрогинымъ, поро-

жденныя. Ставрогинъ «приглядывается» къ нему «съ любопытствомъ», иногда, когда пафосъ Шатова достигаетъ послѣдняго предѣла, слѣдитъ «съ усиленнымъ и особливымъ вниманіемъ»—опять таки: не за его словами, а за нимъ самимъ. Раздражаясь его «брезгливою свѣтскою улыбкою», Шатовъ требуетъ, чтобы онъ перемѣнилъ свой тонъ. «Заговорите хоть разъ въ жизни голосомъ человѣческимъ»,—кричитъ онъ ему, и эти слова Шатова показываютъ, что и въ «ласковомъ, мелодическомъ» голосѣ Ставрогина, о которомъ Достоевскій упоминаетъ по поводу его разговора съ Лебядкиной, нѣтъ жизни, т. е. искренняго, невольнаго изліянія души и духа. Какъ мы уже сказали, Ставрогинъ вообще не живетъ духомъ, всегда «чистымъ и нѣжнымъ», по слову Тертулліана, и потому-то его вѣжливая, свѣтская улыбка и ласковые, мелодическіе тона въ его голосѣ прямо оскорбляютъ такихъ людей, какъ Шатовъ. Прямолинейный и сильный въ своей прямолинейности Шатовъ вскипаетъ яростнымъ негодованіемъ и, въ пылу негодованія, бросаетъ ему въ лицо раскаленные угли своихъ идейныхъ упрековъ. Подъ конецъ разговора Ставрогинъ почти выходитъ изъ своихъ тумановъ, изъ гипноза своихъ мыслей. Онъ блѣднѣетъ, глаза его на секунду вспыхиваютъ, онъ усмѣхается «черезъ силу»,—онъ переживаетъ нѣчто подобное тому, что пережилъ въ памятное утро, когда Шатовъ ударилъ его кулакомъ по лицу. Теперь онъ бьетъ его кулакомъ по душѣ, и Ставрогину нужно новое огромное самообладаніе, чтобы не дать воли этому звѣрю, который тихо живетъ, тихо спитъ въ его естествѣ. «Я, однако, васъ не убилъ въ то утро, а взялъ объ руки назадъ»,—съ болью говоритъ онъ Шатову на прощанье,—«потупивъ глаза». Объ эти черты—и эта боль, которую онъ испытываетъ отъ разговора съ Шатовымъ, и эти потупленные глаза,—какъ хорошо онѣ дорисовываютъ этого красиваго, сильнаго гипнотика, который выходитъ изъ своихъ гипнозовъ только тогда, когда ему причиняютъ почти физическую боль, и который при этомъ все-таки не хочетъ разрѣшить своей злобы въ какихъ-нибудь буйственныхъ рефлексахъ. Когда жизнь заставляетъ его стать

лицомъ къ лицу съ живыми людьми, ему невыносимо тяжело.

Въ слѣдующихъ сценахъ Ставрогинъ до такой степени сохраняетъ всѣ указанныя черты, что описанія Достоевскаго, относящіяся къ выраженію его лица, ко всѣмъ его жестамъ, пріобрѣтаютъ нѣсколько однообразный характеръ. Говоря съ Лебядкинымъ, слушая его «нескладную», «чадную» болтовню, онъ опять хмуритъ брови и «любопытно» и «пристально» вглядывается въ него. Ни одного новаго слова по отношенію къ Ставрогину. Сцена съ самой Лебядкиной захватываетъ драматизмомъ, и хотя Ставрогинъ выходитъ изъ своей психической инертности, онъ все-таки стоитъ передъ глазами читателя съ тою же маскою. Тутъ есть нѣсколько штриховъ, которые укрѣпляютъ взглядъ на загадочнаго Ставрогина, какъ на умственнаго гипнотика, и въ этомъ смыслѣ сцена съ Лебядкиной окончательно дорисовываетъ его. Ставрогинъ входитъ въ комнату Лебядкиной въ то время, когда она спитъ. «Гость неслышно притворилъ за собою дверь и, не сходя съ мѣста, сталъ разсматривать спящую». Черезъ нѣсколько мгновеній она просыпается и быстро выпрямляется. Художникъ намекаетъ на гипнотизирующее дѣйствіе его взгляда. «Должно-быть, что-то странное произошло и съ гостемъ: онъ продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ у дверей; неподвижно и пронзительнымъ взглядомъ, безмолвно и упорно всматривался въ ея лицо». Опять тѣ же слова—«пронзительно» или «пристально», «упорно», «безмолвно», какъ въ сценѣ съ матерью и Лизою, какъ и въ великолѣпныхъ сценахъ послѣ разговора съ Верховенскимъ или въ разговорахъ съ Кирилловымъ и Шатовымъ. Вездѣ онъ гипнотикъ своихъ умственныхъ настроеній, вездѣ онъ смотритъ на людей или на предметы тѣмъ неподвижнымъ, мертвенно улыбающимся взглядомъ, отъ котораго окружающимъ становится жутко. Въ этомъ свѣтѣ начинаешь ощущать Ставрогина въ тѣхъ самыхъ впечатлѣніяхъ, которыя онъ производитъ на всѣхъ окружающихъ его. Это живой мертвецъ, который двигается среди людей, неся съ собою какіе-то страхи, какія-то чары. Силы его демонической

натуры, его естества зачарованы, онъ никого не трогаетъ пальцемъ, ведетъ себя тихо и изысканно, но всѣ помнятъ его, какъ неслыханнаго силача и неудержимаго кутилу, а потому и эта внезапно наступившая въ его жизни тишина кажется вдвойнѣ страшною: онъ страшенъ, какъ всякій гипнотикъ, несущій въ себѣ невѣдомыя, неизслѣдованныя проявленія психо-физическихъ законовъ, и страшенъ, какъ зачарованный богатырь, который могъ бы, если бы онъ внезапно проснулся, изломать и исковеркать жизнь окружающихъ. Но этотъ умственный гипнотикъ, какъ мы увидимъ, такъ и не проснется отъ своихъ кошмаровъ. Итакъ, Ставрогинъ пронзительно смотритъ на Лебядкину. «Можетъ-быть, — говоритъ Достоевскій, — этотъ взглядъ былъ излишне суровъ, можетъ-быть, въ немъ выразилось отвращеніе, даже злорадное наслажденіе ея испугомъ, — если только не померещилось такъ со сна Марьѣ Тимофѣевнѣ, но только вдругъ, послѣ минутнаго почти выжиданія, въ лицѣ бѣдной женщины выразился совершенный ужасъ». Она заплакала. Несомнѣнно, что отвращеніе и злорадство въ его взглядѣ только померещились хромоножкѣ: это именно тотъ эффектъ, который долженъ былъ произвести на ея примитивную душу взглядъ гипнотика. Но «гость опомнился, въ одинъ мигъ измѣнилось его лицо, и онъ подошелъ къ столу съ самой привѣтливой и ласковой улыбкой». Онъ на время входитъ въ живыя ассоціаціи, связанныя для него съ этой полуюродивой дѣвушкой, его фиктивной женой, и вотъ тутъ-то начинается ужасная конвульсія его естества, которому онъ, однако,—все по той же господствующей надъ нимъ идеѣ,— уже не можетъ позволить разойтись, развернуться. Нетерпѣливо слушая ея изступленный, негодующій бредъ, онъ кривитъ ротъ, скрежещетъ зубами, ударяетъ ладонью по столу и, подъ конецъ, даже отталкиваетъ ее отъ себя. Лебядкина уловила совершившіяся въ немъ перемѣны. Прежній разгульный красавецъ, который такъ импонировалъ ей богатствомъ неудержимыхъ и неукротимыхъ силъ, кажется ей теперь «слѣпою совою». «Какъ увидала я твое низкое лицо, — кричитъ она, — точно червь ко мнѣ въ

сердце заползъ: не онъ, думаю, не онъ!» Низкое лицо— вотъ впечатлѣніе Лебядкиной, въ которомъ, можетъ-быть, сумбурныя мысли перемѣшиваются съ какою-то правдою, ибо лицо Ставрогина, въ самомъ дѣлѣ, перемѣнилось, лишилось того освѣщенія, которое давалъ ему прежде разбѣгъ бурныхъ страстей. Онъ лишился прежней упругости, тѣло его, изъ котораго вся кровь высосана мозгомъ, сдѣлалось болѣе вялымъ, перестало, можетъ-быть, ярко функціонировать въ тѣхъ направленіяхъ, въ какихъ онъ былъ особенно обольстителенъ для женщинъ. Лебядкиной кажется даже, что Ставрогинъ «потолстѣлъ». Изумительное слово, которое брошено здѣсь не для обрисовки реальной правды по отношенію къ Ставрогину, — ибо изъ романа никоимъ образомъ не видно, чтобы онъ дѣйствительно потолстѣлъ,—а только для того, чтобы намекнуть на вырожденіе его мужской личности, которое совершается въ немъ подъ гнетомъ опустошительныхъ мыслей. Въ этомъ словѣ, какъ въ секретномъ ящикѣ, спрятанъ ключъ къ разгадкѣ всѣхъ тайныхъ недомоганій Ставрогина въ этомъ роковомъ періодѣ его жизни.

Съ этого момента волна личной психологической жизни Ставрогина нѣсколько вспѣнивается. Лебядкина расшевелила скрытыя язвы его тѣлесно-душевнаго «я», и въ немъ проснулись на время всѣ его злые инстинкты. Выбѣгая отъ нея, онъ встрѣчается съ поджидающимъ его Федькой Каторжнымъ, и когда этотъ бродяга, подговоренный Верховенскимъ къ убійству хромоножки, начинаетъ съ угрозами вымогать у него за это денегъ, онъ хватаетъ его за шиворотъ и съ такою силою ударяетъ его о мостъ, что тотъ чувствуетъ себя по сравненію съ Ставрогинымъ какою-то соломинкою. Даже въ голосѣ Ставрогина слышна непреоборимая повелительная сила. «Съ нетерпѣливымъ жестомъ» онъ приказываетъ Федькѣ бросить ножъ, которымъ тотъ вздумалъ угрожать ему, и Федька слушается. Но въ немъ уже проснулся отъ гипноза его звѣрь, онъ не можетъ побѣдить въ себѣ этого звѣря и, подъ конецъ сцены, разражается дикимъ громкимъ хохотомъ, въ которомъ звучитъ истерика дьявольскихъ желаній. Онъ бро-

саетъ деньги Федькѣ Каторжному, и этимъ даетъ ему какъ-бы безмолвное согласіе на убійство хромоножки.

Теперь, разъ прорвавшись, Ставрогинъ уже не можетъ удержать въ себѣ этой мучительной истерики, этихъ болѣзненныхъ рефлексовъ своей обезсиленной, умирающей тѣлесности, своей задыхающейся подъ гипнозомъ ума воли. «Знаете,—говоритъ онъ Дашѣ черезъ день послѣ сцены съ Федькою,—мнѣ со вчерашней ночи ужасно хочется смѣяться, все смѣяться, безпрерывно, долго, много. Я точно заряженъ смѣхомъ». Это въ немъ смѣется задыхающійся дьяволъ, и смѣхъ этотъ порожденъ болѣзненнымъ контрастомъ между натурою Ставрогина и его умомъ, между его природными, хищными, страстными склонностями и его теперешними мыслями, задерживающими всякое непосредственное движеніе. Теперь онъ особенно нетерпѣливъ и раздражителенъ. Ему вдругъ захотѣлось опять измѣрить свои непосредственныя жизненныя способности и, отбросивъ все прошедшее, всѣ запутавшіяся и омертвѣвшія отношенія съ Верховенскимъ, съ Гагановымъ, съ нигилизмомъ, съ Дашей, построить себѣ все-таки какой-то свѣтлый домъ въ этомъ проклятомъ мірѣ всеобщей банальности и всеобщей умственной пошлости. Но все мѣшаетъ ему, все лѣзетъ на него, напоминая о разныхъ старыхъ обязательствахъ. Встрѣтясь въ клубѣ съ Верховенскимъ послѣ дуэли съ Гагановымъ, онъ, въ отвѣтъ на всѣ его приставанія, молча глядитъ на него разсѣяннымъ взглядомъ и, наконецъ, когда тотъ ухватился за его плечо, онъ «вдругъ стрясъ съ себя его руку и быстро къ нему оборотился, грозно нахмурившись». Ясно, что въ своемъ нетерпѣніи Ставрогинъ дошелъ до послѣдней крайности и что, при малѣйшей неосторожности со стороны окружающихъ, онъ можетъ потерять равновѣсіе. Дуэль съ Гагановымъ онъ ведетъ тоже нетерпѣливо и небрежно. Онъ твердо стоитъ на своей мысли, которая мѣшаетъ ему кого-бы то ни было убивать, и потому стрѣляетъ въ Гаганова съ умышленными промахами. Съ послѣднимъ выстрѣломъ онъ быстро поворачивается и уходитъ даже безъ поклона, забывъ свою обычную вѣжливость. Онъ раздраженъ и золъ, и его ко-

роткій разговоръ съ Кирилловымъ, который говоритъ, что ему, Ставрогину, не по силамъ взятое на себя бремя, что ему, слишкомъ трудно укрощать себя, тоже проникнутъ нетерпѣніемъ и раздраженіемъ. Это раздраженіе, раздраженіе на самого себя, эта нетерпѣливость тайной сладострастной мечты особенно ярко выливаются въ его разговорѣ съ Дашею. Даша ему окончательно не нужна въ эту минуту, и онъ старается не принимать ея. Передъ нимъ несомнѣнно витаетъ мысль о Лизѣ. «Я давно хотѣлъ прервать съ вами,—говоритъ онъ Дашѣ,—пока, это время. Я васъ не могъ принять нынче ночью, несмотря на вашу записку. Я хотѣлъ вамъ самъ написать, но я писать не умѣю,—прибавилъ онъ съ досадой, даже какъ-будто съ гадливостью». Геніальная черта, цѣлое откровеніе, случайно брошенное въ разбѣгѣ художественной фантазіи Достоевскаго: Ставрогинъ не умѣетъ писать! Онъ умѣетъ говорить, ясно, сильно, мѣтко, когда онъ выражаетъ свои критическія мысли, когда онъ нападаетъ, когда онъ отрицаетъ. Но писать онъ не умѣетъ, и это въ высшей степени характерно для него, потому-что для писанія нужна та непосредственность, которой недостаетъ Ставрогину, нужна хотя-бы временная свобода отъ самокритики, нѣкоторая цѣльность и безоглядность по отношенію къ собственному слову, нѣкоторая способность къ упоенію своими мыслями, выраженными вольно, полусознательно, въ легкой, благодатной гармоніи ума съ духомъ. А у Ставрогина-то и нѣтъ всего этого. Онъ не сливается со своими мыслями, и потому эти мысли лишены у него свободнаго поэтическаго полета, такъ сказать, не проходятъ черезъ его сердце, не поднимаютъ и не уносятъ его. Его мысль—это тяжелая, сосущая душу химера. Она не облекается въ конкретные, подвижные образы, она не имѣетъ въ себѣ крови, и потому-то она не переливается ни въ какіе поступки и не можетъ выразиться ни въ какомъ словѣ, особенно въ писанномъ словѣ, которому не идетъ на подмогу ни мимика ни жестъ. Писанное слово Ставрогина, какъ мы и увидимъ потомъ, совершенно безсильно, и оттого онъ говоритъ о немъ съ досадою и гадливостью.

Далѣе мы видимъ Ставрогина въ кавалькадѣ, отправляющейся къ юродивому Семену Яковлевичу. Ставрогинъ поѣхалъ, очевидно, ради общества Лизы, которая подъ его гипнотизирующимъ взглядомъ чувствуетъ себя «что-то ужъ не въ мѣру счастливою». Она возбуждена, она хохочетъ. При выходѣ отъ Семена Яковлевича, она сталкивается въ дверяхъ съ Ставрогинымъ. «Они оба на мгновеніе пріостановились и какъ-то странно другъ на друга поглядѣли». Очевидно, во взглядѣ и усмѣшкѣ Ставрогина уже сверкнуло откровенное хищное искапіе, и Лиза, сознавая, что ей не спастись отъ него, въ какой-то конвульсіи поднимаетъ руку, чтобы ударить его по лицу. Ставрогинъ быстро отстранился отъ удара, но во весь обратный путь былъ явно взволнованъ и блѣденъ. Это все тѣ-же черты въ немъ, которыя мы видимъ на протяженіи всего романа. Нѣкоторымъ дополненіемъ къ его облику въ этомъ моментѣ его жизни является только то обстоятельство, что своимъ присутствіемъ въ пошлой кавалькадѣ онъ какъ-бы выдаетъ гложущія его желанія. Онъ идетъ къ развязкѣ своей судьбы, и это чувствуется во всѣхъ послѣдующихъ сценахъ. Когда къ нему явился для объясненій женихъ Лизы, красивый офицеръ Маврикій Николаевичъ, на губахъ Ставрогина сверкнула «улыбка высокомѣрнаго торжества и въ то-же время какого-то тупого недовѣрчиваго изумленія». Тутъ и предчувствіе близкой побѣды надъ Лизою и недоумѣніе по поводу прихода ея жениха. Ставрогинъ ведетъ себя во время бесѣды съ нимъ сдержанно, съ своей обычной внѣшней корректностью, но ему приходится при этомъ подавлять въ себѣ тотъ дьявольскій смѣхъ, которымъ онъ «заряженъ» въ послѣдніе дни, съ тѣхъ поръ, какъ хромоножка разбудила въ немъ сладострастнаго звѣря. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только женихъ Лизы вышелъ изъ комнаты, Ставрогинъ «громко захохоталъ». Вслѣдъ за Маврикіемъ Николаевичемъ къ нему влетаетъ Верховенскій, который орудуетъ всѣми тайными пружинами его романа съ Лизою, и разговоръ съ нимъ тоже полонъ неудержимаго смѣха со стороны Ставрогина. Затѣмъ они отправляются на вечеръ къ нигилистамъ. Ставрогинъ, ослѣпленный своими

настроеніями, идетъ, не замѣчая своего спутника, посрединѣ тротуара, и на дикую болтовню или, вѣрнѣе сказать, на изступленный бредъ этого политическаго интригана онъ отвѣчаетъ иногда взрывами хохота. Только намеки Верховенскаго насчетъ Лизы вызываютъ у него осторожныя, сдержанныя реплики. Эта мысль о Лизѣ кричитъ и горитъ въ его душѣ, и потому внѣшняя экспрессія въ ея сторону зловѣще тиха. На вечерѣ у нигилистовъ Ставрогинъ почти все время молчитъ. Отдѣльныя его замѣчанія, при всей ихъ внѣшней безупречности, отражаютъ его презрительное отношеніе къ этому обществу и выдаютъ его возбужденное личное настроеніе. Когда, подъ конецъ вечера, въ собраніи разыгрывается гнусная исторія противъ Шатова, Ставрогинъ поднимается, чтобы уйти. Онъ смѣется въ лицо этимъ людямъ, и глаза его сверкаютъ. Вся послѣдующая сцена — новыя изліянія Верховенскаго, сумасшедшія, пылающія огнемъ дикаго политическаго энтузіазма,—представляетъ собою нѣчто изумительно геніальное и безпримѣрное не только въ русской, но и въ европейской литературѣ. Ставрогинъ ведетъ себя въ высшей степени нетерпѣливо. Онъ то вскидываетъ на Верховенскаго изумленный взглядъ, то съ бѣшенствомъ отбивается отъ его сатанински упорныхъ приставаній, отъ его плановъ сдѣлать изъ него, Ставрогина, какого-то Ивана-Царевича, именемъ котораго долженъ совершиться великій политическій переворотъ. Подъ конецъ разговора Верховенскій опять предлагаетъ ему свои услуги относительно Лизы, и Ставрогинъ опять почти не отвѣчаетъ на его слова, но въ этомъ молчаніи чувствуется тотъ-же внутренній крикъ, какъ и въ предыдущихъ сценахъ. Наконецъ, нѣкоторое время спустя, мы видимъ Ставрогина у губернаторши, гдѣ ему предстоитъ новая встрѣча съ Лизою. Здѣсь онъ дѣлаетъ послѣдній шагъ для побѣды надъ ней: просто, твердо, съ серьезнымъ лицомъ онъ заявляетъ о томъ, что женатъ, и этимъ своимъ заявленіемъ бросаетъ привлекательный свѣтъ на свое прежнее сдержанное поведеніе съ ней. Затѣмъ, при всеобщемъ замѣшательствѣ, онъ «вдругъ улыб-

нулся съ безпредѣльнымъ высокомѣріемъ» и, «не торопясь, вышелъ изъ комнаты».

Въ послѣдній разъ мы видимъ Ставрогина въ бесѣдѣ съ Лизою, въ шестомъ часу утра, послѣ загадочно проведенной съ нею ночи. Тутъ все изумительно, почти неожиданно, потому-что въ первый разъ Ставрогинъ является передъ нами жалкимъ, можно сказать, безсильнымъ. Это была ночь, дѣйствительно, роковая для него: онъ хотѣлъ испытать свою жизнеспособность, зацѣпившись за Лизу, молодую, красивую, завлекательную, хотѣлъ вернуться къ жизни—обычной, человѣческой, съ ея простыми, оплодотворяющими душу правдами, къ жизни, отъ которой увела его больная, но чисто умственная логика. Но эта жизнь безжалостно покарала Ставрогина за все его прошедшее, за всѣ былыя злоупотребленія ею и за всѣ его послѣдующія измѣны ей. Художникъ не жалѣетъ красокъ, чтобы сдѣлать Ставрогина на послѣднихъ страницахъ романа не только жалкимъ, но и почти отвратительнымъ. Онъ поистинѣ слабъ и немощенъ въ своихъ разговорахъ съ Лизою. Онъ почти не смѣетъ подойти къ ней и останавливается «въ трехъ шагахъ» отъ нея. Маленькая, но превосходная деталь: Ставрогинъ вдругъ сталъ робкимъ. Онъ говоритъ съ ней «тихо», «боязливо», болѣзненныя настроенія отражаются въ его глазахъ, онъ до боли, какъ тисками, жметъ ея руку. Онъ все болѣе и болѣе блѣднѣетъ и все время ходитъ. Иногда онъ садится, и по лицу его бѣгутъ блѣдныя, холодныя тѣни какой-то «медленной, задумчивой усмѣшки». Онъ закрываетъ руками лицо и, упершись локтями о колѣни, погружается въ молчаніе. Это поза полнаго отчаянія, совершенно неожиданная для образа Ставрогина. Потомъ онъ опять поднимается и, шагая по комнатѣ, начинаетъ ловить возможности какого-то спасенія въ словахъ Лизы и въ своихъ собственныхъ словахъ. Но спасеніе не приходитъ, не можетъ прійти, потому-что въ немъ надорванъ принципъ жизни, истощены всѣ непосредственные инстинкты и, главное, потому, что въ немъ не проснулся духъ, не стучитъ человѣческое сердце. «Сонъ и бредъ!»,—восклицаетъ онъ, ломая руки. Въ самомъ дѣлѣ, вся его

жизнь прошла, какъ сонъ и бредъ, не поднявъ въ немъ благодатной правды. Можно сказать, что этого человѣка, при всѣхъ его огромныхъ физическихъ и умственныхъ силахъ, при всей его внѣшней обольстительности для окружающихъ людей, никогда не озаряло никакое вдохновеніе, потому что вдохновеніе льется именно изъ духа, изъ сердца, изъ тѣхъ глубокихъ, тайныхъ основъ человѣческаго существа, которыя всегда были заслонены въ Ставрогинѣ или его бушующимъ тѣлесно-душевнымъ «я» или его раціонализмомъ. Ни одного вдохновеннаго поступка ни одного вдохновеннаго слова. Теперь, когда онъ убѣдился въ своей негодности для жизни, когда онъ почувствовалъ себя жалкимъ калѣкою, когда для него окончательно погасли фантомы чувственныхъ страстей, за которые онъ хватался въ послѣднее время, ему остается только умереть. Но и къ смерти онъ идетъ безъ порыва, безъ огня предсмертнаго отчаянія, даже безъ нетерпѣливой судороги. Когда, послѣ сцены съ Лизою, передъ нимъ появляется Верховенскій и между ними происходитъ бурно нетерпѣливый разговоръ, во время котораго Верховенскій выхватываетъ револьверъ, Ставрогинъ покорно подставляетъ себя подъ его дуло. Это не высшее примиреніе съ смертью, а что-то флегматическое и безсильное въ отношеніи къ ней, что-то дерущее по первамъ своею неестественностью. Ставрогинъ рѣшается покончить съ собой. Черезъ короткое время мать и Даша находятъ его повѣсившимся. Но и повѣсился онъ малодушно и отвратительно, при холодной работѣ своего ума, думая о мелочахъ, о томъ, какъ-бы избѣгнуть при смерти лишней боли. «На столикѣ лежалъ молотокъ, кусокъ мыла и большой гвоздь, очевидно, принесенный про запасъ. Крѣпкій шелковый снурокъ, очевидно, заранѣе припасенный и выбранный, на которомъ повѣсился Николай Всеволодовичъ, былъ жирно намыленъ. Все означало преднамѣренность и сознаніе до послѣдней минуты». Этотъ жирно намыленный снурокъ вызываетъ у читателя какое-то содроганіе. Ставрогинъ не бросается въ бездну смерти съ дерзостью отчаянія, онъ хочетъ трусливо—легко и безболѣзненно—проскользнуть въ нее! Вотъ на какомъ жесто-

комъ эффектѣ Достоевскій обрываетъ изображеніе этой центральной фигуры своего романа.

Итакъ, мы видѣли Ставрогина въ двухъ фазахъ его развитія, изъ которыхъ одна очерчена Достоевскимъ, какъ его прошлое, а другая обрисовывается въ теченіе самого романа. Онъ является передъ читателемъ съ обликомъ, напоминающимъ маску. Эта маска выражаетъ пріостановку его душевно-тѣлесныхъ силъ послѣ ихъ широкаго и бурнаго разлива. Все въ немъ вдругъ остановилось, напряглось и замерло. Можно сказать, Ставрогинъ жилъ въ этомъ періодѣ одною механикою своего естества, и потому-то лицо его застыло въ маску, въ нѣчто неподвижное какъ-бы навсегда законченное, ибо тамъ, гдѣ не дѣйствуетъ духъ, съ его высшей, сверхмеханической, сверхчувственной силою, которая какъ-бы смягчаетъ прямолинейную работу механическихъ силъ, тамъ не можетъ быть никакихъ нѣжныхъ оттѣнковъ, никакой психологической свѣтотѣни, всего того, что дѣлаетъ человѣческое лицо и человѣчески-зыбкимъ и божественно-прекраснымъ. Таковъ Ставрогинъ въ этой первой фазѣ своего развитія: красивый, сильный, мощный и въ то-же время отвратительный. И если припомнить, что художникъ написалъ его какъ-бы въ темномъ ореолѣ, съ шапкою черныхъ волосъ, то становится понятнымъ то впечатлѣніе, какое онъ долженъ былъ производить на окружающихъ. По идеѣ художника, это какъ-бы замкнутая въ себѣ механическая сила, отрѣзанная отъ божества, ни въ чемъ не соприкасающаяся съ идеальнымъ міромъ, сила абсолютно безпросвѣтная, холодная и потому особенно склонная ко всякому демонизму, ко всякому преступленію. Затѣмъ мы видимъ Ставрогина во второй фазѣ его развитія, послѣ разъѣздовъ его по Европѣ. Достоевскій говоритъ, что лицо его въ это время не имѣло болѣе характера маски. Оно поблѣднѣло, потеряло свою плотскую напряженность, въ глазахъ появилась какая-то жизнь. Но, прослѣдивъ Ставрогина черезъ всѣ сцены романа и собравъ вмѣстѣ пластическія черты, въ которыхъ онъ обрисованъ, мы вдругъ начинаемъ замѣчать, что, собственно говоря, лицо его все-таки подобно маскѣ, хотя и другой, иного типа. У него

одна и та-же брезгливая и оффиціальная усмѣшка, постоянно нахмуренныя брови, одно и то-же выраженіе въ глазахъ—пристальное и въ то-же время разсѣянное. Въ немъ чувствуется та-же, прежняя, безблагодатная механическая сила, иногда разлагаемая или укрощаемая умомъ, идущая по линіи вырожденія, потому что вся кровь у него отлила въ мозгъ, но всетаки опасная, темная, демонски направленная. Вотъ почему и въ этомъ періодѣ своей жизни Ставрогинъ, при всемъ своемъ раціонилизмѣ, не теряетъ своей сатанинской обольстительности, хотя онъ идетъ къ окончательной, безславной погибели. Маска его имѣетъ теперь утонченно патологическій характеръ: гипнотизирующая его мысль, въ своихъ сложныхъ процессахъ, нигдѣ не встрѣтилась съ токами благодатнаго духа, ни разу не вспыхнула радостнымъ лучомъ, ни разу не запѣла созвучно съ грезами человѣческаго сердца, и вотъ почему блѣдное лицо его никогда не озаряется никакимъ поэтическимъ свѣтомъ. Оно печально, какъ и болѣзнь и смерть. Образъ Ставрогина выписанъ почти детально, но все-таки между нимъ и читателемъ простираются какія-то сумерки: мы почти не чувствуемъ, почти не ощущаемъ его. Каждый художественный образъ ясенъ только въ свѣту своего идеальнаго подобія, т. е. въ реальныхъ чертахъ образа должны какъ-бы проблескивать идеальныя стремленія духа, который ведетъ человѣка къ высшимъ цѣлямъ. За образомъ человѣка скрывается его идеальная сущность, съ заложенными въ ней жизненными возможностями,—то, что мы и называемъ личнымъ идеальнымъ подобіемъ человѣка. Вотъ этого-то идеальнаго подобія мы и не улавливаемъ за пластическимъ образомъ Ставрогина. Ставрогинъ какъ-бы не достучался до своей идеальной сущности. Онъ искалъ ея умомъ, логикой, а она вся живетъ въ нервахъ сердца, въ первахъ духа. И вотъ почему этотъ образъ такъ мучительно непріятенъ, тягостно болѣзненъ. Это образъ, чисто отрицательный по замыслу Достоевскаго, образъ, не озаренный свѣтомъ своего идеальнаго подобія.

А. Волынскій.

* * *

*) Когда Ставрогинъ забываетъ о себѣ, когда въ лицѣ его выступаетъ вдругъ нѣчто совсѣмъ неожиданное, чистое, невинное, какъ будто дѣтски «простодушное»—въ эти минуты красота его становится обаятельной, столь-же, хотя иначе обаятельной, какъ «серафимская» прелесть князя Мышкина. Въ эти минуты даже на такую безстыдную обезьяну, все искажающее зеркало, какъ урожденный циникъ и нигилистъ, Петръ Верховенскій, красота Ставрогина производитъ дѣйствіе неотразимое.

— «Ставрогинъ, вы красавецъ!—вскричалъ Петръ Степановичъ Верховенскій почти въ упоеніи,—знаете-ли, что вы красавецъ! Въ васъ всего дороже то, что вы иногда про это не знаете. О, я васъ изучилъ! Я на васъ часто сбоку, изъ-за угла гляжу! Въ васъ даже есть простодушіе и наивность, знаете-ли вы это? Еще есть, есть!... Я люблю красоту... Вы мой идолъ!» Да, въ наружности Ставрогина, этого сказочнаго «Ивана Царевича», есть нѣчто какъ будто преднамѣренно и насмѣшливо условное, романтическое: съ одной стороны, это—запоздалый герой юношескихъ, даже нѣсколько ребяческихъ поэмъ Байрона и Лермонтова, а съ другой—еще не воплотившійся, геніально угаданный Достоевскимъ герой нашего современнаго, классическаго романтизма, древній грекъ, какихъ, впрочемъ, никогда не бывало въ дѣйствительности, созерцаемый сквозь волшебно-преломляющую призму нитчеанства, условный герой условнаго Возрожденія—Cesare biondo e bello—Цезарь Борджіа, по Фридриху Нитче. Есть однако въ этой красотѣ и нѣчто глубоко-реальное: именно благодаря своей тѣлесной силѣ и здоровью, онъ могъ-бы, если-бы захотѣлъ, преодолѣть ту болѣзнь историческаго христіанства—аскетизмъ, умерщвленіе плоти, какъ послѣднюю цѣль, какъ высшій идеалъ—ту отраву, которую Раскольниковъ и князь Мышкинъ всосали въ себя съ молокомъ матери, такъ что безплотность или невоплощенность сдѣлались въ нихъ второю природою, почти столь-же неодолимою, какъ первая;

*) Д. С. Мережковскій. „Л. Толстой и Достоевскій". Томъ второй. Спб. 1903 г.

во всякомъ случаѣ, Ставрогинъ не родился, подобно имъ, физическимъ недоноскомъ, «выкидышемъ», «чужимъ всему»: онъ могъ-бы, опять-таки если-бы захотѣлъ, «пристать къ великому празднику» Діониса, къ пиршеству Плоти и Крови.

Силѣ плотской жизни соотвѣтствуетъ въ немъ и сила духовная.

Когда раскаявшійся нигилистъ Шатовъ, бывшій, отчасти и настоящій, пламенный ученикъ Ставрогина, какъ пророка русскаго «народа-богоносца», возмущенный нравственнымъ паденіемъ учителя, оскорбляетъ его при всѣхъ, сознательно, самою грубою и безобразною обидою—ударомъ по лицу,—Ставрогинъ даетъ мѣру этой духовной силы своей, безграничной власти надъ собой, то-есть, аскетизма, но уже не какъ самодовлѣющей цѣли, а только какъ средства, могущаго служить какой угодно цѣли.

«Николай Всеволодовичъ (Ставрогинъ) принадлежалъ къ тѣмъ натурамъ, которыя страха не вѣдаютъ. На дуэли онъ могъ стоять подъ выстрѣлами противника хладнокровно, самъ цѣлить и убивать до звѣрства спокойно. Если бы кто ударилъ его по щекѣ, то, какъ мнѣ кажется, онъ бы и на дуэль не вызвалъ, а тутъ же, тотчасъ же и убилъ бы обидчика: онъ именно былъ изъ такихъ; и убилъ бы съ полнымъ сознаніемъ, а вовсе не внѣ себя. Мнѣ кажется даже, что онъ никогда и не зналъ тѣхъ ослѣпляющихъ порывовъ гнѣва, при которыхъ уже нельзя разсуждать. При безконечной злобѣ, овладѣвавшей имъ иногда, онъ все-таки всегда могъ сохранить полную власть надъ собой, а, стало-быть, и понимать, что за убійство не на дуэли его непремѣнно сошлютъ на каторгу; тѣмъ не менѣе, онъ непремѣнно убилъ бы обидчика, и безъ малѣйшаго колебанія».

«И однакоже, въ настоящемъ случаѣ произошло нѣчто иное и чудное.

«Едва онъ выпрямился послѣ того, какъ такъ позорно качнулся на бокъ, чуть не на цѣлую половину роста, отъ полученной пощечины, и не затихъ еще, казалось, въ комнатѣ подлый, какъ бы мокрый какой-то, звукъ отъ удара кулака по лицу, какъ тотчасъ же онъ схватилъ Шатова

обѣими руками за плечи; но тотчасъ же, въ тотъ же почти мигъ отдернулъ свои обѣ руки назадъ и скрестилъ ихъ у себя за спиной. Онъ молчалъ, смотрѣлъ на Шатова и блѣднѣлъ, какъ рубашка. Но странно, взоръ его какъ бы погасалъ. Черезъ десять секундъ глаза его смотрѣли холодно и—я убѣжденъ, что не лгу—спокойно. Только блѣденъ онъ былъ ужасно. Разумѣется, я не знаю, что было внутри человѣка, я видѣлъ снаружи. Мнѣ кажется, если бы былъ такой человѣкъ, который схватилъ бы, напримѣръ, раскаленную до-красна желѣзную полосу и зажалъ въ рукѣ съ цѣлью измѣрить свою твердость, и затѣмъ, въ продолженіи десяти секундъ побѣждалъ бы нестерпимую боль и кончилъ тѣмъ, что ее побѣдилъ, то человѣкъ этотъ, кажется мнѣ, вынесъ бы нѣчто похожее на то, что испыталъ теперь, въ эти десять секундъ, Николай Всеволодовичъ.

«Первый изъ нихъ опустилъ глаза Шатовъ и, видимо, потому, что принужденъ былъ опустить».

Замѣчательно, что, по поводу той силы, которую въ данномъ случаѣ Ставрогину пришлось побѣдить, умертвить въ себѣ своимъ сознаніемъ, и которую самъ Достоевскій, или только разсказчикъ «Бѣсовъ» нѣсколько произвольно называетъ *„злобою“*, онъ сравниваетъ Ставрогина съ Лермонтовымъ: «въ злобѣ, говоритъ онъ, разумѣется, выходилъ прогрессъ противъ Лермонтова. Злобы въ Николаѣ Всеволодовичѣ было больше; но злоба эта была холодная, спокойная и, если можно такъ выразиться, *разумная* (подчеркнуто Достоевскимъ), стало-быть, самая отвратительная и страшная, какая можетъ быть». Существуетъ, конечно, глубокая, хотя донынѣ еще не изслѣдованная связь такихъ героевъ уединенной, возмутившейся личности у Достоевскаго, какъ Ставрогинъ, Раскольниковъ, Подростокъ, даже герой «Записокъ изъ Подполья», съ одной стороны, и Лермонтовскій, байроновскій, «хищный типъ»—съ другой. Что касается послѣдняго—всѣхъ этихъ старыхъ романтическихъ героевъ, личности Печоринхъ, Германовъ, Корсаровъ, Чайльдъ-Гарольдовъ—то у нихъ дѣйствительно была, такъ же какъ у ихъ общихъ прародителей, Наполеона и Жанъ-

Жака Руссо—огромная слабость, отмѣченная Достоевскимъ: всѣ они страдали и нерѣдко погибали отъ мелкихъ уколовъ самолюбія, хотя бы такою случайною траги-комическою гибелью, какъ Лермонтовъ, убитый на дуэли изъ-за пустяковъ; у всѣхъ у нихъ было еще слишкомъ много первобытно-стихійнаго, юношески, иногда прямо ребячески необузданнаго, «неразумнаго», что такъ и не давало имъ вырости до полной возмужалой мѣры силъ своихъ, а, вѣдь, силы эти, въ самомъ дѣлѣ, не исчерпывались тѣмъ, что Достоевскій называетъ ихъ «злобою»; да и что́ такое сама эта «злоба», какъ не обратная, искаженная форма до послѣдней степени ожесточившейся и отчаявшейся *любви къ себѣ*, опять-таки того же личнаго, прометеевскаго, титаническаго начала, то-есть, чего-то пока не святого, не религіознаго, но могущаго въ извѣстныхъ условіяхъ сдѣлаться и святымъ и религіознымъ, по слову Наполеона, недаромъ столь часто мною здѣсь приводимому: «я создавалъ религію». Такъ же какъ самъ Наполеонъ, Ставрогинъ не создалъ религіи; но онъ все-таки былъ ближе къ ней, чѣмъ Лермонтовъ и Байронъ: именно потому, что его «злоба», его любовь къ себѣ, къ своему мистически еще не сознанному, но уже существующему *я* — «разумнѣе», сознательнѣе. Въ тѣ неимовѣрныя «десять секундъ» послѣ пощечины, когда онъ овладѣваетъ собою и смотритъ на Шатова,—блѣдное лицо его, въ самомъ дѣлѣ, прекрасно и до извѣстной степени «богоподобно», какъ лицо героя. Кто такъ владѣетъ собою, тотъ сможетъ, если захочетъ, повелѣвать и другими. Въ такомъ самообладаніи есть нѣчто дѣйствительно царственное, «признакъ власти», которая людямъ не людьми дается. Многолѣтнее самоумерщвленіе, медленный искусъ отшельниковъ сосредоточилъ онъ въ эти страшныя десять секундъ, прошелъ его весь до конца, и вышелъ побѣдителемъ. Другой вопросъ — для чего нужна ему эта побѣда; но во всякомъ случаѣ, она реальна. Конечно, даже и такой аскетизмъ — еще не религія, но это все же неизбѣжный путь къ религіи; и мы убѣждаемся изъ этого опыта, что Ставрогинъ, если бы только могъ найти своего Бога, сдѣлался бы великимъ святымъ, на-

вѣрное бо́льшимъ, болѣе совершеннымъ и окончательнымъ, чѣмъ князь Мышкинъ. Та «демоническая» сила русскаго духа, которая дала міру Петра, но имъ не исчерпана, сказывается въ Ставрогинѣ.

Такъ именно и понялъ это Шатовъ. Болѣе вѣрующій и покорный, чѣмъ когда-либо, возвращается онъ къ своему учителю: «Понимаете-ли, что вы должны мнѣ простить этотъ ударъ по лицу, уже по тому одному, что я далъ вамъ случай познать при этомъ вашу *безпредѣльную силу?* Вы единый человѣкъ, который могъ бы...» Шатовъ не договариваетъ, подъ холодною брезгливою усмѣшкою Ставрогина, но это значитъ: который могъ бы спасти Россію отъ революціонныхъ «бѣсовъ», отъ неотразимыхъ выводовъ анти-христовой, западно-европейской культуры. «Вы, вы одни могли бы поднять это знамя!»—заключаетъ онъ свою влюбленную и вмѣстѣ, негодующую исповѣдь.—Развѣ я не вижу по лицу вашему, что васъ боретъ какая-то новая грозная мысль? Ставрогинъ, для чего я осужденъ въ васъ вѣрить во вѣки-вѣковъ? Развѣ могъ бы я такъ говорить съ другимъ? Развѣ я не буду цѣловать слѣдовъ вашихъ ногъ, когда вы уйдете? Я не могу васъ вырвать изъ моего сердца, Николай Ставрогинъ!»

— «Слушайте, — говоритъ ему не столько нигилистъ 70-хъ годовъ, сколько современный или даже будущій анархистъ, Петръ Верховенскій, «вѣрный слуга Ричарда», Мефистофель Ставрогина, влюбленный въ него еще болѣе, чѣмъ Шатовъ, но едва-ли, несмотря на всю свою кажущуюся влюбленную мечтательность, слишкомъ ошибающійся *практически,* если не въ реальномъ, то возможномъ дѣйствіи скрытой въ Ставрогинѣ и безплодно гибнущей нравственной силы, — «слушайте: папа будетъ на западѣ, а у насъ, у насъ будете вы!

— Отстаньте отъ меня, пьяный человѣкъ!» — восклицаетъ Ставрогинъ съ омерзѣніемъ.

Далѣе слѣдуетъ приведенное выше признаніе въ любви— кажущійся безумнымъ, на самомъ дѣлѣ, во многомъ вѣщій бредъ любви:

— «Ставрогинъ, вы красавецъ!.. Вы мой идолъ!.. Вамъ

ничего не значитъ пожертвовать жизнью и своею и чужою. Вы именно таковъ, какого надо. Мнѣ, мнѣ именно такого надо, какъ вы. Я никого кромѣ васъ не знаю. Вы предводитель, вы солнце, а я вашъ червякъ.

«Онъ вдругъ поцѣловалъ у него руку. Холодъ прошелъ по спинѣ Ставрогина, и онъ въ испугѣ вырвалъ свою руку.

— Помѣшанный,—прошепталъ Ставрогинъ.

— Можетъ, и брежу, можетъ и брежу! — подхватилъ тотъ скороговоркой,—но я выдумалъ первый шагъ... Мнѣ вы, вы надобны, безъ васъ я нуль. Безъ васъ я муха, идея въ стклянкѣ, Колумбъ безъ Америки... Мы провозгласимъ разрушеніе... Мы пустимъ легенды... Ну-съ, и начнется смута! Раскачка такая пойдетъ, какой міръ еще не видалъ... Затуманится Русь, заплачетъ земля по старымъ богамъ... Ну-съ, тутъ-то мы и пустимъ.

— Кого?

— Ивана-Царевича...

— Кого-о?

— Ивана-Царевича; васъ, васъ!

«Ставрогинъ подумалъ съ минуту.

— Самозванца? — вдругъ спросилъ онъ, въ глубокомъ изумленіи смотря на изступленнаго. — Э, такъ вотъ, наконецъ, вашъ планъ.

— Мы скажемъ, что́ онъ *скрывается*,—тихо, какимъ-то любовнымъ шопотомъ проговорилъ Верховенскій, въ самомъ дѣлѣ какъ будто пьяный.

— Знаете ли вы, что́ значитъ: *онъ скрывается*? Но онъ явится, явится. Мы пустимъ легенду получше, чѣмъ у скопцовъ. Онъ есть, но никто не видалъ его. О, какую легенду можно пустить! А главное—новая сила идетъ. А ее-то и надо, по ней-то и плачутъ. Ну, что въ соціализмѣ: старыя силы разрушилъ, а новыхъ не внесъ. А тутъ сила, да еще какая, неслыханная! Намъ, вѣдь, только на разъ рычагъ, чтобы землю поднять. Все поднимется! Слушайте, я васъ никому не покажу, никому: такъ надо. Онъ есть, но никто не видалъ его... А знаете, что можно даже и показать, изъ ста тысячъ одному, напримѣръ. И

пойдетъ по всей землѣ: «видѣли, видѣли». И Ивана *) Филипповича, бога-саваоѳа, видѣли, какъ онъ въ колесницѣ на небо вознесся, «собственными глазами» видѣли. А вы не Иванъ Филипповичъ; вы красавецъ, гордый, какъ богъ... Вы ихъ побѣдите, взглянете и побѣдите. Новую правду несетъ и «скрывается»... И застонетъ стономъ земля: «новый правый законъ идетъ», и взволнуется море, и рухнетъ балаганъ, и тогда подумаемъ, какъ бы поставить строеніе каменное. Въ первый разъ! Строить *мы* будемъ, мы, одни мы!»

Здѣсь Верховенскій приходитъ къ послѣднимъ русскимъ, по своему, несмотря на все его кажущееся «изступленіе», глубоко жизненнымъ выводамъ изъ отвлеченной западно-европейской идеи Раскольникова; Верховенскій понялъ то, чего тотъ такъ до конца и не могъ понять,—понялъ, гдѣ именно слѣдуетъ искать рычагъ, который подыметъ русскую землю; понялъ, что русскій, а слѣдовательно и всемірный переворотъ (что переворотъ этотъ можетъ начаться не въ Европѣ, а только въ Россіи, но здѣсь не остановится, для него уже ясно), какъ переворотъ чисто-политическій и соціальный, безъ помощи религіозныхъ силъ, въ Россіи неосуществимъ. Въ идеѣ самодержавія, какъ мистическаго народнаго вѣрованія, въ идеѣ, необъятный смыслъ которой для его же собственныхъ теорій подражатель Наполеона, западникъ Раскольниковъ такъ и не сумѣлъ оцѣнить,—въ той самой идеѣ, за которую впослѣдствіи Нитче сравнивалъ Россію съ Imperium Romanum и называлъ ее «единственною страною, имѣющею крѣпость въ тѣлѣ»,—Верховенскій и находитъ искомую точку опоры для своего всемірнаго «рычага».

И что онъ опять-таки *практически* не слишкомъ ошибается относительно возможнаго значенія въ глазахъ народа личности Ставрогина, доказываетъ отношеніе къ этому послѣднему юродивой «хромоножки» Маріи Лебядкиной, религіозное существо которой въ высшей степени народно,

*) У Достоевскаго ошибка: имя скопческаго бога-саваоѳа не Иванъ, а Даніла Филипповичъ.

и которая смотритъ на Ставрогина именно глазами народа: все равно—ясный ли «соколъ», добрый ли избавитель Россіи, новый богъ-саваоѳъ Данила Филипповичъ, или черный «воронъ», страшный оборотень, «самозванецъ Гришка Отрепьевъ», можетъ-быть, даже самъ Антихристъ, во всякомъ случаѣ, для Маріи Лебядкиной, съ ея народной точки зрѣнія, личность Ставрогина уже дѣйствительно вся окружена мистическимъ свѣтомъ и сумракомъ, тайною и «легендою». И пусть въ концѣ-концовъ «ясновидящая», какъ бы угадывая страшный смыслъ этой личности, проклинаетъ его: «Гришка Отрепьевъ, анаѳема!»—мы, вѣдь, знаемъ. что идея *самозванства*, то-есть, обратная форма идеи самодержавія, имѣла огромную власть надъ историческими судьбами русскаго народа, что дѣйствительно не разъ отъ этой идеи «затуманивалась Русь», и «стономъ стонала земля». Да, личность Ставрогина, если не какъ завершенное, то какъ предзнаменующее явленіе, связана съ величайшими всемірно-историческими силами, которыя уже дѣйствуютъ, и которымъ, по всей вѣроятности, еще въ гораздо большей мѣрѣ суждено дѣйствовать въ будущемъ. По крайней мѣрѣ, такъ именно понялъ Ставрогина самъ Достоевскій; онъ хотѣлъ, кажется, чтобы и мы его поняли такъ.

Эту «безпредѣльную», скрытую силу, которую оба ученика его, и Шатовъ, возвращающійся къ народу, и Кирилловъ, ушедшій въ самые крайніе выводы западно-европейской культуры, признаютъ въ немъ одинаково,—чувствуетъ въ себѣ и самъ Ставрогинъ. «Я пробовалъ вездѣ мою силу, говоритъ онъ въ рѣдкую минуту откровенности, въ предсмертномъ письмѣ,—*она оказалась безпредѣльною*».

И вотъ рядомъ съ этою «безпредѣльною» силою — такое-же безсилье, можетъ-быть, впрочемъ лишь кажущееся, а на самомъ дѣлѣ, только недостаточная и вмѣстѣ съ тѣмъ, противоположная, отрицательная сила.

Когда Ставрогинъ съ высокомѣрною брезгливостью отказывается отъ плана Верховенскаго сдѣлать его «Иваномъ-Царевичемъ», новымъ «богомъ-саваоѳомъ», тотъ, мгновенно

переходя отъ порыва неистовой влюбленности къ порыву столь же неистовой злобы, вскрикиваетъ:

— «Врете вы, дряннои, блудливый, изломанный барченокъ, не вѣрю—аппетитъ у васъ волчій!»

И когда юродивая хромоножка кричитъ въ догонку уходящему Ставрогину: «Гришка Отрепьевъ, анаѳема!»— она смѣется надъ нимъ, хотя и безумнымъ, но безконечно праведнымъ, ясновидящимъ смѣхомъ, отъ котораго онъ бѣжитъ въ ужасѣ: «нѣтъ, не можетъ того быть, чтобы соколъ филиномъ сталъ. Не таковъ мой князь!.. Похожъто ты, очень похожъ, можетъ и *родственникъ* ему будешь. Только мой — ясный соколъ, а ты — сычъ и купчишка. Мой-то и Богу захочетъ—поклонится, а захочетъ, и нѣтъ, а тебя Шатушка (милый онъ, родимый, голубчикъ мой!) по щекамъ отхлесталъ... Прочь, самозванецъ!»

— «Я знаю, соглашается Ставрогинъ въ разговорѣ съ Шатовымъ о принятіи «бремени» — бремени послѣдней гордости или послѣдняго смиренія, — я знаю, что я ничтожный характеръ, но *я не лѣзу въ сильные*.

— И не лѣзьте,—заключаетъ Кирилловъ.—*Вы не сильный человѣкъ*.

Николай Всеволодовичъ, прибавляетъ Достоевскій, былъ «смущенъ», «почти пораженъ».

— «Вы ни на что не способны», говоритъ ему съ безконечнымъ презрѣніемъ Лиза, молодая дѣвушка, которую онъ любитъ или хочетъ любить. Ставрогинъ и съ нею соглашается.

— «О, какой мой демонъ! — по другому поводу, признается онъ однажды. — Это просто маленькій, гаденькій, золотушный бѣсенокъ изъ неудавшихся».

Послѣднее, конечно, неправда, или, точнѣе, *не до конца* правда, такъ же какъ и то, что Раскольниковъ, какъ самъ онъ себѣ выражается, — «вошь»; а все-таки въ сознаніи Ставрогинымъ своего безсилья, не менѣе, чѣмъ въ его сознаніи своей «безпредѣльной силы», есть и глубокая, ужасная для него правда.

Итакъ—сила и безсиліе вмѣстѣ здѣсь опять, какъ выразился Достоевскій о мужикѣ, стрѣлявшемъ въ Прича-

стіе «и то и другое вмѣстѣ въ соприкосновеніи противоположностей» — въ соприкосновеніи или, можетъ-быть, только въ *сближеніи* какихъ-то двухъ «концовъ», двухъ „*полюсовъ*“.

Именно уже этими нашими словами о „*полюсахъ*“ говоритъ и самъ Достоевскій:

— Правда ли,—спрашиваетъ Ставрогина Шатовъ,—что вы *въ обоихъ полюсахъ* нашли совпаденіе красоты, одинаковость наслажденія... Правда ли, будто вы увѣряли, что не знаете различія въ красотѣ между какою-нибудь сладострастною звѣрскою штукой и какимъ угодно подвигомъ, хотя бы даже жертвой жизнью для человѣчества?»

Одинъ изъ этихъ двухъ полюсовъ—аскетическій, какъ будто христіанскій, подвигъ Ставрогина, его исканіе послѣдняго «бремени»—мы уже видѣли, когда «сжалъ онъ въ рукѣ раскаленную до-красна желѣзную полосу»—овладѣлъ собою послѣ пощечины Шатова. А вотъ и другой:

— «Правда ли,—грозя его убить сейчасъ же, тутъ же, на мѣстѣ,—продолжаетъ Шатовъ свой страшный допросъ, отъ котораго Ставрогинъ блѣднѣетъ,—правда ли, что вы принадлежали въ Петербургѣ къ скотскому сладострастному секретному обществу? Правда ли, что маркизъ де-Садъ могъ бы у васъ поучиться? Правда ли, что вы заманивали и развращали дѣтей?»

— «Я пробовалъ вездѣ мою силу, признается самъ герой «Бѣсовъ» въ своемъ предсмертномъ письмѣ, съ простотою и ясностью послѣдняго отчаянія.—Я все такъ же, какъ и всегда прежде, могу пожелать сдѣлать доброе дѣло, и ощущаю отъ того удовольствіе; рядомъ желаю и злого, и тоже чувствую удовольствіе».

Но эта страшная нравственная двойственность—не соединеніе, а только *смѣшеніе* добра и зла—происходитъ въ немъ изъ еще болѣе глубокой и страшной *религіозной* двойственности, изъ смѣшенія двухъ началъ мистическихъ. «Въ то самое время, говоритъ ему Шатовъ, когда вы насаждали въ моемъ сердцѣ Бога и родину—(идею русскаго «народа-богоносца»)—въ то же самое время, даже, можетъ-быть, въ тѣ же самые дни, вы отравили сердце этого несчаст-

наго, этого маньяка, Кириллова, ядомъ... Вы утверждали въ немъ ложь и клевету, и довели разумъ его до изступленія». Ставрогинъ одновременно, можетъ-быть, «въ тѣ же самые дни» проповѣдуетъ Христа, Богочеловѣка—Шатову и Антихриста, Человѣкобога—Кириллову, по словамъ Достоевскаго, «двѣ величайшія идеи изъ всѣхъ, какія когда-либо являлись на землѣ». Обоихъ увлекъ онъ съ одинаковою силою и потомъ съ одинаковымъ презрѣніемъ покинулъ обоихъ. Но они его не покинули: по тому глубокому чувству, съ которымъ Кирилловъ говоритъ ему: «вспомните, Ставрогинъ, что вы значили въ моей жизни»—видно, что онъ все еще вѣритъ въ него; и Шатовъ точно такъ же—если бы даже оказалось правдою все, въ чемъ онъ его подозрѣваетъ (а изъ выкинутой по случайнымъ, цензурнымъ условіямъ главы, гдѣ описывается растлѣніе Ставрогинымъ дѣвочки, почти ребенка, мы имѣли бы право догадываться, до какой степени это правда), «осужденъ вѣрить въ него во вѣки вѣковъ», готовъ цѣловать «слѣды его ногъ», «не можетъ вырвать изъ сердца своего Николая Ставрогина», считаетъ себя «ученикомъ, воскресшимъ изъ мертвыхъ», а его—«учителемъ, вѣщавшимъ огромныя слова». Это—Шатовъ; ну, а что же самъ Достоевскій? Неужели не боится онъ кощунства, влагая въ уста такого «учителя», какъ Ставрогинъ, свою величайшую святыню, ту, съ которою онъ жилъ и умеръ, свою самую завѣтную мысль о значеніи православія, о ликѣ Христа въ ликѣ русскаго народа-богоносца? Случайно ли предоставилъ онъ именно Ставрогину, первому, высказать эту свою собственную мысль съ такою силою и ясностью, съ какою самъ онъ еще никогда и нигдѣ ее не высказывалъ? Или для Достоевскаго такъ же, какъ для Шатова и Кириллова, Ставрогинъ, *несмотря ни на что*, остается «учителемъ, вѣщающимъ огромныя слова», и онъ готовъ сказать ему вмѣстѣ съ обоими учениками: «вы, вы одни могли бы поднять это знамя?» Или же, наконецъ, Достоевскій просто не сознавалъ, что́ дѣлаетъ. Нѣтъ, кажется, онъ слишкомъ хорошо сознавалъ; и если все-таки сдѣлалъ, то потому, что именно здѣсь, только здѣсь, въ этомъ «соприкоснове-

ніи противоположностей», въ этихъ страшныхъ «двойныхъ мысляхъ» Ставрогина, въ послѣдней глубинѣ этого раздвоеннаго сознанія предчувствовалъ единственно возможный путь къ будущему, къ послѣднему соединенію, потому что искалъ въ немъ чего-то, можетъ-быть, наперекоръ своему собственному сознанію и волѣ, чего-то ждалъ отъ него—не отъ Шатова, не отъ Кириллова, а именно только отъ него, отъ Ставрогина—какой-то ослѣпляющей послѣдней искры, которая должна вспыхнуть между обоими «полюсами», какого-то «непмовѣрнаго видѣнія», которымъ все должно «кончиться». Отчего же Достоевскій такъ ничего и не дождался отъ Ставрогина? Отчего тотъ, несмотря на такой стремительный разбѣгъ, остановился на пути къ будущему съ такою внезапною неподвижностью? Отчего искра эта такъ и не вспыхнула? Отчего «бѣсъ» или богъ его оказался дѣйствительно только «маленькимъ, гаденькимъ золотушнымъ бѣсомъ» или богомъ «изъ неудавшихся?» Отчего этотъ столь сильный, рожденный для дѣйствія человѣкъ погибъ, еще меньше сдѣлавъ, чѣмъ даже такіе бездѣйственные, отвлеченные люди, какъ Идіотъ и Раскольниковъ?

Если причину этого самъ Достоевскій понялъ, то, кажется, только своимъ художественнымъ ясновидѣніемъ, а не религіознымъ сознаніемъ; благодаря, однако, его же собственнымъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, причина эта теперь уже открыта, по крайней мѣрѣ отчасти. нашему сознанію.

Двѣ нити вмѣстѣ свиты
. . . . . .
Ихъ темное сплетенье
И тѣсно и мертво.

Это именно и происходитъ въ Ставрогинѣ: въ немъ «да» и «нѣтъ», начало кажущагося Христа и начало кажущагося Антихриста только «сплетены», а не «слиты» и никогда не сольются; эти двѣ полярныя силы его *безсознательнаго* существа въ немъ безконечно растутъ, напрягаются, но не доходятъ до своихъ «концовъ обнаженныхъ»

въ *сознаніи,* и потому не могутъ сосредоточиться и разразиться;—не соединяясь, только смѣшиваются, такъ что высшая сила, не родивъ огня и свѣта, вырождается въ низшую, разсѣянную, стынущую и темную теплоту, въ тлѣніе смерти. Концы двухъ безсознательныхъ стихій, «христіанской» и «языческой», въ немъ только вѣчно сближаются, но никогда не соприкоснутся, потому-что опять-таки концы эти не обнажены, не открыты его сознаніемъ: что-то облекаетъ и раздѣляетъ ихъ, какая-то, можетъ-быть, очень тонкая, слабая, но непроницаемая, глухая среда, *середина,* говоря языкомъ научнымъ, «нейтрализующая» обѣ полярныя силы, задерживающая, какъ самая тонкая стеклянная стѣнка задерживаетъ электричество и, раздѣляя концы проволокъ, не даетъ зажечься соединяющей искрѣ. Что же это за середина?

— «Вы ужасный аристократъ! — говоритъ Ставрогину Петръ Верховенскій, для котораго этотъ, кажущійся ему безпредѣльнымъ, аристократизмъ, эта «гордость бога» составляетъ главную красоту въ личности Ставрогина. И однако, немного спустя, въ томъ же разговорѣ Верховенскій называетъ его «дряннымъ, блудливымъ, изломаннымъ барченкомъ».

Питомецъ русскаго западника, либерала Степана Трофимыча, сынъ русской барыни, крѣпостной помѣщицы—Николай Ставрогинъ, не только по крови, но и по глубочайшимъ культурнымъ корнямъ своимъ, принадлежитъ къ тому же *„средне-высшему“* то-есть, все-таки *серединному,* аристократически-мѣщанскому кругу, какъ и Л. Толстой, со всѣми своими героями, отъ Левина до Нехлюдова. Не слѣдуетъ забывать и того, что Ставрогинъ—человѣкъ своего вѣка, XIX-го, самаго буржуазнаго, «средне-высшаго», серединнаго изъ всѣхъ вѣковъ. Въ безсознательной стихійной сторонѣ существа его есть, можетъ-быть, сила, не средне-высшая, а самая высшая, безпредѣльная; тутъ онъ дѣйствительно «аристократъ» до конца—до конца благороденъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, народенъ: недаромъ юродивой хромоножкѣ является онъ подлиннымъ «княземъ», «гордымъ, какъ богъ», «яснымъ соколомъ», «Иваномъ-Царевп-

чемъ». Но въ томъ-то и дѣло, что какъ ни велика у Ставрогина сила сознанія, она все-таки не безпредѣльна, не равна безсознательной стихійной силѣ его; она не самая высшая, а только средне-высшая, и слѣдовательно, все-таки *серединная*. Онъ аристократъ и въ своемъ сознаніи; но здѣсь онъ аристократъ не до конца—не до конца ни народенъ ни благороденъ; здѣсь онъ еще слишкомъ «баринъ», «барченокъ» — полу-«князь», полу-«купчишка», полу-«соколъ», полу-«сычъ», Иванъ-Царевичъ и Гришка Отрепьевъ, самодержецъ и самозванецъ—вмѣстѣ.

— «О, будьте поглупѣе, Ставрогинъ! — совѣтуетъ ему Петръ Верховенскій и прибавляетъ многозначительно: *„знаете, вы вовсе, вѣдь, не такъ и умны, чтобы вамъ этого желать“*. Будьте поглупѣе, это значитъ — будьте попроще, менѣе умны, болѣе мудры, слѣдовательно, и болѣе просты. У него огромный, но все еще «человѣческій, слишкомъ человѣческій» умъ, а не «змѣиная мудрость», которая одна лишь можетъ соединиться съ «простотою голубиною». Что такое мудрость? Это умъ, сознаніе, дошедшіе до своего конца, до своихъ безсознательныхъ предѣловъ. Вотъ до этихъ-то предѣловъ умъ Ставрогина и не доходитъ. Онъ слишкомъ уменъ для того низшаго дѣйствія, которое предлагаетъ ему Верховенскій; но не достаточно уменъ, потому что все-таки уменъ не до конца, не мудръ — для своего собственнаго высшаго дѣйствія, для принятія послѣдняго «бремени».

— «Я думалъ, вы сами ищете бремени, говоритъ ему Кирилловъ.

— Почему всѣ ждутъ отъ меня, чего отъ другихъ не ждутъ? Къ чему мнѣ переносить то, чего никто не переноситъ, и напрашиваться на бремена, которыхъ никто не можетъ снести», — возмущается гордое, но не послѣднею, не смиренною гордостью, сознаніе Ставрогина.

— *„Не знаете, чего ищете“*, — возражаетъ ему Кирилловъ.

Ставрогинъ ищетъ «послѣдняго бремени», послѣдней муки раздвоенія, потому что онъ, по слову Достоевскаго, «безсознательно знаетъ», что только за этимъ бременемъ—

послѣднее освобожденіе, только за этою мукою — послѣднее соединеніе. Но онъ все-таки не знаетъ, не сознаетъ, чего ищетъ, и потому, когда начинаетъ находить, то пугается и думаетъ, что нашелъ то, чего не искалъ. «Совпаденіе красоты, одинаковость наслажденія» находитъ онъ въ обоихъ полюсахъ. Это совпаденіе кажется ему соблазномъ и кощунствомъ, убійственнымъ для религіи. Но, если бы онъ не отступалъ, если бы довелъ поиски сознанія своего до конца — принялъ послѣднее бремя и муку этого страшнаго совпаденія,—то увидѣлъ бы, что оно ему кажется соблазнительнымъ и кощунственнымъ потому, что и здѣсь все еще не конецъ, а только начало или середина конца, что и здѣсь все еще не живое соединеніе, а только мертвое механическое сближеніе, смѣшеніе двухъ полярныхъ силъ:

То „да“ и „нѣтъ“ не слиты,
Не слиты — сплетены.

«Я все такъ же, какъ и всегда прежде, могу пожелать сдѣлать доброе, и ощущаю отъ того удовольствіе; рядомъ желаю и злого, и тоже чувствую удовольствіе. Но и то и другое чувство, попрежнему, всегда слишкомъ мелко, а очень никогда не бываетъ. *Мои желанія слишкомъ не сильны, руководить не могутъ*“. Вѣрнѣе было бы сказать, что не самыя желанія, не безсознательная сила ихъ, а сознаніе того, чего онъ желаетъ, чего онъ ищетъ,—въ немъ «слишкомъ не сильно», не окончательно, слишкомъ робко и серединно, а потому и «руководить не можетъ».—«Изъ меня вылилось одно отрицаніе, безъ всякаго великодушія и безо всякой силы. Даже отрицанія не вылилось. Все всегда мелко и вяло». Кажется, и здѣсь, какъ всегда, во всемъ, Ставрогинъ искренен, но искренен не до конца. Вотъ тайный ходъ его мысли: сила моя безпредѣльна, и если бы въ мірѣ было то, чего стоитъ желать, то я бы пожелалъ безпредѣльно; но такъ какъ желанія мои вялы, и безсильны, — значитъ въ мірѣ вообще нѣтъ предмета, достойнаго желаній безпредѣльныхъ. Онъ какъ будто обвиняетъ себя, а на самомъ дѣлѣ оправдываетъ. Но это оправ-

даніе ложное; истина какъ разъ въ обратномъ ходѣ мыслей: ему кажется, что въ мірѣ нѣтъ предмета, достойнаго безпредѣльныхъ желаній, — именно потому, что сами эти желанія или опять-таки, вѣрнѣе, сознаніе того, чего онъ желаетъ, чего онъ ищетъ, въ немъ слишкомъ слабо и мелко. Онъ гибнетъ не потому, что ищетъ невѣрнаго, и не потому, что нельзя вообще найти того, чего онъ ищетъ, а только потому, что онъ самъ не сознаетъ, *„не знаетъ, чего ищетъ“*.

— «О, вы не бродите съ краю, а смѣло летите внизъ головой», — говоритъ ему Шатовъ. И это вѣрно только отчасти. Въ своихъ безсознательныхъ поискахъ послѣдняго соединенія Ставрогинъ иногда дѣйствительно «летитъ внизъ головой». Но въ своемъ религіозномъ сознаніи онъ именно только «бродитъ», блуждаетъ, блудитъ «съ краю». Если бы онъ бросился внизъ головой, то спасся бы, почувствовалъ, что у него уже есть крылья—и перелетѣлъ бы черезъ бездну.

„На свѣтѣ ничего не кончается“,—говоритъ самъ Ставрогинъ. Вотъ главная ошибка, отъ которой онъ гибнетъ: не на свѣтѣ вообще, а только въ немъ, опять-таки въ его сознаніи, дѣйствительно «ничего не кончается». Конецъ всего въ сознаніи человѣческомъ есть Богъ; но сознаніе Ставрогина, по существу серединное, не хочетъ своего конца, не хочетъ Бога.

— «Чтобы сдѣлать соусъ изъ зайца, надо зайца; чтобы увѣровать въ Бога, надо Бога». И здѣсь превратный, неискренній ходъ мысли: ему кажется, что вѣрить не хочетъ онъ потому, что нѣтъ Бога; въ дѣйствительности какъ разъ наоборотъ: потому-то и нѣтъ для него Бога, что не хочетъ онъ вѣрить или сознать своей вѣры.

— «Ставрогинъ, опредѣляетъ Кирилловъ на своемъ косноязычномъ, но сильномъ и точномъ языкѣ, Ставрогинъ, *когда вѣруетъ, то не вѣруетъ, что вѣруетъ, а когда не вѣруетъ, то не вѣруетъ, что не вѣруетъ*“. Другими словами, ни своей вѣры ни своего безвѣрія не доводитъ до конца.

Онъ гибнетъ не потому, что вѣритъ въ равенство до-

браго и злого начала, Бога и Чорта, а потому, что не вѣритъ или недостаточно вѣритъ и въ Бога и въ Чорта. Онъ гибнетъ не отъ великаго послѣдняго раздвоенія, а отъ малаго серединнаго соединенія въ пошлости, въ слабости. Ошибка его не въ томъ, что онъ шелъ къ единой истинѣ двумя путями; ошибка его только въ томъ, что ни того ни другого пути не прошелъ онъ до конца; если бы онъ это сдѣлалъ, то увидѣлъ бы, что два пути въ концѣ соединяются, что Богочеловѣкъ и Человѣкобогъ — одно и то же.

Его погубилъ не Тотъ, Кто казался ему великимъ Демономъ, вѣчно-противоположнымъ и равносильнымъ Богу, а кто-то третій, противоположный, но не равносильный обоимъ—тотъ, кто казался ему лишь «маленькимъ, гаденькимъ, золотушнымъ бѣсенкомъ съ насморкомъ, изъ неудавшихся», и кто въ дѣйствительности былъ самымъ послѣднимъ, самымъ страшнымъ и неодолимымъ изъ дьяволовъ, дьяволомъ слабости, пошлости, дьяволомъ всего серединнаго—не соединеннаго, а только *смѣшаннаго — смѣшного*. Ставрогинъ такъ и не узналъ его, такъ и не понялъ, что это истинный, несмотря на все свое кажущееся ничтожество, самый великій Демонъ, подлинный Антихристъ; не узналъ, не созналъ онъ его въ себѣ до конца, а потому и не преодолѣлъ. Онъ-то, этотъ «гаденькій бѣсенокъ», и былъ въ душѣ Ставрогина задерживающею, какъ тончайшее стекло задерживаетъ электричество, невидимою и непроницаемою средою между двумя полярными силами, между Богочеловѣкомъ и Человѣкобогомъ—тою серединою, которая не дала вспыхнуть соединяющей искрѣ—«неимовѣрному видѣнію».

«Великодушный Кириловъ не вынесъ идеи, и застрѣлился, заключаетъ Ставрогинъ свою предсмертную исповѣдь, но, вѣдь, я вижу, что онъ былъ великодушенъ потому, что не въ здравомъ разсудкѣ. Я никогда не могу потерять разсудокъ и никогда не могу повѣрить своей идеѣ—(точнѣе: *сознать* вѣру въ свою идею) — въ той степени, какъ онъ. Я даже заняться идеей въ той степени не могу. *Никогда, никогда я не могу застрѣлиться!* — Я знаю, что

мнѣ надо бы убить себя, смести себя съ земли, какъ подлое насѣкомое; но я боюсь самоубійства, пбо боюсь показать великодушіе. Я знаю, что будетъ еще обманъ — послѣдній обманъ въ безконечномъ ряду обмановъ. Что же пользы себя обмануть, чтобы только сыграть въ великодушіе? Негодованія и стыда во мнѣ никогда быть не можетъ — стало быть, и отчаянія».

И вотъ, однако, изъ послѣднихъ строкъ повѣствованія мы узнаемъ, что Ставрогинъ повѣсился.

Тутъ одно изъ двухъ: или онъ былъ неправъ, утверждая, что для него самоубійство, по самымъ глубокимъ свойствамъ его личности, невозможно; или ошибся Достоевскій, заставивъ его все-таки убить себя. Кажется, послѣднее вѣрнѣе. Во всякомъ случаѣ, это исходъ слишкомъ неподготовленный. «Все означало преднамѣренность и *сознаніе до послѣдней минуты.*—Наши медики, по вскрытіи трупа, совершенно и настойчиво отвергли помѣшательство». Вотъ этихъ-то послѣднихъ, самыхъ важныхъ и рѣшающихъ для Ставрогина минутъ его сознанія, мы такъ и не видимъ вовсе; такъ и не узнаемъ того послѣдняго хода мыслей и чувствъ, который привелъ его отъ невозможности къ необходимости самоубійства; а не зная этого, мы, вѣдь, въ сущности не знаемъ самаго главнаго о смерти Ставрогина, и все-таки остается неразрѣшимое сомнѣніе: могъ ли онъ дѣйствительно убить себя, не былъ ли онъ все-таки слишкомъ силенъ («сила моя безпредѣльна» — это онъ чувствуетъ до конца) для такого исхода, свойственнаго по преимуществу слабымъ и малодушнымъ? Не было ли, наконецъ, это самоубійство необходимостью не столько для Ставрогина, сколько для разсказчика «Бѣсовъ», для самого Достоевскаго?

Вообще отношеніе послѣдняго къ своему герою неровное, притягиваетъ ли его Ставрогинъ или отталкиваетъ, онъ всегда слишкомъ близокъ сердцу Достоевскаго; кажется, художникъ нѣсколько боится этого собственнаго сознанія своего; обличаетъ и казнитъ въ немъ себя самого то «раздвоеніе», которое «всегда въ немъ самомъ было». Личность героя, благодаря тому, что не совсѣмъ отдѣлилась

отъ личности художника, остается не завершенною, не со всѣхъ сторонъ видимой. Не только о смерти, но и о жизни Ставрогина мы такъ, вѣдь, и не узнаемъ, можетъ-быть, главнаго: встрѣчаемъ его уже въ пору духовнаго упадка и пораженія, о высшей трагической точкѣ его умственной жизни, объ одновременной проповѣди Богочеловѣка и Человѣкобога только слышимъ, и даже не отъ самого Ставрогина, а отъ учениковъ его, Шатова и Кириллова; но какъ зародилась эта проповѣдь въ душѣ самого «учителя», что́ онъ самъ о ней думаетъ, какъ соединялись, если не въ умѣ его, то въ сердцѣ эти двѣ столь противоположныя идеи, мы, повторяю, ничего не знаемъ. Кажется иногда, что Достоевскій не хочетъ или не смѣетъ сказать о Ставрогинѣ чего-то именно самаго главнаго. Какъ будто тѣ два противоположныя религіозныя существа, тѣ «двойники», которые слѣпо, не видя другъ друга, боролись въ Раскольниковѣ и въ князѣ Мышкинѣ,—наконецъ впервые встрѣтились въ Ставрогинѣ и заглянули другъ другу въ лицо; но самъ Достоевскій испугался этой встрѣчи, и не рѣшился прослѣдить ее до конца. Какъ будто довелъ онъ своего героя до извѣстной черты, до которой самъ дошелъ и, хотя чувствовалъ, что на этой чертѣ остановиться нельзя, что Ставрогинъ долженъ пойти дальше, все-таки покинулъ его, не пошелъ за нимъ, потому что итти дальше самому Достоевскому было слишкомъ страшно. Во что́ бы то ни стало, нужно ему было какъ-нибудь покончить со Ставрогинымъ, отдѣлаться отъ него—и вотъ не столько Ставрогинъ убиваетъ себя, сколько Достоевскій убиваетъ его. Но въ душѣ читателя, когда онъ кончаетъ книгу, остается вопросъ: хотя Ставрогинъ и не все сознаетъ,—не сознаетъ ли онъ все-таки слишкомъ многаго, чтобы такъ погибнуть,—не долженъ ли онъ спастись? Во всякомъ случаѣ, это самоубійство не кончаетъ его, да и все произведеніе остается не конченнымъ; смерть Ставрогина такой же искусственный, извнѣ прикрѣпленный, условный конецъ, какъ христіанское «воскресеніе» Раскольникова». И здѣсь, въ области сознанія, такъ же, какъ въ безсознательной стихіи князя Мышкина и Раскольникова, Достоев-

скій не только не разрѣшилъ, а напротивъ, еще больше углубилъ и обострилъ вопросъ. Смертью Ставрогина не распутывается, даже не разсѣкается, а лишь отстраняется главный узелъ трагедіи; но Достоевскій могъ отстранить этотъ гордіевъ узелъ своей собственной религіозной судьбы только на время; онъ долженъ былъ къ нему вернуться и, дѣйствительно, вернулся въ героѣ произведенія, непосредственно слѣдовавшаго за «Бѣсами», въ героѣ «Подростка»—Версиловѣ.

Д. Мережковскій.

* * *

*) «Бѣсы» написаны на тему о такъ называемомъ революціонно-нигилистическомъ движеніи, охватившемъ русское общество въ послѣреформенную эпоху. Достоевскій изображаетъ это движеніе въ уродливо-сатирическихъ чертахъ, намѣчая на фонѣ его фигуры, отражающія его съ совершенно неожиданныхъ, быть-можетъ, даже небывалыхъ сторонъ. Такою фигурою является и самъ Ставрогинъ. Онъ поставленъ Достоевскимъ въ центрѣ мѣстнаго революціоннаго броженія, хотя пріемы его мышленія, размахъ и направленіе его ума показываютъ, что въ его лицѣ Достоевскій хотѣлъ показать и, можетъ-быть, даже казнить нѣкоторое явленіе европейской культуры—человѣка, безсильнаго и ничтожнаго, при всей значительности своего ума, только потому, что онъ оторвался отъ народной почвы. Вокругъ Ставрогина кипитъ и брызжется взбаламученное море бѣсовскихъ нигилистическихъ бредней, представляющихъ собою, по мнѣнію Достоевскаго, не что иное, какъ смѣсь отечественнаго невѣжества и холопства съ разными проявленіями инороднаго атеизма. А самъ Ставрогинъ, который хотя и ушелъ изъ этого движенія, но все-таки коснулся его и даже внесъ въ него свою ленту, теперь уже глядитъ черезъ головы русскихъ нигилистовъ въ ка-

*) А. Л. Волынскій. Глава: „Гробъ повапленный“. Изъ книги: „Ѳ. М. Достоевскій“. Спб. 1906 г.

кія-то новыя перспективы. Онъ чего-то ищетъ, чего-то хочетъ, потому что онъ уменъ и сознаетъ всю ничтожность и пошлость современныхъ ему кипѣній, но ему не суждено будетъ выйти ни на какую новую дорогу, потому что у него ничего нѣтъ, кромѣ его оторваннаго отъ духа и потому безсильнаго ума. Вотъ что такое Ставрогинъ съ точки зрѣнія его умственнаго кругозора. Читателю сначала кажется, что самое главное въ Ставрогинѣ— это его аристократизмъ, временно снизошедшій, въ общеніи съ нигилистами, до ихъ демократическаго уровня и затѣмъ возвращающійся къ своимъ основнымъ началамъ. Онъ прошелъ черезъ нигилистическое движеніе, измѣрилъ его и вышелъ изъ него съ брезгливымъ презрѣніемъ къ нему. Но, на самомъ дѣлѣ, Ставрогинъ воплощаетъ собою, какъ мы уже видѣли, гораздо болѣе сложный замыселъ художника. Дѣло не въ одномъ только аристократизмѣ Ставрогина, а въ процессѣ его внутренняго развитія, которое, разъ выйдя на невѣрную дорогу, оторвавъ его отъ національной почвы, ведетъ его къ неизбѣжному разложенію всей его личности. Несмотря на свою антиевропейскую тенденцію, которая могла бы сузить и исковеркать его философски-художественную задачу, Достоевскій все-таки намѣтилъ въ лицѣ Ставрогина большое психологическое явленіе, въ то время еще совсѣмъ не обозначившееся въ русской жизни и едва обозначавшееся въ Европѣ, явленіе, получившее впослѣдствіи наименованіе декадентства. Ставрогинъ отпалъ отъ старыхъ боговъ и сталъ жертвою своего отпаденія, потому что въ процессѣ своего внутренняго разложенія не ощутилъ въ себѣ никакихъ обновительныхъ духовныхъ силъ. Старая душа, увлекая за собою всю его организацію, погибала, а духъ, сердце, все, что есть въ человѣкѣ идеальнаго, всѣ скрытыя въ немъ возможности новыхъ кристаллизацій, не дѣйствовали въ немъ. Таковъ мотивъ Достоевскаго при созданіи этого образа, и по сравненію съ этимъ мотивомъ блѣднѣетъ все то, что Достоевскій хотѣлъ отразить въ немъ изъ своей фанатической ненависти къ молодому и тоже фанатическому движенію того времени.

Что-то сатанински злое, хотя и скрытное, сквозитъ въ отношеніи Ставрогина къ нигилистической партіи. И то, что сквозитъ въ этихъ настроеніяхъ Ставрогина, представляетъ уже не художественно-психологическій интересъ, а идейно-литературный интересъ—по отношенію къ самому Достоевскому. Тутъ видна злоба, тутъ видна ярость нетерпимаго писателя, и эта злоба и ярость проходятъ черезъ весь романъ, придавая ему характеръ ужасающаго памфлета на передовую въ то время струю русскаго общества. Несмотря на то, что въ этотъ памфлетъ брошены огни и анаѳемы чуть ли ни изъ Апокалипсиса и все вмѣстѣ носитъ загадочно-мистическій характеръ, широкій и демонски-стихійный,—читатель не можетъ не чувствовать какого-то человѣческаго неистовства автора,—уже внѣ перспективъ искусства, уже внѣ обобщающей и все смягчающей художественной мысли. Ужъ такъ устроенъ человѣкъ, что ему свойственно упиваться всякою хулою, бѣшено брошенною въ какое-нибудь большое явленіе—массовое или индивидуальное, и когда Достоевскій смазываетъ одною уничтожающей краской все нигилистическое движеніе русскаго общества, читатель чувствуетъ на время какое-то странное удовольствіе, въ которомъ перемѣшаны низменное злорадство и инстинктивное исканіе чего-то новаго, высокаго, непохожаго на всегда грубую реальность. Но при анализѣ романа, съ его художественно-идейной стороны, нельзя не видѣть тѣхъ преувеличеній, того кричащаго шаржа, которые создаются злобою великаго писателя.

Итакъ, прослѣдимъ, къ какомъ видѣ представлено отношеніе Ставрогина къ нигилистамъ. Ставрогинъ отвѣчаетъ раздраженіемъ на все, что напоминаетъ ему о его прикосновенности къ этимъ людямъ. «Я не стану васъ раздражать нашимъ дѣломъ, особенно въ вашемъ теперешнемъ положеніи»,—говоритъ ему Петръ Степановичъ Верховенскій, зная по опыту, какъ непріятны Ставрогину разговоры на такую тему. Завлекая его на собраніе нигилистовъ, онъ говоритъ ему, какъ бы между прочимъ: «кстати, надо бы къ нашимъ сходить, т. е. къ нимъ, а не къ на-

нимъ, а то вы опять лыко въ строку. Да не безпокойтесь, не сейчасъ, а когда-нибудь». Это почти художественная черточка, передающая безпокойные подходы этого фанатика политическаго нигилизма къ необходимому ему для дѣла бездушному красавцу. Говоря съ нимъ по другому поводу, по поводу его романа съ Лизою, Верховенскій замѣчаетъ: «Что-жъ, и съ Богомъ, какъ въ этихъ случаяхъ говорится, дѣлу не повредитъ. Видите, я не сказалъ нашему дѣлу, вы словцо наше не любите». Ставрогинъ, дѣйствительно, не любитъ этого дѣла, и Верховенскій, зная его холодную, злодѣйскую натуру и его умственную остроту, которая можетъ каждую минуту обратиться противъ него самого и противъ всего движенія, блюдетъ съ нимъ величайшую осторожность и только издали намекаетъ ему, что онъ все-таки связанъ съ движеніемъ, и уже не имѣетъ права свободно располагать своею жизнью. Ставрогинъ и внѣ ярма — умственно, но и въ ярмѣ, потому что — случайно, небрежно, мимоходомъ — онъ бросилъ въ это движеніе свои ставрогинскіе ферменты, и эти ферменты уже забродили среди мелкихъ бѣсовъ провинціальной революціи. «Вы спрашиваете, — говоритъ онъ Шатову, — какъ могъ я затереться въ такую трущобу? Видите, въ строгомъ смыслѣ я къ этому обществу совсѣмъ не принадлежу, не принадлежалъ и прежде, и гораздо болѣе васъ имѣю права ихъ оставить, потому что и не поступалъ. Напротивъ, съ самаго начала заявилъ, что я имъ не товарищъ, а если и помогалъ случайно, то только такъ, какъ праздный человѣкъ. Я отчасти участвовалъ въ переорганизаціи общества по новому плану, и только». Изъ этого явствуетъ, что Ставрогинъ все-таки принадлежитъ къ этому обществу, что онъ связалъ себя съ нимъ, хотя и презираетъ его и даже называетъ всѣхъ его членовъ «дураками» и «сволочью». Это очень характерный для Ставрогина способъ отношенія къ людямъ: при его умственномъ высокомѣріи и аристократической брезгливости, онъ все-таки шатается по разнымъ «трущобамъ».

Онъ шляется по этимъ «трущобамъ», возится съ этой «сволочью» и тутъ же, быть можетъ, не совсѣмъ отче-

тливо для собственнаго сознанія, поджигаетъ нѣкоторыхъ людей чуть ли не къ доносу на тайное общество, а иногда съ чисто злодѣйскимъ сладострастіемъ намѣчаетъ для этого общества нѣкоторые организаціонные планы, которые, впрочемъ, уже родились и въ бѣсовской фантазіи Петра Верховенскаго. Все двоится у него въ сознаніи, потому что это вообще человѣкъ разсудочно-логическихъ процессовъ, которые, по самой своей природѣ, распадаются на какія-то противоположенія, на какія-то отрицающія другъ друга антитезы. Въ противоположность духу, который все объемлетъ и единитъ, умъ человѣческій все разбиваетъ и разлагаетъ и, оторванный отъ духа, съ его идеально творческими построеніями и интуитивными догадками, не можетъ дать никакого синтеза. Вотъ почему Ставрогинъ даетъ одновременно толчокъ развитію такихъ двухъ противоположныхъ натуръ, какъ Шатовъ и Кирилловъ, и вотъ почему его отношеніе къ мѣстной нигилистической эпопеѣ тоже носитъ такой каверзно двойственный характеръ. Разговаривая съ Лебядкинымъ, онъ какъ бы упреждаетъ его намѣренія и осторожно, издалека, подталкиваетъ его къ доносу. «Если у васъ была мысль,—говоритъ онъ ему,—то держали бы про себя: нынче умные люди молчатъ, а не разговариваютъ». Онъ совѣтуетъ пьяному Лебядкину не разбалтывать своихъ каверзныхъ намѣреній передъ такими невѣрными людьми, какъ Липутинъ, и этимъ хитроумно подчеркиваетъ цѣнность самого намѣренія. Въ словахъ Ставрогина видится и чувствуется ложъ настоящаго предателя, и чувствуется при этомъ, что самъ Достоевскій, въ своей слѣпой ненависти къ русской революціи, почти смакуетъ идею предательства, хотя и знаетъ всю ея низость. Цѣлые вихри страстей бушуютъ въ душѣ художника. Лебядкинъ постигаетъ настроеніе Ставрогина, этого человѣка, живущаго «для зла людямъ». «Мошенникъ! мнѣ только приснилось,—думаетъ онъ про себя,—а ужъ онъ и самъ отгадалъ. Точно самъ подталкиваетъ ѣхать. Тутъ двѣ штуки, навѣрно, одна аль другая: или опять-таки самъ боится, потому что накуралесилъ, или... или ничего не боится самъ, а только подталкиваетъ, чтобъ

я на нихъ всѣхъ донесъ!» Конечно, холодная, злодѣйская натура Ставрогина ничего не боится, — онъ именно подталкиваетъ Лебядкина погубить нигилистическую «трущобу», всю эту «сволочь», всѣхъ этихъ «дураковъ». Дальше, разговаривая съ Петромъ Верховенскимъ и какъ бы обороняя отъ его злодѣйскихъ замысловъ Шатова, онъ опять-таки предвосхищаетъ и сладострастно подчеркиваетъ злодѣйскій планъ Верховенскаго относительно убійства Шатова. «Вы вотъ высчитываете по пальцамъ, — говоритъ онъ ему, — изъ какихъ силъ кружки составляются. Все это чиновничество и сентиментальность. Все это клейстеръ хорошій, но есть одна штука еще получше: подговорите четырехъ членовъ кружка укокошить пятаго, подъ видомъ того, что тотъ донесетъ и тотчасъ же вы ихъ всѣхъ пролитою кровью, какъ однимъ узломъ, свяжете. Рабами вашими станутъ, не посмѣютъ бунтовать и отчетовъ спрашивать. Ха, ха, ха!» Онъ начинаетъ оборонять Шатова, говоритъ даже: «я вамъ Шатова не уступлю», и тутъ же вовлекается въ планъ Верховенскаго и, со всею дерзостью своего сатанинскаго ума, развертываетъ все значеніе этой кровавой «мази» и, такимъ образомъ, содѣйствуетъ погибели Шатова. При разговорѣ объ этомъ у него «сверкаютъ глаза». Злоба его тоже раздвоется. Быть можетъ, въ эту минуту въ душѣ его отзывается ударъ Шатова кулакомъ по его лицу, и по этой душѣ бѣжитъ какая-то холодная судорога. Онъ предупреждалъ Шатова объ угрожающей ему опасности, какъ-будто заступался за него передъ Верховенскимъ, но на дѣлѣ не шевельнулъ для него пальцемъ. Напротивъ, именно въ этихъ разговорахъ своихъ съ Верховенскимъ, столь малословныхъ съ его стороны, Ставрогинъ выростаетъ во весь свой злодѣйскій ростъ. Это истинный великанъ преступности, безпощадно умный, безпощадно злой. «Ставрогинъ, вы красавецъ,— кричитъ ему Верховенскій,—знаете ли вы, что вы красавецъ! Въ васъ всего дороже то, что вы иногда про это не знаете. О, я васъ изучилъ! Я на васъ часто сбоку изъ-за угла гляжу! Въ васъ даже есть простодушіе и наивность, знаете ли вы это? Еще есть, есть! Вы, должно быть, стра-

даете и страдаете искренно отъ этого простодушія». Тутъ устами вѣчно взбудораженнаго энтузіаста Верховенскаго на Ставрогина брошенъ взглядъ съ большой высоты. Умный, раздвоенный, но при этомъ всегда замкнутый, всегда занятый только собою и, такъ сказать, не глядящій въ жизнь внимательными и проницательными глазами, почти теоретикъ, почти галлюцинантъ своихъ отвлеченныхъ логическихъ построеній, Ставрогинъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ показаться простодушнымъ. Его жизнь, на взглядъ всякаго практика, какого бы то ни было типа, на взглядъ человѣка, который смотритъ на него «изъ угла», съ предвзятыми планами, является безцѣльною и близорукою. Это художественно мѣткая по отношенію къ Ставрогину черта, которая на одну минуту дѣлаетъ его немножко жалкимъ и даже симпатичнымъ, хотя за нею скрывается полное отрицаніе Достоевскаго даже по отношенію къ его сатанинству. «Вы мой идолъ,—продолжаетъ изливаться передъ нимъ Верховенскій. — Вы никого не оскорбляете, и васъ всѣ ненавидятъ. Вы смотрите всѣмъ ровней, и васъ всѣ боятся. Это хорошо. Къ вамъ никто не подойдетъ васъ потрепать по плечу. Вы ужасный аристократъ. Аристократъ, когда идетъ въ демократію, обаятеленъ! Вамъ ничего не значитъ пожертвовать жизнью и своею и чужою. Вы именно таковъ, какого надо. Мнѣ, мнѣ именно такого надо, какъ вы. Я никого, кромѣ васъ, не знаю. Вы предводитель, вы солнце, а я вашъ червякъ». Сколько тутъ злобы въ сторону демократической толпы нигилистовъ, надъ которыми энтузіастъ Верховенскій возноситъ Ставрогина, какъ чудо аристократизма, и сколько тутъ брошено фантастическаго свѣта въ сторону Верховенскаго. Тутъ искусство Достоевскаго переходитъ въ чистѣйшую символику, поистинѣ апокалипсическаго характера. Передъ нами оба звѣря изъ XIII главы Апокалипсиса—звѣрь изъ бездны и звѣрь изъ земли, царь злобы и его пророкъ, — вдохновенный, невинный, безкорыстный, съ агнчьими рогами. Звѣрь изъ бездны, царь злобы—это красавецъ Ставрогинъ, «свѣтъ» и «солнце». Звѣрь изъ земли, неправедный агнецъ Апокалипсиса—это Верховенскій. Нѣтъ никакого сомнѣнія,

какъ это и будетъ видно изъ дальнѣйшаго, что при созданіи обѣихъ этихъ фигуръ Достоевскій находился подъ сильнымъ вліяніемъ символической поэзіи Іоанна Богослова, съ ея іудейскими громами и молніями ярости, брошенными въ блудный, преступный и революціонно-бушующій земной Вавилонъ. Это отзвукъ Апокалипсиса въ анаѳемствующей душѣ Достоевскаго, которому вся молодая, бунтующая Россія тоже вдругъ представилась какимъ-то презрѣнно-грѣшнымъ Вавилономъ, достойнымъ самой жестокой погибели. Вотъ откуда течетъ та лава сладострастной ненависти, которая разлита по всему роману. Вотъ почему крупнѣйшія фигуры этого произведенія — Ставрогинъ и Шатовъ — находятся на полшага отъ подлаго доноса: тутъ кричитъ все неистовство Достоевскаго, тутъ весь этотъ геніальный человѣкъ въ одной фанатически темной судорогѣ, въ которой, можетъ-быть, особенно ужасно то, что обновительные громы Апокалипсиса превратились здѣсь въ эпилептическій бредъ подъ удушающимъ византійскимъ гипнозомъ. О, какія это безпримѣрно поучительныя страницы не только въ русской, но и во всемірной литературѣ! Какая странная преемственность идей, великихъ и сильныхъ на своей почвѣ, но идущихъ на ущербъ, фатально искажающихся въ другихъ организмахъ, подъ чуждымъ имъ небомъ! Все отношеніе Ставрогина къ революціоннымъ бурямъ какъ нельзя лучше отражаетъ настроеніе Достоевскаго въ этомъ большомъ идейномъ и историческомъ вопросѣ. Верховенскій все завлекаетъ его въ свои планы, а онъ подливаетъ огонь въ его душу, хотя самъ онъ никогда не сольется съ нимъ въ своихъ настроеніяхъ. Онъ презираетъ восторженнаго Верховенскаго, Верховенскій кажется ему иногда — даже въ тѣ минуты, когда онъ могъ бы продать свою жизнь за ничто — какимъ-то глупцомъ, какимъ-то шутомъ. «Если бы вы не такой шутъ, — говоритъ онъ ему послѣ несчастной ночи съ Лизою, — я бы, можетъ, и сказалъ теперь: да... Если бы только хоть каплю умнѣе».

Вотъ въ какихъ чертахъ обрисовывается отношеніе Ставрогина къ нигилизму. Нигилизмъ никогда не былъ для

него сколько-нибудь захватывающей идеей. Онъ касался этого движенія, бросилъ ему нѣсколько своихъ ослѣпительныхъ мыслей, временно, такъ сказать, становился на точку зрѣнія нигилистическихъ интересовъ—и только. Прямого отношенія къ этому дѣлу онъ не имѣлъ. Въ чемъ же, спрашивается, заключается собственная идейная жизнь Ставрогина въ прошломъ и въ настоящемъ? Для разрѣшенія этого вопроса, чтобы открыть тѣ послѣдніе умственные фонды, которыми онъ живетъ, приходится итти путемъ логическихъ исключеній. Былъ моментъ въ его жизни, два года тому назадъ, когда онъ вынулъ изъ своего ума двѣ изумительно яркія концепціи. Въ душу Шатова онъ забросилъ мысль объ отношеніи народности къ Богу и объ особенномъ, богоносномъ характерѣ русскаго народа. «Нашего разговора совсѣмъ и не было, — кричитъ ему Шатовъ:—былъ учитель, вѣщавшій огромныя слова, и былъ ученикъ, воскресшій изъ мертвыхъ. Я былъ ученикъ, а вы учитель». Съ тѣхъ поръ Шатовъ весь вошелъ въ эту идею, развернулъ ее для себя со всѣхъ сторонъ, а самъ Ставрогинъ уже отбросилъ ее и идетъ къ какимъ-то другимъ идейнымъ построеніямъ. И вотъ что особенно характерно для Ставрогина: въ то самое время, «даже, можетъ-быть, въ тѣ же самые дни», когда онъ «насаждалъ» въ Шатовѣ «Бога и родину», онъ «отравилъ» сердце Кириллова совершенно противоположною идеею. Его душу онъ околдовалъ чарами какой-то небывалой фантазіи, основанной на отрицаніи Бога и странными путями все-таки ведущей къ спасительнымъ истинамъ самой чистой, самой безкорыстной, самой вдохновенной религіи. Передъ нимъ онъ открылъ идею человѣкобога. Нельзя почти повѣрить, что за много лѣтъ до того, какъ въ міровой литературѣ всплеснулась могучая ницшеанская волна, можно было съ такою научною ясностью оформить именно то, что составляетъ основу ницшевскаго міровоззрѣнія, и дать этой идеѣ силу, кровь и тотъ благородный полетъ, который поражаетъ въ самомъ Ницше и котораго часто нѣтъ у ницшеанцевъ. Вотъ когда Достоевскій взошелъ на вершину своей эпохи и увидѣлъ съ ея высоты необъятныя перспективы будущаго. Эти двѣ

изумительныя концепціи — шатовскую и кирилловскую — Ставрогинъ создалъ въ одно и то же время, и это было тѣмъ раздвоеніемъ его ума, изъ котораго онъ уже не смогъ сдѣлать никакого плодотворнаго синтеза, и вышелъ на совсѣмъ пустынную дорогу. Теперь онъ смотритъ на Кириллова съ «брезгливымъ сожалѣніемъ», хотя въ душѣ Кириллова заброшенная имъ мысль расцвѣла самымъ пышнымъ и соблазнительнымъ цвѣтомъ. «Вспомните, что вы значили въ моей жизни»,—говоритъ ему Кирилловъ. Но Ставрогинъ, сознавая всю духовную прелесть этого маніака, относится къ нему безъ какого-либо теплаго чувства. Кирилловъ даже не оживляетъ и не воскрешаетъ въ немъ его прежнихъ мыслей, какъ это дѣлаетъ Шатовъ. Дикій бредъ Шатова все-таки волнуетъ Ставрогина, и, хотя онъ совсѣмъ не любитъ его, онъ все-таки нѣсколько смущается отъ его словъ, которыя бередятъ въ немъ глубокія раны. Онъ даже готовъ признать, что теперешнія мысли Шатова были его собственными мыслями и были въ немъ даже еще «самовластнѣе», еще «исключительнѣе», чѣмъ теперь въ пламенномъ Шатовѣ. Но и отъ Шатова онъ уже далекъ, потому что онъ ищетъ иного, космополитическаго пути для своихъ умственныхъ построеній. «Вы, вы одни могли бы поднять это знамя!»—кричитъ ему Шатовъ, подразумѣвая знамя русской народности и православнаго Бога. Но Ставрогинъ, облюбовавшій эту русскую и православную идею именно за-границей, какъ бы по контрасту съ иными народными и вѣроисповѣдными откровеніями, теперь уже нашелъ путь для отрицанія ея, уже не вѣритъ въ будущее русскаго народа и, будучи убѣжденнымъ атеистомъ, говоритъ, что Шатовъ низводитъ Бога «до простого аттрибута народности». Тутъ сказывается вся великая эквилибристика безпочвеннаго ставрогинскаго ума, и тутъ же скрыта безпощадная критика Достоевскаго на своего героя.

Въ романѣ разсыпано множество мелкихъ черточекъ, рисующихъ отношеніе Ставрогина къ Россіи и русскому народу. Одна изъ этихъ черточекъ дана на первыхъ же страницахъ «Бѣсовъ». Говоря съ Липутинымъ, мелкимъ мѣстнымъ чиновникомъ, прикосновеннымъ къ нигилизму, и

извиняясь передъ нимъ за экстравагантную обиду, нанесенную его женѣ, Ставрогинъ случайно роняетъ слово о дуэли. Онъ знаетъ, что Липутинъ не признаетъ дуэли, и, дѣйствительно, Липутинъ тутъ же называетъ ее «переводомъ съ французскаго». «Народности придерживаетесь?» — спрашиваетъ его Ставрогинъ, и въ этомъ вопросѣ слышится презрительная иронія по отношенію къ простоватой русской народности. Въ томъ же разговорѣ съ Липутинымъ брошена и другая юмористическая деталь: Липутинъ читаетъ книги фурьеристскаго направленія, и Ставрогинъ часто потомъ вспоминалъ эту «подленькую фигурку губернскаго чиновника, ревнивца и семейнаго грубаго деспота, скряги и процентщика, и въ то же время яростнаго сектатора Богъ знаетъ какой будущей гармоніи». Прошедшій западно-европейскую школу, Ставрогинъ презираетъ маленькихъ русскихъ людей, но особенно презираетъ ихъ тогда, когда они являются носителями разныхъ западно-европейскихъ идей и соціально-политическихъ фантазій. На русской почвѣ все это для него окончательно комично. Для себя онъ, конечно, умѣетъ кое-что находить въ Европѣ. Въ одномъ мѣстѣ мелькомъ указывается, что Ставрогинъ читаетъ Бальзака. Кстати сказать, Достоевскій самъ перевелъ одну изъ лучшихъ вещей Бальзака, «Эжени Гранде», и переводъ этотъ представляетъ собою любопытное соединеніе двухъ стилей — стремительно-психологическаго стиля Бальзака и духовно-юродствующаго стиля Достоевскаго. Видно, что Достоевскій самъ какъ бы прикоснулся къ душѣ Бальзака, и въ высшей степени характеренъ этотъ летучій штрихъ — интересъ Ставрогина къ Бальзаку. Аристократическій Ставрогинъ, такъ сказать, разрѣшаетъ себѣ то, что въ другомъ показалось бы ему смѣшнымъ: если бы Бальзака сталъ читать какой-нибудь Липутинъ или Виргинскій, онъ навѣрное отнесся бы къ этому съ обычнымъ своимъ брезгливымъ презрѣніемъ. На русской почвѣ все для него и презрѣнно и мелко. Когда Верховенскій говоритъ ему, что есть русскіе рабочіе, имѣющіе понятіе объ Интернаціоналѣ, онъ молча улыбается. Отъ народническаго момента его мыслей у него осталось

только убѣжденіе, представляющее собою какую-то пародію на народническія убѣжденія самого Достоевскаго, столь «исключительныя», столь «самовластныя»,—убѣжденіе въ томъ, что великодушныя утопіи Запада для Россіи совсѣмъ не годятся. Онъ безповоротно оторванъ отъ народной стихіи. «Въ Россіи я ничѣмъ не связанъ,—говоритъ Ставрогинъ въ своемъ письмѣ къ Дашѣ,—въ ней мнѣ все такъ же чужое, какъ и вездѣ. Правда, я въ ней болѣе, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, не любилъ жить, но даже и въ ней не могъ ничего возненавидѣть». Эту-то оторванность отъ Россіи, эту-то національную безпочвенность Ставрогина Достоевскій очевидно и считаетъ причиною его паденія и погибели. Это сухой листъ, оторванный и унесенный вѣтромъ отъ благодатнаго дерева православной русской народности, и сколько бы онъ ни носился по Европѣ, на какія бы высоты ни взлеталъ, онъ можетъ только все болѣе и болѣе сохнуть. «Прочь, баричъ!» — говоритъ ему Шатовъ. «Вы атеистъ,—изступленно кричитъ онъ ему въ томъ же разговорѣ,—потому что вы баричъ, послѣдній баричъ. Вы потеряли различіе зла и добра, потому что перестали свой народъ узнавать». Онъ совѣтуетъ ему «добыть Бога» трудомъ, мужицкимъ трудомъ, и слова Шатова — новая для него постановка вопроса о религіозно-обновительномъ значеніи труда—производятъ на него неожиданное, хотя и безрезультатное впечатлѣніе. Въ этихъ словахъ Шатова звучитъ вся безпощадная ненависть самого Достоевскаго къ Ставрогинскому типу. Художникъ безжалостно караетъ своего героя за его оторванность отъ почвы, почти издѣвается надъ нимъ за это, говоря о немъ въ строкахъ, предпосланныхъ его послѣднему письму къ Дашѣ: «Вотъ это письмо слово въ слово, безъ исправленія малѣйшей ошибки въ слогѣ русскаго барича, не совсѣмъ доучившагося русской грамотѣ, несмотря на всю европейскую образованность». Въ словахъ этихъ чувствуется все презрѣніе, которое питаетъ къ Ставрогину художникъ.

Письмо это, въ самомъ дѣлѣ, производитъ отвратительное впечатлѣніе. Фразы короткія, безсвязныя и при томъ тусклыя, въ общемъ похожія на плохой переводъ съ ино-

страннаго языка. Это итогъ всей жизни Ставрогина, въ которой духъ русской народности былъ вытѣсненъ европеизмомъ — не только вытѣсненъ, но и вырванъ съ корнемъ. Душа Ставрогина напоминаетъ пустошь на мѣстѣ выкорчеваннаго лѣса: она вся въ рытвинахъ и ямахъ, вся раздергана и изорвана въ клочья. Сообщая Дашѣ, что онъ, «подобно Герцену», записался въ граждане кантона Ури и даже купилъ тамъ кусокъ земли, онъ пишетъ такъ: «Мѣсто очень скучно, ущелье; горы тѣснятъ зрѣніе и мысль. Очень мрачное. Я потому, что продавался маленькій домъ». Вотъ какъ выражаетъ свои мысли Ставрогинъ: отрывисто, нескладно, опуская, можетъ-быть, безсознательно для себя, цѣлыя логическія звенья. Это явленіе извѣстно всякому разсѣянному или же болѣзненно настроенному человѣку, въ полосу наибольшаго психическаго утомленія, когда при передачѣ своихъ мыслей на бумагѣ онъ начинаетъ пропускать слова и буквы, сливать между собою начала и концы смежныхъ словъ. Таково и ставрогинское письмо. Оно написано въ минуту его послѣдняго психическаго упадка, такъ сказать, безъ всякаго цѣльнаго настроенія, внѣ всякой духовности, которая могла бы спаять клочки его мыслей и разсужденій въ компактное единство. Но кромѣ того стиль Ставрогина, какъ выраженіе его оторванной отъ народа души, грубо неправиленъ и, можно сказать, деретъ по нервамъ. «Вы когда-то захотѣли ко мнѣ въ сидѣлки,— пишетъ онъ Дашѣ,—и взяли обѣщаніе прислать за вами, когда будетъ надо. Я ѣду черезъ два дня и не ворочусь. Хотите со мной?» Это не стиль русскаго человѣка, брызжущій соками молодого почвеннаго языка, и какъ-будто даже не стиль самого Ставрогина, потому что, никогда не теряя своего разсудка, своей логики, Ставрогинъ долженъ былъ бы писать изящно, гладко и корректно. Но онъ и не чистый европеецъ, а, по замыслу Достоевскаго, только изломанный европейской культурою русскій баричъ, нѣкоторая злая пародія на европействующую Россію, и вотъ почему слогъ его письма не имѣетъ ни русской сочности ни европейскаго лоска. При чисто умственной геніальности Ставрогина, это что-то совсѣмъ бездарное, безцвѣтное, упа-

дочное въ худшемъ смыслѣ слова. Ни крови, ни вибраціи жизни, ни пульса въ немъ не слышно. Говоря о своемъ безсиліи въ добрѣ и злѣ, онъ пишетъ такъ: «Я все такъ же, какъ и всегда, прежде могу пожелать сдѣлать доброе дѣло и ощущаю отъ того удовольствіе; рядомъ желаю и злого, и тоже чувствую удовольствіе. Но и то и другое чувство, по прежнему, всегда слишкомъ мелко, а очень никогда не бываетъ. Мои желанія слишкомъ не сильны; руководить не могутъ». Отъ такой рѣчи въ русскомъ романѣ становится почти жутко. И этой полу-художественною, полу-карикатурною чертою Достоевскій окончательно обезображиваетъ своего героя, и великанъ Ставрогинъ оказывается въ концѣ произведенія разбитымъ въ дребезги. Онъ не умѣетъ писать, потому что не умѣетъ чувствовать—ни такъ, какъ чувствуютъ простые, непосредственные люди, ни такъ, какъ чувствуютъ люди его умственнаго роста, не отрѣшенные въ своихъ настроеніяхъ отъ духа или отъ оплодотворяющихъ правдъ народной стихіи. Но иногда Ставрогинъ и говоритъ такъ же отрывисто, неправильно, такъ же не по-русски, какъ и пишетъ. И это бываетъ именно тогда, когда онъ—по намѣренію Достоевскаго—выражаетъ анти-русскія, демоническія мысли. Вотъ какъ выражается онъ, между прочимъ, въ разговорѣ съ Кирилловымъ: «Я, конечно, понимаю, застрѣлиться,—я иногда самъ представлялъ, и тутъ всегда какая-то новая мысль: если бы сдѣлать злодѣйство, или, главное, стыдъ, т. е. позоръ, только очень подлый и... смѣшной, такъ что запомнятъ люди на тысячу лѣтъ и плевать будутъ тысячу лѣтъ, и вдругъ мысль: одинъ ударъ въ високъ, и ничего не будетъ». Это бредъ безграмотнаго каторжника, въ душу котораго заброшена извнѣ какая-то сатанинская мысль, и если что-нибудь тутъ еще звучитъ естественною мощью, то это только отголосокъ сатанизма самого Достоевскаго.

Теперь, по исключеніи всего того, что въ настоящее время уже не составляетъ предмета умственныхъ волненій Ставрогина, соберемъ тѣ матеріалы, на основаніи которыхъ можно было бы построить гипотезу объ идеяхъ, дѣйствительно его занимающихъ. Этихъ матеріаловъ не особенно

много, но при подробномъ изученіи романа они начинаютъ пріобрѣтать большую и большую рельефность. Такъ, прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе столь подчеркнутое въ романѣ обстоятельство, что Ставрогинъ не мститъ Шатову за нанесенное ему оскорбленіе. Поведеніе его въ этомъ дѣлѣ было для всѣхъ большою неожиданностью, потому что, если бы онъ былъ вѣренъ своей натурѣ и своимъ прежнимъ мыслямъ, онъ мгновенно отвѣтилъ бы на ударъ Шатова убійственнымъ ударомъ. «Я перемѣнилъ объ васъ мысли въ ту минуту, — говоритъ ему Петръ Верховенскій,—какъ вы послѣ Шатова взяли руки назадъ». Очевидно, что отъ проницательнаго Верховенскаго не ускользнула та «новая мысль», которая теперь свѣтится въ глазахъ Ставрогина. Онъ теперь не можетъ убивать людей, поскольку у него есть самообладаніе, ибо имъ овладѣла мысль, враждующая со всякимъ насиліемъ надъ человѣкомъ. «Я выстрѣлилъ вверхъ,—говоритъ онъ во время дуэли съ Гагановымъ,—потому что не хочу болѣе никого убивать,—васъ ли, другого ли, лично до васъ не касается». Для того, чтобы обуздать столь ярко выраженныя преступныя склонности Ставрогина и связать всю его натуру, нужна была несомнѣнно большая логическая концепція, плѣнительная въ самомъ своемъ построеніи. Зная умственную даровитость Ставрогина, окружающіе не могли не понять, что занимающая его мысль, въ самомъ дѣлѣ, очень значительна. «Развѣ я не вижу по лицу вашему,—говоритъ ему Шатовъ, — что васъ боретъ какая-то новая грозная мысль». Лиза тоже говоритъ ему со словъ Верховенскаго: «васъ колеблетъ великая мысль, передъ которой мы оба съ нимъ совершенно ничто». Въ чемъ же именно заключается эта великая, грозная мысль, объявшая умъ Ставрогина? По приведеннымъ даннымъ видно, что мысль эта имѣетъ прямое отношеніе къ вопросамъ нравственнаго характера, но въ сознаніи Ставрогина она непрерывно должна была окраситься въ какіе-то новые цвѣта. Онъ окончательно вышелъ изъ нигилистическаго движенія—значитъ, мысль его не можетъ имѣть наивно-утилитарнаго характера, съ элементами соціально-революціонной фантастики.

Онъ навсегда покончилъ съ мессіанскими утопіями на почвѣ народности и православія—значитъ, его идея имѣетъ космополитическую окраску. Наконецъ, онъ перешагнулъ черезъ собственную идею человѣкобога и разошелся съ Кирилловымъ, у котораго она развернулась во что-то грандіозное и мистически-великолѣпное,—значитъ, мысль Ставрогина имѣетъ раціоналистическій характеръ. Это широкая схема, почти безформенная, почти лишенная конкретнаго содержанія, въ которой, однако, отдѣльныя черты напоминаютъ тенденціи Ивана Карамазова. Ставрогинъ прозаиченъ по сравненію съ Иваномъ Карамазовымъ, но, почти въ ущербъ художественной цѣльности и художественному совершенству его образа, Достоевскій влагаетъ въ его уста одну реплику Кириллову, въ которой звучитъ струна изъ глубокихъ нравственныхъ настроеній Карамазова. Кирилловъ развиваетъ передъ нимъ идею, что человѣкъ несчастенъ только потому, что онъ не знаетъ своего счастья, что все хорошо въ этомъ мірѣ. Ставрогинъ замѣчаетъ ему: «А кто съ голоду умретъ, а кто обидитъ и обезчеститъ дѣвочку — это хорошо?» Эта реплика—зерно, изъ котораго выросло впослѣдствіи цвѣтущее дерево карамазовской философіи: мысль Ивана Карамазова о вопіющихъ неправдахъ жизни. Но въ словахъ Карамазова все рвется къ небу, а замѣчаніе, высказанное Ставрогинымъ, звучитъ вяло и флегматично.

Все у него дѣлается вяло и флегматично, потому что въ немъ нѣтъ той духовной, божеской стихіи, которая могла бы оживить его и дать ему вольную силу для всѣхъ испытаній даннаго момента. Онъ все хочетъ поднять умомъ, отрѣшеннымъ отъ божества, принципіально отвергающимъ божество, и вотъ почему жизнь его такъ трудна въ эту минуту. Онъ собирается взвалить на себя бремя, взять на себя какую-то кару,—объявить свой бракъ съ Лебядкиной, забрать съ собою за-границу Дашу,—но все это не дается ему. Все это было бы со стороны Ставрогина только насиліемъ безплоднымъ, ненужнымъ, потому что оно не могло бы возбудить въ немъ никакого благодатнаго самоощущенія и не пролило бы никакого теплаго луча въ жизнь

другихъ людей. Безъ Бога, безъ обновленія посредствомъ духовной стихіи, нельзя по новому подойти ни къ себѣ ни къ людямъ. «Вы не сильный человѣкъ», — говоритъ Ставрогину Кирилловъ. «Если мнѣ легко бремя, потому что отъ природы, то, можетъ-быть, вамъ труднѣе, потому что такая природа»,—говоритъ онъ ему въ томъ же разговорѣ. Очарованный собственными идеями и всецѣло погруженный въ свои настроенія, Кирилловъ все-таки ясно видитъ, что этотъ атеистъ, умѣющій говорить, какъ человѣкъ вѣры, что этотъ великанъ, способный иногда задержать самые дикіе свои рефлексы, жалокъ и малъ и, въ главномъ дѣлѣ жизни, слабъ, какъ ребенокъ, потому что онъ хотѣлъ бы великую задачу человѣческаго существованія разрѣшить мелкими силами разсудочной логики, оторванной отъ внутреннихъ мистическихъ основъ человѣка. Тутъ нужна великая цѣльность и гармонія всѣхъ силъ человѣческихъ, какой-то органическій синтезъ, для котораго все возможно, все доступно, все легко и радостно. Тутъ нужно то духовное опьяненіе, которое является одновременно и поэтическимъ опьяненіемъ, со всѣми его непосредственными свѣтлыми подъемами. А Ставрогинъ весь прозаиченъ, весь бездушенъ, весь въ игрѣ своей грубой плоти и при томъ непрерывно раздвоенъ въ своемъ умѣ. Его съѣдали низменныя страсти, а теперь его съѣдаетъ безплодная идея атеистической нравственности, холодная демоническая мечта — перестроить міръ безъ помощи сверхміровой силы, которая несетъ съ собою идеальные образцы всѣхъ возможныхъ историческихъ переоцѣнокъ и усовершенствованій. Всю жизнь Ставрогинъ переходилъ отъ одной схемы къ другой, отрицалъ одни логическія построенія ради другихъ,—отрицалъ безсильно и «безъ всякаго великодушія». Раздваиваясь, онъ отвергалъ окружающее и незамѣтно отвергалъ самого себя. «Ставрогинъ, если вѣруетъ,—говоритъ Кирилловъ,—то не вѣруетъ, что онъ вѣруетъ. Если же не вѣруетъ, то не вѣруетъ, что онъ не вѣруетъ». Такимъ и долженъ быть разсудокъ, предоставленный самому себѣ. Ставрогинъ не знаетъ, что будетъ думать и дѣлать черезъ минуту. «Я никогда не могу по-

терять разсудокъ, — пишетъ онъ, сравнивая себя съ Кирилловымъ, — и никогда не могу повѣрить идеѣ въ той степени, какъ онъ. Я даже заняться идеей въ той степени не могу. Никогда, никогда я не могу застрѣлиться... Я боюсь самоубійства, ибо боюсь показать великодушіе». Ставрогинъ знаетъ, что онъ «подлое насѣкомое», и въ умѣ своемъ не считаетъ себя способнымъ подняться надъ самимъ собой — выйти изъ подлаго состоянія настоящей минуты. И однако черезъ самое короткое время послѣ письма къ Дашѣ мы находимъ его повѣсившимся. Значитъ, онъ все-таки потерялъ разсудокъ, повѣрилъ въ необходимость смерти, хотя, какъ мы знаемъ, онъ обставилъ свое самоубійство отвратительными для всякаго цѣльнаго человѣка приготовленіями, чтобы облегчить себѣ смерть. Онъ раздвоенъ до послѣдняго мгновенія, онъ заботится о жизненныхъ мелочахъ, уходя изъ этой проклятой для него жизни. Это полное банкротство человѣческой личности, безъ проблеска какого-либо, хотя бы мгновеннаго, духовно-идейнаго просвѣтленія. Его жизнь была призрачна отъ начала до конца: призрачный умъ, призрачныя страсти и, несмотря на всю ея дикость, призрачная воля.

Всѣ герои романа относятся къ Ставрогину почти съ благоговѣніемъ, хотя и съ различными оттѣнками въ своихъ чувствахъ, но почти всѣ допускаютъ въ немъ какую-то ненормальность, какой-то «особенный оборотъ мыслей», «уклоненіе идей» съ обычнаго прямого пути, или попросту говоря — «нѣкоторое помѣшательство». Такъ думаютъ о немъ Кирилловъ, Лебядкинъ, Липутинъ и, быть можетъ, даже Даша. «Тончайшаго и изящнѣйшаго ума человѣкъ», — говоритъ о немъ Липутинъ Варварѣ Петровнѣ, но «характеръ» Ставрогина вызываетъ въ немъ какія-то сомнѣнія. Одинъ только Степанъ Трофимовичъ Верховенскій твердо убѣжденъ, что Ставрогинъ вполнѣ нормаленъ. «И откуда эта идея вышла, не понимаю, — говоритъ онъ. — Почему Прасковьѣ непремѣнно такъ хочется, чтобы Nicolas оказался сумасшедшимъ? Хочется этой женщинѣ, хочется!» Степанъ Трофимовичъ намекаетъ, что только заинтересованные люди, — въ данномъ случаѣ мать Лизы, — могутъ

распространять о Ставрогинѣ такіе слухи. Самъ Ставрогинъ съ проніей говоритъ о своей «здѣшней репутаціи», намекая, что со времени его бѣлой горячки многіе склонны считать его сумасшедшимъ. Но вопросъ о томъ, считаетъ ли самъ Достоевскій своего героя помѣшаннымъ или нѣтъ, какъ и вопросъ о томъ, каковъ критерій художника относительно помѣшательства, остается въ романѣ неяснымъ и даже запутаннымъ въ противорѣчивыхъ намекахъ. Въ разговорѣ съ Дашей Ставрогинъ говоритъ: «я теперь все вижу привидѣнія», — и тутъ же упоминаетъ Федьку Каторжнаго, называя его «бѣсенкомъ». Ясно, что привидѣнія—это только аллегорія въ его устахъ. Въ письмѣ его къ Дашѣ есть такая фраза: «я нездоровъ, но отъ галюсинацій надѣюсь избавиться съ тамошнимъ воздухомъ. Это физически; а нравственно вы все знаете». Здѣсь «галюсинаціи», повидимому, уже не есть аллегорія въ устахъ Ставрогина, но это единственное мѣсто въ романѣ, которое можетъ быть истолковано въ смыслѣ начинающагося у него сумасшествія, и при томъ оставленное безъ объясненій. Мало того, вопросъ о сумасшествіи Ставрогина окончательно запутывается заключительною фразою романа: «наши медики по вскрытіи трупа совершенно и настойчиво отвергли помѣшательство». Не говоря уже о научной несостоятельности этой фразы, — ибо вскрытіе не можетъ рѣшить вопроса о помѣшательствѣ, — нельзя понять, что именно хотѣлъ сказать этою фразой Достоевскій: можетъ быть, онъ имѣлъ въ виду окончательно отвергнуть навертывающуюся у читателя мысль о ненормальности Ставрогина, а, можетъ-быть, это съ его стороны злая сатирическая гримаса по отношенію къ разнымъ научнымъ экспертизамъ въ вопросахъ высшаго порядка. И то и другое одинаково правдоподобно, одинаково подходитъ къ художественной психологіи Достоевскаго, съ ея запутанными и перепутанными ходами и духовно-нравственными загадками. Онъ какъ бы нарочно уничтожаетъ всякую опредѣленность и логическую законченность въ постановкѣ своихъ фигуръ, чтобы этимъ путемъ приблизиться къ природѣ вещей, въ которой тоже все до крайности усложнено,

и потому не можетъ быть опознано одними логическими средствами. Но иногда, внимательно изучая Достоевскаго, наталкиваешься на штрихи, которые вызываютъ полное недоумѣніе и которые не знаешь, куда отнести: къ сознательнымъ ли пріемамъ художника, вызваннымъ его склонностью къ загадкамъ, или же просто къ несовершенству, къ промахамъ его художественнаго письма. Такъ на первыхъ страницахъ романа, говоря о воспитаніи Ставрогина подъ руководствомъ стараго идеалиста, Степана Трофимовича, Достоевскій пишетъ: «Степанъ Трофимовичъ сумѣлъ дотронуться въ сердцѣ своего друга до глубочайшихъ струнъ и вызвать въ немъ первое, еще неопредѣленное ощущеніе той вѣковѣчной, священной тоски, которую иная избранная душа, разъ искусивъ и познавъ, уже не промѣняетъ потомъ никогда на дешевое удовлетвореніе». Вотъ черта въ образѣ Ставрогина, совершенно не оправдывающаяся всѣмъ ходомъ, всѣми данными романа,—словно Достоевскій, намѣтивъ вначалѣ совсѣмъ другой рисунокъ своего героя, потомъ просто забылъ вычеркнуть ненужный противорѣчивый штрихъ. Въ томъ-то и дѣло, что Ставрогину чужда эта «вѣковѣчная священная тоска»—этотъ голосъ духа, голосъ неба въ самомъ человѣкѣ. Онъ красивъ извнѣ, онъ поражаетъ дерзостью своего ума, но ни другіе герои романа ни читатель не чувствуютъ въ немъ ничего идеальнаго, никакихъ святынь и даже никакого стихійно-мистическаго стремленія найти для себя какія-либо святыни. Блестящій Ставрогинъ—мертвый человѣкъ, Ставрогинъ—«гробъ повапленный».

А. Волынскій.

Степанъ Трофимовичъ Верховенскій.

*) Критикъ «Русскаго Вѣстника» говоритъ, что эта личность по художественной рельефности изображенія представляетъ одинъ изъ самыхъ яркихъ типовъ въ нашей ли-

*) (А). В. Авсѣенко. „Общественная психологія въ романѣ". „Русскій Вѣстникъ 1873 г., № 8.

тературѣ. «Степанъ Трофимовичъ Верховенскій—человѣкъ сороковыхъ годовъ. Онъ стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ закопившагося кругомъ его подполья, хотя читатель чувствуетъ, что есть нѣкоторая внутренняя связь между этимъ человѣкомъ и молодыми героями романа. Связь эта весьма знаменательна и не ограничивается однимъ только кровнымъ родствомъ съ главнымъ вожакомъ подполья, существуетъ еще несомнѣнное внутреннее родство между безтолковостью и безпринципностью этого смѣшного старика, воплотившаго въ себѣ отрицательную сторону движенія сороковыхъ годовъ и сатурналіями умственными и нравственными молодого подполья. Указывается такимъ образомъ нѣкоторая преемственность въ развитіи идей, и между двумя поколѣніями кладется мостикъ, на которомъ нѣкоторые крайніе представители того и другого могутъ удобно подать другъ другу руку. Указанія эти весьма знаменательны, такъ какъ въ значительной степени обнаруживаютъ воззрѣнія автора на источникъ, изъ котораго вышли самыя дикія движенія новѣйшаго времени. Степанъ Трофимовичъ, отчасти презирая сгруппировавшееся подлѣ него подполье, отчасти втайнѣ ему сочувствуя (настоящее отношеніе его къ подполью есть вопросъ его личнаго самолюбія), поставленъ авторомъ надъ молодымъ поколѣніемъ въ качествѣ нѣкоего pater familias, весьма смѣшного въ глазахъ молодежи и совершенно ею пренебрегаемаго, но родство съ которымъ послѣдняя тѣмъ не менѣе все-таки признаетъ. Это, такъ сказать, старый бѣсъ, данный въ прародители бѣсовской мелюзгѣ, выросшей подъ сѣнью его сѣдинъ.

Внутреннее родство Степана Трофимовича съ молодыми героями романа знаменательно во многихъ отношеніяхъ. Важнѣе всего, конечно, то, что Степанъ Трофимовичъ — тоже *полунаука*, хотя и занималъ въ сороковыхъ годахъ каѳедру въ одномъ изъ университетовъ. Но, при извѣстныхъ недостаткахъ нашего университетскаго устройства, полунаука могла пріютиться на профессорской каѳедрѣ такъ же удобно, какъ и въ редакціи журнала. Въ сороковыхъ годахъ въ нашихъ университетахъ несомнѣнно встрѣ-

чались люди полунауки, возмѣщавшіе такъ-называемыми «высшими взглядами» отсутствіе серьезной эрудиціи и пользовавшіеся, благодаря тому же пріему, замѣтною репутаціей. Степанъ Трофимовичъ принадлежалъ именно къ этой категоріи. Продержался онъ на каѳедрѣ очень недолго, вслѣдствіе нѣкоторой незначительной неосторожности, по поводу которой отъ него потребовали объясненій. Онъ успѣлъ прочесть всего только нѣсколько лекцій, «и, кажется, объ Аравитянахъ», и вообще въ наукѣ сдѣлалъ «не такъ много и, кажется, совсѣмъ ничего». Успѣлъ онъ также защитить нѣкоторую затѣйливую диссертацію, ловко и больно уколовшую тогдашнихъ славянофиловъ, да еще напечаталъ въ одномъ передовомъ журналѣ «начало одного глубочайшаго изслѣдованія — кажется, о причинахъ необычайнаго нравственнаго благородства какихъ-то рыцарей въ какую-то эпоху, или что-то въ этомъ родѣ». Глубокое изслѣдованіе это такъ и осталось неоконченнымъ, будто бы вслѣдствіе запрещенія, а въ сущности просто потому, что авторъ полѣнился его окончить. Имѣлась еще въ бумагахъ Степана Трофимовича поэма «въ лирико-драматической формѣ и напоминающая вторую часть *Фауста*. Увѣряли, будто эту поэму сочли въ свое время опасною». «Я въ прошломъ году предлагалъ Степану Трофимовичу ее напечатать — разсказываетъ лицо, отъ котораго авторъ ведетъ свое повѣствованіе — за совершенною ея въ наше время невинностью, но онъ отклонилъ предложеніе съ видимымъ неудовольствіемъ. Мнѣніе о совершенной невинности ему не понравилось». И вдругъ эту поэму печатаютъ въ заграничномъ революціонномъ сборникѣ, безъ вѣдома Степана Трофимовича...

«Онъ былъ сначала испуганъ, бросился къ губернатору и написалъ благороднѣйшее оправдательное письмо въ Петербургъ, читалъ мнѣ его два раза, но не отправилъ, не зная, кому адресовать. Однимъ словомъ, волновался цѣлый мѣсяцъ; но я убѣжденъ, что въ таинственныхъ изгибахъ сердца былъ польщенъ необыкновенно. Онъ чуть не спалъ съ экземпляромъ доставленнаго ему сборника, а днемъ пряталъ его подъ тюфякъ и даже не пускалъ женщину пере-

стилать постель, и хоть ждалъ каждый день откуда-то какой-то телеграммы, но смотрѣлъ свысока. Телеграммы никакой не пришло».

Степанъ Трофимовичъ поспѣшилъ увѣрить себя, что карьера его разбита на всю жизнь «вихремъ обстоятельствъ», и потому рѣшился посвятить остатокъ дней своихъ,—впрочемъ, двадцатилѣтній—на то, чтобы стоять предъ отчизной «воплощенною укоризной», по выраженію поэта:

Воплощенной укоризною
Ты стоялъ передъ отчизною,
Либералъ идеалистъ!

Впрочемъ, позированье Степана Трофимовича нисколько не помѣшало ему пристроиться на благородныхъ условіяхъ приживальцемъ къ богатой вдовѣ, генеральшѣ Варварѣ Петровнѣ Ставрогиной, у которой онъ и прожилъ безмятежно цѣлыхъ двадцать лѣтъ, до той самой поры, когда засталъ его рядъ катастрофъ, давшихъ содержаніе роману. Вся суть Степана Трофимовича, какъ родоначальника *бѣсовъ*, заключается именно въ томъ, что онъ былъ полнѣйшимъ представителемъ полунауки сороковыхъ годовъ, отъ которой современная полунаука естественно ведетъ свое происхожденіе. Въ этомъ качествѣ человѣка полунауки, Степанъ Трофимовичъ привилъ къ своей невиннѣйшей душѣ нѣкоторое количество гражданскихъ мотивовъ, въ силу которыхъ не только безъ всякой основательной причины бросилъ университетскую карьеру, но и сохранилъ на всю жизнь увѣренность въ своемъ совершенномъ превосходствѣ надъ людьми своего поколѣнія, и также, хотя презрительное, но вмѣстѣ съ тѣмъ заискивающее отношеніе къ молодежи, отъ которой онъ все ждетъ какого-то призыва: вы, молъ, Степанъ Трофимовичъ, нашъ отецъ и руководитель, придите къ намъ и ведите насъ. Ожиданіе какой-то телеграммы, о которой иронически замѣчаетъ авторъ, осталось у стараго чудака на всю жизнь. Онъ несомнѣнно принадлежитъ къ категоріи тѣхъ «старыхъ безстыдниковъ», которые никакъ не могутъ забыть своего либеральничанья сороковыхъ годовъ, и все ждутъ отъ молодого поколѣнія

признанія ихъ гражданскихъ заслугъ. Одни изъ этихъ людей, подобно выведенному въ романѣ знаменитому писателю Кармазинову, продолжаютъ до конца всячески заискивать у молодого поколѣнія, не подозрѣвая, что давно уже сдѣлались въ глазахъ его шутами; другіе, какъ Степанъ Трофимовичъ, глубоко оскорбляются тѣмъ, что гражданскія заслуги ихъ списаны со счетовъ, начинаютъ брюзжать и порою даже прорываются до такой степени, что сами торжественно провозглашаютъ разрывъ съ новымъ движеніемъ. Въ томъ и другомъ случаѣ отношенія этихъ людей къ новому времени и новому поколѣнію составляютъ вопросъ личнаго самолюбія; убѣжденіями эти представители идеалистической полунауки предшествовавшаго періода вообще не богаты, и вздумай молодое поколѣніе хоть немножечко поманить ихъ на свою сторону—они бросятся навстрѣчу съ распростертыми объятіями. Они инстинктивно сознаютъ, что между ними и «новыми людьми» есть дѣйствительная связь—и они не ошибаются.

Со Степаномъ Трофимовичемъ такъ и случилось — его поманили, и онъ бросился съ распростертыми объятіями. Это случилось въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда на минуту вспомнили о всѣхъ вообще либеральныхъ репутаціяхъ предшествовавшаго тридцатилѣтія. Степанъ Трофимовичъ къ тому времени сильно захандрилъ, мучаясь мыслью, что его забыли, что онъ никому не нуженъ, поэтому и на все тогдашнее движеніе онъ смотрѣлъ въ высшей степени высокомѣрно, именно съ той точки, что «его забыли». И вдругъ въ это-то самое время о немъ вспомнили въ заграничныхъ листкахъ и въ Петербургѣ. Въ газетахъ явилось даже извѣстіе, что онъ умеръ, и кто-то обѣщалъ напечатать его некрологъ...

«Степанъ Трофимовичъ мигомъ воскресъ и сильно пріосанился. Все высокомѣріе его взгляда на современниковъ разомъ соскочило, и въ немъ загорѣлась мечта примкнуть къ движенію и показать свои силы. Варвара Петровна тотчасъ же вновь и вовсе увѣровала и ужасно засуетилась. Рѣшено было ѣхать въ Петербургъ безъ малѣйшаго отлагательства, разузнать все на дѣлѣ, вникнуть лично,

и, если возможно, войти въ новую дѣятельность всецѣло и нераздѣльно. Между прочимъ, она объявила, что готова основать свой журналъ и посвятить ему отнынѣ всю свою жизнь. Увидавъ, что дѣло дошло до этого, Степанъ Трофимовичъ сталъ еще высокомѣрнѣе...»

Несмотря, однако, на то, что Степана Трофимовича явно понимали, ему не только не удалось «примкнуть всецѣло къ движенію», но даже случилось быть скандально освистаннымъ...

Разрывъ этотъ разомъ и окончательно опредѣлилъ отношенія Степана Трофимовича къ молодому поколѣнію и ко всему такъ-называемому «движенію». Старый бѣсъ, сидѣвшій въ немъ, не простилъ молодымъ бѣсамъ недостатка уваженія, и сохранилъ навсегда оскорбленное и уязвленное чувство. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Степанъ Трофимовичъ нисколько не сомнѣвался въ серьезности всего того дикаго вздора, который началъ на его глазахъ совершаться въ воображаемомъ губернскомъ городѣ, куда авторъ переноситъ разсказъ вслѣдъ за петербургскимъ fiasco. «Движеніе» осуждалось Степаномъ Трофимовичемъ единственно въ силу того, что его самого при этомъ забыли; но, въ сущности, онъ даже любуется имъ, такъ точно, какъ любуется своимъ сыномъ, которому однакожъ не можетъ простить презрительнаго съ нимъ обращенія. Въ губернскомъ городѣ этомъ, пока не основало въ немъ своего пребыванія настоящее «подполье», кружокъ Степана Трофимовича занимался «самою невинною, милою, вполнѣ русскою, веселенькою, либеральною болтовней». Въ этой болтовнѣ Степанъ Трофимовичъ почерпалъ сознаніе, что «онъ исполняетъ высшій долгъ пропаганды идей». Высокомѣріе все-таки, несмотря на петербургскую неудачу, заставляло его смотрѣть на себя, какъ на нѣкотораго рода центръ, котораго гдѣ-то опасаются; онъ даже не сомнѣвался, что находится подъ секретнымъ полицейскимъ надзоромъ. Но на самомъ дѣлѣ онъ давно уже стоитъ на заднемъ планѣ, оттертый новыми дѣятелями, одинъ за другимъ наѣхавшими въ городъ и образовавшими въ немъ тотъ своеобраз

ный кружокъ, которому всего болѣе приличествуетъ наименованіе *подполья нашей интеллигенціи.*

В. Авсѣенко.

* * *

*) Это очень старый и общензвѣстный характеръ одного изъ представителей такъ-называемыхъ людей 40-хъ годовъ. Типъ изъѣзженный; каждая его черточка, каждая деталь были уже много разъ воспроизводимы нашими лучшими беллетристами, и притомъ беллетристами 40-хъ годовъ. Достоевскому пришлось тутъ, слѣдовательно, итти по проторенной дорожкѣ и не столько творить, сколько компилировать. И дѣйствительно, что Степанъ Трофимовичъ не болѣе, какъ компиляція, составленная по извѣстнымъ образцамъ, даннымъ Писемскимъ, Гончаровымъ, Тургеневымъ и т. п. Во всѣхъ извѣстныхъ типахъ людей 40-хъ годовъ исключительно разрабатывались романистами однѣ и тѣ же стороны характера, одни и тѣ же свойства, одни и тѣ же душевныя состоянія привлекали ихъ вниманіе. Оттого, несмотря на то, что этотъ типъ эксплоатировался очень многими, онъ все-таки отпечатлѣлся въ довольно однообразныя формы, сильно отзывающіяся абстрактностью, книжностью. Компиляція г. Достоевскаго отличается тѣми же свойствами, но, при всей своей абстрактной односторонности, она составлена съ большимъ психическимъ искусствомъ. Къ несчастію только, привычка автора постоянно пускаться въ психическій анализъ, постоянно стараться объяснять и подробно комментировать каждый шагъ, каждый поступокъ, каждую мысль своихъ героевъ, сдѣлала то, что и воспроизведеніе личности Верховенскаго вышло у него болѣе похожимъ не столько на объективное изображеніе характера, сколько на критическую оцѣнку его. Конечно, для критики это очень удобно: авторъ самъ исполнилъ всю работу за нее, и ей остается только заняться

*) П. Никитинъ (П. Н. Ткачовъ). „Больные Люди“. „Дѣло“ 1873 года, №№ 3 и 4.

простымъ переписываніемъ. Но если мы взглянемъ на дѣло не съ точки зрѣнія интересовъ критики, а съ точки зрѣнія интересовъ художества, то нельзя не согласиться, что такой способъ отношенія къ изображаемымъ лицамъ очень мало способствуетъ чисто-художественнымъ цѣлямъ. Степанъ Трофимовичъ представляетъ собою не живое воплощеніе конкретнаго характера, а просто психологическій анализъ нѣкоторыхъ выдающихся и наиболѣе общихъ чертъ извѣстнаго типа людей. Я ограничусь здѣсь лишь самою общею характеристикою этихъ чертъ для того, чтобы читатель лучше могъ уяснить себѣ нѣкоторыя изъ тѣхъ общихъ причинъ, которыя вызываютъ наши психическія аномаліи, которыми обусловливаются до извѣстной степени наши умственныя болѣзни. Психическая болѣзнь, умственное вырожденіе подготовляется обыкновенно медленно и постепенно цѣлымъ рядомъ предшествующихъ поколѣній. Въ большинствѣ случаевъ она развивается изъ того умственнаго и нравственнаго наслѣдства, которое отцы завѣщаютъ своимъ дѣтямъ. Конечно, одного наслѣдства, т. е. одного предрасположенія, не всегда еще бываетъ достаточно: нужны еще *благопріятныя условія*, чтобы, такъ сказать, оплодотворить эти наслѣдственные зачатки умственнаго разстройства; въ противномъ случаѣ болѣзненное предрасположеніе можетъ погибнуть задаромъ или перейти въ какія-нибудь другія, уже не просто нервныя болѣзни. Однако, съ другой стороны, и однихъ «благопріятныхъ условій», безъ предварительной унаслѣдованной отъ предковъ наклонности, тоже не всегда бываетъ достаточно. Поэтому, для большей ясности, мы должны разсмотрѣть какъ то умственное наслѣдство, которое господа Верховенскіе и подобные имъ завѣщали своимъ дѣтямъ, такъ и тѣ внѣшнія условія, при которыхъ развивались эти дѣти. Тогда сами собою опредѣлятся и источникъ и общій характеръ ихъ психическихъ аномалій, которыя г. Достоевскій берется анализировать въ своемъ послѣднемъ романѣ и которыя онъ, съ наивностью средневѣковаго аскета, считаетъ за *бѣсовское наважденіе*.

Анализируя характеръ Верховенскаго, г. Достоевскій съ

особенною рельефностью оттѣняетъ только нѣкоторыя, впрочемъ, наиболѣе выдающіяся и, такъ сказать, преобладающія свойства людей этого типа—нашихъ отцовъ. Степанъ Трофимовичъ былъ не героемъ, но «лучшимъ человѣкомъ» 40-хъ годовъ; онъ былъ личность заурядная, одна изъ единицъ толпы. Не о немъ, удостовѣряетъ насъ авторъ «Бѣсовъ», сказалъ народный поэтъ: «воплощенной укоризной ты стоялъ передъ отчизной, либералъ-идеалистъ». «Нашъ Степанъ Трофимычъ,—продолжаетъ авторъ,—былъ только подражателемъ сравнительно съ подобными лицами, да и стоять уставалъ и частенько полеживалъ на боку. Но хотя и на боку, а воплощенность укоризны сохранялась и въ лежачемъ положеніи, надо отдать справедливость, тѣмъ болѣе, что для губерніи было и того достаточно. Посмотрѣли бы вы на него у насъ въ клубѣ, когда онъ садился за карты. Весь видъ говорилъ: карты! Я сажусь съ вами въ ералашъ! Развѣ это совмѣстно? Кто же отвѣчаетъ за это? Кто разбилъ мою дѣятельность и обратилъ ее въ ералашъ? «Э, погибай Россія!» и онъ осанисто козырялъ съ червей. Своимъ «лежачимъ позпрованіемъ» онъ пріобрѣлъ себѣ нѣкоторую репутацію въ городѣ: его считали за человѣка умнаго, отмѣнно либеральнаго и «гонимаго» за правду. Эта репутація вполнѣ удовлетворяла его тщеславію, и не потому, что его тщеславіе было слишкомъ уже не высокаго полета, а потому, что онъ и взаправду считалъ себя за нѣкотораго «гражданскаго дѣятеля». Онъ искренно самъ вѣрилъ всю свою жизнь, что въ нѣкоторыхъ сферахъ, его постоянно опасаются, что шаги его постоянно извѣстны и сочтены, и что каждый изъ трехъ, смѣнившихся у насъ въ послѣднія двадцать лѣтъ губернаторовъ, въѣзжая править губерніею, уже привозилъ съ собою нѣкоторую особую и хлопотливую о немъ мысль, внушенную ему свыше...» Эта мечта льстила самолюбію Степана Трофимовича, но, помимо самолюбія, она была естественною и, такъ сказать, законною дочкою его «заячьей» трусости. Трусость — это была одна изъ преобладающихъ чертъ его характера. Она заставила его бросить профессуру, она законопатила его въ провинціальномъ городишкѣ, она

внушила ему гордую мысль о собственной опасности и сдѣлала въ то же время «тише воды, ниже травы». Даже его тщеславіе, такъ непомѣрно развитое у людей 40-хъ годовъ, этихъ вѣчно позировавшихъ лежебоковъ, даже это тщеславіе пасовало предъ его трусостью. Въ 60-хъ годахъ, въ эпоху нашего «renaissance», о Степанѣ Трофимовичѣ вспомнили въ Петербургѣ, «какъ о бывшей звѣздѣ въ извѣстномъ созвѣздіи», даже ставили его почему-то на ряду съ Радищевымъ. Кто-то напечаталъ, что онъ умеръ, и обѣщалъ его некрологъ. Нашъ герой не помнилъ себя отъ восторга; безсмысленная помѣщица, г-жа Ставрогина, у которой онъ жилъ въ качествѣ приживальщика, и которая двадцать пять лѣтъ питала къ нему нѣжную дружбу «и давала деньги за его содержаніе, тоже возгордилась славой своего друга; и оба они, не долго думая, покатили въ Петербургъ съ тщеславною мечтою стать au courant «движенія», а, быть можетъ, даже и во главѣ его. Безсмысленная помѣщица задумала издавать журналъ. Разумѣется, для честолюбія Степана Трофимовича было бы очень лестно сдѣлаться руководителемъ предполагавшагося изданія, но онъ струсилъ. «Помните, — упрекала его потомъ его самодурная подруга,—«помните, какъ потомъ въ февралѣ, когда пронеслась вѣсть, (?) вы вдругъ прибѣжали ко мнѣ перепуганный и стали требовать, чтобы я тотчасъ же дала вамъ удостовѣреніе, въ видѣ письма, что затѣваемый журналъ до васъ совсѣмъ не касается, что молодые люди ходятъ ко мнѣ, а не къ вамъ, а что вы только домашній учитель который живетъ въ домѣ потому, что ему не додано жалованье, не такъ ли? Помните это вы? Вы отмѣнно отличались всю вашу жизнь, Степанъ Трофимовичъ...» Да, всю свою жизнь онъ отличался подвигами малодушной трусости. Изъ трусости онъ бросилъ и свою ученую карьеру: «какъ-то и кѣмъ-то, разсказываетъ авторъ,—перехвачено было письмо къ кому-то, съ изложеніемъ какихъ-то «обстоятельствъ»; вслѣдствіе чего кто-то потребовалъ отъ него какихъ-то объясненій». Это до того обезкуражило Степана Трофимовича, что онъ почелъ за лучшее стушеваться, и поспѣшилъ принять предложеніе

какой-то генеральши Ставрогиной, богатой помѣщицы, которая въ началѣ только ввѣрила ему воспитаніе своего единороднаго сынка, а потомъ сдѣлала его своимъ другомъ и приживальщикомъ.

Мнѣ кажется, что до сихъ поръ недостаточно было обращено вниманія на ту, такъ сказать, хроническую робость, запуганность, которая составляла едва ли не самую существенную черту характера этихъ «либераловъ — идеалистовъ», «стоявшихъ передъ отчизной воплощенной укоризной». А между тѣмъ это душевное состояніе, это постоянное дрожаніе передъ дѣйствительными или воображаемыми опасностями можетъ служить ключомъ къ объясненію всей ихъ жизни, всей ихъ дѣятельности, которая, впрочемъ, всегда ограничивалась «лежаніемъ на боку», да комическимъ «позированіемъ». Не то, чтобы они были ужъ очень лѣнивы, или очень дряблы и неспособны, или черезчуръ ограниченны,—правда, они не хватали звѣздъ съ неба, правда, они отличались довольно замѣчательною тупостью; но и эта тупость проистекала главнымъ образомъ изъ трусости: они *боялись* слишкомъ долго и слишкомъ послѣдовательно думать, они старались искусственно усыплять свою мысль, они собственными руками подрѣзывали себѣ крылья; это были, въ нѣкоторомъ родѣ, *нравственные самоубійцы,* и самоубійцы изъ трусости. Думать—это опасно; двигаться, жить—это тоже опасно: всего безопаснѣе лежать на боку, и они превращались въ Обломовыхъ. Ихъ нельзя обвинять за это; ихъ вѣчный страхъ, ихъ малодушная пугливость были естественнымъ продуктомъ всей обстановки ихъ жизни. Они имѣли свою весьма реальную, хотя, быть можетъ, и нѣсколько преувеличенную причину. Можемъ ли мы обвинять наковальню за то, что она дрожитъ и трясется подъ тяжелыми ударами желѣзнаго молота? А эти люди именно и были наковальнею. Удивительно тутъ лишь то, что они не только мирились со своимъ положеніемъ, но даже какъ бы гордились имъ; повидимому, положеніе человѣка-наковальни настолько непривлекательно, что онъ долженъ бы употреблять всѣ силы выйти изъ него. Они же были довольны! И это ихъ странное довольство объ-

ясняется ихъ трусостью. Ихъ умственный кругозоръ, и безъ того довольно ограниченный, съ годами еще болѣе и болѣе суживался, подъ вліяніемъ гнетущей думы и собственной безопасности. Отсюда вторая черта нашихъ папенекъ изъ «идеалистовъ-либераловъ» — неумѣренное, до уродливости развитое чувство эгоизма, весьма миролюбиво уживавшееся съ довольно честными (говоря, конечно, сравнительно) идеалами, съ весьма гуманнымъ міровоззрѣніемъ. Замѣчательно при этомъ, что эти люди, эгоисты отъ головы до пятокъ, никогда не сознавали своего эгоизма. Они въ минуту самообличенія охотно обвиняли себя во всемъ, но только не въ животномъ эгоизмѣ; они были твердо убѣждены, будто все ихъ существо пропитано какою-то эссенціею любви и нѣжности; они и до сихъ поръ видятъ въ своемъ мягкосердечіи и любвеобиліи главное и самое существенное свое отличіе отъ дѣтей. Они высокомѣрно упрекаютъ свое потомство въ «черствости» и «безсердечіи», въ «узкомъ эгоизмѣ» и, подобно евангельскому фарисею, съ гордостью восклицаютъ: «благодареніе Богу, мы были не таковы»! Да, они были не таковы, они были гораздо хуже. Посмотрите на одного изъ ихъ представителей, на Степана Трофимовича Верховенскаго: не есть ли онъ воплощенная квинтъ-эссенція эгоизма? Онъ живетъ исключительно личною жизнью; онъ думаетъ только о себѣ; онъ возится съ своимъ «*я*», какъ съ какимъ-то чирьемъ; весь свой вѣкъ онъ проводитъ около юбокъ Варвары Петровны Ставрогиной, которая за это поитъ его, кормитъ и даже платитъ за него долги; у него нѣтъ никакихъ ссрьезныхъ интересовъ, кромѣ интереса собственной безопасности; но сердце его способно только на эгоистическую, исключительную привязанность къ своей «кормилицѣ и поительницѣ», но и ее-то, предметъ своей двадцатилѣтней любви, онъ постоянно мучитъ и терзаетъ своимъ тщеславіемъ и своею вздорною мелочностью. Внѣ этой привязанности у него не было никакихъ другихъ симпатій; даже къ сыну своему онъ относился какъ человѣкъ посторонній. Забросивъ его въ Петербургѣ, когда онъ былъ еще ребенкомъ, онъ затѣмъ совершенно устранился отъ исполненія какихъ

бы то ни было родительскихъ обязанностей; даже офиціальныхъ обязанностей опекуна онъ не могъ добросовѣстно выполнить: съ имѣніемъ сына онъ обращался, какъ съ своею собственностью, разорилъ его, часть продалъ, надѣлалъ долговъ, и сынку не удалось бы, вѣроятно, получить съ него ни копейки, если бы та же добродѣтельная Варвара Петровна не взяла на себя грѣшковъ родителя-идеалиста и не заплатила изъ собственнаго кармана за всю его «родительскую любовь». И этотъ черствый и безсердечный родитель, который умѣлъ только дать сыну свою фамилію (онъ самъ сомнѣвался, былъ ли этотъ сынъ — его сынъ, и эти сомнѣнія были извѣстны самому сыну), научилъ его презирать свою мать, наконецъ, разорилъ и научилъ презирать и отца, этотъ родитель вламывается въ амбицію, зачѣмъ этотъ сынъ не нѣжничаетъ съ нимъ, зачѣмъ онъ къ нему не пылаетъ сыновнею любовью, и позволяетъ себѣ обращаться съ нимъ безъ малѣйшаго лицемѣрія, но за то и безъ малѣйшей церемоніи. Онъ обижается, онъ негодуетъ! Онъ патетически вопрошаетъ: «Скажи мнѣ, наконецъ, извергъ, сынъ ли ты мой или нѣтъ?» На это сынъ весьма резонно отвѣчаетъ, что «ему объ этомъ лучше знать... Не ты ли, припоминаетъ онъ далѣе родителю,— не ты ли самъ разсказывалъ мнѣ по ночамъ скоромные анекдоты про мою мать? И не все ли равно тебѣ, твой ли я сынъ или нѣтъ? Ты рубля на меня не истратилъ, всю жизнь, до шестнадцати лѣтъ меня не зналъ совсѣмъ, потомъ здѣсь ограбилъ, а теперь кричишь, что болѣлъ обо мнѣ сердцемъ всю жизнь и ломаешься предо мной, какъ актеръ!» Какъ вы думаете, что дѣлаетъ почтенный родитель, выслушавъ эту, хотя и нѣсколько рѣзко выраженную, но тѣмъ не менѣе, совершенно очевидную и безспорную правду? Онъ проклинаетъ непочтительнаго сына и остается въ наивной увѣренности, что сынъ его безсердечный извергъ, а онъ невинно оскорбленная добродѣтель.

Говорятъ, что эгоизмъ есть великая нравственная сила, выростившая роскошное дерево современной цивилизаціи. Увѣряютъ, что онъ постоянно возбуждаетъ человѣческую дѣятельность, даетъ силы человѣку совершать богатырскіе

подвиги, будитъ и изощряетъ его мысль, создаетъ прогрессъ, скопляетъ богатство, развиваетъ науку и завоевываетъ свободу. Пусть все это такъ; но все-таки не всегда это бываетъ такъ. Очень можетъ быть, что при извѣстныхъ условіяхъ эгоизмъ является могучею прогрессивною силою, великимъ двигателемъ цивилизаціи. Предоставьте эгоиста его собственной судьбѣ, поставьте его въ необходимость *самому* всего добиваться и до всего доходить, откройте ему, при этомъ, всюду доступъ, развяжите его руки, дайте ему хоть крошечку ума, и онъ дѣйствительно, подъ вліяніемъ одного своего эгоизма, въ состояніи будетъ продѣлать всѣ тѣ штуки, которыхъ вы отъ него ожидаете: онъ и богатство накопитъ, и науку подвинетъ впередъ, и цивилизацію распространитъ, и прогрессъ ускоритъ, и даже, если хотите, сдѣлается филантропомъ и защитникомъ «вдовъ и сиротъ». Но поставьте того же эгоиста въ другія условія: навяжите ему на руки десяти-пудовыя гири, наполните его желудокъ даровымъ хлѣбомъ, поставьте его, независимо отъ всякихъ его усилій, въ привилегированное положеніе, пообѣщайте ему коврижку за то только, чтобы онъ какъ можно меньше думалъ и двигался, пропитайте его мозгъ вѣчнымъ, безотчетнымъ страхомъ, и вашъ эгоистъ собственноручно задушитъ въ себѣ всякія человѣческія стремленія, онъ покорно подчинится наложенному на него ярму, онъ безмятежно уединится въ самомъ себѣ, займется созерцаніемъ своего «я», а ко всему прочему станетъ относиться съ тупою пассивностію лежебока.

Въ такихъ именно условіяхъ находились наши Степаны Трофимовичи. Эгоизмъ подстрекалъ ихъ не къ борьбѣ, а къ подчиненію, онъ побуждалъ ихъ не ко внѣшней дѣятельности, а къ внутреннему самоуглубленію, онъ дѣлалъ изъ нихъ не опытныхъ и энергическихъ практиковъ, не смѣлыхъ теоретиковъ, а пустыхъ и вздорныхъ людишекъ, весь вѣкъ живущихъ на чужой счетъ, постоянно резонирующихъ, постоянно роющихся то въ своей душѣ, то въ душѣ своихъ ближнихъ, постоянно обижающихся, пикирующихся, суетныхъ, тщеславныхъ, корчащихъ изъ себя какихъ-то «униженныхъ и оскорбленныхъ», и всегда одинаково пошлыхъ

и одинаково безполезныхъ. Впрочемъ, не всегда наши отцы были поставлены въ положеніе Степановъ Трофимовичей. Иногда, и даже довольно часто, внѣшнія условія ихъ жизни были, повидимому, гораздо благопріятнѣе; ихъ эгоизмъ принималъ нѣсколько иное, болѣе дѣятельное направленіе, но, разумѣется, ихъ ближніе не были черезъ это слишкомъ осчастливлены; впрочемъ, ихъ объ этомъ не спрашивали. «Власть имущіе» отцы (или матери) исправляли въ общественной гармоніи роль молота и, въ качествѣ безсмысленнаго молота, имъ не могло быть никакого дѣла до того, какъ отзываются на наковальнѣ ихъ удары. Они били, производили шумъ, и этимъ исчерпывалась вся задача ихъ практической дѣятельности. Дѣятельность эта давно уже извѣстна у насъ подъ хорошо знакомымъ всѣмъ словомъ *самодурство*. Самодурство было естественнымъ вырожденіемъ эгоизма, съ одной стороны, слишкомъ избалованнаго окружающимъ подобострастіемъ крѣпостной эпохи, съ другой, поставленнаго въ условія совершенно непригодныя для какой бы то ни было дѣятельности...

Степанъ Трофимовичъ не былъ злопамятенъ, но за то онъ былъ очень самолюбивъ и до крайности обидчивъ, хотя и состоялъ въ скромной роли прижпвалки. Онъ допекалъ Варвару Петровну Ставрогину письмами, наполненными безконечными прекаяніями, извиненіями, претензіями, слезными покаяніями и т. д.

Онъ писалъ къ ней, живя даже съ ней въ одномъ домѣ, въ экстренныхъ случаяхъ, по два раза въ день. Какъ ни мелочна такая подробность, а она бросаетъ очень яркій свѣтъ на характеръ этого человѣка: она показываетъ, до какой степени всѣ его мысли и интересы исключительно поглощались его личными отношеніями, его тщеславнымъ «я». Вообще, исторія этой «странной дружбы» (такъ ее называетъ и самъ авторъ), исторія, составленная съ мастерскимъ искусствомъ и обнаруживающая въ авторѣ большую психологическую наблюдательность, эта исторія вполнѣ можетъ убѣдить каждаго, что если ея герои и не больные, то, во всякомъ случаѣ, ихъ нельзя назвать и здоровыми людьми; ихъ нравственный характеръ обнаруживаетъ не-

сомнѣнные слѣды начинающагося вырожденія; сами же они стоятъ, такъ сказать, на рубежѣ, отдѣляющемъ здоровье отъ болѣзни. Рубежъ этотъ очень неопредѣленъ, достаточно какого-нибудь одного обстоятельства, чтобы совершенно уничтожить его и почти, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, свести Степана Трофимовича съ ума. Дѣйствительно, ссора съ Варварой Петровной, болѣе крупная, чѣмъ всѣ предшествующія, охлажденіе, которое онъ замѣтилъ въ ней, оскорбительныя предложенія, которыя сдѣлала ему его «самодурная подруга», не считавшая нужнымъ щадить его нравственное достоинство,—все это окончательно потрясло его умственный аппаратъ. Наговоривъ глупостей и сдѣлавъ скандалъ на томъ литературномъ вечерѣ, о которомъ я уже упоминалъ, онъ убѣжалъ домой, просидѣлъ нѣкоторое время взаперти, никого къ себѣ не пуская, затѣмъ надѣлъ шинель и высокіе сапоги и, взявъ всѣ имѣющіяся у него деньги, въ количествѣ 40 рублей, пустился въ путь-дорогу. Какъ, куда, зачѣмъ? Онъ этого самъ не зналъ. Онъ просто вышелъ за городъ на большую дорогу и пошелъ по ней, куда глаза глядятъ. Въ умѣ его смутно мелькала мысль, что онъ идетъ къ какому-то «marchand» наниматься въ гувернеры. Но гдѣ обрѣтается этотъ marchand, кто онъ такой, и существуетъ ли вообще во всей Россіи какой-нибудь marchand, который бы могъ нуждаться въ услугахъ Степана Трофимовича, всѣ эти вопросы если и приходили на умъ, то только на минуту, и онъ не трудился пріискивать отвѣтовъ на нихъ. Онъ, по словамъ автора, находился какъ бы въ *забытьи*, «основательно разсуждать или хоть отчетливо сознавать было для него невыносимо». Встрѣтившись съ мужиками, которые посадили его на телѣгу и подвезли къ близъ лежащей деревнѣ, онъ обнаружилъ въ своихъ разговорахъ съ ними всѣ признаки несомнѣннаго умственнаго разстройства. Въ деревнѣ онъ наткнулся на какую-то особу, торговавшую книгами, еще не старую, и плѣнился ею. Мысль о миѳическомъ купцѣ какъ-то испарилась изъ его головы, и, вмѣсто нея, явилась другая, не менѣе блистательная, идея: вмѣстѣ съ миловидной книгоношей распространять въ народѣ евангеліе.

Замѣтьте при этомъ, Степанъ Трофимовичъ всю свою жизнь считалъ себя вольтеріанцемъ и даже гордился своимъ вольнодумствомъ; теперь тотъ же Степанъ Трофимовичъ вдругъ преобразился въ отчаяннаго скептика. Затѣмъ Степанъ Трофимовичъ начинаетъ городить безсвязную нелѣпость и, наконецъ, самъ чувствуетъ, что онъ, какъ говорится, сбился съ панталыку. «Я ужасно сбился, признается несчастный, я никакъ не могу вспомнить, что я хотѣлъ сказать. О, блаженъ тотъ, кому Богъ посылаетъ всегда женщину, и я думаю даже, что я въ нѣкоторомъ восторгѣ. И на большой дорогѣ есть высшая мысль! вотъ, вотъ, что я хотѣлъ сказать, про мысль...» и т. д. Въ этотъ періодъ умственнаго разстройства Степану Трофимовичу пришла въ голову геніальная мысль «о бѣсахъ, вошедшихъ въ молодое поколѣніе». Г. Достоевскому такъ понравилась эта идея, что онъ положилъ ее въ основу своего романа. Что сказать объ авторѣ, который руководится въ своемъ творчествѣ бредомъ сумасшедшаго? Впрочемъ, Богъ съ нимъ. Бредъ Степана Трофимовича продолжается не долго, и г. Достоевскому не удалось позаимствоваться у него слишкомъ многимъ. Доѣхавъ съ своей книгоношей до другого села, онъ внезапно занемогъ, и черезъ нѣсколько дней умеръ.

Степанъ Трофимовичъ постоянно находился въ перемежающейся лихорадкѣ самоуниженія и самовозвеличенія. То онъ плевалъ на себя, то съ тщеславною гордостію смотрѣлъ черезъ плечо на своихъ ближнихъ. Г. Достоевскій очень тонко подмѣтилъ этотъ замѣчательный психологическій феноменъ и ярко очертилъ его въ отношеніяхъ своего героя къ подругѣ его Варварѣ Петровнѣ. Въ минуты самовозвеличенія Степанъ Трофимовичъ третировалъ свою подругу съ поистинѣ комическимъ высокомѣріемъ; въ эти минуты ему казалось, что Варвара Петровна боится его удивительныхъ талантовъ, завидуетъ ему, преклоняется передъ его гигантско-умственною силою и питаетъ преступныя намѣренія эксплоатировать своего даровитаго друга въ своихъ личныхъ интересахъ. Эти тщеславныя идеи до такой степени овладѣвали его умомъ, что онъ былъ не въ силахъ таить ихъ про себя; онъ откровенно сообщалъ

ихъ не только своимъ друзьямъ, но даже и самой Варварѣ Петровнѣ. Варвара Петровна, никогда ничего не забывавшая, записывала въ своемъ сердцѣ забавныя претензіи своего друга, и потомъ, черезъ много лѣтъ, жестоко мстила за нихъ. Ее не смягчало даже то обстоятельство, что у ея друга эти припадки самовозвеличенія быстро смѣнялись припадками самоуниженія, что вслѣдъ за письмами (хотя онъ могъ видѣться съ ней ежеминутно, потому что жилъ въ одномъ домѣ, но онъ имѣлъ обыкновеніе, какъ уже было замѣчено выше, формулировать свои душевныя состоянія въ эпистолярной формѣ), наполненными тщеславными притязаніями, упреками и высокомѣрными назиданіями, она получала письма, въ которыхъ ея другъ униженно просилъ ее не вмѣнять ему въ осужденіе его гордости, въ которыхъ онъ смѣшивалъ себя съ грязью, а ее ставилъ на недосягаемый пьедесталъ. Въ эти свои несчастныя минуты Степанъ Трофимовичъ считалъ себя едва ли не за самаго жалкаго и ничтожнаго человѣка во всемъ мірѣ. Онъ не болѣе, какъ простой приживальщикъ богатой помѣщицы; она его благодѣтельница, и онъ настолько наглъ и безчестенъ, что принимаетъ ея благодѣянія! Да это ли одно? Онъ сына своего ограбилъ, онъ крѣпостныхъ своихъ проигрывалъ въ карты, онъ ведетъ праздную, пошлую жизнь, онъ измельчалъ до того, что напивается пьянымъ и убиваетъ время за игрою въ ералашъ! О, какъ онъ жалокъ и ничтоженъ! Въ послѣднее время, какъ повѣствуетъ авторъ, Степанъ Трофимовичъ все чаще и чаще «началъ впадать въ хандру и въ шампанское». Болѣзнь или, лучше сказать, симптомы—предвѣстники болѣзни, принимали все болѣе и болѣе угрожающую форму, и привели его, наконецъ, къ этой роковой катастрофѣ, которая стоила ему жизни. Впрочемъ, исходъ могъ быть и другой. Степанъ Трофимовичъ могъ бы впасть, напримѣръ, въ тихій идіотизмъ и окончить свою жизнь «выжившимъ изъ ума» старикомъ. Этотъ исходъ былъ очень обыкновенъ въ жизни людей, подобныхъ ему. Конечно, ихъ не называли идіотами, но это дѣлалось только изъ приличія или же по невѣжеству. — Я не хочу, разумѣется, этимъ сказать,

что всѣ эти люди, или даже большинство ихъ, кончили сумасшествіемъ или идіотизмомъ. Подобная мысль шла бы, очевидно, въ разрѣзъ съ фактами; я хочу только сказать, что при данныхъ условіяхъ ихъ жизни и ихъ психической организаціи, такой конецъ былъ весьма возможенъ, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ родѣ, напр., тѣхъ, въ которыя авторъ ставитъ Степана Трофимовича, даже неизбѣженъ. Не случись этихъ обстоятельствъ (скандала на литературномъ вечерѣ, ссоры съ Варварой Петровной, сватовства на Дашенькѣ и т. п.), Степанъ Трофимовичъ могъ бы мирно и спокойно дожить свой вѣкъ, не обнаруживая никакихъ рѣзкихъ признаковъ умственнаго разстройства. Жизнь же большинства нашихъ отцовъ и матерей, изъ среды интеллигентнаго мѣщанства и «дворянскихъ гнѣздъ», представляла такъ мало поводовъ къ сильнымъ душевнымъ волненіямъ, такъ рѣдко выходила изъ своей обычной колеи, что зародыши ихъ умственныхъ болѣзней не находили достаточно пищи для своего развитія; умственныя болѣзни являются обыкновенно, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ психіатръ, продуктомъ дѣятельнаго умственнаго напряженія. Только тамъ, гдѣ умственная жизнь, нервная дѣятельность достигаютъ высшихъ формъ своего развитія, только тамъ является возможность ясно выраженныхъ формъ умственнаго разстройства. У низшихъ животныхъ, у дикихъ и полуцивилизованныхъ народовъ, случаи помѣшательства очень рѣдки, и при томъ самое помѣшательство носитъ характеръ аффективнаго помѣшательства, т. е. почти исключительно ограничивается болѣзненнымъ разстройствомъ въ сферѣ чувствъ. Часто умственныя аномаліи, какъ и вся умственная жизнь, находятся у нихъ еще въ зародышѣ, и до такой степени перепутываются и смѣшиваются съ здоровыми, нормальными проявленіями человѣческаго организма, что никому и на умъ не приходитъ видѣть въ нихъ какую-нибудь особенную болѣзнь. Но умственная жизнь развивается, а вмѣстѣ съ нею развиваются и зародыши ея аномаліи, развиваются и принимаютъ, наконецъ, такія рѣзкія формы, что уже теперь никто не ошибется насчетъ ихъ истиннаго значенія и не

смѣшаетъ ихъ съ здоровымъ состояніемъ человѣка. Такимъ образомъ, развитіе умственныхъ болѣзней прямо пропорціонально умственному прогрессу, развитію цивилизаціи. Это не значитъ, что ихъ порождаетъ цивилизація; нѣтъ, цивилизація (я употребляю это слово исключительно въ смыслѣ умственнаго прогресса) дѣлаетъ только *явнымъ* то, что до нея было *скрытымъ*, развиваетъ тѣ сѣмена, которыя запали въ человѣческую душу, когда человѣкъ былъ еще тупымъ невѣждою, когда его окружали ненормальныя условія дикой или полуцивилизованной жизни. За эти-то условія, за его прежнюю дикость, она и заставляетъ его расплачиваться. Какъ мстительная Немезида—она никого не забываетъ, она тщательно сберегаетъ и дурныя и хорошія сѣмена, и зародыши здороваго развитія и зародыши болѣзненнаго вырожденія, она не дѣлаетъ выбора, она съ одинаковою заботливостію вскармливаетъ и возращаетъ и «зерна и плевелы». Кто виноватъ, что плевелы разрослись? Конечно, тотъ, кто ихъ посѣялъ... Конечно, ни чрезмѣрно развитый эгоизмъ, ни чрезмѣрно развитое чувство страха, ни безпричинная тоска, перемежающаяся съ безпричиннымъ самовосхищеніемъ, ни самодурство, взятыя сами по себѣ, еще не составляютъ никакой умственной болѣзни, но они составляютъ то, что на языкѣ психіатровъ можетъ быть названо «insant temperament», *нездоровое* умственное состояніе. Такой «insant temperament» не всегда ведетъ къ умственному разстройству, но, передаваясь по наслѣдству, и при благопріятныхъ обстоятельствахъ онъ, въ большинствѣ случаевъ, вырождается въ помѣшательство. Условія, среди которыхъ жили наши Степаны Трофимовичи, какъ я уже сказалъ, мало благопріятствовали подобному вырожденію: почти совершенное отсутствіе дѣятельной нервной жизни, царящая кругомъ умственная спячка—вотъ что ихъ гарантировало отъ умственныхъ болѣзней. Зародыши умственныхъ аномалій остались зародышами, и въ этомъ видѣ перешли по наслѣдству къ ихъ дѣтямъ. Условія жизни послѣднихъ были, какъ всѣмъ извѣстно, нѣсколько иными, чѣмъ первыхъ.

П. Ткачовъ.

* * *

*) Грустное и тяжелое впечатлѣніе производитъ «другъ» генеральши Ставрогиной, Степанъ Трофимычъ Верховенскій. Проницательный читатель чувствуетъ съ прискорбіемъ, что этимъ типомъ расплачиваются какіе-то старые счеты съ отжитымъ, удовлетворяется какая-то непонятная ненависть къ прошлому.

Степанъ Трофимычъ не даромъ выставленъ отставнымъ профессоромъ университета, не даромъ пишетъ «блестящую» диссертацію о «Ганзеатическомъ значеніи нѣмецкаго городка Ганау, въ эпоху между 1413 и 1428 годами», «ловко уколовшую тогдашнихъ славянофиловъ», печатаетъ статью о причинахъ необычайнаго нравственнаго благородства какихъ-то рыцарей въ какую-то эпоху», читаетъ «лекціи объ Аравитянахъ».

Конечно, этотъ профессоръ не Тимоѳей Николаевичъ, а Степанъ Трофимовичъ, не Грановскій, а Верховенскій; онъ пишетъ о Ганау, а не о «Волинѣ, Іомсбургѣ и Винетѣ», не о Баярдѣ и аббатѣ Сугерьѣ, а о какихъ-то неопредѣленныхъ рыцаряхъ; читаетъ лекціи объ Аравитянахъ, а не о «судьбахъ Еврейскаго народа» и объ «Испанскомъ эпосѣ».

Но тѣмъ не менѣе только близорукій не пойметъ, что Степанъ Трофимычъ есть тенденціозная сатира на того «чистоплотнаго либерала 30-хъ годовъ», по великолѣпному выраженію Некрасова, представителемъ типа которыхъ былъ еще такъ недавно знаменитый московскій профессоръ.

Авторъ прямо говоритъ про своего Степана Трофимыча, что и онъ, безспорно, нѣкоторое время принадлежалъ къ знаменитой плеядѣ иныхъ прославленныхъ дѣятелей нашего прошедшаго поколѣнія, и что его имя даже произносилось на ряду съ именами Чаадаева, Бѣлинскаго, Грановскаго и Герцена.

Степана Трофимыча, по словамъ автора, именно и «соблазнила гремѣвшая въ то время слава одного незабвеннаго профессора, и онъ въ свою очередь полетѣлъ

*) Е. Марковъ. Изъ его статьи: „Романистъ-психіатръ“. „Критическія Бесѣды“. „Русская Бесѣда“ 1879 г., № 6.

на каѳедру, съ которой готовился, чтобы испробовать и свои орлиныя крылья».

Мы рѣшительно отказываемся постигнуть мотивы этой странной ироніи, особенно мало понятной въ устахъ человѣка 40-хъ годовъ.

Мы не споримъ, чтобы личность, подобная Степану Трофимычу, была невозможна, чтобы она не была правдоподобна, жалка и комична въ высшей степени.

Но мы теряемся въ догадкахъ, зачѣмъ понадобился такой карикатурный представитель гуманнаго и космополитическаго направленія 40-хъ годовъ для перваго плана романа, вызваннаго чувствомъ ужаса передъ надвигающимся потопомъ новаго хаотическаго и животно-грубаго направленія, направленія «Бѣсовъ?»

Мы теряемся въ догадкахъ, какой еще общій выводъ думалъ сдѣлать авторъ изъ своего романа, въ которомъ онъ изображалъ лучшихъ представителей старой мысли, лучшихъ «отцовъ», низкими, пустыми и лживыми шутами, паразитами, годными только на праздную болтовню, а въ представителяхъ новаго времени видѣлъ бѣсноватыхъ той Христовой притчи, въ которой бѣсы переселялись изъ человѣка въ свиней...

Но послушайте сперва нѣкоторыя выдержки изъ этой раздраженной характеристики человѣка «эстетическихъ идеаловъ».

Степанъ Трофимычъ живетъ въ провинціи, въ таинственной роли какого-то заподозрѣннаго государственнаго преступника, и это сознаніе своей мнимой опасности для правительства, своего мнимаго значенія въ государственныхъ судьбахъ, составляетъ, собственно говоря, все содержаніе его жизни и его замѣтнаго положенія въ обществѣ. Онъ постоянно тревожится за свою судьбу, и все ждетъ какихъ-то преслѣдованій и ударовъ, безъ всякой причины считая себя почему-то «гонимымъ» и «ссыльнымъ». Но, конечно, никто о немъ не думаетъ, никто не считаетъ его ни подозрительнымъ ни опаснымъ, всѣ давно забыли его, кромѣ его собственнаго самолюбія.

Эта черта характера Степана Трофимыча дѣйствительно

передана авторомъ и очень мѣтко и очень комично, хотя не безъ большого буфонства.

Основаніемъ этихъ странныхъ взглядовъ Степана Трофимыча на свою мнимую политическую неблагонадежность послужили, по разсказу автора, слѣдующія обстоятельства.

Когда-то въ одномъ «прогрессивномъ журналѣ, переводившемъ изъ Диккенса и проповѣдовавшемъ Ж. Санда» напечатано было «начало одного глубочайшаго изслѣдованія» Степана Трофимыча, въ которомъ «проводилась какая-то высшая и необыкновенно благородная мысль» (это, вѣдь, тоже иронія).

«Говорили потомъ, что продолженіе изслѣдованія было посмѣшно запрещено, и что даже прогрессивный журналъ пострадалъ за напечатанную первую половину». Очень могло это быть, потому что чего тогда не было? Но въ данномъ случаѣ вѣроятнѣе, что ничего не было, и что авторъ самъ полѣнился докончить изслѣдованіе.

Кромѣ того «кѣмъ-то» было перехвачено письмо его къ «кому-то» съ изложеніемъ «какихъ-то» обстоятельствъ, вслѣдствіе чего «кто-то» потребовалъ отъ него «какихъ-то» объясненій; въ то же время открыто было въ Петербургѣ «какое-то громадное, противуестественное и противугосударственное общество, человѣкъ въ тринадцать, и чуть не потрясшее зданія». Наконецъ, какъ нарочно, въ то же время въ Москвѣ схвачена была и поэма Степана Трофимыча, написанная имъ еще лѣтъ шесть до сего, въ ранней молодости, и «ходившая по рукамъ въ спискахъ между двумя любителями и у одного студента». Поэма эта—«какая-то аллегорія», которой понять нельзя. Тамъ и хоры женщинъ, и хоры какихъ-то силъ», и «хоры душъ еще не жившихъ»; всѣ эти хоры «поютъ о чемъ-то неопредѣленномъ, большею частью о чьемъ-то проклятіи, но съ оттѣнкомъ высшаго юмора».

Степанъ Трофимычъ безконечно гордится этою поэмою и безконечно встревоженъ за нее. Предположеніе, что она совсѣмъ невинна, приводитъ его въ негодованіе. Когда ее напечатали какъ-то въ заграничномъ сборникѣ, то онъ даже «бросился къ губернатору и написалъ благороднѣй-

шее, оправдательное письмо въ Петербургъ», а экземпляръ сборника ежедневно пряталъ подъ тюфякъ своей постели. Вообще Степанъ Трофимычъ продолжалъ жить на чужой счетъ, содержанцемъ богатой и старой барыни, ученымъ болтуномъ для показа, праздным лѣнтяемъ и сластолюбцемъ, но держалъ себя относительно общества «воплощенною укоризной».

Даже садясь ежедневно за ералашъ въ клубѣ, онъ имѣлъ такой видъ, какъ-бы говорилъ Россіи: «Карты! я сажусь въ ералашъ! Развѣ это совмѣстно? Кто же отвѣчаетъ за это? Кто разбилъ мою дѣятельность и обратилъ ее въ ералашъ? Э! погибай Россія!» и онъ осанисто козырялъ съ червей».

Когда случились недоразумѣнія между крестьянами по поводу наступившей реформы, то Степанъ Трофимычъ ужасно взволновался.

«Онъ кричалъ въ клубѣ, что войска надо больше, чтобы призвали изъ другого уѣзда по телеграфу; бѣгалъ къ губернатору и увѣрялъ его, что онъ тутъ ни при чемъ; просилъ, чтобъ не замѣшали его какъ-нибудь, по старой памяти, въ дѣло и предлагалъ немедленно написать о его заявленіи въ Петербургъ, кому слѣдуетъ».

Бесѣдовать и поучать Степанъ Трофимычъ любитъ до болѣзни. Ему необходима была аудиторія «необходимо было сознаніе о томъ, что онъ исполняетъ высшій долгъ пропаганды идей; а, наконецъ, надобно же было съ кѣмъ-нибудь выпить шампанскаго и обмѣняться за виномъ извѣстнаго сорта веселенькими мыслями о Россіи и «русскомъ духѣ», о Богѣ вообще и о «русскомъ Богѣ въ особенности».

Эту «либеральную болтовню», въ городѣ понапрасну считали вольнодумствомъ, потому что въ ней въ сотый разъ повторялись «скандалезные анекдоты», при чемъ «непрочь были и отъ городскихъ сплетенъ», «впадали и въ общечеловѣческое, строго разсуждали о будущей судьбѣ Европы и человѣчества», вообще предавались, по выраженію автора, «высшему либерализму».

Все это, конечно, очень смѣшно и очень остро; остро

и то, что бездѣльничающій ораторъ увѣряетъ, что «онъ двадцать лѣтъ бьетъ въ набатъ и зоветъ къ труду»; остро и то, что этотъ клубный игрокъ и любитель шампанскаго проповѣдуетъ «ту вѣковѣчную священную тоску, которую иная избранная душа, разъ вкусивъ и познавъ, уже не промѣняетъ потомъ ни на какое душевное удовлетвореніе».

Но отъ всего этого остроумничанья и смѣха надъ старымъ лгуномъ и старымъ бездѣльникомъ въ теченіе цѣлыхъ трехъ томовъ романа,—остроумничанья, которое принимаетъ и формы безконечныхъ монологовъ и формы длинныхъ писемъ и дневниковъ, которое пересаливаетъ свой ядъ до невозможности, до тошноты, и оголяетъ до нага, до оскорбительной очевидности, всѣ подмостки своихъ тенденціозныхъ подходовъ,—на душѣ дѣлается далеко не смѣшно.

Передъ вами происходитъ не художественное правдивое изображеніе цѣлаго человѣка, какъ онъ есть, съ его достоинствами и недостатками, въ его добрѣ и злѣ,—нѣтъ, это какое-то надоѣдливое, придирчивое и безжалостное помыканіе слабымъ ближнимъ, который не успѣлъ утаить отъ васъ пороковъ, сквозь довѣрчивость котораго вы подглядѣли каждую черную ниточку у него внутри, и котораго вы съ жадностью радостнаго открытія хватаете именно за эти черныя нитки его, грубо залѣзаете своими безцеремонными кулаками въ его внутренности и тащите, комкаете, рвете оттуда все, что́ зацѣпили въ этотъ кулакъ, и не хотите разстаться съ своею жертвою, а волочите ее безъ состраданія по улицѣ, всѣмъ показывая черноту разоблаченнаго грѣшника, всѣхъ громко сзывая къ себѣ, заливаясь злораднымъ, ликующимъ хохотомъ, что вотъ, молъ, на какой пьедесталъ себя сажалъ человѣкъ, а какая оказалась дрянь, гляньте только, прохожіе, какая дрянь, и плюйте на него вмѣстѣ со мною, и радуйтесь вмѣстѣ со мною, что дрянь, дрянь, и ничего больше!..

Однимъ словомъ, авторъ продѣлываетъ надъ своимъ героемъ, Степаномъ Трофимычемъ, именно тотъ безобразно несправедливый, безпричинно ожесточенный судъ, который такъ возмущаетъ его въ Липутиныхъ, Лямшиныхъ,

Петрахъ Степанычахъ и другихъ «бѣсахъ» новаго времени, пропзводящихъ надъ жизнію людей свои мясницкія операціи.

Удивительно, что всѣ эти ѣдкія осмѣянія излишней мнительности болтающаго либерализма 40-хъ годовъ, его дѣтской игры въ политическія опасности и политическія преслѣдованія, слышатся изъ устъ человѣка, который чуть не 10 лѣтъ выстрадалъ именно за эти «письма къ кому-то о чемъ-то», за эти смѣшныя «общества въ 13 человѣкъ, потрясшія зданія».

Кому другому, но ужъ во всякомъ случаѣ не Достоевскому пристало потѣшаться надъ напрасною подозрительностью русскаго «высшаго либерализма», въ которомъ, какъ онъ знаетъ, далеко не всегда можно позировать безопасно.

Неужели же вся исторія либерализма нашего, какъ-бы слабъ и смѣшонъ ни былъ онъ во многихъ своихъ проявленіяхъ, не вдохновила страдальца этого либерализма ни на что другое, кромѣ сочинительства чудовищной карикатуры на него? Ибо если Степанъ Трофимычъ Верховенскій, самъ по себѣ, во многихъ отношеніяхъ и живой человѣкъ, то Степанъ Трофимычъ, какъ типическій представитель «чистоплотнаго либерализма», есть возмутительный, грязный памфлетъ на него, и ничего болѣе.

Мотивы, которые вывели на сцену Степана Трофимыча, не новость въ нашей литературѣ. Тургеневъ гораздо прежде Достоевскаго оборвалъ Икаровы крылья нашего идеалиста, эстетика 40-хъ годовъ, выставивъ своего Рудина, тоже празднаго болтуна, тоже человѣка сомнительныхъ постуковъ и возвышенной проповѣди. Но какая все-таки громадная разница между жизненностью портретовъ Рудина и Степана Трофимыча, и какая еще большая разница въ рѣзкости и несправедливости оцѣнки своихъ героевъ у обоихъ авторовъ. Тургеневъ, не скрывая, обнажаетъ слабости своего Рудина, и не скрываетъ своего собственнаго несочувственнаго взгляда на эти слабости; но Тургеневъ,— правъ онъ или нѣтъ въ своемъ несочувствіи, — все-таки рисуетъ полнаго и подлиннаго человѣка, за которымъ

пельзя не признать извѣстной силы, извѣстныхъ заслугъ, рядомъ съ очевидными его грѣхами; Рудинъ Тургенева возбуждаетъ много сожалѣній и досады, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ близокъ и даже нѣсколько дорогъ сердцу читателя. Читатель признаетъ въ немъ въ значительной степени себя самого, свои національные грѣхи и грѣхи своего вѣка, своего сословія, и въ то же время много добраго, что̀ свойственно русскому человѣку, русскому дворянину, русскому гуманисту... Словомъ, онъ вѣритъ въ Рудина, онъ относится къ нему, какъ къ правдѣ, какъ къ живому; оттого Рудинъ сразу сдѣлался и надолго останется художественнымъ типомъ нашей литературы, рядомъ съ Онѣгинымъ, Обломовымъ и другими; оттого Рудинъ сдѣлался въ свое время нарицательнымъ именемъ.

Но Степанъ Трофимычъ совсѣмъ другое. Это основной порокъ типа Рудиныхъ, выдѣленный анатомическимъ ножомъ изъ внутренности живого разносторонняго организма и пущенный жить подъ кличкою и въ ложной формѣ живого человѣка. Какъ всякое созданіе исключительно сатирическаго настроенія, онъ не имѣетъ теплой крови и бьющагося сердца, а производитъ впечатлѣніе болѣе или менѣе искусной, но непремѣнно односторонней и безжизненной логической постройки. Какъ ни хлопочетъ авторъ надѣлить его тѣми и другими quasi-живыми подробностями, замаскировать отъ проницательнаго взгляда читателя его автоматичность, — механика самая ловкая все-таки не въ силахъ сойти за живой организмъ. Смѣхъ сатиры слишкомъ холоденъ и разрушителенъ, чтобы онъ могъ зажечь въ своихъ созданьяхъ огонь настоящей неподдѣльной, искренней жизни...

Сквозь портреты, подобные портретамъ Степана Трофимыча и большинству другихъ портретовъ Достоевскаго,— сколько ни потрачено на нихъ глубины мысли и психологическаго генія, — не перестаетъ глядѣть на читателя поучающій, обличающій или насмѣхающійся авторъ. Они слишкомъ блѣдны, плоски и холодны, чтобы заслонить собою тенденцію автора, вызвавшую ихъ на Божій свѣтъ, и заставить читателя имѣть дѣло прямо съ собою, и только

съ собою, непобѣдимо увлекши фантазію его въ свой міръ художественнаго вымысла.

Но, повторяю, помимо сатирической односторонности этого типа, насъ изумляетъ глубокая несправедливость Достоевскаго къ эпохѣ нашего просвѣщенія, воспитавшей его собственные гуманные идеалы, и вообще подготовившей въ нашемъ грубомъ, почти дикомъ обществѣ, при самыхъ трудныхъ историческихъ и соціальныхъ обстоятельствахъ, ту первую нравственную почву, на которой мы стали людьми 60-хъ годовъ; не намъ учить Достоевскаго, что болтуны 40-хъ годовъ, съ ихъ непрактическими сердечными трепетаньями, съ ихъ излишне-возвышенными порывами мысли, съ ихъ сантиментальными идеализаціями «Бѣдныхъ Людей»,—пробивали этою платоничностью своею, этими эстетическими и нравственными идилліями, первыя бреши въ носорожьей бронѣ невѣжества нашихъ Митрофанушекъ и матеріальности нашихъ Скотининыхъ, которые господствовали тогда въ классахъ русскаго общества, еще почти въ дѣвственной непочатости.

Не типомъ Степановъ Трофимычей должна быть помянута эта розовая юность нашей русской цивилизаціи, хотя, конечно, мы тогда трогались рисункомъ сердца, пронзеннаго стрѣлою, и со слезами перевязывали розовыми ленточками свои посланія и мечтанія о счастьѣ въ хижинѣ, не выходя изъ барскихъ хоромъ.

Грезы юности, подвиги юности, всегда нѣсколько смѣшны въ возрастѣ зрѣлой жизни. Но зато какъ безконечно скуденъ, сухъ и жалокъ человѣкъ, которому нечего было унесть изъ своей юности; который вправѣ похвалиться, что съ дѣтскихъ лѣтъ не сдѣлалъ ни одной глупости, не увлекался ни одною непрактическою мечтою; который въ куклахъ своихъ, даже въ пять лѣтъ, видѣлъ деревяшекъ, а не живыхъ людей; который уже въ пятнадцать лѣтъ догадался, что до Бога далеко, и что своя рубашка ближе къ тѣлу, чѣмъ чужая. Чичиковъ еще школьникомъ продавалъ своимъ товарищамъ карандаши и ножички и, конечно, не засаривалъ своей головы бреднями о всеобщемъ братствѣ народовъ; не сомнѣваемся, что и Молчалинъ вос-

питывалъ свои таланты «умѣренности и аккуратности» на той же трезвой правдѣ жизни, въ той же дали отъ сантиментальностей и платоническихъ мечтаній.

Сурова та экономическая среда, въ которой вращается наша нравственная жизнь, какъ шаръ земной вращается въ пространствахъ вселенной... Студитъ и леденитъ она съ каждымъ мгновеніемъ движенія горячее, пышущее огнемъ, ядро сердечной жизни человѣка, и все толще, все тверже, подъ мертвящимъ дыханіемъ ея, наростаетъ вокругъ него черная, глухая кора, все дальше и глубже уходитъ внутрь себя это трепещущее жизнью ядро.

Много запасовъ безразсуднаго великодушія, неопытной мечты, неосновательной вѣры нужно захватить съ собой въ дорогу человѣку, отправляясь отъ предѣловъ юности своей въ холодныя пустыни зрѣлаго возраста, чтобы не застыть и не окаменѣть на первыхъ же шагахъ.

Это наблюденіе житейскаго опыта столько же относится къ жизни цѣлаго общества, какъ и къ жизни отдѣльнаго человѣка. Его во всякомъ случаѣ нелишне имѣть въ виду, когда произносишь, въ той или другой формѣ, безпощадный судъ надъ своимъ прошлымъ.

Что у автора есть какіе-то непонятные личные счеты съ прошлымъ—высказывается не въ одной безпощадности его преувеличеній, а еще и въ такихъ прозрачныхъ личныхъ намекахъ, которые могутъ быть названы только мстительнымъ чувствомъ и положительно непостижимы въ художественномъ произведеніи. Вѣдь, увѣряютъ же, что и Рудинъ и Базаровъ Тургенева списаны съ живыхъ знакомцевъ автора, однако вы видите въ нихъ полные художественные типы, безъ всякаго признака раздражительной сатиры, значитъ, художникъ въ нихъ все-таки побѣдилъ личнаго человѣка.

Е. Марковъ.

* * *

*) Источникомъ всѣхъ идейныхъ броженій въ романѣ сдѣланъ Степанъ Трофимовичъ Верховенскій, безпочвенный энтузіастъ и эстетикъ сороковыхъ годовъ. Онъ далъ первое воспитаніе Ставрогину, заронилъ какія-то сѣмена отрицанія въ душу своего сына, Петра Верховенскаго, повліялъ на Шатова и, наконецъ, оказалъ огромное воздѣйствіе на психическое развитіе Даши и Лизы. Такимъ образомъ, онъ является умственнымъ родоначальникомъ новаго поколѣнія, которое, однако, принципіально разошлось съ нимъ во всѣхъ коренныхъ вопросахъ жизни и духа. Самъ Степанъ Трофимовичъ представляется, такимъ образомъ, по художественному замыслу Достоевскаго, какъ бы причиною всѣхъ неудачъ этого молодого движенія, его ошибокъ, его пагубныхъ заблужденій. Его безпочвенный идеализмъ выродился въ безпочвенный, антинародный нигилизмъ у Петра Верховенскаго, въ холодный демонизмъ у Ставрогина, въ сентиментально-приподнятый, головной романтизмъ у Шатова. Вотъ въ какомъ видѣ рисуется намъ вся идейная концепція этого замѣчательнаго произведенія. Достоевскій ведетъ читателя къ идеѣ народности, русской народности, такъ сказать, черезъ отрицательныя характеристики двухъ смѣнившихъ другъ друга эпохъ, двухъ поколѣній, которымъ должно притти на смѣну третье, новое поколѣніе, уже прямо изъ сердца народнаго, съ православно-русскими идеалами въ области религіи и общественности. Со страницъ консервативнаго катковскаго «Русскаго Вѣстника» романъ звучалъ суровымъ осужденіемъ всему, что дѣлалось въ молодой, передовой Россіи.

Самъ Степанъ Трофимовичъ описанъ въ романѣ съ беззлобнымъ юморомъ, который иногда переходитъ въ легкій шаржъ. Онъ весь виденъ и понятенъ въ своемъ старомодномъ обликѣ, напоминающемъ Кукольника, съ своимъ вѣчнымъ паѳосомъ, выливающимся у него въ чудеснѣйшую стилистику, въ которой, однако, мѣткія русскія слова постоянно чередуются съ французскими. Онъ забавенъ, почти

*) А. Л. Волынскій. Изъ его книги: „Ф. М. Достоевскій“. „Книга великаго гнѣва“. Статья подъ заглавіемъ: „Мадонна Сикстинская“.

смѣшонъ, но чувствуется, что, при изображеніи этого человѣка, въ Достоевскомъ дрожали какія-то слезы. Достоевскій почти все отрицаетъ въ этомъ безнародномъ типѣ, но отрицаетъ съ такимъ нѣжнымъ благородствомъ, съ такою благодушною мягкостью, что кажется—онъ любитъ этого сентиментальнаго фантазера сороковыхъ годовъ. Если бы онъ примѣнилъ тотъ же художественный и глубокочеловѣчный методъ отрицанія и къ нигилизму, какую правду онъ открылъ бы и показалъ бы читающему міру въ своемъ романѣ. Въ его изображеніи революціоннаго міра не было бы этого удушья гнѣва и злобы, этихъ гремящихъ анаѳемъ апокалипсической символики, которыя заслоняютъ отъ насъ истинный смыслъ огромнаго историческаго явленія. Достоевскій такъ любитъ почву, такъ кричитъ о ней въ своемъ романѣ, что минутами кажется, будто онъ недостаточно любитъ небо. Онъ суживаетъ самые горизонты идеализма, въ которомъ, даже при критическомъ отношеніи къ человѣческимъ слабостямъ и строгой формулировкѣ человѣческихъ задачъ, все-таки остается мѣсто для крылатой, оторванной отъ почвы фантазіи и даже для разныхъ сентиментальныхъ утопій. А если космополитическія идеи и настроенія Степана Трофимовича сами по себѣ не плохи, то, можетъ-быть, не такъ плоха,—при всѣхъ своихъ ошибкахъ, при всемъ своемъ протестантствѣ противъ чистой религіи, — и соціальная фантастика молодого поколѣнія шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ.

Все, что относится въ романѣ къ Степану Трофимовичу, имѣетъ почти комическій характеръ. Когда онъ возвратился изъ-за границы, гдѣ завершалъ свое образованіе, онъ прочелъ нѣсколько лекцій — «кажется, объ Аравитянахъ», и даже успѣлъ защитить «блестящую диссертацію о возникавшемъ было гражданскомъ и ганзеатическомъ значеніи нѣмецкаго города Ганау, въ эпоху между 1413 и 1428 годами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о тѣхъ особенныхъ и неясныхъ причинахъ, почему значеніе это вовсе не состоялось». Здѣсь слышится смѣхъ Достоевскаго надъ этою ученостью, совершенно оторванной отъ родной почвы. Затѣмъ Степанъ Трофимовичъ успѣлъ напечатать въ «про-

грессивномъ журналѣ» начало одного «глубочайшаго изслѣдованія»—«кажется, о причинахъ необычайнаго нравственнаго благородства какихъ-то рыцарей, въ какую-то эпоху, или что-то въ этомъ родѣ». Была имъ также сочинена какая-то фантастическая поэма «съ оттѣнкомъ высшаго значенія», которая позднѣе была опубликована даже въ одномъ революціонномъ журналѣ за-границею. Вотъ какими чертами рисуется этотъ представитель безпочвеннаго идеализма сороковыхъ годовъ. Онъ самъ полонъ возвышенной мелодрамы на эстетической подкладкѣ. Онъ эстетикъ до мозга костей, вдохновенный поклонникъ «Сикстинской Мадонны», убѣжденный защитникъ искусства. «О, друзья мои,—восклицаетъ онъ,—вы представить не можете, какая грусть и злость охватываютъ всю вашу душу, когда великую идею, вами давно уже и свято чтимую, подхватятъ неумѣлые и вытащутъ къ такимъ же дуракамъ, какъ и сами, на улицу, и вы вдругъ встрѣчаете ее уже на толкучемъ, неузнаваемую, въ грязи, поставленную нелѣпо, угломъ, безъ пропорціи, безъ гармоніи, игрушкою глупыхъ ребятъ. Нѣтъ! Въ наше время было не такъ, и мы не къ тому стремились. Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не къ тому!». Онъ хотѣлъ «примкнуть къ движенію и показать свои силы», но это оказалось невозможнымъ, потому-что движеніе это, грубо реалистическое и безпощадное по отношенію ко всякой эстетикѣ, отвергло его участіе и окончательно стреклось отъ сентиментальныхъ преданій прошедшаго поколѣнія. Тогда Степанъ Трофимовичъ рѣшается «выйти изъ уединенія, предложить борьбу, задать послѣднюю битву». Желая схватиться съ противниками на ихъ же почвѣ, онъ изучаетъ «Что дѣлать?» Чернышевскаго и, внѣ себя отъ ужаса, время отъ времени отбрасываетъ книгу и шагаетъ по комнатѣ «почти въ изступленіи». На предстоящемъ литературномъ вечерѣ Степанъ Трофимовичъ скажетъ рѣшительное слово «о царицѣ царицъ», объ этомъ «идеалѣ человѣчества», о Мадоннѣ Сикстинской. Въ своихъ мысляхъ онъ витаетъ въ облакахъ, высоко надъ современной дѣйствительностью, и его безформенныя мечты о красотѣ находятъ свой послѣдній символъ въ Мадоннѣ Рафаэля.

Достоевскій постоянно намекаетъ на то, что эстетическій паѳосъ Степана Трофимовича не питается ничѣмъ реальнымъ, никакою влагою родной почвы и живой современности, а имѣетъ характеръ возвышенной химеры, которая только разслабляетъ его тѣло, его нервы, его душу. «Я прочту о Мадоннѣ», — кричитъ Степанъ Трофимовичъ,— «но подыму бурю, которая или раздавитъ ихъ всѣхъ или поразитъ одного меня». Онъ замышляетъ бунтъ противъ «коротенькихъ идей» нигилизма. «Таковъ мой жребій. Я разскажу о томъ подломъ рабѣ, о томъ вонючемъ и развратномъ лакеѣ, который первый взмостится на лѣстницу съ ножницами въ рукахъ и раздеретъ божественный ликъ великаго идеала во имя равенства, зависти и... нищеваренія. Пусть прогремитъ мое проклятіе». Само собою разумѣется, что Достоевскій сознательно приподнимаетъ здѣсь тонъ рѣчей Степана Трофимовича до какой-то поэтической ходульности, но за этою мелодрамою, которую представляетъ собою его жизнь и его вопли, чувствуется хорошее, трогательное, юношески наивное сердце, въ которое нигилизмъ вонзилъ свою холодную стрѣлу. Степанъ Трофимовичъ плачетъ при одной мысли о томъ, что «Сикстинская Мадонна», это чудо чудесъ, можетъ сдѣлаться жертвою грубаго реалистическаго движенія, и, видя его обрызганное слезами лицо, читатель проникается къ нему полнымъ сочувствіемъ, можетъ-быть, даже вопреки идейному замыслу Достоевскаго. Какая-то струна поетъ и плачетъ въ насъ въ отвѣтъ на пѣвучую тоску Степана Трофимовича.

Рѣчь Стефана Трофимовича на публичномъ вечерѣ это какое-то сплошное рыданье стараго энтузіаста. Онъ пришелъ бороться съ «коротенькой» философіей нигилизма, но, въ сущности, по свойственной ему мягкости, онъ сразу переходитъ въ примирительный тонъ и говоритъ, что совершилось только перемѣщеніе культа красоты, перемѣна предмета внутренняго поклоненія. «Я пришелъ съ оливною вѣтвью,—говоритъ онъ,—я принесъ послѣднее слово, ибо въ этомъ дѣлѣ обладаю послѣднимъ словомъ,—и мы помиримся». Съ первыхъ же словъ своихъ онъ трогателенъ

И уже чувствуется, что онъ сейчасъ будетъ говорить безпочвенно-общими словами, которыхъ такъ не любятъ сильныя реалистическія натуры. «Я, отжившій старикъ,—продолжаетъ Степанъ Трофимовичъ, — я объявляю торжественно, что духъ жизни вѣетъ по прежнему, и живая сила не изсякла въ молодомъ поколѣніи. Энтузіастъ современной юности такъ же чистъ и свѣтелъ, какъ и нашихъ временъ. Произошло лишь одно: перемѣщеніе цѣлей, замѣщеніе одной красоты другою! Все недоумѣніе лишь въ томъ, что прекраснѣе: Шекспиръ или сапоги, Рафаэль или петролей?». Конечно, все это безпочвенно съ точки зрѣнія какихъ-либо историческихъ конкретностей: и Шекспиръ, и Рафаэль, и красота—все это только громкія слова для толпы, и даже самое понятіе духа, вѣющаго съ неослабною силою черезъ всѣ перипетіи соціальныхъ эволюцій, что это такое, какъ не безплодныя абстракціи для здравомыслящаго русскаго человѣка семидесятыхъ годовъ? А между тѣмъ, все это прекрасно, трогательно и въ своей трогательности можетъ оказаться для иныхъ сильнѣе сильнаго. Конечно, силенъ, жизненно силенъ только почвенный человѣкъ, а безпочвенный кажется безсильнымъ, какъ бы непригоднымъ для жизни, но какая сила заложена въ трогательныхъ людяхъ, именно въ тѣхъ, которые витаютъ надъ реальною почвою, мечтаютъ и любятъ мечту,—безцѣльную и безплодную! Такіе люди только кажутся безсильными, ибо это люди-птицы, по выраженію геніальнаго Беркли, волнующіе людей зрѣлищемъ своего полета, взмахами своихъ крыльевъ, и безъ этихъ людей-птицъ, среди людей-рыбъ и людей-звѣрей, грустно и тошно было бы жить на свѣтѣ. Степанъ Трофимовичъ—это старая бѣлая чайка, быть-можетъ, съ перебитымъ крыломъ, все еще взлетающая надъ бурнымъ моремъ русской жизни. «Шекспиръ и Рафаэль,—кричитъ онъ,—выше освобожденія крестьянъ, выше народности, выше соціализма, выше поколѣнія, выше химіи, выше почти всего человѣчества, ибо они уже плодъ, настоящій плодъ, всего человѣчества, и, можетъ-быть, высшій плодъ, какой только можетъ быть! Форма красоты уже достигнутая, безъ достиженія которой

я, можетъ, и жить-то не соглашусь». Все это опять-таки, страшно безпочвенно, безплодно и даже нелиберально съ точки зрѣнія «коротенькой» философіи разсудка, а между тѣмъ и въ этихъ стрѣлахъ, выпущенныхъ противъ разнообразныхъ темъ журнальнаго прогрессизма, звучитъ правда, и притомъ хорошая правда. Вѣдь, Степанъ Трофимовичъ говоритъ здѣсь не противъ освобожденія крестьянъ, а противъ такой идеи освобожденія, которая, въ умахъ ограниченныхъ по міровоззрѣнію людей, должна непремѣнно ставить сапоги выше Шекспира и Рафаэля. Противъ этихъ-то людей и возмущается Степанъ Трофимовичъ, надъ ними-то и стонетъ эта старая бѣлая чайка. А идея освобожденія крестьянъ остается нетронутой въ своей красотѣ и, можетъ-быть, она-то и настраиваетъ его примирительно по отношенію къ молодому поколѣнію. «Безъ англичанина еще можно прожить человѣчеству, — продолжаетъ онъ, — безъ Германіи можно, безъ русскаго человѣка слишкомъ возможно, безъ науки можно, безъ хлѣба можно, безъ одной только красоты невозможно, ибо совсѣмъ нечего будетъ дѣлать на свѣтѣ? Вся тайна тутъ, вся исторія тутъ! Сама наука не простоитъ минуты безъ красоты,—знаете ли вы про это, смѣющіеся,—обратится въ хамство, гвоздя не выдумаете! Не уступлю!» Тутъ красота есть синтезъ всего возвышеннаго, того хлѣба духовнаго, безъ котораго ничего не стоитъ физическій хлѣбъ. Хорошо имѣть сапоги, чтобы итти въ нихъ къ Шекспиру, къ «Мадоннѣ Сикстинской», къ высокимъ правдамъ духа человѣческаго, къ тому, что Степанъ Трофимовичъ называетъ красотою, а сами по себѣ они вздоръ. Вотъ о чемъ стонетъ, возносясь надъ интересами своей народности и исторической современности, старая бѣлая чайка.

Бѣднаго Степана Трофимовича безжалостно осмѣяли и ошпикали: публика была настроена нигилистически. И вотъ онъ, поссорившись также и съ Варварой Петровной, у которой онъ жилъ, беретъ зонтикъ, палку и саквояжъ, и уходитъ. «Бѣгу изъ бреда,—говоритъ онъ,—горячечнаго сна, бѣгу искать Россію, existe-t-elle la Russie?» Онъ самъ не знаетъ, куда идетъ, но стѣсненная душа его хочетъ воли,

ширп, большой, безконечной дороги, потому-что все разбито и съ прошедшимъ все покончено. Это послѣднее путешествіе Степана Трофимовича—настоящая фантасмагорія, и страницы романа, изображающія его предсмертныя страданія и упоенія, полны высокой, чистой поэзіи. Степану Трофимовичу кажется, что самымъ своимъ бѣгствомъ онъ «подымаетъ знамя великой идеи и идетъ умереть за него на большой дорогѣ». Большая дорога—это символъ широкихъ и возвышенныхъ настроеній Степана Трофимовича. И передъ смертью онъ хочетъ стоять на большой дорогѣ, а не на томъ узкомъ пути, по которому бредутъ его современники-реалисты. «Большая дорога — это есть нѣчто длинное, длинное, чему не видно конца, — точно жизнь человѣческая, точно мечта человѣческая. Въ большой дорогѣ заключается идея... Vive la grande route, а тамъ что Богъ дастъ!» Достоевскій толкаетъ своего героя все дальше и дальше по пути его безпочвенныхъ идей, чтобы на этомъ пути открыть передъ нимъ въ послѣднюю минуту большую правду, настоящее небо, не то небо, подъ которымъ жили сентиментально-идеалистическія натуры сороковыхъ годовъ, а, такъ сказать, небо небесъ, звѣзды, скрытыя за всѣми звѣздами, видимыми глазу. Среди печальныхъ превратностей своего странничества Степанъ Трофимовичъ встрѣчается съ простою женщиною—книгоношею, и этотъ случай по новому настраиваетъ его по отношенію къ Евангелію. «Я давно уже хотѣлъ перечитать»,—говоритъ онъ. И тутъ, въ ясновидѣніи предсмертной минуты, передъ нимъ, въ самомъ дѣлѣ, сверкнула и развернулась «длинная, длинная дорога», безконечная, какъ жизнь человѣческая, безформенно-просторная, какъ мечта человѣческая. Степанъ Трофимовичъ уже собирается проповѣдывать Евангеліе народу. «Я ему изложу его. Въ изложеніи устномъ можно исправить ошибки этой замѣчательной книги. Я буду полезенъ и на большой дорогѣ». Наивный деизмъ прошедшаго времени перемѣшивается здѣсь съ высокимъ религіознымъ настроеніемъ, и уже чувствуется, что этотъ человѣкъ могъ бы весь уйти въ Евангеліе, уйти безпочвенно и въ то же время вдохновенно, всецѣло отдаться фанта-

стическимъ миражамъ этой книги, которые почти не видны людямъ иныхъ настроеній. Именно онъ, Степанъ Трофимовичъ, взялъ бы отъ Евангелія его вдохновительную мистику и символическую эстетику, какъ никто другой въ мірѣ. Книгоноша Софья Матвѣевна вычитываетъ ему то мѣсто изъ Апокалипсиса, въ которомъ Іоаннъ Богословъ отвергаетъ все серединное, все заурядное, — теплое, а не горячее или холодное. «Это... и это въ вашей книгѣ!— восклицаетъ Степанъ Трофимовичъ, сверкая глазами.—Я никогда не зналъ этого великаго мѣста. Слышите: скорѣе холоднаго, холоднаго, чѣмъ теплаго, чѣмъ только теплаго». Онъ никогда не зналъ этого мѣста, но, разъ узнавъ, онъ дѣлается фанатическимъ приверженцемъ евангельской философіи. Онъ чувствуетъ родство своей души съ этой философіей, онъ весь въ ней, потому-что она вся его—вся его психика, вся его крылатая фантазія. Онъ проситъ Софью Матвѣевну прочесть ему мѣсто о бѣсахъ и о стадѣ свиней изъ Евангелія Луки, и, выслушавъ нѣсколько стиховъ, преисполняется высшимъ энтузіазмомъ. Наконецъ-то онъ понялъ, что такое нигилизмъ: это всѣ язвы, всѣ міазмы русской исторіи, накопившіеся за много вѣковъ въ народномъ организмѣ и прорвавшіеся въ демонической революціи молодого поколѣнія. «Но больной исцѣлится и сядетъ у ногъ Іисусовыхъ». Вотъ что рисуется Степану Трофимовичу въ далекой перспективѣ русской жизни, и въ этой перспективѣ русская жизнь и жизнь всего человѣчества сливаются въ нѣчто единое.

Степанъ Трофимовичъ умираетъ въ преддверіи великихъ правдъ. Сквозь бредъ предсмертной минуты онъ видитъ какія-то тонкія-тонкія правды, далекія, безпочвенныя и при этомъ необычайно возвышенныя. Ему предлагаютъ причаститься, и онъ «задумчиво» соглашается пройти черезъ «величественную церемонію» и затѣмъ причащается «весьма охотно». Обрядъ оконченъ, и священникъ говоритъ ему слова примитивнаго религіознаго утѣшенія, которыя онъ выслушиваетъ съ «тонкой усмѣшкой» на губахъ. Онъ безконечно выше этого священника въ своемъ подъемѣ къ небу. Буря взнесла эту старую чайку на высокую

скалу, и тамъ она умираетъ, тихая-тихая, съ благостнымъ пѣніемъ въ своемъ вѣчно юномъ сердцѣ. «Друзья мои,—говоритъ онъ,—Богъ уже потому мнѣ необходимъ, что это единственное существо, которое можно вѣчно любить». Передъ уходомъ въ вѣчность, онъ видитъ вѣчность и уже прилѣпляется къ ней. «Мое безсмертіе уже потому необходимо,—продолжаетъ онъ,—что Богъ не захочетъ сдѣлать неправды и погасить совсѣмъ огонь разъ возгорѣвшейся къ Нему любви въ моемъ сердцѣ... Если есть Богъ, то и я безсмертенъ. Voilà ma profession de foi». Такъ свойственно думать безпомощной человѣческой мысли, потому-что, вылившаяся въ форму и привыкшая къ формѣ, она и въ даль вѣчности смотритъ сквозь какія-то несбыточныя формы. И пусть все это иллюзіи, внутреннія оптическіе обманы,—въ этихъ иллюзіяхъ и самообманахъ все-таки пульсируетъ какое-то хорошее, высокое чутье человѣческое по отношенію къ мистическому міру. Этотъ міръ далекъ и холоденъ, но мы идемъ къ нему до послѣдняго теплаго дыханія своего, и естественно ждемъ, что и тамъ, гдѣ-то тамъ, невѣдомо гдѣ, будетъ все-таки какая-то теплота, какая-то формирующая правда, не наша правда, не похожая на всѣ наши земныя правды, но все-таки сродная намъ и по новому насъ организующая. Это не мысли, а лишь утѣшительныя и вдохновительныя ощущенія, безъ которыхъ такъ трудно жить и тяжко умирать, съ которыми можно все простить этому неустроенному земному міру. «Каждая минута,—говоритъ Степанъ Трофимовичъ,—каждое мгновенье жизни должны быть блаженствомъ человѣку, должны, непремѣнно должны! Это обязанность самого человѣка такъ устроить, это его законъ—скрытый, но существующій непремѣнно». Когда имѣешь въ душѣ своей отрадныя догадки относительно мистическаго будущаго, уже можешь, уже умѣешь помириться съ настоящимъ и даже увидѣть въ немъ залоги иныхъ истинъ и иныхъ человѣческихъ отношеній. Изъ глубокаго духовнаго откровенія рождается всепрощающій взглядъ на окружающее, этотъ лирическій гимнъ бытію человѣческому. Не страшно жить, если видишь передъ собою и подъ собою то, что видитъ Степанъ Трофи-

мовичъ со своей скалы. «Всякому человѣку, — говоритъ онъ,—кто бы онъ ни былъ, необходимо преклониться передъ тѣмъ, что есть Великая Мысль... Безмѣрное и безконечное такъ же необходимо человѣку, какъ и та малая планета, на которой онъ обитаетъ... Друзья мои, всѣ, всѣ: да здравствуетъ Великая Мысль! Вѣчная, безмѣрная Мысль!» Какъ безконечно трогателенъ этотъ предсмертный крикъ старой чайки. Степанъ Трофимовичъ хочетъ быть далекимъ отъ всякой догматики, ибо онъ философъ, мыслитель, который не желаетъ итти къ своей святынѣ проторенными житейскими путями, черезъ каноны спиритуализма. Ему нужна не канонизированная правда, а, такъ сказать, естественная правда психологическаго откровенія, которая остается имъ для ума въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она только что родилась въ его душѣ. Степанъ Трофимовичъ прославляетъ Великую Мысль, чтобы не употребить при этомъ никакихъ иныхъ, общепринятыхъ терминовъ. Пусть такъ: да здравствуетъ Великая Мысль, да здравствуютъ большія дороги, ведущія къ ней, да здравствуетъ все, что высоко! Да здравствуютъ всѣ, кто можетъ любить и обозрѣвать эту дорогу, длинную, какъ жизнь человѣческая, безпредѣльную, какъ мечта человѣческая! Да здравствуетъ научный синтезъ всѣхъ высокихъ человѣческихъ порывовъ: да здравствуетъ Богъ!

А. Волынскій.

Петръ Степановичъ Верховенскій.

*) Петръ Степановичъ сразу оцѣнилъ Шигалева: «Шигалевъ геніальный человѣкъ!» восклицаетъ онъ, стараясь увлечь Ставрогина въ свои планы. «У него хорошо въ тетради — у него шпіонство, у него каждый членъ общества смотритъ одинъ за другимъ и обязанъ доносомъ. Каждый принадлежитъ всѣмъ, а всѣ каждому. Всѣ рабы и въ

*) (А.). В. Авсѣенко. „Общественная психологія въ романѣ“. „Русскій Вѣстникъ“ 1873 г., № 8.

рабствѣ равны. Въ крайнихъ случаяхъ клевета и убійство, а главное — равенство. Первымъ дѣломъ понижается уровень образованія, науки и талантовъ. Высокій уровень наукъ и талантовъ доступенъ только высшимъ способностямъ, не надо высшихъ способностей! Высшія способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшія способности не могутъ не быть деспотами, и всегда развращали болѣе, чѣмъ приносили пользы: ихъ изгоняютъ или казнятъ. Цицерону отрѣзывается языкъ, Копернику выкалываютъ глаза, Шекспиръ побивается каменьями,—вотъ шигалевщина! Рабы должны быть равны: безъ деспотизма еще не бывало ни свободы ни равенства, но въ стадѣ должно быть равенство, и вотъ шигалевщина:

— Ха-ха-ха! Вамъ странно? Я за шигалевщину!»

Система такимъ образомъ найдена. Она до такой степени соотвѣтствуетъ міросозерцанію подполья, что Петръ Степановичъ, глава и коноводъ всего подпольнаго міра, самый практическій и дѣятельный человѣкъ въ своей средѣ, не находитъ нужнымъ вставить въ программу революціонной организаціи свое собственное слово, и безусловно принимаетъ «тетрадку» длинноухаго Шигалева, котораго даже въ подпольномъ кружкѣ считаютъ шутомъ или помѣшаннымъ.

Дѣйствительно, шигалевщина составляетъ послѣднее слово отвратительнаго безумія, къ которому можетъ привести болѣзнь подпольнаго міра въ ея самой острой формѣ — квинтъ-эссенцію дѣйствующихъ во тьмѣ стремленій и инстинктовъ. Петръ Степановичъ находитъ, что Шигалевъ — геній, въ родѣ Фурье, только смѣлѣе и сильнѣе. И дѣйствительно, шигалевщина имѣетъ то великое преимущество, что регулируетъ не одну только внѣшнюю сторону будущей организаціи человѣчества, разрушаетъ не одну только матеріальную силу стараго общества, но бьетъ по его нравственнымъ силамъ, опрокидываетъ тотъ творящій факторъ, дѣйствіемъ котораго создалась историческая жизнь. Что такое для Шигалева петролеумъ? Матеріальное разрушеніе не составляетъ для него конечной цѣли. Въ западной Европѣ, гдѣ революціонные элементы вышли изъ эконо-

мическаго и соціальнаго неравенства, подпольная агитація можетъ удовлетворяться политическимъ равенствомъ, уничтоженіемъ дворянскихъ привилегій, организаціей труда, разрушеніемъ частной собственности. Но Петръ Степановичъ не удовлетворится этимъ. Что ему, напримѣръ, въ уничтоженіи дворянскихъ привилегій, когда онъ самъ дворянинъ, и, слѣдовательно, нисколько не страдаетъ отъ политическаго неравенства? Неравномѣрное распредѣленіе капиталовъ также не сильно его озабочиваетъ: онъ самъ наслѣдовалъ извѣстную собственность, онъ не нуждается въ дневномъ пропитаніи, присутствіе въ обществѣ крупныхъ собственниковъ не слишкомъ его шокируетъ. Есть въ этомъ старомъ, культурномъ, историческомъ обществѣ другого рода неравенство, котораго онъ не въ состояніи перенести, противъ котораго сосредоточена вся его ненависть, и не его только, но болѣе или менѣе всѣхъ противообщественныхъ и недовольныхъ элементовъ. Это—неравенство духовное, присутствіе въ обществѣ высшихъ способностей, высокаго уровня науки, образованности и таланта. И потому-то онъ такъ безусловно стоитъ за шигалевщину, что она выражаетъ собою, въ самой рѣзкой и острой формѣ, непримиримую вражду противъ духовнаго неравенства, отвѣчая тайнымъ, можетъ-быть, даже не всѣми и не всегда сознаваемымъ вожделѣніямъ интеллигентнаго подполья. Цицерону отрѣзать языкъ, Копернику выколоть глаза, Шекспира побить камнями—вотъ что можетъ насытить распутное самолюбіе Петра Степановича...

Дойдя до этой точки, больная мысль Петра Степановича уже ни предъ чѣмъ не останавливается. Онъ понимаетъ, что современный порядокъ созданъ именно тѣмъ творящимъ факторомъ, который онъ называетъ присутствіемъ въ человѣческомъ обществѣ высшихъ способностей. Слѣдовательно, прежде всего надо устроиться такимъ образомъ, чтобы въ новомъ обществѣ этимъ высшимъ способностямъ не было мѣста. Мысль его доходитъ до сатурналіи, до бѣснованія. «Не надо образованія, довольно науки! восклицаетъ онъ. И безъ науки хватитъ матеріалу на тысячу лѣтъ... Жажда образованія есть уже жажда аристо-

кратическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вотъ уже и желаніе собственности. Мы уморимъ желаніе: мы пустимъ пьянство, сплетни, доносъ; мы пустимъ неслыханный развратъ; мы всякаго генія потушимъ во младенчествѣ. Все къ одному знаменателю, полное равенство... Но нужна и судорога; объ этомъ позаботимся мы, правители. Полное послушаніе, полная безличность, но разъ въ тридцать лѣтъ Шигалевъ пускаетъ и судорогу, и всѣ вдругъ начинаютъ поѣдать другъ друга, до извѣстной черты, единственно чтобы не было скучно. Скука есть ощущеніе аристократическое...»

Это очень похоже на бредъ сумасшедшаго, но и сумасшедшіе въ фантастическихъ построеніяхъ своей мысли отправляются отъ извѣстныхъ данныхъ, которыя они принимаютъ за положительныя. Петръ Степановичъ тоже наблюдаетъ данныя; онъ чувствуетъ, что въ воздухѣ носится нѣчто чадное, пьяное, какая-то безпринципность, какой-то «безпорядокъ умовъ». Онъ находитъ, что время близится, что почва достаточно подготовлена. Въ шутку подсмѣиваясь надъ легковѣріемъ «знаменитаго писателя, Кармазинова, создавшаго себѣ, изъ своего прекраснаго далека, фантастическое представленіе о положеніи дѣлъ въ Россіи», Петръ Степановичъ увѣряетъ его, что *все* кончится къ Покрову; но, подсмѣиваясь надъ Кармазиновымъ, онъ и самъ наполовину вѣритъ своей шуткѣ.

В. Авсѣенко.

* * *

*) Замыселъ этого характера оригиналенъ и силенъ. Онъ стоитъ того, чтобы разработать его во всей художественной яркости и полнотѣ. Но, къ сожалѣнію, на этомъ главномъ бѣсѣ изъ всего царства «бѣсовъ» замѣтнѣе всего сказались недостатки таланта Достоевскаго. Мастерской контуръ и на этотъ разъ оказался въ живописи слабымъ до-нельзя.

*) Е. Марковъ. „Критическія бесѣды“. Психіатръ-романистъ“. „Русская Рѣчь“ 1879 г., № 6.

Въ художественной разработкѣ характеръ молодого Верховенскаго является неестественнымъ, неправдоподобнымъ, шаржированнымъ въ высшей степени. Нѣтъ ни одной живой сцены, ни одного живого разговора, въ которые бы читатель повѣрилъ. Ни разу, въ теченіе всѣхъ 3-хъ томовъ романа, Петръ Степановичъ ничѣмъ не убѣждаетъ читателя въ необходимости, въ возможности своего подавляющаго вліянія на умы. Авторъ говоритъ намъ, выставляетъ намъ, что все вертится по его дудочкѣ, что и губернаторъ Лембке, и жена его, властительная губернаторша, и всѣ, кто только попадаетъ въ волшебный кругъ его вліяній, нечувствительно исполняютъ только его волю; что непокорные, бунтующіе члены тайнаго кружка революціонеровъ смиряются невольно передъ его нравственною властью надъ ними.

А между тѣмъ, читатель, съ недоумѣніемъ выслушивающій это, на дѣлѣ видитъ передъ собою назойливую и безтактную фигуру циническаго болтуна, человѣка неприличнаго слова и жеста, скорѣе противнаго, возбуждающаго презрѣніе и подозрительность, чѣмъ увлекательнаго и сильнаго, хоть чѣмъ-нибудь.

Въ изображеніи этой фигуры вы, собственно говоря, не видите даже психіи, а видите только слова и жесты. Вы теряетесь въ догадкахъ: изъ какихъ же внутреннихъ мотивовъ работаетъ такъ энергически, съ такимъ рискомъ, этотъ пустой человѣкъ? Глядя на него, нельзя сомнѣваться, что у него не можетъ быть дѣйствительныхъ убѣжденій, глубокихъ поводовъ, серьезныхъ задачъ. Вы можете допустить только одно, что въ немъ сидитъ полнѣйшее отрицаніе всякихъ принциповъ и жажда эксплуатировать человѣческія предразсудки на пользу себѣ. Но даже эта жажда въ такой поверхностной и хаотической психіи скорѣе должна выражаться въ какихъ-нибудь прямыхъ своекорыстныхъ дѣйствіяхъ, удовлетворяющихъ непосредственнымъ матеріальнымъ инстинктамъ, а не въ сложной и крайне трудной задачѣ владычества надъ умами, надъ цѣлымъ обществомъ, что требуетъ глубокой обдуманности, выдержанности, строгой послѣдовательности, вообще такихъ ка-

чествъ, которыя заранѣе предполагаютъ присутствіе въ сердцѣ человѣка сколько-нибудь идеальныхъ убѣжденій и сосредоточенность его натуры.

Иначе сказать, я понимаю, что этому «бѣсу» былъ желателенъ нравственный хаосъ общества, въ которомъ ему бы жилось, какъ его собрату въ пеклѣ. Но я отказываюсь понять, въ чемъ этотъ распущенный циникъ черпалъ силу къ терпѣливой, по маковой росинкѣ нароставшей, организаціи своихъ революціонныхъ дружинъ. Не знаю, списанъ ли этотъ типъ, хотя отчасти, съ живого оригинала, но я убѣжденъ, что организаторы партій не могутъ быть такими ничтожными, кривляющимися людишками, какъ Петръ Верховенскій. Правда, авторъ пробуетъ иногда увѣрить насъ, что Верховенскій въ сущности фанатикъ своей идеи.

Замѣчательныя, сами по себѣ, бесѣды его съ Ставрогинымъ во II части предназначены раскрыть самые потаенные замыслы его души.

Верховенскій глубоко презираетъ не только народъ, но и всѣхъ своихъ сотрудниковъ. Они для него «угрюмые тунеядцы», они «сволочи». Онъ издѣвается надъ ничтожностью средствъ, которыми привлекаетъ онъ ихъ въ свою шайку. «Нѣтъ ничего сильнѣе мундира. Я нарочно выдумываю чины и должности: у меня секретари, тайные соглядатаи, казначеи, предсѣдатели, регистраторы, ихъ товарищи; очень нравится и отлично принялось».

Другая составная часть его рати «чистые мошенники; ну эти, пожалуй, хорошій народъ», объясняетъ развязно Петръ Степанычъ. Самая же главная сила революціи, цементъ всесвязующій, по его словамъ,—это «стыдъ собственнаго мнѣнія». «Ни одной-то собственной идейки не осталось ни у кого въ головѣ—за стыдъ почитаютъ».

Всякій у него въ огонь пойдетъ, «стоитъ только прикрикнуть, что недостаточно либераленъ».

По его признанію, «откровеннымъ правомъ на безчестіе всего легче русскаго человѣка за собой увлечь можно».

Чтобы вліять въ засѣданіяхъ тайнаго общества, нужно только «сочинить физіономію»; «я всегда сочиняю, когда къ нимъ вхожу», говоритъ онъ Ставрогину. «Побольше

мрачности и только, больше ничего не надо; очень нехитрая вещь».

Въ другой сценѣ съ Ставрогинымъ Петръ Степанычъ еще откровеннѣе; онъ прямо объявляетъ ему и раза три, или четыре повторяетъ, что «я не соціалистъ, а мошенникъ, ха-ха! Мошенникъ, мошенникъ»!

«Мы пустимъ пьянство, сплетни, доносъ; мы пустимъ неслыханный развратъ; мы всякаго генія потушимъ въ младенчествѣ; все къ одному знаменателю, полное равенство»,—утѣшаетъ онъ Ставрогина картиною своего будущаго торжества.

Тамъ временами всѣ будутъ «поѣдать другъ друга, до извѣстной черты, единственно, чтобы не было скучно; скука есть ощущеніе аристократическое».

Что этотъ рай его фантазіи возможенъ, у него и доказательства на лицо.

«Русскій Богъ уже спасовалъ передъ «дешевкой». Народъ пьянъ, матери пьяны, дѣти пьяны, церкви пусты, а на судахъ: «200 розогъ или тащи ведро»! О, дайте взрости поколѣнію! Жаль только, что некогда ждать, а пусть бы они еще попьянѣе стали! Ахъ, какъ жаль, что нѣтъ пролетаріевъ! Но будутъ, будутъ, къ этому идетъ...»

«Одно или два поколѣнія разврата теперь необходимо, убѣждаетъ онъ. — Разврата неслыханнаго, подленькаго, когда человѣкъ обращается въ гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь; вотъ чего надо! А тутъ еще «свѣженькой кровушки, чтобы попривыкъ».

«Мы провозгласимъ разрушеніе—вдохновляется онъ въ другомъ мѣстѣ. — Надо косточки поразмять. Мы пустимъ пожары... Мы пустимъ легенды...»

Но этотъ спаситель человѣчества, съ такою сластью смакующій заранѣе обращеніе человѣка въ скота, соболѣзнующій народному горю пожеланіями ему еще большаго пьянства, еще большаго разврата и бѣдности, этотъ дешевый мефистофель, непонятно радующійся всему скверному, что дѣлается на землѣ, — въ то же время имѣетъ свою страсть, свой идеалъ, кумиръ, передъ которымъ онъ поклоняется уже безъ сарказма и злобы.

Кумиръ этотъ—Николай Ставрогинъ.

«Ставрогинъ! Вы красавецъ!—вскричалъ Петръ Степанычъ почти въ упоеніи.—Знаете ли, что вы красавецъ...

«Я нигилистъ, но люблю красоту», — пзъясняется онъ ему на всѣ лады. «Вы мой идолъ»!

«Вы ужасный аристократъ. Аристократъ, когда идетъ въ демократію, обаятеленъ. Вамъ ничего не значитъ пожертвовать жизнью и своею и чужою. Вы именно таковъ, какого надо. Вы предводитель, вы солнце, а я вашъ червякъ...

«Онъ вдругъ поцѣловалъ у него руку».

«Мнѣ вы, вы надобны, безъ васъ я нуль. Безъ васъ я муха, идея въ стекляикѣ, Колумбъ безъ Америки».

Онъ прочитъ его въ герои народной легенды, въ Ивана царевича, котораго выпустятъ къ народу, когда все будетъ разрушено.

«Нѣтъ на землѣ иного, какъ вы!—безумствуетъ этотъ диковинный нигилистъ.—Я васъ съ за-границы выдумалъ, выдумалъ на васъ же глядя»!

«Я васъ никому не покажу, никому: такъ надо. Онъ есть, но никто не видалъ его, онъ скрывается».

«Вы красавецъ, гордый какъ Богъ, ничего для себя не ищущій, съ ореоломъ жертвы, «скрывающійся». Главное легенду!»

Нельзя ничего сказать противъ извѣстной силы и возможности подобныхъ страшныхъ фантазій; какъ отдѣльная черта, какъ отдѣльная сцена—признанія Петра Верховенскаго производятъ впечатлѣніе художественной правды. Но когда вы оглянетесь на весь характеръ, на всю сумму его взглядовъ, его рѣчей, его поступковъ,—вы почувствуете грубый, невозможный диссонансъ. Страсти и идеалы не живутъ безпричинно, внѣ связи со всѣмъ міровоззрѣніемъ, съ цѣлою натурою человѣка. Авторъ-психологъ ничѣмъ не помогъ намъ убѣдиться, чтобы такой распущенный цинникъ, какъ Верховенскій, кощунствующій и издѣвающійся надъ всѣмъ человѣчествомъ, надъ всѣмъ, что есть высокаго въ человѣкѣ, могъ быть способенъ на религіозное поклоненіе и религіозное одушевленіе, чѣмъ бы то ни было. Отрица-

ніе и вражда не могутъ имѣть положительныхъ идеаловъ, ради какой бы то ни было цѣли. Свойство нравственнаго цинизма въ томъ именно и заключается, что человѣкъ, имъ проникнутый, теряетъ всякое чувство различія между добромъ и зломъ, между достойнымъ и низкимъ, съ какой бы то ни было точки зрѣнія. Цинизмъ есть прежде всего поверхностное презрѣніе ко всему, даже безъ труда сколько-нибудь глубокаго вниканія, полное безразличіе внутреннихъ отношеній человѣка, полная разнузданность ихъ.

Е. Марковъ.

Кирилловъ.

*) Авторъ не объясняетъ, подъ какими вліяніями образовалась эта эксцентрическая натура. Мы знаемъ только, что Кирилловъ съ Шатовымъ «долго лежали вмѣстѣ» въ Америкѣ, и, конечно, много выстрадали. Онъ выступаетъ въ романѣ уже съ созрѣвшею психическою болѣзнью, съ выработанною философскою системой, которая, при всей своей нелѣпости, есть результатъ умственнаго усилія, продуктъ мысли, болѣзненно, но сильно напряженной. Онъ еще болѣе, чѣмъ Шатовъ, придавленъ идеей и корчится подъ тяжестью ея; это маньякъ, съ задатками эпилептика. При недостаткѣ вѣры, столь обыкновенномъ въ людяхъ нашего вѣка, у него нѣтъ индифферентизма, и въ этомъ все его несчастье. Онъ не можетъ остановиться на одномъ легонькомъ отрицаніи; въ немъ есть потребность убѣжденнаго невѣрія, отрицательной вѣры, какъ для другихъ бываетъ настоятельна потребность положительной вѣры. Отправляясь отъ отрицанія, онъ напряженно выслѣживаетъ въ своемъ воспаленномъ мозгу рядъ силлогизмовъ, которые приводятъ его къ мысли о самоубійствѣ. «Если Богъ есть, разсуждаетъ Кирилловъ, то вся воля Его, и изъ воли Его я не могу. Если нѣтъ, то вся воля моя, и я обязанъ

*) (А.). В. Авсѣенко. „Общественная психологія въ романѣ". „Русскій Вѣстникъ" 1873 г., № 8.

заявить своеволіе. Я обязанъ себя застрѣлить, потому что самый полный пунктъ моего своеволія—это убить себя самому». Конечно, никогда болѣе странная религіозно философская система не рождалась въ человѣческомъ мозгу; но дѣло не въ системѣ. Важно то, что въ лицѣ Кириллова мы видимъ человѣка, который въ нашъ практическій и индиферентный вѣкъ, когда философскіе и религіозные вопросы занимаютъ почти однихъ спеціалистовъ, израсходовалъ всю свою жизнь на эти вопросы, изсушилъ надъ ними свой мозгъ и, наконецъ, пустилъ себѣ пулю въ лобъ единственно для того, чтобы поставить послѣднюю точку къ своей теоріи... Насколько такое явленіе годится для обобщеній, къ какимъ прибѣгнулъ авторъ въ концѣ своего романа, насколько онъ выражаетъ собою дѣйствительную болѣзнь своего вѣка—это другой вопросъ, къ которому мы еще обратимся. Впрочемъ, въ самомъ романѣ практическія требованія вѣка какъ бы возстаютъ противъ идеализма Кириллова: самоубійство изъ-за идеи представляется чѣмъ-то до того неестественнымъ, неправильнымъ, что знаменитая «кучка» спѣшитъ утилизовать его для своихъ практическихъ цѣлей, убѣдивъ Кириллова въ предсмертной запискѣ принять на себя убіеніе Шатова и прочія преступленія революціонной пятерки.

Самъ Кирилловъ вовсе не принадлежитъ къ революціонному типу; онъ слишкомъ равнодушенъ ко всякимъ практическимъ результатамъ для того, чтобы увлекаться соціальною перестройкой общества. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ нервнымъ, идеальнымъ натурамъ, которыя сосредоточиваются всецѣло на напряженной дѣятельности духа. Ему открываются минуты «вѣчной гармоніи», онъ наклоненъ къ галлюцинаціи и эпилепсіи. «Есть секунды, объясняетъ онъ Шатову, ихъ заразъ приходитъ всего пять или шесть, и вы вдругъ чувствуете присутствіе вѣчной гармоніи, совершенно достигнутой. Это не земное; я не про то, что оно небесное, а про то, что человѣкъ въ земномъ видѣ не можетъ перенести. Надо перемѣниться физически или умереть. Это чувство ясное и неоспоримое. Какъ будто вдругъ ощущаете всю природу и вдругъ го-

ворите: да, это правда. Богъ когда міръ создавалъ, то въ концѣ каждаго дня созданія говорилъ: да, это правда, это хорошо. Это... это не умиленіе, а только такъ, радость». Въ этомъ состояніи эпилептической прозрачности духа, Кирилловъ чувствуетъ бремя земной оболочки; по его мнѣнію, человѣкъ долженъ переродиться физически для того, чтобы достигнуть предназначеннаго ему состоянія высшаго счастія, вѣчной гармоніи. «Если болѣе пяти секундъ, повторяетъ онъ, то душа не выдержитъ и должна исчезнуть. Въ эти пять секундъ я проживаю жизнь, и за нихъ отдамъ всю мою жизнь, потому что стоитъ. Чтобы выдержать десять секундъ, надо перемѣниться физически. Я думаю, человѣкъ долженъ перестать родить. Къ чему дѣти, къ чему развитіе, коли цѣль достигнута? Въ Евангеліи сказано, что въ воскресеніи не будутъ родить, а будутъ, какъ ангелы Божіи. Намекъ»... Такія исключительныя натуры, какъ Кирилловъ, могутъ быть только случайнымъ матеріаломъ въ рукахъ дѣйствительныхъ революціонеровъ. И Кирилловъ, въ самомъ дѣлѣ, случайно столкнулся съ Верховенскимъ, случайно присталъ къ тайному обществу, отъ котораго когда-то пользовался матеріальною помощью. Онъ соглашается прикрыть своею смертью ихъ гнусное дѣло только потому, что ему *все равно*. На минуту онъ даже возмущается мерзостью преступленія, но опять приходитъ къ тому прозрачному равновѣсію духа, въ которомъ человѣку *все равно*.

В. Авсѣенко.

* * *

*) По словамъ г. Чижа, эпилептикъ Кирилловъ представляетъ собою весьма сложную картину психическаго разстройства. «Достоевскій не даетъ намъ полной исторіи его болѣзни, говоря медицинскимъ языкомъ, а ограничивается только указаніемъ на нѣкоторые болѣзненные сим-

*) В. Чижъ. „Достоевскій какъ психопатологъ“. „Русскій Вѣстникъ“ 1884 г., № 5 и 6, и отдѣльное изданіе, Москва 1885 г.

итомы. Въ жизни мы далеко не всегда можемъ вполнѣ изслѣдовать больного, и очень часто наше сужденіе бываетъ основано только на отрывочныхъ наблюденіяхъ, полученныхъ цѣною большихъ усилій. Это зависитъ главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ: или больной находится въ неблагопріятныхъ условіяхъ для наблюденія (напримѣръ, живетъ дома или въ дурно устроенномъ заведеніи для душевно-больныхъ), или же онъ тщательно скрываетъ какъ отъ врача, такъ и отъ окружающихъ его свои болѣзненные симптомы. Такая скрытность больныхъ обусловливается или самымъ характеромъ болѣзни; напр., больной думаетъ, что онъ сдѣлалъ открытіе, которое всѣ хотятъ у него украсть; или же нерѣдко бываетъ такъ, что больной, замѣтивъ, что его считаютъ помѣшаннымъ, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ его взглядовъ и поступковъ, хочетъ добиться, чтобы его считали здоровымъ, и обманываетъ наблюдателей. Судебная психіатрія можетъ представить много примѣровъ тому, какъ многимъ талантливымъ психіатрамъ приходилось подолгу наблюдать больного, для того чтобы притти къ какому-нибудь заключенію; да и то въ концѣ концовъ являлось разногласіе между экспертами; самая-же существенная причина нашего частаго непониманія больного, это то, что природа неисчерпаема; напрасно люди создаютъ классификаціи, схемы, пытаются подвести отдѣльныя явленія подъ общія рубрики; всѣ эти усилія зачастую оказываются безплодными. Природа создаетъ новыя комбинаціи отдѣльныхъ явленій въ самой прихотливой, мало понятной намъ связи симптомовъ между собой, и человѣку поневолѣ приходится сознаться, что составленная ихъ схема только съ натяжкой можетъ быть приноровлена къ данному случаю. Конечно, разумный изслѣдователь не обвинитъ въ такомъ случаѣ ни природы ни науки, а только постарается сколько возможно сильнѣе освѣтить для себя наукой новый фактъ, и сознается, что многое для него непонятно. Наконецъ, нельзя забывать, что для каждаго отдѣльнаго человѣка истина доступна только въ соотвѣтственной его способностямъ и трудолюбію степени. Все это нужно было припомнить для

того, чтобы приступить къ разбору болѣзненнаго состоянія Кириллова.

Можетъ-быть, Достоевскій въ данномъ случаѣ только снялъ фотографическій снимокъ съ дѣйствительности, и не его вина, что получилось что-то для насъ не совсѣмъ ясное. Но такъ какъ, можетъ-быть, изслѣдованіе самаго талантливаго психіатра не могло бы разъяснить больше относительно болѣзни Кириллова, то остается ограничиться указаніемъ на то, что упомянулъ Достоевскій, отказавшись отъ попытки объяснить себѣ всю сумму паталогическихъ явленій въ связи между собой.

У Кириллова были эпилептическіе припадки. Вотъ что испытывалъ онъ въ эти моменты: «Есть секунды, ихъ всего за разъ приходитъ пять или шесть, и вы вдругъ чувствуете присутствіе вѣчной гармоніи, совершенно достигнутой...» «Это чувство ясное и неоспоримое...» «Всего страшнѣе, что такъ ужасно ясно и такая радость».

Уже однихъ этихъ припадковъ достаточно, чтобы съ большею вѣроятностью утверждать, что Кирилловъ былъ эпилептикъ, такъ какъ, благодаря изслѣдованіямъ послѣдняго времени, мы знаемъ, что эпилептическіе припадки нерѣдко не имѣютъ общеизвѣстнаго вида, то-есть не состоятъ изъ потери сознанія съ клоническими и тоническими судорогами. Рядомъ работъ Гризингера и другихъ изслѣдователей доказано, что эпилептическіе припадки могутъ состоять изъ приступа головокруженія, сопровождаемаго какъ бы опьяненіемъ, спутанностью мыслей: появляется смутный, похожій на сновидѣніе бредъ. Со временемъ такіе припадки могутъ перейти въ настоящіе, обыкновенные. Кромѣ того, Кирилловъ страдалъ упорною безсонницей, приступами тоски (часто бываетъ у эпилептиковъ) и, наконецъ, высказывалъ идеи, которыя правильнѣе всего назвать бредовыми. Насколько Кирилловъ ихъ высказывалъ, это слѣдующія: главный атрибутъ божества — воля, своеволіе; безспорнымъ проявленіемъ воли будетъ самоубійство; поэтому онъ, рѣшившійся на самоубійство — человѣко-богъ или богъ. Какъ Кирилловъ дошелъ до этихъ идей, много-ли времени онъ посвятилъ на

это, неизвѣстно (Кирилловъ уже съ этимъ бредомъ является на сцену), поэтому мы не можемъ прослѣдить, какъ онъ заболѣлъ. Естественно является другой путь объясненія: Кирилловъ эпилептикъ, у него идея бреда, что онъ богъ; не бываютъ-ли такія бредовыя идеи у эпилептиковъ, и если да, то какъ онѣ развиваются и почему?

Идеи бреда подобнаго содержанія наиболѣе характерны для эпилепсіи. Едва ли больные съ другими формами болѣзни такъ часто говорятъ о Богѣ, какъ эпилептики; нѣмецкіе психіатры даже считаютъ специфическимъ для эпилепсіи частое упоминаніе о Богѣ, бредъ религіознаго содержанія, какъ они называютъ Gottnomenclatur.

Впрочемъ, правильная оцѣнка этого частаго бреда эпилептиковъ сдѣлана весьма недавно: религіозный бредъ при эпилепсіи появляется какъ въ слѣдъ за припадками, такъ и независимо отъ нихъ; больные считаютъ себя богомъ, святыми, видятъ себя вознесенными на небо; отличительною чертой такого бреда эпилептиковъ служитъ его чудовищность и сказочность; а что можетъ быть фантастичнѣе бреда Кириллова? Естественно, что результатомъ такого бреда будетъ самодовольное настроеніе больныхъ, горделивое отношеніе, какъ существа высшаго, ко всему; такъ Кирилловъ, человѣкъ по характеру крайне добродушный, ко всему относится свысока; даже самообладаніе Ставрогина не возбудило въ немъ уваженія или удивленія. Онъ счастливъ по своему, несмотря на то, что окружающая дѣйствительность крайне неприглядна; погруженный въ свои идеи бреда, онъ нѣсколько мѣсяцевъ проводитъ въ созерцательномъ настроеніи, нисколько не интересуясь тѣмъ, что происходитъ вокругъ него. Природа, повидимому, не отказала въ своеобразномъ счастіи и этимъ несчастнымъ.

Только исключительные умы могутъ находить столько наслажденія въ работѣ мысли, какъ нѣкоторые душевнобольные, съ громаднымъ трудолюбіемъ и большою любовью разрабатывающіе свои идеи бреда, ни мало не смущаясь ни окружающею ихъ обстановкой ни отсутствіемъ адептовъ своего ученія.

В. Чижъ.

* * *

*) Кирилловъ — человѣкъ, живущій исключительно въ мірѣ общихъ идей, теоретикъ чистой воды. Окружающая дѣйствительность въ ея частныхъ проявленіяхъ почти не задѣваетъ его. Когда старикъ Верховенскій говоритъ ему, что сынъ его не знаетъ русскаго народа, онъ обрываетъ его: «Я тоже совсѣмъ не знаю русскаго народа и... вовсе *нѣтъ времени* изучать его». Русскій народъ для него только частное явленіе, не стоющее вниманія, какъ и всякая частность. Какая противоположность народнику Шатову и самому Достоевскому!

Бѣдный, почти нищій, Кирилловъ не замѣчаетъ матеріальныхъ лишеній, питается однимъ чаемъ и цѣлыя ночи напролетъ шагаетъ изъ угла въ уголъ въ своей нетопленной комнатѣ, ни на мгновеніе не переставая перебирать въ мозгу все тѣ же мысли о спасеніи людей, о человѣкобогѣ, о свободной смерти. Мысль его не выходитъ изъ этого узкаго круга, постоянно возвращаясь къ одному и тому же. Онъ самъ говоритъ про себя: «Всякій думаетъ и потомъ сейчасъ о другомъ думаетъ. Я не могу о другомъ, я всю жизнь объ одномъ. Меня Богъ всю жизнь мучилъ!»

Онъ мало видится съ людьми и мало говоритъ съ ними, даже нарочно избѣгаетъ ихъ, «для цѣлей»—по его словамъ,—«до которыхъ нѣтъ дѣла», т. е. для того, чтобы безъ всякой помѣхи отдаваться своимъ мыслямъ. Въ послѣднее время онъ просто забываетъ о людяхъ, какъ и о всемъ окружающемъ, за своей внутренней работой. Мало общительный по природѣ, подавленный величіемъ своей идеи, онъ не умѣетъ связно выражать свои мысли, да ему некогда и думать объ этомъ. Когда ему замѣчаютъ его неправильный русскій языкъ и спрашиваютъ его, неужели онъ разучился за-границей говорить по-русски, онъ говоритъ: «Развѣ я неправильно? Не знаю. Нѣтъ, не потому, что за-границей. Я такъ всю жизнь говорилъ... мнѣ все равно».

---

*) И. Вернеръ. „Типъ Кириллова у Достоевскаго“. „Новый Путь“ 1903 г., октябрь.

Мы сказали только то, что Кирилловъ подавленъ тяжестью своей идеи. Онъ самъ сознаетъ эту свою подавленность, свое безсиліе хотя бы на мгновеніе выйти изъ-подъ непрестаннаго давленія своей идеи. Когда Петръ Верховенскій замѣчаетъ ему: «Не вы съѣли идею, а васъ съѣла идея», онъ съ живостью переспрашиваетъ его: «Какъ? меня съѣла идея?» — Да. — «А не я съѣлъ идею? Это хорошо. У васъ есть маленькій умъ». Къ Кириллову вполнѣ можно примѣнить слова Ницше: («Also sprach Zar.». Предисл. 4) *).

«Я люблю того, кто любитъ свою добродѣтель; добродѣтель—это желаніе гибели и стрѣла тоски. Я люблю того, кто не хочетъ имѣть слишкомъ много добродѣтелей. Одна добродѣтель — лучше, чѣмъ двѣ: она скорѣе завязывается въ узелъ, на которомъ виснетъ рокъ. Я люблю того, кто изъ своей добродѣтели дѣлаетъ себѣ свой рокъ и свою гибель: такъ хочетъ онъ изъ-за своей добродѣтели жить *еще* и не жить больше». «Я люблю того, кто не оставляетъ для себя ни капли духа, но весь хочетъ быть духомъ своей добродѣтели: такъ, сдѣлавшись духомъ, онъ переходитъ черезъ мостъ». Такъ и Кирилловъ живетъ *одной* идеей,—одной «добродѣтелью», по выраженію Заратустры, и эта идея, ни откуда не встрѣчая себѣ противодѣйствія, неминуемо влечетъ его къ гибели, что онъ и самъ отлично знаетъ и сознательно идетъ къ ней, сознательно «дѣлаетъ изъ своей добродѣтели свой рокъ и свою гибель». Но та же идея, которая ведетъ его къ гибели, заставляетъ его любить жизнь, будитъ въ немъ желаніе «жить еще», такъ какъ она одна даетъ смыслъ и цѣль его личной жизни и всему мірозданію.

Если мы сопоставимъ всѣ эти черты Кириллова и прибавимъ къ нимъ еще его необычайную разсѣянность, способность ежеминутно забывать о предметахъ, его окружающихъ, вполнѣ, впрочемъ, понятную при постоянномъ направленіи его ума внутрь, его отрывочный, горячечный разговоръ, сразу похожій на бредъ больного, упорный взглядъ его «черныхъ глазъ безъ блеска», не говоря уже о необы-

*) Стр. 17, изд. 1899 г.

чайности самыхъ идей, имъ высказываемыхъ, — если мы примемъ все это во вниманіе, станетъ понятнымъ, что на человѣка, впервые поговорившаго съ нимъ наединѣ, онъ могъ произвести впечатлѣніе помѣшаннаго, какъ это и случилось съ разсказчикомъ. И дѣйствительно, онъ не былъ вполнѣ нормальнымъ человѣкомъ:—онъ находился въ подготовительномъ періодѣ припадковъ падучей, которой ему не пришлось испытать только благодаря своей насильственной смерти. Онъ самъ разсказываетъ Шатову о «секундахъ вѣчной гармоніи, совершенно достигнутой», которую онъ не можетъ выдержать долѣе пяти секундъ, не переродившись физически; и на предупрежденіе Шатова, что это начало падучей, онъ «тихо усмѣхнулся»: «не успѣетъ!» Но падучая—это такая болѣзнь, которая не только не притупляетъ умственныхъ силъ субъекта, страдающаго ею, но нерѣдко совмѣщается съ наивысшимъ развитіемъ психической жизни, иногда даже — съ геніальностью (у Наполеона I, у Достоевскаго, и, какъ полагаютъ, у Руссо). Мало того, врачи давно замѣтили, что именно непосредственно передъ припадкомъ самосознаніе эпилептика достигаетъ иногда необычайной ясности, духовная его дѣятельность — высшаго напряженія; все его существо охватывается невыразимымъ блаженствомъ, «подтвержденіемъ жизни», когда все ясно и понятно, вся тайна бытія какъ бы сразу постигается; но это состояніе величайшей ясности и гармоніи вызываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и высочайшее напряженіе всей физической и духовной природы человѣка: онъ не выдерживаетъ этого напряженія, и наступаетъ припадокъ. Никто лучше Достоевскаго — въ «Идіотѣ» и въ «Бѣсахъ»—не описалъ этого психическаго состоянія эпилептика передъ припадкомъ. Если эпилепсія не ослабляетъ умственныхъ способностей человѣка, даже, въ извѣстные моменты, обостряетъ ихъ, сообщаетъ имъ силу и чуткость, превосходящія обыденныя, то нельзя во всякомъ случаѣ отрицать, что она кладетъ на человѣка, страдающаго ею, и прежде всего на его психическую жизнь, особый рѣзкій отпечатокъ.

Отпечатокъ этотъ лежитъ и на Кирилловѣ, сообщая ему

необыкновенную нервность, подвижность и быстроту мысли, вращающейся, однако, все въ томъ же тѣсномъ кругу; но въ предѣлахъ этого круга его мысль не знаетъ препятствій; онъ не идетъ медленнымъ путемъ логики, но съ необыкновенной легкостью перескакиваетъ отъ одного положенія къ другому, отдѣленному отъ него цѣлымъ рядомъ посылокъ, которыя онъ пропускаетъ; его мысль похожа на молнію, здѣсь и тамъ яркимъ свѣтомъ прорѣзающую ночной мракъ и вдругъ озаряющую удивительныя картины, неожиданные горизонты, о существованіи которыхъ за минуту передъ тѣмъ никто и не догадывался. Это чисто Ницшеанская манера, мало свойственная вообще Достоевскому (она повторяется потомъ отчасти у Ивана Карамазова, но гораздо сильнѣе—въ нѣкоторыхъ поученіяхъ отца Зосимы) и свидѣтельствующая о не совсѣмъ нормальномъ (въ данную только минуту) состояніи мозга мыслителя. У Достоевскаго и у его героя эта ненормальность вызывалась предприпадочнымъ состояніемъ эпилептика, а у Ницше—его невыносимыми головными болями, которыми онъ страдалъ съ молодости и которыя довели его, наконецъ, до психическаго разстройства *). При такомъ подавленномъ физическомъ состояніи мозгъ не можетъ работать ровно, спокойно, логически переходя отъ идеи къ идеѣ, отъ положенія къ положенію, сознательно связывая ихъ. Работа его поминутно прерывается физической болью или смутнымъ безпокойствомъ, безпокойствомъ передъ припадкомъ. Вмѣсто сознательно, *произвольно* вырабатываемыхъ и связываемыхъ одна съ другой идей, въ мозгу проносятся нестерпимо яркіе образы, рождаются мысли, повидимому, ничѣмъ одна съ другой не связанныя, неизвѣстно откуда являющіяся и также вдругъ исчезающія; но внутренняя связь между этими образами и идеями несомнѣнно существуетъ, только разгоряченный мозгъ и не думаетъ о ней, не ищетъ ея, а человѣку въ спокойномъ состояніи ума иной разъ не легко бываетъ подмѣтить ее. Ницше гово-

*) Мебіусъ въ своемъ изслѣдованіи о патологіи Ницше высказываетъ мнѣніе, будто и Ницше находился въ подготовительномъ періодѣ эпилепсіи.

ритъ о такихъ мгновеніяхъ: «ловите, братья мои, мгновенья, когда вашъ духъ начинаетъ говорить притчами: это начало вашей добродѣтели» (стр. 111, изд. 1899 г.).

Покончивъ съ предварительными замѣчаніями о значеніи личности Кириллова въ романѣ Достоевскаго и объ отношеніи къ ней автора, мы переходимъ теперь къ анализу самихъ идей Кириллова, ради которыхъ Достоевскій и создалъ этотъ замѣчательный образъ.

Но разбору того умственнаго и нравственнаго процесса, который привелъ Кириллова къ его теоріи, вѣрнѣе — къ его новой религіи, мы считаемъ нужнымъ предпослать краткое изложеніе самаго содержанія этой его «теоріи», или «религіи», такъ какъ затѣмъ, отправляясь отъ извѣстнаго, легче будетъ слѣдить за развитіемъ его мысли и эволюціей его внутренняго чувства. Пока, излагая въ общихъ чертахъ содержаніе его теоріи, мы совсѣмъ не будемъ касаться психологическихъ причинъ ея зарожденія, лежавшихъ въ самой натурѣ Кириллова, а равно и того психическаго процесса, результатомъ котораго она является.

Кирилловъ исходитъ изъ того, что нынѣшнее христіанство (хотя онъ нигдѣ не говоритъ «христіанскій Богъ», а всегда просто «Богъ», или «тотъ Богъ», «старый Богъ», но изъ хода его мыслей очевидно, что подъ «тѣмъ Богомъ» онъ разумѣетъ именно христіанскаго Бога) есть въ самой сущности своей—порожденіе глубокаго, безнадежнаго пессимизма. Перенося центръ тяжести нашей духовной жизни, нашихъ идеаловъ и стремленій «въ тотъ свѣтъ», въ будущую жизнь, оно является созданіемъ человѣческой мысли и воли, отчаявшихся въ самихъ себѣ, отвергшихъ эту жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Но, отвергнувъ эту жизнь, отчаявшееся человѣчество не выдержало своего пессимизма до конца, и создало себѣ въ утѣшеніе загробную жизнь, въ которую перенесло тѣ идеалы, на осуществленіе которыхъ на землѣ оно уже не могло надѣяться. Сдѣлавъ «тотъ свѣтъ» мѣстомъ осуществленія лучшихъ надеждъ человѣка, христіанство естественно должно было придать ему доминирующее, руководящее значеніе для всей земной жизни человѣка, должно

было заставить человѣка постоянно соображаться съ требованіями этой будущей жизни. Требованія же, исполненіемъ которыхъ христіанство обусловило счастье въ будущей жизни, были такого рода, что большинство людей не считали себя въ состояніи выполнить ихъ. Такимъ образомъ идея «того свѣта», вмѣсто того, чтобы доставить человѣку утѣшеніе въ его земныхъ скорбяхъ, тяжелымъ бременемъ легла на его и безъ того не легкую земную жизнь, связавъ по рукамъ и по ногамъ его волю, умъ и сердце и сдѣлавшись для него неизсякаемымъ источникомъ страданій и ужаса. Эта идея, не примиривъ его съ жизнью, сдѣлавъ ее еще тяжелѣе для человѣка, въ то же время научила его хуже всего бояться смерти, бояться выхода изъ этой самой постылой и ужасной жизни. Благодаря этой идеѣ, человѣкъ попалъ въ безысходный волшебный кругъ. Въ эту жизнь онъ уже не вѣритъ и проклинаетъ ее, а выйти изъ нея не рѣшается и боится, такъ какъ за гробомъ ждетъ его еще нѣчто худшее. Впрочемъ Кирилловъ не столько обращаетъ вниманіе на страхъ человѣка передъ будущей карой, передъ загробными муками, сколько на то обстоятельство, что уже самая идея «того свѣта», даже независимо отъ этого страха, давитъ человѣка нестерпимымъ бременемъ, парализуетъ всѣ его силы въ жизненной борьбѣ, отвлекая его вниманіе, и мѣшаетъ ему достичь возможнаго на землѣ счастья, лишая его необходимаго для истиннаго счастья сознанія бодрости, независимости и самоуваженія. Придя къ сознанію вреда, приносимаго людямъ идеей будущей жизни, Кирилловъ рѣшительно отвергаетъ ее, даже не разсуждая о томъ, истинна она или ложна: ему довольно того, что она *вредна*. Въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ слѣдуетъ правилу Ницше: «дѣйствовать не по причинамъ, а по цѣлямъ», самому создавать и причины и слѣдствія, а не принимать ихъ покорно отъ судьбы, «варить всякую случайность въ своемъ горшкѣ», по выраженію Ницше («A. S. Z.,—стр. 250).

Онъ отвергаетъ идею будущей жизни и неразрывно съ нею связанную идею христіанскаго Бога — Бога личнаго, объективнаго, внѣ насъ сущаго. Если такой Богъ суще-

ствуетъ, то вся вселенная, а слѣдовательно и человѣкъ, являются только его созданіемъ, слѣдовательно рано или поздно они должны притти съ нимъ въ непосредственное столкновеніе — «встрѣтиться съ нимъ», чтобы быть имъ принятыми или отвергнутыми: это и есть будущая жизнь. Кирилловъ отрицаетъ такую идею Бога. Но въ то же время онъ признаетъ идею Бога логически необходимою для признанія разумной связи между всѣми явленіями міра (а слѣдовательно — и внутренней жизни человѣка), необходимой вообще для возможности какой-либо сознательной психической жизни (такъ какъ Кирилловъ держится въ сущности Платоновскаго пониманія идеи Божества: для него эта идея—высшая, обнимающая собою всѣ другія идеи и единственно дающая имъ смыслъ, мало того, единственно дѣлающая возможнымъ самое ихъ существованіе, такъ что не будь ея, не было бы и ихъ, не было бы *ничего*). Итакъ, ему надо замѣнить отвергнутое имъ христіанское толкованіе идеи Бога какимъ-нибудь другимъ, такъ какъ совсѣмъ обойтись безъ этой идеи онъ не не можетъ. Главная причина, изъ-за которой онъ отвергъ христіанскаго Бога, есть его *объективность*, его существованіе *внѣ насъ*, такъ какъ именно это его свойство дѣлаетъ будущую жизнь необходимой. Кириллову — для возможности отрицанія будущей жизни — нужна идея Бога *субъективнаго*, существующаго не внѣ насъ, а *въ* насъ самихъ; не въ христіанскомъ смыслѣ, по которому Духъ Святой *можетъ* пребывать въ людяхъ, не въ браманскомъ, по которому *каждый* человѣкъ (какъ и вся вселенная) есть только *проявленіе* Божества, какъ вѣчной, единой и непзмѣняемой сущности, — но въ полномъ, буквальномъ смыслѣ слова: «каждый *человѣкъ есть* свой собственный *Богъ*».—«Я Богъ, и нѣтъ Бога, кромѣ меня». Такой формулой можно было бы высказать тотъ выводъ, къ которому пришелъ Кирилловъ, чтобы яснѣе оттѣнить различіе этого вывода отъ христіанскаго и пантеистическаго пониманія «пребыванія Бога въ человѣкѣ». Для Кириллова Богъ *не пребываетъ* въ человѣкѣ, но *тождественъ* ему, не можетъ быть никоимъ образомъ отъ него отдѣленъ. Когда люди познаютъ, что они сами — боги,

тогда, конечно, исчезнетъ не только страхъ передъ будущей жизнью, но самая идея того свѣта сдѣлается абсурдомъ, такъ какъ, вѣдь, «тотъ свѣтъ» — это «встрѣча съ Богомъ», достиженіе внѣ насъ лежащаго идеала, а разъ человѣкъ —самъ Богъ, разъ онъ самъ въ себѣ необходимо носитъ зародыши высшаго идеала, то какая же можетъ еще быть встрѣча съ Богомъ? Познавъ и почувствовавъ себя богами, люди достигнутъ сразу высшаго и полнаго счастья, «вѣчной гармоніи», по выраженію Кириллова.

Они должны будутъ переродиться не только умственно и нравственно, но даже физически, и вотъ почему: избавившись отъ самаго большого страха,—отъ страха передъ смертью, они избавятся тѣмъ самымъ и отъ всякаго страха, а значитъ и отъ всякой боли. Познавъ себя всемогущими и совершенными, они ни къ чему не будутъ стремиться, ничего не будутъ желать, такъ какъ будутъ носить въ самихъ себѣ полноту всякаго счастья и блаженства, высшую гармонію, такъ что имъ уже нечего будетъ еще желать. Не испытывая никакихъ желаній и никакого страха, они естественно не будутъ дѣлать и зла, т. е. не будутъ ни обижать ни мучить другъ друга, такъ какъ имъ нечего будетъ дѣлить другъ съ другомъ, нечего отнимать другъ отъ друга, каждый будетъ самъ въ себѣ составлять цѣлый міръ, каждый будетъ выражать собой полноту идеи вселенной. Тогда исчезнетъ самое понятіе о времени, такъ какъ человѣкъ не будетъ замѣчать въ себѣ никакихъ измѣненій въ силу того, что его «я» будетъ осуществлять собой всю вселенную, всю сумму міровыхъ явленій, а эта сумма, конечно, всегда остается въ итогѣ неизмѣнной. Въ этомъ смыслѣ Кирилловъ говоритъ, что тогда уже на землѣ наступитъ вѣчная жизнь; идея вѣчности, вѣдь, есть только отрицаніе идеи времени, всякихъ измѣненій; но тогда идея времени исчезнетъ въ человѣкѣ безслѣдно, такъ что можно даже сказать, что самой смерти тогда не будетъ, а будетъ жизнь вѣчная и безконечная. Физически люди, конечно, будутъ умирать и тогда, но они не будутъ замѣчать смерти, такъ какъ для нихъ не будетъ тогда существовать измѣненій, и они всю жизнь будутъ находиться въ состояніи полнаго

блаженства, вѣчной, ничѣмъ ненарушаемой гармоніи, ни начала ни конца которой (при рожденіи и при смерти) они не будутъ знать.

Три чувства, глубоко коренящихся въ самой природѣ Кириллова, даютъ первоначальный толчокъ къ образованію всей философской системы его,—если можно назвать системой рядъ мыслей и образовъ, связанныхъ другъ съ другомъ не съ помощью логики, но живымъ, непосредственнымъ чувствомъ. *Чувства эти*—безконечная *любовь* и *жалость* къ страждущему человѣчеству; *ужасъ* передъ тайной смерти и небытія, и безграничная *гордость* человѣческаго сердца и ума, возмущающаяся этими страданіями и этимъ ужасомъ.

Куда ни оглядывается Кирилловъ, всюду видитъ онъ нестерпимую муку человѣка, муку безъ просвѣта, безъ надежды на улучшеніе: «жизнь есть боль; жизнь есть страхъ», говоритъ онъ съ горечью и съ негодованіемъ, боль въ настоящемъ, страхъ передъ новой болью въ будущемъ. Эта боль, этотъ страхъ не даютъ покоя его мягкому, любящему сердцу. Онъ, дѣйствительно, любитъ «*людей*», не только «человѣчество», какъ далекую, абстрактную идею, понятную уму, но мало говорящую сердцу,—не такъ, какъ любятъ его и страдаютъ за него такіе раціоналисты-теоретики, какъ, напримѣръ, Раскольниковъ или Иванъ Карамазовъ. Нѣтъ, онъ любитъ и жалѣетъ именно *людей*, отдѣльныхъ людей, всѣ страданія, всѣ муки которыхъ ему такъ близки и понятны, такъ какъ онъ самъ перенесъ ихъ. Онъ и говоритъ всегда о страданіяхъ «людей», вовсе не употребляя высокопарнаго и холоднаго слова: «человѣчество», дѣлая это, конечно, совершенно инстинктивно. Съ какой любовью, съ какой иногда чисто материнской нѣжностью относится онъ къ окружающимъ! Вспомните его разговоръ съ Шатовымъ, къ которому пріѣхала беременная жена, не видавшаяся съ нимъ нѣсколько лѣтъ, наканунѣ родовъ. Разговоръ этотъ происхо-

дитъ наканунѣ самоубійства Кириллова, когда его всецѣло занимаетъ и давитъ одна страшная мысль.

Замѣчательна въ этомъ короткомъ разговорѣ та готовность Кириллова помочь первому нуждающемуся въ его помощи, чѣмъ только можетъ, не разсуждая ни о чемъ, даже не задумываясь. Замѣчательна и способность забыть (безъ всякаго видимаго усилія) о собственномъ великомъ страданіи, ради облегченія страданія другого.

Эта способность въ немъ совершенно инстинктивна: она не стоитъ ему никакихъ усилій, это его натура, иначе онъ не можетъ. Ничего разсудочнаго, отвлеченнаго въ его любви къ людямъ нѣтъ: гдѣ нужно чѣмъ-нибудь помочь, отдать, исполнить чью-нибудь просьбу, онъ всегда готовъ, не думая даже о томъ, что иногда его помощь можетъ принести вредъ тому, кому онъ ее оказываетъ, или другимъ людямъ: онъ укрываетъ въ своей квартирѣ нѣсколько дней бѣглаго каторжника Ѳедьку, убійцу капитана Лебядкина и его слабоумной сестры, которую тотъ же Кирилловъ недавно защищалъ отъ побоевъ пьянаго брата; Кирилловъ отлично знаетъ, изъ-за какого дѣла прячется Ѳедька, но онъ объ этомъ не разсуждаетъ: Ѳедька пришелъ къ нему, его дѣло пріютить его.

Онъ любитъ людей не потому, что «ихъ *надо* любить», не потому, что онъ *долженъ* ихъ любить, но, просто, потому, что онъ любитъ ихъ, какъ мы любимъ свою возлюбленную, своего друга, своего ребенка. Поэтому онъ и не понялъ бы христіанской морали: «ты *долженъ* любить ближняго своего, *какъ* самого себя».

И замѣтьте: онъ *нигдѣ, ни разу* не говоритъ о своей любви къ людямъ, даже косвенно не намекаетъ на нее.

Любовь Кириллова къ людямъ не заключаетъ въ себѣ ничего сантиментальнаго, рефлектирующаго, самоуслаждающагося; онъ не только не носится съ этой любовью (хотя бы про себя), не любуется ею, но даже не замѣчаетъ ея вовсе: если бы ему сказали про нее, онъ, пожалуй, удивился бы сразу, и только подумавъ нѣсколько, по своему обыкновенію, согласился бы, что дѣйствительно любитъ людей. Его любовь чисто *дѣятельная*, помогающая, даря-

щая, облегчающая, постоянно бьющая ключомъ наружу, нуждающаяся въ приложеніи. Это не созерцательная любовь аскетовъ мистиковъ, вѣчно возвращающаяся къ созерцанію самой себя, не эгоистическая любовь стоика, наслаждающагося тѣмъ нравственнымъ удовлетвореніемъ, которое доставляетъ ему сознаніе сдѣланнаго добра, исполненнаго долга; сдѣлавъ кому-нибудь добро, Кирилловъ уже не думаетъ о немъ, сейчасъ же забываетъ его. Эта любовь наполняетъ собою, проникаетъ насквозь все его существо и является двигающимъ стимуломъ всей его жизни, основнымъ побужденіемъ всей его умственной работы, отправнымъ пунктомъ всѣхъ его идей. Эта любовь въ немъ сильнѣе всего: ради нея онъ рѣшается убить себя, несмотря на безграничную любовь къ жизни, во всѣхъ ея формахъ и проявленіяхъ, несмотря на непзмѣримый ужасъ и отвращеніе передъ смертью, передъ небытіемъ: дѣятельная любовь къ людямъ побѣдила въ немъ созерцательную любовь къ жизни, къ природѣ, побѣдила въ немъ самый страхъ смерти.

Эта любовь заставила его измѣнить знаменитый Кантовскій «категорическій императивъ»: «Ты долженъ всегда смотрѣть на другихъ людей не какъ на средство, а какъ на цѣль саму по себѣ», измѣнить—совершенно, впрочемъ, безсознательно — въ новый принципъ: «Ты долженъ смотрѣть на себя, какъ на средство къ счастію другихъ, а не какъ на цѣль саму по себѣ». Его инстинктивная любовь къ людямъ не позволила бы ему принять и другого Кантовскаго принципа: «Поступай съ другими такъ, какъ ты хочешь, чтобы они поступали съ тобой».

Онъ не захотѣлъ бы — не изъ гордости, а сердце бы ему не позволило—принять отъ другихъ людей ту жертву, которую онъ имъ приноситъ самъ. Нечего и говорить о томъ, что онъ не ждетъ и не ищетъ награды за свою любовь ни здѣсь, на землѣ, ни тамъ, за гробомъ, такъ какъ въ будущую жизнь онъ не вѣритъ; и не только награды извнѣ, отъ людей или отъ Божества, не ждетъ онъ и не ищетъ, но и награды изнутри, внутренняго удовлетворе-

нія, доставляемаго добрымъ дѣломъ—по старинному принципу стоиковъ: «добродѣтель—сама себѣ награда».

Тѣ начала любви къ людямъ и самопожертвованія, которыя инстинктивно, безсознательно коренятся въ душѣ Кириллова, — вполнѣ, въ отвлеченныхъ общихъ принципахъ, высказалъ Ницше устами великаго учителя Заратустры. «Необыкновенна (не всенародна) высшая добродѣтель и безкорыстна, она сверкаетъ, и свѣтъ ея кротокъ; *дарящая* добродѣтель—высшая добродѣтель». («A. S. Z.». «О дарящей добродѣтели», стр. 110). «Вотъ ваша жажда: самимъ сдѣлаться жертвой и подаркомъ». Я люблю того, чей духъ расточаетъ себя, кто не хочетъ благодарности и самъ не отдаетъ: ибо онъ даритъ всегда и не хочетъ сохранять себя» («A. S. Z.» стр. 17, предисловіе); и въ другомъ мѣстѣ Заратустра съ горькой ироніей говоритъ о «добродѣтельныхъ»: «Вы хотите еще, чтобы вамъ платили, о добродѣтельные! Вы хотите имѣть награду за добродѣтель, небо за землю, и вѣчность за ваше «сегодня». («A. S. Z.». стр. 135, о Добродѣтели). И дальше говоритъ онъ объ истинной добродѣтели: «И вотъ ваша истина: вы слишкомъ чисты для грязи словъ: месть, наказаніе, награда, воздаяніе. Вы любите вашу добродѣтель, какъ мать—свое дитя; а кто слышалъ, чтобы мать хотѣла награды за свою любовь?» («A. S. Z.», стр. 136).

«Пусть вашей добродѣтелью будете вы сами, а не что-нибудь извнѣ, не шкура, не одѣяніе». И перечисливъ всевозможные виды ложной добродѣтели, Заратустра восклицаетъ: «Пусть, друзья мои, вамъ наскучатъ старыя слова, которымъ вы научились отъ дураковъ и лжецовъ, слова «награда, воздаяніе, справедливая месть», пусть вамъ наскучитъ говорить, будто поступокъ дѣлаетъ хорошимъ его *самоотверженность* (отрицаніе своего «я»). Напротивъ, друзья мои! Пусть ваше «я» (euer Selbst—ваше «само») будетъ въ поступкѣ, какъ мать въ ребенкѣ: пусть это будетъ *ваша* добродѣтель» («A. S. Z.», стр. 139). Заратустра прежде всего смѣется надъ той добродѣтелью, къ которой надо *стремиться*, которой надо добиваться трудомъ и усиліями, которая не есть *самъ* человѣкъ, не слита нераз-

дѣльно съ его натурой. «Есть и другіе», — говоритъ онъ, — «которыхъ влечетъ внизъ: ихъ демоны тащатъ ихъ, но чѣмъ глубже они падаютъ, тѣмъ ярче блестятъ ихъ глаза, тѣмъ сильнѣе въ нихъ влеченіе къ Богу. Ахъ, и ихъ крикъ дошелъ до вашихъ ушей: «То, что *не я*, то, именно то для меня и есть Богъ и добродѣтель». («A. S. Z.», стр. 137).

Кирилловъ не похожъ на этихъ „другихъ“. Его любовь — это онъ самъ: она не стоитъ ему никакихъ усилій. Ему незачѣмъ стремиться къ ней, потому что она — въ немъ. Про него Заратустра могъ бы сказать: „Sein Selbst ist seine Tugend“. „Онъ самъ своя добродѣтель“. — Завидный удѣлъ, и не многимъ дается онъ! — Замѣчательно, что Заратустра тоже нигдѣ не говоритъ прямо о своей любви къ людямъ, но она слышится постоянно въ его словахъ, ею дышатъ его рѣчи о дарящей добродѣтели, о сверхчеловѣкѣ, о его будущемъ счастіи и величіи. Собственно о томъ, какъ понимаютъ Заратустра и Кирилловъ любовь къ людямъ и нынѣшнюю мораль, основанную на „любви *къ ближнему*“, мы будемъ говорить позже.

Куда же влечетъ Кириллова его любовь къ людямъ, на какой подвигъ, на какую жертву зоветъ его она? Прежде всего — зрѣлище людскихъ страданій, острой болью отзывающееся въ его сердцѣ, заставляетъ его задуматься надъ причиной этихъ страданій. Онъ такъ любитъ людей, такъ рвется помочь имъ, что ему необходимо найти одну, главную причину, отъ которой зависитъ все остальное: онъ вѣритъ, что такая причина есть, не можетъ не быть; стоитъ найти ее и уничтожить — и всѣ будутъ счастливы, никакого горя не будетъ. Вся его натура настолько не мирится со скорбью, со страданіемъ, что онъ даже и вообразить себѣ не можетъ, чтобы нельзя было уничтожить разомъ всю скорбь и все зло; выходъ долженъ быть — въ этомъ для него нѣтъ сомнѣнія. Гдѣ же и въ чемъ ищетъ онъ его?

Тутъ выступаетъ на сцену *второе* изъ основныхъ чувствъ, на которыхъ вращается вся его психическая дѣятельность — чувство непреоборимаго ужаса передъ тайной смерти;

идея же о смерти неразрывно связана въ его умѣ съ идеями о Богѣ и о будущей жизни. «*Меня Богъ всю жизнь мучилъ!*» восклицаетъ онъ съ невыразимой тоской. «*Богъ есть боль страха смерти*». «*Я ужасно несчастенъ*, ибо ужасно боюсь» (смерти, самоубійства), говоритъ онъ Верховенскому уже передъ самой смертью своей.

Въ томъ, что мучило всю жизнь его, видитъ онъ причину мукъ и всѣхъ людей, начало всякой боли и всякаго страха на землѣ.

«Жизнь есть боль, жизнь есть страхъ, и человѣкъ несчастенъ». Несчастенъ потому, что боится смерти. «Вся свобода будетъ тогда, когда будетъ все равно—*жить* или *не жить*. *Вотъ всему цѣль*». Но почему же такъ боится человѣкъ смерти, почему такъ любитъ жизнь, которая, вѣдь, «есть боль и страхъ». Надъ этимъ вопросомъ Кирилловъ давно уже и серьезно задумался, и здѣсь собственно начало его умственной работы. Вопросъ—«почему люди *не смѣютъ* убивать себя?» — послужилъ отправнымъ пунктомъ для всей его теоріи.

Онъ даже принялся писать на эту тему сочиненіе. Присмотрѣвшись ко всѣмъ мукамъ, которыя люди соглашаются терпѣть въ этой жизни, онъ удивился сначала, что такъ *мало* людей рѣшаются покончить съ собой. Онъ говоритъ не объ обыкновенныхъ самоубійцахъ, «которые убиваютъ себя или съ большой грусти, или со злости, или сумасшедшіе, или такъ все равно...»—не о людяхъ, убивающихъ себя подъ вліяніемъ какой-нибудь конкретной причины, чтобы уйти отъ *того* или *другого* зла: такіе убиваютъ себя «вдругъ», т. е. подъ вліяніемъ внезапнаго рѣшенія, принятаго подъ давленіемъ неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ. «Тѣ мало о боли думаютъ, а вдругъ», — они не побѣждаютъ въ себѣ страха смерти, а только заглушаютъ его самою внезапностью своего рѣшенія, убиваютъ себя въ возбужденномъ, приподнятомъ состояніи, все равно—будетъ ли это возбужденіе естественно или оно вызвано искусственно.

Не о такихъ самоубійцахъ задумался Кирилловъ; такихъ всегда много было и будетъ. Но ихъ нельзя отнести къ

«осмѣлившимся»; они хоть и убиваютъ себя, но съ зажмуренными глазами, «не думая»; это скорѣе «испугавшіеся». Его мучитъ вопросъ, почему мало такихъ, «которые *съ разсудка*», такихъ, которые «много думаютъ», — почему мало людей кончаютъ съ собой не отъ страха передъ тѣмъ или другимъ лишеніемъ, не отъ горя по той или другой утратѣ, но просто съ цѣлью уйти отъ жизни, отъ жизни вообще, такъ какъ она сама по себѣ есть зло и страданіе, а не отъ того или другого ея проявленія. Его поражаетъ, почему нѣтъ (или почти нѣтъ) людей, хладнокровно взглянувшихъ въ лицо жизни, изучившихъ ее во всѣхъ ея проявленіяхъ, — и, убѣдившись, что она есть зло, столь же хладнокровно покончившихъ съ собой. Такихъ людей, онъ самъ говоритъ, «очень мало»; а по его мнѣнію, «если бы не было предразсудка, то было бы больше, очень много, *всѣ*».

Здѣсь мы видимъ изумленіе теоретика передъ явленіями живой жизни, передъ фактами, которые даетъ ему дѣйствительность и которые противорѣчатъ его теоріи. И вотъ, оправившись отъ перваго изумленія, онъ—какъ человѣкъ, привыкшій къ строго логической (или кажущейся ему таковой) послѣдовательности какъ въ идеяхъ, такъ и въ явленіяхъ, — а такимъ именно является Кирилловъ *въ началѣ* развитія своего психическаго процесса—начинаетъ искать причинъ, вызвавшихъ это уклоненіе явленій дѣйствительной жизни отъ составленной имъ теоріи.

И такихъ причинъ находитъ онъ *двѣ*: страхъ передъ «болью» и мысль «о томъ свѣтѣ». Первую изъ нихъ онъ называетъ «очень маленькой», т. е. не заслуживающей вниманія съ логической, философской точки зрѣнія, вторую—«очень большой». «Но, — добавляетъ онъ, — и маленькая тоже очень большая». Онъ знаетъ это по собственному опыту. И здѣсь онъ, въ качествѣ чистаго теоретика, опять впадаетъ въ крупную ошибку; и здѣсь его теорія не сходится съ живой жизнью. Самую-то важную, самую главную причину, которая стоитъ всѣхъ другихъ и которая не допускаетъ въ большинствѣ случаевъ человѣка до самоубійства, онъ и позабылъ упомянуть, а между тѣмъ, когда дошло дѣло до него, когда ему самому при-

лось кончать съ собой, эта одна причина только и заговорила въ немъ; она-то чуть было и не удержала его отъ самоубійства, мало того—чуть не заставила его сдѣлаться убійцей другого человѣка, отъ одной мысли о чемъ онъ всегда отворачивался съ негодованіемъ.

Причина эта — инстинктивная любовь къ жизни всего живущаго, любовь могучая и непреоборимая, заставляющая молчать всѣ теоретическія соображенія, стирающая всѣ выкладки разума. Эта любовь къ жизни, которая такъ громко заговорила въ самомъ Кирилловѣ передъ самоубійствомъ, перевѣшиваетъ и страхъ боли и боязнь передъ «тѣмъ свѣтомъ». Она-то именно толкаетъ на самоубійство людей, которые кончаютъ съ собой «вдругъ»: страстное стремленіе жить и наслаждаться жизнью возмущается въ нихъ тѣми печальными условіями, въ которыя они поставлены (по своей, по чужой ли винѣ, или судьбою — все равно), и въ бурномъ порывѣ гнѣва и негодованія, горячей и неутомимой жажды жизни они уничтожаютъ самихъ себя.

Именно инстинктивная любовь къ жизни (о которой забылъ упомянуть Кирилловъ) мѣшаетъ человѣку разстаться съ ней «съ разсудка» (по зрѣлому разсужденію), несмотря на весь ея страхъ и всю ея боль, какъ бы хорошо онъ этотъ страхъ и эту боль ни созналъ теоретически, a priori, какъ общее правило жизни; ему надо именно на себѣ извѣдать ихъ жало, и надо, чтобы это жало впилось въ него такъ глубоко, чтобы его собственный инстинктъ жизни не вынесъ бы его, и, возмутившись, уничтожилъ самъ себя.

Кирилловъ былъ бы правѣе, если бы самый вопросъ свой поставилъ иначе. Вмѣсто того, чтобы спрашивать, отчего люди не смѣютъ убивать себя, ему слѣдовало бы спросить: «почему люди такъ страстно и непреодолимо любятъ жизнь, несмотря на всѣ ея страданія?» Но это другой уже вопросъ; къ нему мы перейдемъ потомъ, а теперь обратимся къ разбору тѣхъ причинъ, которыя указаны Кирилловомъ, какъ удерживающія людей отъ самоубійства.

Для теоретика Кириллова логически возможными препятствіями къ тому «разсудочному» самоубійству, о которомъ онъ мечтаетъ, являются опять-таки только вполнѣ ясныя «для разума» идеи и представленія, поддающіяся точной формулировкѣ: прежде всего представленіе «боли», но именно физической боли, вызывающее страхъ и отвращеніе во всякомъ живомъ существѣ. Люди, убивающіе себя «вдругъ», «тѣ мало о боли думаютъ», «а которые съ разсудка, тѣ много думаютъ». Однако, сейчасъ же оказывается, что дѣло тутъ не въ страхѣ передъ физической болью, а въ чемъ-то другомъ, только Кирилловъ еще не совсѣмъ хорошо это себѣ выяснилъ—вѣрнѣе, не можетъ достаточно ясно и точно выразить. На замѣчаніе собесѣдника: «а развѣ нѣтъ способовъ умирать безъ боли?» онъ приводитъ примѣръ камня «величиною съ большой домъ», висящаго надъ головой человѣка; если такой камень упадетъ на человѣка, онъ убьетъ сразу, и человѣку, конечно, не будетъ больно. «А станьте вправду, и пока виситъ, вы будете очень бояться, что больно. Всякій первый ученый, первый докторъ, всѣ, всѣ будутъ очень бояться. Всякій будетъ знать, что не больно, и всякій будетъ очень бояться, что больно». Очевидно, тутъ страхъ не передъ физической болью, а передъ самой минутой разставанья съ жизнью, хотя бы это разставанье было совершенно безболѣзненнымъ. Этотъ-то страхъ, который Кирилловъ назвалъ «причиной очень маленькой, но тоже очень большой», и является главной, настоящей задержкой самоубійства, какъ это мы увидимъ потомъ на примѣрѣ самого Кириллова. Для чистаго теоретика это — «очень маленькая» причина, такъ какъ она не выдерживаетъ самой простой логической критики.

Но для человѣка съ живымъ пониманіемъ жизни, для чуткаго сердца, какимъ все-таки всегда былъ Кирилловъ (хотя абстрактныя теоріи и заглушаютъ въ немъ нѣсколько это пониманіе, скорѣе не даютъ ему ясно выразиться), эта причина всегда будетъ «очень большой», даже единственно необходимой, т. е. въ большей или меньшей степени дѣйствующей при всякихъ обстоятельствахъ.

Съ этимъ страхомъ передъ самымъ разставаніемъ съ жизнью, независимо отъ какихъ-либо посторонннхъ соображеній, приходилось и приходится бороться всякому самоубійцѣ.

Перейдемъ теперь ко второй изъ причинъ, удерживающихъ, по мнѣнію Кириллова, человѣка отъ обдуманнаго самоубійства—самоубійства, такъ сказать, изъ „*общихъ соображеній*", а не въ силу какого-нибудь внѣшняго потрясенія. Причина эта—„*тотъ свѣтъ*".

Здѣсь мы уже входимъ въ область метафизики, и въ этой именно области съ особенною яркостью обнаруживается духовное родство идей Кириллова съ идеями великаго германскаго философа-пророка, вложенными имъ въ уста персидскаго мудреца.

«Тотъ свѣтъ», говоритъ Кирилловъ,—«то-есть, наказаніе?»—«Это все равно: *одинъ* тотъ свѣтъ». Не наказанія за грѣхи страшится человѣкъ, когда отнимаетъ свою руку, готовую нанести послѣдній ударъ. Есть нѣчто болѣе страшное, чѣмъ всѣ муки ада: это — *встрѣча съ Богомъ, тамъ, лицомъ къ лицу*. Мысли объ этой встрѣчѣ не выдерживаютъ и самыя сильныя души, самыя глубокія натуры, поборовшія въ себѣ инстинктивную любовь къ жизни и страхъ передъ смертью. Именно глубокія-то души и не выдерживаютъ этой мысли: мелкимъ она недоступна во всемъ своемъ ужасѣ, по самой глубинѣ своей; ихъ пугаетъ адъ, наказаніе, но не *Богъ*, не «одинъ тотъ свѣтъ», какъ говоритъ Кирилловъ. Идея *Бога* для Кириллова одна только даетъ смыслъ и значеніе всѣмъ другимъ идеямъ, всей вселенной, самому существованію нашему; это основаніе, къ которому сводятся всѣ другія идеи, мѣра всѣхъ вещей, единственная связь всѣхъ явленій, безъ которой невозможна никакая сознательная жизнь. Безъ этой идеи міръ является для Кириллова безсмысленнымъ хаосомъ разрозненныхъ явленій, не стоящихъ ни въ какой связи другъ съ другомъ, явленій, которыя невозможно ни понять ни оцѣнить, такъ какъ нѣтъ основанія, стоя на которомъ можно было бы производить эту оцѣнку, нѣтъ точки опоры, отъ которой можно было бы отправиться. Самое познаніе вещей и явленій внѣшняго міра было бы

невозможно при такихъ условіяхъ, такъ какъ не было бы единства внутренней жизни человѣка, не было бы единства его «я». Человѣку, для котораго идея Бога во всемъ ея объемѣ обратилась бы въ ничто, пришлось бы вести чисто растительную жизнь: ощущенія испытываемыя имъ отъ внѣшняго міра, не могли бы складываться не только въ понятія разума, но даже въ простыя представленія, такъ какъ и для нихъ необходимо хотя бы инстинктивное (какъ у животныхъ) сознаніе единства своего «я»— нужно, чтобы отдѣльныя ощущенія сводились къ одному общему основанію. А разъ такого основанія не будетъ въ самомъ мірозданіи, въ природѣ, то не останется его и во внутренней жизни человѣка.

«Богъ необходимъ, а потому *долженъ* быть», говоритъ Кириловъ въ своей предсмертной «исповѣди» Верховенскому. «Я не понимаю, какъ могъ до сихъ поръ атеистъ знать, что нѣтъ Бога, и не убить себя тотчасъ же?» Разъ мы *дѣйствительно* сознали, что Бога нѣтъ, наше дальнѣйшее существованіе теряетъ всякій смыслъ, не только нравственный, но и логическій, такъ что продолжать его не только уже *незачѣмъ*, но и прямо *нельзя* (какъ нельзя писать мелодіи безъ генералъ-баса); жизнь безъ Бога— для Кириллова — логическій nonsens. И если есть люди, которые, отрицая Бога и тотъ свѣтъ, все-таки продолжаютъ жить, — и даже чувствуютъ себя иногда счастливыми,—то это происходитъ только отъ того, что они сами не понимаютъ всего значенія той идеи, которую отрицаютъ, не могутъ охватить ея содержанія. Поэтому, отрицая по имени самую идею Бога, они, однако, не отрицаютъ всего ея содержанія, и тѣмъ сохраняютъ для себя возможность приписывать связь и единство явленіямъ окружающей дѣйствительности и разумный смыслъ—явленіямъ своей внутренней жизни. Другими словами, такіе атеисты являются атеистами только по имени, а не на дѣлѣ: имъ только кажется, что они отрицаютъ идею Бога, потому, что настоящій смыслъ этой идеи имъ недоступенъ. Когда разсказчикъ спросилъ Кириллова: «Развѣ нѣтъ такихъ атеистовъ, что совсѣмъ не вѣрятъ въ тотъ свѣтъ?—

Кирилловъ промолчалъ. «Вы, можетъ-быть, по себѣ судите?» продолжалъ допытываться его собесѣдникъ. «Всякій не можетъ судить по себѣ», былъ отвѣтъ Кириллова,—но при этомъ онъ смутился и покраснѣлъ. Въ этихъ словахъ Кирилловъ скрытно выразилъ свою мысль: «до сихъ поръ настоящихъ атеистовъ, такихъ, которые, отрицая идею Бога, понимали бы, *что* они отрицаютъ, такихъ атеистовъ до сихъ поръ *не было*. Я — первый настоящій атеистъ. Потому-то они боялись убивать себя, а я — не боюсь и убью». (Потомъ мы увидимъ, что въ этомъ онъ ошибается, что и онъ—*не атеистъ*).

Итакъ, по мнѣнію Кириллова, всѣ люди до сихъ поръ не рѣшались убивать себя именно изъ страха передъ «тѣмъ свѣтомъ», гдѣ ихъ ожидаетъ непосредственная встрѣча съ Богомъ, гдѣ они «узрятъ Его лицомъ къ лицу». Убивая себя, они отреклись отъ смысла жизни, возмутились противъ нея, признавъ ее безобразной и нелѣпой; но, отвергая разумность явленій жизни, они отвергли этимъ самый смыслъ идеи Бога. И вотъ — имъ предстоитъ встрѣтиться теперь лицомъ къ лицу съ живымъ проявленіемъ этой идеи, въ которой — все, вся вселенная, отъ которой никуда не уйти. Встрѣча съ Богомъ, котораго они не вынесли, противъ котораго возмутились, но изъ-подъ власти котораго все-таки не вышли и никуда не могутъ выйти, — эта встрѣча дѣлается имъ не подъ силу; психическое состояніе ихъ прекрасно изображено въ словахъ псалмопѣвца Давида: «Куда укроюсь отъ духа Твоего, Господи; куда бѣгу отъ лика Твоего? вознесусь ли на небо — Ты тамъ; въ адъ сойду—и тамъ найду Тебя; возьму ли я крылья отъ зари, и уйду къ далекому морю — Твоя рука будетъ вести меня туда; скажу ли: пусть тьма покроетъ меня— тьма вокругъ меня станетъ свѣтомъ». (139 псаломъ, стихъ 7).

Такой человѣкъ и въ *адъ* бы ушелъ, и адскія бы муки всѣ принялъ, только бы уйти отъ *Бога*, котораго онъ отвергъ,—но не уйти ему никуда.

И хотъ знаетъ онъ, что не уйти, но по слабости природы своей хочетъ отсрочить ужасный *мигъ* «встрѣчи съ Богомъ», и какъ бы ни была ему жизнь постыла, онъ

лучше будетъ тянуть ее, тянуть какъ можно дольше, но не рѣшится убить себя. Это понялъ Кирилловъ, когда онъ говоритъ, что «тотъ свѣтъ», «одинъ тотъ свѣтъ», а не будущія муки, не даетъ людямъ убивать себя. Онъ измѣрилъ всю глубину этого страданія, выпадающаго только на долю глубокихъ и страстныхъ натуръ. Натуры слабыя и неглубокія, если и попадаютъ на путь, ведущій къ самоубійству, то либо останавливаются на этомъ пути передъ первыми двумя препятствіями—инстинктивной привязанностью къ жизни или страхомъ передъ загробнымъ наказаніемъ,—либо доходятъ до конца, но окольнымъ путемъ, не поборовъ, а обойдя главное препятствіе — идею Бога, страхъ передъ встрѣчей съ нимъ. Они не доходятъ съ помощью глубокаго и безстрашнаго анализа до сущности этой идеи, чтобы опровергнуть ее, но просто отвергаютъ ее, какъ нѣчто негодное, неразумное, устарѣлое, будто бы не выдерживающее критики ума, вооруженнаго логикою; болѣе трудной и глубокой, да и болѣе опасной критикѣ сердца и непосредственнаго чувства—они не рѣшаются ее подвергнуть.

Такой именно критикѣ подвергъ эту идею Кирилловъ—и это не прошло ему даромъ. «Меня Богъ всю жизнь мучилъ», — вотъ вопль, вырвавшійся изъ самой глубины его души. *Эта борьба съ Богомъ* — не игрушечная діалектика, настолько же легкая, насколько и безплодная, но безконечно мучительная борьба духа и плоти,—эта борьба составляетъ весь смыслъ его жизни и дѣятельности.

Онъ — настоящій «богоборецъ», какъ назвалъ когда-то Богъ Іакова, боровшагося всю ночь съ ангеломъ Господнимъ. Онъ боролся съ Богомъ сначала за себя, а потомъ, когда «побѣдилъ», какъ ему показалось, въ этой борьбѣ, онъ сталъ бороться и за людей. И страшная истина открылась ему и наполнила все существо его горемъ и негодованіемъ: идея Бога необходима, безъ нея—все абсурдъ и хаосъ; но эта же идея дѣлаетъ людей безконечно несчастными, заставляетъ ихъ безконечно мучиться, безъ всякой надежды на улучшеніе. «Жизнь есть боль, жизнь есть страхъ, и человѣкъ несчастенъ. Теперь все боль и

страхъ. Теперь человѣкъ жизнь любитъ, потому что боль и страхъ любитъ (потому что предпочитаетъ эту боль и этотъ страхъ смерти и «встрѣчѣ съ Богомъ»). И такъ сдѣлали. Жизнь дается теперь за боль и за страхъ, и тутъ весь обманъ».

Этотъ ужасный заколдованный кругъ не даетъ ему покоя: человѣкъ мучится въ этой жизни, потому что боится будущей, и опять-таки изъ-за этого страха не можетъ покончить съ этой жизнью. Страхъ этотъ какъ бы парализовалъ его,—гдѣ же выходъ? *).

Прежде всего — надо уничтожить страхъ передъ будущей жизнью—уничтожить во что бы то ни стало: и этого нельзя достичь иначе, какъ истребивъ въ людяхъ самую идею будущей жизни.

Итакъ, первый основной принципъ философской теоріи, вѣрнѣе религіи Кириллова — *отрицаніе будущей жизни*. Но, отрицая идею будущей жизни, мы непремѣнно придемъ къ отрицанію идеи Бога: такъ неразрывно связаны эти двѣ идеи другъ съ другомъ. Самъ Кирилловъ, вѣдь, говоритъ: „*Богъ есть боль страха смерти*“. Но опровергнуть идею Бога — значитъ снова ввергнуть людей въ ту пучину безвыходнаго отчаянія, откуда Кирилловъ такъ страстно стремится ихъ вывести; отвергнуть Бога — значитъ отвергнуть смыслъ жизни, отнять у нея всякую цѣну, тогда какъ Кирилловъ именно хочетъ придать ей эту цѣну.

«Богъ необходимъ,—восклицаетъ Кирилловъ,—но,—добавляетъ онъ съ глубокой грустью,—я знаю, что Его нѣтъ и не можетъ быть». Въ этихъ словахъ весь трагизмъ положенія Кириллова и причина его гибели.

И. Верперъ.

* * *

*) Наконецъ, самая идея будущей жизни возникла изъ глубокаго разочарованія въ этой; отчаявшись въ земной жизни, человѣкъ создалъ себѣ загробную; но лѣкарство оказалось хуже самой болѣзни. (Это—любимая мысль Ницше: религія—дитя пессимизма).

*) Среди всѣхъ фигуръ романа Достоевскаго самая замѣчательная, самая оригинальная и вдохновенная это фигура Кириллова. Можетъ-быть, никогда еще Достоевскій не всходилъ на такую идейную высоту, не достигалъ такихъ ослѣпительныхъ обобщеній и не раскапывалъ такихъ изумительныхъ и небывалыхъ въ его время психологій. Среди людей, стремящихся спасти общество путемъ соціальныхъ переворотовъ, изображенъ человѣкъ, противопоставившій соціально-экономическимъ планамъ концепцію новой религіи, которая должна рѣшить вопросъ въ корнѣ, потому что она должна дать человѣку полную свободу при полномъ, высшемъ разумѣніи жизни. Въ этомъ отношеніи образъ и идеи Кириллова являются какъ бы предвѣстниками тѣхъ новыхъ броженій въ исторіи европейскаго общества, которыя раскрылись полностью только на нашихъ глазахъ и которыя создадутъ въ будущемъ новаго человѣка и новый строй жизни. Не Шатовъ, съ его національнымъ паѳосомъ и византійскими галлюцинаціями, а именно Кирилловъ, съ его проповѣдью освобожденія отъ всѣхъ тумановъ и кошмаровъ жизни, говоритъ истинно новое, свѣжее слово въ вопросѣ человѣческаго блага, можетъ-быть, самое замѣчательное слово, когда-либо и кѣмъ-либо сказанное въ русской литературѣ. Отсюда пошла вся діалектика современности, молодая и бурная, смиренная и дерзостная, религіозная и демоническая,—все, чѣмъ живетъ и дышитъ человѣкъ нашей эпохи.

Кирилловъ думаетъ, что средствомъ для обрѣтенія и проявленія высшей свободы можетъ служить самоубійство, сознательное, вольное самоубійство. Надо разстрѣлять два великихъ предразсудка, мѣшающихъ свободѣ человѣка: страхъ самой смерти и страхъ передъ «тѣмъ свѣтомъ». И то и другое не болѣе, какъ заблужденіе ума человѣческаго, пагубная иллюзія, заграждающая путь къ счастью. Нужно понять, что болѣзненное мгновеніе смерти совершенно химерично по сравненію съ великими болями

*) А. Л. Волынскій. Глава „Праведный агнецъ“ изъ его книги: „Ѳ. М. Достоевскій“. Спб. 1906 г.

жизни, а представленіе о томъ свѣтѣ не болѣе какъ миражъ. «Жизнь есть боль, — говоритъ Кирилловъ,— жизнь есть страхъ, и человѣкъ несчастенъ. Теперь все боль и страхъ. Теперь человѣкъ жизнь любитъ, потому что боль и страхъ любитъ. И такъ сдѣлали. Жизнь дается теперь за боль и страхъ, и тутъ весь обманъ. Теперь человѣкъ еще не тотъ человѣкъ. Будетъ новый человѣкъ, счастливый и гордый. Кому будетъ все-равно жить или не жить, тотъ будетъ новый человѣкъ. Кто побѣдитъ боль и страхъ, тотъ самъ богъ будетъ. А тотъ Богъ не будетъ». Вотъ слова, которыя сначала дѣйствуютъ, какъ парадоксъ, но которыя съ каждой минутой, при каждомъ новомъ перечитываніи, шевелятъ все болѣе и болѣе глубокіе, интимные нервы нашей души, нашего сердца, нашего духа. «Жизнь есть боль, жизнь есть страхъ, и человѣкъ несчастенъ»—эта общензвѣстная истина является исходнымъ пунктомъ для заключеній, въ которыхъ уже звучитъ протестъ противъ всего, что есть въ жизни навязаннаго человѣку разными гипнозами, морально-религіозными и соціально-политическими, противъ всего ненужнаго, противъ всего того, что давитъ человѣческое естество, вольное и свободное, такъ сказать, гармонически созвучное съ свободнымъ естествомъ вселенной. «Такъ сдѣлали», «тутъ весь обманъ» — это значитъ, что, поддаваясь этому гипнозу о неизбѣжности, о необходимости всѣхъ этихъ страховъ и страданій, человѣкъ какъ бы измѣняетъ своей настоящей природѣ. И «это подло», — говоритъ Кирилловъ. Нельзя себѣ представить болѣе рѣшительнаго отрицанія по отношенію ко всему строю человѣческой жизни и человѣческихъ понятій. И все это вѣрно. И все это звучитъ одухотвореннымъ призывомъ — отбросить всякую ортодоксальность въ своемъ личномъ психологическомъ существованіи и выйти на новую историческую дорогу. «Теперь человѣкъ еще не тотъ человѣкъ. Будетъ новый человѣкъ, счастливый и гордый». Это тоже великая правда, ощущаемая современнымъ человѣкомъ, который сознаетъ себя въ чемъ-то окончательно устарѣвшимъ и идущимъ къ чему-то новому. Если разсѣять два кошмара жизни, съ стра-

хами и болями, которые они съ собой несутъ, сбросить съ себя тяжесть жизни и тяжесть оффиціальной мистики, человѣкъ непремѣнно почувствуетъ себя счастливымъ и гордымъ: счастливымъ — потому, что онъ станетъ лицомъ къ лицу со своимъ естествомъ и естествомъ міра, которыя, по мнѣнію Кириллова, не исключаютъ и не стѣсняютъ другъ друга; гордымъ—потому, что онъ высвободитъ изъ ярма свое личное, человѣческое начало и, такъ сказать, подниметъ голову. Онъ сдѣлается новымъ человѣкомъ, потому что онъ побѣдитъ въ себѣ всѣ болѣзненные процессы, связанные съ человѣческими измышленіями,— все то, что представляетъ собою жизнь человѣческую, въ противоположность свободному, реальному бытію, потому что онъ разстрѣляетъ стараго идола, того стараго Бога, котораго Кирилловъ называетъ «болью страха смерти». Тогда все перемѣнится окончательно, радикально, перемѣнится и духовно и физически, «и міръ перемѣнится, и дѣла перемѣнятся, и мысли, и всѣ чувства». «Тогда исторію будутъ дѣлить на двѣ части: отъ гориллы до уничтоженія Бога и отъ уничтоженія Бога до перемѣны земли и человѣка физически. Будетъ богомъ человѣкъ и перемѣнится физически». Въ этихъ словахъ Кириллова звучитъ вдохновенная музыка человѣческаго сердца — мечта о полной духовной свободѣ, которая проходитъ черезъ всѣ величайшія творенія человѣчества, черезъ всю новозавѣтную исторію, на истокахъ которой—въ Евангеліи, въ посланіяхъ апостола Павла и въ Апокалипсисѣ—уже горятъ идеи о новой землѣ, новомъ небѣ и новой тварп. И хотя философія Кириллова хочетъ быть полнымъ противоположеніемъ мистической идеологіи христіанства, но слова его о новомъ человѣкѣ, который сталъ богомъ, законодателемъ собственной жизни, который побѣдилъ въ себѣ всѣ гипнозы исторіи, вошелъ въ новое духовно-плотское существованіе, погубилъ свою душу и возродилъ свой духъ,—эти слова Кириллова, все таки, звучатъ тайной гармоніей съ вдохновеніями и фантазіями Новаго Завѣта. Это все тотъ же человѣкъ, который ищетъ счастья, ищетъ свободы, ищетъ возможности, перешагнувъ за ограды всякаго внѣш-

няго, устрашающаго закона, войти въ мистеріи естественнаго бытія, мірового естества, и тамъ, въ этихъ мистеріяхъ, найти мотивъ для обновленія всей исторической жизни. Кирилловъ понимаетъ, что человѣку не дано сразу разсѣять великія неправды жизни и собственной логики и психологіи, что пройдутъ вѣка прежде, чѣмъ человѣкъ окончательно истребитъ въ себѣ гориллу и свойственный ему рабскій страхъ передъ внушеніями стараго Бога. Но на этомъ длинномъ пути эволюціи человѣкъ уже подошелъ къ тому моменту, когда ему предстоитъ заявить всю силу своего критическаго самосознанія и показать въ подвижническомъ актѣ, что все это историческое рабство уже опровергнуто внутри его чѣмъ-то глубокимъ, какимъ-то непобѣдимымъ чувствомъ вольности, которое не заглохло подъ всѣми тяжестями его земного существованія. Первое проявленіе духовной человѣческой свободы должно выразиться въ подвигѣ самоубійства. «Всякій, кто хочетъ главной свободы, тотъ долженъ смѣть убить себя. Кто смѣетъ убить себя, тотъ тайну обмана узналъ. Дальше нѣтъ свободы; тутъ все, а дальше нѣтъ ничего. Кто смѣетъ убить себя, тотъ богъ». Кирилловъ говоритъ не о томъ самоубійствѣ, которое совершается подъ вліяніемъ различныхъ аффектовъ, а о томъ, которое принципіально направлено противъ «страха смерти» и уже знаменуетъ освобожденіе отъ этого страха.

Хочется вникнуть въ эти мысли Кириллова, считаясь при этомъ не только съ логикою самоубійства, которая неизбѣжно раздвояется и, по вопросу о правѣ человѣка на самоубійство, съ одинаковою убѣдительностью говоритъ и «да» и «нѣтъ», а, такъ сказать, съ стихійными факторами этого вопроса. Дѣйствительно ли въ актѣ самоубійства заявляется высшая человѣческая свобода? Несомнѣнно. Это величайшее «нѣтъ», которое только можетъ человѣкъ сказать по отношенію ко всему, что его окружаетъ и отъ чего онъ зависитъ,—значитъ это и есть актъ полнѣйшаго освобожденія отъ міра. На этомъ пути грознымъ фантомомъ стоитъ для большинства людей страхъ смерти, страхъ передъ невѣдомымъ. Однако, этотъ страхъ

передъ невѣдомымъ только варіантъ того общаго страха, въ которомъ вообще живетъ тонко чувствительный и при этомъ не сильный, хрупкій человѣкъ, съ трепетной вибраціей нервовъ, потому что жизнь также темна и неясна, какъ и всеразрушающая смерть. Для того, кому открыты бездны жизни, всѣ ея противорѣчія, всѣ неожиданности, которыя она готовитъ для нашего сознанія, для нашихъ чувствъ и для нашихъ близорукихъ человѣческихъ плановъ, она тоже должна представляться какимъ-то необъятнымъ моремъ, по которому мы плывемъ, не видя передъ собою никакого берега. И тотъ, кому вообще свойствененъ страхъ передъ невѣдомымъ, тотъ боится не только смерти, но и жизни.

Но есть люди, въ которыхъ этотъ страхъ погашается какими-то иными настроеніями, какимъ-то довѣрчивымъ «да», которое духъ ихъ шепчетъ по отношенію ко всякому бытію—быть можетъ, еще болѣе по отношенію къ невѣдомому бытію, къ тому, что еще не извѣдано и не опорочено для воображенія несовершенствами жизненнаго воплощенія. Для этихъ людей бытіе не ограничивается ихъ личнымъ или историческимъ опытомъ. Они какъ бы ощущаютъ или предощущаютъ то, что лежитъ за чертою ихъ непосредственнаго зрѣнія, воображенія и сознанія, что, можетъ-быть, никогда не будетъ уловлено никакимъ умомъ, ни въ какомъ познавательномъ процессѣ. Эти люди не боятся ни жизни ни смерти, потому что своими глубокими духовными инстинктами они любятъ именно неизвѣданное и невѣдомое, таинства природы, таинства бытія, которыя лежатъ въ основаніи всѣхъ таинствъ человѣческой жизни и исторіи. И когда передъ глазами ихъ вдругъ развернется въ разноцвѣтныхъ краскахъ какое-нибудь явленіе, они воспринимаютъ его цѣликомъ — въ его двуединомъ составѣ, эмпирическомъ и мистическомъ, впитываютъ всѣ его соки, и въ самой глубинѣ своихъ личныхъ ощущеній и переживаній по поводу этого явленія, независимо отъ того, радостный или страдальческій характеръ они имѣютъ, находятъ какъ бы новый импульсъ къ жизни и чувство своей свободы. На тягчайшія страданія свои они такъ

активно реагируютъ своимъ духомъ, что и самыя страданія эти преобразуются для нихъ въ какія-то высшія наслажденія, въ какія-то упоительныя внутреннія гармоніи, сквозь которыя они съ новымъ довѣріемъ, съ новымъ, поющимъ «да» смотрятъ въ безбрежныя перспективы міровой исторіи.

Вотъ изъ какихъ послѣднихъ основъ человѣческаго существа поднимается въ человѣкѣ свѣтлый экстазъ и великодушный паѳосъ по отношенію къ жизни, вотъ гдѣ находитъ для себя человѣкъ источникъ той свободы, о которой грезитъ Кирилловъ. Въ полномъ, настоящемъ, одухотворенномъ человѣкѣ живетъ съ одинаковою силою и, такъ сказать, съ одинаковою идейной значительностью для его дѣйствованій, воля къ бытію, чистому, глубокому и свободному, упоительному, активному и страстному, вдохновляющему и вдохновенному, и мощное отрицаніе жизни, какова она есть въ переживаемой исторической дѣйствительности. Эти двѣ силы — революціонное отрицаніе жизни, вѣчная анаѳема противъ жизни, и воля къ неисчерпанному и неисчерпаемому бытію вообще—и создаютъ всѣ великія перипетіи исторіи, постоянно намѣчаютъ, въ грезахъ людей высшаго порядка, этихъ истинныхъ боговъ жизни, новые синтезы земного существованія. Туда, къ этимъ будущимъ синтезамъ, и глядятъ, сквозь туманы современности, герои исторіи, и ради этихъ еще небывалыхъ синтезовъ они говорятъ свое рѣшительное, свободное «да» и по отношенію къ самой жизни, изъ которой должна вырасти новая жизнь. И для того, кто такъ отрицаетъ жизнь и такъ вѣритъ въ будущую жизнь на землѣ, не требуется никакого личнаго жертвоприношенія въ видѣ самоубійства, хотя требуется полная готовность принести себя въ жертву, если это понадобится въ борьбѣ съ проклятой дѣйствительностью.

Такая именно жертва, т. е. кровь, пролитая во имя человѣчества, съ вѣрою въ его будущія судьбы, никогда не производитъ въ обществѣ никакого уныній, а, напротивъ того, какъ бы создаетъ новыя вѣянія духа, новыя броженія, очистительныя бури, изъ которыхъ всегда выходитъ

новая, лучшая дѣйствительность. Тутъ кровь превращается въ духъ, тутъ на глазахъ людей совершаются великія пиршества ненависти и любви, лирическаго подъема и гнѣвнаго протеста. Тутъ вся правда личнаго участія человѣка въ теченіи живой исторіи. А самоубійство? Какое странное впечатлѣніе оно всегда производитъ на окружающихъ! Оно кажется ошибкою не только по отношенію къ собственному естеству, но и по отношенію къ тому, что есть въ человѣкѣ сверхреальнаго, ошибкою по отношенію къ его духу, нѣкоторымъ принижеміемъ этого духа, его ослѣпленіемъ. Точно глаза померкли у него, у этого дальнозоркаго духа, и онъ уже не видитъ и не слышитъ того, что готовится въ будущемъ, не видитъ тѣхъ вершинъ, на которыя постепенно восходитъ человѣческая исторія. Самоубійца какъ бы не ощущаетъ себя въ связи съ будущими судьбами человѣчества, и потому вызываетъ въ окружающихъ только безсильную жалость къ себѣ и чувство угнетенія. Можно ли себѣ представить самоубійцей Христа, Сократа, Савонароллу, или даже современныхъ героевъ исторіи, какъ Толстой, Ибсенъ, Достоевскій? Могъ ли кончить самоубійствомъ даже истерзанный физическими недугами Ницше, пока въ немъ пылала и пѣла свѣтлая мысль о томъ берегѣ исторіи и о гордомъ и счастливомъ сверхчеловѣкѣ? Всѣ эти люди искали высшей свободы и нашли ее въ признаніи жизни, въ чаяніи ея полнаго обновленія, и всѣ они,—одни теоретически, другіе практически,—отрицали дѣйствительность, бросали въ нее свои проклятія, безтрепетно шагали черезъ всѣ ограды ея пустой и омертвѣвшей лойяльности. Всѣ они велики именно тѣмъ «да», которое они говорятъ бытію и всему новому, что изъ него вырастаетъ.

Итакъ, если вернуться къ идеѣ Кириллова, то надо сказать, что возможность проявленія высшей свободы находится не въ актѣ самоубійства, а именно въ актѣ добровольнаго признанія жизни. Обманъ разсѣянъ, боли и страха смерти нѣтъ, наступаетъ моментъ новаго ощущенія міра и новаго самочувствія, новаго счастья. «Человѣкъ несчастливъ потому,—говоритъ Кирилловъ,—что не знаетъ, что

онъ счастливъ; только потому. Это все, все! Кто узнаетъ, тотъ сейчасъ станетъ счастливъ, сію минуту... Все хорошо, все. Всѣмъ тѣмъ хорошо, кто знаетъ, что все хорошо. Если бы они знали, что имъ хорошо, то имъ было бы хорошо, но пока они не знаютъ, что имъ хорошо, то имъ будетъ нехорошо. Вотъ вся моя мысль, вся, больше нѣтъ никакой!» Это истинный гимнъ, возможному человѣческому счастью, который откликается въ нашей душѣ радостнымъ звономъ. Если человѣкъ побѣдилъ въ себѣ всѣ боли и страхи историческихъ гипнозовъ, онъ этимъ самымъ вошелъ въ новую фазу своего существованія, въ правду бытія, которая несетъ съ собою отрады и утѣшенія свободы. Онъ сталъ лицомъ къ лицу съ своимъ собственнымъ естествомъ, и онъ счастливъ. Человѣкъ имѣетъ въ самомъ себѣ всѣ источники счастья — наперекоръ соціальнымъ условіямъ жизни, наперекоръ всѣмъ своимъ несовершенствамъ и невзгодамъ. Когда онъ заглянетъ внутрь себя, познаетъ, что изъ него самого открываются пути въ просторныя дали будущаго, онъ уразумѣетъ какимъ-то высшимъ разумѣніемъ, что и несчастья, катастрофы, несправедливости жизни являются въ исторіи какъ бы мостами къ новымъ, высшимъ правдамъ, что даже черезъ самыя преступленія готовятся человѣку въ будущемъ какіе-то новые, спасительные исходы. Все хорошо, потому что все является почвой, изъ которой вырастетъ счастье будущихъ людей. Кириллова спрашиваютъ: «А кто съ голоду умретъ, а кто обидитъ и обезчеститъ дѣвочку—это хорошо?». Хорошо,— отвѣчаетъ Кирилловъ. — И кто размозжитъ голову за ребенка, и то хорошо; и кто не размозжитъ, и то хорошо. Все хорошо, все». Всякая человѣческая душа въ несовершенной дѣйствительности есть гніющее и прорастающее зерно, изъ котораго поднимется новая жизнь, новое явленіе исторіи: «сѣется тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное».

Мы подходимъ къ самому боевому мѣсту въ разсужденіяхъ Кириллова. Онъ даетъ такую идею спасенія человѣчества, которая имѣетъ свои глубокія психологическія оправданія, и потому можетъ-быть освѣщена и принята только съ точки зрѣнія мистическихъ основъ, имъ самимъ отвер-

гаемыхъ. Онъ отрицаетъ «тотъ свѣтъ», въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, отрицаетъ духъ, и надѣется, что новый человѣкъ будетъ силенъ и счастливъ одною только своею связью съ видимой природой. Этотъ новый человѣкъ научитъ людей, что все хорошо, что «всѣ хороши», и этимъ «закончитъ міръ», т. е. приведетъ его къ высшему совершенству. Это будетъ «человѣкобогъ», какъ говоритъ Кирилловъ, въ противоположность богочеловѣку, вся сила котораго была въ его мистикѣ, въ его смиреніи передъ небомъ и, такъ сказать, пренебреженіи къ человѣческой плоти, къ человѣческому естеству. Человѣкобогъ— вотъ совершенно новая идея, которую Достоевскій зажегъ въ центрѣ мірового искусства, зажегъ и тутъ же потушилъ своими религіозными, богочеловѣческими концепціями, — еще до Ницше, убѣжденнаго проповѣдника этой идеи, убѣжденнаго защитника разрушительнаго и освободительнаго Антихриста.

Читая разсужденія Кириллова на эту тему, какъ и читая Ницше, чувствуешь, что идея человѣкобога родилась изъ глубокаго психологическаго источника и явилась въ исторіи какъ разъ тогда, когда религіозное сознаніе европейскаго общества должно было пережить новый, революціонно-очистительный моментъ. Это молнія, брошенная въ оффиціальную мистику, которая заслонила собою мистику критическую, воинствующій идеализмъ человѣческаго духа, которая превратилась, въ процессѣ жизни, въ удушающіе моралистическіе гипнозы. Эта оффиціальная мистика, съ ея банальностями, тяжестями и утѣшительно мѣщанскими перспективами, перенесенными съ земли на небо, съ ея службой всякой исторической дѣйствительности, самой гнусной, самой подлой, самой жалкой, на время заставила людей извѣстнаго свободолюбиваго склада возненавидѣть и отшвырнуть отъ себя всякую мистику и даже бросить хулу въ величайшую красоту исторіи, въ Христа. Но надо сказать, что, при всей научной ошибочности этой новой концепціи, она освѣжила умы и души, и еще глубже направила мысль человѣческую къ отысканію настоящей правды о возрожденіи и обновленіи человѣчества. Идея

человѣкобога есть только фикція, потому-что въ двуединомъ составѣ человѣка есть элементъ метафизическаго характера, стихійное начало божества, духовное начало, которое пріобщаетъ человѣка къ инымъ, невидимымъ мірамъ, преображаетъ самое его естество, ограничиваетъ или направляетъ влеченія его личной воли и дѣлаетъ его, вообще, носителемъ, такъ сказать, неземныхъ, сверхчеловѣческихъ, богочеловѣческихъ идей. И та самая молнія, которая опалила застывшую догматику церковнаго спиритуализма, освѣтила въ человѣкѣ бездны его существа, изъ которыхъ онъ сознательно и безсознательно почерпаетъ для себя не только мотивы жизни, но и мотивы свободнаго религіознаго мышленія. Явившись призывомъ къ разрушенію всякой религіи, идея человѣкобога, какъ она воплотилась въ геніальныхъ произведеніяхъ Достоевскаго и Ницше, революціонныхъ по самому характеру затронутыхъ ими темъ, содѣйствовала новому прибою критическаго идеализма. Она прошумѣла вольнымъ, бурнымъ вѣтромъ по вѣчно зеленѣющему лѣсу европейскаго общества, и вопросъ о богочеловѣкѣ впервые становится теперь въ жизни на настоящую, научно-философскую высоту. Фиктивная идея человѣкобога смѣняется обновленною идеею богочеловѣка, которая отвѣчаетъ живой реальности.

Въ послѣдней сценѣ, гдѣ появляется Кирилловъ, въ сценѣ его самоубійства, предъ нами раскрывается вся его философія въ особенно яркихъ словахъ и монологахъ. Нельзя себѣ представить болѣе захватывающихъ страницъ: это настоящій художественно-психологическій экспериментъ на идейной почвѣ, убѣждающій читателя въ томъ, что мысль, овладѣвшая Кирилловымъ—идея освобожденія человѣчества отъ страха смерти путемъ самоубійства перваго героя—совершенно химерична и не соотвѣтствуетъ ни одной изъ сторонъ человѣческой натуры. Достоевскій показываетъ, что напряженіе Кириллова въ моментъ самоубійства доходитъ до какой-то конвульсіи, имѣетъ неестественный характеръ, потому что стихійныя силы природы и духа противъ его идеи, потому что они борятся противъ этой идеи, потому что естественныя, богочеловѣческія черты его характера,

подавленныя, но не окончательно обезсиленныя гипнозомъ неправильной мысли, вносятъ мучительный разладъ въ его настроенія. «Неужели никто на всей планетѣ,—говоритъ онъ,—кончивъ Бога и увѣровавъ въ своеволіе, не осмѣлится заявить своеволіе, въ самомъ полномъ пунктѣ... Я хочу заявить своеволіе. Пусть одинъ, но сдѣлаю». Для Кириллова это заявленіе свободы или, какъ онъ выражается, своеволія, является способомъ доказать, что Бога нѣтъ, что это пустая выдумка всемірной исторіи, которая отнынѣ, со времени его вольнаго, безстрашнаго самоубійства, должна будетъ выйти на совершенно другую дорогу. «Для меня нѣтъ выше идеи что Бога нѣтъ. За меня человѣческая исторія. Человѣкъ только и дѣлалъ, что выдумывалъ Бога, чтобы жить, не убивая себя... Я одинъ во всемірной исторіи не захотѣлъ первый разъ выдумывать Бога. Пусть узнаютъ разъ навсегда». Достоевскій придаетъ идейному экстазу Кириллова характеръ маніакальности. По Кириллову прекрасенъ и въ этой своей маніакальности, потому что въ словахъ его, при его протестѣ противъ старыхъ вѣрованій и мистическаго Бога, звучитъ нота той безграничной вѣры въ собственную идею, которая могла родиться только въ глубинахъ его духа, въ его богочеловѣческихъ глубинахъ. Онъ хочетъ «открыть дверь» свободѣ и счастью человѣчества, онъ хочетъ показать «страшную свободу» человѣка, хочетъ актомъ самоубійства содѣйствовать перерожденію «теперешняго физическаго вида» человѣка, ибо этотъ теперешній видъ его возможенъ только при старомъ Богѣ. Онъ хочетъ, однимъ словомъ, открыть новую эру въ творческой работѣ человѣчества и сдѣлаться для этой эры новымъ Адамомъ, великимъ человѣкобогомъ, который упразднитъ распятаго Адама новой исторіи, новаго человѣчества. «Слушай большую идею,—говоритъ онъ Петру Верховенскому.—Былъ на землѣ одинъ день, и въ срединѣ земли стояли три креста. Одинъ на крестѣ до того вѣровалъ, что сказалъ другому: будешь сегодня со мною въ раю. Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая ни воскресенья. Не оправдывалось сказанное. Слушай: этотъ человѣкъ былъ высшій на всей землѣ,

составлялъ то, для чего ей жить. Вся планета, со всѣмъ, что на ней, безъ этого человѣка—одно сумасшествіе. Не было ни прежде ни послѣ ему такого же, и никогда, даже до чуда. Въ томъ и чудо, что не было и не будетъ такого же никогда. А если такъ, если законы природы не пожалѣли и этого, даже чудо свое не пожалѣли, а заставили и его жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоитъ на лжи и глупой насмѣшкѣ. Стало-быть, самые законы планеты ложь и дьяволовъ водевиль». Тутъ такое отрицаніе Христа, въ которомъ пламенѣетъ великая любовь къ нему. Кажется, что это, по слову Шатова, «атеистическій бредъ» помѣшаннаго маніака, а между тѣмъ тутъ цѣлымъ костромъ горитъ религія и слышится какая-то неземная музыка. Это чудесное слово о великомъ чудѣ исторіи, которое создаетъ потребность еще разъ присмотрѣться къ этому чуду прошлаго сквозь туманы исторической дали и сказать о немъ самому себѣ какую-то новую, свѣжую правду. Что это было, въ самомъ дѣлѣ, за чудо и какія тутъ могли быть заблужденія? Противъ чего борется человѣкобожеская идея Кириллова?

Внѣ догматики, внѣ установленныхъ догматическихъ схемъ, однимъ только созерцаніемъ нашей внутренней жизни, мы начинаемъ понимать это великое таинство—соединеніе въ человѣкѣ земной и небесной стихіи, двухъ противоположныхъ началъ, вѣчно борющихся и вѣчно стремящихся къ гармоническому единству. Это и есть идея воплощенія, вочеловѣченія метафизическаго духа, идея, открывающая два горизонта — мистическій и эмпирическій,—и, такъ сказать, направляющая все земное къ небесному. Но, спрашивается, въ чемъ заключается высшая гармонія этихъ двухъ коренныхъ стихій человѣческаго существа и какъ эта гармонія достигается въ процессѣ исторіи? Она заключается во внутреннемъ преображеніи всего, что есть въ человѣкѣ личнаго, свѣтомъ безличнаго, духовнаго начала, въ томъ экстазномъ синтезѣ, который проникаетъ иногда все человѣческое существо, его тѣло, его душу, его умъ и его волю. Это и есть одухотвореніе чело-

вѣка, обновленіе его въ единствѣ чувствъ и настроеній, разрѣшеніе трагическаго разлада въ высшемъ лирическомъ подъемѣ. Но чтобы эта гармонія стала дѣятельнымъ факторомъ въ жизни окружающихъ людей, необходимъ еще одинъ моментъ, который можно назвать моментомъ личнаго страстотерпчества. Это наиболѣе значительный моментъ—не по отношенію къ самому человѣку, а по отношенію къ обществу данной исторической фазы и его эволюціи, потому что въ подвигѣ личнаго самоотверженія одного человѣка преломляется строй современныхъ понятій и намѣчается линія будущаго. Боевая идея доказываетъ свою силу именно кровью пострадавшаго за нее и укореняется въ умахъ и сердцахъ другихъ людей. Каждая великая эпоха въ жизни человѣчества прославляетъ величіе человѣческаго духа. Исторія идетъ черезъ души, напрягаетъ ихъ страстями, идетъ черезъ плотскія стремленія человѣчества, обольстительныя и искусительныя, но цвѣтъ и слава всякой эпохи въ ея духѣ, въ тенденціяхъ ея высшаго разумѣнія, въ теченіяхъ ея идей, въ ея подвижническихъ жертвоприношеніяхъ, въ томъ, что можно было бы назвать соціальной евхаристіей человѣческой исторіи. Въ процессахъ жизни, которая, черезъ всѣ психологическіе эмпиризмы и мистическія настроенія, бѣжитъ къ какимъ-то невѣдомымъ цѣлямъ, Слово, Духъ, въ метафизическомъ смыслѣ этихъ терминовъ, постоянно одѣвается въ все новую и новую плоть, создаетъ «новую тварь», новаго человѣка, какія-то вѣчно мѣняющіяся звенья въ безконечной эволюціи міра.

Вотъ какія идеи принесла съ собою жизнь Христа и его жертвоприношеніе, и если для Кириллова нѣтъ идеи болѣе ослѣпительной, болѣе яркой и нужной для освобожденія человѣчества, какъ отрицаніе Бога, то для строгаго логическаго мышленія, вникающаго въ инстинкты человѣческаго существа, самая эта идея Кириллова представляетъ собою не болѣе, какъ одностороннюю тенденцію личнаго человѣческаго начала къ неестественному самовозвышенію и самообожествленію. Христосъ не жилъ во лжи и умеръ не за ложь. Онъ, дѣйствительно, разсѣялъ страхъ

жизни и боль смерти и, дѣйствительно, открылъ ту дверь, черезъ которую человѣчество идетъ и можетъ итти къ своей высшей свободѣ. Крикъ этого распятаго Адама новаго человѣчества живетъ въ сердцахъ людей вѣчнымъ призывомъ къ все новымъ и новымъ подвигамъ, къ новымъ жертвоприношеніямъ и, слѣдовательно, новымъ воплощеніямъ вольнаго человѣческаго духа въ явленіяхъ высшей красоты и высшаго добра. И если идея Кириллова о человѣкобогѣ является протестомъ противъ человѣческаго рабства, противъ человѣческаго раболѣпія по отношенію къ разнымъ догматическимъ наслоеніямъ на чистой религіи человѣческаго сердца, то идея богочеловѣка, минуя всю эту догматику и искусственную оффиціальную мистику, прямо подходитъ къ человѣческому сердцу и укрѣпляется въ его настроеніяхъ для новыхъ духовныхъ полетовъ. Она даетъ человѣку возможность проявить самую большую, самую нужную свободу: свободу отъ своего личнаго эгоизма, съ евхаристическимъ гимномъ безличнымъ, вселенскимъ правдамъ метафизическаго неба.

Достоевскій намекаетъ словами Петра Верховенскаго, что Кирилловъ находится во власти какого-то противорѣчія и что это противорѣчіе почти бросается въ глаза въ его разсужденіяхъ о Христѣ. «Мнѣ кажется, — говоритъ Верховенскій Кириллову, — у васъ тутъ двѣ разныя причины смѣшались, а это очень неблагонадежно». Въ самомъ дѣлѣ, если Христосъ есть настоящее «чудо исторіи», если безъ него «вся планета со всѣмъ, что на ней» была бы однимъ сумасшествіемъ, то значитъ Христосъ не жилъ во лжи и умеръ не за ложь. Отъ такого взгляда на Христа, какъ на великое чудо исторіи, до полнаго отрицанія всей этой идеи о человѣкобогѣ — одинъ шагъ, и понятно, почему Верховенскій, заинтересованный въ томъ, чтобы Кирилловъ взялъ на себя отвѣтственность за дѣла нигилистической партіи и покончилъ съ собою, начинаетъ безпокоиться. Настроеніе Кириллова кажется ему «неблагонадежнымъ». Но есть въ словахъ Кириллова и другое противорѣчіе: проповѣдуя чистое, свободное отъ всякихъ страховъ бытіе, Кирилловъ не долженъ былъ бы говорить, что

и вся планета есть ложь и стоитъ на лжи, что самые законы планеты только ложь и «дьяволовъ водевиль», потому что этимъ подкапывается самая идея человѣкобога, которая можетъ удержаться только на чистомъ натурализмѣ, при натуралистической философіи природы. Если «тотъ свѣтъ», вся мистика, какого бы то ни было характера, только иллюзія загипнотизированнаго человѣческаго ума, то, по крайней мѣрѣ, видимый міръ,—планета съ ея законами,—долженъ быть признанъ неложнымъ, идущимъ къ высшимъ гармоніямъ даже черезъ свои уродливыя явленія. Такова должна быть концепція, приводящая къ идеѣ человѣкобога, и этой-то концепціи Кирилловъ невольно измѣняетъ въ послѣднюю минуту своей жизни.

Его самоубійство описано въ романѣ съ идейнымъ реализмомъ высшаго порядка. Онъ «вскочилъ съ дивана и вдругъ быстрымъ жестомъ схватилъ съ окна револьверъ, выбѣжалъ съ нимъ въ другую комнату и плотно притворилъ за собою дверь». Проходитъ нѣкоторое время. Верховенскій съ тревогою ждетъ рокового выстрѣла. Но выстрѣла не слышно. Онъ безпокоится, допуская, что маніакальную душу Кириллова уже захватила противоположная идея, что онъ можетъ вдругъ отказаться отъ самоубійства. Въ Кирилловѣ были даже признаки такого возбужденія, результатомъ котораго могъ явиться полный внутренній переломъ. До того, какъ онъ выбѣжалъ въ другую комнату, онъ игралъ револьверомъ, прицѣливаясь по направленію къ нему, Верховенскому. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей, Верховенскій открываетъ дверь въ сосѣднюю комнату и приподнимаетъ свѣчу. «Что-то заревѣло и бросилось къ нему». Верховенскій изъ всей силы прихлопнулъ дверь и налегъ на нее. «Но уже все стихло—опять мертвая тишина». Верховенскій вспоминаетъ, что Кирилловъ стоялъ у окна. Вѣроятно, какъ разъ въ ту минуту, когда отворилась дверь, онъ хотѣлъ спустить курокъ. Верховенскій опять ждетъ нѣкоторое время и, не дождавшись выстрѣла, вновь открываетъ дверь. Въ одномъ окнѣ была отворена форточка. Кирилловъ стоялъ въ углу, образованномъ стѣною и шкафомъ, и «стоялъ ужасно странно, не-

подвижно, вытянувшись, протянувъ руки по швамъ, приподнявъ голову и плотно прижавшись затылкомъ къ стѣнѣ, въ самомъ углу, казалось, желая весь стушеваться и спрятаться». Лицо его было неестественно блѣдно, и неподвижные черные глаза его глядѣли въ «какую-то точку въ пространствѣ». Верховенскій подбѣгаетъ къ нему, кричитъ на него, освѣщаетъ свѣчой его лицо и вдругъ чувствуетъ, что хотя Кирилловъ смотритъ куда-то впередъ, «но искоса его видитъ и даже, можетъ-быть, наблюдаетъ». Это цѣлый узелъ психологическихъ загадокъ, которыхъ почти нельзя разгадать. Можетъ-быть, Достоевскій намекаетъ на то, что Кирилловымъ овладѣваетъ въ предсмертныя минуты эпилепсическій припадокъ, или, — что еще правдоподобнѣе,—приступъ каталепсіи, въ которой еще не окончательно погасла почти рефлективная работа сознательной мысли. Вотъ почему Кирилловъ, несмотря «на крикъ и на бѣшенный наскокъ» Верховенскаго, не двигается съ мѣста, не шевелитъ ни однимъ своимъ членомъ, а стоитъ неподвижно, точно окаменѣвшая или восковая фигура. Это неподвижность именно каталепсическаго состоянія, которое можетъ явиться результатомъ гипноза, а, слѣдовательно, и самогипноза, той маніакальной идеи, въ которой все время жилъ Кирилловъ, и которая теперь достигла своего высшаго напряженія. А то, что Кирилловъ какъ бы наблюдаетъ Верховенскаго, искоса смотритъ на него, это какъ бы отблескъ замирающей сознательности Кириллова, послѣдніе ея рефлексы, направленные на Верховенскаго, который своими шумными движеніями нарушаетъ и даже разрушаетъ покой каталепсіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ слѣдующую же минуту Кирилловъ выходитъ изъ своего оцѣпенѣлаго состоянія. Верховенскому приходитъ въ голову поднести огонь прямо къ его лицу, поджечь и посмотрѣть, что тотъ сдѣлаетъ. «Вдругъ ему почудилось, что подбородокъ Кириллова шевельнулся, и на губахъ какъ бы скользнула насмѣшливая улыбка — точно тотъ угадалъ его мысль. Онъ задрожалъ и, не помня себя, крѣпко схватилъ Кириллова за плечо». Это показываетъ, что каталепсія Кириллова переходитъ въ конвульсію, въ страшно

гнѣвную конвульсію по отношенію къ Верховенскому. Онъ выбиваетъ головою свѣчку изъ рукъ Верховенскаго и вцѣпляется зубами въ мизинецъ его лѣвой руки. Въ темнотѣ разыгрывается безобразная сцена. Освободившись отъ Кириллова, Верховенскій бросился бѣжать, а вслѣдъ ему «изъ комнаты летѣли страшные крики: сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ!» Вдругъ раздался громкій выстрѣлъ. Когда Верховенскій вернулся въ комнату, гдѣ происходила вся эта мучительная сцена, «у окошка, съ отворенной форточкой, ногами въ правый уголъ комнаты, лежалъ трупъ Кириллова». Достоевскій дважды подчеркиваетъ, что Кирилловъ передъ самоубійствомъ открылъ форточку и что онъ застрѣлился у самаго окна, въ струѣ свѣжаго воздуха. Этотъ глубокій намекъ, брошенный Достоевскимъ, показываетъ, что безсознательная воля жизни, воля бытія, правда естества человѣческаго не покидаетъ Кириллова даже въ самыя послѣднія минуты. Онъ уходитъ въ небытіе узникомъ собственной ошибочной идеи и тутъ же, въ противорѣчіе логикѣ минуты, прославляетъ то самое бытіе, которое развертывается за окномъ его комнаты и которое черезъ эту открытую форточку отрицаетъ его «нѣтъ», кричитъ жизни свое «да».

По всѣмъ сценамъ романа, въ которыхъ является Кирилловъ, разбросаны черточки, показывающія, что непосредственной своей натурой Кирилловъ ощущаетъ Бога, ощущаетъ идейную правду, мистику жизни. Отъ Бога, отъ этой правды его отдѣляетъ только противоестественная маніакальная идея о человѣкобогѣ. Когда его настойчиво спрашиваютъ, что онъ думаетъ о «томъ свѣтѣ», онъ сначала молчитъ, и затѣмъ, покраснѣвъ, отдѣлывается короткой репликой, не заключающей въ себѣ рѣшительнаго отрицанія. Это молчаніе Кириллова и краска, появляющаяся на его лицѣ, громче всякихъ словъ говорятъ о томъ, что, въ сущности, вся его душа объята пламенемъ мистицизма. «Всякій думаетъ и потомъ сейчасъ о другомъ думаетъ,— говоритъ Кирилловъ,—я не могу о другомъ. Я всю жизнь объ одномъ. Меня Богъ всю жизнь мучилъ». Достоевскій подчеркиваетъ, что эти слова Кирилловъ произноситъ съ

«удивительной экспансивностью». Это маніакъ Бога, хотя онъ отрицаетъ Бога и считаетъ себя первымъ апостоломъ человѣкобога: не все ли равно, признаетъ ли человѣкъ Бога или отрицаетъ его, если только при этомъ онъ мучается вопросомъ о Богѣ? Это значитъ, что Богъ живетъ въ его ощущеніяхъ и что всѣ муки происходятъ только отъ того, что онъ переживаетъ разладъ между реальными внутренними ощущеніями, сильными, кричащими, рвущимися къ свѣту, и химерической логикой, которая не можетъ обнять этихъ ощущеній. Вотъ причина всей психологической конвульсіи Кириллова и вотъ почему, несмотря на его отрицаніе Бога, мы все-таки можемъ сказать, что онъ живетъ въ Богѣ и для Бога. И хотя мысли Кириллова заняты совершенно атеистическими построеніями, однако онъ, повидимому, любитъ Апокалипсисъ, занимается имъ и читаетъ его даже такому человѣку, какъ Федька Каторжный. «Въ Апокалипсисѣ ангелъ клянется, — говоритъ ему Ставрогинъ, — что времени больше не будетъ». Кирилловъ восторженно подхватываетъ эти слова Ставрогина: «Знаю,—говоритъ онъ,—это очень тамъ вѣрно, отчетливо и точно. Когда весь человѣкъ счастья достигнетъ, то времени больше не будетъ, потому-что не надо. Очень вѣрная мысль». Идея десятой главы Апокалипсиса сверкаетъ здѣсь въ удивительно простомъ и жизненно понятномъ истолкованіи. Это то, о чемъ таинственно гремѣли семь небесныхъ громовъ и что Іоанну Богослову велѣно было не записать, а запечатлѣть въ своемъ сердцѣ: времени не будетъ, когда человѣкъ достигнетъ полнаго счастья, т. е. полнаго совершенства. «Время не предметъ, а идея,—говоритъ Кирилловъ.—Погаснетъ въ умѣ». Атеистъ, мечтающій о человѣкобогѣ, говоритъ здѣсь мыслями строго-идеалистическаго типа, которыя ведутъ къ мистикѣ, къ Богу. «Старыя философскія мѣста, одни и тѣ же съ начала вѣковъ»,—замѣчаетъ «съ брезгливымъ сожалѣніемъ» Ставрогинъ. «Одни и тѣ же! Одни и тѣ же съ начала вѣковъ, и никакихъ другихъ никогда!»—отзывается Кирилловъ «съ сверкающимъ взглядомъ». Великія истины идеализма кажутся Кириллову какъ бы неподлежащими

эволюціи. Онъ вѣритъ больше, чѣмъ любой идеалистъ ума, и въ своей вѣрѣ почерпаетъ какое-то представленіе о вѣчности, чувствуетъ эту вѣчность и проповѣдуетъ ее. Онъ такъ проповѣдуетъ безбожіе, что людямъ кажется, что онъ проповѣдуетъ Бога. «Алексѣй Нилычъ,—говоритъ о немъ Федька Каторжный Верховенскому,—будучи философомъ, тебѣ истиннаго Бога, Творца Создателя, многократно объяснялъ и о сотвореніи міра, равно и будущихъ судебъ и преображенія всякой твари и всякаго звѣря изъ книги Апокалипсиса». Вотъ какъ понимаетъ Кириллова простой и грубый человѣкъ, которому онъ по ночамъ читаетъ Апокалипсисъ. Но не только Федька Каторжный, а даже и такіе люди, какъ Ставрогинъ и Верховенскій, видятъ, что вся атеистическая концепція Кириллова однимъ краемъ касается того самаго неба, которое онъ отвергаетъ. «Бьюсь объ закладъ,—говоритъ ему Ставрогинъ,—что когда я опять приду, то вы уже и въ Бога увѣруете». Для проницательнаго Ставрогина ясно, что Кириллову мѣшаетъ въ этомъ вопросѣ только логика, искусственная и ошибочная, хотя и сложная, и что если бы онъ «узналъ», т. е. увидѣлъ черезъ свои понятія, свои собственныя ощущенія, онъ тотчасъ же и рѣшительно вышелъ бы на дорогу чистой, свободной, не традиціонной и въ этомъ смыслѣ совершенно новой религіи. Онъ отвергаетъ Христа и съ «лихорадочнымъ восторгомъ» указываетъ на старинный образъ его въ углу своей комнаты. Онъ отвергаетъ идею распятаго богочеловѣка,—и «съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ» подхватываетъ слова стараго Верховенскаго о томъ, какъ его сынъ, Петръ Верховенскій, теперешній глава нигилизма, въ дѣтствѣ передъ сномъ «клалъ земные поклоны и крестилъ подушку, чтобы не умереть». Конечно, его здѣсь захватываетъ въ словахъ стараго Верховенскаго не догматическая сторона дѣла, а психологическій контрастъ между прежнимъ и теперешнимъ Верховенскимъ. Этотъ теперешній Верховенскій прямо говоритъ ему, что, несмотря на всю свою атеистическую философію, онъ вѣруетъ «пожалуй еще больше попа». «Свинство въ томъ,—замѣчаетъ Верховенскій нѣсколько дальше,—что онъ въ Бога вѣру-

етъ пуще, чѣмъ попъ». Можно даже сказать, что теорія человѣкобога, атеистическая въ представленіи самого Кириллова, вовсе не имѣетъ атеистическаго характера, и потому идея Бога всегда такъ близка Кириллову. Онъ восклицаетъ: «Атрибутъ божества моего — Своеволіе», онъ хочетъ проявить «непокорность» и «страшную свободу» въ самомъ «главномъ пунктѣ», т. е. посредствомъ самоубійства, «не какъ школьникъ», а какъ герой, и вдругъ роняетъ такія слова: «я ужасно несчастенъ, ибо ужасно боюсь». Все это черты глубокаго психологическаго противорѣчія между живой реальной идеей богочеловѣка и обольстительной фантасмагоріей человѣкобога. Онъ не можетъ побороть въ себѣ страха смерти именно потому, что стоитъ на невѣрномъ пути.

Еще одна черта въ этомъ направленіи прекрасно дорисовываетъ Кириллова и показываетъ, что именно мистика, и при томъ огневая мистика, заложена въ его нервахъ. Каждый разъ, когда онъ выходитъ изъ своихъ идейныхъ гипнозовъ, онъ становится натуральнымъ, и рѣчь его, отрывистая и неправильная, вдругъ пріобрѣтаетъ естественную плавность. «Я терпѣть не могу разсуждать,— говоритъ о себѣ Кирилловъ. — Я никогда не хочу разсуждать. Я четыре года видѣлъ мало людей. Я мало четыре года разговаривалъ». Тутъ въ немногихъ словахъ заключенъ главный намекъ на то, почему именно Кирилловъ, чисто русскій человѣкъ по происхожденію и воспитанію, говоритъ такимъ особеннымъ, совершенно неправильнымъ языкомъ: онъ мало говорилъ и говоритъ въ послѣдніе годы—въ годы своей усиленной умственной работы надъ идеей человѣкобога, потому что онъ безсознательно чувствуетъ всю трудность, которую ему приходится преодолѣвать при всякомъ идейномъ разговорѣ. Онъ говоритъ противъ себя, противъ своей натуры, противъ своихъ наиболѣе интимныхъ ощущеній, и потому ему гораздо естественнѣе молчать. И онъ, дѣйствительно, молчитъ, цѣлыми часами шагая по комнатѣ и постоянно прихлебывая чай. А когда онъ, наконецъ, заговоритъ на любимую тему о Богѣ или о человѣкобогѣ, рѣчь его принимаетъ напряжен-

ный, слишкомъ напряженный и потому отрывистый характеръ. То у него не хватаетъ сказуемаго, то конецъ мысли непосредственно приставляется къ началу съ пропускомъ посредствующихъ логическихъ звеньевъ. И въ общемъ рѣчь его суха, такъ сказать, костлява, — это какой-то скелетъ безъ живой, теплой плоти. Но Кирилловъ такъ правдивъ и сосредоточенъ въ каждомъ своемъ словѣ, что онъ самъ не замѣчаетъ уродливыхъ неправильностей своей рѣчи, и ему кажется, будто онъ говорилъ такъ «всю жизнь». Это удивительный художественно-психологическій экспериментъ Достоевскаго въ области человѣческаго слова. Никто до него не обращалъ такого вниманія на то, какъ мѣняется человѣческая рѣчь въ зависимости отъ того, насколько слово человѣка находится въ гармоніи съ безсознательными настроеніями его души и духа, въ зависимости отъ того, помогаетъ ли оно имъ выразиться и развернуться, или же, исходя только изъ головной логики, враждуетъ съ ними. И вотъ новая молнія, брошенная тутъ Достоевскимъ, и еще разъ освѣщающая глубокій внутренній разладъ Кириллова съ самимъ собою. Когда онъ заговариваетъ на тему, которая можетъ вылиться только изъ его духа, изъ чистой, божеской стихіи его существа, онъ говоритъ прекрасно. «Есть минуты, вы доходите до минуты, и время вдругъ останавливается, и будетъ вѣчно». Это его обычная рѣчь. Но въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ на тему о вѣчности поистинѣ вдохновенныя слова, и эти именно слова, какъ подчеркиваетъ самъ Достоевскій, неожиданно принимаютъ у него характеръ вполнѣ гармоническаго изліянія. Все «складно», ясно и точно. «Есть секунды,—говоритъ онъ Шатову,—ихъ всего заразъ приходитъ пять или шесть, и вы вдругъ чувствуете присутствіе вѣчной гармоніи, совершенно достигнутой. Это не земное,—я не про то, что оно небесное, а про то, что человѣкъ въ земномъ видѣ не можетъ перенести. Надо перемѣниться физически или умереть. Это чувство ясное и неоспоримое. Какъ будто вдругъ ощущаете всю природу и вдругъ говорите: да, это правда». Одна строка въ этомъ монологѣ изумительна по отношенію къ самому Достоевскому, съ его огромнымъ

умомъ, который поспѣваетъ за титаническими шагами его художественнаго творчества. Рѣчь Кириллова правильна, пока онъ говоритъ, такъ сказать, отъ духа, и запутывается, какъ бы высыхаетъ, какъ только онъ начинаетъ измѣнять ширинѣ своего непосредственнаго настроенія. Таковы слова его: «это не земное; я не про то, что оно небесное, а про то, что человѣкъ въ земномъ видѣ не можетъ перенести». Насколько искусственны эти слова по сравненію съ вольнымъ размѣромъ всего этого монолога, изъ котораго здѣсь были приведены для анализа только первыя строки.

И такъ вообще хорошъ Кирилловъ, такъ сказать, въ непосредственныхъ проявленіяхъ своего естества, своей натуры. Этотъ «богъ поневолѣ» или, вѣрнѣе, этотъ человѣкобогъ поневолѣ, «обязанный заявить своеволіе» самоубійствомъ, и, можетъ-быть, безсознательно для себя «тяготящійся» своей миссіей, столь напряженный въ своихъ идейныхъ настроеніяхъ, становится поистинѣ легокъ и очарователенъ, какъ только онъ начинаетъ входить въ болѣе простыя и болѣе человѣчныя настроенія. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ въ романѣ нѣсколько удивительныхъ деталей, въ которыхъ сверкаютъ золотые лучи самой нѣжной сердечности. Онъ умѣетъ отдаваться своей дѣтски-простодушной натурѣ, умѣетъ увлекаться всѣмъ, что естественно въ другихъ. «Вы давеча хорошо сидѣли», говоритъ онъ человѣку, отъ лица котораго ведется весь романъ, въ отвѣтъ на его вопросъ, почему онъ съ нимъ такъ разговорился. Поза, жесты, интонація голоса — все производитъ на него впечатлѣніе, и эти впечатлѣнія невольно записываются въ его сердцѣ. Шатову, который прибѣжалъ къ нему за самоваромъ, когда къ нему пріѣхала жена, Кирилловъ говоритъ: «это та жена, которая въ Швейцаріи? Это хорошо. И то, что вы такъ вбѣжали, тоже хорошо». Искренность, непосредственность Шатова плѣняютъ его. Онъ самъ полонъ естественныхъ силъ и живо реагируетъ на все простое и естественное. Онъ смѣется иногда «самымъ веселымъ и яснымъ смѣхомъ», и лицо у него принимаетъ въ такія минуты «самое дѣтское выраженіе,

очень къ нему идущее». Человѣкъ изступленныхъ умственныхъ концепцій, маніакъ своихъ идей, готовый на самопожертвованіе, — онъ любитъ дѣтей и играетъ въ мячикъ съ ребенкомъ. Въ романѣ есть одна умилительная сцена, въ которой Кирилловъ, играя съ ребенкомъ, самъ почти превращается въ ребенка. Онъ готовится покончить съ собою, и въ то же время продѣлываетъ гимнастическія упражненія, очевидно потому, что непосредственно любитъ здоровье и ищетъ здоровья. На лошади онъ сидитъ «смѣло и прямо», хотя раньше никогда не ѣздилъ верхомъ. Это великолѣпная подробность, показывающая, что въ этомъ человѣкѣ заложены большія физическія силы, рефлекторно приспособляющіяся ко всякому новому положенію. Человѣкъ науки, инженеръ по образованію, онъ понимаетъ и признаетъ механику жизни. Ставрогину, стрѣлявшему въ воздухъ на дуэли съ Гагановымъ, онъ говоритъ рѣзкія слова о неестественности его поведенія. «Надо было убить», — говоритъ онъ ему. Дуэль безъ взаимнаго риска жизнью кажется ему недостойной комедіей. Бѣдный, почти нищій, Кирилловъ любитъ эстетику жизни, красивыя и роскошныя вещи, которыя онъ пріобрѣтаетъ съ «чрезвычайными пожертвованіями». У него хрустальная печатка и щегольскіе пистолеты, которые онъ держитъ въ ящикѣ изъ пальмоваго дерева, отдѣланномъ бархатомъ. Для него жизнь какая-то музыка, звучная и радостная, полная блеска и торжества и — въ отдаленіяхъ будущаго — даже безъ диссонансовъ. Онъ никого не бранитъ и ни надъ кѣмъ не смѣется, а если его захватитъ раздраженіе противъ кого-нибудь, онъ чувствуетъ при этомъ острое недовольство самимъ собой. Готовясь къ смерти, которая такъ ужасно тяжело далась ему, и еще не предвидя конвульсій послѣдней ночи, онъ хочетъ устроить себѣ маленькое пиршество, и покупаетъ на послѣдніе гроши курицу. Изъ мозаическихъ подробностей романа складывается цѣльное представленіе о натурѣ этого человѣка, пылкой и богоносной. По сравненію съ Шатовымъ, который говоритъ о богоносномъ русскомъ народѣ, не имѣя при этомъ Бога въ нервахъ, это истинный богоносецъ. Кирилловъ отвергаетъ необхо-

димость стоять на національной почвѣ, и въ этомъ отношеніи онъ является носителемъ вселенской, всечеловѣческой правды, которая, даже при неправильномъ логическомъ построеніи, все-таки не отрывается отъ божества. Идея человѣкобога, во всякомъ случаѣ, является мостомъ къ правильнымъ богочеловѣческимъ концепціямъ.

Внѣшній обликъ Кириллова отражаетъ его внутреннее раздвоеніе. «Это былъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ около двадцати семи, прилично одѣтый, стройный и сухощавый брюнетъ, съ блѣднымъ, нѣсколько грязноватаго оттѣнка лицомъ и съ черными глазами безъ блеску. Онъ казался нѣсколько задумчивымъ и разсѣяннымъ». Онъ подавленъ своей логической работой, и только въ минуты возбужденія глаза его «вспыхиваютъ» внутреннимъ свѣтомъ. Верховенскій называетъ его лицо «фатальнымъ». Это человѣкъ безусловной серьезности, который на своемъ идейномъ пути дойдетъ до конца.

А. Волынскій.

* * *

*) Путь, котораго нельзя не пройти до конца, разъ вступилъ на него — путь отъ непризнанія Бога-Отца къ признанію Бога-Звѣря, отъ признанія Бога-Звѣря къ желанію истребить Его, къ отрицанію вообще всякаго Бога, самой «идеи о Богѣ», то-есть, къ послѣднему безбожію, и, наконецъ, отъ безбожія къ безумію, къ самоотрицанію, къ самоистребленію—весь этотъ страшный путь, всю эту неразрывную цѣпь мистическихъ посылокъ и выводовъ прослѣдилъ Достоевскій въ самомъ пророческомъ изъ всѣхъ созданныхъ имъ образовъ—въ Кирилловѣ.

Идеи Кириллова о человѣкобогѣ есть одинъ изъ тѣхъ поразительныхъ случаевъ совпаденія Достоевскаго съ Нитче, о которыхъ я говорилъ, и которымъ почти невозможно было-бы вѣрить, какъ чуду, если-бы чудо это не происходило на нашихъ глазахъ. Мало того, что Кирилловъ

*) Д. С. Мережковскій. Изъ его книги: „Л. Толстой и Достоевскій“. Томъ II.

предвосхищаетъ главныя идеи Нитче,—онъ высказываетъ ихъ съ такою сосредоточенною силою, съ какою никогда не высказывалъ ихъ самъ Нитче. Первое, что̀ тутъ невольно приходитъ въ голову, это то, что Нитче заимствуетъ у Достоевскаго. Но, повторяю, мы знаемъ навѣрное, что творецъ Антихриста въ краеугольныхъ мысляхъ своихъ совершенно независимъ. Итакъ, сколь это ни странно, мы принуждены допустить, что бывали случаи, когда Достоевскій оказывался въ самомъ полномъ смыслѣ *прозорливцемъ*, и что именно въ данномъ случаѣ прозорливость его такова, что ничего подобнаго ей во всемірной литературѣ не встрѣчается. Весь путь, по которому Нитче, «какъ беззаконная комета, стремился до утраты силъ», въ своемъ созерцаніи и въ своемъ дѣйствіи, въ своей мудрости и въ своемъ безуміи—вся эта неимовѣрная парабола, отъ первой своей точки до послѣдней, съ математической точностью предугадана, предразсчислена Достоевскимъ въ Кирилловѣ. «Ничего нѣтъ тайнаго, что не сдѣлалось-бы явнымъ. Вотъ *Онъ* сказалъ», говоритъ Кириловъ передъ смертью, «съ лихорадочнымъ восторгомъ» указывая на образъ Спасителя. «Тайное» Кириллова и сдѣлалось «явнымъ» въ Нитче.

— «Онъ придетъ, и имя ему будетъ человѣкобогъ.

— «Богочеловѣкъ?

— «Человѣкобогъ—*въ этомъ разница*».

Какая-же собственно эта «разница», на которой, конечно, и основано все анти-христіанство Кириллова?

— «Видали вы листъ, съ дерева листъ?

— «Видалъ.

— «Я видѣлъ недавно желтый, немного зеленаго, съ краевъ подгнилъ. Вѣтромъ носило. Когда мнѣ было десять лѣтъ, я зимой закрывалъ глаза нарочно и представлялъ листъ зеленый, яркій, съ жилками, и солнце блеститъ. Я открывалъ глаза и не вѣрилъ, потому что очень хорошо, и опять закрывалъ».

Это — любовь Ивана Карамазова къ «весеннимъ клейкимъ листочкамъ и голубому небу», «любовь прежде логики», «любовь чревомъ»; это, по мнѣнію Алеши—«одна

половина» христіанства, безсознательная. А вотъ и другая, сознательная:

— «Это что-же, аллегорія? — спрашиваетъ Ставрогинъ Кириллова по поводу «зеленаго листа».

— «Н-нѣтъ... зачѣмъ? Я не аллегорію, я просто листъ, одинъ листъ. Листъ хорошъ, *все хорошо*.

— «Все?

— «Все. Человѣкъ несчастливъ потому, что не знаетъ, что онъ счастливъ, только потому. Это все, все! Кто узнаетъ, тотчасъ сейчасъ станетъ счастливъ; сію минуту. Эта свекровь (хозяйка, у которой живетъ Кирилловъ) умретъ, а дѣвочка (дочь хозяйки) останется—все хорошо. Я вдругъ открылъ.

— «А кто съ голоду умретъ, а кто обидитъ и обезчеститъ дѣвочку—это хорошо?

— «Хорошо. И кто размозжитъ голову за ребенка, и то хорошо; и кто не размозжитъ, и то хорошо. Если-бъ они знали, что имъ хорошо, то имъ было-бы хорошо, но пока они не знаютъ, что имъ хорошо, то имъ будетъ нехорошо. *Вотъ вся мысль, вся—больше никакой*!—«Кто научитъ, что всѣ хороши, тотъ міръ закончитъ».

Мы уже это слышали гдѣ-то. «Такъ, какъ меня этому учитъ самая внутренняя сущность моей природы, все необходимое, созерцаемое съ высоты и въ смыслѣ *великаго порядка* (im Sinne einer grossen Ökonomie), есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, полезное (въ кирилловскомъ смыслѣ «хорошее». Должно не только терпѣть, но и *любить* необходимое (man soll es nicht nur tragen, man soll es lieben). Amor fati — *любовь къ року* — это самая внутренняя сущность моей природы (das ist meine innerste Natur)». Такъ говоритъ «послѣдній ученикъ Діониса» или самъ «распятый Діонисъ», благословляющій свои страданія, свое «распятіе». «Все необходимо, *все хорошо*, я всему молюсь»;—но, вѣдь, точно такъ-же могъ-бы сказать, да и въ самомъ дѣлѣ говоритъ старецъ Зосима: *все хорошо* и великолѣпно, говоритъ онъ, — потому что все истина. Все созданіе и вся тварь, *каждый листикъ* устремляется къ Слову, Богу славу поетъ». Тутъ совпаденіе старца Зосимы съ Ничте-

Кирилловымъ даже до этого, какъ будто случайнаго, «зеленаго листика», который внушаетъ ему «открытіе», что «все хорошо»—открытіе Америки послѣ Колумба, открытіе христіанства послѣ Христа. До Христа было «терпѣніе», была покорность, былъ ужасъ или ропотъ, но нигдѣ никогда не было «*любви къ року*»; это есть нѣчто чуждое, непонятное ни варвару, ни эллину, ни іудею, несоизмѣримое ни съ одной изъ до-христіанскихъ религій. Я долженъ любить рокъ какъ Исаакъ, надъ которымъ Аврамъ занесъ жертвенный ножъ, любить отца своего; вмѣсто терпѣнія — любовь; вмѣсто рабскаго, робкаго терпѣнія—свободная, безстрашная, сыновняя любовь. Но, вѣдь, это-же и есть, хотя не названная, не сознанная, несомнѣнная, однако, «самая внутренняя сущность» (die innerste Natur) ученія Христова: «Отче! не Моя, а Твоя да будетъ воля». И высшая точка этой «любви къ року», этой *сыновности* року: воля моя и воля рока—одно, я и рокъ—одно, «Я и Отецъ — одно». Конечно, Тотъ, Кто это сказалъ, — уже понялъ, что «все хорошо», потому что все необходимо. Онъ пришелъ? Имя ему Богочеловѣкъ? Нѣтъ, возражаютъ Кирилловъ и Нитче. Онъ придетъ, имя Ему Человѣкобогъ—въ этомъ разница. Какая-же разница? Два треугольника—одинъ основаніемъ вверхъ, вершиною внизъ, другой въ обратномъ положеніи—конечно, не совпадаютъ; но стоитъ перевернуть любой изъ нихъ, и они совпадутъ, ибо разница была не во «внутренней сущности» треугольниковъ, а только въ ихъ внѣшнемъ, случайномъ, временномъ—«историческомъ» положеніи. «Я есмь дверь, и никто не можетъ притти къ Отцу иначе, какъ черезъ Меня». Этою-то дверью входятъ или пытаются войти и Кирилловъ, и Нитче, потому что другой двери нѣтъ. Отрицая Христа, они утверждаютъ Его такъ, какъ еще никогда никто не утверждалъ, по крайней мѣрѣ, сознательно.

Но не только въ этой первой исходной точкѣ, въ мистической посылкѣ — въ «любви къ року», въ признаніи Отчей благости, начала міра: «все хорошо, все благо, потому что все божественно-необходимо», — ученіе Кириллова и Нитче совпадаетъ съ ученіемъ Христа и въ про-

тивоположной крайней точкѣ, въ мистическомъ выводѣ изъ этой посылки — въ идеѣ о концѣ міра: міръ вмѣстѣ съ человѣкомъ «перемѣнится физически», когда человѣкъ пойметъ, что все хорошо.

Кирилловъ, впрочемъ, идетъ дальше, чѣмъ Нитче, и въ самой посылкѣ; онъ уже почти сознаетъ сверхчувственное, мистическое основаніе этой посылки, этого чувства «вѣчной гармоніи»; «это чувство, говоритъ онъ, ясное и неоспоримое. Какъ будто вдругъ ощущаете всю природу и вдругъ говорите: да, это правда («все хорошо, говоритъ и старецъ Зосима,—потому что все истина»), Богъ, когда міръ создавалъ, то въ концѣ каждаго дня говорилъ: «да, это правда, это хорошо». Это... это не умиленіе, а только такъ, радость. Вы не прощаете ничего, потому что прощать уже нечего. Вы не то что любите, о, тутъ выше любви!» Выше любви, потому что любовь есть только путь къ соединенію любящаго съ любимымъ, Сына съ Отцомъ; — а здѣсь уже весь путь пройденъ, соединеніе достигнуто: здѣсь я и то, что̀ я люблю, то, что́ необходимо—одно, «Я и Отецъ — одно». Мистическая посылка о началѣ міра, о «божественной необходимости» («divina necessità» Леонардо да-Винчи) даетъ неизбѣжный мистическій выводъ о концѣ міра, о божественной цѣлесообразности. Міръ въ концѣ своемъ, въ своей послѣдней «осаннѣ», долженъ оправдать Бога и повторить то, что̀ Богъ говорилъ, создавая міръ: «да, это правда, это хорошо». И здѣсь, въ выводѣ, такъ-же какъ въ посылкѣ, Кирилловъ идетъ по тому-же пути, но дальше, чѣмъ Нитче. Сверхчувственный опытъ у него неразрывно связанъ съ опытомъ чувственнымъ, съ очень опредѣленнымъ физическимъ ощущеніемъ, состояніемъ тѣла, предшествующимъ у Кириллова, такъ-же какъ у Идіота, припадкамъ «священной болѣзни», эпилепсіи. Чувство «вѣчной гармоніи длится, по наблюденію Кириллова, не болѣе «пяти секундъ». «Если болѣе, то душа не выдержитъ и должна исчезнуть. *Человѣкъ въ земномъ видѣ не можетъ перенести. Надо перемѣниться физически* или умереть.—Въ эти пять секундъ я проживаю жизнь, и за нихъ отдамъ всю мою

жизнь, потому что стоитъ. Чтобы выдержать десять секундъ, надо перемѣниться физически». И постоянно и упорно возвращается онъ къ этой одной изъ двухъ главныхъ, послѣднихъ своихъ религіозныхъ мыслей. «Въ теперешнемъ своемъ физическомъ видѣ, сколько я думалъ, нельзя быть человѣку безъ прежняго Бога никакъ», говоритъ онъ передъ самымъ самоубійствомъ. «Богъ есть боль страха смерти. Кто побѣдитъ боль и страхъ, тотъ самъ станетъ Богъ». Человѣкъ въ своемъ теперешнемъ физическомъ видѣ, со страхомъ боли и смерти есть человѣкъ-звѣрь, рабъ Бога-звѣря. Новый, свободный человѣкъ, «Человѣкобогъ», Сынъ Божій будетъ обладать новою плотью, не страдающею, не умирающею, нетлѣнною, «смертью смерть поправшею».

Въ своемъ самомъ первомъ чувственномъ зародышѣ, идея о физической перемѣнѣ человѣка у Кириллова, такъ же какъ у Нитче, связана съ современными научными идеями о космическомъ развитіи, о животной метаморфозѣ, о естественномъ подборѣ и превращеніи видовъ. Для Нитче сверхчеловѣкъ отдѣленъ отъ человѣка большею физическою пропастью, чѣмъ обезьяна отъ человѣка. И для Кириллова исторія космическаго развитія дѣлится «на двѣ части»: «отъ гориллы до уничтоженія Бога (то-есть, до конца животнаго вида «человѣкъ») и отъ уничтоженія Бога до перемѣны земли и человѣка физически».

Нитче только смутно предчувствуетъ; смутность эта— главная слабость его, а Кирилловъ опять-таки уже почти сознаетъ, что въ этой исключительно опытной, казалось-бы, научной идеѣ о возможности физической перемѣны человѣка есть нѣчто сверхъ-опытное, сверхъ физическое, „метафизическое“ и даже мистическое.

— «Вы стали вѣровать въ будущую вѣчную жизнь?— спрашиваетъ его Ставрогинъ.

— «Нѣтъ, *не въ будущую вѣчную, а въ здѣшнюю вѣчную*. Есть минуты, вы доходите до минутъ, и время вдругъ останавливается и будетъ вѣчно.

— «Въ Апокалипсисѣ, — напоминаетъ Ставрогинъ,— ангелъ клянется, что времени больше не будетъ.

— «Знаю. *Это очень тамъ вѣрно; отчетливо и точно.* Когда весь человѣкъ счастья достигнетъ, то времени больше не будетъ, потому что не надо. Очень вѣрная мысль.

— «Куда-жъ его спрячутъ?

— «Никуда не спрячутъ. Время не предметъ, а идея. Погаснетъ въ умѣ».

Это согласно не только съ Апокалипсисомъ, но и съ *Критикой чистаго разума.*

Человѣкъ перемѣнится физически въ концѣ міра, когда времени больше не будетъ, учитъ Кирилловъ. — Не всѣ мы умремъ, но всѣ *измѣнимся* скоро, во мгновеніе ока при звукѣ послѣдней трубы,— учитъ апостолъ. Какая-же собственно внутренняя мистическая «разница» между этими двумя ученіями? Нитче называетъ себя, «учителемъ *вѣчнаго возвращенія*»,—«ich, der Lehrer der ewigen Wiederkunft». Но никогда не доводилъ онъ до конца этой въ высшей степени загадочной и таинственной идеи своей, конечно, связанной съ другой его главной идеей о «новой твари», о новой плоти сверхчеловѣка. Кажется, и у Нитче именно тутъ, въ идеѣ Вѣчнаго Возвращенія, Повторенія («все, что̀ у васъ есть и у насъ») заключенъ зародышъ кирилловской вѣры «не въ будущую, а въ здѣшнюю вѣчную жизнь». Кирилловъ только доводитъ эту еще смутную идею Нитче до конца, до ея неизбѣжнаго и уже совершенно яснаго религіознаго сознанія.

— «Я думаю, — говоритъ Кирилловъ по поводу физической перемѣны человѣка, — я думаю, *человѣкъ долженъ перестать родить.* Къ чему дѣти, къ чему развитіе, коли цѣль достигнута? *Въ Евангеліи сказано, что въ воскресеніи не будутъ родить, а будутъ, какъ ангелы Божіи*». Какъ-бы испугался Нитче такого совпаденія! Но въ томъ-то и дѣло, что Кирилловъ смѣлѣе, правдивѣе Нитче. Кирилловъ доводитъ до конца главную религіозную мысль Нитче — и вотъ царство «сверхчеловѣка», предвѣщаемое Заратустрою, оказывается «здѣшнею вѣчною жизнью», то-есть, «грядущимъ Іерусалимомъ», царствомъ Воскресшей Плоти, предсказаннымъ въ Апокалипсисѣ: «*мы будемъ царствовать*

на землѣ». Одному изъ двухъ равныхъ треугольниковъ дано обратное положеніе—и оба совпали.

Итакъ, въ двухъ своихъ крайнихъ точкахъ, въ первой—въ идеѣ о началѣ, о божественной необходимости и въ послѣдней — въ идеѣ о концѣ міра, о божественной цѣлесообразности, кажущееся анти-христовымъ ученіе Кириллова и Нитче совпадаетъ съ ученіемъ Христовымъ: а ежели совпадаютъ двѣ точки двухъ прямыхъ линій, то и сами линіи должны совпасть: это — аксіома геометріи.

Когда Кирилловъ, играя съ ребенкомъ, кидаетъ и ловитъ мячъ, мы вдругъ чувствуемъ, что и самъ онъ такой-же ребенокъ («если не обратитесь и не станете, какъ дѣти, не можете войти въ царствіе небесное»), такой-же «идіотъ», «святой» и «юродивый» (если не во Христѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ Антихристѣ), какъ и князь Мышкинъ.

— «Ужъ не вы ли и лампадку зажигаете?

— «Старуха любитъ, чтобы лампадку — а ей сегодня некогда».

Полно, для одной ли старухи зажигаетъ онъ лампадку? не для себя ли также, хотя, конечно, и самъ этого не подозрѣваетъ? Недаромъ, въ послѣднія минуты передъ смертью, ссылаясь на одно изъ величайшихъ словъ Господнихъ, съ изступленнымъ «лихорадочнымъ восторгомъ», указываетъ своему «чорту», своей «обезьянѣ», Петру Верховенскому этотъ пророкъ Антихриста на образъ Христа, передъ которымъ опять горитъ лампада, зажженная рукою—одною ли рукою, не сердцемъ ли также Кириллова: «Вотъ *Онъ* сказалъ». Верховенскій, въ качествѣ подлиннаго «чорта», «совсѣмъ озлился».

— «Въ Него-то, стало-быть, все еще вѣруете и лампадку зажгли; ужъ не «на всякій ли случай?»

«Тотъ промолчалъ.

— «Знаете что, по-моему, *вы вѣруете, пожалуй, еще больше попа*», цинически рѣшаетъ «чортъ».

— «Въ кого? Въ *Него?*» Этотъ вопросъ Кириллова такъ и остается безъ отвѣта, ибо все, что дальше говоритъ онъ о причинахъ своего невѣрія, не есть прямой, рѣшающій

отвѣтъ: онъ, будто бы, не вѣритъ во Христа, потому что Христосъ не воскресъ: но, вѣдь, мы же видѣли, что неизбѣжный мистическій выводъ самого Кириллова о концѣ міра, о пришествіи Человѣкобога есть мысль о возможности, о необходимости «физической перемѣны человѣка»—«измѣнившейся» Плоти, нетлѣнной, воскресшей Плоти. Итакъ, логическая ссылка на чувственный опытъ, на познаніе естественныхъ законовъ, которымъ должна была подчиниться плоть Распятаго, вовсе не есть мистическое разрѣшеніе мистическаго вопроса. Дѣйствительно же мистическій отвѣтъ на этотъ вопросъ: въ *Кого* собственно вѣруетъ Кирилловъ?—далъ, помимо воли всей своей страшной религіозной судьбой «послѣдній ученикъ распятаго Діониса».

Въ томъ-то и дѣло, что оба они, и Кирилловъ и Ницше, «сами не знаютъ, чего ищутъ», *Кого* ищутъ,—вѣрятъ и не сознаютъ своей вѣры, или по косноязычному, но незамѣнимому выраженію Кириллова: «когда они вѣруютъ, то не вѣруютъ, что вѣруютъ, а когда не вѣруютъ, то не вѣруютъ, что не вѣруютъ». Этимъ-то именно недостаткомъ религіознаго сознанія Кирилловъ и Ницше—родные братья Ивана Карамазова, Верхилова, Ставрогина, Раскольникова, всѣхъ раздвоенныхъ героевъ Достоевскаго, послѣдніе отпрыски этой великой семьи, на которыхъ она и угаснетъ.

На первый взглядъ кажется, что у нихъ обоихъ недостатокъ религіознаго сознанія вытекаетъ изъ очень грубой и коренной ошибки въ критикѣ познанія. «Богъ необходимъ, говоритъ Кирилловъ, а потому долженъ быть. Но *я знаю, что Его нѣтъ* и не можетъ быть. Неужели, заключаетъ онъ, неясно, что человѣку съ такими двумя мыслями нельзя оставаться въ живыхъ». Вотъ старая ошибка, невозможная послѣ Канта, послѣ «Критики чистаго разума»; одно изъ двухъ: надо или опровергнуть Канта или принять его и, въ такомъ случаѣ, согласиться съ нимъ, что область, доступная изслѣдованію нашего разума, есть только область явленій, область чувственнаго опыта, происходящаго во времени и въ пространствѣ; Богъ — внѣ явленій, внѣ пространства и времени; а слѣ-

довательно и вопросъ о бытіи или небытіи Божіемъ находится внѣ области, доступной изслѣдованію разума. «Богъ необходимъ» — это не разумная, не опытная, а мистическая посылка, не опровергаемая и не доказуемая разумомъ. Разумъ не утверждаетъ и не отрицаетъ бытія Божія: онъ только говоритъ: «я не знаю, есть ли Богъ, или нѣтъ Его». Это новое, неопровержимое, *критическое* «я не знаю, есть ли Богъ» извращаетъ Кириловъ въ старое, опровергнутое критикой познанія, *догматическое:* я знаю, что Бога нѣтъ. И далѣе—это утвержденіе «Бога нѣтъ» само становится новымъ Богомъ; отрицаніе вѣры само становится новою вѣрою: «для меня нѣтъ выше идеи,—что Бога нѣтъ». Отсюда-то, отъ этой первой ошибки въ критикѣ познанія и начинается страшная цѣпь всѣхъ остальныхъ его, уже не только критическихъ, но и мистическихъ ошибокъ, которыя приводятъ его, наконецъ, къ совершенному безумію: «если нѣтъ Бога, то я Богъ».

Чѣмъ же все-таки объяснить эту первую, столь грубую ошибку? Недомысліемъ, невѣжествомъ? Тѣмъ, что Кириловъ—русскій самоучка, вродѣ Левина «бурлака-философа», который лѣзетъ въ воду метафизики, не спросясь броду у «дошлыхъ» нѣмцевъ? Едва ли такъ. Кажется, у Кириллова не только мистическая, но и критическая сила ума огромная: съ какимъ геніальнымъ проникновеніемъ соглашаетъ онъ пророчество Апокалипсиса о томъ, что «времени больше не будетъ», съ одной изъ глубочайшихъ идей Канта о субъективности времени: «время не предметъ, а идея,—*погаснетъ въ умѣ*». Нѣтъ, первая ошибка Кириллова въ критикѣ познанія зависитъ не отъ слабости ума его, а отъ какого-то особаго качества всей его умственной силы.

Замѣчательно, что и Ницше впадаетъ въ ту же самую ошибку — въ догматическое отрицаніе Бога. «Мы убили Бога», говоритъ онъ. Чѣмъ убили? Разумомъ? Но прежде, чѣмъ убить Бога разумомъ, надо было убить «Критику чистаго разума» — опровергнуть Канта. А Ницше, подобно Кириллову, не опровергаетъ Канта и не соглашается съ нимъ, а просто обходитъ его, отдѣлывается отъ него руга-

тельствомъ: «Kant wurde Idiot» (Der Wille zur Macht— стр. 227, изд. 1899), т. е., философскимъ оружіемъ, столь же слабымъ. какъ и то, которое обращали впослѣдствіи противъ самого Нитче: «Nietzsche wurde Idiot». Но, вѣдь, здѣсь-то ужъ слишкомъ очевидно, что ошибка Нитче въ критикѣ познанія не отъ простого недомыслія, не отъ невѣжества. Нитче, какъ всякій нѣмецкій философъ, превосходно зналъ «своего Канта»; но не хотѣлъ его знать, потому что не могъ ни опровергнуть, ни принять, не отрекшись отъ какой-то самой глубокой, неодолимой, «внутренней сущности» своей природы.

Критическая философія есть мысль, дошедшая до конца своего, до послѣдняго предѣла, увидѣвшая, сознавшая этотъ конецъ и предѣлъ. Философія догматическая, все равно, утверждающая или отрицающая Бога, деизмъ или атеизмъ, есть мысль, до конца не доходящая, остановившаяся на «слишкомъ благоразумной» серединѣ, нѣчто, по существу своему, серединное, средне-высшее, половинчатое, не соединяющее, а только смѣшивающее вѣру съ безвѣріемъ, догматику съ критикой. Атеизмъ и деизмъ это полу-наука, полу-религія, опошленная наука и религія. Недаромъ эти именно два философскія вѣянія или повѣтрія, матеріалистическое и спиритуалистическое, философія бездушной плотскости и безплотной духовности, сдѣлались двумя господствующими настроеніями XIX вѣка, самаго серединнаго, «средне-высшаго», мѣщанскаго, буржуазнаго изъ всѣхъ вѣковъ, того, который и есть по преимуществу вѣкъ *„средняго сословія"*. Мало того, не оставаясь исключительно философскими, эти два настроенія стремились постоянно сдѣлаться религіозными, по крайней мѣрѣ, замѣняющими религію: напримѣръ, у простодушныхъ русскихъ догматиковъ-матеріалистовъ 70-хъ годовъ, изувѣрскихъ проповѣдниковъ Бюхнера и Молешота, «мертвой лягушки, вмѣсто Бога», отчасти и въ наше время, хотя уже безсознательно, у самыхъ наивныхъ изъ «марксистовъ» и у столь же простодушныхъ русскихъ догматиковъ-спиритуалистовъ, идеалистовъ, толстовцевъ, пашковцевъ, духоборовъ.

Вотъ въ этомъ-то догматическомъ безбожіи («я знаю,

что нѣтъ Бога», «мы убили Бога» — тоже своего рода «мертвая лягушка, вмѣсто Бога»), несмотря на всю ихъ геніальную устремленность къ будущему, бывшій русскій революціонеръ и бывшій нѣмецкій «Frei-Geist», «libre esprit», поклонникъ деиста Вольтера и матеріалиста Гельвеція—Кирилловъ и Ницше—оба все-таки еще слишкомъ дѣти своего вѣка и даже своего сословія, буржуазнаго, серединнаго вѣка и «средняго сословія». Впрочемъ, эта сословно-историческая серединность, половинчатость, это *не до конца* въ ихъ сознаніи, въ ихъ критикѣ зависитъ отъ болѣе глубокаго «не до конца» въ ихъ безсознательномъ, религіозномъ существѣ, въ ихъ мистикѣ.

— «Я три года искалъ атрибутъ божества моего и нашелъ: атрибутъ божества моего— *Своеволіе!*"

Да, именно «своеволіе», а не свобода. Своеволіе это свобода *не до конца,* свобода взбунтовавшагося, дерзкаго, но и въ самой дерзости трусливаго раба. Когда, не смѣя спорить съ Кантомъ, Нитче только издѣвается надъ нимъ, или когда ругаетъ Христа («der kleine Jude»), не смѣя смотрѣть Ему прямо въ глаза, это тоже не свобода, а только «своеволіе», только бунтъ раба, не критика и не религія XX вѣка, а все еще только догматика и революція XVIII.

Какъ свобода, такъ и любовь—*не до конца.*

Если бы для Кириллова дѣйствительно было «все хорошо» до конца, если бы онъ дѣйствительно не боялся ни боли ни смерти, то ему бы незачѣмъ было и доказывать самоубійствомъ, что онъ ихъ не боится: онъ доказалъ бы это естественною жизнью, естественною смертью, какъ мудрецъ или какъ святой. Но въ томъ-то и дѣло, что онъ самъ еще не вѣритъ, что «все хорошо»; ему кажется иногда, что все совсѣмъ не хорошо, а прескверно, что весь міръ, «стоитъ на лжи» и есть «дьяволовъ водевиль». Онъ и самъ не рѣшилъ, убиваетъ ли себя *для того,* чтобы понять, что все хорошо, или *потому,* что онъ уже слишкомъ понялъ, что все не хорошо. Мало того: «все хорошо»—это еще не значитъ: «все свято». Онъ только хотѣлъ бы «всему молиться» и все любить — любить и рокъ. Но сама эта

«любовь къ року», amor fati у Нитче, такъ же какъ у Кириллова, есть любовь не до конца, не святая любовь. Я не могу любить внѣшнее, мертвое, безличное—ни математическую формулу дважды два четыре, ни механическій законъ тяготѣнія; я могу любить только внутреннее, живое, родное, кровное—я могу любить только «Отца». Ежели я дѣйствительно полюбилъ необходимость послѣднею любовью, то необходимость уже перестаетъ быть для меня необходимостью, и становится свободою: «не Моя, а Твоя да будетъ воля». Если я полюбилъ «рокъ» послѣднею сыновнею любовью, то рокъ перестаетъ для меня быть рокомъ, и становится живымъ роднымъ Богомъ — Отцомъ: «Я и Отецъ одно». Любовь Сына къ Отцу это и есть самое высшее—Христосъ; «любовь къ року», несознанная христіанская любовь къ языческому року, это полу-Христосъ, полу-Діонисъ — не самое высшее, а только среднее-высшее, то-есть, все-таки серединное, половинчатое, и нашимъ и вашимъ; ни бѣлое ни черное, а только сѣрое; ни горячее ни холодное, а только теплое. И здѣсь, и здѣсь опять — «безчестная, потому что ужъ слишкомъ благоразумная» мѣщанская «серединка-на-половинкѣ», «несоленая соль» — пронизывающая весь XIX вѣкъ, вѣкъ Средняго Сословія, отвратительная, тепленькая, сѣренькая буржуазная слякоть.

Да и здѣсь, на этихъ высочайшихъ крайнихъ точкахъ западно-европейской и русской культуры, въ Кирилловѣ и Нитче, такъ же, какъ, можетъ-быть, отчасти въ самомъ Достоевскомъ и ужъ навѣрное во Львѣ Толстомъ, все еще, и даже здѣсь-то именно, пожалуй, болѣе, чѣмъ гдѣ либо, господствуетъ «духъ времени», страшный демонъ середины, непроницаемой, нейтрализующей среды между двумя полюсами («двѣ нити вмѣстѣ свиты»), *нашъ* демонъ, наполнившій собою міръ, самый великій и самый гаденькій золотушный бѣсенокъ съ насморкомъ, изъ неудавшихся, духъ смѣшивающій и смѣющійся, духъ русскаго лакея Лаврушки и всемірнаго лакея Смердякова.

«Я начну и кончу, и дверь отворю. И спасу. Своеволіе! Это все, чѣмъ я могу въ главномъ пунктѣ показать

непокорность и новую, страшную свободу мою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую, страшную свободу мою. Если нѣтъ Бога, то я—Богъ. Вѣрую, вѣрую!»

Кажется, вотъ-вотъ Кирилловъ станетъ истиннымъ пророкомъ, великимъ Заратустрою; грянетъ «осанна», потрясающая небо и землю, вспыхнетъ молнія, неимовѣрное видѣніе Сверхчеловѣка.

Не тутъ-то было. «Отъ великаго до смѣшного только шагъ»: откуда ни возьмись, выскакиваетъ маленькій, гаденькій бѣсенокъ, «внезапный демонъ ироніи». Петръ Верховенскій подаетъ перо и диктуетъ Кириллову предсмертное письмо, въ которомъ тотъ принимаетъ на себя убійство нигилиста Шатова.

— «Стой!—закричалъ Кирилловъ,—я хочу сверху рожу съ высунутымъ языкомъ».

И онъ «почти заревѣлъ отъ восторга», «залился хохотомъ», придумавъ подпись:

«Gentilhomme-séminariste russe et citoyen du monde civilisé».

Мы знаемъ, чья это «рожа съ высунутымъ языкомъ», кто этотъ «всемірный гражданинъ»: это — рожа сѣраго, теплаго, мягкаго, безкостнаго,—того, у кого хвостъ «длинный, гладкій, какъ у датской собаки»; этотъ всемірный гражданинъ — скептическій лакей Смердяковъ и позитивный баринъ Чичиковъ, безсмертный «приживальщикъ», вѣчная «обезьяна» «дрянного барченка» Ставрогина, Ивана Карамазова и христіанскаго философа Левина и языческаго философа Нитче. Это онъ «своевольничаетъ» и кощунствуетъ, смѣшиваетъ и смѣется — человѣкобожескую трагедію превращаетъ въ дьяволовъ водевиль — ликъ Силы и Славы въ «рожу съ высунутымъ языкомъ».

Но ему и этого мало; онъ и на этомъ страшномъ—смѣшномъ не останавливается: страшное черезъ смѣшное превращается въ еще болѣе страшное: какъ отъ одного прикосновенія замерзающая вода вдругъ становится льдомъ, такъ отъ одного маніи бѣса пошлости, отъ одной ошибки «на волосокъ въ критикѣ познанія—вся мудрость вдругъ дѣлается сумасшествіемъ.

Описаніе самоубійства Кириллова — это одно изъ тѣхъ созданій Достоевскаго, гдѣ онъ переступаетъ за предѣлы искусства; это то, о чемъ нельзя писать, почти говорить нельзя: это цинично, жестоко, можетъ-быть, преступно, не только художественно, но и нравственно преступно. Это своего рода вивисекція, анатомическое разсѣченіе живой души: заглядывая въ эту зіяющую рану, окровавленныя внутренности человѣческой души, мы съ отвращеніемъ и съ любопытствомъ ужаса слѣдимъ за ихъ послѣдними содроганіями.

Другого подобнаго изображенія нѣтъ во всемірной литературѣ. Кто разъ прочелъ это, тотъ уже никогда не забудетъ всѣхъ этихъ невыносимыхъ подробностей: какъ прислушиваясь къ тишинѣ сосѣдней комнаты, куда ушелъ Кирилловъ съ револьверомъ, Верховенскій долго ждетъ; какъ, наконецъ, не выдержавъ, подходитъ къ двери, пріотворяетъ ее, и какъ что-то заревѣло, бросилось къ нему; изо всей силы прихлопнулъ онъ дверь и опять налегъ на нее, но уже все утихло—опять мертвая тишина; ему приходитъ мысль, что Кирилловъ хочетъ убить не себя, а его; опять безконечное ожиданіе; — и снова не выдержавъ, и собравшись съ духомъ, приподнявъ и приготовивъ револьверъ, Верховенскій входитъ въ комнату; сначала никого не видитъ, потомъ замѣчаетъ Кириллова, который у шкафа, въ углу, образованномъ стѣной и шкафомъ, «стоитъ ужасно странно, неподвижно, вытянувшись, протянувъ руки по швамъ, приподнявъ голову и плотно прижавшись затылкомъ къ стѣнѣ, въ самомъ углу, казалось, желая весь стушеваться и спрятаться. И вдругъ Верховенскимъ овладѣло совершенное бѣшенство: онъ сорвался съ мѣста, закричалъ и, топая ногами, яростно бросился къ страшному мѣсту. Но дойдя вплоть, онъ опять остановился, какъ вкопанный, еще болѣе пораженный ужасомъ. Его, главное, поразило то, что фигура, несмотря на крикъ и на бѣшеный наскокъ его, даже не двинулась, не шевельнулась ни однимъ своимъ членомъ — точно окаменѣвшая или восковая. Блѣдность лица ея была неестественная, черные глаза совсѣмъ неподвижны и глядѣли въ какую-то точку въ

пространствѣ. Петръ Степановичъ провелъ свѣчой сверху внизъ и опять вверхъ, освѣщая со всѣхъ точекъ и разглядывая это лицо. Онъ вдругъ замѣтилъ, что Кирилловъ, хоть и смотритъ куда-то передъ собою, но искоса его видитъ и даже, можетъ-быть, наблюдаетъ. Тутъ пришла ему мысль поднести огонь прямо къ лицу «этого мерзавца», поджечь и посмотрѣть, что тотъ сдѣлаетъ. Вдругъ ему почудилось, что подбородокъ его, Кириллова, шевельнулся, и на губахъ скользнула насмѣшливая улыбка—точно тотъ угадалъ его мысль. Онъ задрожалъ и, не помня себя, схватилъ его за плечо. Затѣмъ произошло нѣчто безобразное. Едва онъ дотронулся до Кириллова, какъ тотъ быстро нагнулъ голову и головой же выбилъ изъ рукъ его свѣчку; подсвѣчникъ полетѣлъ со звономъ на полъ, и свѣча потухла. Въ то же мгновеніе онъ почувствовалъ ужасную боль въ мизинцѣ своей лѣвой руки. Онъ закричалъ, и ему припомнилось только, что онъ внѣ себя три раза изо всей силы ударилъ револьверомъ по головѣ припавшаго къ нему и укусившаго ему палецъ Кириллова. Наконецъ, палецъ онъ вырвалъ и, сломя голову, бросился бѣжать изъ дому, отыскивая въ темнотѣ дорогу. Во слѣдъ ему изъ комнаты летѣли страшные крики:

— «Сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ!»

Конечно то, что заревѣло, бросилось на Петра Верховенскаго и потомъ укусило ему палецъ, было не божеское и даже не человѣческое, а звѣрское. Сверхчеловѣкъ, Человѣкобогъ превратился въ человѣка-звѣря. Страшный титанъ Заратустра-Антихристъ—въ жалкаго калѣку, бывшаго нѣмецкаго доктора филологіи, Фридриха Нитче, содержимаго въ лѣчебницѣ для душевно-больныхъ. И мы чувствуемъ, что это должно было совершиться, не могло быть иначе, что это не только логически, но и мистически неизбѣжно справедливо.

— *„Я ужасно несчастенъ, ибо ужасно боюсь“*, признается Кирилловъ. Да, это величайшая боль, величайшій страхъ, которые можетъ испытать душа человѣческая—испытать, но не вынести. «Если нѣтъ Бога, то я—Богъ»; мы чувствуемъ, что между этими двумя мыслями нельзя не сойти

съ ума, что если только мы примемъ ихъ, то между ними нашъ собственный разумъ, такъ же какъ разумъ Кириллова и Нитче, разрушится, смолотый, какъ зерно между двумя жерновами. Этою-то послѣднею мукою, послѣднимъ ужасомъ сознанія Кирилловъ и Нитче были такъ близки ко Христу, какъ, можетъ-быть, никто никогда; можетъ-быть, ближе, чѣмъ даже старецъ Зосима. Гибнутъ же они потому, что не сознали все-таки этой близости. Думали, что первые вступаютъ на этотъ путь; а между тѣмъ путь этотъ былъ уже нѣкогда пройденъ. Былъ такой Человѣкъ на землѣ, который, принявъ на себя эту муку, выдержалъ ее до конца, и тѣмъ уже навѣки избавилъ насъ отъ нея. Этотъ Человѣкъ—Богъ, ибо кто первый изъ людей сказалъ: «Я — Богъ», и до конца принялъ и вынесъ это,— тотъ и былъ воистину Богъ; именно въ томъ, что Онъ вынесъ это, вынесъ то, чего ни одна душа человѣческая не можетъ вынести, въ томъ, что Онъ въ этомъ—одинъ. и другого равнаго Ему по силѣ никогда не было и не будетъ,—заключается все божественное чудо Его явленія. Да, Онъ вынесъ это, но мы знаемъ, что и Ему это стоило кроваваго пота, что и Онъ былъ «ужасно несчастенъ», потому что «ужасно боялся», и его душа «скорбѣла смертельно» и «возмущалась».

„Душа Моя теперь возмутилась; и что Мнѣ сказать? Отче! избавь Меня отъ часа сего! но на сей часъ Я пришелъ;—Отче, прославь имя Твое.—Не моя, а Твоя да будетъ воля“.

Итакъ, для насъ одно изъ двухъ: мы должны или принять Его, но уже до конца—принять, что Онъ и Отецъ— одно; и тогда мы не вступимъ на тотъ путь, на которомъ погибли Кирилловъ и Нитче; тогда для насъ Пришедшій и Грядущій, Богочеловѣкъ и Человѣкобогъ—одно; или же мы должны отвергнуть Его, но отвергнуть опять-таки до конца, и тогда неизбѣжно, вернувшись къ исходной точкѣ Кириллова и Нитче, мы будемъ продолжать тотъ страшный путь, который они только начали: если нѣтъ Отца, то нѣтъ Бога, а если нѣтъ Бога, то я—Богъ. Путь этотъ единственно возможный помимо Христа, противъ Христа—

Имъ же былъ предвиденъ и предсказанъ: «Я пришелъ во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если *иной придетъ во имя свое, его примете*". Это, вѣдь, и значитъ: Я говорю: если есть Богъ, то Я — Богъ; и не принимаете Меня, а иной скажетъ: если нѣтъ Бога, то я—Богъ; его примете.

Отъ великаго язычника, дяди Ерошки къ маленькому христіанскому старцу Акиму, «маленькому гаденькому бѣсенку» религіозной середины и пошлости, къ совершенному безбожію и, наконецъ, отъ безбожія къ безумію—кажется, въ настоящее время весь этотъ путь пройденъ: изъ царства Л. Толстого, изъ царства «Бога-Звѣря» мы именно теперь вступаемъ въ царство Нитче и Кириллова, въ царство Человѣка-Звѣря. То, что «заревѣло, бросилось, укусило» Верховенскаго, и было этимъ грядущимъ Звѣремъ. Сумасшествіе Кириллова и Нитче — только первое слабое вѣяніе этой неизбѣжной, всемірно-исторической заразы безумія; только первая, чуть видная на горизонтѣ, черная точка этого налетающаго урагана. Пока—все тихо, даже тише, чѣмъ когда-либо, но «имѣющіе уши» слышать, уже слышатъ, какъ въ умахъ и сердцахъ современнаго человѣчества смутно шевелится «древній хаосъ», какъ скованный Звѣрь пробуждается, потрясаетъ цѣпями, хочетъ «выйти изъ бездны», дабы поклонились ему всѣ:

«Кто подобенъ Звѣрю сему и кто можетъ сразиться съ нимъ?»

Да, только теперь мы поняли до конца это слово Господне: *кто не со Мной, тотъ противъ Меня*. Мы это поняли, и намъ уже нельзя колебаться; нужно рѣшить, куда мы идемъ, выбрать одинъ изъ двухъ путей, съ которыхъ нѣтъ возврата: или съ Нимъ къ Богу или противъ Него къ Звѣрю.

Д. Мережковскій.

Шатовъ.

*) Шатовъ до извѣстной степени стоитъ въ сторонѣ отъ пресловутой «кучки», сгруппированной Петромъ Степановичемъ въ губернскомъ городѣ. По своимъ убѣжденіямъ онъ даже въ полномъ разрѣзѣ съ подпольными революціонерами. Въ ранней молодости и онъ стоялъ въ ихъ рядахъ и даже эмигрировалъ безъ всякой основательной причины. За-границей женился онъ на бойкой русской барышнѣ, изъ гувернантокъ; прожили они вдвоемъ недѣли съ три, и потомъ разстались, какъ вольные и ничѣмъ не связанные люди, тоже и по бѣдности. Жена вскорѣ затѣмъ сошлась со Ставрогинымъ, а мужъ уѣхалъ въ Америку, гдѣ бѣдствовалъ вмѣстѣ съ Кирилловымъ года три.

Тамъ онъ рѣзко измѣнилъ свои убѣжденія, изъ атеиста и революціонера сдѣлавшись человѣкомъ вѣрующимъ. Впрочемъ, жизнь до такой степени изломала его, что онъ потерялъ характеръ, и сталъ неспособенъ ни къ какой дѣйствующей роли. Камень придавилъ его, по выраженію автора, и вся послѣдующая жизнь его должна проходить въ корчахъ подъ этимъ камнемъ. Онъ застрялъ на распутьи жизни въ мучительной борьбѣ здравомыслія съ безхарактерностію и безволіемъ, отличающимъ русскихъ людей этого типа. Разорвавъ съ эмиграціей и революціей, онъ, однако, не могъ пристать ни къ какому дѣлу, ни къ какой установившейся формѣ жизни, и остался въ подпольѣ, измученный, страдающій, одинокій, сознающій всю мерзость среды, и не находящій изъ нея выхода. Обстоятельства толкнули его въ кучку; но внутренно онъ давно разорвалъ съ нею, и однако плетется подлѣ нея, единственно потому, что внѣ ея нѣтъ ничего, къ чему бы онъ могъ приткнуться. Открытая, широкая жизнь идетъ мимо его, какъ нѣчто совершенно чуждое; вышедшій изъ подполья, одичалый, неспособный ни къ какому практи-

*) (А.). В. Авсѣенко „Общественная психологія въ романѣ“. „Русскій Вѣстникъ“ 1873 г., № 8.

ческому дѣлу, онъ видитъ себя замкнутымъ въ заколдованномъ кругѣ, среди трагической необходимости жить съ людьми, которыхъ искренно, убѣжденно презираетъ. «Я слышалъ, говоритъ онъ своей женѣ, что ты будто-бы презирала меня за перемѣну убѣжденій. Кого жъ я бросилъ? Враговъ своей жизни, устарѣлыхъ либералишекъ, боящихся собственной независимости; лакеевъ мысли, враговъ личности и свободы, дряхлыхъ проповѣдниковъ мертвечины и тухлятины! Что у нихъ: старчество, золотая средина, самая мѣщанская, подлая бездарность, завистливое равенство, равенство безъ собственнаго достоинства, равенство, какъ сознаетъ его лакей или какъ сознавалъ французъ 93 года... А главное, вездѣ мерзавцы, мерзавцы и мерзавцы!» Въ этой неотвратимости — жить въ средѣ, такъ искренно презираемой, заключается весь трагизмъ людей, вышедшихъ изъ подполья и внутренно съ нимъ разорвавшихъ.

И вотъ въ ту минуту, когда заколдованный кругъ готовъ совсѣмъ замкнуться вокругъ несчастнаго Шатова, когда неестественное положеніе его между «кучкой» и надпольною жизнью должно окончательно изломать и придавить его, судьба неожиданно указываетъ ему выходъ. Жена его, брошенная за-границею Ставрогинымъ, возвращается къ нему, чтобы подъ его нищенскимъ кровомъ дать жизнь чужому ребенку. И Шатовъ до того измученъ, до того придавленъ, что въ этомъ столкновеніи видитъ спасительный выходъ къ возрожденію... Но ему не суждено было выступить на новую дорогу; неестественныя отношенія его къ «кучкѣ» привели къ кровавой катастрофѣ, которою оканчивается романъ.

В. Авсѣенко.

* * *

*) Когда Ставрогинъ является къ Шатову послѣ того, какъ Шатовъ ударилъ его кулакомъ по лицу, между ними

*) А. Л. Волынскій. Глава: „Шатовъ“. Изъ его книги: „Ѳ. М. Достоевскій“. Спб. 1906 г.

завязывается идейный разговоръ. Шатовъ изливаетъ передъ нимъ свои мысли,—тѣ самыя мысли, которыя были когда-то внушены ему Ставрогинымъ. «Знаете-ли вы,— началъ онъ, Шатовъ, почти грозно, пригнувшись впередъ на стулѣ, сверкая взглядомъ и поднявъ перстъ правой руки вверхъ передъ собою,—знаете-ли вы, кто теперь на всей землѣ единственный народъ богоносецъ, грядущій обновить и спасти міръ именемъ новаго Бога, и кому единому даны ключи жизни и новаго слова?». Говоря эти восторженныя слова, Шатовъ разумѣетъ Россію. Единый богоносный народъ, имѣющій ключи жизни и призванный возродить міръ новымъ словомъ о Богѣ,—это русскій народъ. Такимъ образомъ, вопросъ о Россіи и ея назначеніи въ современной исторіи сразу ставится на мессіанскую почву. Духъ религіозности составляетъ основную черту русскаго человѣка, который не можетъ быть атеистомъ: кто атеистъ, тотъ не русскій. Такова основная мысль Шатова по отношенію къ Россіи, и отъ нея идутъ всѣ другія его мысли, развиваясь въ цѣлую систему. Эта мысль сложилась и окрѣпла въ немъ въ борьбѣ съ общественно-революціонными теченіями того времени, имѣвшими анти-религіозный и космополитическій характеръ. Ощущая оторванность этихъ теченій отъ народной жизни, отъ стихіи народныхъ думъ, народныхъ надеждъ и фантазій, онъ сталъ логически искать такой системы мышленія, въ которой были-бы захвачены наиболѣе глубокія тенденціи всякаго народнаго духа. Установивъ для себя, въ противоположность философскимъ построеніямъ русскихъ революціонеровъ, какъ нѣкоторую непреложную истину, что русскій народъ, по всему своему складу, глубоко религіозенъ, Шатовъ обобщилъ эту свою мысль и простеръ ее на всѣ другіе народы. «Цѣль всего движенія народнаго, — говоритъ онъ, — во всякомъ народѣ и во всякій періодъ его бытія, есть единственно лишь исканіе Бога, Бога своего, непремѣнно собственнаго, и вѣра въ него, какъ въ единаго истиннаго. Богъ есть синтетическая личность всего народа, взятаго съ начала его и до конца». Это краеугольный камень всей философіи Шатова и,

можно даже сказать, огромнаго теченія въ исторіи русскаго самосознанія, имѣвшаго своихъ крупныхъ представителей и не изсякнувшаго еще до сихъ поръ. Философія эта живетъ и въ современной литературѣ, хотя и въ нѣсколько иныхъ окраскахъ и съ паѳосомъ, который льется уже въ другую сторону.

Несомнѣнно, что исторія каждаго народа, двигаемая безсознательно-стихійными силами, стремится къ своему одухотворенію, къ отысканію тѣхъ послѣднихъ правдъ, которыя придаютъ высшій смыслъ всѣмъ ея процессамъ. Каковы-бы ни были внѣшнія жизненныя перипетіи, черезъ которыя проходитъ всякій народъ, внутренній мотивъ его жизни имѣетъ идейный и религіозный характеръ. Народное творчество, въ широкомъ смыслѣ этого слова, вытекаетъ изъ религіознаго самосознанія народа. Несомнѣнно и то, что идейная и религіозная жизнь всякаго народа имѣетъ свою индивидуальную окраску, свои характерныя черты, свои особенности, потому что всякое творчество, и въ особенности такое глубокое и безсознательное творчество, какъ творчество религіозное, требуетъ участія всѣхъ силъ, всего темперамента народной личности. Ища той метафизической правды, которая лежитъ глубже всего субъективно-личнаго, всего индивидуально-психологическаго, а, слѣдовательно, и народно-психологическаго, отдѣльный человѣкъ, какъ и цѣлый народъ, долженъ взрыть и вскопать всѣ матеріалы своего естества, которые тутъ именно, при этомъ внутреннемъ самоанализѣ, выступаютъ съ особенной яркостью и невольно окрашиваютъ результатъ всей духовной работы.

Но если исканіе Бога, сознательное и безсознательное, имѣетъ различный колоритъ у различныхъ народовъ, то самая идея божества тяготѣетъ къ универсальности, къ всечеловѣчности. Въ этой именно тенденціи религіозной идеи ея истинное значеніе, ея спасительная сила для цѣлаго міра. Идея божества рождается въ духѣ, изъ ощущеній мистическихъ основъ міра, а эти основы однѣ и тѣ-же для всѣхъ народовъ, и вотъ почему нѣтъ религіи въ мірѣ, которая не стремилась-бы стать вѣрою всего

человѣчества и не имѣла-бы въ себѣ того зерна, изъ котораго выросла христіанская идея о равенствѣ всѣхъ людей передъ Богомъ, передъ метафизическою тайною міра. Всѣ народы богоносны, потому что человѣчество въ цѣломъ богоносно, потому-что именно человѣчество, при всей разнохарактерности составляющихъ его отдѣльныхъ народностей, создаетъ идеи, всѣмъ доступныя и для всѣхъ одинаково внушительныя, для всѣхъ одинаково возвышенныя. Ставя Бога въ зависимость отъ народнаго характера и даже допуская, что каждый сильный народъ имѣетъ своего «особливаго» Бога, что «у всякаго народа свое собственное понятіе о злѣ и добрѣ и свое собственное зло и добро», Шатовъ лишаетъ религіозную идею ея основного смысла и значенія. «Когда начинаютъ у многихъ народовъ становиться общими понятія о злѣ и добрѣ,— говоритъ онъ, — тогда вымираютъ народы, и тогда самое различіе между зломъ и добромъ начинаетъ стираться и исчезать». Но если добро и зло не имѣютъ ничего общаго между собою у различныхъ народовъ, то понятія добра и зла не только субъективны, но и фиктивны, и для этихъ понятій нѣтъ общей духовной и психологической основы ни въ строѣ человѣка ни въ строѣ міра. Сдѣлавъ еще одинъ шагъ въ томъ направленіи, въ которомъ развиваетъ свои мысли Шатовъ, мы должны были-бы сказать, что не только этическія идеи не имѣютъ никакой настоящей силы, и являются, такъ сказать, лишь мѣновыми цѣнностями въ предѣлахъ народно-государственныхъ границъ, но что и отвлеченная, метафизическая идея божества не соотвѣтствуетъ никакой реальной правдѣ. Если каждый народъ имѣетъ своего «особливаго» Бога, то Бога дѣйствительно нѣтъ — нѣтъ единаго, всемірнаго божества, мерцающаго для всего человѣчества сквозь пестрыя субъективныя мысли и эмоціональныя волненія различныхъ народностей, сквозь разнохарактерныя броженія и движенія человѣческой исторіи. Народническій фанатизмъ Шатова ставитъ на мѣсто религіозныхъ чувствъ, съ ихъ благодатно-мягкими настроеніями, какую-то слѣпую вѣру въ исключительное значеніе своего народа, превращаетъ ре-

лигію въ идолопоклонство, столь-же темное и опасное, какъ и самое холодное безвѣріе. Можно даже сказать, что вѣра Шатова, при всей пламенности его душевнаго подъема, является только разновидностью человѣческаго безвѣрія, потому что настоящая духовная вѣра кончается тамъ, гдѣ начинается отрицаніе божественнаго призванія другихъ народовъ, гдѣ начинается шовинизмъ, народная самовлюбленность и самовозвеличеніе. Тутъ идолъ національнзма затмеваетъ идеалъ божества, и какія-бы вдохновенныя слова здѣсь ни произносились, какъ-бы ни былъ увлекателенъ этотъ огненный бредъ самого Достоевскаго, скрывающагося за Шатовымъ, тутъ нѣтъ вѣянія того христіанскаго духа, который въ символическій день пятидесятницы разлился изъ скромной горницы еврейскаго дома по всему міру, заговорилъ всѣми языками, нарушивъ при этомъ народныя границы. «Всякій народъ до тѣхъ только поръ и народъ,—продолжаетъ развивать свои мысли Шатовъ,—пока имѣетъ своего Бога особаго, а всѣхъ остальныхъ на свѣтѣ боговъ исключаетъ безо всякаго примиренія, пока вѣруетъ въ то, что своимъ богомъ побѣдитъ и изгонитъ изъ міра всѣхъ остальныхъ боговъ». Слова эти звучатъ всѣмъ фанатизмомъ шатовской натуры и—на минуту кажется—сверкаютъ блескомъ религіознаго настроенія, какого-то высшаго мессіанскаго проповѣдничества. А между тѣмъ истинно религіознаго чувства въ словахъ этихъ нѣтъ, — нѣтъ стихійнаго простора и мистически-свободнаго размаха на цѣлый міръ. Когда, въ подъемѣ мечты о задачахъ собственнаго народа, человѣкъ начинаетъ проникать въ его внутреннія стремленія и улавливать духъ его жизни и его религіознаго призванія, онъ стоитъ на вѣрной почвѣ, потому что въ основѣ всѣхъ человѣческихъ и народныхъ стремленій, сознательно или безсознательно, лежитъ метафизическій инстинктъ, исканіе высшей правды, мистическое чувство божества. Въ этомъ инстинктѣ, въ этомъ чувствѣ божества, при томъ или другомъ его оттѣнкѣ,—первоисточникъ всѣхъ историческихъ дѣйствованій всякаго народа. Но именно при свѣтѣ этого религіознаго и народнаго самосознанія и должна вы-

ступить съ особенной ясностью связь всѣхъ народовъ между собою, мысль о томъ, что всѣ народы напоены однимъ духомъ, что, при различіи психологическихъ и жизненныхъ даровъ, при разнообразіи историческаго служенія человѣчеству, всѣ народы тяготѣютъ къ одному общему сверхжизненному началу. Такъ понималъ идею христіанства одинъ изъ величайшихъ людей міра, «апостолъ языковъ» Павелъ, человѣкъ великаго генія и великихъ страстей. Переживъ всѣмъ своимъ существомъ діалектику демонской ненависти и восторженной любви къ космополитической идеѣ христіанста, къ безумному героизму его молодыхъ проповѣдниковъ, онъ въ своихъ посланіяхъ излилъ, можно сказать, всю богоносную науку этого вопроса. И съ тѣхъ поръ, передъ лицомъ вольной философіи и вольнаго богословія, «нѣсть ни іудея ни эллина», все человѣчество представляется однимъ тѣломъ, однимъ существомъ, однимъ одухотвореннымъ организмомъ. И съ тѣхъ поръ самое патетическое возвеличеніе одного народа надъ другими кажется почти профанаціей истинныхъ задачъ всякаго народа—итти навстрѣчу вселенскому Богу. «Если великій народъ не вѣруетъ,—говоритъ Шатовъ,—что въ немъ одномъ истина, имешно въ одномъ и именно исключительно, если не вѣруетъ, что онъ одинъ способенъ и призванъ всѣхъ воскресить и спасти своей истиной, то онъ тотчасъ-же обращается въ этнографическій матеріалъ, а не въ великій народъ». То, что маніакально въ отдѣльномъ человѣкѣ, маніакально и въ цѣломъ народѣ. Въ пылу своего патетическаго бреда Шатовъ начинаетъ противорѣчить самому себѣ и, только-что сказавъ, что каждый народъ имѣетъ своего «особливаго» бога, вслѣдъ затѣмъ замѣчаетъ, что истина все-таки одна, а потому только одинъ народъ можетъ обладать истиннымъ богомъ. «Единый народъ богоносецъ—это русскій народъ», и одинъ онъ говоритъ въ настоящее время «совершенно новое слово, послѣднее слово, единственное слово обновленія и воскресенья». Ставрогинъ, который когда-то самъ имѣлъ эти мысли, но который отъ нихъ уже окончательно отошелъ, даетъ Шатову, въ самую горячую минуту его из-

ліяній, великолѣпную реплику: онъ, Шатовъ, «пламенно принялъ» и «пламенно перепначилъ» его идеи. «Ужъ одно то, что вы Бога низводите до простого атрибута народности»,—говоритъ онъ ему. Шатовъ возражаетъ, что, напротивъ, онъ народъ «возноситъ до Бога», что для него народъ только «тѣло божіе». Но надо сказать, что лаконическое замѣчаніе Ставрогина, какъ холодная сталь, прорѣзываетъ толстую кору этого религіознаго шовинизма Шатова, этой фанатической логики, этой философіи взаимно исключающихъ другъ друга народныхъ боговъ. Какая-то свободная правда сверкаетъ въ его словахъ, какой-то потокъ свѣжаго воздуха вливается въ душу читателя, и идея Бога, только-что приниженная шатовскимъ націоналистическимъ сектантствомъ, вдругъ загорается на своей метафизической высотѣ. Продолжая бесѣду съ Шатовымъ и прерывая его монологи отдѣльными мѣткими замѣчаніями, Ставрогинъ вдругъ задаетъ ему самый рѣшительный вопросъ: вѣруетъ-ли онъ, Шатовъ, въ Бога? Человѣкъ, который съ такимъ изступленіемъ говоритъ объ необходимости вѣры и приписываетъ Россіи особенную миссію въ этомъ направленіи, казалось-бы, долженъ былъ-бы быть весь преисполненъ непосредственной вѣры, непосредственнаго ощущенія божества, безсознательнаго религіознаго паѳоса, порождающаго его вдохновенную декламацію. Но Шатовъ отвѣчаетъ Ставрогину слѣдующими словами: «Я вѣрую въ Россію, я вѣрую въ ея православіе, я вѣрую въ тѣло Христово, я вѣрую, что новое пришествіе совершится въ Россіи, я вѣрую...». Ставрогинъ обрываетъ это пространное исповѣданіе вѣры: «А въ Бога? въ Бога?...». Шатовъ отвѣчаетъ, запинаясь: «Я... я буду вѣровать въ Бога». Это поистинѣ критическій моментъ въ богословствованіи самого Достоевскаго. Отвѣтъ Шатова представляетъ собою яркій примѣръ того, что можно имѣть въ мысляхъ разные великіе символы христіанской религіи, что можно жить подъ гипнозомъ извѣстнаго оффиціальнаго вѣроисповѣданія и въ то-же время не быть истинно религіознымъ человѣкомъ. При лицемѣрномъ отношеніи къ вопросамъ высшаго порядка, легко было-бы обмануть

себя и другихъ этою сложной схоластикой національнаго и церковнаго катехизиса и, утвердившись на спасительности левитскаго закона, совершенно затушевать вопросъ о своемъ невѣріи. Но Шатовъ не лицемѣръ, и художникъ до конца романа выдерживаетъ типъ этого фанатическаго проповѣдника народности въ духѣ откровеннаго безсилія въ вопросахъ личной вѣры. «Шатовъ вѣруетъ насильно, какъ московскій славянофилъ», — говоритъ о немъ Степанъ Трофимовичъ Верховенскій. Жена его тоже говоритъ ему, что онъ проповѣдуетъ Бога, въ котораго самъ не вѣритъ. Во время ея родовъ онъ ведетъ себя съ какимъ-то умиленнымъ вдохновеніемъ. Онъ растерянъ, онъ взволнованъ, онъ забѣгаетъ къ Кириллову и, какъ-бы зажигаясь тѣмъ внутреннимъ пожаромъ, которымъ объята эта чудесная душа, бросаетъ слова, въ которыхъ уже звучитъ напѣвъ идеалистической мистики христіанства. Тайна рожденія новаго существа, новаго духа вызываетъ въ немъ глубокое, радостное благоговѣніе, ему мерещится перспектива иной, свѣтлой жизни, внѣ нигилизма, внѣ космополитическихъ утопій, въ Богѣ и во имя Бога, съ женой и ребенкомъ — несмотря на то, что это не его ребенокъ, въ гармоніи съ цѣлымъ міромъ, потому что «всѣ хороши». Шатовъ безконечно трогателенъ во всемъ этомъ эпизодѣ романа, со своимъ «идіотски блаженнымъ видомъ», со своими умиленіями и озареніями въ чувствахъ, со своими миражами религіи. Но онъ все-таки не входитъ въ настоящую религію. Онъ крестится, становится на колѣни, въ душѣ его дрожитъ лучъ метафизическаго свѣта и слагается широкое этическое, можно сказать, богочеловѣческое настроеніе, и тѣмъ не менѣе онъ не цѣленъ въ своихъ настроеніяхъ и мысляхъ, потому что вольнаго Бога и теперь нѣтъ въ его сердцѣ и сознаніи. Онъ узникъ мысли о божествѣ, мысли сектантски рѣзкой и фанатически нетерпимой, и, при всей его честности и готовности на жертву, отъ него, въ концѣ концовъ, льется одно только пламенное отрицаніе и осужденіе. Онъ хочетъ быть истинно русскимъ человѣкомъ, прикоснуться къ мужицкому труду и такимъ путемъ добыть для себя настоящаго

Бога, но, вмѣсто того, онъ ударяется въ сложныя схемы православія и славянофильства, хотя минутами самъ сознаетъ, что разныя приподнятыя націоналистическія тенденціи—«старая, дряхлая дребедень», что міръ спасается только настоящимъ, живымъ, новымъ словомъ. Этого новаго слова мы не находимъ во всѣхъ его изліяніяхъ.

Кажется почти невѣроятнымъ, чтобы можно было сказать какое-нибудь новое слово въ области религіи, въ этой области коренныхъ вопросовъ человѣческой жизни. Сколько уже сказано на эту тему могущественныхъ и великихъ словъ! Чего стоютъ эти сложныя системы германскаго богомышленія и богопознанія, отъ Канта до Ницше, черезъ такіе хребты философскаго творчества, какъ Шеллингъ, Фихте, Гегель, Шопенгауэръ. Въ смыслѣ логики и сознательнаго анализа великаго вопроса о Богѣ тутъ, кажется, уже все сдѣлано, все сказано, все постигнуто. Это высочайшіе полеты ума въ такія сферы, гдѣ все неясно, запутано, почти неуловимо для пониманія, но гдѣ германскому генію удалось развернуть и обосновать многознаменательнѣйшія схемы строго логической мысли. Можно сказать, что въ этомъ отношеніи Германіи принадлежала и принадлежитъ до сихъ поръ свободная гегемонія надъ цѣлымъ міромъ. Изъ германской философіи, съ ея мощнымъ критическимъ методомъ и безстрашнымъ анализомъ догматическихъ святынь, выросла вся современная наука, какъ и вся свободомыслящая критическая мистика нашей эпохи, всѣ теоретическія броженія революціоннаго идеализма послѣдняго вѣка. Вотъ какое слово о Богѣ сказалъ германскій народъ въ своей философіи и въ своей исторіи, начатой геніемъ критическаго богословія, Лютеромъ.

Но и другіе народы развернули изъ своего внутренняго «я» не мало великихъ и свѣтлыхъ истинъ о Богѣ, хотя въ иной, не чисто логической формѣ. Какъ великолѣпна Франція, эта якобы легкомысленная, вѣтреная Франція, въ ея неустанно пылкомъ и патетическомъ богочувствованіи, которая, независимо отъ своего богословскаго догматизма и своего богословскаго атеизма, выражала себя въ

вѣчныхъ идейныхъ эволюціяхъ и исканіяхъ, въ демократическихъ революціяхъ, съ блескомъ и шумомъ на весь міръ. Сколько тутъ было пролито горячей молодой крови—за идеи, за свободу, какой внушительный рядъ безкорыстныхъ человѣческихъ жертвоприношеній, которыя какъ бы влили въ міръ вольный духъ Новаго Завѣта, съ его великодушной идеей Голгоѳы, крестнаго страданія во имя человѣчества. Франція философствовала въ сторону матеріализма, осмѣивала, при аплодисментахъ парижской черни, поэтическіе символы христіанской идеологіи, а между тѣмъ ея исторія полна того живого, нервнаго трепета, который могъ быть созданъ только огневымъ, хотя и безсознательнымъ метафизическимъ богочувствованіемъ. Страна великаго паѳоса, великихъ историческихъ подъемовъ и—наперекоръ скептическому уму—тяготѣній къ вѣчному небу.

А Италія? Какое изумительное страстное богохотѣніе во всѣхъ проявленіяхъ народнаго духа—въ искусствѣ, въ исторіи, въ живомъ національномъ дѣйствованіи, даже во всѣхъ перипетіяхъ церковно-папской политики, съ ея стихійно выдвинутымъ, лично-волевымъ началомъ. Кажется, что тутъ широко разлившійся потокъ властнаго личнаго притязанія почти задавилъ инстинкты безличныхъ, сверхличныхъ правдъ, что въ стремленіи латинской расы подчинить своей волѣ видимый и невидимый міръ, найти горячую мистику въ индивидуальномъ и конкретномъ почти заглохло самое исканіе божества. Но вспомнимъ великановъ итальянской исторіи, вспомнимъ Данте, Савонаролу, Микель-Анджело: всѣ они видѣли правду сквозь туманъ своей жаркой фантазіи, окрашенной всѣми оттѣнками личныхъ страстей и влеченій, сквозь свои волевые миражи,—но и это есть одинъ изъ путей, ведущихъ человѣка къ Богу, быть можетъ, черезъ разочарованія въ самомъ себѣ, въ своихъ волевыхъ силахъ и возможностяхъ, черезъ разочарованія, которыя, въ концѣ концовъ, всегда завершаются новыми, истинно богофильскими очарованіями. Въ богохотѣніи итальянскаго народа, итальянскаго творчества заложено живое зерно религіознаго обновленія.

Вотъ тѣ различныя слова, которыя говорили и говорятъ

о Богѣ великіе европейскіе народы: одни — черезъ стройныя системы логическаго богопознанія, другіе — черезъ практическія дѣла, исходящія изъ пылкаго богочувствованія, третьи—черезъ огнедышащее богохотѣніе. Всѣ народы, каждый по своему, стремятся къ правдѣ, къ Богу, и все то, что они говорятъ въ области религіи, сливается въ какой-то могущественный, волнующій, торжественный колокольный звонъ, который вѣками стелется по цѣлому міру. И кажется, что уже все сказано на эту тему, что къ этому звону нельзя прибавить ни одного новаго звука.

Но вотъ не то разсмѣялся, не то расплакался дорожный русскій колокольчикъ—робкими, простодушными, неотступно болтающими звуками, и вдругъ почувствовалось, что нѣтъ, не все еще сказано звучными европейскими колоколами, что есть какая-то невыраженная, свѣжая правда, сердечная подоплека по вопросу о Богѣ. Этотъ колокольчикъ звенитъ и въ буряхъ русскихъ мятежей и среди вялаго затишья обыденной государственной и народной жизни. Гдѣ ни пробьется лучъ какой-нибудь жизни, тамъ непремѣнно услышишь и тихій, нѣжный звонъ этого колокольчика. И когда посмотришь, какія силы развертываетъ передъ нами ураганъ европейской исторіи, какіе размахи онъ дѣлаетъ въ ломкѣ старыхъ основъ соціальнаго порядка, и оберешься на русскую кибитку, которая едва прокладываетъ себѣ путь среди вьюгъ и мятелей суровой русской зимы, невольно чувствуешь, что и тутъ дѣлается какое-то неотступно нужное, большое дѣло, хотя дѣлается и по особенному, въ особенныхъ, народно-психологическихъ краскахъ, подъ смѣхъ и пѣніе чудеснаго колокольчика. Это пѣніе совѣсти, голосъ духа, движеніе и трепетъ внутренняго богоощущенія, тотъ тихій, благостный экстазъ, котораго нигдѣ въ цѣломъ мірѣ не встрѣтишь въ такомъ чистомъ, духовно-смиренномъ видѣ, какъ именно въ Россіи. Вотъ то истинно новое слово, которое говорится здѣсь о Богѣ,— не черезъ умъ, съ его стройными познаніями и понятіями, не черезъ эмоціональныя волненія души, патетическія, но перемѣнчивыя, и не черезъ волевыя страсти, которыя находятся на полшага отъ преступнаго демонизма,

а черезъ то, что есть въ человѣкѣ самаго интимнаго, самаго сокровеннаго, самаго дѣйственнаго,—черезъ ощущеніе божества, безформенное и мечтательное, черезъ прямое, непосредственное, хотя и неуловимое для мысли общеніе съ божествомъ. И это именно живое общеніе съ божествомъ можетъ создать, въ параллель ослѣпительнымъ вихрямъ европейской исторіи, съ ихъ политической окраской, вихри иного, религіознаго порядка, выдвинуть новыя явленія изъ міра человѣческой мистики, изъ міра вѣчно протестующей совѣсти, поставить передъ глазами тоскующаго человѣчества новое историческое богоявленіе. Вотъ какіе спасительные вихри могутъ закружиться въ исторіи русскаго народа, и, слушая переливы смѣха и плача въ звонѣ русскаго дорожнаго колокольчика, начинаешь невольно думать о значеніи совѣсти, мистики, сердечнаго идеализма, всего того, что можно назвать общимъ именемъ богоощущенія, какъ новаго историческаго фактора, и уже какъ бы предчувствуешь и улавливаешь приближеніе освѣжительной русской бури. Это-то вѣяніе, которое льется въ Европу не изъ оффиціальной Россіи, а изъ души русскаго человѣка, изъ коренной, простой, народной, крестьянской Руси, съ ея неоффиціальнымъ и, въ сущности, вовсе не догматическимъ отношеніемъ къ Богу, съ ея вѣрой въ божьяго человѣка, съ ея надеждой на русскаго Бога, который есть Богъ всѣхъ простыхъ, теплыхъ сердецъ. Подъ всѣми нагроможденіями отсталой общественности и сложной каббалической символики и метафизики, привнесенной въ русскую жизнь изъ другихъ народныхъ культуръ, имѣющихъ слишкомъ мало общаго съ русскимъ характеромъ, истинною жизнью живетъ въ русскомъ человѣкѣ только вольное, тихое богоощущеніе, только вольная, тихая мечта о вселенской правдѣ.

Если бы Шатовъ вышелъ прямо изъ «сердца народнаго», онъ, въ отвѣтъ на ставрогинскій вопросъ о Богѣ, сказалъ бы не то, что онъ сказалъ. Прежде всего онъ сказалъ бы, что онъ вѣритъ въ Бога, ибо что такое вѣра въ Бога, какъ не ощущеніе Бога,—и это въ данномъ случаѣ самое важное, въ смыслѣ логики и метафизики, самое нужно для

жизни. Затѣмъ онъ сказалъ бы, что онъ вѣритъ въ русскаго человѣка, въ сердцѣ котораго живетъ Богъ, и тогда иначе выразилась бы, иначе окрасилась бы та мысль, которая заключается въ словахъ его: «я вѣрую въ Россію, я вѣрую въ ея православіе», потому что какое значеніе имѣетъ православіе въ устахъ Шатова, который не вѣритъ въ Бога? Совсѣмъ иной смыслъ получили бы и его слова: «я вѣрую въ тѣло Христово, я вѣрую, что новое пришествіе совершится въ Россіи». Слова эти не имѣли бы того мертвенно догматическаго характера, какой они имѣютъ въ данномъ случаѣ, и прозвучали бы свѣтлой надеждою на новое историческое богоявленіе въ Россіи, на полное перерожденіе всѣхъ основъ русской жизни въ новую, духовно-соціальную правду.

Шатовъ, измѣнившій своимъ прежнимъ соціалистическимъ убѣжденіямъ и перескочившій «въ противоположную крайность», ставшій теперь апостоломъ православнаго народничества, съ остервененіемъ осуждаетъ, такъ называемый, нигилизмъ, съ его протестами на революціонной почвѣ, и въ этомъ его осужденіи виденъ духъ самого Достоевскаго. Для него въ этомъ протестантскомъ движеніи нѣтъ ничего, кромѣ гнуснаго «лакейства мысли». «Кого я бросилъ? — говоритъ онъ своей женѣ.—Враговъ живой жизни, устарѣлыхъ либералишекъ, боящихся собственной независимости, лакеевъ мысли, враговъ личности и свободы, дряхлыхъ проповѣдниковъ мертвечины и тухлятины! Что у нихъ: старчество, золотая средина, самая мѣщанская подлая бездарность, завистливое равенство, равенство безъ собственнаго достоинства, равенство, какъ сознаетъ его лакей или какъ сознавалъ французъ 83 года... А главное, вездѣ мерзавцы, мерзавцы и мерзавцы!» Ставрогина онъ упрекаетъ въ томъ, что онъ могъ затереть себя въ «такую безстыдную, бездарную, лакейскую нелѣпость». Вотъ какими громами онъ мечетъ въ молодое оппозиціонное движеніе русскаго общества. Но, словно не довольствуясь теоретическими обвиненіями Шатова, Достоевскій какъ бы подводитъ этого человѣка, во всемъ остальномъ проявляющаго высшее благородство, почти къ доносу на

революціонное общество. «Они почему-то совершенно убѣждены, — говоритъ ему Ставрогинъ, — что вы шпіонъ, и если еще не донесли, то донесете». Шатовъ, говоритъ Петръ Верховенскій, считаетъ доносъ «своимъ гражданскимъ подвигомъ», «самымъ высшимъ своимъ убѣжденіемъ». Ставрогинъ подталкиваетъ къ доносу Лебядкина, а Шатовъ, идеалистъ на православной подкладкѣ, человѣкъ высокаго энтузіазма, самъ почти готовъ къ доносу,—такъ отвратительно стало для него, по внушенію автора, это бурное, нѣсколько дикое, стихійное движеніе, которое Достоевскій считаетъ только наносным, совершенно оторваннымъ отъ народной почвы. Послѣ смерти Лизы, послѣ того, какъ зарѣзана была Лебядкина, послѣ пожара съ неистовствомъ толпы, Шатовъ преисполняется послѣдней злобы. Въ душѣ его поднимается цѣлая буря, и наступаетъ моментъ, когда ему уже хочется «встать, пойти и—объявить все». Однако, въ эту именно роковую минуту къ нему возвращается жена, начинаются ея роды, и, внезапно смягчившись, онъ прощаетъ «подлецовъ» и «мерзавцевъ».

Таковъ Шатовъ въ духовно-нравственныхъ своихъ чертахъ и свойствахъ: бывшій нигилистъ, а теперь, подъ гипнозомъ мысли, брошенной въ его душу Ставрогинымъ, такъ сказать, ортодоксальный народникъ, съ гнѣвною ненавистью къ космополитическимъ вѣяніямъ русской исторіи. Его придавила логика Ставрогина, и вся его жизнь превращается въ какіе-то «корчи» подъ свалившимся на него непосильнымъ бременемъ. Такъ думаетъ о немъ самъ Достоевскій, несмотря на то, что онъ влагаетъ въ его уста часть собственныхъ мыслей на тему о православіи и русской народности. Во многихъ монологахъ Шатова слышится голосъ автора «Дневника Писателя»: тутъ его полемика, его огни, его отравленныя стрѣлы. Но есть моментъ, когда Достоевскій какъ бы отбрасываетъ отъ себя своего героя, возносится надъ его логикой, въ геніально мѣткой художественной чертѣ показывая, что этотъ патетическій православникъ не вѣруетъ въ Бога. Сколько обличительнаго свѣта, сколько свѣжей правды въ этой художественной чертѣ! И если спросить себя, за что же соб-

ственно Достоевскій караетъ своего героя пагубнымъ невѣріемъ, какъ онъ самъ себѣ толкуетъ эту нецѣльность шатовскаго міровоззрѣнія, то, изучивъ романъ съ самыхъ различныхъ сторонъ, мы найдемъ слѣдующіе объяснительные мотивы. Во-первыхъ, Шатовъ вышелъ изъ безпочвенной, сентиментальной школы Степана Трофимовича Верховенскаго. Во-вторыхъ, онъ—«тоже баричъ», сынъ крѣпостного лакея, съ дѣтства оторванный отъ простого народа и, такъ сказать, объинтеллигентившійся въ сферѣ западно-европейскихъ понятій. Наконецъ, въ третьихъ, онъ въ теченіе нѣкотораго времени дышалъ міазмами революціоннаго нигилизма. Невѣріе Шатова объясняется въ романѣ одними только внѣшними причинами,—не художественно и, какъ это ни странно сказать по отношенію къ Достоевскому, недостаточно глубокомысленно.

Съ внѣшней стороны Шатовъ описанъ въ романѣ нѣсколько програмными чертами, взятыми изъ наблюденій надъ нигилистическими типами того времени. «Наружностью Шатовъ вполнѣ соотвѣтствовалъ своимъ убѣжденіямъ,—пишетъ Достоевскій. — Онъ былъ неуклюжъ, бѣлокуръ, косматъ, низкаго роста, съ широкими плечами, толстыми губами, съ очень густыми нависшими бѣлобрысыми бровями, съ нахмуреннымъ лбомъ, съ непривѣтливымъ, упорно потупленнымъ и какъ бы чего-то стыдящимся взглядомъ. На волосахъ его вѣчно оставался одинъ такой вихоръ, который ни за что не хотѣлъ пригладиться и стоялъ торчкомъ». Это типъ семинарски глубокомысленнаго человѣка, съ торчащимъ вихромъ, который заставляетъ вспомнить о, такъ называемомъ, «вихрѣ вдохновенія» въ старинной византійской иконографіи, хотя тамъ, въ иконографіи, вихоръ этотъ лежитъ на лбу. Этотъ «спльный, шершавый человѣкъ, постоянно шерстью вверхъ», «цѣломудренный и стыдливый до дикости», мрачный, гордый и застѣнчивый, не лишенъ образованности, знаетъ три иностранныхъ языка, и могъ бы, если бы захотѣлъ, заниматься литературою. Въ отличіе отъ Ставрогина и Кириллова, онъ говоритъ чистымъ русскимъ языкомъ, полнымъ, звучнымъ, съ остроумными и мѣткими словами, въ

которыхъ шевелится иногда сила національнаго юмора. Есть одно безподобное мѣсто въ романѣ—разговоръ Шатова съ вернувшейся женой. Она собирается открыть переплетную «на разумныхъ началахъ ассоціаціи» и спрашиваетъ Шатова, можетъ ли здѣсь имѣть успѣхъ такое предпріятіе. Шатовъ отвѣчаетъ: «Эхъ, Магіе! У насъ и книгъ-то не читаютъ, да и нѣтъ ихъ совсѣмъ. Да и станетъ онъ книгу переплетать!» Жена придирается къ этому неопредѣленному «онъ», подъ которымъ Шатовъ разумѣетъ провинціальнаго русскаго читателя. «Это въ духѣ языка»,— отвѣчаетъ Шатовъ, и затѣмъ въ немногихъ остроумныхъ словахъ развиваетъ мысль о томъ, что Россія, въ отличіе отъ Европы, еще не доросла до того, чтобы по настоящему читать и переплетать книги. Онъ стоитъ здѣсь за настоящую, европейскую культуру, и все-таки выражаетъ свои мысли по-русски. Ставрогинъ не умѣетъ ни писать ни говорить, Кирилловъ говоритъ какимъ-то исковерканнымъ русскимъ языкомъ, а Шатовъ, при всѣхъ шатаніяхъ своей мысли (можетъ-быть, и самая фамилія его есть намекъ на его умственную шаткость), все-таки близокъ къ народной стихіи, не окончательно загубилъ ее въ себѣ.

Наконецъ, прежде, чѣмъ разстаться съ этимъ образомъ, нужно еще вспомнить сцену, когда Шатовъ ударяетъ по лицу Ставрогина. Онъ ударилъ его какъ-то по особенному, «вовсе не такъ, какъ обыкновенно принято давать пощечину, не ладонью, а всѣмъ кулакомъ, а кулакъ у него былъ большой, вѣскій, костлявый, съ рыжимъ пухомъ и съ веснушками». Тутъ скрывается какой-то намекъ на чисто россійскую, сильную, размашистую натуру Шатова: по сравненію съ этимъ ударомъ кулака обычная звонкая пощечина кажется уже чѣмъ-то европейскимъ! Въ слѣдующій моментъ между Шатовымъ и Ставрогинымъ разыгрывается молчаливая внутренняя борьба. «Первый изъ нихъ опустилъ глаза Шатовъ и, видимо, потому, что принужденъ былъ опустить». Онъ уходитъ изъ комнаты какою-то новою походкою—«тихо, какъ-то особенно неуклюже, приподнявъ сзади плечи, понуривъ голову и какъ бы разсуждая о чемъ-то самъ съ собой... Дверь же пріотво-

рилъ на маленькую щелочку, такъ что пролѣзъ въ отверстіе почти бокомъ. Когда пролѣзалъ, то вихоръ его волосъ, стоявшій торчкомъ на затылкѣ, былъ особенно замѣтенъ». Тутъ дано нѣсколько пластическихъ чертъ, рисующихъ чувство неправоты, какую-то психическую надорванность послѣ дикаго разбѣга внутренняго протеста. Шатовъ далъ исходъ таящейся въ немъ страстной непосредственности, негодованію, внезапно вспыхнувшему противъ обожаемаго имъ Ставрогина, который опустился до лжи и измѣны своимъ понятіямъ, и тутъ же ощутилъ свою неправоту. Это-то Достоевскій и выражаетъ пластическими чертами— совершенно такъ же, какъ онъ впослѣдствіи, въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», выразилъ такое же душевное состояніе Ивана Карамазова послѣ его разговора съ Алешею. Пластическая символика съ нѣкоторымъ однообразіемъ переходитъ у Достоевскаго изъ одного великаго произведенія его въ другое.

А. Волынскій.

Эркель.

*) Эркелю хотя предоставлена въ романѣ весьма второстепенная роль, но индивидуальность его отмѣчена авторомъ очень ярко. Это былъ «дурачокъ», но такой, у котораго только главнаго царя не было въ головѣ, а маленькаго подчиненнаго толку было довольно, «даже до хитрости». «Исполнительная часть была потребностью этой мелкой, мало разсудочной, вѣчно жаждущей подчиненія чужой волѣ натуры». Чувствительный и даже добрый, дѣлившійся со старушкой матерью своимъ скуднымъ жалованьемъ, онъ «быть можетъ, былъ самымъ безчувственнымъ изъ убійцъ Шатова, и безъ всякой личной ненависти, не смигнувъ глазомъ, присутствовалъ при его убіеніи». Авторъ замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ, что «если бъ

*) (А). В. Авсѣенко. „Общественная психологія въ романѣ". „Русскій Вѣстникъ" 1873 г., № 8.

онъ встрѣтился съ какимъ-нибудь преждевременно развращеннымъ монстромъ, и тотъ подъ какимъ-нибудь соціально романическимъ предлогомъ подбилъ его основать разбойничью шайку, а для пробы велѣлъ убить и ограбить перваго встрѣчнаго мужика, то онъ непремѣнно бы пошелъ и послушался. «Подобные фанатики «послушанія», безотвѣтно подчиняющіеся всякой чужой волѣ, достаточно нахальной, чтобъ импонировать имъ, въ такой же степени составляютъ пригодный революціонный матеріалъ, какъ и фанатики крови и рѣзни, подобные Шигалеву.

В. Авсѣенко.

Фонъ-Лембке.

*) Развитіе буйнаго помѣшательства, или, говоря правильнѣе, суммы болѣзненныхъ симптомовъ, называемыхъ буйствомъ, не законченное въ повѣсти *Двойникъ*, съ необычайною полнотой и живостью описано въ другомъ произведеніи, явившемся почти на четверть вѣка позже: въ *Бѣсахъ*. Но, какъ и у всякаго крупнаго художника, тутъ нѣтъ повторенія, основная тема та же, но разработана другая варіація этой темы, такъ что въ одно и то же время мы имѣемъ и болѣе всестороннее изученіе и разъясненіе раньше недосказаннаго.

Фонъ-Лембке второстепенная личность въ этомъ романѣ, но характеристика его, какъ въ здоровомъ, такъ и въ больномъ состояніи, останавливаетъ на себѣ вниманіе читателя.

Достоевскій не говоритъ о причинахъ помѣшательства Лембке; послѣднею дѣйствующею причиной были семейныя дрязги, безпокойство за служебное положеніе и усиленное напряженіе умственной дѣятельности. А что это напряженіе достигло высокой степени, ясно уже изъ того, что нелегко, хотя бы и плохо разыгрывать роль губерна-

*) В. Чижъ. „Достоевскій какъ психопатологъ“. „Русскій Вѣстникъ“ 1884 г., №№ 5 и 6, и отдѣльное изд. М. 1885 г.

тора человѣку, проводившему время въ клееніи игрушекъ; задача не легкая перейти отъ столь несложной работы къ управленію людьми.

Прежде всего появился періодъ угнетеннаго настроенія; жена его, женщина вообще интеллигентная, замѣтила въ немъ уныніе еще мѣсяца за два до того, какъ помѣшательство вполнѣ обнаружилось; посторонніе, какъ это обыкновенно и бываетъ, ничего, ненормальнаго не замѣчали.

Если бы нужно было доказывать, что Достоевскій — глубокій наблюдатель въ сферѣ психопатологіи, то указанія на одну эту подробность было бы достаточно. Едва ли можно допустить, чтобы только случайно въ двухъ произведеніяхъ, такъ рѣзко отличающихся другъ отъ друга, авторъ отмѣтилъ одно и то же обстоятельство; неужели и въ исторіи Голядкина и въ исторіи Лембке указаніе на предшествовавшій періодъ мрачнаго настроенія ничего не значащая обмолвка со стороны автора? Между тѣмъ, какъ психіатрамъ нужно было много времени и труда, чтобы подмѣтить это явленіе, Достоевскому оно дѣлается извѣстнымъ, благодаря только его личнымъ наблюденіямъ.

Угнетенное состояніе духа въ этотъ періодъ обыкновенно бываетъ выражено такъ слабо, что только близкіе люди замѣчаютъ перемѣну въ характерѣ больного; и только когда помѣшательство разовьется вполнѣ, они отдаютъ себѣ уже ясный отчетъ въ замѣченномъ ими.

Ничѣмъ не мотивированное измѣненіе настроенія у Лембке сопровождалось сосредоточенностью, равнодушіемъ къ дѣйствительности его окружающей; появилась безсонница. Мало-по-малу стала замѣтна значительная перемѣна въ характерѣ. Сдержанный, спокойный, настойчивый, Лембке дѣлается уступчивымъ относительно вещей серіозныхъ, мелочно требовательнымъ относительно пустяковъ, крайне раздражительнымъ, болтливымъ, откровеннымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ появляется переоцѣнка собственныхъ достоинствъ, хвастливость, неспособность понять болѣе сложныя обстоятельства. Благовоспитанный, скромный и сдержанный, Лембке пускается въ откровенности съ Петромъ Верховенскимъ, говоритъ ему о своемъ фантастическомъ

для простого губернатора могуществѣ, поддается на грубую лесть, и не понимаетъ, что его грубо обманываютъ. Пока, конечно, ничего абсолютно болѣзненаго нѣтъ; помѣшательство, вѣдь, развивается постепенно, и рѣдко можно провести рѣзкую границу, гдѣ кончаются поступки здороваго и начинаются выходки больного. Во всякомъ случаѣ, поведеніе Лембке за этотъ періодъ, принимая во вниманіе его прежній характеръ, по меньшей степени странно. Еще страннѣе, какъ наивная и безцѣльная хвастливость Лембке передъ женой тѣмъ, что онъ справится съ десятью губерніями, вышлетъ гувернантку изъ губерніи «съ казакомъ», такъ и то, что этотъ образецъ благовоспитанности и приличія бросается съ кулаками на обожаемую имъ жену.

На слѣдующій день его слова и поступки кажутся и многимъ болѣе, чѣмъ странными. Появилась усиленная возбудимость чувствъ, благодаря чему всѣ впечатлѣнія, получаемыя сознаніемъ, оттѣняются и сопровождаются сильными душевными волненіями, вмѣстѣ съ чрезмѣрнымъ ускореніемъ процесса представленій. Воспоминаніе о вчерашней ссорѣ съ женой вызываетъ столь сильное душевное волненіе, что онъ бросаетъ важныя дѣла (а онъ былъ человѣкъ аккуратный) и ѣдетъ за ней, не успѣлъ еще доѣхать—новыя представленія, новое настроеніе: хорошее утро, окружающія поля производятъ столь сильное впечатлѣніе на этого обыкновенно деревяннаго чиновника, что онъ сходитъ съ коляски и рветъ цвѣты. Такіе ребяческіе, слабо мотивированные поступки весьма характерны для даннаго періода болѣзни. Вслѣдствіе повышенной возбудимости хорошее утро и поля такъ сильно повліяли на Лембке, что онъ, какъ ребенокъ, отдается этому впечатлѣнію, забывъ о женѣ и о дѣлахъ. Легко себѣ представить, какъ при такомъ состояніи должно было подѣйствовать извѣстіе, сообщенное частнымъ приставомъ Флибустьеровымъ о томъ, что рабочіе шпигулинской фабрики собрались на площади съ цѣлью принести жалобу губернатору. Въ такомъ состояніи, вслѣдствіе высокой возбудимости чувства и быстрой смѣны представленій, при без-

граничномъ въ то же время ихъ сочетаніи, наступаетъ быстрая смѣна самыхъ разнообразныхъ эффектовъ. Вслѣдствіе этого извѣстія развился гнѣвный аффектъ, гнѣвное настроеніе духа производитъ въ свою очередь вторичныя воспроизведенія соотвѣтственныхъ представленій, какъ попытку объяснить себѣ причины столь сильнаго волненія, то-есть является тотъ же процессъ, какъ и при развитіи идей бреда у меланхолика. У Лембке всплываютъ на поверхность сознанія старыя предположенія, прежде почти невѣроятныя для него самого, что на рабочихъ вліяли прокламаціи, Петръ Верховенскій и т. п.; но теперь для него это уже непреложный фактъ. Такія представленія опять, какъ это всякому понятно, сами дѣйствуютъ на гнѣвное настроеніе и поддерживаютъ его. Представленія эти, въ противоположность меланхоліи, гдѣ они имѣютъ стойкій характеръ, здѣсь носятъ характеръ вихря идей. Такъ какъ при чрезмѣрномъ ускореніи и возбужденіи всѣхъ психическихъ актовъ и при недѣятельности всѣхъ задерживающихъ представленій, *я* субъекта оказывается безсильнымъ противостоять этому процессу возбужденія, то душевныя волненія проявляются при помощи химическаго и двигательнаго аппаратовъ. Даже такихъ наблюдателей какъ Флибустьеровъ и кучеръ поразило выраженіе лица Лембке въ то время, когда тотъ срывалъ цвѣты. На площади онъ держалъ себя такъ неприлично по внѣшности, что даже люди, не видящіе ничего предосудительнаго въ публичной экзекуціи, и тѣ не одобрили его горячности.

Чрезмѣрное ускореніе хода представленій естественно ведетъ къ безсвязности ихъ, къ ассоціаціи идей низшаго порядка, то-есть ассоціаціи, обусловленной созвучіемъ или сходствомъ самихъ словъ: такъ Лембке, услышавъ фамилію частнаго пристава Флибустьерова, при его докладѣ о томъ, что рабочіе пришли на площадь, вдругъ называетъ самихъ просителей «флибустьерами» (фаланстеры, фурьеристы, вотъ, вѣроятно, что мелькало въ разгоряченномъ сознаніи), летитъ на площадь, кричитъ безсмысленныя слова «на колѣни», «флибустьеры», и, ни мало не коле-

блясь, не разобравъ и даже не сдѣлавъ попытки разобрать дѣло, распоряжается объ экзекуціи. При бездѣйствіи всѣхъ задерживающихъ моментовъ, представленій о законѣ и могущей угрожать отвѣтственности, чувствъ справедливости и приличія, старой привычки къ порядку, такое распоряженіе вытекаетъ само собой, какъ у грубаго человѣка, когда тотъ лѣзетъ драться, при сопротивленіи ему въ чемъ-нибудь. Лембке не могъ разсуждать и не успѣлъ отдаться новымъ настроеніямъ, а въ его состояніи настроеніе и представленія быстро переходили въ дѣйствія.

То же самое мы видимъ въ его послѣдующей бесѣдѣ со Степаномъ Верховенскимъ. Лембке только отчасти узнаетъ его; до сознанія не сразу доходитъ и впечатлѣніе зрѣнія и слуховыя воспріятія; онъ не слышитъ, что собственно ему говорилъ Верховенскій, а кричитъ фразы, попавшія ему на языкъ подъ напоромъ занимающихъ его представленій о пропагандѣ, о заблуждающемся юношествѣ и т. п. Когда же онъ окончательно узнаетъ Верховенскаго и видитъ Блюма, то картина мѣняется, пріобрѣтаютъ живость представленія о неудачно сдѣланномъ обыскѣ, о скандалѣ отсюда вытекающемъ, и вотъ только-что сѣкшій людей Лембке униженно проситъ прощенія, чуть не плачетъ. Жена его, пользуясь этою перемѣною, на время заставляетъ его подчиниться себѣ, но вновь поднятый разговоръ о лекціяхъ производитъ волненіе въ Лембке, и онъ дѣлаетъ скандалъ въ гостиной жены.

Достоевскій безъ малѣйшей натяжки создалъ поразительную картину человѣка власть имущаго, съ полевыми цвѣтками въ рукахъ распоряжающагося поркой невинныхъ людей на публичной площади, среди негодующей и одобряющей публики. Что еще болѣе оттѣняетъ реальность и выразительность этой картины, это зависимость всей кутерьмы отъ простой случайности: не будь фамилія частнаго пристава Флибустьеровъ, вѣроятно, не было бы и такого трагическаго конца. Не знаю, можно ли лучше, сохраняя полную правдивость, заставить читателя содрогнуться и задуматься. Если вспомнить многое изъ прошлаго и посмотрѣть на жизнь вокругъ, то много найдемъ

такихъ же Лембке, дѣйствующихъ столь же разумно, какъ и онъ. Впрочемъ, пояснять дальше выразительность этой картины излишне; я хотѣлъ только указать, какъ мастерски пользовался Достоевскій своимъ знаніемъ психопатологіи для созданія наиболѣе выразительныхъ картинъ.

Однако такіе больные еще могутъ успокаиваться; постороннимъ они кажутся даже здоровыми, но и въ эти сравнительно свѣтлые промежутки, при внимательномъ наблюденіи, видны болѣзненныя явленія: сильное мозговое возбужденіе перешло въ угнетеніе. Лембке сдѣлался вялъ, безучастенъ, не могъ уже заниматься дѣлами до вечера слѣдующаго дня, когда новыя, сильно подѣйствовавшія впечатлѣнія (крики публики, человѣкъ, танцующій кверху ногами) вызвали прежнее состояніе, но еще въ сильнѣйшей степени; онъ сталъ говорить безсмыслицу, то есть слова, первыми попавшія на языкъ: «пожаръ въ головахъ», «обыскать всѣхъ» и т. п. Какъ и всякій буйный больной, онъ проявляетъ усиленную дѣятельность и подвижность, ѣдетъ на пожаръ, тамъ суетится безо всякаго толку, кричитъ, бѣгаетъ и, наконецъ, бросается помогать старухѣ тащить изъ загорѣвшагося дома перину. Одни и тѣ же законы руководили имъ все время: та же болѣзненная возбудимость чувства, повышенные аффекты, ускоренное теченіе представленій при отсутствіи контролирующихъ моментовъ.

Мнѣ кажется, что этимъ примѣромъ Достоевскій показалъ, какимъ путемъ человѣкъ можетъ дойти до нарушенія всѣхъ законовъ; конечно, у Лембке все это выразилось очень рѣзко, но суть дѣла остается та же. Кто знаетъ, не будутъ ли наши потомки смотрѣть на нашихъ Лембке, какъ мы смотримъ на Нерона, и такое проявленіе душевной болѣзни, какъ у Лембке, будетъ имѣть быстрое и соотвѣтственное послѣдствіе—заключеніе въ больницу. Если бы Лембке приказалъ шпигулинскихъ рабочихъ повѣсить, то, конечно, полицеймейстеръ не усомнился бы, что его начальникъ сошелъ сума, между тѣмъ какъ подобныя приказанія въ извѣстныя эпохи ни въ

комъ не возбуждали сомнѣнія относительно состоянія умственныхъ способностей Лембокъ того времени.

В. Чижъ.

Кармазиновъ.

*) У Достоевскаго въ его «Бѣсахъ» вы живо чувствуете, что на всякомъ шагу наталкиваетесь на личное раздраженіе автора, на его антипатіи къ характерамъ и идеаламъ. Субъективность отношенія автора къ каждой подробности романа поселяетъ въ читателѣ безпокойное и недовѣрчивое чувство; онъ чуетъ, что передъ его глазами не безпристрастная художественная правда, не дѣйствительный міръ, какъ онъ есть, не всестороннее изображеніе жизни ради ея самой, а полемика въ лицахъ, проповѣдь, сатира въ лицахъ, мщеніе, борьба, нападеніе, посредствомъ художественныхъ формъ. Оттого читатель постоянно на-сторожѣ, постоянно не довѣряетъ и оглядывается съ подозрительностью. Это тѣмъ страннѣе, что въ другихъ романахъ Достоевскаго далеко не замѣчается такого господства сатирическаго тона и личнаго раздраженія; вѣроятно, какія-нибудь обстоятельства времени и личной жизни автора, неизвѣстныя намъ, могли бы удовлетворительно объяснить эти крупные недостатки романа, самаго важнаго по содержанію и цѣли изъ всѣхъ романовъ Достоевскаго.

Какъ образчикъ личныхъ намековъ достаточно упомянуть совершенно третьестепенный, вставочный типъ романа, литератора Кармазинова, прилѣпленнаго тутъ ни къ селу ни къ городу, очевидно, только ради его пропятія.

Кармазиновъ, видите ли, «великій писатель», котораго «повѣсти и разсказы извѣстны всему прошлому, даже нашему поколѣнію»; его произведеніями сначала упивались, но въ концѣ концовъ ихъ почти перестали читать.

«Нерѣдко оказывается, что писатель, которому долго

*) Е. Марковъ. Изъ статьи: „Романистъ-психіатръ“. „Критическія Бесѣды“. „Русская Рѣчь“ 1879 г., № 6.

приписывали чрезвычайную глубину идей, и отъ котораго ждали чрезвычайнаго и серьезнаго вліянія на движеніе общества, обнаруживаетъ подъ конецъ такую жидкость и такую крохотность своей основной идейки, что никто даже и не жалѣетъ о томъ, что онъ такъ скоро исписался».

Исписавшись въ повѣстяхъ, онъ печатаетъ въ журналахъ какую-нибудь статью, «написанную съ страшною претензіей на самую наивную поэзію и при этомъ на психологію», напримѣръ, описываетъ гибель парохода; сама гибель его нисколько не интересуетъ, но «такъ и читается между строками: интересуйтесь мною, смотрите, каковъ я былъ въ эти минуты»; «чего вы смотрите на эту утопленницу съ мертвымъ ребенкомъ въ мертвыхъ рукахъ? Смотрите лучше на меня, какъ я не вынесъ этого зрѣлища, и отъ него отвернулся. Вотъ я сталъ спиною; вотъ я въ ужасѣ» и т. д.

Чуть не за годъ извѣстно въ городѣ, что этотъ «великій русскій и европейскій писатель, кладя перо», изъявилъ, наконецъ, свое согласіе прочесть свое прощальное произведеніе «Merçi». Всѣ ждутъ этого момента, какъ колоссальнаго событія. «Великій Кармазиновъ» выходитъ «съ осанкою пятерыхъ камергеровъ», жеманясь и тонируя, объявляетъ публикѣ, что онъ сначала ни за что не соглашался читать.

«Есть, дескать, такія строки, которыя до того выпѣваются изъ сердца, что сказать нельзя, такъ что этакую святыню никакъ нельзя нести въ публику (ну такъ зачѣмъ же понесъ? спрашиваетъ его при этомъ отъ себя авторъ); но такъ какъ его упросили, то онъ и понесъ, и такъ какъ, сверхъ того, онъ кладетъ перо навѣки и поклялся болѣе ни за что не писать, то ужъ, такъ и быть, написалъ эту вещь; и такъ какъ онъ поклялся ничего и никогда не читать въ публикѣ, то ужъ, такъ и быть, прочтетъ эту послѣднюю статью въ публикѣ» и т. д.

Затѣмъ началось чтеніе «самой жеманной и самой безполезной болтовни», которая должна была довести до столбняка не только провинціальную, но даже столичную публику. Все необыкновенно, и никто ничего не понимаетъ, что? о чемъ?

«Сидятъ они гдѣ-то въ Германіи. Вдругъ они видятъ Помпея или Кассія наканунѣ сраженія, и обоихъ пронизываетъ холодъ восторга. Какая-то русалка запищала въ кустахъ. Глюкъ заигралъ въ тростникѣ на скрипкѣ... Между тѣмъ, заклубился туманъ, такъ заклубился, такъ заклубился, что болѣе похожъ былъ на милліонъ подушекъ, чѣмъ на туманъ. И вдругъ все исчезаетъ, и великій геній переправляется зимою въ оттепель черезъ Волгу»...

Онъ тонетъ, но передъ нимъ льдинка, прозрачная «какъ замороженная слеза, и въ этой льдинкѣ отразилось небо Германіи».

И онъ вспомнилъ ту слезу, «которая, помнишь, скатилась изъ глазъ твоихъ, когда мы сидѣли подъ изумруднымъ деревомъ, и ты воскликнулъ радостно: «нѣтъ преступленія!»—«Да, сказалъ я сквозь слезы,—но коли такъ, то, вѣдь, нѣтъ и праведниковъ». Мы зарыдали и разстались навѣки».

И дальше, и дальше; «атеизмъ, дарвинизмъ, московскіе колокола, но онъ уже не вѣритъ въ московскіе колокола. Римъ, лавры... но онъ даже не вѣритъ въ лавры».

И въ заключеніе отказъ отъ всего:

«Довольно ужъ мы повозились другъ съ другомъ, милые соотечественники, merçi! пора намъ въ разныя стороны! merçi, merçi, merçi!»

Все это очень забавно и ѣдко, и заставитъ всякаго смѣяться. Все это даже подхвачено съ большою мѣткостью сатиры.

Не всѣ еще забыли повѣсти и разсказы Тургенева, когда-то читавшіеся съ восторгомъ, и мало-по-малу погасшее вліяніе «великаго русскаго писателя», удалившагося въ Европу; не всякій забылъ и его статьи изъ послѣдняго періода, въ родѣ «Казни Тропмана», гдѣ разсказываются психическія впечатлѣнія автора; въ родѣ «Призраковъ», гдѣ является и голова Цезаря и Волга, и звуки музыки, и Римъ, и лавры; въ родѣ «Довольно», наконецъ, гдѣ авторъ прощается съ своими соотечественниками, обѣщаясь навсегда бросить перо и восклицая въ заключеніе: «довольно, довольно, довольно!»

Самая замѣна этихъ словъ троекратныхъ «merci» очень зла въ смыслѣ сатиры на французоманію писателя, который сталъ и по жизни и по вкусамъ гораздо болѣе иностранцемъ, чѣмъ русскимъ.

Наконецъ, нельзя не признать нѣкоторой талантливости въ весьма удачномъ подражаніи Достоевскаго всѣмъ особенностямъ манеры и стиля извѣстнаго нашего писателя...

Все это такъ. Но все-таки опять поднимается вопросъ: ради чего это издѣванье? во имя какихъ принциповъ? во имя какой необходимости?

Чтобы доказать развѣ, что и шестидесятые года представляютъ ту же праздную безсмыслицу, ту же лживую болтовню, какъ и сороковые года, какъ и эпоха Грановскаго?

Значитъ, писатель, произведеніями котораго «упивался» авторъ въ своей юности, котораго «Записки Охотника» неразрывною внутреннею связью связаны съ 19-мъ февраля, который такъ долго велъ и училъ общество,—и онъ недостоинъ въ глазахъ романиста-сатирика ничего другого, кромѣ наряженія его въ гороховые шуты?

Гдѣ же, наконецъ, кто же, наконецъ, люди Достоевскаго? Гдѣ же, въ какихъ вѣкахъ и странахъ укрылись его идеалы, его принципы, цѣли его дѣятельности?

Присутствуя при этомъ безразличномъ посрамленіи Достоевскимъ всего и вся, стараго и новаго, своего и чужого, мы невольно должны заподозрѣть, что Достоевскій въ своихъ «Бѣсахъ» до такой степени искренно и глубоко погрузился въ хаотическій, психическій міръ этихъ «Бѣсовъ», что самъ, не чувствуя, заразился ихъ повальнымъ отрицаніемъ.

Мы можемъ сказать только, что не на такой безнадежной и безсмысленной почвѣ долженъ былъ стоять писатель, если онъ хотѣлъ убѣдительно и плодотворно обличить своими правдивыми картинами нравственное безобразіе современныхъ «бѣсовъ».

Когда обличителю или моралисту нечего сказать самому, взамѣнъ отрицаемаго имъ, когда онъ не имѣетъ въ готовности своего собственнаго твердаго и святого для него

идеала, который бы онъ могъ съ вѣрою выдвинуть и провозгласить истиннымъ Богомъ, — тогда будутъ напрасны всѣ его усилія къ низверженію ненавистныхъ ему языческихъ кумировъ...

Е. Марковъ.

Варвара Петровна Ставрогина.

*) Представительницею поколѣнія родителей-самодуровъ является въ романѣ Достоевскаго помѣщица и генеральша Варвара Петровна Ставрогина. Особа эта, какъ и «другъ» ея, Степанъ Трофимовичъ, много разъ уже, въ различныхъ костюмахъ, отрекомендовывалась русскимъ читателямъ; г. Достоевскій точно такъ же скомпилировалъ характеръ деспотической помѣщицы, какъ онъ скомпилировалъ и характеръ Верховенскаго. И вторая компиляція, какъ и первая, отличается тѣмъ же отсутствіемъ художественной конкретности, и тѣмъ же, хотя и одностороннимъ, но въ высшей степени тонкимъ и остроумнымъ психологическимъ анализомъ. Я, впрочемъ, не стану здѣсь останавливаться на разборахъ этого характера. Достаточно сказать только, что Варвара Петровна представляетъ собою какъ бы «дополнительный цвѣтъ» по отношенію къ Степану Трофимовичу. Основной фонъ того или другого характера одинаковы: это болѣзненно-развитое себялюбіе, дѣлающее изъ своего «я» высшее и конечное средоточіе всей своей жизни и дѣятельности. У одного только это себялюбіе приняло направленіе пассивной самосозерцательности, совершенно, впрочемъ, безобидной для окружающихъ его лицъ, у другой выродилось въ самодурный деспотизмъ. Само собою понятно, что «дружба» обоихъ этихъ эгоизмовъ не имѣетъ въ себѣ ничего привлекательнаго: оба друга двадцать лѣтъ взаимно одинъ другого мучаютъ, одинъ другому отравляютъ послѣднія спокойныя минуты жалкаго существованія.

*) П. Никитинъ (П. Н. Ткачовъ). „Больные Люди". „Дѣло" 1873 года, №№ 3 и 4.

Въ характерѣ этой дружбы рельефно обрисовывается, между прочимъ, вся пошлость и безсодержательность, вся мелочность и тупая ограниченность людей разсматриваемаго типа. Чрезъ двадцать лѣтъ оказалось, что оба друга жаждали не простой дружбы, а взаимной любви, но во все это время ни у одного изъ нихъ не хватало смѣлости, чтобы взглянуть истинѣ прямо въ глаза и отдать себѣ ясный отчетъ въ своихъ чувствіяхъ. А между тѣмъ оба они были большіе охотники до само-анализированія. Но это такъ всегда бываетъ съ малодушными резонерами: резонеръ любитъ всегда пріискивать къ своимъ чувствамъ сотни самыхъ хитро-сплетенныхъ комментарій и оправданій, но всѣ они обыкновенно одинаково далеки отъ истины. Какъ трусъ, резонеръ инстинктивно избѣгаетъ послѣдней, онъ всегда предпочитаетъ то, что льститъ (хотя и на время) пустому тщеславію. Впрочемъ, у Варвары Петровны тутъ дѣйствовала не столько трусость, сколько болѣзненное самолюбіе. Какъ можно, чтобы она, генеральская вдова, богатая помѣщица, унизилась до любовныхъ объясненій хотя и съ другомъ, но все же «другомъ», сравнительно съ нею, весьма ничтожнымъ, состоящимъ при ней въ качествѣ приживалки». Но глупость ихъ взаимныхъ отношеній не исчерпывается однимъ этимъ двадцатилѣтнимъ недоразумѣніемъ. Они запоминали каждую мелочь, ставили «въ лыко» каждую строку, а потомъ при случаѣ (а часто даже и безъ всякаго случая) подпускали другъ другу всякія шпильки; особенно памятлива была насчетъ всякаго вздора Варвара Петровна. Однажды Степанъ Трофимовичъ, слушая разсказъ одного заѣзжаго гостя барона о слухахъ по поводу предстоящей крестьянской реформы, не вытерпѣлъ и крикнулъ: «ура»; это взволновало Варвару Петровну, и она не спустила даромъ своему другу его неосторожное восклицаніе. Когда баронъ уѣхалъ, она молчала минуты три, а потомъ вдругъ «блѣдная, со сверкающими глазами, обернулась къ ничего не подозрѣвавшему «другу» и шопотомъ процѣдила: «я вамъ этого не забуду». И дѣйствительно, разсказываетъ авторъ, «тринадцать лѣтъ спустя, въ одну трагическую минуту, припомнила и попрекнула

его и такъ же точно поблѣднѣла, какъ и тринадцать лѣтъ назадъ, когда въ первый разъ попрекала...»

Варвара Петровна не умерла, но, по всей вѣроятности, она впала въ такое состояніе, въ которомъ даже и неопытный психіатръ усмотритъ симптомы умственной болѣзни. По крайней мѣрѣ, у нея еще раньше являлись такія дикія и нелѣпыя фантазіи (въ родѣ, напр., сватовства Даши на Степанѣ Трофимовичѣ), что признать ее вполнѣ здоровою никогда нельзя было; подъ гнетущимъ вліяніемъ самодурнаго и ограниченнаго эгоизма, ея характеръ долженъ былъ съ годами точно такъ же вырождаться, какъ вырождался характеръ Степана Трофимовича, подъ вліяніемъ эгоизма трусливаго, малодушнаго, пассивно-созерцательнаго самообожанія. Только вырожденіе въ томъ и другомъ случаѣ принимало различныя формы. У одной оно переходило въ «періодъ предвѣстниковъ» неистовства (такъ называемой маніи), у другого въ меланхолію. Внезапные порывы неистовства или приступы гнетущей тоски, эти психіатрическіе феномены были самымъ обыденнымъ явленіемъ въ жизни нашихъ папенекъ и маменекъ, нашихъ Варваръ Петровнъ и Степановъ Трофимовичей.

П. Ткачовъ.

* * *

*) Варвара Петровна Ставрогина—это типъ властительной, характерной и вмѣстѣ безконечно самолюбивой женщины, для которой и жить, и любить, и служить обществу, прогрессу, значитъ первенствовать. Она вдова, очень богатая, сама, съ твердостью мужчины, ведетъ свои дѣла; она аристократка по убѣжденіямъ и привычкамъ, но когда замѣтила, что новое время требуетъ новыхъ взглядовъ, новыхъ пріемовъ, то безъ колебаній рѣшается стать даже представительницей новаго времени, опять таки подъ условіемъ владычества и первенства.

---

*) Е. Марковъ. Изъ статьи: „Романистъ-психіатръ“. „Критическія Бесѣды“. „Русская Рѣчь“ 1879 г., № 6.

Владычество не удается ей въ этой средѣ, новые взгляды полны непочтительности и безпорядка, и она величественно отступаетъ назадъ, въ болѣе сподручный и менѣе стѣснительный для нея міръ эстетическихъ идеаловъ... Она держитъ при себѣ, правда на очень приличной ногѣ, жреца и оратора этихъ идеаловъ 40-хъ годовъ, отставного профессора Степана Трофимовича Верховенскаго, позируя имъ тамъ, гдѣ это нужно, прикрывая свои довольно реальныя интимныя отношенія къ нему платоническою склонностью къ «матеріямъ важнымъ», которымъ будто бы призванъ посвящать себя этотъ заштатный ученый «позабывшій свою латынь».

Барыня эта жестка и рѣшительна, и своимъ суровымъ характеромъ напоминаетъ болѣе дѣлового мужчину, чѣмъ нѣжную половину рода человѣческаго; французы имѣютъ для такихъ мужчинообразныхъ женщинъ мѣткое названіе «virago».

Но тѣмъ не менѣе она великодушна, не мелочна, щедра, способна переносить серьезные удары.

Хотя В. П. Ставрогина изображена авторомъ такъ же подчасъ не безъ водевильнаго буфонства, не безъ растянутости, не безъ излишняго философствованія, но все-таки ея физіономія выдѣляется изъ романа тверже и выразительнѣе другихъ. Психологическую заслугу автора относительно этого типа составляетъ особенно то обстоятельство, что Ставрогина-мать это, въ сущности, живой Ставрогинъ-сынъ, какъ ни различны, повидимому, ихъ убѣжденія, вкусы, дѣла и положеніе.

Художникъ долженъ обладать необыкновеннымъ психологическимъ чутьемъ, чтобы, безъ всякой натяжки и подтасовки, заставить увидѣть однѣ и тѣ же глубокія родовыя черты въ портретахъ двухъ людей такихъ противоположныхъ внѣшнихъ условій.

Е. Марковъ.

* * *

Романы Ставрогина.

*) «Я пробовалъ большой развратъ и истощилъ въ немъ силы: но я не люблю и не хотѣлъ разврата». Такъ пишетъ Ставрогинъ въ своемъ предсмертномъ письмѣ къ Дашѣ. Слова эти имѣютъ большое значеніе для пониманія всей чувственной жизни Ставрогина въ двухъ ея фазахъ, представленныхъ въ романѣ. Въ первой фазѣ онъ пробовалъ большой развратъ, «дикую разнузданность», которая, однако, не давала ему настоящаго удовлетворенія, потому что въ этомъ человѣкѣ, при напряженіи его чувственно-эмоціональныхъ силъ, постоянно шевелилась большая умственная стихія, которая отравляла его непосредственность въ этой сферѣ. Онъ идейно не одобрялъ разврата, такъ сказать, не сочувствовалъ ему въ самомъ себѣ, глядѣлъ на жизнь своей необузданной воли съ высоты своихъ отвлеченныхъ понятій. Эта первая фаза въ жизни Ставрогина описана въ перспективѣ прошедшаго и при томъ въ неясныхъ намекахъ, но все-таки легко понять, что хочетъ сказать художникъ. Ставрогинъ жилъ въ это время грубыми страстями, доходилъ въ нихъ даже до какого-то «звѣрства», даже до преступленій. «Я вамъ должна признаться,—говоритъ ему Лиза,—у меня тогда, еще съ самой Швейцаріи, укрѣпилась мысль, что у васъ что-то есть на душѣ ужасное, грязное и кровавое, и... и въ то-же время, что ставитъ васъ въ ужасно смѣшномъ видѣ». Вотъ намекъ, относящійся именно къ прошлому Ставрогина, — намекъ, совершенно не развернутый, такъ что читателю приходится дорисовывать воображеніемъ то, что не дано и не описано въ романѣ. Однако въ словахъ Лизы находится ключъ къ разгадкѣ темной, «загадочной» жизни Ставрогина въ Петербургѣ. Онъ жилъ не только обыкновенными, но и необыкновенными, противоестественными страстями, которыя иногда дѣлаютъ человѣка не

*) А. Л. Волынскій. Глава „Романы Ставрогина“ изъ его книги: „Ѳ. М. Достоевскій“. Спб. 1906 г.

Настоящая статья помѣщена тутъ съ цѣлью дать характеристику Лебядкиной, Даши и Лизы, насколько онѣ обрисованы въ своихъ отношеніяхъ къ Ставрогину. *Примѣч. В. Зелинскаго.*

только отвратительнымъ, но и слегка комичнымъ. Достоевскій однимъ словомъ намѣчаетъ ту критику, которая невольно поднимается въ каждой душѣ по отношенію къ этимъ безсильнымъ и истощающимъ формамъ разврата, когда нарушаются нормальные законы удовлетворенія въ области страсти, и человѣкъ вступаетъ на путь извращеній. Такое именно впечатлѣніе производятъ, напримѣръ, знаменитыя порнографическія фрески Помпеи, большая часть которыхъ собрана въ особенномъ кабинетѣ Неаполитанскаго Національнаго Музея. Смотришь на эти фрески, въ которыхъ многое горитъ яркостью темперамента и художественнаго таланта, многое даже блещетъ геніальностью реалистической фантазіи, и тутъ-же невольно чувствуешь приступъ какого-то смѣха. Въ этомъ смѣхѣ проявляется что-то очень сложное, психологически и духовно запутанное и, можно сказать, не только истерическое, но и злобно отрицающее, издѣвающееся надъ уродствомъ человѣческаго вымысла въ области страстей, великихъ и сильныхъ только въ своей нормальности. Смѣхъ рождается тутъ изъ противоположенія души, въ которую брошенъ какой-то дурманъ, какой-то хмель, и строгаго, свѣтлаго духа, который въ этомъ отношеніи не хочетъ и не можетъ быть въ разногласіи съ законами природы. Такое именно духовное осужденіе слышится въ словахъ Лизы, которая въ роковую ночь узнала Ставрогина именно со стороны его безсильнаго фантазированія въ области страсти. «Берегитесь мнѣ открывать, — говоритъ ему она о тайнахъ его прошедшей жизни:—я васъ засмѣю. Я буду хохотать надъ вами всю вашу жизнь». Такое-же осужденіе прошлому Ставрогина, но осужденіе еще болѣе суровое, слышится и въ словахъ Шатова. «А правда-ли, что вы,—правда-ли, что вы принадлежали въ Петербургѣ къ скотскому, сладострастному, секретному обществу? Правда-ли, что маркизъ де-Садъ могъ-бы у васъ поучиться? Правда-ли, что вы заманивали и развращали дѣтей?.. Говорите все, и если правда, то я васъ тотчасъ-же, сейчасъ-же убью, тутъ-же на мѣстѣ!». Ставрогинъ отвѣчаетъ на изступленные крики Шатова относительно дѣтей: «дѣтей

не я обижалъ»,—говоритъ онъ. Всѣ-же остальныя обвиненія Шатова, можетъ-быть, отчасти преувеличенныя въ дошедшихъ до Шатова слухахъ и сплетняхъ, очевидно, заключаютъ въ себѣ, по художественному замыслу Достоевскаго, нѣкоторую реальную правду. Это подтверждается дальнѣйшими намеками въ томъ-же діалогѣ съ Шатовымъ. Шатовъ накидывается на Ставрогина еще рѣзче: онъ упрекаетъ его за то, что онъ, Ставрогинъ, не видитъ никакого различія въ красотѣ «между какою-нибудь сладострастною, звѣрскою штукою и какимъ угодно подвигомъ». «Правда-ли,—кричитъ онъ,—что вы въ обоихъ полюсахъ нашли совпаденіе красоты, одинаковость наслажденія?». Этими разоблаченіями Шатова и нѣкоторыми отдѣльными намеками, разбросанными въ романѣ, исчерпывается все, что мы знаемъ о первомъ періодѣ жизни Ставрогина. Очевидно, жизнь страстей, дикихъ, разнообразныхъ, естественныхъ и противоестественныхъ—стояла у него тогда на первомъ планѣ, хотя уже и въ этомъ періодѣ онъ не былъ цѣленъ, потому что какая-то мысль издалека бросала свѣтъ осужденія и презрѣнія на шумныя волны его безсердечнаго разврата. Душа его, оторванная отъ жизни его ума, все больше и больше пьянѣла, входила въ хмельные угары, отравлялась и истощалась, а умъ, лишенный поддержки доброй стихіи человѣческаго сердца, не оказывалъ на нее никакого воздѣйствія. И Жизнь Ставрогина продолжала итти этимъ путемъ, запутываясь въ новыхъ безсмысленныхъ поступкахъ. Однимъ изъ такихъ безсмысленныхъ поступковъ и была его фиктивная женитьба на Лебядкиной «послѣ пьянаго обѣда изъ-за парина вино».

Наконецъ, наступаетъ моментъ, когда душа, истощившая всѣ свои чувственные вымыслы, надорвавшая свои силы въ пьяныхъ исканіяхъ необычныхъ формъ наслажденія, вдругъ впадаетъ въ какой-то столбнякъ, становится безплодной и безжизненной. Она подрывала устои человѣческаго организма, переплескивалась черезъ установленныя природою границы, и въ этихъ своихъ неестественныхъ напряженіяхъ, для которыхъ требовались и чисто физическія силы, медленно подтачивала самое тѣло, его

двигательные нервы. Послѣ періода дикаго разгула наступаетъ болѣзненная реакція. Именно въ этомъ моментѣ мы и встрѣчаемъ Ставрогина въ началѣ романа. Весь его тѣлесно-душевный образъ превратился въ маску, во что-то мертвенное, неспособное чувственно и эмоціонально функціонировать. Къ разврату онъ больше не вернется. Его летучая связь съ Шатовой, отъ которой у него родится ребенокъ, имѣетъ вполнѣ нормальный характеръ: это, можетъ-быть, послѣдній аккордъ его жизненности, за которымъ уже начинается мучительный процессъ распаденія всего его чувственнаго механизма. Всѣ его дальнѣйшіе романы, обрисованные Достоевскимъ въ туманныхъ намекахъ, имѣютъ характеръ полнаго органическаго безсилія. Онъ по прежнему притягиваетъ къ себѣ женщинъ своей красотою и физическою силою, по прежнему ведетъ съ ними сложную и темную интригу, оплетаетъ ихъ своими чарами. Но каждый его романъ бросаетъ только новую холодную тѣнь въ его душу, безсильно напрягаетъ и терзаетъ его мужской инстинктъ, заставляетъ его все больше чувствовать свою оторванность отъ живой природы, свое полное душевное и тѣлесное банкротство. Онъ былъ оторванъ отъ божества, теперь онъ оторванъ и отъ природы. При своей молодости, въ какіе-нибудь тридцать лѣтъ, онъ настоящій старикъ. Въ немъ живетъ только умъ, и этотъ умъ похожъ на фонарь, горящій въ холодной, темной пустотѣ. Ему самому жутко и скверно среди живыхъ людей, потому что въ немъ бродятъ только фантомы отвлеченныхъ понятій.

Пересмотримъ всѣ отношенія Ставрогина къ женщинамъ: къ Лебядкиной, къ Дашѣ, къ Лизѣ. Объ его отношеніяхъ къ Шатовой говорить не приходится, потому что отношенія эти совсѣмъ не обрисованы въ романѣ. Начнемъ съ Лебядкиной, его фиктивной жены. Несмотря на болѣзненность и хромоту, даже несмотря на истеричность, доходящую до юродства, Лебядкина имѣетъ въ себѣ много привлекательнаго. У нея тихіе, ласковые, сѣрые глаза съ тихимъ радостнымъ взглядомъ и тоже тихая и радостная улыбка. Мы видимъ ее въ романѣ всего въ двухъ сце-

нахъ: въ день пріѣзда Ставрогина изъ за-границы, у его матери, и затѣмъ, черезъ нѣсколько дней, когда Ставрогинъ приходитъ ночью къ ней на квартиру. Она относится къ Ставрогину, по старой памяти, съ восторженнымъ благоговѣніемъ. Увидѣвъ его послѣ долгой разлуки, она «поднялась къ нему навстрѣчу и сложила, какъ-бы умоляя его, предъ собою руки», а вмѣстѣ съ тѣмъ во взглядѣ ея выразился «какой-то безумный восторгъ, который трудно людьми выносится». Ставрогинъ говоритъ ей мелодическимъ, ласковымъ голосомъ нѣсколько дружескихъ словъ и сейчасъ-же увозитъ ее въ каретѣ домой. Какъ выясняется изъ дальнѣйшаго, Ставрогинъ тутъ-же объявляетъ ей, что онъ намѣренъ огласить ихъ бракъ. Повидимому, у него созрѣла мысль связать себя этимъ бракомъ, сковать свою свободу по отношенію къ женщинамъ, которыя занимали слишкомъ большое мѣсто въ его жизни. Онъ понимаетъ, что извѣстная полоса его жизни—полоса чувственныхъ страстей—кончена, и потому хочетъ искусственно оградить себя отъ привычныхъ соблазновъ. Второе свиданіе съ Лебядкиной, какъ мы уже знаемъ, разстраиваетъ его планъ и кончается для него почти катастрофою: она задѣваетъ его за больной нервъ, указавъ на совершившуюся въ немъ перемѣну, на упадокъ его мужскихъ силъ, и Ставрогинъ въ послѣдній разъ пробуетъ себя въ исторіи съ Лизою.

Таковъ весь этотъ несложный романъ Ставрогина съ Лебядкиной. Онъ женился на ней спьяна, ради глупаго пари, но, женившись въ такое время, когда въ немъ еще кипѣла его необузданная воля, онъ полусознательно входитъ въ какія-то внутреннія терзанія и самоугрызенія, которыя завершаются рѣшимостью воспользоваться этимъ бракомъ, какъ оковами, какъ бременемъ для себя. Все это только угадывается при чтеніи романа—угадывается сквозь отрывочные, запутанные, отчасти противорѣчивые намеки, которыми Достоевскій очерчиваетъ странную фигуру своего героя. Можно допустить, что, дѣлая бракъ его съ Лебядкиной фиктивнымъ, Достоевскій хотѣлъ подчеркнуть, что у Ставрогина, въ отличіе, напримѣръ, отъ Ѳе-

дора Павловича Карамазова, нѣтъ сладострастно-кощунственнаго вкуса къ болѣзненнымъ, истерическимъ женщинамъ, къ разнымъ «мовешкамъ» и «вьефилькамъ», въ которыхъ шевелятся тихія религіозныя святыни. Онъ не любилъ подходить къ такимъ женщинамъ, которыя, по контрасту со своею святостью, способны вспыхивать патетическими страстями. Можно даже сказать, что деспотическая натура Ставрогина не находила удовольствія въ томъ, чтобы быть объектомъ чужой страсти: всякая направленная на него, фиксированная на немъ страсть отпугивала, отталкивала его отъ себя. Все это, повторяю, приходится говорить гадательно, на основаніи разбросанныхъ по роману почти неуловимыхъ черточекъ, возбуждающихъ мысль о томъ, что Достоевскій намѣчаетъ въ Ставрогинѣ что-то не карамазовское и что-то не совсѣмъ русское.

Да, есть громадная разница между ставрогинскимъ развратомъ и карамазовскимъ развратомъ—между развратомъ бездушнымъ и безсердечнымъ, въ которомъ нѣтъ даже настоящаго упоенья, и развратомъ, исходящимъ именно изъ души. Ставрогинъ говоритъ о себѣ, что онъ не любилъ и не хотѣлъ разврата, а Дмитрій Карамазовъ, самый сильный и яркій представитель карамазовщины, говоритъ о себѣ Алешѣ: „Любилъ развратъ, любилъ и срамъ разврата, любилъ жестокость: развѣ я не клопъ, не злое насѣкомое? Сказано — Карамазовъ“. Вотъ гдѣ начинается разница между холоднымъ ставрогинскимъ звѣрствомъ и горѣніемъ карамазовской крови. Что такое эта любовь къ разврату, которая есть у Карамазовыхъ и которой нѣтъ у Ставрогина? Это жажда жизни въ сильныхъ и острыхъ ощущеніяхъ, которыя какъ-бы развинчиваютъ замкнутое и ограниченное тѣлесно-душевное естество человѣка, просверливаютъ какія-то преграды, какія-то стѣны внутри его и открываютъ просвѣты въ какія-то бездны. А тамъ, гдѣ бездна, тамъ и какой-нибудь неожиданный ходъ къ небу, звѣздному, чистому, спасительному. Этотъ карамазовскій развратъ, пьяный, вдохновенный и даже умиленный, совершается при изступленныхъ крикахъ души и

томленіяхъ духа. Это вихрь, это движеніе, которое куда-то несется, кружа и обольстителя и обольщеннаго. Это древняя вакханалія въ новыхъ тонахъ, съ новымъ напѣвомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ собою этотъ, такъ называемый, карамазовскій развратъ, какъ не пиршество чувствъ, какъ не паѳосъ человѣческой личности, въ ея коренномъ, волевомъ источникѣ, въ такомъ безумномъ стремленіи продлить и распространить себя, что она должна уже неизбѣжно превзойти самое себя, слиться — не только физически, но и психически,—съ кѣмъ-нибудь другимъ, иначе говоря — надломить свой эгоизъ и вознестись надъ нимъ. Кажется, что тутъ дѣло въ одномъ только себялюбивомъ наслажденіи, что ничего здѣсь нѣтъ другого, кромѣ низменнаго матеріальнаго возбужденія. А между тѣмъ, въ настоящемъ, типичномъ для человѣчества и типичномъ для Россіи, карамазовскомъ развратѣ переливаются мотивы высшаго, мистическаго порядка. Тѣло трепещетъ, не жалѣя себя, разрушаясь, надламываясь, можно сказать, «преломляясь», душа и сердце проливаютъ тутъ свою кровь. Въ этомъ трепетаніи тѣла и сердца, и сладкомъ, и мучительномъ, унижающемъ и возносящемъ, радостномъ и страдальческомъ, проявляется великая мистерія природы. Это она, природа, здѣсь колдуетъ, и на ея алтарь человѣкъ приноситъ свои жертвы въ этихъ таинственныхъ вечеряхъ любви. То, что кажется торжествомъ личнаго начала, въ узкомъ смыслѣ этого слова, оказывается нѣкоторой упоительной евхаристіей, жертвоприношеніемъ тѣла и крови, изъ котораго рождаются— либо непосредственно, либо косвенно — серафизическіе экстазы и ликованія человѣческаго духа. Вотъ что такое, по своей природѣ, въ своемъ существѣ, карамазовскій развратъ, импульсы котораго лежатъ въ душѣ, который непосредственеиъ, цѣленъ и даже въ самомъ низменномъ, сладострастно жестокомъ бушеваніи совершается въ какомъ-то сопричастіи съ божествомъ. На вихревой линіи человѣческихъ страстей встрѣчаются и разрѣшаются величайшіе интересы человѣческой личности и человѣческой исторіи. Тутъ природа, какъ воплощеніе Бога, тутъ

мистика въ проявленіяхъ чувства, тутъ Слово, ставшее плотью, тутъ очищающая и всеискупляющая кровь, тутъ паденіе въ бездну, но тутъ и свободный полетъ къ небу. Это горе жизни, но это и счастье жизни.

Теперь, спрашивается, что такое ставрогинскій развратъ, въ отличіе отъ карамазовскаго разврата, который мы только что проанализировали въ его, такъ сказать, научно-чистомъ, идейномъ видѣ? Это развратъ, импульсы котораго лежатъ не въ душѣ, а въ тѣлѣ, развратъ физическій, матеріальный, при жуткомъ молчаніи души и сердца. У Ставрогина не кипитъ душа, а умъ его, не напоенный ощущеніями души и сердца, такъ сказать, отрывается отъ дѣйственной жизни тѣла, и потому-то Ставрогинъ молчитъ и совершаетъ свой развратъ по звѣрски, съ «звѣринымъ сладострастіемъ», не только безъ словъ, но и безъ внутренней музыки. Онъ старается разнообразить свою плотскую жизнь, потому что, въ сущности, ни одинъ изъ видовъ страсти не даетъ ему даже минутнаго подъема и самозабвенія, и онъ переходитъ отъ одной ея формы къ другой, оставаясь при этомъ какимъ-то мертвецомъ. Никакого пиршества, никакого ликованія чувствъ, никакого вознесенія надъ своимъ грубымъ, матеріальнымъ эгоизмомъ, надъ своимъ личнымъ «я». Въ собственномъ его воспоминаніи все его прошлое представляется ему длинной, пустынной дорогой, усѣянной только обезображенными жертвами его страстей. Развратъ Ставрогина— это кощунство у самаго источника жизни, кощунство надъ мистеріей природы, кощунство отвратительное и во всѣхъ отношеніяхъ безплодное. Ни тайны, ни благодати, ни демонскихъ безднъ, ни проблесковъ чистаго неба. Все плоско, грубо и гадко ему самому.

Посмотримъ теперь, какой характеръ имѣетъ романъ Ставрогина съ Дашей. Объ этомъ романѣ приходится судить по самымъ смутнымъ и блѣднымъ намекамъ. У него были какія-то «интимности» съ нею въ Швейцаріи, и это отразилось даже на его только что возникшихъ отношеніяхъ съ Лизою. Но какой характеръ имѣли эти интимности, остается, до конца романа, не вполнѣ яснымъ. Все

здѣсь окутано глубокою тайною, которую приходится разгадывать только при помощи гипотезъ. Даша—тихая, кроткая, способная «къ большому самопожертвованію» дѣвушка. «разумная» и въ то же время таящая въ себѣ какія-то глубокія страсти. Она многое молча понимаетъ и готова въ своей любви къ людямъ на сознательное мученичество. Это великая страдалица за чужое горе, за чужія мученія и паденія. Варвара Петровна, мать Ставрогина, называетъ ее «ангеломъ кротости». Лиза тоже называетъ ее «ангеломъ», но только «скрытнымъ», а желая уязвить ее, называетъ ее, въ послѣднемъ разговорѣ съ Ставрогинымъ, «бѣдною собачкою». «Даша — ангелъ»,— восклицаетъ Лебядкина. А самъ Ставрогинъ, въ предсмертномъ письмѣ къ ней, признаетъ ее «созданіемъ нѣжнымъ и великодушнымъ». Въ этомъ всеобщемъ преклоненіи предъ нравственнымъ обликомъ Даши чувствуется намѣреніе художника дать въ ея лицѣ воплощеніе безграничнаго женскаго благородства и въ то же время освѣтить нравственное и физическое безсиліе Ставрогина. Исходя изъ благородства Даши, можно уловить и характеръ ея романа съ Ставрогинымъ. Обычныхъ страстей и обычныхъ взаимоотношеній на почвѣ страстей здѣсь, очевидно, не было. Онъ не любилъ ея, какъ не любилъ другихъ женщинъ, какъ, вообще, никого не любилъ, но по отношенію къ ней у него не было даже никакихъ минутныхъ вспышекъ грубой «звѣриной» страсти и тѣхъ безсердечныхъ, но все-таки яркихъ личныхъ психологій, какія у него разыгрываются, напримѣръ, по отношенію къ Лизѣ. Но Даша и любитъ и жалѣетъ его. Она ходитъ къ нему по ночамъ, слушаетъ его изліянія, пытается осторожнымъ словомъ направить эту дикую силу на путь какого-нибудь плодотворнаго дѣла. «Я вамъ разсказалъ многое изъ моей жизни,—пишетъ ей Ставрогинъ,— но не все. Даже вамъ не все!» Ясно, что молчаливый, по отношенію ко всѣмъ замкнутый Ставрогинъ все-таки умѣлъ раскрываться передъ этимъ прелестнымъ, кроткимъ и насквозь человѣколюбивымъ существомъ. «Мнѣ вы милы,— пишетъ онъ ей дальше, въ томъ же предсмертномъ письмѣ,—и мнѣ, въ тоскѣ, было хорошо подлѣ васъ: при васъ

при одной я могъ вслухъ говорить о себѣ». Однако и изъ этихъ исключительныхъ для него отношеній Ставрогинъ не можетъ извлечь для себя ничего спасающаго, ничего оздоровляющаго. Онъ самъ говоритъ ей, чтобы она бросила мечту своей «прекрасной души»—поставить передъ нимъ въ жизни какую-нибудь цѣль, потому что, испробовавъ свои силы въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, все испытавъ и извѣдавъ, онъ окончательно убѣдился въ томъ, что у него нѣтъ высшей способности на чемъ-нибудь утвердиться. Даша всегда была для него только «сидѣлкой». Онъ еще за границей предназначилъ ее себѣ именно въ сидѣлки, и съ какимъ-то злымъ цинизмомъ называетъ ее этимъ именемъ въ минуту надрыва и раздраженія. Даша сама добровольно идетъ на эту роль. «Если не къ вамъ,—говоритъ она ему,—то я пойду въ сестры милосердія, въ сидѣлки, ходить за больными, или въ книгоноши, Евангеліе продавать. Я такъ и рѣшила. Я не могу быть ничьей женой». Отвѣтъ Ставрогина на эти слова бросаетъ цѣлый снопъ свѣта въ эту темную область ставрогинскихъ недомоганій. Онъ сводитъ все ея отношеніе къ нему именно къ какому-то ухаживанію за больнымъ,—ухаживанію, которое въ самомъ своемъ состраданіи, въ самой своей жалости, имѣетъ что-то сладострастное, а въ немъ самомъ то шевелитъ его ставрогинскій эгоизмъ, то шевелитъ злое ставрогинское самолюбіе. Онъ не можетъ обойтись безъ нея, но минутами ему скверно чувствовать себя больнымъ въ ея глазахъ, и съ чисто ставрогинской брезгливою гримасою онъ готовъ оттолкнуться отъ той благодатной доброты, которую она упорно льетъ на него.

Это былъ въ нѣкоторомъ отношеніи самый томительный для него романъ въ его жизни, потому что Даша подошла къ нему всѣми своими силами—и нравственными и чувственными, а ему, Ставрогину, нечѣмъ было отвѣтить на двуединую страсть этой цѣльной дѣвушки. Своими ночными бесѣдами и интимнымъ общеніемъ съ ней онъ надорвалъ и себя и ее. Она возвращается изъ за границы съ «усталымъ видомъ», «еще тише прежняго», «еще апатичнѣе». И голосъ ея сталъ какимъ-то однотоннымъ. Она

не сопротивляется Варварѣ Петровнѣ, которая вдругъ задумала устранить ее съ жизненнаго пути своего сына, выдавъ ее замужъ за стараго Степана Трофимовича Верховенскаго. Въ разговорѣ съ Варварой Петровной она «съ какой-то угрюмой твердостью» отвѣчаетъ на всѣ ея сомнѣнія и подступы къ вопросу о ея невинности. Она готова выйти замужъ за Верховенскаго, потому что она сознаетъ себя чистою, потому что въ этотъ немилый ей бракъ она не внесетъ никакого обмана. Ея новая встрѣча съ Ставрогинымъ, послѣдовавшая за разговоромъ съ Варварой Петровной, описана у Достоевскаго нѣсколькими опять таки черезчуръ неполными и загадочными словами. Когда онъ направился къ ней своей «неспѣшной походкою», она затрепетала и «быстро привскочила въ видимомъ смущеніи и съ румянцемъ во все лицо». Это рефлексъ благородной натуры, которая въ своей готовности выйти замужъ за Верховенскаго чувствуетъ какъ бы измѣну Ставрогину, хотя онъ ея и не любилъ. Ставрогинъ, со свойственнымъ ему безсердечіемъ, и тутъ готовъ уязвить ее. «Васъ, кажется, можно поздравить, или еще нѣтъ? — проговорилъ онъ съ какой-то особенной складкой въ лицѣ». Эта особенная складка — та же брезгливая гримаса, которая постоянно является на его блѣдномъ лицѣ, раздражая и оскорбляя окружающихъ. Но, очевидно, въ данномъ случаѣ тутъ есть и нѣчто другое. Онъ не ревнуетъ ея тою горячею ревностью, въ которой злоба перемѣшивается съ человѣчнымъ страданіемъ, но онъ безсознательно, вяло и флегматично хотѣлъ бы все-таки безраздѣльно владѣть ею, какъ своей рабою, какъ своей сидѣлкою. Эта же потребность сохранить для себя Дашу въ качествѣ сидѣлки сквозитъ въ его разговорѣ съ нею послѣ дуэли съ Гагановымъ. Онъ намекаетъ ей, что Лебядкина можетъ быть убита, и съ дьявольскимъ цинизмомъ играетъ при этомъ на ея тонкихъ, чистыхъ нервахъ, давая ей понять, что какъ бы ни обернулась его судьба, она можетъ быть для него только сидѣлкою, что онъ на ней никогда не женился бы. И дѣйствительно, въ своемъ послѣднемъ письмѣ, которое онъ пишетъ, еще не сознавая, что онъ кончитъ самоубійствомъ,

и собираясь уѣхать въ Швейцарію, онъ зоветъ Дашу съ собою,—именно въ качествѣ сидѣлки, и тутъ же, со всѣмъ размахомъ ставрогинскаго демонизма, говоритъ ей безпросвѣтно злыя слова: «я васъ не жалѣю, коли зову, и не уважаю, коли жду».

Вотъ каковъ этотъ романъ Ставрогина. Съ его стороны тутъ ничего не было, не было даже прежняго ставрогинскаго разврата, не было ни страстей, ни человѣчнаго чувства, ничего, кромѣ сплошного эгоизма. И какъ онъ жалокъ въ этой исторіи, какъ онъ слабъ, безпомощенъ, физически и нравственно ничтоженъ рядомъ съ дѣвушкою, которая могла бы освѣтить всю его постылую, холодную жизнь. Теперь, послѣ прежнихъ кощунственныхъ разгуловъ, ему нечѣмъ войти ни въ божескую ни въ демонскую стихію. Все въ немъ разбито, развинчено, ничто не живетъ органическою жизнью, потому что своимъ холоднымъ, грубо себялюбивымъ развратомъ онъ только надорвалъ, истощилъ, обезплодилъ свое тѣло, потому что, какъ уже сказано, его развратъ не былъ тѣмъ «преломленіемъ» его естества, изъ котораго могли бы вылиться новыя настроенія, могла бы вырваться новая жизнь, могло бы начаться новое кипѣніе духа. Карамазовскіе разгулы, несмотря на все, что въ нихъ есть угарнаго и смраднаго, все-таки несутъ въ себѣ сѣмена новыхъ, просвѣтляющихъ правдъ, ибо въ этихъ разгулахъ человѣческое естество, именно черезъ трагическое преломленіе, черезъ страстное, тѣлесно-душевное общеніе съ міромъ, лежащимъ внѣ его, такъ сказать, развертываетъ и вскрываетъ таящіяся въ немъ начала новой жизни. Воздушные же ставрогинскіе разгулы только выматываютъ изъ человѣка его физическія и нервныя силы.

Романъ съ Лизою имѣетъ для Ставрогина самый убійственный характеръ. Вотъ дѣвушка, которая должна была сразу расшевелить его волчьи чувственные аппетиты. Не будь онъ, во время встрѣчи съ нею, совершенно конченымъ человѣкомъ, въ немъ могла бы проснуться по отношенію къ ней настоящая страсть, окрашенная индивидуальной психологіей, и все его демонское существо разгулялось бы въ своихъ инстинктахъ, въ живомъ упоеніи жи-

выми чувствами, потому-что Лиза была способна на самую смѣлую страсть, на самое патетическое изступленіе. Какой удивительный образъ создалъ въ ея лицѣ Достоевскій, представивъ ее, по своему обыкновенію, не чисто художественными, а художественно-символическими средствами, и взявъ для ея созданія нѣкоторыя черты, напоминающія обольстительнаго чертенка изъ «Братьевъ Карамазовыхъ» — Лизу Хохлакову. Это Лиза Хохлакова, выросшая и расцвѣтшая, сложившаяся въ законченный характеръ,—бурная, страстная, полная истерики отъ болѣзненнаго напряженія неразрядившагося темперамента, гордая и «фантастическая», какъ и другія любимыя героини Достоевскаго, какъ Настасья Филипповна, какъ Грушенька. Портретъ ея данъ на одной страницѣ романа и данъ въ изумительно яркихъ словахъ, въ которыхъ сверкаютъ обычныя двойственныя концепціи Достоевскаго въ изображеніи женскихъ фигуръ. «Высокая, тоненькая, но гибкая и сильная, она поражала неправильностью линій своего лица. Глаза ея были поставлены какъ-то по-калмыцки, криво; была блѣдна, скулиста, смугла и худа лицомъ. Но было нѣчто въ этомъ лицѣ побѣждающее и привлекающее. Какое-то могущество сказывалось въ горящемъ взглядѣ ея темныхъ глазъ». Вотъ внѣшній обликъ Лизы, обликъ, если такъ можно выразиться, дисгармонической красавицы, которая стоитъ для современнаго человѣка, съ его внутренними разладами, томленіями и эстетически-нравственными ожиданіями, всѣхъ гармоническихъ красавицъ міра, потому что изъ дисгармоническихъ линій современной красоты могутъ родиться и уже какъ бы рождаются, уже выступаютъ линіи новой человѣческой гармоніи, воплощающія новыя соотношенія тѣла и души. Слово одѣвается въ новую плоть, т. е. въ новую душу и въ новое тѣло, и вотъ почему на грани новыхъ историческихъ переваловъ передовые, характерные для своего времени люди начинаютъ предпочитать образы незаконченной, внѣшне несовершенной красоты, въ которой дрожащія тѣни прошлаго перемѣшиваются съ неясно мерцающимъ свѣтомъ будущаго. Въ такихъ именно чертахъ дана Лиза, эта предтеча декадентскихъ фигуръ въ

современномъ европейскомъ и русскомъ романѣ, и вотъ почему Ставрогинъ, въ которомъ Достоевскій намѣтилъ схему декадентски чувственнаго человѣка, долженъ былъ особенно насторожиться при встрѣчѣ съ нею. Онъ сразу «подружился» съ нею, но черезъ самое короткое время между нимъ и этой «строптивой» и насмѣшливой дѣвушкой уже промелькнулъ разладъ. Ничто, какъ будто, не стоитъ между ними, а сама Лиза уже горитъ неудержимой страстью къ нему, уже ревнуетъ его къ Дашѣ, потомъ къ Лебядкиной. Но онъ все-таки не идетъ на этотъ огонь, не беретъ ея страстей и, словно чего-то опасаясь, въ чемъ-то себѣ не довѣряя, раньше намѣченнаго срока бѣжитъ изъ Швейцаріи въ Петербургъ. Ставрогинъ знаетъ свои недуги и мучительно терзается ими. Какъ разъ въ ту минуту его жизни, изъ которой могла бы родиться такая ослѣпительная поэзія, такое цѣльное бушеваніе тѣла и души, всей его человѣческой плоти, онъ начинаетъ чувствовать себя банкротомъ. Вотъ истинный ужасъ его положенія. А Лиза все болѣе и болѣе разгорается любовью. У нея есть женихъ, преданнѣйшій ей человѣкъ, молодой офицеръ Маврикій Николаевичъ, къ которому она чувствуетъ огромную сердечную привязанность, но ничто не можетъ остановить ея стихійнаго стремленія къ Ставрогину. «Она будетъ стоять у самаго налоя подъ вѣнцомъ,—говоритъ ему самъ Маврикій Николаевичъ,—а вы ее кликнете, она броситъ меня и всѣхъ, и пойдетъ къ вамъ». И это несмотря на то, что нѣкоторыми сторонами своего существа, быть-можетъ, даже болѣе глубокими, она ненавидитъ Ставрогина. Въ душѣ Лизы происходитъ настоящее раздвоеніе, намѣченное Достоевскимъ почти въ такихъ же словахъ, какъ раздвоеніе Настасьи Филипповны въ «Идіотѣ»—по той же художественно-символической схемѣ сердечныхъ и волевыхъ контрастовъ, которая повторяется во всѣхъ главныхъ его произведеніяхъ. «Изъ подъ безпрерывной къ вамъ ненависти, искренней и самой полной,—продолжаетъ Маврикій Николаевичъ въ разговорѣ съ Ставрогинымъ,—каждое мгновеніе сверкаетъ любовь и безуміе, самая искренняя и безмѣрная любовь и—безуміе!» Она ищетъ своего уровня», она хотѣла

бы выяснить для себя дѣйствительный ростъ своей натуры, своей личности, одинаково и въ сферѣ своей духовной значительности и въ сферѣ страстей. Она еще не знаетъ самое себя, а молодое, пылкое воображеніе ея, склонное и къ сентиментальности и къ фейерически-оперным эффектамъ, ищетъ въ Ставрогинѣ воплощенія своей мечты. Злой демонъ романа, Петръ Верховенскій, поджигаетъ это ея воображеніе собственными фантастическими вымыслами. Ставрогинъ—это какой-то новый Стенька Разинъ, который поплыветъ въ вольной ладьѣ по широкой рѣкѣ русской жизни. «Мы, знаете, сядемъ въ ладью, веселки кленовыя, паруса шелковые, на кормѣ сидитъ красна-дѣвица, свѣтъ Лизавета Николаевна»,—вотъ какой образъ рисуется Петру Верховенскому, образъ изъ историческаго прошлаго, подхваченный молодымъ поколѣніемъ въ эпоху революціонныхъ бурь. Эта оперная ладья, про которую наговорилъ Лизѣ Верховенскій, сыграла немалую роль въ ускореніи темпа ея романа. Она идетъ къ осуществленію своихъ страстей, полная истерическаго трепета, и въ это же время, какъ мы уже знаемъ, пришпоренный Лебядкиной, Ставрогинъ вспыхиваетъ болѣзненнымъ желаніемъ испробовать по отношенію къ ней свои силы. И вотъ послѣ литературнаго утра, въ пышномъ платьѣ, ослѣпительно-прелестная, Лиза помчалась, въ приготовленной Верховенскимъ каретѣ, въ имѣніе Ставрогина.

Проходитъ ночь, не описанная Достоевскимъ, полная загадокъ для читателя. Къ утру, часу въ шестомъ, Ставрогинъ и Лиза выходятъ въ залу, и между ними происходитъ послѣдній разговоръ, пересыпанный таинственными намеками, анализъ которыхъ даетъ возможность понять, что собственно произошло между ними въ эту ночь. Была ли тутъ со стороны Ставрогина страсть, въ ея обычныхъ, нормальныхъ проявленіяхъ, съ ея обычнымъ наѳосомъ, та страсть, которой онъ началъ искать, тоже, быть-можетъ, желая окончательно выяснить для себя свой жизненный «уровень», или же тутъ было съ его стороны, при банкротствѣ нормальныхъ силъ, одно только оскорбительное для Лизы фантазированіе опытнаго, но слабосильнаго эро-

тическаго бѣса? Анализъ происшедшаго между ними разговора, отдѣльныхъ пластическихъ и психическихъ деталей всей этой сцены показываетъ, какъ мнѣ думается, что обычнаго, нормальнаго теченія чувствъ здѣсь не было, что тутъ и для Лизы и для самого Ставрогина обнаружилось полное его безсиліе и что, вмѣсто живыхъ страстей, онъ пытался дать себѣ и Лизѣ блѣдные декадентскіе суррогаты настоящаго живого сладострастія. Тутъ было что-то типично ставрогинское — бездушное и безсердечное, какъ и во времена его молодыхъ разгуловъ, но въ то же время и подло безсильное. Она пришла къ человѣку,—и нашла маску, она пришла за горячими человѣческими наслажденіями и восторгами,—и нашла только осквернепіе своего естества, какое-то цинпчное кощунство надъ мистеріей любви. Изъ этого ужаснаго паденія—не въ бездну, а въ болото холоднаго тѣлеснаго разврата—Лиза могла выйти только въ всеочищающую, всеискупающую смерть. Таковъ былъ ужасъ этой ночи и таково значеніе ея для главныхъ героевъ романа.

Лиза вышла въ большую залу въ Скворешникахъ и стала у окна, изъ котораго былъ виденъ пожаръ въ городѣ. «Платье было на ней вчерашнее, праздничное, свѣтлозеленое, пышное, все въ кружевахъ, но уже измятое, надѣтое наскоро и небрежно. Замѣтивъ вдругъ неплотно застегнутую грудь, она покраснѣла, торопливо оправила платье, схватила съ кресель еще вчера брошенный ею при входѣ красный платокъ и накинула на шею. Пышные волосы въ разбившихся локонахъ выбились изъ подъ платка на правое плечо. Лицо ея было усталое, озабоченное, но глаза горѣли изъ подъ нахмуренныхъ бровей». Что-то есть въ этомъ описаніи недоговоренное, лишь намекающее на то, что было и что дѣлается теперь въ душѣ Лизы. Съ одной стороны ясно, что въ своей готовности отдаться Ставрогину Лиза дошла до конца: на это указываетъ помятое, не совсѣмъ застегнутое платье и разбившіеся локоны. Съ другой стороны, здѣсь брошена одна деталь, показывающая, что Лиза пережила какую-то неудачу, что она вышла въ эту залу, сразу оторвавъ отъ себя и все прошедшее и

только-что пережитое. На это указываетъ «озабоченное» выраженіе ея лица и краска стыда, которая мгновенно заливаетъ его, когда она замѣчаетъ, что у нея еще не застегнуто платье. Какъ понять эту краску стыда въ такую минуту,—послѣ проведенной съ Ставрогинымъ ночи? Если бы все прошло нормально, такъ, какъ она ожидала, она, при всемъ утомленіи, была бы приподнята, въ ней бились бы живые нервы, какъ у человѣка, который послѣ долгаго страстнаго напряженія только-что вошелъ въ новую жизнь. Во всей ея экспрессіи разлилась бы волна временнаго душевнаго и органическаго удовлетворенія, и у нея не было бы того стыдливаго содроганья, съ которымъ она оправляетъ свое платье передъ приходомъ Ставрогина. Это стыдливое содроганье Лизы, при ея смѣломъ чувственномъ характерѣ и «желѣзной рѣшимости» взять отъ жизни все, что можетъ успокоить ея кровь, становится понятнымъ только при одномъ предположеніи: что эта ночь была для нея позорною, не въ какомъ-нибудь условномъ, а истинно человѣческомъ смыслѣ. Она не вошла черезъ эту ночь въ ту новую жизнь, которой ждала и къ которой готовилась, и потому все, что можетъ напомнить ей о волненіяхъ и мукахъ этой ночи, даетъ ей только стыдъ. Изъ того придавленнаго, примятаго состоянія, въ которомъ она теперь находится и о которомъ говоритъ «озабоченное» выраженіе ея лица, чувства ея реагируютъ на пережитое только стыдомъ и злобою по отношенію къ Ставрогину. И дѣйствительно, когда Ставрогинъ появляется въ залѣ, тоже какой-то странный, присмирѣвшій и виноватый, Лиза выказываетъ по отношенію къ нему безпощадную жестокость. Умный Ставрогинъ говоритъ какія-то нелѣпости и невинныя житейскія пошлости, и тутъ же самъ смущается и досадуетъ на себя! А Лиза рѣжетъ его каждой своей новой репликой. Ставрогинъ дѣлаетъ допущеніе, что она «мститъ» ему за «фантазію» прошедшей ночи — загадочное словцо, которое намекаетъ на то, что Ставрогинъ не далъ ей въ эту ночь никакой настоящей жизни, а старался завлечь ее и, можетъ-быть, завлекъ въ какія-то обидныя для нея, унизительныя фантазіи. Она,

дѣйствительно, мститъ ему словами, въ которыхъ вырывается все ея отчаяніе. По своей неопытности, она не можетъ понять безсильнаго поведенія Ставрогина, минутами ей кажется, что онъ просто не любилъ ея или же «разлюбилъ» ее въ эту ночь изъ-за переживаемыхъ имъ душевныхъ кошмаровъ въ связи съ убійствомъ Лебядкиныхъ. «А знаете, — говоритъ она ему, — я все-таки думала, что вы ужасно какъ меня любите»,—а черезъ минуту, вспыхнувъ новою злобою, она вскрикиваетъ: «вы всякаго безногаго и безрукаго стоите». Въ самомъ дѣлѣ, Ставрогинъ просто калѣка, не психически только, какъ человѣкъ, неспособный къ живымъ чувствамъ, но и физически, хотя въ разговорѣ съ Петромъ Верховенскимъ онъ и старается объяснить свое безсиліе безчувственностью по отношенію къ Лизѣ. «Догадалась какъ-нибудь, въ эту ночь,—говоритъ онъ, — что я вовсе ея не люблю... о чемъ, конечно, всегда знала». О его безчувственности Лиза, дѣйствительно, не могла не догадаться, но его прежнее поведеніе съ нею и особенно это взбудораженное съ его стороны исканіе послѣдняго времени, несомнѣнно, должны были возбудить въ ней мысль о его любви. Какъ живой человѣкъ, она не могла себѣ представить, что въ немъ бродили только какія-то самолюбиво умственныя вожделѣнія на ея счетъ—бездушныя и безрезультатныя. Она не знала и не могла себѣ представить, что этотъ молодой красавецъ и сплачъ—безнадежный калѣка! Но другіе подозрѣвали это, и онъ самъ это подозрѣвалъ. «Дрянной, блудливый, изломанный барченокъ, — кричитъ ему Петръ Верховенскій». «Какая вы ладья,—говоритъ онъ ему въ другомъ мѣстѣ,—старая вы, дырявая, дрянная барка на сломъ». И самъ о себѣ, еще до этой ночи, онъ говоритъ Дашѣ: «О, какой мой демонъ! Это просто маленькій, гаденькій, золотушный бѣсенокъ съ насморкомъ, изъ неудавшихся»...

Вотъ что скрывается за обольстительной маской Ставрогина: безсиліе и грязь его мелкаго эротическаго бѣса.

Таковы романы Ставрогина, окончившіеся для него полною личною катастрофою. Если посмотрѣть на эти страницы «Бѣсовъ» съ точки зрѣнія искусства, художества,

то нельзя не видѣть, что съ этой стороны онѣ имѣютъ какой-то совершенно особенный характеръ: это не настоящее художественное письмо, передающее идеи въ живописныхъ и пластическихъ формахъ, естественныхъ, ненапряженныхъ, какъ бы вовсе не выдуманныхъ самимъ художникомъ, какъ бы отображающихъ самую жизнь, а какой-то научно-философскій шифръ, который приходится разгадывать, переводить на языкъ обычныхъ представленій и понятій при помощи логическаго анализа. Вотъ каковъ характеръ художественнаго письма Достоевскаго. Все въ немъ держится на геніальномъ произволѣ этого тайнозрителя человѣческихъ душъ, который какъ бы расплавлялъ все видимое, все матеріальное въ цѣлый міръ идей, непосредственно управляющихъ міромъ плоти. Можно даже сказать, что Достоевскій слишкомъ сближаетъ эти идеи съ процессами жизни, упрощая эти процессы, выбрасывая цѣлый рядъ звеньевъ, отдѣляющихъ тайныя глубины души и духа отъ ихъ видимаго, земного воплощенія. Отъ толстой коры повседневнаго существованія, съ его пошлостью, банальностью, мелкимъ зломъ и добромъ, мелкими интересами и радостями, до психологическихъ и идейныхъ основъ человѣческой жизни столько ступеней, столько разныхъ органическихъ напластованій, что представить жизнь, какъ схему однихъ только великихъ контрастовъ между плотью и духомъ, значитъ дать ее въ философскомъ обобщеніи, а не въ правдивой художественной картинѣ. Это философствованіе о жизни—глубокое, страшно глубокое, но не художественное изображеніе ея, и въ этомъ именно заключается недостатокъ всѣхъ произведеній Достоевскаго, при ихъ великихъ философскихъ и психологическихъ достоинствахъ. Это рядъ геніальныхъ откровеній, не вылившихся въ простую, чувственно ощущаемую, какъ живая плоть, пушкинско-толстовскую форму.

А. Волынскій.

Елизавета Николаевна Дроздова.

*) У Елизаветы Николаевны Дроздовой истерическій характеръ выразился не такъ рѣзко, какъ у Лизы Хохлаковой («Братья Карамазовы»). Елизавета Николаевна можетъ даже считаться здоровою дѣвушкой и пользоваться свободой; такихъ дѣвушекъ въ образованномъ классѣ весьма много; однако при неблагопріятныхъ условіяхъ эти зачатки болѣзни могутъ развиться вполнѣ. Кромѣ того, нужно сказать, что относительно Елизаветы Николаевны Достоевскій нѣсколько идеализуетъ: онъ описалъ только хорошія стороны ея характера; гораздо чаще, однако, съ тою порывистостью и измѣнчивостью, которыя составляютъ сущность характера Елизаветы Николаевны, проявляются эгоистическія, низменныя стремленія; истерическія проявляютъ себя чаще капризами, чѣмъ благородными поступками. Поэтому образъ Елизаветы Николаевны представляется неяснымъ, неестественнымъ, неизмѣримо слабѣе очерченнымъ, чѣмъ образъ Лизы (само собой разумѣется, что я говорю только съ медицинской точки зрѣнія) **).

В. Чижъ.

---

*) В. Чижъ. „Достоевскій какъ психопатологъ“. „Русскій Вѣстникъ“ 1884 года, №№ 5 и 6 и отдѣльное изданіе М. 1885 года.

**) Кромѣ помѣщенныхъ здѣсь критическихъ разборовъ о романѣ „Бѣсы“, интересующіеся могутъ прочитать о немъ отзывы еще въ слѣдующихъ періодическихъ изданіяхъ: „Дѣло“ 1871 г., № 11, стр. 54—75 (статья, подъ заглавіемъ: „Невинныя замѣтки“); „Голосъ“ 1873 г., № 18; „Искра“ 1873 г., № 6, „Новое Время“ 1873 г., № 16 (рец. А. С.); „Русскій міръ“ 1872 г. № 315 и 1873 г., № 5 („Очерки текущ. литер.“); „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1871 г., №№ 65 и 250, 1872 г., №№ 15 и 345, 1873 г., №№ 6 и 13; „Сынъ Отечества“ 1873 г., № 40; „Биржевыя Вѣдомости“ 1872 г., № 83 и „Одесскій Вѣстникъ“ 1872 г., № 83.

Примѣч. В. Зелинскаго.

Матеріалы къ роману «Бѣсы».

(Изъ „Записныхъ книжекъ“ Ѳ. М. Достоевскаго) *).

**) Совершенно обратный типъ чѣмъ отпрыскъ того графскаго дома, котораго изобразилъ графъ Толстой въ «Дѣтствѣ» и «Отрочествѣ». Это просто типъ изъ коренника, безсознательно безпокоимый собственною типическою силою, совершенно непосредственно и не знающею, на чемъ основаться. Такіе типы изъ коренника бываютъ часто или Стеньки Разины, или Даниды Филипповичи, или доходятъ до всей хлыстовщины и скопчества. Это необычайная, для нихъ самихъ тяжелая непосредственная сила, требующая и ищущая на чемъ устояться и что взять въ руководство, требующая до страданія спокою отъ бурь и не могущая пока не буревать до времени, до успокоенія. Онъ устанавляется наконецъ на Христѣ, но вся жизнь—буря и безпорядокъ. (Масса народа живетъ непосредственно, тихо и складно, коренникомъ, но чуть покажется въ ней движеніе, т. е. простое жизненное отправленіе — всегда выставляетъ эти типы). Необъятная сила непосредственная, ищущая спокою, волнующаяся до страданія и съ радостію бросающаяся во время исканій и странствій—въ чудовищныя уклоненія и эксперименты до тѣхъ поръ, пока не установится на такой сильной идеѣ, которая вполнѣ пропорціональна ихъ непосредственной животной силѣ – идеѣ, которая до того сильна, что можетъ, наконецъ, организовать эту силу и успокоить ее до елейной тишины.

* * *

*) Помѣщаемые здѣсь „Матеріалы къ роману „Бѣсы“ были выбраны изъ „Записныхъ книжекъ“ Ѳ. М. Достоевскаго Н. Н. Страховымъ, редактировавшимъ изданіе Полнаго Собранія Сочиненій 1883 г., для напечатанія въ первомъ томѣ. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ, какъ говоритъ издательница сочиненій Достоевскаго, „Матеріалы“ были отложены для помѣщенія въ одномъ изъ послѣдующихъ изданій. Они, наконецъ, появились въ шестомъ изданіи полнаго собранія сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго, въ VIII-мъ томѣ, откуда и перепечатаны въ настоящую книгу.

**) На поляхъ книги помѣчено: „Ставрогинъ (князь). (1 января 1870 г.)“.

*) Вообще характеръ болѣе серьезный до любопытства. Пріѣхалъ съ мыслями и вопросами, тѣмъ болѣе его поражающими, что въ новинку. Иные считаютъ его нигилистомъ (напримѣръ, мать), да и слыветъ онъ вообще за нигилиста. Только Гр. видитъ, что это не нигилистъ (но кто же?). Думаетъ, что самонадѣянный дурачокъ, какихъ много изъ нихъ. Князь все смѣется, это коробитъ Гр. Гр. думаетъ, наконецъ, что князь въ рукахъ у В. Изрѣдка Гр. поражаютъ и серьезныя вспышки князя и нѣжныя. Многосерьезный разговоръ. Глубокая черта, что князь очень много и пристально слушаетъ. Мать все-таки постоянно его боится. В. взялъ было его въ руки (т. е. ему показалось, что взялъ), но вскорѣ даже и безпечному В. стало ясно, что это не то. Онъ, впрочемъ, все-таки (по совѣтамъ и предостереженіямъ У—го) хочетъ втянуть князя въ убійство. Но В. только легкомысленъ и безпеченъ, но когда надо—очень уменъ: онъ вдругъ замѣчаетъ, что князя въ убійство онъ не втянетъ, что это вовсе не то, что князь только выслушиваетъ, молчитъ и сторожитъ, мало того—даже самъ со стороны Ш.—и рѣшаетъ разомъ убійство другимъ путемъ и, стало-быть, избѣгаетъ князя. Подозрѣнія все-таки падаютъ нѣсколько на князя; но тутъ князь вдругъ берется за дѣло и разоблачаетъ себя.

Онъ разомъ становится господиномъ дѣла, и побѣждаетъ У—го, тотъ признается. Идетъ прямо къ воспитанницѣ, показываетъ всю глубокую любовь свою, но предписываетъ условія—та съ энтузіазмомъ соглашается. Новые люди, обновленная жизнь! Разбивать кумиры и сожигать корабли. Если надо, готовъ отказаться и отъ наслѣдства; но мать уже трепещетъ и смиряется. Пугаетъ губернатора и великаго писателя. Великодушно сострадаетъ красавицѣ, которую грубо и круто отвергъ за легкомысленную выходку. (Сначала съ ней смѣялся; она его принимала за нигилиста и вздумала было поиграть съ нимъ; онъ грубо ее бросилъ и былъ неправъ: потому что тутъ былъ не развратъ, какъ ему показалось, а легкомысленное

*) На поляхъ книги помѣчено: „Ставрогинъ (Князь)“.

и спокойно-совѣстное убѣжденіе). Вообще онъ убѣждается, что быть честнымъ и особенно *новымъ* человѣкомъ не такъ легко, что тутъ мало одного энтузіазма, что и объявляетъ воспитанницѣ, когда предписываетъ ей подъ конецъ условія. «Я *новымъ* человѣкомъ не буду, я слишкомъ не оригиналенъ, говоритъ онъ; но я нашелъ, наконецъ, нѣсколько драгоцѣнныхъ идей и держусь ихъ. Но прежде всякаго возрожденія и воскресенія — самообладаніе; и потому «ты мнѣ нужна, ты меня спасешь своею тихостію».— «Я, говоритъ онъ, — прежде судилъ нигилизмъ и былъ врагомъ его ожесточеннымъ, а теперь вижу, что и всѣхъ виноватѣе и всѣхъ хуже, мы, баре, оторванные отъ почвы, и потому мы, мы прежде всѣхъ переродиться должны; мы — главная гниль, на насъ главное проклятіе и изъ насъ все произошло».

Ш. онъ могъ слушать, но видѣлъ въ немъ много ненависти, а потому и смотрѣлъ все время на него нѣсколько свысока. Но Голубова онъ слушаетъ почтительно. Вѣра и православіе.

* * *

*) Князь былъ развратнѣйшій человѣкъ и высокомѣрный аристократъ. Онъ зарекомендовалъ уже себя какъ отчаянный врагъ освобожденія крестьянъ и притѣснитель ихъ. Это человѣкъ *идеи*. Идея обхватываетъ его и владѣетъ имъ, но имѣя то свойство, что владычествуетъ въ немъ не столько въ головѣ его, сколько *воплощаясь* въ него, переходя въ натуру, всегда съ страданіемъ и безпокойствомъ и, уже разъ поселившись въ натурѣ, требуя и немедленнаго приложенія къ дѣлу.

Теперь, во-первыхъ, по возвращеніи въ городъ; онъ давно въ немъ не былъ. Въ это время успѣлъ измѣниться въ убѣжденіяхъ. Измѣниться въ убѣжденіяхъ значитъ для него тотчасъ же измѣниться и во всей жизни, такъ что онъ пріѣхалъ уже съ затаенною мыслію хоть отказаться отъ наслѣдства и разорвать совсѣмъ.

*) На поляхъ книги помѣчено: „Ставрогинъ (Князь). (7 марта)“.

Онъ сталъ вдругъ ужаснымъ скептикомъ, недовѣрчивымъ и предполагающимъ все дурное, — явленіе понятное въ человѣкѣ твердомъ, для котораго рѣшиться — значитъ сжечь корабли и исполнить. Этотъ человѣкъ еще можетъ усумниться передъ рѣшеніемъ, если не совсѣмъ еще убѣжденъ; но если онъ усумнится, то по страстности натуры своей дѣлается скептикомъ до цинизма.

Онъ любитъ воспитанницу (но не очень, а только сохраняя объ ней изъ-за границы пріятныя воспоминанія)— и отказывается отъ нея. Съ красавицей разрываетъ. Ищетъ укрѣпиться въ убѣжденіяхъ у Ш. и у Голубова. Ищетъ и у В. Слушаетъ даже Гр. Въ результатѣ выходитъ, что онъ укрѣпляется въ идеяхъ Голубова, а остальное все отвергаетъ.

Идеи Голубова суть смиреніе и самообладаніе и что Богъ и царство небесное внутри насъ, въ самообладаніи, и свобода тутъ же. Онъ не ожидалъ встрѣтить Голубова. Встрѣтивъ его, поражается, ужасается и поддается ему беззавѣтно.

NB. (У Ш. беретъ многое, но въ цѣломъ отвергаетъ его).

* * *

*) Князь пріѣхалъ, уже все разрѣшивъ, всѣ сомнѣнія. Онъ—*новый* человѣкъ. Онъ разрываетъ съ двумя дѣвушками, намѣренъ окончательно разорвать съ матерью. Въ бѣшеной, засѣвшей внутрь энергіи, мало высказывается, смотритъ насмѣшливо и скептически, какъ человѣкъ имѣющій у себя окончательную разгадку и идею. Онъ всѣхъ выслушиваетъ до времени, и мало возражаетъ. Смѣется про себя свысока надъ Гр., болѣзненно поражается Ш. и совершенно ясно видитъ его книжность и безысходность, съ удивленіемъ и любопытствомъ приглядывается къ В. и прислушивается—желая угадать, наконецъ: на чемъ эти люди такъ твердо могутъ стоять? (NB. Съ В. были прежнія связи). Голубовъ одинъ потрясаетъ его, но онъ съ энтузіазмомъ (но кратко, двумя словами) признается ему,

*) На поляхъ книги помѣчено: „Послѣдній образъ князя. (11 марта)“.

что это совершенно и его мысль, имъ отысканное убѣжденіе. Онъ пріѣхалъ исправить въ городѣ свои ошибки, обиды и проч. Мирится съ обиженными, сноситъ пощечину, вступается за кощунство, отыскиваетъ убійцъ и, наконецъ, торжественно объявляетъ воспитанницѣ, что любитъ ее. объявляетъ условія. Они состоятъ въ томъ, что отнынѣ онъ Русскій человѣкъ и что надо вѣрить даже въ то, что сказано имъ у Голубова, (что Россія и русская мысль спасетъ человѣчество). Онъ молится иконамъ и проч. Онъ все время въ городѣ—отличается самой дикой энергіей новаго убѣжденія и дивитъ свою мать. Воспитанницѣ онъ говоритъ, что онъ ее наблюдалъ, что убѣдился, что ее любитъ и съ ней воскреснетъ, если она тѣхъ же убѣжденій. И потомъ вдругъ застрѣливается.

* * *

*) Главная мысль, которою боленъ князь и съ которою онъ носится, есть та: у насъ Православіе; нашъ народъ великъ и прекрасенъ, потому что онъ вѣруетъ и потому что у него есть православіе. Мы русскіе, сильны и сильнѣе всѣхъ, потому что у насъ есть необъятная масса народа православно-вѣрующаго. Если же бы пошатнулась въ народѣ вѣра въ православіе, то онъ тотчасъ же бы началъ разлагаться, и какъ уже и начали разлагаться на Западѣ народы (естественно у насъ же высшее сословіе наносно, отъ нихъ же заимствовано, стало быть, трава въ огнѣ и ничего не значитъ), гдѣ вѣра (католичество, лютеранство, ереси, искаженіе христіанства) утрачена и должна быть утрачена. Теперь вопросъ: кто же можетъ вѣровать? Вѣруетъ ли кто-нибудь (изъ всеславянъ и даже славянофиловъ), и, наконецъ, даже вопросъ: возможно ли вѣровать? А если нельзя, то чего же кричать о сплѣ православіемъ русскаго народа. Это, стало-быть, только вопросъ времени. Тамъ раньше началось разложеніе, атеизмъ, у насъ—позже; но начнется непремѣнно съ водвореніемъ атеизма. А если

*) На поляхъ помѣчено: „Ставрогинъ (князь) и Шатовъ“.

это даже неминуемо, то надо даже желать, чтобъ чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

(Князь вдругъ замѣчаетъ, что онъ сходится съ В., что все сжечь всего лучше).

Выходитъ, стало-быть:

1) что дѣловые люди, считающіе эти вопросы пустыми и возможнымъ жить безъ нихъ, суть чернь и букашки, трава въ огнѣ;

2) что дѣло въ настоятельномъ вопросѣ: можно-ли вѣровать, бывъ цивилизованнымъ, т. е. европейцемъ? То-есть вѣровать безусловно въ Божественность сына Божія Іисуса Христа? (Ибо вся вѣра только въ этомъ и состоитъ).

NB) На этотъ вопросъ цивилизація отвѣчаетъ фактами, что нѣтъ нельзя (Ренанъ) и тѣмъ, что общество неудержало чистаго пониманія Христа. (Католичество — антихристъ, блудница, а лютеранство—молоканство).

3) Если такъ, то можно ли существовать обществу безъ вѣры (наукой, напримѣръ, Герценъ). Нравственныя основанія даются откровеніемъ. Уничтожьте въ вѣрѣ одно что-нибудь и нравственное основаніе Христіанства рухнетъ все, ибо все связано. Итакъ возможна ли другая, научная нравственность? Если невозможна, то, стало-быть, нравственность хранится только у Русскаго народа, ибо у него православіе.

Но если православіе невозможно для просвѣщеннаго (а черезъ сто лѣтъ половина Россіи просвѣтится), то, стало быть, все это фокусъ-покусъ, и вся сила Россіи временная. Ибо чтобъ была вѣчная, нужна полная вѣра во все. Но возможно-ли вѣровать?

Итакъ прежде всего надо предрѣшить, чтобъ успокоиться, вопросъ о томъ: Возможно-ли серьезно и вправду вѣровать.

Въ этомъ *все,* весь узелъ жизни для Русскаго народа и все его назначеніе и бытіе впереди.

Если же невозможно, то (хотя и не требуется сейчасъ), но вовсе не такъ непзвинительно, если кто потребуетъ, что лучше всего все сжечь. Оба требованія совершенно одинаково человѣколюбивы. (Медленное страданіе и смерть

и скорое страданіе и смерть. Скорое, конечно, даже человѣколюбивѣе).

Итакъ вотъ загадка?

NB.) Можете, конечно, возражать противъ правильности логическаго вывода и предыдущихъ положеній, спорить, не соглашаться, утверждать, напримѣръ, съ ученой правой стороной, что Христіанство не падетъ въ видѣ Лютеранства, т. е. когда Христа будутъ считать только простымъ человѣкомъ, благотворнымъ философомъ (ибо исходъ лютеранства этотъ), или съ лѣвой стороной, которая утверждаетъ, что Христіанство — вовсе не необходимость человѣчества и не *источникъ живой жизни* (горяченькіе кричатъ, что даже вредитъ), что наука, напримѣръ, можетъ дать живую жизнь человѣчеству и самый законченный нравственный идеалъ. Всѣ эти споры возможны, и міръ полонъ ими, и долго еще будетъ полонъ. Но, вѣдь, мы съ вами, Шатовъ, знаемъ, что все это вздоръ, что Христосъ— человѣкъ не есть спаситель и источникъ жизни, а одна наука никогда не восполнитъ всего человѣческаго идеала, и что спокойствіе для человѣка, источникъ жизни и спасеніе отъ отчаянія всѣхъ людей и условіе sine qua non для бытія всего міра заключается въ трехъ словахъ: *Слово плоть бысть и вѣра въ эти слова.* Рано ли, поздно ли всѣ согласятся съ этимъ, а, стало-быть, весь вопросъ опять таки въ томъ: Можно ли вѣровать во все то, во что Православіе велитъ вѣровать? Если же нѣтъ, то гораздо лучше, гуманнѣе—все сжечь и примкнуть къ Верховенскому.

* * *

*) Князь. — Я вамъ поставляю на видъ, что эти вопросы несравненно важнѣе, чѣмъ кажутся, хотя и очень старое новое въ нихъ то, что мы съ вами признали ихъ необъятную важность и безусловную необходимость ихъ разрѣшенія.

— Э! Къ чему предрѣшать, вскричалъ Шатовъ, — на тысячу лѣтъ впередъ! (т. е. медленное разложеніе). Будемъ

*) На поляхъ книги помѣчено: „Ставрогинъ (князь) и Шатовъ".

жить въ современности, дѣлая лишь насущное дѣло, не сомнѣваясь, что Богъ поможетъ впослѣдствіи.

— Попробуйте ужиться!—засмѣялся князь и вышелъ.

* * *

*) — В. Потому и спокоенъ — говоритъ князь, — что вѣруетъ, что христіанство не только не необходимо для живой жизни человѣчества, но и положительно вредно, и что если его искоренить, то человѣчество тотчасъ оживетъ къ новой *настоящей* жизни. Въ этомъ ихъ страшная сила. Западу не справиться съ ними, увидите, все погибнетъ передъ ними.

— И что-жъ будетъ?

— Мертвая машина, которая, конечно, не осуществима, но... можетъ быть, и осуществима, потому что въ нѣсколько столѣтій можно до того замертвить міръ, что онъ съ отчаянія и въ самомъ дѣлѣ захочетъ быть мертвымъ. «Падите горы на насъ и подавите насъ». И будетъ. (Если средства науки, напримѣръ, окажутся недостаточными для пропитанія и жить будетъ тѣсно, то младенцевъ будутъ бросать въ... или ѣсть. Я не удивлюсь, если будетъ и то и другое. Такъ должно быть, особенно если такъ скажетъ наука).

— Разверните это, говоритъ Шатовъ.

— Если пищи будетъ мало и никакой наукой не достанешь ни пищи ни топлива, а человѣчество увеличится, тогда надо остановить размноженіе. Наука говоритъ: «ты не виноватъ, что такъ природа устроила, и прежде всего чувство самосохраненія на первомъ планѣ, стало-быть, сожигать младенцевъ. Вотъ нравственность науки. Мальтусъ вовсе не такъ несправедливъ, ибо слишкомъ мало времени было для опыта. Посмотрите-ка, что будетъ дальше, и вынесетъ ли Европа населеніе безъ пищи и топлива? И поможетъ ли наука во-время, еслибъ даже и могла помочь. Сожженіе младенцевъ обратится въ привычку, ибо всѣ нравственныя начала въ человѣкѣ, *оставленномъ на одинъ*

*) На поляхъ книги помѣчено: „Ставрогинъ (князь) и Шатовъ“.

свои силы—условны. Дикарь Сѣверной Америки сдираетъ волосы врага, мы же покамѣстъ считаемъ это отвратительнымъ (хотя, можетъ, дѣлаемъ бездну мерзостей не лучше того, и не замѣчаемъ, а за добродѣтели считаемъ). Теперь посмотрите, если вы вѣрите, что христіанство есть необходимость и (подарокъ) милость Божія человѣчеству, котораго бы человѣкъ одинъ не достигъ; если вы вѣрите, что человѣкъ съ колыбели своей былъ подъ *непосредственнымъ* сообщеніемъ съ Богомъ, сначала откровеніемъ, потомъ чудомъ явленія Христова; если вы вѣрите, наконецъ, что человѣкъ, самъ собою, своими силами погибъ бы одинъ, и что, стало-быть, надо вѣровать, что Богъ непосредственно имѣетъ съ человѣкомъ сношеніе, — то тогда, предавшись христіанству, вы никогда не примиритесь съ чувствомъ сжиганія младенцевъ. Вотъ вамъ, стало-быть, другая нравственность. Значитъ, христіанство одно только заключаетъ въ себѣ живую воду и можетъ привести человѣка на живые источники водъ, и спасти его отъ разложенія. Безъ христіанства же человѣчество разложится и сгинетъ.

Значитъ, можно вѣровать и въ то и въ другое. Вопросъ, стало-быть, въ томъ, что вѣрнѣе и гдѣ живые источники водъ. По моему, одна наука, доходя до равнодушія къ младенцамъ, омертвитъ и одичитъ человѣчество, а потому лучше жечь, чѣмъ умирать. Съ другой стороны, я твердо вѣрую, что христіанство спасло бы человѣчество.

Шатовъ.—Какъ, какъ?

Князь.—Заключаетъ въ себѣ всѣ условія спасенія, рабъ и свободь. Если бъ представить, что всѣ Христы, то могъ ли быть пауперизмъ. Въ христіанствѣ даже и недостатокъ пищи и топлива былъ бы сносенъ, (можно не умерщвлять младенцевъ, а самому вымирать для брата моего).

Шатовъ.—А коли такъ, въ чемъ же вопросъ?

Князь.—Все въ томъ же: возможно ли вѣровать цивилизованному человѣку?

Только по легкомыслію человѣкъ не ставитъ этотъ вопросъ на первый планъ. Впрочемъ, многіе объ этомъ заботятся, и пишутъ, и говорятъ. Мы по легкомыслію и по досадѣ заботимся о насущномъ и думаемъ, что это все,

что и надо. Другіе же устраиваютъ себѣ разныя пищеварительныя философіи въ томъ смыслѣ, что христіанство совмѣстимо даже съ безконечнымъ ходомъ цивилизаціи, не только съ нынѣшнимъ. Но, вѣдь, мы съ вами знаемъ, что все это вздоръ, и что есть только двѣ инициативы: или вѣра или жечь. В. взялъ послѣднее, и силенъ и спокоенъ. Я только приглядываюсь къ нему и хочу розыскать, что въ его силѣ отъ убѣжденія, а что просто отъ натуры?

* * *

*) Шатовъ.—Если измѣнится человѣкъ—какъ же онъ будетъ жить умомъ. Имѣніе ума соотвѣтствуетъ только теперешнему организму.

Князь. Почемъ вы знаете, нуженъ ли будетъ теперешній умъ?

Шатовъ. Что же будетъ? Конечно, высшее?

Князь. Безъ сомнѣнія, гораздо высшее.

Шатовъ. Да развѣ можетъ быть что-нибудь высшее ума?

Князь. Такъ по наукѣ, но вотъ у васъ ползетъ клопъ. Наука знаетъ, что это организмъ, что онъ живетъ какою-то жизнію и имѣетъ впечатлѣніе, даже свое соображеніе и Богъ знаетъ что еще. Но можетъ ли наука узнать и передать мнѣ сущность жизни, соображеній и ощущеній клопа? Никогда не можетъ. Чтобъ это узнать, надо самому стать на минуту клопомъ. Если она этого не можетъ, то я могу заключить, что не можетъ передать и сущности другого, высшаго организма или бытія. А, стало-быть, и состоянія человѣка при вырожденіи въ millenium'ѣ, хотя бы тамъ и не было ума.

* * *

**) — Закружили вы меня!—говоритъ Шатовъ,—но я отъ васъ не отстану.

Князь. Не понимаю, для чего вы имѣніе ума, т. е.

---

*) На поляхъ книги помѣчено: „Ставрогинъ (князь) и Шатовъ“.
**) На поляхъ помѣчено: „Ставрогинъ (князь) и Шатовъ“.

сознанія, считаете высшимъ бытіемъ изъ всѣхъ какія возможны? По моему, это уже не наука, а вѣра и, если хотите, то тутъ есть фокусъ-покусъ природы, а именно: цѣнить себя (въ цѣломъ, т. е. человѣку въ человѣчествѣ)— необходимо для сохраненія его. Всякое существо должно себя считать выше всего, клопъ навѣрно считаетъ себя выше васъ: если и не можетъ, то навѣрно не захотѣлъ бы быть человѣкомъ, а остался бы клопомъ. Клопъ есть тайна, и тайны вездѣ. Почему же вы отрицаете другія тайны? Замѣтьте еще, что, можетъ-быть, невѣріе сродно человѣку именно потому, что онъ умъ ставитъ выше всего, а такъ какъ умъ свойственъ только человѣческому организму, то и не понимаетъ и не хочетъ жизни въ другомъ видѣ, т. е. загробной, не вѣритъ, что она выше. Съ другой стороны, человѣку свойственно по натурѣ чувство отчаянія и проклятія, ибо умъ человѣка такъ устроенъ, что поминутно не вѣритъ въ себя, не удовлетворяется самъ собою, и существованіе свое человѣкъ потому склоненъ считать недостаточнымъ. Отъ этого и влеченіе къ вѣрѣ въ загробную жизнь. Мы, очевидно, существа переходныя, и существованіе наше на землѣ есть, очевидно, процессъ, безпрерывное существованіе куколки, переходящей въ бабочку. Вспомните выраженія: Ангелъ никогда не падаетъ, Бѣсъ до того упалъ, что всегда лежитъ, человѣкъ падаетъ и возстаетъ. Я думаю, люди становятся бѣсами или ангелами. Говорятъ, несправедливо наказаніе вѣчное, и пищеварительная французская философія выдумала, что всѣ будутъ прощены. Но, вѣдь, земная жизнь есть процессъ перерожденія. Кто виноватъ, что вы переродились въ чорта. Все взвѣсится, конечно. Но, вѣдь, это фактъ, результатъ,— точно такъ же, какъ и на землѣ, все исходитъ одно изъ другого. Не забудьте тоже, что «времени больше не будетъ», такъ клялся ангелъ. Замѣтьте еще, что бѣсы—знаютъ. Стало-быть, и въ загробныхъ натурахъ есть сознаніе и память, а не у одного человѣка, правда, можетъ-быть, нечеловѣческая. Умереть нельзя. Бытіе есть, а небытія вовсе нѣтъ.

* * *

турные господа вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ разсуждали: какъ будетъ то-то и то-то въ будущемъ обществѣ. Все отъ васъ-же пошло и съ вашего же времени. Умнѣе что-ли вы были? Развѣ идея отомъ, что всѣмъ народамъ на Западѣ надо быть національными и ихъ за то уважать и за всякимъ съ благоговѣніемъ признавать всю особенность его народнаго развитія, а русскимъ непремѣнно надо быть не самими собой и даже въ идеѣ не предполагать въ нихъ особенностей—не есть глупѣе всего, что пишутъ объ артеляхъ эти мальчишки въ своихъ прокламаціяхъ. Да они, въ сущности, на вашихъ-же разсужденіяхъ и основались, все вы заварили, основаніемъ всему непризнаніе и незнаніе Россіи и ея самостоятельности, а это вы проповѣдовали. А что касается до этихъ мальчишекъ, то сами они ставятъ себя, постановкой своей программы дѣйствія, въ положеніе войны относительно общества, а, стало быть, не должны удивляться и жаловаться, что общество будетъ ихъ истреблять. Они говорятъ, что не будутъ останавливаться передъ нравственными щепетильностями, и будутъ рѣзать и жечь; стало быть, такъ и съ ними-же можно поступать. Они даютъ только нѣсколько дней послѣ того, какъ перерѣжутъ правительство, чтобъ всѣ снесли въ ихъ руки все свое состояніе, отказались отъ него навсегда, и записались въ артели и въ сапожники. Стало быть, всѣ, которые не хотятъ этого, могутъ поступать также безцеремонно и съ ними.

* * *

*) Шатовъ говоритъ въ засѣданіи: Я стыжусь подписаться подъ эдакой программой (нѣсколько дней и всѣ въ сапожники). 10-лѣтніе мальчишки будутъ умнѣе. Вы вполнѣ увѣрены, судя по тону вашей программы, что всѣ соблазнятся вашимъ удальствомъ, бросятъ женъ, дѣтей, имѣніе и церкви, и пойдутъ за вами, чтобъ грабить, убивать и поджигать. Изъ вашихъ словъ видно, что совершенно увѣрены, что народъ ненавидитъ царя, и ждетъ

*) На поляхъ помѣчено: „Шатовъ“.

только того, чтобъ бросить все свое и примкнуть къ вамъ. Вы до того увѣрены, что вы уже начали и грабить, и жечь, и убивать съ спокойнымъ сердцемъ. Вы до того мальчики, что и не подозрѣваете, не говоря уже про все другое, даже простого самолюбія въ людяхъ, что они бросятъ сразу все и побѣгутъ къ вамъ, къ мальчикамъ. Вы до того пусты и глупы, что совершенно убѣждены въ томъ, что сдѣлали какое-то великое открытіе, не подозрѣвая, что человѣчество давно бы догадалось объ этомъ, еслибъ это было правдой, и не страдало-бы тысячу лѣтъ, поджидая только васъ. Вы не стыдитесь такъ лгать, какъ вы лжете въ вашихъ прокламаціяхъ, извращая факты и пренаивно увѣряя, что это по іезуитски, и что іезуиты были ловкіе люди и что вы точно также будете поступать, и не подозрѣваете, что всякая ложь и извращеніе фактовъ въ необыкновенно скоромъ времени объяснится, и что тогда общество прямо увидитъ, что вы намѣренные лгуны, и не пойдетъ за вами. Вы какъ мальчишки увѣрены, что это ничего и что, напротивъ, всѣ прельстятся тѣмъ, какъ вы лжете, и бросятъ все, что̀ считали святымъ, что̀ любили,—Бога, женъ, дѣтей, порядокъ, благообразіе, — и побѣгутъ за вами единственно потому, что вы убиваете и поджигаете — не зная сами за что.— Вы не постыдились написать, что вы даете 80 милліонамъ народу только нѣсколько дней, чтобъ онъ снесъ вамъ свое имущество, бросилъ дѣтей, поругалъ церкви и записался въ артели, въ сапожники. Вы убѣждены, что всѣ ненавидятъ церкви, тяготятся браками, и только жаждутъ дворцовъ изъ аллюминія, въ которыхъ можно будетъ плясать и уводить въ отдѣльныя комнаты общихъ женъ и мужей. Вы не догадались, что такое игрушечное пониманіе дѣла заявитъ васъ прямо мальчишками, которыхъ надо больно высѣчь, и до того не уважаете общество, что даже прокламацію-то не потрудились редактировать тщательнѣе. Публика, увидавъ, что у васъ такъ игрушечно поступаетъ Россія и въ нѣсколько дней бросаетъ все и перерождается, удивится вашей глупости; но видя, что вы кромѣ того и злодѣи, отстранитъ васъ какъ зло-

хомъ. Разъ этотъ Д. встрѣтилъ Б—го у вокзала строившейся дороги. «Я не могу хладнокровно ждать, я выбралъ прогулку къ этому мѣсту, и каждый день смотрю на дорогу». О, еслибъ онъ, бѣдный, зналъ, какимъ взглядомъ смотрѣли тогда многіе на эту дорогу и особенно строители дороги! Бѣлинскій говорилъ: «я не такъ какъ другіе, я вотъ ужъ этимъ и болю. Загребутъ землей—узнаютъ, кого схоронили». Д. пошелъ съ нимъ и разговорился о желѣзной дорогѣ; мало-по-малу о будущихъ дорогахъ, объ отопленіи вагоновъ, объ отопленіи, наконецъ, Москвы, гдѣ дрова все дороже и дороже, а въ будущемъ, при скрещеніи всѣхъ желѣзныхъ путей въ Москвѣ еще дороже. Вѣроятно, будутъ привозить дрова по желѣзнымъ дорогамъ изъ лѣсистыхъ странъ. Бѣлинскій расхохотался малому знанію дѣйствительности: «Дрова по желѣзнымъ дорогамъ перевозить хочетъ!» Это ему показалось чудовищнымъ. Вообразите, онъ и въ самомъ дѣлѣ думалъ, что по желѣзнымъ дорогамъ будутъ ѣздить только пассажиры, а изъ товаровъ перевозить будутъ только самые тонкіе и цѣнные articles de Paris какіе-нибудь. И вотъ его знаніе дѣйствительности... Но понималъ онъ больше всѣхъ.

— Всѣ-то много, значитъ, понимали.

— Другъ мой, я удалился отъ дѣлъ... Теперь я при дѣлахъ быть не хочу и не могу...

— Куда бы ты теперь и годился-то!

* * *

*) — Мнѣ собственно до народа и до знанія его нѣтъ никакого дѣла. Я знаю, что смуту теперь можно сдѣлать въ народѣ, и все тутъ.

Говоря о народѣ, обнаруживаютъ вдругъ въ одномъ пунктѣ вопіющее и странное (непремѣнно странное и чтобъ глаза било чудовищностью) невѣжество и невѣдѣніе. Его уличаютъ со смѣхомъ; но *замѣчательно*, что онъ вовсе не смущается, не колеблется и даже не пикируется самолюбіемъ. Онъ принимаетъ ужасно хладнокровно и небрежно:

*) На поляхъ книги помѣчено: „Характеристика Петра Верховенскаго“.

«А, можетъ-быть, и такъ, говоритъ онъ, это все равно, не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что смуту теперь можно сдѣлать, я и хочу сдѣлать».

Ему отвѣчаютъ, что и смуту онъ не сдѣлаетъ, не зная народа, и что прокламаціи нелѣпость.—«Это вздоръ, отвѣчаетъ онъ,—дайте мнѣ четверть часа только поговорить безъ цензуры съ народомъ, и онъ тотчасъ за мной пойдетъ».

Когда его увѣряютъ, что народъ гораздо крѣпче сидитъ, онъ говоритъ: «Ну, вотъ вздоръ», и показываетъ факты—разбои, поджоги, фонъ-Зонъ,—«и во всякомъ случаѣ сами видите, что это дѣло нерѣшенное и что вы замолчали. (На золотую грамоту пошелъ же народъ, почему онъ на прокламаціи не пойдетъ?)».

Невѣжественъ иногда ужасно. На серьезныя возраженія отца (напримѣръ, о томъ, что не вся природа человѣка извѣстна и что умъ только $^1/_{20}$ доля всего человѣка)—онъ даже и вниманія не обращаетъ, и не пробуетъ и не хочетъ возражать, даже прямо признается, что онъ этого не знаетъ и что не въ томъ дѣло.

Совершенно спокоенъ въ своемъ невѣжествѣ.

Рѣчь отца у княгини даже и не слыхалъ.

А между тѣмъ совершенно побиваетъ отца. («Съ нимъ нельзя спорить», говоритъ тотъ).

— Вопросы о славянофилахъ, западникахъ даже приблизительно ему неизвѣстны, онъ только слыхалъ, что есть какіе-то славянофилы и западники,—но что *все это вздоръ* и не въ томъ дѣло.

— Даже пишетъ безграмотно.

* * *

*) Портретъ чистаго и идеальнаго западника со всѣми красотами.

— Можетъ-быть, живетъ (въ Москвѣ) въ губернскомъ городѣ.

— *Характерныя черты.* — Всежизненная безпредметность и нетвердость во взглядѣ и въ чувствахъ, соста-

*) На поляхъ помѣчено: „Характеристика Степана Трофимовича“.

влявшая прежде страданіе, но теперь *обратившаяся во вторую природу*. (Сынъ надъ этой потребностью насмѣхается).

— Третій разъ женатъ. (Характерная черта).

— Жаждетъ гоненій и любитъ говорить о претерпѣнныхъ имъ.

— Человѣкъ сороковыхъ годовъ и помнитъ объ нихъ и въ сношеніяхъ съ уцѣлѣвшими (я и Тимофей Грановскій).

— Онъ — прежнее славное имя (двѣ-три статьи, одно изслѣдованіе, путешествіе по Испаніи, рукописная замѣтка о Крымской войнѣ, ходившая по рукамъ и доставившая ему гоненіе). Становитъ себя безсознательно на пьедесталъ, въ родѣ мощей, къ которымъ пріѣзжаютъ поклоняться, любитъ это. Говоритъ часто безъ мѣстоименій.

— Дѣйствительно честенъ, чистъ и считаетъ себя глубиной премудрости. Неустойчивость во мнѣніяхъ.

— Большой поэтъ, не безъ фразы.

— Просмотрѣлъ совсѣмъ русскую жизнь.

— Чурается нигилизма и не понимаетъ его.

— 55 лѣтъ. Литературныя воспоминанія. Бѣлинскій, Грановскій, Герценъ, Тургеневъ и пр.

— Любитъ шампанское.

— Роль Сакса.

— Любитъ писать плачевныя письма. Лилъ слезы тамъ-то, тутъ-то.

— «Оставьте мнѣ Бога и искусство. Уступаю вамъ Христа».

— Жоржъ-Зандъ и кумиры проглядываютъ помпнутно сквозь серьезность.

— Дѣйствительно поэтъ. Dies irae, Золотой вѣкъ. Греческіе боги. Вдохновенную ему главу.—Хорошо устроилъ денежныя обстоятельства. Портретики, мемуарчики (и т. д. въ этомъ родѣ).

— Сынъ его воспитывается за границею.

— Портретъ молодой жены. (Четыре мѣсяца какъ беременна). NB. (Плачетъ о всѣхъ женахъ и помнпутно женится).

— «Не могу примириться, вѣчно тоска».

— Уменъ и остроуменъ.

Ѳ. М. Достоевскій.

„Подростокъ“.

1875 г.) *).

**) По поводу «Бѣсовъ» мнѣ уже разъ приходилось бесѣдовать о талантѣ г. Достоевскаго; сознаюсь, поводъ этотъ былъ выбранъ не особенно удачно. «Бѣсы», безспорно, одно изъ самыхъ слабыхъ, самыхъ «нехудожественныхъ» произведеній автора «Преступленія и Наказанія». Я старался объяснить тогда «нехудожественность» и «слабость» этого романа, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ вышелъ изъ своей сферы, и забрался въ такія палестины, гдѣ его художественный инстинктъ неспособенъ ничего видѣть, кромѣ обратной стороны медали... Дѣло въ томъ, что г. Достоевскій, хотя и безспорно талантъ крупный, но въ высшей степени односторонній. Главная сила этого таланта заключается въ психологическомъ анализѣ. Очень немногіе изъ современныхъ художниковъ — тутъ ужъ я имѣю въ виду не однихъ только русскихъ беллетристовъ — умѣютъ такъ глубоко заглядывать въ человѣческую душу, какъ онъ. Однако, какъ ни глубокъ этотъ анализъ, но онъ все-таки страдаетъ крайнею односторонностью. Копаясь во внутреннемъ мірѣ человѣка, авторъ съ особенною любовью останавливается лишь на нѣкоторыхъ его сторонахъ и почти совершенно игнорируетъ остальныя. Вслѣдствіе этого почти всѣ дѣй-

---

*) Первоначально былъ помѣщенъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1875 г., въ книгахъ: 1, 2, 4, 5, 9, 11 и 12.

**) П. Никитинъ (П. И. Ткачовъ). „Литературное попури“. „Дѣло“ 1876 г., № 5.

Примѣч. В. Зелинскаго.

ствующія лица въ его произведеніяхъ являются людьми односторонними, не вполнѣ нормальными, весьма сильно смахивающими на паціентовъ изъ сумасшедшаго дома. Въ ихъ психической жизни нѣтъ ни порядка ни гармоніи, она почти всегда находится подъ фатальнымъ гнетомъ одного какого-нибудь психическаго мотива—одного какого-нибудь чувства или мысли. Сосредоточивая на этомъ преобладающемъ мотивѣ все свое вниманіе, авторъ, по необходимости, долженъ утрировать его, доводить до болѣзненной напряженности. Онъ смотритъ на человѣческую душу сквозь увеличительное стекло, и это стекло онъ всегда наводитъ лишь на извѣстныя душевныя состоянія, на извѣстныя явленія и факты психическаго міра; эти-то излюбленныя имъ состоянія, явленія и факты всегда выдвигаются у него на первый планъ, принимаютъ чрезвычайные непропорціонально огромные размѣры и, само-собою понятно, производятъ на читателя рѣзкое, сильное, нерѣдко потрясающее впечатлѣніе.

Съ эстетической точки зрѣнія, это, если хотите, большой недостатокъ. Авторъ не въ состояніи создать цѣлостнаго, всесторонне, гармонически-развитаго художественнаго характера. Всѣ его герои, говоря словами одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ «Подросткѣ», это—«люди безумія». Тою же печатью «безумія» запечатлѣнъ у него обыкновенно и самый планъ романа. И это вполнѣ понятно: отъ столкновенія «безумныхъ людей» ничего другого и произойти не можетъ, кромѣ вещей дикихъ, нелѣпыхъ, безумныхъ. Какъ въ ихъ внутреннемъ мірѣ, такъ и въ ихъ жизни, все поражаетъ васъ своею странностью, безпорядочностью, несообразностью, своею неожиданностью. Событія слѣдуютъ одно за другимъ безъ всякой, повидимому, внутренней необходимости; элементъ случайнаго является преобладающимъ элементомъ, и поверхностный читатель долженъ составить себѣ очень невыгодное мнѣніе о художественной фантазіи автора. А между тѣмъ у этой фантазіи есть своя логика, и логика весьма послѣдовательная. Авторъ ни на минуту не забываетъ, съ какого рода субъектами онъ имѣетъ дѣло; онъ понимаетъ, что подобные

субъекты не могутъ такъ говорить и такъ поступать, какъ говорятъ и поступаютъ обыкновенные нормальные люди. То, что для послѣднихъ будетъ и странно, и случайно, и дико, и нелѣпо, то для первыхъ вполнѣ естественно, разумно и логично.

Но какъ бы ни былъ авторъ правъ съ своей точки зрѣнія, во всякомъ случаѣ его произведенія, благодаря только что указаннымъ причинамъ, никогда не производятъ и не могутъ производить цѣлостнаго художественнаго впечатлѣнія. Правда, въ нихъ попадаются отдѣльныя мѣста и вводные эпизоды (въ родѣ, напримѣръ, разсказа чиновника Ермолова (?) *) въ романѣ «Преступленіе и Наказаніе», или эпизода съ Олей—въ «Подросткѣ»), въ высшей степени замѣчательные по своей художественной правдѣ, но эти отдѣльныя мѣста и эпизоды совершенно теряются и исчезаютъ въ общей массѣ несообразностей и уродливостей.

Поэтому повторяю опять то, что уже я, кажется, говорилъ по поводу «Бѣсовъ», и что гораздо раньше меня высказывалъ Добролюбовъ по поводу «Униженныхъ и Оскорбленныхъ»:—значеніе г. Достоевскаго, какъ художника съ чисто-эстетической точки зрѣнія, очень и очень не велико. Въ самомъ дѣлѣ, эстетика требуетъ отъ художника прежде всего художественной правды. Но вотъ именно этому-то ея основному, элементарному требованію, — въ которомъ, впрочемъ, уже содержатся и всѣ остальныя ея требованія,—г. Достоевскій никогда не удовлетворялъ и не можетъ удовлетворить; художественная правда, какъ и правда научная, есть не что иное, какъ правильное обобщеніе частныхъ единичныхъ явленій; она отличается отъ послѣдней только тѣмъ, что выражается не въ отвлеченной логической формулѣ, а въ живомъ конкретномъ образѣ. Но для того, чтобы обобщеніе было правильно, чтобы въ немъ не было никакихъ натяжекъ, никакой искусственности, никакого произвола, необходимо обладать способностью отличать въ явленіи случайное отъ постояннаго, ненормальное

*) Критикъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду Мармеладова.
Примѣч. В. Зелинскаго.

отъ нормальнаго, второстепенное отъ главнаго. Г.-же Достоевскій если и обладаетъ этой способностью, то только въ весьма и весьма слабой степени. Особенность его таланта въ томъ-то именно и состоитъ, что онъ всегда склоненъ исключительное, а нормальное, временное, преходящее, случайное — возводить въ нѣчто постоянное, нормальное, преобладающее. Не говоря уже о томъ, что его «художественнымъ взорамъ», какъ замѣчено выше, доступны лишь нѣкоторые уголки человѣческой души, и что поэтому его художественныя наблюденія страдаютъ односторонностью, онъ даже и въ этихъ хорошо знакомыхъ ему уголкахъ, даже и въ этихъ одностороннихъ наблюденіяхъ никогда почти не въ состояніи сохранить вполнѣ объективнаго безпристрастія; всегда онъ что-нибудь да вложитъ отъ себя, что-нибудь прекраситъ, расцвѣтитъ, преувеличитъ и исказитъ.

Въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ, это, если можно такъ выразиться—хотя я знаю, что выраженіе не вполнѣ соотвѣтствуетъ моей мысли — субъективно-пристрастное отношеніе къ наблюдаемымъ явленіямъ переходитъ за предѣлы всякаго благоразумія и приличія... Происходитъ ли это отъ автора сознательно или безсознательно — рѣшить это, конечно, трудно, потому что роль критика не есть роль психіатра. Однако, въ большинствѣ случаевъ, эту особенность авторскаго творчества, по всей вѣроятности, слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что Бѣлинскій, въ одномъ разговорѣ съ Достоевскимъ, называлъ «блудодѣяніемъ таланта» (см. «Дневникъ писателя», № 2, февраль, стр. 48). Объ этомъ «блудодѣяніи» самъ г. Достоевскій очень недурно говоритъ въ своемъ «Дневникѣ». «Мнѣ кажется, откровенно сознается онъ, говоря, очевидно, о себѣ, хотя имѣетъ въ виду другихъ,—мнѣ кажется, чрезвычайно рѣдко человѣкъ способенъ совладать съ своимъ дарованіемъ, и что, напротивъ, почти всегда талантъ порабощаетъ себѣ своего обладателя, такъ сказать, какъ бы схватывая его за шиворотъ (да, именно въ такомъ унизительномъ нерѣдко видѣ мы находимъ самого г. Достоевскаго) и унося его на весьма далекія разстоянія отъ настоящей дороги. У Гоголя гдѣ-то (забылъ гдѣ) одинъ враль началъ о чемъ-то разсказывать

и, можетъ-быть, сказалъ бы правду, «но сами собою представились такія подробности» въ разсказѣ, что уже никакъ нельзя было сказать правду». «Во всякомъ талантѣ есть всегда эта нѣкоторая, почти неблагодарная, излишняя «отзывчивость», которая всегда тянетъ увлечь самаго трезваго человѣка въ сторону.

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ...

или тамъ что бы ни случилось, тотчасъ же и пошелъ, и пошелъ человѣкъ, и взыгралъ, и размазался, и увлекся»... Въ томъ же «Дневникѣ» г. Достоевскій удачно сравниваетъ талантливаго человѣка съ однимъ московскимъ купчикомъ, которому папаша оставилъ, послѣ своей смерти, капиталъ. У купчика была мамаша: она тоже вела какую-то коммерцію и—запуталась. Чтобы выручить ее, нужно было заплатить много денегъ. Купчикъ очень любилъ мамашу, но все-таки платить за нее не сталъ: «Все же намъ нельзя никакъ безъ капиталу. Это чтобы капиталу нашего лишиться—это намъ никоимъ образомъ невозможно, потому какъ намъ никакъ невозможно, чтобы самимъ безъ капиталу».—«Примите за аллегорію, говоритъ Достоевскій,—и приравнивайте талантъ къ капиталу, что даже и похоже, и выйдетъ такая рѣчь: «это чтобъ намъ безъ блеску и эффекту—это намъ никоимъ образомъ невозможно, потому какъ намъ никакъ невозможно, чтобы намъ совсѣмъ безъ блеску и эффекту».

Примѣните всѣ эти мѣткія и нелишенныя остроумія замѣчанія къ таланту автора «Идіота», «Бѣсовъ», «Подростка», «Преступленія и Наказанія», и вы безъ всякихъ дальнѣйшихъ комментаріевъ поймете его частыя уклоненія «на весьма далекія разстоянія отъ настоящей дороги»; вы поймете, почему онъ иногда «и сказалъ бы правду, но сами собою представляются такія подробности въ разсказѣ, что ужъ правды никакъ нельзя сказать»... Талантъ его, видите ли, обладаетъ «почти неблагодарною», излишнею отзывчивостью, а отзывчивость эта такого рода, что чуть «тамъ что случилось»—убьетъ ли студентъ ростовщика, нагрубитъ ли дочь своему отцу, всплыветъ ли на-

ружу какое-либо ловкое мошенничество, — онъ сейчасъ же «и пошелъ, и пошелъ, и взыгралъ, и размазался, и увлекся».

Очень можетъ быть, что эта «неблагодарная» отзывчивость, эта наклонность къ безсознательному вранью присуща болѣе или менѣе всякому таланту. Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ самъ г. Достоевскій; ему и книги въ руки! Кому же лучше и судить о талантѣ, какъ не самому таланту. Но, во всякомъ случаѣ, его-то таланту она присуща въ наивящшей степени, такъ что въ плодахъ этого таланта всего труднѣе провести границу, гдѣ собственно оканчивается вранье и начинается правда... Мало того, она составляетъ характеристическую особенность его художественнаго творчества.

Этой особенности критика никогда не должна терять изъ виду: только непрестанно памятуя о ней, она можетъ притти къ правильной оцѣнкѣ характеровъ, воспроизводимыхъ авторомъ, и уберечься отъ тѣхъ увлеченій и отъ того «блудодѣйствованія», въ которое самъ онъ такъ часто впадаетъ.

Однако, позвольте, замѣтить намъ, пожалуй, придирчивый читатель, — позвольте: если г. Достоевскій, какъ вы изволили сказать, не даетъ намъ цѣлостныхъ, художественныхъ характеровъ, если онъ все свое вниманіе обращаетъ на явленія болѣе или менѣе исключительныя, на такія душевныя состоянія, которыя относятся скорѣе къ области психіатріи, чѣмъ психологіи, то какой же особенный интересъ могутъ представлять его произведенія для обыкновеннаго критика, для критика не спеціалиста по душевнымъ болѣзнямъ?»

Для критика-эстетика — весьма небольшой, готовъ съ этимъ безусловно согласиться. Но, вѣдь, наша же критика (по крайней мѣрѣ, петербургская критика) и не претендуетъ на эпитетъ «эстетической». Эстетическія красоты, художественныя достоинства и недостатки того или другого беллетристическаго произведенія интересуютъ ее очень мало, почти даже совсѣмъ не интересуютъ. *Какъ* живописуетъ авторъ — этотъ вопросъ для нея не особенно суще-

ственъ. Для нея несравненно важнѣе вопросъ, *что* онъ живописуетъ и представляетъ ли или не представляетъ собою это *что* какой-нибудь общественный интересъ.

И вотъ именно съ этой-то точки зрѣнія общественнаго интереса произведенія г. Достоевскаго и представляютъ критикѣ весьма благодарный и весьма обильный матеріалъ. Хотя живописуемыя имъ душевныя состоянія и относятся болѣе къ психіатріи, чѣмъ къ психологіи, но, въ большинствѣ случаевъ, ихъ болѣзненный, патологическій характеръ зависитъ не столько отъ самой природы, сколько оттого, что авторъ черезчуръ ужъ ихъ утрируетъ, черезчуръ выставляетъ ихъ на первый планъ, черезчуръ размазываетъ и разукрашиваетъ. Они отъ него получаютъ непропорціонально-сильное освѣщеніе, а потому и кажутся исключительными, ненормальными. Но вотъ, именно благодаря этому обстоятельству, ихъ пониманіе значительно облегчается, они становятся видимыми для самыхъ близорукихъ людей, а критика черпаетъ въ нихъ драгоцѣнный матеріалъ для характеристики цѣлаго типа не только отвлеченныхъ чувствъ и страстей, но и живыхъ, конкретныхъ характеровъ.

Разумѣется, все это было бы не особенно важно, если бы эти явленія нашего внутренняго міра, тѣ «душевныя состоянія», на которыхъ авторъ останавливаетъ свое исключительное вниманіе, если бы они, взятыя сами по себѣ, не имѣли никакого другого значенія, кромѣ чисто-медицинскаго, если бы они не находились ни въ какомъ болѣе или менѣе непосредственномъ отношеніи къ общественнымъ интересамъ. Въ этомъ случаѣ произведенія автора могли бы подлежать лишь спеціальной, научно медицинской критикѣ; для критики же публицистической они имѣли бы столько же, если не менѣе, значенія, сколько они имѣютъ для критики эстетической.

Но вотъ въ томъ-то и дѣло, что въ романахъ г. Достоевскаго затрогиваются обыкновенно *) такія психиче-

*) Я говорю обыкновенно, но не исключительно. Независимо отъ этихъ явленій, представляющихъ, такъ сказать, общій интересъ, авторъ любитъ останавливаться и на явленіяхъ уже чисто-патологическихъ, какъ, напр., на ана-

скія явленія, которыя играютъ весьма видную роль въ жизни извѣстныхъ классовъ, извѣстной среды нашего общества, и которыя представляютъ, слѣдовательно, весьма любопытный матеріалъ для оцѣнки общественнаго и умственнаго состоянія этой среды, этихъ классовъ.

Въ двухъ своихъ первыхъ большихъ произведеніяхъ — въ романахъ «Бѣдные Люди» и «Униженные и Оскорбленные» — и во многихъ другихъ мелкихъ очеркахъ авторъ выдвигаетъ на первый планъ и съ необыкновенною подробностью анализируетъ ту группу явленій, то «душевное состояніе», которое по преимуществу характеризуетъ русскихъ интеллигентныхъ забитыхъ людей, пришибленныхъ судьбою и обстоятельствами, постоянно оскорбляемыхъ и попираемыхъ мимоидущими счастливцами, трепещущихъ, запуганныхъ, то безсловесныхъ и приниженныхъ, то озлобленныхъ и ожесточенныхъ. Макаръ Алексѣевичъ Дѣвушкинъ, Голядкинъ, Прохарчинъ, наконецъ, личность болѣе интеллигентная — Иванъ Петровичъ (въ «Униженныхъ и Оскорбленныхъ») — съ одной стороны; Ихменевъ, Нелли, Свидригайловъ, Рогожинъ и т. п. — съ другой — все это представители «забитыхъ» людей, воплощающихъ въ себѣ, хотя и въ различныхъ степеняхъ, одни и тѣ же чувства, одно и то же душевное состояніе. У однихъ только это душевное состояніе проявляется въ какой-то холопской приниженности, въ вѣчномъ оплевываніи своего собственнаго человѣческаго достоинства, въ непрестанномъ самоуниженіи, въ какой-то кроткой, почти даже трогательной безотвѣтности и безобидности. У другихъ, напротивъ, въ злобномъ ожесточеніи на все и всѣхъ, въ постоянномъ недовольствѣ самимъ собою, въ глухомъ, затаенномъ протестѣ, проявляющемся обыкновенно наружу въ какихъ-нибудь дикихъ, безсмысленныхъ и совершенно нецѣлесообразныхъ формахъ. Первые прячутся, трепещутъ, не шелохнутся, дышать даже боятся; послѣдніе самодурничаютъ, бушуютъ, и за отсутствіемъ дѣйствительнаго самоуваженія,

лизѣ симптомовъ, сопровождающихъ падучую болѣзнь, на раздвоеніи нашего „я“ и т. п. Анализъ этотъ у него превосходенъ. по литературной критикѣ тутъ нечего дѣлать. Пусть этимъ занимаются гг. Балинскіе и Чечотовы.

напускаютъ на себя суетную гордыню и усвоиваютъ себѣ пренебрежительно-злобный взглядъ на всѣхъ окружающихъ ихъ людей.

Но обо всѣхъ этихъ характерахъ мы здѣсь не будемъ распространяться; критика уже сказала о нихъ свое слово и дала имъ надлежащую оцѣнку. «Приниженные» и «ожесточенные» исчерпали, повидимому, полный типъ «забитыхъ» и «несчастныхъ людей». Итогъ былъ подведенъ,— итогъ не особенно утѣшительный. «Мы нашли,—такъ заканчиваетъ критикъ свою статью «о забитыхъ людяхъ».— что забитыхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ личностей у насъ много въ среднемъ классѣ, что имъ тяжко и въ нравственномъ и въ физическомъ смыслѣ, что, несмотря на наружное примиреніе съсвоимъ положеніемъ, они чувствуютъ его горечь, готовы на раздраженіе и протестъ, жаждутъ выхода... Гдѣ этотъ выходъ, когда и какъ онъ совершится—это должна показать сама жизнь».

Съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти строки, прошло много времени и утекло много воды. Что-же найденъ-ли выходъ, указана-ли его жизнь? Въ самомъ этомъ вопросѣ заключается уже и отвѣтъ на него. Но дѣло не въ отвѣтѣ; его заранѣе можетъ предугадать даже и такой проницательный критикъ, какъ г. Заурядный. Дѣло въ томъ, что хотя выходъ-то и по сіе время еще не отысканъ, но безцѣльное и безсмысленное озлобленіе перестало удовлетворять наиболѣе развитую и сравнительно наиболѣе счастливую часть забитыхъ людей. Они, эти наиболѣе развитые и счастливые, поняли, наконецъ, что сколько тамъ ни ворчи и не злись, а легче отъ этого не будетъ. А между тѣмъ и примириться имъ съ своимъ положеніемъ никакъ было невозможно, да выбиться-то изъ него казалось еще невозможнѣе. Они стали задумываться, мысль напряженно работала; идеи наростали за идеями; умъ все болѣе и болѣе отвлекался отъ будничной, практической дѣятельности, все дальше и дальше уносился въ безпечальную область отвлеченныхъ идеаловъ. Скоро оказалось, что въ этой-то области и слѣдуетъ искать спасенія. Входъ въ нее никому возбраненъ не былъ; она гостепріимно открывала свои объятія

всякому желающему. И такъ—какъ она при этомъ обѣщала душевное спокойствіе (по крайней мѣрѣ, хоть на время) и забвеніе, то, разумѣется, желающихъ оказалось не мало. И вотъ на мѣсто, или, лучше сказать, рядомъ съ людьми «ожесточенными» и «озлобленными», появились теперь люди идейные. Первые искали выхода въ чувственной разнузданности, въ дикихъ и безумныхъ порывахъ животныхъ чувствъ и инстинктовъ; вторые — въ мірѣ идей и «высшихъ идеаловъ».

Такимъ образомъ, идейные люди представляютъ третью, наиболѣе интеллектуальную, категорію забитыхъ людей. Анализу ихъ «души» г. Достоевскій посвятилъ «Преступленіе и Наказаніе» и «Подростка». Въ первомъ изъ этихъ произведеній анализъ этотъ крайне одностороненъ и не полонъ, а въ «Подросткѣ» онъ достигаетъ той глубины, той обстоятельности и той сравнительной объективности, никогда, однакожъ, неспособной отрѣшиться—какъ мы замѣтили выше,—отъ чисто-субъективнаго элемента, благодаря которымъ автору такъ хорошо удалось воспроизвести въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ господствующее настроеніе души забитыхъ людей двухъ первыхъ категорій,—людей «приниженныхъ» и «ожесточенныхъ». И мнѣ кажется, романъ «Подростокъ» г. Достоевскаго имѣетъ почти такое же значеніе для оцѣнки *идейныхъ* забитыхъ людей, какое имѣлъ его первый романъ («Бѣдные Люди») для оцѣнки людей типа Дѣвушкиныхъ, Голядкиныхъ и имъ подобныхъ.

Вотъ почему критика, не вполнѣ еще забывшая свое прошлое, критика, оставшаяся вѣрною къ своимъ принципамъ и не утратившая сознанія своихъ обязанностей и своихъ задачъ, должна отнестись къ этому роману съ особеннымъ вниманіемъ. Я это и постараюсь сдѣлать, хотя, сознаюсь напередъ, въ немъ собрано такъ много драгоцѣннаго матеріала для характеристики души русскаго «идейнаго человѣка», что заранѣе отказываюсь исчерпать ихъ вполнѣ и всесторонне. Ограничусь только опредѣленіемъ наиболѣе общихъ чертъ и наиболѣе существенныхъ особенностей людей этого типа, — типа, хотя и новаго, но уже

отжившаго, сходящаго со сцены, уступающаго свое мѣсто людямъ иного закала, иного характера...

«Идейные люди» вырабатывались и развивались на той-же почвѣ, которая выростила Дѣвушкиныхъ, Голядкиныхъ, Прохарчиныхъ и т. п. Они состоятъ съ ними въ самомъ близкомъ родствѣ, они родные братья Ивановъ Петровичей (герой «Униженныхъ и Оскорбленныхъ», отъ лица котораго ведется разсказъ), законныя дѣти Ихменевыхъ, Свидригайловыхъ, Версиловыхъ и иныхъ представителей поколѣнія «отцовъ». Не радостно проходило дѣтство этихъ дѣтей подъ кровомъ ихъ разоренныхъ, ожесточенныхъ и «униженныхъ и оскорбленныхъ» родителей. Они росли въ загонѣ; съ самыхъ раннихъ лѣтъ имъ приходилось быть невольными свидѣтелями униженія ихъ отцовъ; на ихъ глазахъ оплевывались и оскорблялись самыя святыя права и человѣческія чувства... Мало того, имъ самимъ не разъ доводилось подвергаться этому процессу оплеванія и пассивно подчиняться господству безсмысленной, дикой силы. Прежде, чѣмъ они начали что-нибудь понимать, прежде, чѣмъ они начали мыслить, они уже были озлоблены и ожесточены. Озлобленный, «униженный и оскорбленный» ребенокъ — всегда эгоистъ. Они и были эгоистами, они и выросли эгоистами, эгоизмъ навсегда остался выдающеюся и наиболѣе существенною чертою ихъ характера.

Ну что же могло выйти изъ подобныхъ подростковъ? Повидимому — копіи отцовъ, вторыя изданія Дѣвушкиныхъ, Голядкиныхъ, Свидригайловыхъ, Рогожиныхъ, Ихменевыхъ и ихъ близнецовъ. Разумѣется, такъ-бы и случилось, такъ-бы и должно было случиться, еслибы нѣкоторыя постороннія обстоятельства не вмѣшались въ дѣло и не внесли нѣкоторой смуты, хаоса и взаимнаго недоразумѣнія въ темный и таинственный міръ забитыхъ людей. Вѣковѣчные устои ихъ жизни на минуту пошатнулись, почва заколебалась подъ ихъ ногами. Каждый почувствовалъ себя *какъ-будто* независимѣе, а въ то же время и *безпомощнѣе*. Начались сомнѣнія и вопросы: «Да какъ-же теперь быть? Да что же изъ этого выйдетъ? Да неужели-же и взаправду приходитъ конецъ всему тому, къ чему такъ и

привыкли и о чемъ уже такъ давно перестали думать «униженные и оскорбленные?» Явился спросъ на *мысль*. Сознавалась необходимость приспособиться къ новымъ формамъ жизни, къ новымъ условіямъ житейской обстановки. И какъ разъ, въ эту-то, можно сказать, роковую минуту дѣти Версиловыхъ, Ихменевыхъ и др. вступали въ тотъ возрастъ, который изъ всѣхъ человѣческихъ возрастовъ отличается наибольшею воспріимчивостью, наибольшею «отзывчивостью» на всѣ впечатлѣнія внѣшняго міра. Само собою понятно, для нихъ не могло пройти безслѣдно то, что смутило даже ихъ отцовъ. Имъ пришлось *задуматься*, задуматься крѣпко о самихъ себѣ,—о чемъ никогда не задумывались ихъ родители. Такимъ образомъ, ихъ развитіе получило неожиданный толчокъ, выбившій ихъ изъ обыкновенной колеи, заставившій ихъ рано встать на собственныя ноги и прокладывать себѣ новые, еще непроторенные пути. Въ сущности-же новые пути мало чѣмъ отличались отъ старыхъ, но все-таки они требовали нѣкоторыхъ особыхъ приспособленій; явилась необходимость въ нѣсколько иной дрессировкѣ, чѣмъ та, чрезъ которую проходили отцы. Дрессировка была неумѣлая, такъ сказать, пробная, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что многіе изъ нихъ даже поотстали отъ отцовъ по части цѣлостности и законченности характера. Въ жизнь имъ, дѣйствительно, пришлось вступать какими-то неоперившимися *подростками*. Однако уже и въ этихъ неоперившихся подросткахъ можно было прослѣдить двѣ господствующія черты отцовскаго типа, на которыя я указывалъ выше. Въ характерѣ однихъ ясно обрисовывалась наслѣдственная приниженность и забитость, ищущая отрады и утѣшенія въ уединенномъ созерцаніи своего реальнаго ничтожества въ настоящемъ и своего возможнаго возвышенія въ будущемъ. Въ характерѣ другихъ на первый планъ выступало то злобно-эгоистическое ожесточеніе, которое нерѣдко приводило отцовъ къ самымъ возмутительнымъ и самымъ безсмысленнымъ злодѣйствамъ.

Но у дѣтей эти черты значительно видоизмѣнились. Дикая разнузданность темныхъ эгоистическихъ инстинктовъ

приняла видъ болѣе благообразный, но за то и болѣе омерзительный. Разгулъ озлобленной натуры, безумные порывы «униженнаго и оскорбленнаго» человѣка, выродились въ холодный, разсчетливый развратъ, въ самую ординарную нравственную испорченность. Свидригайловы и Рогожины заставляютъ васъ по временамъ содрогаться; Ламберты и Тришатовы внушаютъ къ себѣ одно лишь презрѣніе, и даже не презрѣніе, а какое то гадливое... сожалѣніе. Нравственные безумцы выродились въ нравственныхъ идіотовъ. Этого требовали новыя условія жизни; заурядное мошенничество, «накостничанье» изъ-за угла, «потихоньку и понемножку», стало теперь дѣломъ болѣе выгоднымъ и менѣе опаснымъ сравнительно съ «злодѣйскими» чудодѣйствіями «широкихъ натуръ». Широкимъ натурамъ пришлось сократиться. Дѣти это уразумѣли и сократились... по крайней мѣрѣ, на первое время. Не меньшей метаморфозѣ подверглась и другая типическая черта забитыхъ людей. Мечты отцовъ оказались уже совсѣмъ неутѣшительными для дѣтей; горизонтъ ихъ мысли настолько расширился, что Дѣвушкинская философія перестала ихъ удовлетворять; она годилась только до тѣхъ поръ, пока «устои жизни» были настолько тверды и непоколебимы, что въ голову забитыхъ людей и мысли даже не могло запасть о ихъ переходномъ состояніи и тлѣнности. Дѣвушкинъ былъ, напр., рѣшительно не въ состояніи себѣ представить, какъ можетъ начальство «не задавать тону» своему подчиненному и приниженному. «Да, вѣдь, на томъ и свѣтъ стоитъ, разсуждаетъ онъ,—что всѣ мы одинъ передъ другимъ тону задаемъ, чсо всякъ изъ насъ одинъ другого распекаетъ. Безъ этой предосторожности и свѣтъ-бы не стоялъ и порядка-бы не было». Далѣе, онъ твердо вѣровалъ, что «всякое состояніе опредѣлено Всевышнимъ на долю человѣческую. Тому опредѣлено быть въ генеральскихъ эполетахъ, этому служить титулярнымъ совѣтникомъ; такому-то повелѣвать, а такому-то повиноваться. Это уже по способности человѣка разсчитано; иной на одно способенъ, а другой на другое, а способности устроены самимъ Богомъ».

Разъ человѣкъ усвоилъ себѣ такую философію, онъ необходимо долженъ не только примириться съ некрасивой дѣйствительностью, но даже и умиляться передъ нею, находить свой міръ лучшимъ изъ наилучшихъ міровъ. Его мечты и утопіи не могутъ итти далѣе несбыточныхъ желаній сдѣлаться вдругъ генераломъ, жениться на богатой купчихѣ, заслужить благоволеніе начальства и т. п. Голядкинъ (въ «Двойникѣ»), желая какъ-нибудь утѣшиться послѣ всѣхъ своихъ жизненныхъ неудачъ, превращаетъ себя въ мечтахъ, конечно, въ идеально-ловкаго, умнаго, красиваго, пронырливаго и находчиваго малаго, отъ котораго всѣ безъ ума, который всюду принимается съ распростертыми объятіями и который не только не трепещетъ, но, въ нѣкоторомъ родѣ, даже за носъ водитъ свое начальство. Онъ испытываетъ невыразимое удовольствіе, сравнивая самимъ имъ созданнаго, идеальнаго Голядкина (двойника) съ Голядкинымъ реальнымъ. Онъ находитъ, что послѣдній все-таки лучше перваго, и эта мысль успокоиваетъ его.

Разумѣется, подобными игрушками «дѣти» не могли уже болѣе тѣшиться. Утративъ вѣру (подорванную въ нихъ самою жизнію) почти во все то, во что вѣрили ихъ отцы, они не могли успокоиться на ихъ философіи и, подобно имъ, примириться съ житейскими невзгодами и вообще со всею массою разныхъ «прижимокъ», оскорбленій и униженій. Отсюда само собою понятно, что ихъ «идеи» должны были рѣзко отличаться отъ ребяческихъ фантазій ихъ отцовъ. Понятно также, въ чемъ именно должно было состоять это различіе. Впрочемъ, если бъ даже для нѣкоторыхъ изъ читателей это было и непонятно, то пусть они обвиняютъ въ этомъ не меня, а самого автора. Самъ Достоевскій говоритъ о содержаніи этихъ идей или черезчуръ двусмысленно, или... или черезчуръ ужъ глупо. Руководится-ли онъ въ этомъ случаѣ какими-нибудь посторонними соображеніями, или же онъ и въ самомъ дѣлѣ не понимаетъ и путаетъ—рѣшать этого я не берусь, да оно и неособенно интересно. Для характеристики идейныхъ забитыхъ людей важно не столько самое содержаніе «идеи»,

сколько ея общее направленіе, и въ особенности ихъ отношеніе къ ней. Каково-же это общее направленіе и какъ относятся къ «идеѣ» мечтательные барчуки? Это само собою выяснится изъ анализа характера одного изъ ихъ представителей, Аркадія Макаровича Долгорукаго, незаконнаго сына помѣщика Версилова, и одной изъ его крѣпостныхъ «дѣвокъ».

*) Долгорукій былъ незаконнорожденный сынъ, помѣсь дворянской и мужицкой крови. Отца и матери онъ до 17 лѣтъ совсѣмъ не зналъ. «Съ дѣтства, разсказываетъ онъ,— меня отдали въ люди, для комфорта Версилова (отца).» До семи лѣтъ жилъ онъ гдѣ-то въ деревнѣ, потомъ отдали его на «выучку» въ пансіонъ къ Тушару, «плотненькому французику, лѣтъ сорока пяти и дѣйствительнаго парижскаго происхожденія, разумѣется, изъ сапожниковъ... человѣку глубоко необразованному». Пансіонъ считался аристократическимъ, въ немъ воспитывались все «князья и сенаторскія дѣти». Незаконный сынъ являлся въ нѣкоторомъ родѣ пятномъ среди этихъ княжескихъ и сенаторскихъ свѣтилъ, поэтому Тушаръ потребовалъ надбавки къ условленной платѣ. Ему отказали; онъ, разумѣется, пришелъ въ негодованіе. «Я припоминаю, говоритъ Подростокъ,—какъ онъ (т. е. Тушаръ), весь багровый, вошелъ тогда въ нашу классную, съ письмомъ въ рукахъ, подошелъ къ нашему большому дубовому столу, за которымъ мы всѣ шестеро что-то зубрили, крѣпко схватилъ меня за плечо, поднялъ со стула и велѣлъ захватить мои тетрадки. «Твое мѣсто не здѣсь, а тамъ», указалъ онъ мнѣ крошечную комнатку налѣво изъ передней, гдѣ стоялъ простой столъ, плетеный стулъ и клеенчатый диванъ... Я перешелъ съ удивленіемъ и очень оробѣвъ,— никогда еще со мною грубо не обходились... А между тѣмъ недѣли двѣ я ужасно важничалъ передъ товарищами, хвастался моимъ синимъ сюртукомъ и моимъ папенькой Андреемъ Петровичемъ. И вдругъ такой афронтъ!» Въ первую минуту, однако, Подростокъ еще не понималъ, что такое

*) „Дѣло" 1876 г., № 6. (Продолженіе той-же критической статьи).

случилось, и за что разгнѣвалось на него начальство. Когда Тушаръ вышелъ изъ классной, я сталъ переглядываться съ товарищами и пересмѣиваться; конечно, они надо мною смѣялись, но я о томъ не догадывался, и думалъ, что мы смѣемся оттого, что намъ весело. Тутъ какъ разъ налетѣлъ Тушаръ, схватилъ меня за вихоръ и давай таскать. «Ты не смѣешь сидѣть съ благородными дѣтьми, ты подлаго происхожденія и все равно, что лакей!» и онъ пребольно ударилъ меня по моей пухлой румяной щекѣ. Ему это тотчасъ-же понравилось, и онъ ударилъ меня во второй и въ третій разъ. Цѣлый часъ просидѣлъ я, закрывшись руками, и плакалъ-плакалъ».

Съ этого дня жизнь мальчика въ пансіонѣ совсѣмъ измѣнилась. Тушаръ вымещалъ на немъ свою злобу, по поводу не сбывшейся надежды на прибавку платы; онъ всячески унижалъ и оскорблялъ его передъ «князьями и сенаторскими дѣтьми», желая, быть можетъ, внушить имъ возвышенное мнѣніе о своемъ собственномъ происхожденіи. Впрочемъ, «билъ онъ меня какихъ-нибудь мѣсяца два. Я, помню, все хотѣлъ его чѣмъ-то обезоружить, бросался цѣловать его руку и цѣловалъ ее и все плакалъ. Товарищи смѣялись надо мною и презирали меня, потому что Тушаръ сталъ употреблять меня иногда, какъ прислугу, приказывалъ подавать себѣ платье, когда одѣвался... Кончилъ онъ тѣмъ, что полюбилъ болѣе пинать меня колѣнкомъ сзади, чѣмъ бить по лицу; а черезъ полгода такъ даже сталъ меня иногда ласкать; только нѣтъ, нѣтъ, а въ мѣсяцъ разъ навѣрное побьетъ для напоминанія, чтобы не забывался...»

«Была-ли во мнѣ злоба? Не знаю, можетъ-быть, и была. Странно, во мнѣ всегда была, и, можетъ-быть, съ самаго перваго дѣтства, такова черта: коли уже мнѣ сдѣлали зло, унизили окончательно, оскорбили глубоко, до послѣднихъ предѣловъ, то всегда тутъ-же являлось у меня неутолимое желаніе пассивно подчиниться оскорбленію и даже пойти впередъ желаніямъ обидчика: «На-те, вы унизили меня, такъ я еще пуще унижусь, вотъ, смотрите, любуйтесь!» Тушаръ билъ меня и хотѣлъ показать, что

я лакей, а не сенаторскій сынъ, и вотъ я сейчасъ-же самъ вошелъ въ роль лакея. Я не только подавалъ ему одѣваться, но я самъ схватывалъ щетку и начиналъ счищать съ него послѣднія пылинки, вовсе уже безъ его просьбы или приказанія, самъ гнался иногда за нимъ со щеткою, въ пылу лакейскаго усердія, чтобы смахнуть какую-нибудь послѣднюю соринку съ его фрака, такъ что онъ самъ останавливалъ меня иногда: «Довольно, довольно, Аркадій, довольно». Онъ придетъ, бывало, сниметъ верхнее платье, а я его вычищу, бережно сложу и накрою клѣтчатымъ шелковымъ платочкомъ. Я знаю, что товарищи смѣются и презираютъ меня за это, отлично знаю, но мнѣ это-то и любо. «Коли захотѣли, чтобы я былъ лакей, ну, такъ вотъ я и лакей: хамъ, такъ хамъ и есть». Пассивную ненависть и подпольную злобу въ этомъ родѣ я могъ продолжать годами...»

Въ этомъ мастерскомъ анализѣ прекрасно обрисовывается одна изъ характеристическихъ особенностей «души» забитаго человѣка. Забитый человѣкъ—когда онъ даже злобствуетъ и протестуетъ,—старается (впрочемъ, не старается, это у него само собою выходитъ) такъ злобствовать и такъ протестовать, чтобы этого никто не замѣтилъ; онъ забирается какъ можно глубже въ сокровенныя нѣдра своей души и тамъ только позволяетъ себѣ ворчать и хмуриться. Онъ протестуетъ, но протестуетъ весьма оригинальнымъ способомъ: его бьютъ по одной щекѣ, онъ подставляетъ другую. «Бей, бей сколько влѣзетъ, чѣмъ больше будешь бить, тѣмъ мнѣ лучше! Что взялъ? Ты думалъ меня обидѣть, а я, вѣдь, нисколько не обижаюсь, напротивъ, мнѣ это доставляетъ даже нѣкоторое удовольствіе». Да, какъ это ни странно, а это такъ: забитый человѣкъ находитъ наслажденіе въ созерцаніи своего самоуничиженія. Ему пріятно поразить своихъ притѣснителей неожиданнымъ сюрпризомъ. Когда Подростка заподозрѣли на рулеткѣ у Зерщикова въ кражѣ денегъ, онъ крикнулъ на всю залу: «Донесу на всѣхъ, рулетка запрещена полиціей». «Клянусь, говоритъ онъ,—что и тутъ было нѣчто подобное: меня унизили, обыскали, огласили воромъ, убили,

ну, такъ знайте-же всѣ, что вы угадали: я не только воръ, но я и доносчикъ».

Но, само собою разумѣется, этотъ протестъ собственными своими боками и щеками, протестъ рабскаго безсилія, не можетъ вполнѣ успокоить забитаго человѣка, не можетъ примирить его съ окружающею дѣйствительностью. И вотъ онъ или создаетъ себѣ особую философію, подобную философіи Дѣвушкина, или, подобно Аркадію Макаровичу, уединяется въ себя, отрекается отъ людей и всецѣло погружается въ міръ фантазіи и воздушныхъ замковъ. Аркадій Макаровичъ (Подростокъ), по его собственнымъ словамъ, только тогда и былъ счастливъ, когда, «ложась спать и закрываясь одѣяломъ, начиналъ уже одинъ, въ самомъ полномъ уединеніи, безъ ходящихъ кругомъ людей и безъ единаго отъ нихъ звука, пересоздавать жизнь на иной ладъ». «Самая яростная мечтательность, — разсказываетъ онъ, — сопровождала меня вплоть до открытія «идеи», когда всѣ мечты изъ глупыхъ разомъ стали разумными и изъ мечтательной формы романа перешли въ разсудочную форму дѣйствительности». У всякихъ мечтаній, у всякой фантазіи непремѣнно есть своя логика. Эта логика безсознательно приводитъ человѣческій умъ къ извѣстнымъ обобщеніямъ, въ которыхъ сливается и исчезаетъ все частное, единичное и отрывочное. «Идея» Подростка именно и была однимъ изъ такихъ обобщеній. Она весьма послѣдовательно вытекала изъ его положенія. О чемъ всегда мечтаетъ голодный? О вкусномъ обѣдѣ. О чемъ мечтаетъ больной? О здоровьи. О чемъ мечтаютъ люди непривлекательной наружности, конфузливые, неловкіе, ненаходчивые? О чемъ мечталъ Голядкинъ? Онъ воображалъ себя свѣтскимъ, развязнымъ и весьма недурнымъ собою молодымъ человѣкомъ, который вездѣ умѣетъ найтись, всюду пролѣзть, который не постоитъ за словомъ, передъ которымъ таютъ сердца всѣхъ барышень и настежь отворяются двери начальническихъ кабинетовъ, аристократическихъ салоновъ и даже таинственныхъ будуаровъ великосвѣтскихъ красавицъ. О чемъ же долженъ мечтать человѣкъ, ежеминутно сознающій свое безсиліе, свою бѣдность, необезпеченность и раб-

скую зависимость отъ окружающихъ людей? Понятно, онъ будетъ мечтать именно о томъ, чего у него нѣтъ: о силѣ, о могуществѣ, о независимости. Объ этихъ предметахъ онъ именно и мечталъ, «легши на постель и закрывшись одѣяломъ». Сначала эти мечты были «глупы», неясны, спутаны. Но «подъ ними работала, получившая уже толчокъ, до извѣстной степени уже возбужденная мысль мальчика-юноши. Мысль эта черпала свои матеріалы изъ окружающей жизни и изъ ограниченнаго, неполнаго, односторонняго опыта Подростка. Эта жизнь и этотъ опытъ убѣждали юношу, что у людей, конечно, у тѣхъ людей, которыхъ онъ зналъ, — во всѣхъ ихъ дѣлахъ и отношеніяхъ самую главную, самую выдающуюся роль играютъ деньги и богатство. Только богатый человѣкъ можетъ дѣлать все, что вздумаетъ, только богатаго всѣ уважаютъ, только ему все прощается и все забывается. И какъ это легко сдѣлаться богатымъ! Для этого не нужно обладать никакими чрезвычайными талантами, не нужно быть ни особенно умнымъ, ни особенно благороднымъ, ни особенно ловкимъ и находчивымъ: нужно только умѣть копить деньги». Умѣть копить деньги,—но, вѣдь, это именно дѣло посредственности, дѣло человѣка, не способнаго ни на какія увлеченія, ни дурныя ни хорошія, ни на какія сильныя страсти ни на какія возвышенныя идеи, — человѣка, привыкшаго ко всякаго рода лишеніямъ, съ ограниченными потребностями, безъ претензій и излишней гордости, — однимъ словомъ, человѣка самаго заурядnаго, даже ничтожнаго. «Деньги, разсуждаетъ Подростокъ, — это единственный путь, который приводитъ на первое мѣсто даже самое ничтожество». Какъ же не схватиться за этотъ путь человѣку забитому, самоуничижающемуся, сознающему свое безсиліе, и въ то же время мечтающему о силѣ и могуществѣ? Пусть я не особенно уменъ, разсуждаетъ Подростокъ, но разъ у меня деньги — меня прославятъ чуть-чуть не геніемъ. «Я, напримѣръ, знаю по зеркалу, что моя наружность мнѣ вредитъ, потому что лицо мое ординарно. Но будь я богатъ, какъ Ротшильдъ, кто будетъ справляться съ лицомъ моимъ, и не тысячи-ли женщинъ, только свисни, налетятъ ко мнѣ

съ своими красотами? Я даже увѣренъ, что онѣ сами совершенно-искренно станутъ считать меня подъ конецъ красавцемъ».

Подростокъ разсуждалъ, какъ видите, вполнѣ логично. И сколько подростковъ разсуждаютъ точно такимъ же образомъ! Для сколькихъ изъ нихъ, какъ и для него, всѣ мечты о силѣ, о могуществѣ и т. п., воплощаются въ идею о деньгахъ!

Попавъ на эту идею, Аркадій Макаровичъ сдѣлалъ ее главнымъ предметомъ своимъ уединенныхъ мечтаній, своихъ ночныхъ бдѣній. Мало-по-малу она стала его господствующею идеею, его idée fixe; онъ весь ушелъ въ нее, она примиряла его съ дѣйствительностью, она его утѣшала и успокоивала. Постоянно вдумываясь и развивая ее, онъ окончательно формулировалъ ее такимъ образомъ: «Хочу стать Ротшильдомъ, стать такъ же богатымъ, а именно, какъ Ротшильдъ»,—не просто богатымъ, а именно, какъ Ротшильдъ. Чтобы достичь осуществленія этого желанія, нужно одно лишь «упорство (въ накопленіи денегъ) и непрерывность». Средства, которыя выбираетъ человѣкъ для достиженія своей цѣли, всегда въ извѣстной степени опредѣляются его характеромъ. И въ этомъ отношеніи, для характеристики забитаго идейнаго человѣка, весьма интересно познакомиться съ мечтами Подростка о томъ, какимъ образомъ считалъ онъ возможнымъ осуществить свою завѣтную идею — стать Ротшильдомъ. Несомнѣнно, что эта идея — въ нѣсколько иной, быть можетъ, постановкѣ— преслѣдуетъ очень многихъ, и старыхъ и юныхъ, и забитыхъ и незабитыхъ личностей. Всѣ (за исключеніемъ развѣ самаго ничтожнаго меньшинства) гоняются за деньгами, за богатствомъ, за «наживою»; исканіе богатства — это одинъ изъ самыхъ всеобщихъ и самыхъ могущественныхъ двигателей человѣческой дѣятельности. Анна Андреевна (законная дочь Версилова, слѣдовательно, сестра по отцѣ, Подростка) и князья Сокольскіе, и Катерина Николаевна, и самъ Версиловъ, и Ламберты, и Тришатовы, и Стебельковы—всѣ они одержимы желаніемъ заполучить побольше денегъ и разбогатѣть. Подростокъ въ этомъ случаѣ закон-

ный сынъ своей среды, онъ воплощаетъ въ себѣ ея самый насущный интересъ, ея господствующую идею. Однако Анна Андреевна, князь Сокольскій, Стебельковъ, Тришатовъ, Ламбертъ etc. —дѣйствуютъ, такъ сказать, безсознательно; пріобрѣтеніе денегъ—это для нихъ не отвлеченная, теоретическая идея, какъ у Подростка, а простой, малоосмысленный эгоистическій интересъ, выгода; они не пытаются даже идеализировать этой выгоды, они не скрываютъ и не прячутъ ея, какъ нѣчто святое, завѣтное, напротивъ, они открыто ее заявляютъ какъ вещь самую ординарную, всѣмъ извѣстную и для всѣхъ понятную. Они не подходятъ къ ней разными извилинами и окольными путями; они идутъ прямо, не слишкомъ задумываясь передъ средствами. Нужно продать себя—они съ удовольствіемъ себя продадутъ, какъ дѣлаетъ Анна Андреевна; требуется поддѣлать фальшивый вексель или акціи — они поддѣлаютъ, подобно Стебелькову; нужно, чтобъ выманить деньги, пуститься въ шантажъ — они займутся шантажомъ (Ламбертъ, Тришатовъ) и т. п. Болѣе хищные изъ нихъ не отступятъ передъ открытымъ грабежомъ и убійствомъ, если обстоятельства и сила характера выведутъ ихъ на большую дорогу.

Но человѣкъ забитый и запуганный никогда не рѣшится практиковать этихъ нелегальныхъ и нерѣдко черезчуръ смѣлыхъ средствъ. Онъ будетъ собирать по грошамъ, собирать на основаніи такихъ-то и такихъ-то статей закона, прятать собранное и мало-по-малу скапливать свой, собственнымъ трудомъ, законно пріобрѣтенный капиталецъ. Вмѣсто того, чтобы дерзновенно запускать лапу въ карманъ ближняго, онъ будетъ не допивать, не доѣдать, лишитъ себя всего необходимаго. На Волгѣ, на одномъ изъ пароходовъ, умеръ какъ-то одинъ нищій, ходившій въ лохмотьяхъ, собиравшій милостыню, всѣмъ тамошнимъ хорошо извѣстный. У него, послѣ смерти, нашли зашитыми въ рубищѣ до трехъ тысячъ кредитными билетами. Этотъ нищій—типъ пріобрѣтателя-капиталиста изъ забитыхъ людей. Онъ, какъ и всякій хищникъ, одержимъ страстью къ деньгамъ, къ богатству, но пріобрѣтаетъ онъ это богатство

путями самыми невинными и, если хотите, самыми наивными: онъ урываетъ кусокъ не у сосѣда, а у себя самого, онъ накапливаетъ (впрочемъ, очень рѣдко) тысячи, но не на чужой, а на свой собственный счетъ. Забитый, приниженный человѣкъ боится всякаго риска, всякаго смѣлаго предпріятія; онъ вполнѣ доволенъ и тѣмъ, если ему удастся утянуть хоть маленькую крошечку съ роскошнаго стола счастливцевъ. Дальше этой крошечки его честолюбіе не идетъ. Хоть мало, но вѣрно, — вотъ его девизъ. «Не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки» — вотъ его любимая пословица.

«Не задолго до французской революціи, разсуждаетъ Подростокъ, — явился въ Парижѣ нѣкто Лоу и затѣялъ одинъ въ принципѣ геніальный проектъ. Весь Парижъ взволновался, акціи Лоу покупались на расхватъ, до давки. Въ домъ, въ которомъ была подписка, сыпались деньги, какъ изъ мѣшка, но и дома, наконецъ, не достало... подписка перешла, наконецъ, на улицу, но негдѣ было писать. Тутъ одному горбуну предложили уступить на время свой горбъ, въ видѣ стола, для подписки на немъ акцій. Горбунъ согласился... Нѣкоторое время спустя, всѣ обанкротились, все лопнуло, вся идея полетѣла къ чорту, и акціи потеряли всякую цѣну. Кто же выигралъ? Одинъ горбунъ, именно потому, что бралъ не акціи, а наличные луидоры». Ну-съ, восклицаетъ нашъ забитый идейный человѣкъ,— я вотъ и есть тотъ самый горбунъ!»

Дѣлать изъ своей спины подставку, на которой совершаются тысячныя и милліонныя аферы, и получить за это нѣсколько луидоровъ, но наличными,—таково, по мнѣнію забитыхъ людей, вѣрнѣйшее и удобнѣйшее средство зашибить себѣ копейку. Имъ не нужно ни предпріимчивости, ни отваги, ни находчивости, ни даже ума; имъ нужно одно только терпѣніе, гибкость спины и ничѣмъ непоколебимая выносливость. Такъ именно и понималъ это дѣло Аркадій Макаровичъ. Путь наживы представлялся ему не иначе, какъ путемъ «схимническихъ подвиговъ» и аскетическаго самопостязанія. И какъ только «идея» запала въ его голову, онъ сейчасъ же началъ приготовлять себя къ схимни-

честву и производить надъ собою различные аскетическіе эксперименты. Прежде всего онъ сталъ пріучать себя къ голоданію. Съ этою цѣлью,—разсказываетъ онъ самъ,—я въ первый мѣсяцъ ѣлъ только одинъ хлѣбъ съ водой. Чернаго хлѣба выходило не болѣе двухъ съ половиною фунтовъ ежедневно... Я устроилъ такъ, чтобы обѣдъ мнѣ приносили въ мою комнату (онъ жилъ тогда уже не у Тушара, а у нѣкоего учителя Николая Семеновича). Тамъ я его просто истреблялъ: супъ выливалъ въ окно, въ кадушку, или въ кой-какое другое мѣсто, говядину или кидалъ въ окно собакамъ, или, завернувъ въ бумагу, клалъ въ карманъ и выносилъ потомъ вонъ, и все прочее. Мѣсяцъ выдержалъ, можетъ-быть, только нѣсколько разстроилъ желудокъ; но съ слѣдующаго мѣсяца я прибавилъ къ хлѣбу супъ, а утромъ и вечеромъ по стакану чаю, и, увѣряю васъ, такъ провелъ годъ въ совершенномъ здоровьѣ и довольствѣ, а нравственно—въ упоеніи и въ непрерывномъ тайномъ восхищеніи»... Не удовлетворившись этой пробой, я сдѣлалъ и вторую: на карманные расходы мои... мнѣ полагалось ежемѣсячно по пяти рублей... Я положилъ изъ нихъ тратить лишь половину. Это было очень трудное испытаніе, но черезъ два слишкомъ года, по пріѣздѣ въ Петербургъ, у меня въ карманѣ, кромѣ другихъ денегъ, было семьдесятъ рублей, накопленныхъ единственно изъ этого сбереженія».

Но если для опредѣленія натуры забитаго человѣка въ высшей степени характерною чертою является его взглядъ относительно того, какъ «капиталъ пріобрѣсти», то не менѣе характерную черту представляютъ также и его мечты о томъ, какъ онъ будетъ пользоваться этимъ пріобрѣтеннымъ капиталомъ. Зачѣмъ и во имя чего обрекаетъ онъ себя на жизнь аскета? Съ какою цѣлью подготовляетъ онъ себя къ «подвигамъ схимничества»? Можетъ-быть, онъ хочетъ на время только помучить свою плоть, чтобы потомъ сторицею вознаградить себя за свои лишенія? Можетъ-быть, онъ не болѣе, какъ хитрый и разсчетливый эгоистъ? Можетъ-быть, имъ руководятъ соображенія въ родѣ слѣдующихъ: «потерплю, помучаюсь, сокращусь до поры, до вре-

мени, но ужъ за-то потомъ, когда сдѣлаюсь Ротшильдомъ, тутъ-то я развернусь, тутъ-то я покажу всѣмъ этимъ людишкамъ, которые теперь издѣваются надо мною, топчутъ меня въ грязь, какъ я силенъ и могучъ; я заставлю ихъ пресмыкаться передо мною, лизать мои руки... я отомщу имъ — хотя бы даже своимъ великодушіемъ — за все, за все»...

Дѣйствительно, такъ разсуждаютъ очень многіе изъ забитыхъ людей... Но это еще не самые забитые люди, въ нихъ еще живетъ желаніе протеста, можетъ-быть, дикаго, безсмысленнаго, однако, все-таки протеста. Они не могутъ настолько примириться съ своимъ «унизительнымъ и оскорбительнымъ» положеніемъ, чтобы не чувствовать жгучей потребности, хоть разъ, хоть на одну минуту, выйти изъ него, и дать волю своимъ вѣчно подавляемымъ, вѣчно сдерживаемымъ «страстямъ и похотямъ». Они еще думаютъ о возмездіи, въ глубинѣ ихъ души еще таится нѣкоторая надежда, ихъ натура не окончательно надломлена, она еще способна къ реакціи; они согнулись, притихли, принизились,—но они еще могутъ когда-нибудь, при благопріятныхъ условіяхъ, выпрямиться и разогнуться во весь ростъ. Люди же совсѣмъ забитые не могутъ даже и этого: они до такой степени ушли внутрь себя, что ихъ уже оттуда ничѣмъ не выгонишь. Дайте имъ деньги, силу, могущество—они не воспользуются ими; они откажутся отъ власти, и съ руками, полными золота, будутъ жить нищими. «Будь только у меня могущество,—разсуждалъ Подростокъ,—мнѣ и не понадобится оно вовсе; увѣряю, что самъ, по своей волѣ, займу вездѣ послѣднее мѣсто. Будь я Ротшильдъ, я бы ходилъ въ старенькомъ пальто и съ зонтикомъ. Какое мнѣ дѣло, что меня толкаютъ на улицѣ, что я принужденъ перебѣгать въ припрыжку по грязи, чтобы меня не раздавили извощики. Сознаніе, что это я, самъ Ротшильдъ, даже веселило бы меня въ ту минуту. Я знаю, что у меня можетъ быть обѣдъ, какъ ни у кого, и первый въ свѣтѣ поваръ; съ меня довольно, что я это знаю. Я съѣмъ кусокъ хлѣба и ветчины, и буду сытъ моимъ сознаніемъ». Пусть надъ ними смѣ-

ются и топчутъ ихъ въ грязь—они не станутъ протестовать. съ нихъ вполнѣ достаточно одного сознанія, что они могутъ сдѣлать. «О, мечтаетъ идейный человѣкъ—пусть обижаетъ меня этотъ нахалъ генералъ на станціи, гдѣ мы оба ждемъ лошадей; если бы зналъ онъ, кто я, онъ побѣжалъ-бы самъ ихъ запрягать и выскочилъ бы сажать меня въ скромный тарантасъ... О, пусть, пусть эта страшная красавица, эта дочь этой пышной и знатной аристократіи, случайно встрѣтясь со мною на пароходѣ или гдѣнибудь, коснтся и, вздернувъ носъ, съ презрѣніемъ удивляется, какъ смѣлъ попасть въ первое мѣсто, рядомъ съ нею, этотъ скромный и плюгавый человѣчекъ съ книжкою или газетою въ рукахъ! Но, если бы только она знала, кто сидитъ подлѣ нея!»...

Вникните-же въ душевное состояніе человѣка, способнаго разсуждать такимъ образомъ. Онъ такъ освоился съ своимъ «униженнымъ», затертымъ положеніемъ, что въ его головѣ даже и мысли не является высвободиться изъ него. Онъ можетъ себя представить Ротшильдомъ, но Ротшильдомъ забитымъ, «униженнымъ и оскорбленнымъ», гордымъ однимъ только внутреннимъ сознаніемъ, что я, молъ, все-таки Ротшильдъ! Богатство и сила нужны ему не для того, чтобы дѣйствительно, реально отстаивать свои человѣческія права, а только для того, чтобы имѣть право сказать себѣ: «могъ бы и я воспользоваться всѣми этими правами, да самъ не хочу!» Я зналъ одного юношу. Ему пришлось очень долго прожить въ одномъ захолустьѣ, въ такомъ мѣстѣ, куда «Макаръ телятъ не гонялъ»; жить было скверно, дѣлать было рѣшительно нечего: юноша по цѣлымъ днямъ лежалъ на ободранномъ диванѣ у своей старой и ворчливой хозяйки и мечталъ, мечталъ,—конечно, о томъ счастливомъ времени, когда онъ получитъ возможность жить, гдѣ вздумается, и дѣлать, что хочется. Наконецъ, онъ ее получилъ, и... что вы думаете, какъ онъ ею воспользовался? Онъ остался у своей старой хозяйки и продолжаетъ лежать на своемъ ободранномъ диванчикѣ, попрежнему мечтая... о чемъ же? Да вотъ о томъ, куда бы могъ поѣхать, что бы онъ могъ сдѣ-

лать... если бы захотѣлъ! «Стыдитесь, писали ему товарищи,—не мучьте себя добровольно: возвращайтесь къ намъ, у насъ много для васъ найдется дѣла. Неужели еще вамъ не надоѣла ваша праздная и безполезная жизнь, неужели вамъ не опротивѣло общество Макаровыхъ телятъ!»—«Когда я читаю эти письма,—говорилъ онъ мнѣ,—я испытываю неизъяснимое наслажденіе. Я сознаю, что я могу быть человѣкомъ полезнымъ, могу дѣло дѣлать, что за мною что-то стоитъ, что я, однимъ словомъ, хотя и маленькая, а все-таки возможная сила!»—Но отчего вы не хотите изъ возможной силы стать силою дѣйствительною?—«Да потребности никакой не чувствуется. Мое сознаніе вполнѣ меня удовлетворяетъ, я внутренно счастливъ, а больше мнѣ ничего и не надо!» А между тѣмъ, замѣтьте, это былъ совсѣмъ не такой лѣнтяй и пентюхъ по природѣ. Напротивъ, въ прежнее время онъ отличался необыкновенною подвижностью и дѣятельностью, притомъ-же былъ одержимъ самыми возвышенными и благородными стремленіями. Но продолжительное сожитіе съ Макаровыми телятами до такой степени сузило и ограничило не только его нравственныя, но даже и чисто-физическія потребности, до такой степени разслабило его жизненную энергію, что у него пропала всякая охота приниматься за какое-нибудь дѣло, что онъ не способенъ даже перемѣнить своего образа жизни. Сознаніе, что онъ можетъ и за дѣло взяться и жизнь свою иначе устроить, если только захочетъ—это сознаніе вполнѣ его удовлетворяло и утѣшало даже. Но, вѣдь, это-же эгоизмъ, самый грубый, самый возмутительный эгоизмъ? Да, читатель, самый грубый, самый возмутительный эгоизмъ. Эгоизмъ есть неизбѣжное, логическое слѣдствіе человѣческой забитости; и чѣмъ болѣе человѣкъ забитъ, чѣмъ болѣе его «оскорбляютъ и унижаютъ», тѣмъ сильнѣе развивается въ немъ потребность «уйти отъ людей», махнувъ рукою на всѣ ихъ дѣла, замкнуться «въ себѣ самомъ», замуравить въ тѣсной клѣткѣ своего «внутренняго сознанія» всѣ свои «человѣческія стремленія, все свое человѣческое достоинство»,—иными словами, тѣмъ эгоистичнѣе, чѣмъ безчеловѣчнѣе онъ становится.

Г. Достоевскій вѣрно и тонко подмѣтилъ эту характерную черту забитыхъ людей. Всѣ они у него эгоисты, отчасти меланхолики, избѣгающіе общества, вѣчно замкнутые въ своемъ маленькомъ, микроскопическомъ «я». Въ Подросткѣ этотъ эгоизмъ обнаруживается всего реальнѣе; по всей вѣроятности, происходитъ это отъ того, что онъ, въ качествѣ человѣка идейнаго, вѣчно резонирующаго, очень любилъ копаться въ подонкахъ своей души. Онъ выталкиваетъ изъ нея всю грязь, размазываетъ и любуется ею. Для насъ открывается, такимъ образомъ, возможность, безъ малѣйшаго труда съ нашей стороны, весьма основательно ознакомиться съ сокровеннѣйшими мотивами его больной, надорванной и искалѣченной души. «Съ двѣнадцати лѣтъ, говоритъ онъ,—т. е. почти съ зарожденія правильнаго сознанія, я сталъ не любить людей... я никакъ не могу всего высказать даже близкимъ людямъ, т. е. могъ-бы, да не хочу, почему-то удерживаюсь... Я недовѣрчивъ, угрюмъ и несообщителенъ. Опять-таки я давно уже замѣтилъ въ себѣ черту, чуть не съ дѣтства, что слишкомъ часто обвиняю, слишкомъ наклоненъ къ обвиненію другихъ... Я не находилъ ничего въ обществѣ людей, какъ ни старался, а я старался; по крайней мѣрѣ, всѣ мои однолѣтки, всѣ мои товарищи, всѣ до одного оказались ниже меня мыслями: я не понимаю ни единаго исключенія. Да, я сумраченъ, я безпрерывно закрываюсь. Я часто желаю выйти изъ общества... я не вижу ни малѣйшей причины дѣлать людямъ добро. И совсѣмъ люди не такъ прекрасны, чтобы объ нихъ такъ заботиться...»

На собраніи въ кружкѣ Дергачева—куда нашъ герой попалъ, впрочемъ, совершенно случайно—Подростокъ слѣдующимъ образомъ излагаетъ свое profession de foi: «Пока у меня есть два рубля, я хочу жить одинъ, ни отъ кого не зависѣть и ничего не дѣлать даже для того великаго будущаго человѣчества, работать на которое приглашали господина Крафта! Личная свобода, т. е. моя собственная съ, на первомъ планѣ, а дальше знать ничего не хочу... Что мнѣ за дѣло до того, что будетъ черезъ тысячу лѣтъ

съ этимъ вашимъ человѣчествомъ, если мнѣ за это по вашему кодексу, ни любви, ни будущей жизни, ни признанія за мною подвига? Нѣтъ-съ, если такъ, то я самымъ преневѣжливымъ образомъ буду жить для себя, а тамъ хоть бы всѣ провалились!» Эти слова не нуждаются въ комментаріяхъ. Но это были не одни только слова. Аркадій Макаровичъ не только въ своихъ мысляхъ, но и въ поступкахъ, въ своихъ отношеніяхъ къ окружающимъ и даже самымъ близкимъ ему людямъ, является эгоистомъ, — эгоистомъ тщеславнымъ, подозрительнымъ, до болѣзненности самолюбивымъ. Подъ вліяніемъ этого эгоизма онъ, быть можетъ, самъ того не желая, постоянно мучитъ, терзаетъ и оскорбляетъ и свою мать и своего отца—которыхъ тѣмъ не менѣе онъ очень любилъ, — онъ кокетничалъ своею незаконнорожденностью (хотя юридически онъ считался законнымъ сыномъ законнаго супруга своей матери—Долгорукаго) и «тѣмъ самымъ, какъ справедливо замѣчаетъ Версиловъ, — онъ разоблачаетъ тайну матери, и изъ-за какой-то ложной гордости тащитъ ее на судъ передъ первою встрѣчною грязью». Онъ дуется и отстраняется отъ людей, которыхъ считаетъ или которые считаются чѣмъ-нибудь лучше его. Разъ какъ-то «въ минуту восторженности» онъ расхвалилъ своего знакомаго Васина. «И что же? Въ тотъ-же вечеръ, говоритъ онъ,— я уже почувствовалъ, что гораздо меньше люблю его. Почему? Именно потому, что, расхваливъ его, я тѣмъ самымъ принизилъ передъ нимъ себя». «Съ самыхъ низшихъ классовъ гимназіи, признается онъ далѣе,—чуть кто изъ товарищей опережалъ меня или въ наукахъ, или въ острыхъ отвѣтахъ, или въ физической силѣ, я тотчасъ-же переставалъ съ нимъ водиться и говорить».

Ради чисто-логичнаго, эгоистическаго чувства, онъ входитъ въ товарищество съ глубоко презираемымъ имъ шантажистомъ Ламбертомъ, выдаетъ ему тайну любимой женщины и вступаетъ съ нимъ въ заговоръ, съ цѣлью погубить ее. То же личное чувство заставляетъ его хранить документъ, ему не принадлежащій и весьма важный для той особы (Катерины Николаевны), которой онъ обязанъ

былъ, по собственному сознанію, немедленно передать его. Когда онъ узнаетъ, что его сестра состоитъ въ связи съ княземъ Сокольскимъ—на счетъ котораго онъ жилъ,—у него прежде всего является мысль: «какъ это она могла *его* обманывать? *его* подвергать позору? какъ этотъ князь долженъ *его* презирать и т. п. Его *я* стоитъ у него на первомъ планѣ: онъ только о *себѣ* думаетъ, о *себѣ* заботится. А между тѣмъ онъ очень любитъ сестру, онъ ей вполнѣ сочувствуетъ, но какъ ни сильна эта любовь, какъ ни велико это сочувствіе, они не въ силахъ побороть въ немъ голоса уязвленнаго самолюбія, эгоистическаго тщеславія...

«Однако, позвольте, замѣтитъ читатель,—вы представляете душу забитаго идейнаго человѣка въ такихъ черныхъ краскахъ, что самъ собою навязывается вопросъ: если это правда, то чѣмъ-же тогда отличается этотъ идейный человѣкъ отъ какого-нибудь безыдейнаго Ламберта, Тришатова, даже Стебелькова? Неужели только тѣмъ, что онъ болѣе ихъ забитъ, что онъ менѣе ихъ способенъ на активный протестъ—тотъ единственно доступный имъ протестъ, который выражается у нихъ въ формѣ грубаго и хищнаго стяжанія?» Нѣтъ, это не совсѣмъ или, лучше сказать, это совсѣмъ не такъ. У Подростка есть *идея*, и какая бы ни была эта идея, а все-же она ставитъ его неизмѣримо высоко сравнительно съ разными Лambертами, Стебельковыми и Тришатовыми; она свидѣтельствуетъ о *человѣчности* его натуры, она та «божія искра», которая выдѣляетъ его изъ толпы безыдейныхъ, пресмыкающихся рабовъ. Подумайте-ка, въ самомъ дѣлѣ, почему это онъ, забитый подростокъ, могъ развиться до «идеи», а какой-нибудь Ламбертъ не могъ? Оба они воспитывались подъ давленіемъ болѣе или менѣе тождественныхъ условій, учились даже въ одномъ и томъ же пансіонѣ, у «толстенькаго французика» Тушара. Жизненные факты, съ которыми имъ приходилось сталкиваться, должны были оставлять въ ихъ душѣ почти одинаковые слѣды, почти однородныя впечатлѣнія. Мало того, эти одинаковыя впечатлѣнія привели ихъ къ выводу болѣе или менѣе одинаковому: «стремись

къ богатству, въ немъ твое спасеніе». Но вотъ тутъ-то и начинается различеніе: у одного этотъ выводъ остается на степени полубезсознательнаго, почти инстинктивнаго, мало осмысленнаго влеченія; у другого онъ претворяется въ идею, въ принципъ, въ теорію; одинъ всецѣло отдается теченію своихъ эгоистическихъ похотей и вожделеній; другой—ставитъ на ихъ мѣсто идею, и ей старается подчинить свою жизнь, свою дѣятельность. Разница огромная, но чѣмъ же она обусловливается, отъ чего зависитъ? Мнѣ кажется, отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, отъ большей впечатлительности или, выражаясь словами г. Достоевскаго, большей «отзывчивости идейныхъ людей; во-вторыхъ, отъ преобладанія у нихъ интеллектуальной стороны надъ чувственною, аффективною. Это преобладаніе и эта отзывчивость находятся между собою въ тѣсной связи и составляютъ одну изъ выдающихся особенностей забитыхъ людей этой категоріи. Объясненіе этой особенности съ психологической точки зрѣнія не представляетъ большого затрудненія.

Представьте себѣ человѣка, совершенно устраненнаго отъ всякой самостоятельной, активной дѣятельности,—человѣка, привыкшаго считать себя въ обществѣ за нуль и дѣйствительно постоянно играющаго въ немъ роль нуля,—что ему остается дѣлать, если въ немъ сохранилась хоть какая-нибудь искра человѣчности, какъ не удалиться въ свое внутреннее *я*, въ міръ идей, въ безпечальную область вѣчнаго пассивнаго самосозерцанія и самораскапыванія? Всѣ его дѣятельныя, активныя способности, нигдѣ не находя себѣ никакого приложенія, поневолѣ отупѣютъ и мало-помалу совершенно атрофируются. Его психическая жизнь получитъ одностороннее, уродливое направленіе; созерцательныя наклонности разовьются въ ущербъ всѣмъ остальнымъ, и идейная сторона станетъ преобладающею стороною его душевнаго міра. Отсюда само собою вытекаетъ, съ одной стороны, то преувеличенное значеніе, которое придаетъ человѣкъ своимъ «идеямъ»; съ другой—его неспособность относиться вполнѣ трезво и реально къ впечатлѣніямъ, дѣйствующимъ на него извнѣ: онъ разсматри-

ваетъ ихъ, такъ сказать, сквозь увеличительное стекло,—стекло черезчуръ субъективное, а потому онъ рѣдко умѣетъ правильно координировать ихъ: одно какое-нибудь впечатлѣніе данной минуты затмеваетъ собою на время не только впечатлѣнія непосредственно предшествовавшія и существующія, но и впечатлѣнія, уже сложившіяся въ идею. Такимъ образомъ, идея отходитъ на задній планъ, въ самыя темныя, сокровенныя глубины души, гдѣ она часто прозябаетъ по цѣлымъ годамъ, а иногда и всю жизнь человѣка. Мало-по-малу между идеею и человѣкомъ утрачивается всякая тѣсная органическая связь; она живетъ сама по себѣ, а онъ самъ по себѣ, и хотя онъ по прежнему находитъ въ ней свое утѣшеніе и свою отраду, но, въ сущности, она уже не имѣетъ надъ нимъ никакой силы; онъ продолжаетъ ей поклоняться, но уже больше по привычкѣ, по преданію: онъ все еще готовъ видѣть въ ней своего бога, но этотъ богъ мертвый, безвластный и бездѣятельный, это—окаменѣлый, бездушный кумиръ.

Да, такова печальная, роковая судьба идеи нашихъ идейныхъ людей изъ забитыхъ. Они никогда почти не въ состояніи послѣдовательно выдержать ее, не въ состояніи надолго остаться вѣрными ей, даже мысленно. О практическомъ проведеніи ея въ жизнь я уже не говорю: практическое приложеніе идеи къ жизни нерѣдко (чтобы не сказать — всегда) сталкивается съ такою массою всевозможныхъ чисто-внѣшнихъ препятствій, что преодолѣть ихъ, разумѣется, не подъ силу пассивно-созерцательной, эгоистической натурѣ нашего идейнаго человѣка. Однако, было бы въ высшей степени несправедливо сваливать все на одни эти «внѣшнія препятствія». Я далекъ отъ мысли умалять ихъ значеніе, но не слѣдуетъ его и преувеличивать. Возьмите вы хоть, напримѣръ, Подростка. Авторъ, относящійся вообще отрицательно къ господствующимъ идеямъ нашихъ идейныхъ людей и совершенно даже ихъ не понимающій (что онъ уже многократно доказалъ и чего онъ, впрочемъ, и не скрываетъ),—авторъ вложилъ въ его голову хотя довольно смѣшную, если хотите, нелѣпую, но тѣмъ не менѣе весьма скромную и въ высшей степени

благонамѣренную идею — идею обогатиться, отказывая себѣ во всемъ необходимомъ, сдѣлаться Ротшильдомъ, скапливая деньги по грошамъ и копейкамъ. Можетъ-быть, это черезъ-чуръ ужъ наивно, однако, совершенно невинно и вполнѣ законно. Трудно себѣ представить, чтобы при ея практическомъ осуществленіи могли встрѣтиться какія-нибудь серьезныя «внѣшнія препятствія». Кому какое дѣло, что Аркадій Макаровичъ копитъ себѣ понемножку деньжонки, продастъ съ барышомъ купленныя на аукціонѣ вещи и играетъ потихоньку на биржѣ? Дѣятельность весьма почтенная и ни малѣйшимъ внѣшнимъ запретамъ неподлежащая. Вспомните при этомъ, что у Аркадія Макаровича потребности самыя умѣренныя, что онъ можетъ, если захочетъ, питаться однимъ хлѣбомъ, насчетъ жилья не брезгливъ и считаетъ 20 копеекъ въ день суммою вполнѣ достаточною для своего содержанія. При такихъ условіяхъ, почему бы, кажется, и не осуществить ему своей идеи? А, вѣдь, онъ даже и не пытается, а между тѣмъ онъ всюду носится съ нею, какъ съ писанной торбой; онъ гордится ею, воскуряетъ ей фиміамы, ищетъ въ ней защиты и утѣшенія отъ житейскихъ невзгодъ. «Идея утѣшала меня, разсказываетъ онъ самъ, — въ позорѣ и ничтожествѣ»... Всѣ его слабости и «мерзости»... какъ бы прятались подъ нею: она, такъ сказать, все облегала и все заволакивала предо мною».

И, однако, чуть только онъ наталкивается на какой-нибудь фактъ, способный въ данный моментъ произвести на него сильное впечатлѣніе, это впечатлѣніе, хоть бы оно и совершенно не гармонировало съ «идеею», сейчасъ же заслоняетъ послѣднюю и пріобрѣтаетъ рѣшительное господство въ его душѣ. Рѣшаетъ онъ, напримѣръ, что для осуществленія «идеи» ему необходимо копить деньги и избѣгать всякихъ излишнихъ расходовъ. Прекрасно. Онъ начинаетъ копить, скопилъ даже малую толику, и вдругъ все это пошло прахомъ, и пришлось начинать процессъ «самопстязанія» и копленія сызнова. Угораздило кого-то подбросить ребенка къ Николаю Семеновичу, у котораго онъ жилъ въ послѣднее время, въ Москвѣ. Николай Семено-

вичъ рѣшилъ отослать подкидыша въ воспитательный домъ. Будущій Ротшильдъ воспротивился: онъ внезапно почувствовалъ приливъ какой-то материнской нѣжности къ младенцу; онъ ни за что не захотѣлъ разстаться съ нимъ. А такъ какъ Николай Семеновичъ, хотя и не былъ одержимъ идеею сдѣлаться Ротшильдомъ, но, тѣмъ не менѣе, былъ весьма расчетливъ, то онъ и отказался самымъ категорическимъ образомъ принять къ себѣ «божію благодать». Тогда Аркадій Макаровичъ, не долго думая, торжественно заявилъ, что онъ самъ берется платить за ребенка. Дѣйствительно, онъ потратилъ на него половину скопленнаго капитала и, вѣроятно, потратилъ бы и весь, если бы ребенокъ, сжалившись надъ его слабодушіемъ, не умеръ во время. «Изъ исторіи съ Риночкою (такъ звали ребенка), я убѣдился,—сознается Подростокъ,—что никакая идея не въ силахъ увлечь, по крайней мѣрѣ, меня до того, чтобы я не остановился вдругъ передъ какимъ-нибудь подавляющимъ фактомъ и не пожертвовалъ ему разомъ всѣмъ тѣмъ, что уже годами труда сдѣлалъ для идеи». По пріѣздѣ въ Петербургъ, «подавляющихъ фактовъ» явилось такъ много, «остановки» повторялись такъ часто и были такъ продолжительны, что «идея» совершенно стушевалась. Одинъ разъ только, въ первые дни по пріѣздѣ, онъ попытался кое-что сдѣлать для ея осуществленія: сходилъ на аукціонъ, купилъ тамъ старенькій альбомъ за два рубля пять копеекъ и тутъ же перепродалъ его какому-то господину, у котораго съ этимъ альбомомъ были связаны нѣжныя воспоминанія, за десять рублей; выгодная сдѣлка привела его въ неописанный восторгъ: нажить за одинъ разъ семь рублей девяносто пять копеекъ—это былъ дебютъ весьма удачный. Однако онъ не поощрилъ его на дальнѣйшіе подвиги. Напротивъ, несмотря на то, что обстоятельства сложились весьма благопріятно для осуществленія его «идеи», что ему представлялись случаи поживиться не какими-нибудь жалкими семью рублями, а цѣлыми тысячами, онъ ни разу не пожелалъ воспользоваться этими случаями, и не только ничего не предпринималъ для своего обогащенія, но всѣми силами самъ старался разорить себя. Чуть

только завелись у него деньги, онъ вмѣсто того, чтобы пускать ихъ въ выгодные коммерческіе обороты или «копить», сталъ ихъ проматывать, завелъ себѣ лихача, началъ франтить, таскаться по ресторанамъ и игорнымъ домамъ, проигрывалъ огромные куши въ рулетку (хотя рулетка и вообще азартныя игры совсѣмъ не входили въ его планы обогащенія) и вообще велъ себя, какъ самый легкомысленный и безпечный шалопай. Мечты объ аскетической жизни, о кускѣ черстваго хлѣба, объ обѣдахъ черезъ два дня (это для экономіи), о маленькомъ, грязномъ углѣ—мечты, которыя недавно еще наполняли его душу восторгомъ, разлетѣлись въ прахъ при первомъ столкновеніи съ возможностью кутить у Бореля, кататься на рысакахъ, играть въ рулетку и т. п. А что же «идея»? «Идея» потомъ, ждала; все, что было, было лишь «уклоненіемъ въ сторону»; почему же не повеселиться? утѣшаетъ онъ себя. «Вотъ тѣмъ-то и скверна моя «идея», сознается онъ далѣе, — что допускаетъ всѣ уклоненія»... Происходитъ же это, по его мнѣнію, оттого, что «идея эта слишкомъ тверда и радикальна»... Имѣя въ умѣ нѣчто неподвижное, всегдашнее, сильное, которымъ страшно занятъ, какъ бы удаляешься тѣмъ самымъ отъ всего міра въ пустыню, и все, что случается, проходитъ лишь вскользь мимо главнаго... И кромѣ того, главное въ томъ, что имѣешь всегда отговорку: Э, у меня «идея», а то все мелочи!» Это объясненіе справедливо, конечно, только отчасти. Дѣйствительно, онъ благодаря тому обстоятельству, что считалъ себя «человѣкомъ идеи», что онъ твердо вѣрилъ, будто всегда можетъ и, рано или поздно, но непремѣнно осуществитъ ее, будто она такъ «сильна и радикальна», что ничто не вырветъ ее изъ его души,—благодаря этой иллюзіи, онъ все себѣ извинялъ и во всемъ себя оправдывалъ. «Почему, въ самомъ дѣлѣ, разсуждалъ онъ,—не повеселиться, почему не развлечься? Жизнь долга, а идея всегда останется при мнѣ, измѣнить ей я не могу, значитъ и безпокоиться не о чемъ, еще успѣю и для нея поработать».

Къ несчастію, Подростокъ не понималъ, какъ этого не понимаютъ очень многіе изъ нашихъ идейныхъ людей, что

его вѣра въ «силу и радикальность» идеи была чистѣйшимъ заблужденіемъ. «Сильна и радикальна» была она лишь до тѣхъ поръ, пока онъ исключительно жилъ одною лишь внутреннею жизнью. Но едва онъ столкнулся съ новыми, еще незнакомыми ему впечатлѣніями, едва обстоятельства вывели его изъ его «скорлупы», какъ его идея мгновенно утратила всю свою жизненность, всю свою твердость.

Онъ, конечно, не могъ выбросить ее изъ своего сознанія, онъ къ ней слишкомъ привыкъ, притомъ же она возвышала его въ его собственныхъ глазахъ, она льстила его самолюбію и утѣшала въ «трудныя минуты» жизни. Но онъ болѣе не церемонился съ нею, онъ сталъ относиться къ ней, какъ къ старому, покладливому другу, запросто, фамильярно: «не велика ты птица, и подождать можешь. Вотъ справлюсь съ другими дѣлами, тогда на досугѣ и твоими займусь!» Разумѣется, досуга этого никогда не оказывалось, а «другія дѣла»—все осложнялись и запутывались... «Идея» ждала, ждала... да такъ-таки и не дождалась, и, конечно, никогда ничего не дождется... Я говорилъ выше, что сходящее теперь со сцены поколѣніе забитыхъ интеллигентныхъ людей, не имѣя силъ вполнѣ примириться съ окружающею ихъ дѣйствительностію и неспособное удовлетвориться философіею Дѣвушкиныхъ, схватилось за «идею», какъ утопающій хватается за соломинку; оно видѣло въ ней единственный исходъ изъ своего положенія. Повидимому, идея должна бы была придать этимъ людямъ ту бодрость и силу, въ которыхъ у нихъ всегда чувствовался недостатокъ; вдохновенные и окрыленные ею, они, казалось, смѣло и мужественно пойдутъ на бой и пробьютъ себѣ дорогу къ свѣту и жизни. Были наивные оптимисты, которые возлагали на нихъ эти надежды; сами же они ни минуты не сомнѣвались, что ужъ «за свою-то идею они постоятъ!» Но что же оказалось въ результатѣ? Надежды оптимистовъ оправдали лишь очень немногіе, большинство-же, подобно Подростку, все откладывало да откладывало служеніе идеѣ», откладывало до тѣхъ поръ, пока она превратилась изъ живой силы въ

какой-то головной хламъ, въ нѣчто «яйца выѣденнаго не-стоющее». Стальной мечъ, съ которымъ идейные люди готовились итти въ бой, оказался картоннымъ, желѣзный молотъ, которымъ они хотѣли горы разбивать — хрупкимъ и ни на что негоднымъ булыжникомъ. Я старался объяснить, почему это такъ случилось и необходимо должно было случиться. Но я могъ здѣсь указать только лишь на одну категорію причинъ, на причины, такъ сказать, чисто психологическія, обусловливаемыя характеристическими особенностями души «забитаго человѣка». Понятно, что, кромѣ этихъ причинъ, тутъ дѣйствовало также и самое содержаніе идей и ихъ отношенія къ основнымъ потребностямъ, интересамъ и привычкамъ идейнаго человѣка.

Эти причины заслуживаютъ полнаго вниманія критики, и она имѣетъ (что самое главное) полную возможность разъяснять и анализировать ихъ. Я отчасти и пытался это сдѣлать по поводу лицъ, выведенныхъ въ романѣ г-жи Алѣевой *). Романъ же г. Достоевскаго не представляетъ для подобнаго анализа никакого годнаго матеріала.

Устами Николая Семеновича самъ авторъ признаетъ, что «идея», вложенная имъ въ голову своего героя, «отличается оригинальностью» и совсѣмъ не похожа на тѣ идеи, на которыя набрасываются большею частью молодые люди текущаго поколѣнія». Оригинальность ея имѣетъ, однако, чисто-условный характеръ: она оригинальна лишь по отношенію къ той извѣстной категоріи «идейныхъ людей», одного изъ представителей которой авторъ хочетъ видѣть въ своемъ Подросткѣ. Но она совсѣмъ не оригинальна по отношенію къ той средѣ, изъ которой вышли эти люди. Среда эта, какъ я уже говорилъ, только и живетъ мыслію о наживѣ; къ «обогащенію», къ «накопленію» направлены всѣ ея самые завѣтные помыслы, всѣ ея стремленія, вся ея дѣятельность. Потому «идея» Подростка вполнѣ гармонируетъ съ ея интересами, привычками и потребностями.

*) Смотри также статью „Беллетристы-метафизики и беллетристы-эмпирики", главы, посвященныя повѣстямъ г-жи Смирновой.

Въ этомъ-то и заключается ея коренная фальшь, такъ какъ существенная особенность «идеи» реальныхъ подростковъ въ томъ именно и состоитъ, что она находится, обыкновенно, въ рѣзкомъ противорѣчіи съ интересами и потребностями, унаслѣдованными ими отъ породившей ихъ среды. Авторъ проглядѣлъ этотъ фактъ. Отсюда созданный имъ герой, какъ онъ ни реаленъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ, въ общемъ является личностью совершенно фантастическою, и въ дѣйствительной жизни если и возможною, то развѣ только какъ рѣдкое исключеніе.

Такимъ образомъ, и послѣдній романъ г. Достоевскаго (какъ и нѣкоторые изъ предыдущихъ, въ особенности «Бѣсы»), несмотря на мастерской анализъ характеристическихъ особенностей души «забитаго идейнаго человѣка», далеко не удовлетворяетъ той жизненной правдѣ, на которую реальная критика смотритъ, какъ на одинъ изъ главныхъ критеріевъ, опредѣляющихъ общественное значеніе всякаго художественнаго произведенія, и которая одинаково обязательна какъ для первосортнаго художника, такъ и для скромнаго беллетриста-ремесленника.

П. Никитинъ (П. Ткачовъ).

* * *

*) Г. Достоевскій въ своемъ романѣ или длинной повѣсти «Подростокъ» указываетъ на одну изъ печальныхъ сторонъ современнаго общества: на массу задумывающихся и рано озлобленныхъ дѣтей. Можно приписать это явленіе той или другой причинѣ, можно не соглашаться насчетъ средствъ, которыми оно должно быть устранено, но не признать его невозможно. Пистолетные выстрѣлы, которыми въ разныхъ мѣстахъ нашей великой и малой, и бѣлой Россіи, и принадлежащихъ ей областяхъ разсчитываются съ опостылѣвшей имъ жизнью подростки, почти дѣти, страшное свидѣтельство ненависти къ жизни, которая можетъ жить только въ рано озлобленныхъ душахъ.

*) „Дѣтскій Садъ“ 1876 г., № 9.

Г. Достоевскій, въ героѣ своей повѣсти, даетъ глубоко вѣрный психическій анализъ душевной жизни рано озлобленнаго подростка. Хотя положеніе героя его исключительно, но въ немъ есть и многія общія стороны, уясняющія и общественное печальное явленіе. Подростокъ его, незаконный сынъ барина Версилова, идеалиста сороковыхъ годовъ, создавшаго свою, но далеко не оригинальную теорію мистическаго возрожденія Россіи. Идеализмъ не мѣшалъ герою дѣлать весьма некрасивыя вещи, и въ томъ числѣ преданную ему и боготворившую его женщину обратить въ игрушку прихоти, разлучить ее съ сыномъ и отдать мальчика въ дрянѣйшій пансіонъ къ какому-то французу спекулятору и лакею въ душѣ. Когда въ пансіонѣ узнаютъ о происхожденіи ребенка, и промотавшійся отецъ перестаетъ платить за него, то мальчику приходится выносить всю горечь униженія, обидъ и грубыхъ оскорбленій. Изъ него дѣлаютъ лакея, и онъ находитъ какую-то злобную радость унижаться еще болѣе. Самъ онъ еще до этого униженія былъ лакеемъ въ душѣ. Онъ постыдился своей матери передъ генеральскими и княжескими дѣтьми. Она пріѣхала за сотни верстъ повидаться съ нимъ, а у него не нашлось для нея ни одного любящаго слова ни одного взгляда. Въ немъ было одно желаніе развязаться поскорѣе съ простою женщиною, которая конфузила его, вызывая дерзости и насмѣшки великосвѣтскихъ товарищей. Предразсудки барства оказываются второю причиною порчи юноши—первою было отсутствіе любви. Потребность ея сказывалась въ немъ и приливомъ обожанія къ отцу, котораго онъ видѣлъ, когда ему минуло восемь лѣтъ, блестящимъ красавцемъ, талантливымъ любителемъ-актеромъ, вызывавшимъ восторгъ слушателей, —и горькими слезами, когда онъ по ночамъ призывалъ свою мать.

Въ даровитыхъ и сильныхъ дѣтскихъ и юношескихъ натурахъ задавленная любовь высказывается мистицизмомъ, мечтами облагодѣтельствовать весь міръ, осушить всѣ слезы; а ранняя озлобленность въ дѣтствѣ дикими вспышками. и также, когда проснется мысль, мечтами о ломкѣ

для пересозданія всего общества. Но Подростокъ былъ натурой очень дюжинной, онъ былъ, какъ самъ отзывался о себѣ: ординарная посредственность,—и онъ составилъ себѣ особый планъ, создалъ свою идею, которая спасла его отъ разныхъ увлеченій. Хотя Подростокъ годами лелѣялъ эту идею и звалъ ее своей, но она была вовсе не его идеей, т. е. не оригинальнымъ созданіемъ его міра, а просто отравой міазмами, носившимися въ воздухѣ, и которые онъ вдохнулъ въ себя. Подростокъ затѣялъ стать Ротшильдомъ и это процессомъ копленія денегъ, и Ротшильдомъ, не ради наслажденій, которыя покупаются золотомъ, а ради сознанія той силы, которую даетъ оно. Онъ будетъ жить какъ бѣднякъ, ходитъ оборванцемъ и, встрѣчая презрительные взгляды толпы, думать: «Если бы вы знали, какъ я богатъ, вы всѣ бы поклонились мнѣ; я бы могъ васъ всѣхъ купить». Въ нашъ вѣкъ, когда поклоненіе золотому тельцу достигло такихъ возмутительныхъ размѣровъ, не удивительно, что подростку, вынесшему униженіе, пришла «идея захватить въ свои руки ту силу, передъ которою ползаютъ общества. Но какъ безхарактерный подростокъ, онъ не выдерживаетъ до конца искуса, котораго требовала отъ него идея. Онъ могъ выносить страшныя лишенія ради этой «идеи», пока не увидѣлъ соблазновъ столицы; но разъ увидѣлъ ихъ, онъ окунулся въ омутъ всевозможныхъ увеселеній, доставляемыхъ сѣверной Пальмирой, и идея была забыта. Это главныя психическія струны Подростка. Входить въ разборъ запутанной интриги, гдѣ всѣ лица дѣйствуютъ, какъ безумные, полоумные или сумасшедшіе, было бы излишне для цѣли настоящей замѣтки.

Подростокъ терзается среди этихъ интригъ, терзается всего болѣе оттого, что не видитъ въ окружающихъ его лицахъ того задушевнаго благообразія, насколько могутъ догадаться, по запутанному и горячешному изложенію повѣсти, люди, знающіе кровную потребность подростковъ, выросшихъ въ озлобленіи и рано задумывавшихся надъ своею жизнью—это потребность идеала, потребность руководящей нити въ жизни,—вотъ чего ищутъ и сла-

бые безхарактерные подростки, ихъ же имя — легіонъ, вотъ чего ищутъ и другія болѣе энергическія и сильныя натуры, выросшія въ условіяхъ, которыя, хотя и иныя по формѣ, но въ сущности были тѣми же самыми, какъ и условія, выработавшія «Подростка» г. Достоевскаго.

Подростку нужно видѣть людей, которые всю жизнь свою проявляли бы «душевное благообразіе», т. е. правду, честность, человѣчность. Онъ находитъ такое благообразіе только у Макара Ивановича—типа русскаго странника и богомола изъ дворовыхъ, грамотныхъ и понатершихся между барами въ томъ смыслѣ, что интересуются политикой и многими вещами, вообще чуждыми другимъ странникамъ изъ народа. У Макара Ивановича не было разлада между словомъ и дѣломъ. Онъ всю жизнь положилъ на то, что считалъ правдой. Версиловъ, отецъ героя, предметъ его обожанія, всю жизнь говорилъ только красивыя слова о Россіи, человѣчествѣ и пр., да занимался ролью «бабьяго пророка», и продѣлывалъ всю жизнь разныя несообразности, и красивыя и некрасивыя. Версиловъ былъ еще изъ лучшихъ. Ахмакова, которую подростокъ въ концѣ концовъ ставитъ на пьедесталъ, пустая мечтательница. Она «одного безумія человѣкъ» съ Версиловымъ: а это безуміе—жажда общаго счастья, но жажда до того платоническая, что для нея не ударятъ палецъ о палецъ, не сдѣлаютъ того, чтобы дать счастье хоть десятку людей несмотря на то, что у Ахмаковой состояніе, и что Версиловъ промоталъ ихъ цѣлыхъ три.

Подростокъ въ концѣ концовъ примиряется съ окружающими его людьми и раскаивается въ томъ, что упрекалъ ихъ за непмѣніе душевнаго благообразія, людей, искренно любившихъ его, видитъ несостоятельность своей «идеи», и выказываетъ благое желаніе учиться и, только научившись, уже выдумывать свои идеи...

Здравомыслъ повѣсти въ письмѣ, излагающемъ мораль ея, говоритъ, что гибель другихъ и всѣ шатанія «Подростка» произошли оттого, что расшатались всѣ преданія семьи. Но юный князь Сокольскій наслѣдовалъ всѣ семейныя преданія, и не только семейныя, но и родовыя, и

они не спасли его отъ самыхъ грязныхъ поступковъ. Идеи другого рода оказываются также безсильны. Версилова всѣ его идеи о мистической роли Россіи не спасли отъ мыканья за разными сильными ощущеніями, мыканья, которое его превратило въ изломаннаго и выжившаго изъ ума старика въ тѣ годы, когда общество вправѣ требовать сознательнаго и зрѣлаго труда отъ человѣка. Мистическая любовь къ Россіи и прозрѣніе будущаго ея мистическаго величія не дала силъ для жизни, какъ видно изъ хода повѣсти, хотя авторъ держится иного взгляда на своего героя. Отрицательное чувство прямо ведетъ къ гибели. Авторъ показываетъ то на Крафтѣ. Крафтъ, по френологическимъ и физіологическимъ даннымъ, пришелъ къ выводу, что русскіе—низшая раса, и что они обречены итти позади Европы; Крафтъ не могъ вынести этого убѣжденія, нашелъ, что не для чего жить, когда происхожденіе роковымъ образомъ обрекаетъ его на низшую роль, и пустилъ себѣ пулю въ лобъ.

Въ повѣсти г. Достоевскаго есть еще два разряда подростковъ, которые отстоятъ другъ отъ друга такъ далеко, какъ антиподы. Одни: Тришатовъ и К-я шантажистовъ, но о нихъ и говорить нечего. Это ядовитые паразиты общества, хотя въ одномъ изъ нихъ живетъ сожалѣніе о прошлой чистой жизни, хотя чистота эта была чистотой узенькаго мѣщанства. Другой разрядъ гибнущей молодежи—гибнетъ только внѣшней гибелью. Нравственныя силы ея цѣлы. Мы говоримъ только объ этомъ вопросѣ съ психической стороны, и не вдаемся въ разборъ ни стремленій ни увлеченій ихъ, которыя составляютъ область публицистическаго журнала, а не педагогическаго. Съ педагогической точки зрѣнія мы можемъ замѣтить автору ложные выводы, которые онъ дѣлаетъ по поводу гибнущей молодежи, напримѣръ Крафта. Крафта погубила не идея отрицанія, а погубилъ индивидуализмъ, доведенный до болѣзненной крайности. Убѣдившись по френологіи и физіологіи, что русскіе низшая раса, другой юноша положилъ бы всѣ силы на работу, чтобы поднять эту расу, несмотря на убѣжденіе, что ему не видѣть результата своей

работы. Исторія показала бы ему примѣръ низшихъ расъ, ставшихъ высшими и передовыми, и высшихъ расъ, выродившихся въ наше время. Тутъ дѣло было-бы въ томъ: *я* не могу жить въ той средѣ, въ какой *я* хотѣлъ бы жить, быть членомъ той расы, которая была бы достойна *меня*, и потому я не хочу вовсе жить. А долгъ работы на пользу общую—этого долга чужды люди, которые ставятъ свое «я» центромъ тяготѣнія всей жизни. И некому научить молодежь, несмотря на легіоны желающихъ поучать ее. Право ученія покупается вліяніемъ, а гдѣ люди, имѣющіе вліяніе? Подростки видятъ изрѣдка Версиловыхъ и постоянно Здравомысловъ, вродѣ автора поучительнаго письма, содержащаго мораль повѣсти; умѣренныхъ и аккуратныхъ Молчалиныхъ, хотя они и опрятнѣе Грибоѣдовскаго героя, но также держатся благоразумной пословицы: «моя хата съ краю». Чтобы имѣть вліяніе на молодежь, нужно имѣть самому руководящую нить жизни, нужно душевное благообразіе, которое эту руководящую нить видитъ въ идеѣ правды, долга человѣчности, и не допускаетъ разлада между словомъ и дѣломъ. У г. Достоевскаго этимъ душевнымъ благообразіемъ надѣленъ одинъ Макаръ Ивановичъ изъ героевъ, а изъ героинь Софья и дочь ея. Руководящая нить жизни героинь—чисто женская любовь, вся жизнь ихъ отдана любимому человѣку—душевное благообразіе очень дешеваго сорта. Душевное блаообразіе Макара Ивановича постановило цѣль не отъ міра сего, но и въ этой цѣли видна болѣе широкая натура. Макару Ивановичу нужно спасеніе всей братіи. Макаръ Ивановичъ изболѣлъ душой о горѣ и неправдѣ міра, и ищетъ спасенія тамъ, гдѣ онъ по уровню своего образованія могъ искать его. Для спасенія подростковъ нужны люди такіе-же цѣльные, какъ и Макаръ Ивановичъ, но которые показали-бы имъ примѣръ душевнаго благообразія отъ міра сего.

Изъ „Дѣтскаго Сада“.

* * *

*) Хотя «Подростокъ» и говоритъ, что «идея» поглотила всю его жизнь, но это невѣрно. Онъ забываетъ объ ней, желая проникнуть таинственность, окружающую поступки и характеръ его настоящаго отца, Версилова, котораго разгадать ему почему-то необходимо нужно. Этого мало: онъ впутывается въ интригу и даже почти затѣваетъ ее, нося въ своемъ карманѣ документъ, способный сильно повредить женщинѣ, играющей роль въ таинственной исторіи Версилова. Онъ умышляетъ что-то сложное и удивительное почти въ той мѣрѣ, какъ и его «идея», и держитъ себя со всею многозначительностью опытнаго интригана. Но несмотря на все это, «подростокъ» не совсѣмъ еще изломанъ, въ немъ замѣтны искреннія, добрыя, юношескія движенія. Такова исторія съ Аріночкой... Кромѣ подобныхъ сердечныхъ движеній «подростка», въ немъ замѣчается еще молодая горячность сужденій, весьма характеристичная и милая, при освѣщеніи которой нашъ почтенный авторъ воспользовался своимъ даромъ юмора, которымъ всегда пересыпаны, какъ цвѣтами, его мрачныя произведенія. Юморъ г. Достоевскаго, по силѣ и оригинальности, въ большинствѣ случаевъ напоминаетъ юморъ Диккенса. Разговоры «подростка» съ старымъ княземъ Сокольскимъ, у котораго онъ служитъ чѣмъ-то въ родѣ домашняго секретаря или компаньона, отъ перваго до послѣдняго чрезвычайно оригинальны. Возьмемъ для примѣра сужденія юнаго кандидата въ Ротшильды о женщинахъ: «Я не люблю женщинъ за то, что онѣ грубы, за то, что онѣ неловки, за то, что онѣ не самостоятельны, и за то, что носятъ неприличный костюмъ!.. Грубы. Подите въ театръ, подите на гулянье. Всякій изъ мужчинъ знаетъ правую сторону, сойдутся и разойдутся, онъ вправо и я вправо. Женщина, т. е. дама—я о дамахъ говорю—такъ и претъ на васъ прямо, даже не замѣчая васъ, точно вы ужъ такъ непремѣнно и обязаны отскочить и уступить дорогу. Я готовъ уступить, какъ созданію слабѣйшему, но почему тутъ право, почему она такъ увѣрена,

*) „С. Петербургскія Вѣдомости" 1875 г., № 32.

что я это обязанъ, вотъ что оскорбительно! Я всегда плевался, встрѣчаясь. И послѣ того кричатъ, что онѣ приниженны, и требуютъ равенства; какое тутъ равенство, когда она меня топчетъ или пихаетъ мнѣ въ ротъ песку!»

— Песку! (это восклицаніе изумленнаго стараго князя).

Да; потому что онѣ неприлично одѣты; это только развратный не замѣтитъ. Въ судахъ запираютъ же двери, когда дѣло идетъ о неприличностяхъ; зачѣмъ же позволяютъ на улицахъ, гдѣ еще больше людей? Онѣ сзади себѣ открыто фру-фру подкладываютъ, чтобы показать, что бельфамъ; открыто! Я, вѣдь, не могу не замѣтить, и юноша тоже замѣтитъ, и ребенокъ, начинающій мальчикъ, тоже замѣтитъ; это подло. Пусть любуются старые развратники и бѣгутъ, высуня языкъ, но есть чистая молодежь, которую надо беречь. Остается плеваться. Идетъ по бульвару, а сзади пуститъ шлейфъ въ полтора аршина и пыль мететъ; каково итти сзади: или бѣги, обгоняй, или отскакивай въ сторону, не то и въ носъ и въ ротъ она вамъ пять фунтовъ песку напихаетъ. Къ тому же, это шелкъ, она его треплетъ по камню три версты, изъ одной только моды, а мужъ пятьсотъ рублей въ сенатѣ въ годъ получаетъ: вотъ гдѣ взятки-то сидятъ. Я всегда плевался, вслухъ плевался и бранился»...

Вотъ какимъ грознымъ и опаснымъ противникомъ дамъ выступаетъ «подростокъ», но, послѣ своей рѣчи, онъ самъ попадается въ просакъ. Старикъ князь дѣлаетъ замѣчаніе, которое очень нравится юношѣ. «Совершенно вѣрно, великолѣпно! вскричалъ я въ восхищеніи. Въ другое время мы бы тотчасъ-же пустились въ философскія размышленія на эту тему, на цѣлый часъ; но вдругъ меня какъ-бы что-то укусило, и я весь покраснѣлъ. Мнѣ представилось, что я похвалами его бонмо, подлещаюсь къ нему передъ деньгами («подростокъ» долженъ былъ получить свое первое жалованье), и что онъ непремѣнно это подумаетъ, когда я начну просить. Я нарочно теперь упоминаю объ этомъ.—Князь, я васъ покорнѣйше прошу выдать мнѣ сейчасъ же должныя мнѣ вами деньги, пятьдесятъ рублей,

за этотъ мѣсяцъ, выпалилъ я залпомъ и раздражительно до грубости»...

Намъ кажется, что эта маленькая сценка и дальнѣйшее ея продолженіе прекрасны по тонкости и вѣрности психическаго анализа. Такихъ сценокъ не одна, не двѣ—ихъ много, и рядомъ съ ними окончательно блѣднѣютъ недостатки романа, заключающіеся, главнымъ образомъ, въ томъ, что авторъ набираетъ массу дѣйствующихъ лицъ, какъ-то ихъ скучиваетъ и въ одинъ какой-нибудь день выставляетъ столько событій, что очень легко въ нихъ запутаться. Это старый его недостатокъ, положимъ, и не особенно важный, но который тѣмъ не менѣе способствуетъ неясности впечатлѣнія, оставляемаго цѣлымъ произведеніемъ.

Изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

* * *

*) Талантъ г. Достоевскаго общепризнанъ, и особенности его давно всѣмъ извѣстны и достаточно объяснены критикой; поэтому, заводя рѣчь о его послѣднемъ произведеніи, мы не имѣемъ въ виду вновь характеризовать это оригинальное дарованіе, создавшее въ нашей литературѣ какъ бы особую спеціальность. Къ сожалѣнію, въ той-же мѣрѣ всѣмъ извѣстно, что романы г. Достоевскаго, всегда прекрасно задуманные, очень неравны въ исполненіи. Дарованіе его какъ бы не хочетъ знать никакой послѣдовательности въ своемъ развитіи, и о немъ никакъ нельзя сказать, чтобы оно правильно и постоянно шло впередъ. Тотчасъ послѣ произведенія чрезвычайно сильнаго и талантливаго, г. Достоевскій можетъ дать произведеніе сравнительно очень слабое. *Подростокъ*, по нашему мнѣнію, принадлежитъ къ менѣе удавшимся его романамъ. Задуманъ онъ, какъ это всегда бываетъ у г. Достоевскаго, очень хорошо. Авторъ хотѣлъ, повидимому, показать намъ происхожденіе и развитіе зла въ человѣческой природѣ, за-

*) В. Авсѣенко. „Русскій Вѣстникъ" 1876 г., № 1. (Литературное Обозрѣніе).

хваченнаго почти изъ самаго зародыша—того особеннаго, страннаго, больного зла, которое граничитъ съ мечтами о высшей нравственности и съ грязью самаго отвратительнаго порока. Авторъ, какъ кажется, хотѣлъ вновь и съ особенною глубиною анализировать искаженную, больную жизнь, которая судорожно трепещетъ въ его предыдущемъ романѣ—*Бѣсахъ*, и въ изученіи которой онъ показалъ столько проницательности и тонкаго, почти осязающаго пониманія самыхъ извращенныхъ движеній человѣческой природы. Но, можетъ-быть, въ самой задачѣ этой уже лежала причина не совсѣмъ удачнаго ея исполненія, именно въ томъ обстоятельствѣ, что эта задача является какъ бы дальнѣйшимъ развитіемъ темы, разработанной въ предыдущемъ произведеніи. Художники рѣдко съ полнымъ успѣхомъ возвращаются къ мотивамъ, однажды уже исчерпаннымъ; для силы и свѣжести вдохновенія необходимо, чтобы художественная идея впервые овладѣла мыслью и воображеніемъ. Образы рисуются крупно и осязательно только тогда, когда они впервые являются художнику; какъ только онъ исчерпался надъ ними, творческая сила уже не возвращается къ нимъ съ прежнимъ напряженіемъ и подъемомъ. Между тѣмъ *Подростокъ*, очевидно, вышелъ изъ того-же самаго настроенія, въ которомъ писались *Бѣсы*. Среда, изображаемая въ обоихъ романахъ, почти одна и та-же: это то самое подполье русской интеллигенціи, которое мы старались охарактеризовать въ нашей статьѣ о *Бѣсахъ*. Наблюдается она въ *Подросткѣ* опять почти съ той-же самой стороны, какъ и въ предыдущемъ романѣ,—со стороны разъѣдающаго нравственнаго зла, со стороны искривленныхъ, болѣзненныхъ путей, какими въ этой средѣ тайно проростаетъ мысль, стремящаяся къ освобожденію. Но, очевидно, высота настроенія въ обоихъ романахъ не одна и та-же. Вся эта фантасмагорія, съ силою отразившаяся, когда впервые овладѣла воображеніемъ автора, при вторичномъ воплощеніи своемъ напоминаетъ только игру рефлексовъ. Въ *Бѣсахъ* мы находимъ крупные, яркіе образы, между которыми фигура Степана Трофимовича навсегда останется въ числѣ самыхъ оригинальныхъ и худо-

жественныхъ типовъ, созданныхъ русской литературою. Въ *Подросткѣ* типъ Версилова, представляющій, собственно говоря, только собирательное отраженіе прежнихъ героевъ г. Достоевскаго и понемногу напоминающій каждаго изъ нихъ, рисуется довольно неясно, безъ тѣхъ индивидуальныхъ чертъ, которыя превращаютъ сложившійся въ мысли и въ воображеніи образъ—въ живое лицо. Даже его нравственная личность, его міросозерцаніе, что у г. Достоевскаго всегда выходитъ особенно глубоко и тонко, на этотъ разъ неясно и расплывчато.

Заговоривъ о послѣднемъ романѣ г. Достоевскаго, нельзя не сдѣлать еще одного замѣчанія. Его тема—нравственная болѣзнь, овладѣвающая человѣкомъ и повергающая его въ глубину порока и разврата. Но эта тема весьма опасная и скользкая. Изображеніе нечистыхъ явленій психической и соціальной жизни едва ли можетъ быть предметомъ романа внѣ извѣстныхъ границъ, полагаемыхъ установившимися требованіями приличія и вкуса. Романъ—не спеціальная книга, предназначенная для извѣстнаго, ограниченнаго круга читателей. Все грамотное общество составляетъ публику романиста. Поэтому мы думаемъ, что изображая грязь и ужасъ нравственнаго паденія, романистъ не долженъ переступать черты, за которой кончается художественное впечатлѣніе и начинается неопрятное анатомированіе зараженнаго организма. Г. Достоевскій въ послѣднемъ романѣ часто переходитъ за такую черту. Въ *Подросткѣ* есть подробности, возмущающія образованное чувство, есть грязность, по нашему мнѣнію, рѣшительно непозволительная въ литературномъ произведеніи. О нихъ приходится тѣмъ болѣе пожалѣть, что они вовсе не вызваны требованіями такъ-называемаго реализма; напротивъ, факты и сцены, наиболѣе непривычные въ этомъ романѣ, наименѣе близки къ дѣйствительной жизни, наименѣе реальны. Для примѣра укажемъ хотя бы на эпизодъ о бѣдной дѣвушкѣ, объявившей въ газетахъ, что ищетъ уроковъ (въ первой части романа): приключенія, какія пришлось испытать этой дѣвушкѣ, рѣшительно невозможны въ дѣйствительной жизни и совершенно *ненужны* въ романѣ.

Позволяя себѣ всѣ подобныя замѣчанія, мы не желали бы однако привести читателя къ заключенію, что романъ *Подростокъ* не заслуживаетъ его вниманія. Мы, напротивъ, думаемъ, что талантливый писатель не можетъ произвесть что-либо окончательно неудавшееся, что дарованіе въ чемъ-нибудь непремѣнно скажется, и что самыя ошибки его въ высшей степени любопытны и поучительны. *Подростокъ* во всякомъ случаѣ неизмѣримо выше и интереснѣе произведеній той литературной кухмистерской, въ которой изготовляется обычная беллетристика *Отечественныхъ Записокъ*. Авторъ въ этомъ романѣ находится въ своей сферѣ, онъ имѣетъ дѣло съ тою именно жизнью, которую особенно хорошо умѣетъ изображать. Поэтому въ романѣ есть прекрасныя страницы, отчасти выкупающія неудовлетворительность цѣлаго, есть вѣяніе серіозной мысли, подымающее произведеніе гораздо выше заурядныхъ продуктовъ беллетристическаго ремесла.

В. Авсѣенко.

* * *

[*]) Новое произведеніе одного изъ крупнѣйшихъ талантливыхъ писателей нашего времени — печатавшееся въ истекшемъ году въ «Отечественныхъ Запискахъ» — какъ всѣ произведенія гепія Ѳ. М. Достоевскаго, прежде всего, оригинально. Въ этой оригинальности, въ этой неожиданности, съ первой минуты завязки, продолжающейся до послѣдняго момента развязки,—одна изъ главныхъ прелестей таланта Достоевскаго, какъ романиста, одна изъ главныхъ интересныхъ сторонъ каждаго изъ его произведеній. Этому завѣту оригинальности и неожиданности г. Достоевскій не измѣнилъ въ своемъ новомъ романѣ. Вдругъ сѣлъ онъ за столъ, взялъ перо въ руки и изъ-подъ этого пера сталъ выростать изъ среды современнаго, самаго что ни на есть нынѣшняго общества петербургскаго и московскаго «Подростокъ».

[*]) „Гражданинъ" 1876 г., № 4.

Что это за подростокъ? Онъ незаконный сынъ какой-то дворовой дѣвушки и какого-то помѣщика Версилова, брошенный въ самую глубь бушующаго житейскаго моря въ обѣихъ столицахъ. Подростокъ этотъ пишетъ свои «Записки», то-есть свою автобіографію. Интересъ романа поддерживается все время двумя сторонами: во-первыхъ, психическимъ міромъ самого «Подростка», въ томъ безконечномъ разнообразіи идей и впечатлѣній съ ихъ оттѣнками, на которое г. Достоевскій такой мастеръ; и во-вторыхъ, рядомъ приключеній и типовъ, сталкивающихся съ героемъ автобіографіи и ярко освѣщающихъ и личность этого героя и картины современнаго умственнаго состоянія того общества, которое принято называть интеллигенціей. Нельзя сказать, чтобы всѣ эти типы и картины были привлекательны своимъ содержаніемъ, но ни на одну минуту не забываешь, читая этотъ романъ, что во всемъ этомъ клокочетъ и кипитъ жизнь, носятся какъ по землѣ въ первый день творенія, элементы чего-то цѣльнаго и живого— идеи, способныя оплодотворяться. Прочитавъ этотъ романъ, вы не раздавливаетесь имъ, вы не бросаетесь головою въ подушку, чтобы ничего не хотѣть и все позабыть. Вы поставлены въ неизбѣжную необходимость думать, думать и думать.

Изъ „Гражданина“.

* * *

*) Касаясь своего прибытія въ Сибирь, Достоевскій вспоминаетъ о тѣхъ женахъ Декабристовъ, которыя каждаго изъ нихъ надѣлили евангеліемъ. «Я читалъ его иногда, говоритъ онъ, и читалъ другимъ. Кругомъ меня были именно тѣ люди, которые, по вѣрѣ Бѣлинскаго (онъ разумѣетъ, конечно, ученіе о «средѣ»), не могли не сдѣлать своихъ преступленій, а стало быть, были правы, и только несчастнѣе, чѣмъ другіе». Замѣчая, что въ этомъ легко усмотрѣть совпаденіе знаменитаго критика-публициста съ

*) О. Миллеръ. „Русскіе писатели послѣ Гоголя“. Спб. 1890 г.

народнымъ взглядомъ, Достоевскій сейчасъ же и оговаривается самымъ глубокомысленнымъ образомъ: «Этимъ словомъ «несчастные» народъ какъ бы говоритъ несчастнымъ: «вы согрѣшили и страдаете, но и мы, вѣдь, *грѣшны*. Будь мы на вашемъ мѣстѣ—можетъ-быть, и хуже бы сдѣлали. Будь мы получше, можетъ-быть, и вы не сидѣли бы по острогамъ. Съ возмездіемъ за преступленія ваши вы приняли тяготу и за всеобщее беззаконіе». А между тѣмъ, вѣдь, изъ теоріи «среды» вытекаетъ всеобщая и полнѣйшая невмѣняемость: люди ни въ чемъ и никогда не виновны, виновны одни порядки.

Нашъ народъ, какъ объясняетъ намъ Достоевскій, считаетъ несчастными тѣхъ, которые, подобно евангельской блудницѣ, были «яты въ преступленіи», которымъ, такъ сказать, выпалъ жребій и выполнить то, и однимъ отвѣчать за то, въ чемъ незримо участвовали, т. е. виновны, далеко не они одни. Народъ нашъ въ своемъ взглядѣ вѣренъ завѣту Христа, сказавшаго обвинителямъ: «кто изъ васъ безъ грѣха, тотъ брось въ нее первый камень», но сказавшаго, однако-же, и блудницѣ: «иди и *не грѣши*».

Ученіе о «средѣ» включалось, конечно, его представителями въ замышляемую ими «поправку» Христіанства. Достоевскій, не признавая такой поправки, указывалъ намъ на родной народъ, который, при всей своей темнотѣ, оставался непоколебимо вѣренъ прямому смыслу евангелія.

Самъ этому выучившись у народа, Достоевскій совѣтовалъ и другимъ у него поучиться. Отсюда его расположеніе къ тѣмъ, которые «питали лишь одно презрѣніе къ Русскому народу, воображая и вѣруя въ то же время, что любятъ его и желаютъ ему всего лучшаго». Къ числу подобныхъ людей относилъ онъ и Герцена, котораго, по его словамъ, «какъ будто сама исторія предназначала выразить собою въ самомъ яркомъ типѣ разрывъ съ народомъ огромнаго большинства образованнаго нашего сословія». Какъ крупный представитель такого «разрыва», Герценъ, по оригинальному выраженію Достоевскаго, «даже и не эмигрировалъ, а такъ уже и родился эмигрантомъ»... «Герценъ, говорилъ Ѳедоръ Михайловичъ, долженъ былъ стать

соціалистомъ, и именно какъ Русскій баричъ, т. е. безо всякой нужды и цѣли, а изъ одного только «логическаго теченія идей» и отъ сердечной пустоты на родинѣ. Онъ отрекся отъ основъ прежняго общества, отрицалъ семейство, и былъ, кажется, хорошимъ отцомъ и мужемъ. Отрицалъ собственность, а, въ ожиданіи, успѣлъ устроить дѣла свои и съ удовольствіемъ ощущалъ за-границей свою обезпеченность», т. е. ту обезпеченность, которую имѣлъ въ виду Карамзинъ, когда говорилъ, что «дворянинъ россійскій есть гражданинъ вселенныя и можетъ внѣ Россіи жить Россіею», т. е. доходами съ находящихся въ ней имѣній. На основаніи всего этого Достоевскій рѣшился даже сказать про Герцена, что онъ «по-просту продуктъ прежняго крѣпостничества, которое ненавидѣлъ и изъ котораго произошелъ, не по отцу только, а именно черезъ разрывъ съ родной землей и ея идеалами» *).

Этой характеристикѣ Герцена въ «Дневникѣ Писателя» 1873 г. соотвѣтствуютъ многія черты, приписанныя въ романѣ «Подростокъ» (появившемся въ 1875 году) Версилову. Черты эти, конечно, заключаются не въ образѣ дѣйствій Версилова, а въ его воззрѣніяхъ. Версилова съ его «случайной семьей» нельзя же назвать ни хорошимъ отцомъ ни хорошимъ мужемъ. Съ другой стороны, вмѣсто того, чтобы себя обезпечить, онъ, по обычаю многихъ нашихъ баръ, растратилъ громадное состояніе. Что же касается его воззрѣній, то онъ самъ говоритъ про себя: «Я уѣхалъ съ тѣмъ, чтобъ остаться въ Европѣ и не возвращаться домой никогда. Я эмигрировалъ» (на самомъ же дѣлѣ, онъ вернулся въ Россію). Я ни въ какомъ заговорѣ не участвовалъ... Я просто уѣхалъ тогда отъ тоски, отъ внезапной тоски. Это была тоска дворянина — право, не умѣю лучше выразиться... Ты думаешь, я стосковался по крѣпостничеству? (Онъ говоритъ съ сыномъ). О, нѣтъ, мой другъ. Да мы-то и были освободителями. Я эмигрировалъ безъ всякой злобы... Насъ такихъ въ Россіи, можетъ-быть,

*) А они, между тѣмъ, снова выступили у него впередъ, когда онъ окончательно разочаровался въ Западѣ (см. статью о Герценѣ въ книгѣ Н. Н. Страхова: „Борьба съ Западомъ въ Русской литературѣ", т. 1).

около тысячи человѣкъ, но вся Россія жила лишь пока для того, чтобы произвести эту тысячу».

Такое странное мнѣніе о себѣ и о своихъ онъ, по своему, вполнѣ выясняетъ. Они, тоскующіе на родинѣ, не находящіе тамъ для себя никакой достойной дѣятельности даже въ такія эпохи, какъ переживаемая Версиловымъ, они, конечно, тоскуютъ и за моремъ, но Версиловъ не даромъ же говоритъ: «я за тоску мою не взялъ бы никакого другого счастья»... «Нѣтъ свободнѣе и счастливѣе,—тутъ же говоритъ онъ,—Русскаго Европейскаго скитальца изъ нашей тысячи». Онъ свободенъ потому, что, пользуясь родиной, вовсе не связанъ ею: онъ счастливъ потому, что вращается въ самой широкой, самой непстощимой, по своему содержанію, сферѣ. «У насъ,—говоритъ онъ,—создался вѣками какой-то еще нигдѣ невиданный высшій культурный типъ, котораго нѣтъ въ цѣломъ мірѣ—типъ всемірнаго болѣнія за всѣхъ»... Онъ прямо сознается при этомъ, что, эмигрируя въ Европу, онъ «тогда ѣхалъ ее хоронить». Приснившаяся ему картина, воспроизводящая утро перваго дня Европейскаго человѣка, наводитъ его на мысль о заходящемъ солнцѣ послѣдняго его дня.

Въ этомъ «послѣднемъ днѣ», въ этихъ «похоронахъ» Европы сказалось опять-таки что-то Герценовское, съ примѣсью, однако, ему несвойственной, почти мистической, складки. Тутъ Достоевскій, вѣроятно, имѣлъ въ виду тотъ типъ людей «о двухъ и о трехъ идеяхъ», о которомъ говоритъ его «идіотъ». Какъ характеръ, Версиловъ, по своей неустойчивости и распущенности, напоминаетъ подобные же типы у Тургенева, также объясняемые, чуть ли не помимо воли автора, ихъ безпочвенностью, несуществованіемъ для нихъ какихъ-либо жизненныхъ, направляющихъ и сдерживающихъ преданій. У Версилова, какъ и у другихъ ему подобныхъ, есть благіе порывы, даже положительные акты моментальнаго великодушія, но это не мѣшаетъ ему — сколько ни постарался онъ гуманизировать форму своего поступка—присвоить себѣ жену своего крѣпостного человѣка и, при всей ея любви къ нему и даже самого его къ ней, въ сущности, испортить ея жизнь какъ

и жизнь ея и своего сына—этого «подростка», ведущаго въ романѣ свои записки. Въ этомъ послѣднемъ Достоевскій, со своею обычною психологическою глубиною, выставилъ передъ нами особый, нерѣдко также встрѣчающійся въ жизни, видъ «униженности» и «оскорбленности». Онъ униженъ и оскорбленъ самымъ фактомъ своего рожденія, самымъ вытекающимъ изъ него положеніемъ. Враждебная Достоевскому критика, хотя и отнесшаяся къ нему на этотъ разъ благосклоннѣе, такъ какъ «Подростокъ» появился не въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а въ «Отечественныхъ Запискахъ»,—оказалась, однако, по-прежнему легкомысленною. Она выставила «подростка» отъявленнымъ эгоистомъ, хотя сама же и проговорилась о томъ, какъ онъ половину накопленныхъ денегъ употребилъ на какого-то подкинутаго ребенка. Но, вѣдь, критика тутъ же съ полнѣйшею развязностью заявила, что «эгоизмъ есть неизбѣжное логическое слѣдствіе человѣческой забитости», той, о которой когда-то написалъ свою статью Добролюбовъ, также проглядѣвшій въ ней прямо противоположныя черты въ такъ называемыхъ «Забитыхъ людяхъ» Достоевскаго. Посвященная «Подростку» критика «Дѣла», буквально слѣдуя данному такъ давно камертону, уже прямо выдумала такой фактъ, какъ-то, будто «*всѣ* такъ-называемые «забитые» у Достоевскаго—«эгоисты, отчасти меланхолики, избѣгающіе общества, вѣчно замкнутые въ своемъ маленькомъ микроскопическомъ «я». Точно будто бы эти господа никогда не читали Достоевскаго или читали только для того, чтобы выводить изъ него нѣчто, прямо противоположное тому, что онъ самъ утверждаетъ.

— Подростокъ», быть можетъ, принадлежитъ у автора къ тѣмъ, которые болѣе другихъ уходятъ въ свое *я*, но и онъ, однако же, не утопаетъ безслѣдно въ немъ. Самая эта, постоянно въ немъ сказывающаяся, *жажда отца*, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и жажда нравственной опоры, *жажда идеала*. Съ какою любовью замѣтилъ онъ разъ на лицѣ у Версилова «что-то страдальческое или, лучше сказать, что-то гуманное, высшее». «Не умѣю я этого высказать, — сознается онъ; но высокоразвитые люди, какъ мнѣ кажется,

я одинъ и царь» — вотъ житейская философія права этого прямого представителя «темнаго царства», разсказъ о которомъ Макара Ивановича наводитъ на читателя такой же «страхъ за человѣка», какъ комедіи Островскаго на зрителя. Тутъ уже не народъ,—а та наднародная среда, которая, правда, начинается съ деревенскаго кулака; это та среда, которую самъ же народъ и обрисовалъ—отчасти въ нѣкоторыхъ сказкахъ, отчасти въ богатырскомъ образѣ Васьки Буслаева *).

Другой внушительный разсказъ Макара Ивановича – о человѣкѣ, тоже выдѣлившемся изъ народа —солдатѣ, которому въ отпуску «не понравилось жить опять съ мужиками», но который при этомъ «и самъ мужикамъ не понравился». Кончилось тѣмъ, что онъ сбился съ пути и ограбилъ гдѣ-то кого-то. Но оказывается, что въ глубинѣ его совѣсти уцѣлѣлъ, однако же, устой, или «твердое въ жизни», какъ говоритъ «подростокъ». Уликъ достаточныхъ не было, адвокатъ пускалъ въ ходъ свое краснорѣчіе. «Нѣтъ, ты постой говорить», перебилъ его подсудимый, да все и разсказалъ «до послѣдней соринки», повинился во всемъ, «съ плачемъ и раскаяніемъ». Присяжные, однакоже, его оправдали. «Пошелъ опять солдатъ на волю и все не вѣритъ себѣ. Сталъ тосковать, задумался, не ѣстъ, не пьетъ, съ людьми не говоритъ, а на пятый день взялъ да и повѣсился»... «Вотъ каково съ грѣхомъ-то на душѣ жить», заключилъ свой разсказъ Макаръ Ивановичъ.

Всѣмъ этимъ вовсе не вразумлялась враждебная Достоевскому критика. Да оно и понятно: ея представителямъ нужно было обработать по своему и народъ. Достоевскій же всѣмъ внушалъ: «учитесь у народа» **).

Народный взглядъ на «среду» и на «преступленія», такъ часто идущій въ разрѣзъ съ воззрѣніями нашихъ

*) См. въ „Подросткѣ“, ч. III, гл. 3, отд. IV.

**) Недавно г. Лѣсковъ въ „Новостяхъ“, разсказалъ о томъ, какъ Ѳеодоръ Михайловичъ упорно посылалъ разныхъ знакомыхъ ему образованныхъ барынь „къ куфельному мужику“, и какъ онѣ не могли понять, зачѣмъ. Если бы онѣ внимательно читали его, то поняли бы, конечно, и эти его слова, не дожидаясь разсказа Л. Н. Толстого объ Иванѣ Ильичѣ съ его кухоннымъ мужикомъ.

адвокатовъ, заставилъ Макара Ивановича обозвать этихъ послѣднихъ «нанятою совѣстью». Между тѣмъ, Достоевскій хорошо понималъ, что самый принципъ новаго суда, заключающійся въ томъ, что это *судъ совѣсти*, приходится совершенно по душѣ народу. Къ суду и явленіямъ его у насъ, въ связи съ народною мудростью, Достоевскій неоднократно возвращался въ своемъ «Дневникѣ Писателя», который онъ сталъ издавать въ 1876 году уже въ видѣ отдѣльнаго, собственнаго, вполнѣ самостоятельнаго изданія. Тутъ онъ выставилъ одинъ оправдательный приговоръ, какъ вполнѣ негуманный, такъ какъ адвокату, при помощи подпущенной въ глаза пыли, удалось добиться оправданія отца, варварски истязавшаго свою дочь (человѣка къ комфортѣ живущаго, т. е. «благовоспитаннаго»). Въ другой разъ, Достоевскій, напротивъ, громко возсталъ тутъ противъ обвинительнаго приговора—по дѣлу Корниловой, выбросившей въ окно ребенка (удивительнымъ образомъ при этомъ не потерпѣвшаго) положительно въ состояніи болѣзненной невмѣняемости. Достоевскій своею глубоко-психологической и гуманной статьей, какъ извѣстно, произвелъ такое сильное впечатлѣніе, что добился пересмотра дѣла и оправданія новымъ составомъ присяжныхъ обвиненной Корниловой, — другими словами, возвращенія ея, вышедшей изъ своего временного психіатрическаго состоянія, какъ ея мужу, такъ и самому этому ребенку, чудеснымъ образомъ уцѣлѣвшему и вовсе ею не ненавидимому.

О. Миллеръ.

* * *

*) Къ религіозному сознанію ближе (чѣмъ Раскольниковъ) «Подростокъ», «идея» котораго сходна съ идеей Раскольникова по доведенному до послѣдней крайности личному началу.

Уже до «преступленія» Раскольниковъ боленъ отъ своихъ страшныхъ мыслей, отъ одиночества, просто, наконецъ,

*) Д. С. Мережковскій „Л. Толстой и Достоевскій“ Томъ второй. Спб. 1903 г.

отъ физическаго истощенія, голода. «Это оттого, что я очень боленъ», объясняетъ онъ самъ. И убійство старухи, если не совершенно, то въ значительной мѣрѣ—болѣзнь, «бредъ», навожденіе. «Чортъ меня потащилъ туда». «Старуха—вздоръ, старуха, можетъ-быть, и ошибка». Ну, конечно, ошибка, по крайней мѣрѣ, въ высшей степени неудавшійся опытъ, который ровно ничего не доказываетъ и ничего не опровергаетъ. Въ старухѣ онъ именно не «принципъ», а только старуху убилъ. Выйдя изъ области созерцанія въ несвойственную ему область дѣйствія, поработилъ онъ свою внутреннюю логику логикѣ внѣшнихъ, грубыхъ случайностей. Теперь онъ слишкомъ страдаетъ, чтобы свободно думать. Онъ не сдѣлалъ такъ, потому что думаетъ такъ, а наоборотъ, думаетъ, потому что сдѣлалъ. Если живая страсть углубила, обострила отвлеченныя мысли его, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, она лишила ихъ равновѣсія, мѣры и ясности.

Въ «идеѣ» Подростка, можетъ-быть, еще больше книжнаго, неопытнаго, юношескаго, даже прямо ребяческаго, чѣмъ въ идеѣ Раскольникова. Это, вѣдь, дѣйствительно «подростокъ», почти мальчикъ. Молодо—зелено. Но незрѣлая оболочка не уничтожаетъ возможнаго впослѣдствіи, глубокаго внутренняго значенія самой «идеи». Когда-нибудь созрѣетъ этотъ слишкомъ ранній плодъ. Видно, впрочемъ, уже и теперь, отъ какого онъ дерева. Подростокъ здоровѣе, уравновѣшеннѣе, мысли его свободнѣе, и главное *сознательнѣе*, яснѣе, чѣмъ мысли Раскольникова.

Въ жизни дѣятельной, въ развитіи сердца и воли исходная точка здѣсь та же, какъ у Раскольникова, у Германа, у Онѣгина, у Печорина—у всѣхъ наполеоновскихъ и петровскихъ героевъ: необузданно-мятежный аристократизмъ, бунтъ личности противъ общества: «я сумраченъ, я безпрерывно закрываюсь. Я часто желаю выйти изъ общества. Я, можетъ-быть, и буду дѣлать добро людямъ, но часто не вижу ни малѣйшей причины имъ дѣлать добро. Съ двѣнадцати лѣтъ, я думаю, то-есть, почти съ зарожденія правильнаго сознанія, я сталъ не любить людей».

Въ жизни созерцательной начинаетъ онъ прямо съ того,

чѣмъ Раскольниковъ кончаетъ: тутъ уже никакой связи съ «воззрѣніями соціалистовъ», съ ариѳметикой общей пользы; и то, въ чемъ герой «Преступленія и Наказанія» самому себѣ едва смѣетъ признаться: «я и самъ хочу жить»—«я убилъ для себя, для себя одного»—Подростка уже не пугаетъ; ему не надо повторять и доказывать себѣ, что тутъ нѣтъ «преступленія»: ему, дѣйствительно, открылся источникъ новаго «категорическаго императива» въ любви къ Себѣ, въ безкорыстной любви къ Себѣ, не къ малому, ближнему, а къ великому, дальнему своему Я. И высшій предѣлъ этой любви—воля власти, «воля могущества»—есть первая, не только нравственная, но уже и почти метафизическая, даже почти религіозная основа всей его «идеи»:

Я жаждалъ могущества всю мою жизнь—*могущества и уединенія.*

Средство, которое выбираетъ онъ для воплощенія идеи—уже не грубое внѣшнее насиліе, не анархическое убійство, которое безплодно, бездоказательно, да и просто невозможно, какъ разумное дѣйствіе, направленное къ какой-бы ни было цѣли, въ условіяхъ современнаго культурнаго общества—а насиліе внутреннее, болѣе утонченное и одухотворенное—могущество денегъ. «Мнѣ не нужно денегъ, или, лучше, мнѣ не деньги нужны, даже и не могущество; мнѣ нужно лишь то, что пріобрѣтается могуществомъ, и чего никакъ нельзя пріобрѣсти безъ могущества: это *уединенное и спокойное сознаніе силы!* Вотъ самое полное опредѣленіе свободы, надъ которымъ такъ бьется міръ! Свобода! Я начерталъ, наконецъ, это великое слово... Да, уединенное сознаніе силы—обаятельно и прекрасно. У меня сила—и я спокоенъ. Будь только у меня могущество, разсуждалъ я, мнѣ и не понадобится оно вовсе; увѣряю, что самъ по своей волѣ займу вездѣ послѣднее мѣсто. Я буду сытъ моимъ сознаніемъ—

„съ меня довольно
„Сего сознанья.

Я еще въ дѣтствѣ выучилъ наизусть монологъ Скупого

кѣ зародился новый ликъ «трезваго и твердаго схимника», подвижника, можетъ-быть, послушника, Алеши. Недаромъ ищетъ уже и Подростокъ не только прометеевскаго, наполеоновскаго, западноевропейскаго «уединенія и могущества», но и русскаго, родного, самаго древняго и самаго новаго, будущаго «благообразія». Это-то благообразіе и найдетъ онъ въ старцѣ Зосимѣ. Несмотря на мечты о нечистыхъ милліонахъ, «вьюношъ» все-таки сердцемъ чистъ: онъ—почти такой-же «безсребренникъ», какъ Алеша; и несмотря на версиловское «злое и сладострастное насѣкомое», которое и въ немъ живетъ,—онъ почти такой-же дѣвственникъ, какъ Алеша, ибо версиловское, карамазовское есть и въ Алешѣ: «мы всѣ, Карамазовы, такіе-же, говоритъ братъ Дмитрій, и въ тебѣ, ангелѣ, это насѣкомое живетъ, и въ крови твоей бури родитъ». Да, Подростокъ находится на полъ-пути отъ Раскольникова, отъ Ивана Карамазова къ «чистому херувиму Алешѣ». На этомъ-то пути и благословляетъ его старецъ. И первая чета «послушника» Подростка и старца Макара Ивановича есть прообразъ второй четы Алеши и старца Зосимы.

Нѣтъ, не ошибся, не прогадалъ Макаръ Ивановичъ: это лишь съ точки зрѣнія одного перваго Пришествія безъ второго—одного перваго, явнаго Лика безъ второго, тайнаго, съ точки зрѣнія нашего современнаго, умерщвляющаго, толстовскаго, буддійскаго христіанства кажется, что старецъ, благословляя въ ученикѣ своемъ твердыню личнаго начала, «неприступную крѣпость» уединенія и могущества», благословилъ нѣчто противоположное Христу, нѣчто «антихристово».—«Теперь ты, можетъ-быть, о семъ и не думаешь, потомъ, можетъ, подумаешь». О, да, конечно, потомъ и еще о многомъ другомъ подумаешь!—*„Еще многое имѣю сказать вамъ, но вы теперь не можете вмѣстить,* когда-же пріидетъ Онъ, Духъ истины, то и наставитъ васъ».—Кажется, Макаръ Ивановичъ и старецъ Зосима уже отчасти «вмѣстили», уже отчасти «наставлены» не только Отцомъ и Сыномъ, но и Духомъ Истины. Надо любить другихъ, *какъ себя?* Но надо любить другихъ не для другихъ, а для Бога, въ Богѣ: таковъ завѣтъ

Христа. И прежде, чѣмъ *такъ* полюбить другихъ, надо и себя полюбить не для себя, а для Бога, въ Богѣ — неужели это завѣтъ Антихриста? Нѣтъ, любить другихъ и себя въ Богѣ, это не два, а одно. Безконечною любовью нельзя любить ни себя ни другихъ—можно любить только безконечное, только Бога. Безконечная любовь къ себѣ, безконечная любовь къ другимъ есть одна и та-же любовь къ Богу. Надо отдать себя другимъ? Но чтобы отдать себя, надо сперва имѣть себя, найти себя, владѣть собою. Многіе-ли изъ насъ дѣйствительно нашли себя, овладѣли собою? Не легче-ли, чѣмъ кажется, даръ тѣхъ, кто, отдавая ближнимъ все, что имѣетъ, почти ничего не отдаетъ, потому что почти ничего не имѣетъ? Я долженъ положить душу за брата? Но, вѣдь, это значитъ положить за брата не малое и не среднее, а самое великое, чѣмъ только можетъ быть душа моя. Я долженъ возвысить душу мою не только до брата, но и до Бога, чтобы даръ мой былъ достоинъ Бога, а не отдавать Ему то, что мнѣ самому не нужно, съ чѣмъ мнѣ самому уже нечего дѣлать—не отдавать Богу униженную, уничтоженную, опостылѣвшую душу мою.

«Трезвые, твердые схимники» прошлыхъ вѣковъ дѣйствительно имѣли себя, владѣли собою: какъ скупые, собирали, похищали они себя изъ міра, копили сокровища духовнаго уединенія, могущества, послѣдней свободы — одно сознаніе этой свободы, «какъ вранъ», кормило ихъ въ пустынѣ —

... съ меня довольно
Сего сознанья.

На подоблачныхъ вершинахъ, въ подземныхъ вертепахъ жили они, какъ орлы и львы, какъ хищные звѣри. Святая хищность, святая скупость. Нѣтъ, ученіе Христово не только величайшее самоотрицаніе, но и величайшее самоутвержденіе личности, не только вѣчная Голгоѳа, распятіе, но и вѣчный Виѳлеемъ—рожденіе, Возрожденіе личности. Донынѣ люди видѣли ясно только одну половину ученія Христова—половину самоотрицанія; наступаетъ вре-

мя, когда увидятъ они, наконецъ, такъ же ясно и другую половину этого ученія, увидятъ за первымъ, уже явленнымъ — второй, сокровенный Ликъ Господенъ, за ликомъ «голубиной простоты» — ликъ «мудрости змѣиной», за ликомъ рабства и смиренія — ликъ силы и славы. Донынѣ этотъ Второй Ликъ или пугаетъ или соблазняетъ. Такъ на нашихъ глазахъ испугался Л. Толстой, соблазнился Ницше: оба они приняли одинаково, съ самыхъ противоположныхъ точекъ зрѣнія, второй ликъ Христа за ликъ Антихриста. — «Да подожди, не пугайся, усмѣхается старецъ безстрашною усмѣшкою. — «*Вскорѣ вы не увидите Меня и опять вскорѣ увидите Меня*».—Тутъ нѣкоторые изъ учениковъ Его сказали одинъ другому: что̀ это Онъ говоритъ намъ: вскорѣ не увидите Меня и опять вскорѣ увидите Меня.... «Итакъ они говорили: что̀ это говоритъ Онъ: вскорѣ? не знаемъ, что̀ говоритъ». Ученики тоже соблазнились, тоже испугались. Въ самомъ дѣлѣ, сколько загадокъ, сколько соблазновъ! Не черезчуръ-ли много? Есть ли вообще другая религія съ бо̀льшими загадками и соблазнами?—«Соблазнъ долженъ притти въ міръ, но горе тому, черезъ кого приходитъ соблазнъ». — «Блаженъ, кто обо Мнѣ не соблазнится».—Да, трудно не соблазниться о Немъ, даже почти невозможно, особенно въ наше время, когда начинаетъ исполняться это самое загадочное и соблазнительное изъ всѣхъ Его пророчествъ: «вскорѣ не увидите Меня» и «опять вскорѣ увидите Меня». Мы, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ *уже* не видимъ Его и «*опять*» *еще* не увидѣли. Что это сказалъ Онъ: «опять?» не знаемъ, что̀ сказалъ Онъ.—Макаръ Ивановичъ, старецъ Зосима, можетъ быть, отчасти и самъ Достоевскій уже знаютъ: уже *опять* увидѣли Его.

Что же, однако, въ Раскольниковѣ произошло съ личнымъ началомъ? Ежели приводитъ оно Подростка къ религіозной святынѣ, къ «благообразію», къ лику «трезваго и твердаго схимника», къ лику «чистаго херувима» Алеши, то почему то-же самое начало приводитъ Раскольникова къ такому отрицанію всякой святыни, къ такому безбожному проклятію міра, какъ «бѣсовскаго хаоса» — пусть даже

не къ «преступленію» въ его собственныхъ глазахъ, но, вѣдь, все-же къ «болѣзни» и «бреду», къ «подлости», къ «пошлости», какъ онъ самъ выражается, т. е., къ величайшему неблагообразію? Гдѣ тутъ собственно первая ошибка, первая точка отклоненія, искривленія—въ дѣйствіи или въ созерцаніи, въ волѣ или въ мысли, или же, наконецъ, въ томъ и въ другомъ вмѣстѣ?

Д. Мережковскій.

* * *

*) «Подростокъ», по внѣшнему своему содержанію столь отличный отъ предыдущихъ романовъ, тѣмъ не менѣе своимъ внутреннимъ смысломъ стоитъ съ ними въ тѣсной связи, и въ русской критической литературѣ справедливо было замѣчено, что «Подростокъ», очевидно, вышелъ изъ того же самаго настроенія, въ которомъ писались «Бѣсы». Въ предшествующихъ романахъ отразились уродливыя явленія въ области русскихъ умственныхъ настроеній, какъ факты уже существующіе; но откуда происходили эти явленія, какъ они создавались, — отвѣта полнаго и яснаго не было. Не было, собственно, *образныхъ* выраженій душевныхъ процессовъ, изъ которыхъ, какъ прямое слѣдствіе, истекали тѣ умственныя настроенія, читатель долженъ былъ довольствоваться короткими поясненіями въ родѣ высказаннаго въ «Преступленіи и Наказаніи», что «у насъ, вѣдь, особенно священныхъ преданій нѣтъ», или же, въ лучшемъ случаѣ, видѣть намеки на разсматриваемыя причины въ тѣхъ условіяхъ жизни, въ которыя ставилъ авторъ своихъ героевъ. Между тѣмъ мысль о ясномъ художественномъ изображеніи лежащихъ въ самой жизни причинъ ненормальнаго развитія многихъ русскихъ умовъ, очевидно, давно тревожила автора. Уже въ повѣстяхъ, какъ вы видѣли, Достоевскій неоднократно берется за изображеніе противоестественныхъ условій, въ которыхъ росли русскія дѣти.

*) Арс. И. Введенскій. Изъ его книги: „Общественное самосознаніе въ русской литературѣ“. Спб. 1900 г.

Все написанное имъ до того времени, однако, носило не общій характеръ. Случаи въ тѣхъ произведеніяхъ (напр., въ «Униженныхъ и Оскорбленныхъ», Нелли) брались слишкомъ исключительные и важные только вообще, для сознанія общихъ законовъ развитія дѣтскаго ума въ тѣхъ или иныхъ условіяхъ жизни. Образы, возникавшіе въ душѣ Достоевскаго подъ вліяніемъ указываемой мысли, и выразились, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени въ «Подросткѣ».

Герой этого романа, Долгоруковъ, родился и выросъ, собственно говоря, въ такихъ условіяхъ, которыя общи для всей русской жизни. По крайней мѣрѣ, добрая половина русской интеллигенціи провела въ подобныхъ же условіяхъ свое дѣтство и молодость. Авторъ лишь нѣсколько обостряетъ его положеніе тѣмъ, что Долгоруковъ — незаконный сынъ помѣщика, хотя и носитъ фамилію крѣпостного человѣка этого помѣщика (какъ, замѣтимъ, напр., извѣстный несчастный поэтъ Полежаевъ). Обстоятельство это, конечно, не безъ значенія, но въ жизни другихъ русскихъ людей могли встрѣчаться другія какія-нибудь обстоятельства, болѣе или менѣе равносильныя этому, разъ въ обществѣ нѣтъ твердыхъ нравственныхъ принциповъ, а есть, напротивъ, легкое отношеніе къ своей и чужой жизни.

Какими же путями идетъ развитіе Подростка? Не важное въ сущности обстоятельство его незаконнорожденности доставляетъ ему рядъ страданій, указывающихъ, конечно, на грубость общественныхъ нравовъ. Но самое страданіе имѣетъ развивающую силу, направляющую къ добру, и при другихъ, добрыхъ, элементахъ, способную сформировать человѣка. На Подросткѣ мы видимъ, однако, что въ окружающей его жизни, даже въ отцѣ онъ не находитъ того, что указало бы ему добрые жизненные пути. Можно сказать, что вокругъ него какая-то нравственная пустыня. А онъ, между тѣмъ, принадлежитъ къ натурамъ ищущимъ, стремящимся, онъ не можетъ удовлетвориться этой пустотой. И вотъ онъ создаетъ себѣ «идею», обдумываетъ ее, составляетъ планъ ея выполненія. Читатель съ изумленіемъ узнаетъ, что «идея» эта, вполнѣ соотвѣтствующая

идейной пустотѣ окружающей жизни,—сдѣлаться вторымъ Ротшильдомъ, скапливая деньги по грошамъ, отказывая себѣ во всемъ не безусловно необходимомъ. Въ «идеѣ» этой есть только одинъ смыслъ: путемъ ея выполненія герой нашъ сладострастно мечтаетъ возвратить себѣ все то, въ чемъ ему отказываетъ жизнь, — уваженіе къ себѣ въ обществѣ, удовлетвореніе своего стремленія къ добру, и проч. Но онъ вступаетъ въ жизнь съ чувствами и инстинктами, столь же изуродованными ненормальной жизненной обстановкой, какъ уродлива и его «идея».

Не то-ли же самое было съ Раскольниковымъ въ самой сущности душевнаго процесса? Жизнь встрѣчаетъ нашего Подростка такою сложною цѣпью сталкивающихся интересовъ, не руководимыхъ никакими нравственными правилами, что онъ рѣшительно теряется, не умѣя отличить добра отъ зла. Онъ не можетъ даже путемъ разглядѣть своего родного отца, представляющаго изъ себя странную смѣсь злыхъ дѣлъ съ благородными инстинктами и иногда помыслами, ни своей собственной семьи, съ которою онъ связанъ узами крови, не говоря уже о другихъ личностяхъ романа. Читатели, конечно, не нуждаются въ выпискахъ изъ романа или указаніяхъ на мѣста его, въ которыхъ изображается эта сумятица жизни, повергающая въ вѣчное недоумѣніе нашего героя,—романъ передъ ихъ глазами. Да для подобной цѣли пришлось бы, притомъ, выписать весь романъ.

Жизнь имѣла, однако, и не могла не имѣть другого вліянія на Подростка: она тянула, манила его къ себѣ, и онъ, дѣйствительно, погружается въ волны ея, то въ одну, то въ другую, безотчетно, не разсуждая о нравственномъ смыслѣ своихъ дѣяній, доходя даже до близости съ положительными негодяями, а «идеѣ» своей оставляя область пока мечтаній. Будь онъ болѣе силенъ мыслью и имѣй для него призывъ жизни меньшее обаяніе, онъ, съ своей потребностью «идеи» въ душѣ, могъ бы додуматься, какъ Раскольниковъ, до болѣе серьезной, но не меньше праздной по результатамъ мысли, которая могла бы окончательно сгубить его. Странные, мрачные характеры, выведенные

въ романѣ Достоевскимъ, какъ всегда въ его произведеніяхъ, составляютъ только фонъ, на которомъ изображается душевная жизнь нашего героя.

А. Введенскій.

* * *

*) Версиловъ—это Ставрогинъ, уже достигшій зрѣлаго, предстарческаго возраста, совершеннаго жизненнаго опыта. Та романтическая дымка дали, наслѣдіе байроновскихъ героевъ, которая все еще окутываетъ Николая Ставрогина, «Ивана-Царевича», «Гришку Отрепьева», здѣсь уже окончательно разсѣялась—и мы видимъ не только трагическое, но и будничное, даже иногда почти комическое лицо героя. Отношеніе къ нему Достоевскаго спокойнѣе, ровнѣе, примиреннѣе и справедливѣе. Онъ больше любитъ и потому лучше знаетъ его. Мы слышимъ не только о немъ, но и его самого; не только ученики, но и самъ учитель «вѣщаетъ намъ свои огромныя слова». Тайна, впрочемъ, остается и въ Версиловѣ. «Я видѣлъ ясно, говоритъ Подростокъ, что въ немъ всегда какъ бы оставалась какая-то тайна; это-то и привлекало меня къ нему все больше и больше». Тайна Версилова есть тайна Ставрогина и самого Достоевскаго—вѣчная тайна раздвоенія. Но въ Версиловѣ она менѣе отталкивающая, болѣе привлекательная, потому что болѣе *сознательно религіозная*, чѣмъ въ Ставрогинѣ. Если и герою «Подростка» не суждено побѣдить раздвоенія, то онъ все-таки ближе къ побѣдѣ, чѣмъ герой «Бѣсовъ». Версиловъ, впрочемъ, опредѣляетъ сущность свою такъ-же, какъ Ставрогинъ.

— «Я, вѣдь, знаю, что я *безконечно силенъ*, и чѣмъ, какъ ты думаешь? А вотъ именно этою непосредственною силою живучивости съ чѣмъ-бы то ни было, столь свойственною всѣмъ умнымъ русскимъ людямъ нашего поколѣнія. Меня ничѣмъ не разрушишь, ничѣмъ не истребишь и ничѣмъ

*) Д. С. Мережковскій. Изъ его книги: „Л. Толстой и Достоевскій". Томъ второй. Спб. 1903 г.

не удивишь.—*Я могу чувствовать преудобнѣйшимъ образомъ два противоположныя чувства въ одно и то-же время*». Онъ знаетъ, что это «безчестно», но и онъ, подобно Ставрогину, въ этихъ «противоположныхъ чувствахъ», въ соприкосновеніяхъ «идеала Мадонны» съ «идеаломъ содомскимъ». въ «обоихъ полюсахъ» находитъ совпаденіе красоты», «одинаковость наслажденія».

Онъ любитъ мать Подростка, свою бывшую крѣпостную, жену Макара Ивановича, простую русскую женщину такою-же христіанскою цѣломудренною и самоотверженною любовью-жалостью, какъ Раскольниковъ—дочь Зарницыной, князь Мышкинъ — Настасью Филипповну, Ставрогинъ — Марію Лебядкину: «Это разъ пронзаетъ сердце, и потомъ навѣки остается рана». У него не только чувства, но и мысли христіанскія: мы узнаемъ, что во время своей заграничной жизни онъ «проповѣдывалъ Бога», конечно, русскаго православнаго Бога и Христа; изъ христіанства, впрочемъ, беретъ онъ, такъ-же какъ Ставрогинъ, одну лишь аскетическую сторону — самообузданіе, какъ средство для достиженія свободы; носитъ вериги, «мучитъ себя дисциплиной — вотъ той самой, разсказываетъ онъ Подростку, которую употребляютъ монахи: ты постепенно и методически практикой одолѣваешь свою волю, начиная съ самыхъ смѣшныхъ и мелкихъ вещей, а кончаешь совершеннымъ одолѣніемъ воли своей, и становишься свободнымъ». И Версиловъ, подобно Ставрогину—до такой степени судьбы ихъ сходны—вынесъ ударъ по лицу, преодолѣлъ «злобу», и не отомстилъ обидчику.

Рядомъ съ этою «жаждою благообразія» христіанскаго—совсѣмъ «другія, по выраженію Подростка, ужъ Богъ вѣсть какія жажды», рядомъ съ любовью-жалостью—любовь-ненависть, «паучье сладострастье». И эти два чувства—вмѣстѣ. Версиловъ такъ же, какъ Идіотъ, «любитъ обѣихъ вмѣстѣ двумя разными любвями». Нехристіанскимъ чувствамъ соотвѣтствуютъ и мысли нехристіанскія: «гдѣ-то въ Коранѣ Аллахъ повелѣваетъ пророку взирать на «строптивыхъ», какъ на мышей, дѣлать имъ добро и проходить мимо: немножко гордо, но вѣрно. — По-моему, человѣкъ

созданъ съ физическою невозможностью любить своего ближняго. Тутъ какая-то ошибка въ словахъ, съ самаго начала, и «любовь къ человѣчеству» надо понимать—лишь къ тому человѣчеству, которое ты самъ-же и создалъ въ душѣ своей, другими словами, себя самого создалъ, и къ себѣ самому любовь».—«Какъ-же васъ называютъ послѣ этого христіаниномъ?» восклицаетъ Подростокъ.

Однажды на вопросъ, какая самая великая мысль человѣчества, Версиловъ отвѣчаетъ: ну, обратить камни въ хлѣбы—вотъ великая мысль». Тутъ «лишь намекъ на первое искушеніе дьявола, но мы увидимъ впослѣдствіи, что изъ этого намека выростетъ главная мысль Великаго Инквизитора, мысль о западномъ, римскомъ, «противоположномъ Христѣ».

Тутъ-же начинается и «тайна» Версилова; можетъ быть, въ его безсознательной стихіи, то-есть, тамъ, гдѣ онъ «безконечно силенъ», тайна эта есть предчувствіе послѣдняго соединенія; вотъ почему и въ его лицѣ (онъ такой же «красавецъ» какъ Ставрогинъ), по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыя, правда, очень рѣдкія, самыя безсознательныя мгновенія жизни его, является, какъ отблескъ этого внутренняго соединенія, то самое «благообразіе», котораго онъ жаждетъ, которымъ свѣтится и «ликъ» святого старца Макара Ивановича. «У Версилова, замѣчаетъ сынъ его, Подростокъ, влюбленный въ него почти такъ же, какъ Шатовъ въ Ставрогина, у Версилова лицо становилось удивительно прекраснымъ, когда онъ чуть-чуть только становился *простодушнымъ*». И Версилову можно-бы сказать то же, что Верховенскій говоритъ Ставрогину: «знаете-ли, что вы красавецъ? Въ васъ всего дороже то, что вы иногда про это не знаете.—Въ васъ даже есть *простодушіе* и наивность, знаете-ли вы это? Еще есть, есть!» Чѣмъ онъ менѣе «простодушенъ», чѣмъ сложнѣе, сознательнѣе,—тѣмъ дальше отъ своей красоты, отъ «благообразія», потому что и у него, какъ у героя «Бѣсовъ», первоисточникъ искажающаго раздвоенія—въ умѣ, въ сознаніи, не доходящемъ до конца, до змѣиной мудрости и простоты голубиной. И Версилову можно-бы сказать: «о, будьте по-

глупѣе», то-есть, будьте попроще, менѣе умнымъ, болѣе мудрымъ. И онъ также «не знаетъ, чего ищетъ», не сознаетъ до конца совершающейся въ его безсознательной стихіи тайны послѣдняго соединенія; но онъ все-таки больше знаетъ, больше сознаетъ, чѣмъ Ставрогинъ. По крайней мѣрѣ, знаетъ уже—почти видитъ въ лицо своего «демона», не кажущагося, романтически условнаго, а истиннаго и реальнаго, того самаго, отъ котораго дѣйствительно гибнетъ. Когда Ставрогинъ говоритъ: «какой мой демонъ! Это просто маленькій, гаденькій бѣсенокъ изъ неудавшихся»,—онъ этому самъ не вѣритъ вполнѣ, а если и вѣритъ, то лишь въ рѣдкія минуты просвѣтлѣнія и отчаянія; большею же частью «внезапный демонъ иронiи», который властвуетъ всей его жизнью, кажется ему все-таки «могучимъ и страшнымъ духомъ», прекраснымъ, родственнымъ «свѣтлѣйшему изъ херувимовъ», «Сатанѣ, спавшему съ неба, какъ молнія». Онъ одного отъ другого не отличаетъ до конца, смѣшиваетъ своего «маленькаго, гаденькаго бѣсенка» съ тѣмъ, кто кажется ему великимъ «демономъ», противоположнымъ и равнымъ Богу, кто, можетъ быть, на самомъ дѣлѣ есть только одно изъ двухъ Божескихъ Лицъ, одна изъ двухъ Ипостасей. Въ этомъ главная ошибка Ставрогина. Не такъ ли, впрочемъ, и всегда бываетъ: пока не сознана *до конца* тайна послѣдняго соединенія: *Я и Отецъ одно,* — Сыновняя Ипостась «Я» не кажется ли «демоничной» по отношенію къ Ипостаси Отчей, къ «Не-Я», и наоборотъ, Отчая—по отношенію къ Сыновней.—Этого-то и не понялъ Ставрогинъ, то-есть, главной лжи и соблазна своего демона не понялъ,—того, что «маленькій, гаденькій, золотушный бѣсенокъ», не реальный для Бога, но для человѣка въ высшей степени реальный, самый страшный и неодолимый этою именно своею малостью и гадостью—противоположенъ обѣимъ Ипостасямъ Божескимъ, обоимъ «концамъ, полюсамъ», какъ задерживающая, «нейтрализующая», непроницаемая среда.—Версиловъ это уже понялъ или, по крайней мѣрѣ, гораздо ближе къ пониманію, чѣмъ Ставрогинъ; Версиловъ догадывается, что его настоящій бѣсъ есть духъ не добрый и

не злой, а только равнодушный къ добру и злу, не горячій и не холодный, а только теплый; не бѣлый и не черный, а только сѣрый, духъ всего до конца не доходящаго, раздвоеннаго и не соединеннаго до конца, а только *смѣшаннаго* и потому *смѣшного*, всего мѣщански-серединнаго и благоразумнаго. «Я знаю, говоритъ однажды Версиловъ по поводу «одинаковости наслажденія въ обоихъ полюсахъ», говоритъ вскользь, самъ, кажется, не подозрѣвая бездонной глубины этой мысли,—знаю, что *это безчестно, главное потому, что ужъ слишкомъ благоразумно*».

Благоразумно и потому какъ будто не страшно, а, на самомъ дѣлѣ, страшно именно потому, что такъ противоположно всему страшному и таинственному, такъ плоско, пошло, буднично и даже какъ будто смѣшно; чѣмъ смѣшнѣе, тѣмъ страшнѣе. Въ соединенномъ — страшное и святое; въ *смѣшанномъ—смѣшное* и кощунственное. Въ послѣдней глубинѣ сознанія у Версилова и у Ставрогина есть это «ужъ слишкомъ благоразумное» и потому «безчестное», это серединное, смѣшанное и смѣшное.

— «У меня всегда была мысль, признается однажды Ставрогину Лиза во время любовнаго свиданія, въ минуту отчаянной и циничской откровенности,—что у васъ что-то есть на душѣ ужасное, грязное и кровавое и... въ то-же время такое, что ставитъ васъ въ ужасно *смѣшномъ* видѣ... Берегитесь мнѣ открывать, если правда: *я васъ засмѣю*. Я буду хохотать надъ вами всю вашу жизнь». Ставрогинъ блѣднѣетъ отъ этихъ словъ, испытывая, по всей вѣроятности, нѣчто подобное тому, что́ испыталъ отъ пощечины Шатова.

— «Мнѣ всегда казалось, говоритъ Версилову Катерина Николаевна въ минуту такой-же точно откровенности, мнѣ всегда казалось въ васъ что-то *смѣшное*». И Версиловъ, какъ Ставрогинъ, «ужасно блѣднѣетъ».

Замѣчательно, что это-же бѣсовское «смѣшное» — признакъ очень глубокаго, но не послѣдняго, не до конца доходящаго раздвоенія — сказывается и въ князѣ Мышкинѣ, личность котораго, повидимому, въ представленіи самого Достоевскаго столь противоположна личности Версилова и

Ставрогина.—«Человѣкъ ты добрый, да *смѣшной*», говоритъ ему одна очень простая и здравомыслящая женщина. И влюбленная въ него Аглая замѣчаетъ ему однажды съ порывомъ безконечнаго презрѣнія: «вы очень жалки!»—«Зачѣмъ вы все въ себѣ исковеркали, зачѣмъ въ васъ гордости нѣтъ?» Онъ, впрочемъ, и самъ сознаетъ въ себѣ это страшное для него, потому что демонически господствующее надъ нимъ—«смѣшное»: «я всегда боюсь моимъ смѣшнымъ видомъ скомпрометировать мысль и *главную идею*.—Есть такія идеи, есть высокія идеи, о которыхъ я не долженъ начинать говорить, потому что непремѣнно всѣхъ насмѣшу.—Я не имѣю жеста. Я имѣю жестъ всегда противоположный, а это вызываетъ смѣхъ и унижаетъ идею. Чувства мѣры нѣтъ, а это главное; это даже самое главное». Нѣтъ чувства мѣры, потому что нѣтъ высшей гармоніи, тишины и благообразія. У Идіота это «смѣшное» происходитъ не отъ раздвоеннаго сознанія (хотя и у него «*двойныя* мысли»), какъ у Верхилова и Ставрогина, а наоборотъ, отъ безсознательнаго раздвоенія; и здѣсь, впрочемъ, какъ вездѣ и всегда, *смѣшное отъ смѣшаннаго*, именно отъ плоти, не соединенной съ духомъ, отъ старой плоти, смѣшанной съ новымъ духомъ, отъ старой болѣзни, смѣшанной съ новымъ здоровьемъ: «я знаю, говоритъ онъ самъ, что послѣ двадцати лѣтъ болѣзни непремѣнно должно было что-нибудь остаться, такъ что *нельзя не смѣяться надо мной*». Какъ нарочно, именно въ тѣ минуты, когда Идіотъ всего болѣе похожъ на пророка, когда кажется, что вотъ-вотъ сейчасъ выразитъ онъ окончательно «главную идею» свою, и уже лицо его свѣтится, какъ-бы преображенное,—вдругъ искажающая судорога пробѣгаетъ по этому лицу, слова становятся безумными, жесты «противоположными», и въ близящемся припадкѣ открывается что-то кощунственное въ святомъ, самое смѣшное въ страшномъ,—такъ что чѣмъ смѣшнѣе, тѣмъ страшнѣе, пока, наконецъ, «духъ нѣмой и глухой» не повергаетъ на землю несчастнаго.

И въ трагедіи Раскольникова, первенца всѣхъ героевъ раздвоенія у Достоевскаго — это-же самое «демонически-

смѣшное»: когда въ сновидѣніи бьетъ онъ изо всей силы старушонку топоромъ по темени, она смѣется подъ его ударами, «такъ и заливается тихимъ, неслышнымъ смѣхомъ, такъ вся и колышется отъ хотота». И призрачная толпа свидѣтелей, которая смотритъ на него, тоже смѣется.

— «Знаете, говоритъ Ставрогинъ въ одну изъ самыхъ роковыхъ минутъ жизни, когда впервые сознаетъ свою погибель, мнѣ ужасно хочется смѣяться, все смѣяться, безпрерывно, долго, много. *Я точно заряженъ смѣхомъ*».

Этимъ смѣхомъ какъ будто нарочно бередитъ, расчесываетъ онъ смертельную язву свою; смѣхъ этотъ разжигаетъ въ немъ, какъ соль на языкѣ умирающаго отъ жажды, «ненасытимую жажду контраста», которую обѣщаетъ утолить, и никогда не утоляетъ «внезапный демонъ иронiи».

Что-же такое этотъ смѣхъ? Откуда онъ?

Продолжая наше будничное, но, кажется, вѣрное сравненіе, можно-бы сказать, что ощущеніе этого смѣха подобно тому, что̀ испытываетъ человѣкъ, прикоснувшійся къ двумъ электрическимъ полюсамъ и пронизываемый токомъ.—«Я точно *заряженъ* смѣхомъ», говоритъ Ставрогинъ. Именно—«заряженъ». И этотъ-то чрезмѣрный «зарядъ» двухъ безконечно-напряженныхъ полярныхъ силъ разряжается въ немъ не громовымъ ударомъ, не молніей ужаса, а только мелкимъ трескомъ мелкихъ искръ, невыносимымъ, убійственно-щекочущимъ дрожаніемъ смѣха. Соединяющая молнія «неимовѣрнаго видѣнія» не можетъ вспыхнуть между «концами двухъ сплетенныхъ нитей», потому что концы эти разъединяетъ нѣчто невидимое и непроницаемое, «нейтрализующее»—бѣсъ всего середпнаго, «средневысшаго», смѣшаннаго, смѣшного — кажущійся «внезапнымъ», на самомъ дѣлѣ вѣчный «демонъ иронiи».

Это-то и есть по преимуществу нашъ современный и будущій, западно-европейскій и русскій, всемірный демонъ—«отецъ» нашей «лжи», нашей середины, нашего мѣщанства, нашей «позитивной», либерально-консервативной, смердяковской, толстовской и нитчеанской пошлости—самый «маленькій, гаденькій, золотушный бѣсенокъ съ

насморкомъ, изъ неудавшихся» — и въ то же время самый сильный, самый великій, съ каждымъ днемъ растущій, наполняющій собою міръ, и однако все еще никѣмъ не узнанный, не видимый бѣсъ. Не этимъ-ли «внезапнымъ демономъ ироніи» одержимъ былъ первый изъ русскихъ всемірныхъ людей, когда искажающая судорога пробѣгала по лицу «чудотворца-исполина», какъ по лицу бѣсноватаго, когда въ 53 года, такъ же какъ въ 18 (послѣднее и особенно кощунственное избраніе князя-папы произошло въ Петербургѣ 3 января 1725 года *), то-есть, меньше, чѣмъ за двѣ недѣли до болѣзни, за двадцать пять дней до смерти Петра), „протодіаконъ всешутѣйшаго собора“ придумывалъ безстыднаго Вакха на митру, голую Венеру на посохъ патріаршій и прочія «шалости»? Не этотъ-ли «благоразумный» демонъ шепнулъ на ухо въ самую рѣшительную минуту послѣднему герою Запада: «отъ великаго до смѣшного только шагъ» — и, повѣривъ «маленькому бѣсенку», самъ герой тотчасъ-же сдѣлался «маленькимъ»; и Л. Толстому, мечтавшему «побѣдить Наполеона-Антихриста», не этотъ-ли серединный дьяволъ явился въ образѣ «нелѣпаго мужиченки», который требовалъ у него несуществующаго жеребеночка?—«Ну, ступай съ Богомъ, я этого ничего не знаю»,—и когда, убѣгая отъ него, Левъ Николаевичъ, съ удивительною для своего возраста легкостью, перепрыгнулъ черезъ канаву, — не былъ-ли онъ смѣшонъ, смѣшонъ и страшенъ вмѣстѣ? И, наконецъ, не этотъ-ли самый дьяволъ, уже во всемъ своемъ безобразіи и ужасѣ, отъ котораго дѣйствительно можно сойти съ ума, — явился «послѣднему ученику философа Діониса» въ образѣ «сверхъ-человѣка»? Да, это нашъ по преимуществу, современный «буржуазный дьяволъ, полукнязь, полу-кунчишка, полу-нитчеанецъ, полу-толстовецъ, нашъ подлинный Антихристъ, который идетъ въ міръ и уже, по слову раскольниковъ, «чувственно рождается». Никто изъ насъ еще не побѣдилъ его, даже не возсталъ на него. Мы всѣ до одного—въ теплыхъ, мягкихъ, сѣ-

*) *Des veränderten Russlandes*, II Theil. Hannover, 1730, pagg. 189 — 193.

рыхъ, не сразу убивающихъ, а медленно, убійственно щекочущихъ лапахъ его.

Единственная сила и преимущества нашего новаго религіознаго сознанія въ томъ, что мы постепенно снимаемъ съ этого реальнѣйшаго изъ реальныхъ лицъ всѣ условныя романтическія маски, что мы уже видимъ его или, по крайней мѣрѣ, начинаемъ видѣть. Кажется, въ заключительной сценѣ «Подростка», одной изъ глубочайшихъ сценъ Достоевскаго, именно Версиловъ, первый, такъ прямо заглянулъ въ лицо этому нашему Чорту.

Дѣло происходитъ тотчасъ послѣ похоронъ старца Макара Ивановича, который, умирая, завѣщалъ Версилову свою единственную драгоцѣнность—древнюю чудотворную икону съ изображеніемъ «*двухъ* святыхъ», какихъ именно—Достоевскій не говоритъ; но все дѣйствіе получило бы особенно глубокое символическое значеніе, еслибы мы предположили, что это былъ древній православный образъ такъ называемаго «*Отечества*»—Сына Божьяго въ лонѣ Бога-Отца. Только что вернувшись съ похоронъ, вся семья, въ общей комнатѣ за столомъ, ожидаетъ главу дома Версилова. Въ этотъ самый день окончательно убѣдился онъ, что погибъ, потому что любимая имъ женщина не любитъ его, смѣется надъ его изступленною любовью, надъ его «научнымъ сладострастьемъ». Душевное состояніе его близко къ умопомѣшательству; но онъ, какъ всегда, владѣетъ собою и, входя въ комнату, кажется почти спокойнымъ, даже веселымъ; только рѣчь его безсвязна; видно, что ему, какъ Ставрогину, «хочется смѣяться долго, много, безпрерывно,—что онъ весь точно заряженъ смѣхомъ». Образъ, который Соня, вдова Макара Ивановича, мать Подростка, должна сейчасъ передать Версилову (онъ объ этомъ знаетъ, для этого даже отчасти пришелъ), лежитъ на столѣ.

«Онъ взялъ икону въ руки, поднесъ къ свѣчѣ и пристально оглядѣлъ ее, но, продержавъ лишь нѣсколько секундъ, положилъ на столъ уже передъ собою.—Болѣзненный испугъ проникалъ въ мое сердце. Испугъ мамы переходилъ въ недоумѣніе и состраданіе.

— «Я зашелъ лишь на минуту, я хотѣлъ-бы сказать Сонѣ что-нибудь хорошее, и ищу такого слова, хотя сердце полно словъ, которыхъ не умѣю высказать; право, все такихъ какихъ-то странныхъ словъ. Знаете, мнѣ кажется, что *я весь точно раздваиваюсь*,—оглядѣлъ онъ насъ всѣхъ съ ужасно серьезнымъ лицомъ и съ самою искреннею сообщительностью.—Право, мысленно раздваиваюсь и ужасно этого боюсь. *Точно подлѣ васъ стоитъ вашъ двойникъ*, вы сами умны и разумны, а тотъ непремѣнно хочетъ сдѣлать подлѣ васъ какую-нибудь безсмыслицу и иногда превеселую вещь; и вдругъ вы замѣчаете, что это вы сами хотите сдѣлать эту веселую вещь, и Богъ знаетъ зачѣмъ, то-есть, какъ-то нехотя хотите, сопротивляясь изъ всѣхъ силъ хотите.—Знаешь, Соня, вотъ я взялъ опять образъ (онъ взялъ его и вертѣлъ въ рукахъ), и знаешь, мнѣ ужасно хочется теперь, вотъ сію секунду, ударить его объ печку, объ этотъ самый уголъ. Я увѣренъ, что *онъ разомъ расколется на двѣ половины*—ни больше ни меньше.

«Главное, онъ проговорилъ все это безъ всякаго вида притворства или даже какой-нибудь выходки; онъ совсѣмъ просто говорилъ, но это было тѣмъ ужаснѣе; и, кажется, онъ дѣйствительно ужасно чего-то боялся; я вдругъ замѣтилъ, что его руки слегка дрожатъ.

— «Андрей Петровичъ!—вскрикнула мама, всплеснувъ руками.

— «Оставь, оставь образъ, Андрей Петровичъ, оставь, положи!—вскочила Татьяна Павловна (дальняя родственница, другъ дома), раздѣнься и лягъ. Аркадій (это имя Подростка), за докторомъ!»

Нѣсколькими разумными словами Версиловъ успокаиваетъ всѣхъ и продолжаетъ ласково:

— «Вѣрь, Соня, что я пришелъ къ тебѣ теперь, какъ къ ангелу и вовсе не какъ къ врагу; какой ты мнѣ врагъ! Не подумай, что съ тѣмъ, чтобы разбить этотъ образъ,—потому что, знаешь-ли что, Соня, мнѣ все-таки, вѣдь, хочется разбить...

«Когда Татьяна Павловна передъ тѣмъ вскрикнула: оставь образъ!—то выхватила икону изъ его рукъ и дер-

жала въ своей рукѣ. Вдругъ онъ, съ послѣднимъ словомъ своимъ, стремительно вскочилъ, мгновенно выхватилъ образъ изъ рукъ Татьяны и, свирѣпо размахнувшись, изо всѣхъ силъ ударилъ его объ уголъ изразцовой печки. *Образъ раскололся ровно на два куска.*—Онъ вдругъ обернулся къ намъ, и его блѣдное лицо вдругъ все покраснѣло, почти побагровѣло, и каждая черточка въ лицѣ его задрожала и заходила.

— «Не прими за аллегорію, Соня, *я не наслѣдство Макара разбилъ*, я только такъ, чтобъ разбить... А все-таки къ тебѣ вернусь, къ послѣднему ангелу! А, впрочемъ, *прими хоть и за аллегорію; вѣдь, это непремѣнно было такъ*».

Подростокъ, сообщая свою тогдашнюю мысль: «онъ вовсе не сумасшедшій»,—прибавляетъ многозначительно:

«О, мнѣ всѣ казалось, что это была *аллегорія*, и что ему непремѣнно хотѣлось съ чѣмъ-то покончить, какъ съ этимъ образомъ. Но и «*двойникъ*» былъ тоже несомнѣнно подлѣ него; въ этомъ не было никакого сомнѣнія».

И уже въ самомъ концѣ разсказа, подводя итогъ всей трагедіи, разсказчикъ повторяетъ, подчеркиваетъ: «настоящаго сумасшествія не допускаю вовсе, тѣмъ болѣе, что онъ и теперь вовсе не сумасшедшій. Но «двойника» допускаю несомнѣнно. Что такое собственно двойникъ?—Самъ Версиловъ, въ сценѣ у мамы, разъяснилъ намъ это тогдашнее «*раздвоеніе*» его чувства и воли съ страшною искренностью.—*Онъ пополамъ съ двойникомъ и разбилъ этотъ образъ*».

Такъ вотъ, наконецъ, имя и лицо нашего подлиннаго дьявола, нашего Антихриста: «двойникъ», тотъ, кто въ насъ вѣчно раскалываетъ древній, русскій и вселенскій православный образъ съ «двумя святыми»—не съ Отцомъ-ли и Сыномъ, которые въ Духѣ одно: «Я и Отецъ одно»?—тотъ, кто не хочетъ ни перваго, безсознательнаго, ни послѣдняго, сознательнаго соединенія, Символа—ни начала ни конца, а хочетъ лишь середины, и вѣчно дѣлаетъ Одно двумя, для того, чтобы не соединять, а только смѣшивать ихъ въ кощунственныхъ «маленькихъ» и «гаденькихъ» смѣшеніяхъ—смѣшивать и смѣяться.

Когда вдумаешься въ эту поразительную сцену, является вопросъ: «двойникъ» Версилова не есть-ли хотя-бы отчасти и двойникъ самого Достоевскаго? Не дѣлаетъ-ли здѣсь художникъ какого-то страшнаго опыта надъ самимъ собою, надъ своимъ собственнымъ «*раздвоеніемъ*», которое недаромъ-же, въ этомъ онъ самъ признается, «*всегда въ немъ было?*» Не испытываетъ-ли, вмѣстѣ со своимъ героемъ, самъ Достоевскій ту «захватывающую дыханіе потребность нагнуться надъ пропастью и заглянуть въ нее», то «потрясающее восхищеніе передъ собственною дерзостью», о которыхъ говоритъ, по поводу мужика, стрѣлявшаго въ Причастіе?

«Русскій народъ весь въ православіи, больше у него нѣтъ ничего, да и не надо, потому что православіе все», убѣждаетъ онъ себя. Полно, все-ли? А свойственная людямъ вообще и русскимъ людямъ въ особенности, «потребность отрицанія всего, самой главной святыни сердца своего, всей народной святыни во всей ея полнотѣ?» А самый русскій изъ русскихъ людей, «протодіаконъ всешутѣйшаго собора», изобрѣтатель голаго Вакха, безстыдной Венеры на патріаршей митрѣ и посохѣ, Петръ, съ его «уживчивостью», способностью ужасающихъ «синтезовъ», соединеній или только смѣшеній, Петръ, который не въ однѣхъ грубыхъ шалостяхъ дѣлалъ то, благодаря чему, по собственному выраженію Достоевскаго «*русская церковь въ параличѣ съ Петра Великаго?*» (Біографія. Изъ записной книжки Достоевскаго, II, 356). А мужики, заспорившіе, кто кого дерзостнѣе сдѣлаетъ? А Пушкинъ, съ его не меньшей, чѣмъ у Петра, «уживчивостью», способностью страшныхъ «синтезовъ», Пушкинъ, который, кажется, иногда, подобно Ставрогину и Версилову, находитъ «совпаденіе красоты въ обоихъ полюсахъ»—въ «идеалѣ Мадонны», «чистѣйшей прелести чистѣйшемъ образцѣ» и въ «идеалѣ Содомскомъ», «на краю» противоположной «бездны»—въ Клеопатрѣ, «паучихѣ, пожирающей самца своего»:

Кто къ торгу страстному приступитъ?
Свою любовь я продаю.

Скажите, кто межъ вами купитъ
Цѣною жизни ночь мою?

А завѣщанный Византіей, вторымъ Римомъ, «Риму третьему», Москвѣ, венецъ «нечестивѣйшаго изъ царей» Навуходоносора, вѣнецъ «Вавилонскаго царства»—рядомъ съ Бѣлымъ Клобукомъ православія, вѣнецъ Антихриста—рядомъ съ вѣнцомъ Христа? Какой изъ этихъ двухъ вѣнцовъ болѣе русскій? Что значитъ эта способность смѣшивать въ душѣ своей два самые противоположные идеала? «Особенная-ли это сила русскаго народа или просто подлость?»

На эти страшные вопросы «двойника» своего Достоевскій не можетъ отвѣтить, и только чувствуетъ, какъ въ его сознаніи образъ единаго Христа «раскалывается», даже не раскалывается, а постепенно, медленно расщепляется, раздвояется; въ томъ-то и вѣчная хитрость дьявола, что образъ этотъ не можетъ расколоться *до конца;* и какъ не до конца распались обѣ половины, такъ и соединяться будутъ не до конца, будутъ только сближаться смѣшиваться, и это смѣшанное, смѣшное будетъ страшное—чѣмъ смѣшнѣе, тѣмъ страшнѣе.

Одинаковое кощунство совершилось въ мужикѣ, стрѣлявшемъ въ Причастіе, и въ Версиловѣ, расколовшемъ образъ—тамъ въ безсознательной стихіи, здѣсь въ сознаніи русскаго народа; и тамъ и здѣсь грозитъ ему одна опасность. Мы знаемъ, что произошло съ мужикомъ въ самую послѣднюю минуту, когда онъ уже поднялъ ружье, чтобы выстрѣлить: «неимовѣрное видѣніе предстало ему—все кончилось». Что произошло съ Версиловымъ послѣ того, какъ онъ разбилъ образъ,—мы не знаемъ; только догадываемся, что должно было произойти что-то самое важное, рѣшающее для всей трагедіи; но и «Подростокъ» такъ-же не конченъ, какъ «Бѣсы»; послѣднія религіозныя судьбы Версилова такъ-же скрыты отъ насъ, какъ судьбы Ставрогина;—мы увидимъ, впрочемъ, что онѣ продолжаются въ судьбахъ Ивана Карамазова. Погибъ-ли Версиловъ или спасся? Какъ-бы то ни было, страшный опытъ съ «двойникомъ» не могъ пройти ему даромъ. Предстоитъ

одно изъ двухъ: или окончательная гибель въ лапахъ Сѣраго, Серединнаго, или столь-же окончательная побѣда надъ нимъ—«неимовѣрное видѣніе» соединеннаго Лика Христова.

Опытъ этотъ не могъ пройти даромъ и самому Достоевскому. Отъ «Преступленія и Наказанія» до «Подростка»—всѣ нисходящія ступени сознательнаго и безсознательнаго раздвоенія пройдены; дальше итти было некуда; оставалась, можетъ-быть, еще одна послѣдняя ступень: Великій Инквизиторъ—«бунтъ» и Чортъ Ивана Карамазова. Но этою ступенью уже обрывалась лѣстница надъ самою бездною; уже для самого Достоевскаго было здѣсь нѣчто подобное той послѣдней минутѣ, когда мужикъ поднялъ ружье, чтобы выстрѣлить въ Причастіе, или когда Версиловъ замахнулся, чтобы разбить икону; предстояло одно изъ двухъ: Достоевскій долженъ былъ или окончательно погибнуть, вмѣстѣ со всѣми своими раздвоенными героями отъ Раскольникова до Версилова, или окончательно спастись, побѣдивъ своего «двойника» такъ, чтобы въ собственной его, Достоевскаго, душѣ вспыхнула, наконецъ, искра между двумя полюсами, чтобы ему самому предстало «неимовѣрное видѣніе». Кажется, именно это послѣднее и случилось: онъ спасся, и дѣйствительно искра вспыхнула, видѣніе предстало ему въ его послѣднемъ и величайшемъ созданіи, непосредственно слѣдовавшемъ за «Подросткомъ» и какъ-бы имъ предсказанномъ (Макаръ Ивановичъ—прообразъ Зосимы, Версиловъ—Ивана Карамазова, самъ Подростокъ—Алеши), въ созданіи, которымъ «все кончилось» для Достоевскаго, а можетъ-быть, не для него одного, но и для всей вообще русской литературы,—въ «Братьяхъ Карамазовыхъ».

Д. Мережковскій.

* * *

Старикъ Сокольскій страдаетъ одною и тою же формой душевной болѣзни, что и князь К. въ «Дядюшкиномъ Снѣ», т. е. *старческимъ слабоуміемъ*. Г. Чижъ производитъ анализъ болѣзненныхъ симптомовъ обоихъ этихъ лицъ вмѣстѣ.

*) «За исключеніемъ немногихъ любимцевъ судьбы, говоритъ онъ, обыкновенно люди со старческимъ мозгомъ становятся болѣе осторожны въ своихъ сужденіяхъ и намѣреніяхъ; способность умственнаго усвоенія уменьшается, воображеніе не имѣетъ прежней пылкости и живости, мышленіе происходитъ медленнѣе, память слабѣетъ, кругъ идей дѣлается болѣе ограниченнымъ, воля не столь твердою. По мѣткому выраженію Legrand-du-Saulle старикъ laudator temporis acti; онъ живетъ преимущественно своимъ прошлымъ, консервативенъ, ничему новому не довѣряетъ. Но если старческое измѣненіе характера и развивается постепенно, то все-таки это не исключаетъ возможности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлить: когда это измѣненіе достигло степени старческаго слабоумія. Самымъ рѣзкимъ симптомомъ, извѣстнымъ даже вообще образованнымъ людямъ, старческаго слабоумія будетъ ослабленіе памяти настоящаго, при чемъ память о событіяхъ прежней жизни еще сравнительно сохранена. Напримѣръ, Сокольскій, вообще хорошо помнящій свою прежнюю жизнь, долго не узнаетъ Версилова, котораго не видалъ лишь нѣсколько дней, забываетъ о данномъ имъ дочери обѣщаніи не принимать его, такъ же какъ и причины этого обѣщанія, и снова вступаетъ съ нимъ въ дружескую бесѣду. Князь К., еще кое-что разсказывающій о томъ, что съ нимъ было нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, не помнитъ, въ чьемъ онъ домѣ въ данное время, гдѣ онъ только что былъ и что онъ только что обѣщалъ. Очевидно, что измѣненный старческій мозгъ не въ состояніи съ должною ясностью воспринимать и воспроизводить представленія: образы же прошлаго воспринятые еще здоровымъ мозгомъ, остаются. Вотъ это-то обыкновенно и ставитъ въ тупикъ профановъ, особенно если имъ приходится имѣть дѣло съ лицами выдающагося ума, пораженными старческимъ слабоуміемъ; такіе больные живо передаютъ прошлое и удивляютъ слушателей глубиной своихъ сужденій, поскольку они повторяютъ на

*) „Достоевскій какъ психопатологъ“. „Русскій Вѣстникъ“ 1884 г., №№ 5 и 6, и отдѣльное изданіе. М. 1885 г.

память свои прежнія мысли. Напримѣръ, страдающій старческимъ слабоуміемъ дипломатъ можетъ съ полною подробностью передать всѣ обстоятельства Вѣнскаго конгресса, дать блистательную характеристику дѣятелей того времени и положенія Европы, но о современныхъ событіяхъ и лицахъ онъ способенъ сказать только вздоръ, и не помнитъ, въ какомъ теперь онъ домѣ. Вообще стоитъ заставить такихъ больныхъ говорить о недавно прошедшемъ, высказать сужденіе о настоящемъ,—тотчасъ, за недостаткомъ памяти и способности создавать правильныя сужденія и за неимѣніемъ въ запасѣ уже готовыхъ сужденій по данному обстоятельству, станетъ яснымъ слабоуміе этого лица, такъ какъ рядомъ съ живымъ разсказомъ и вѣрными сужденіями о прошедшемъ, мы получимъ безсвязные отрывки и безсмысленныя сужденія; словомъ, сдѣлается очевиднымъ, что человѣкъ сталъ совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ былъ прежде».

Это особенно хорошо изображено Достоевскимъ: Сокольскій высказываетъ мѣткія, во всякомъ случаѣ не банальныя мнѣнія, и въ то же время не способенъ обсудить самыхъ простыхъ обстоятельствъ, случившихся въ его семьѣ за послѣднее время.

Такіе больные путаютъ обыкновенно настоящее съ прошедшимъ, и въ разговорѣ легко уклоняются въ сторону, совершенно забывая, какъ первоначальную тему разговора, такъ и то, съ кѣмъ они говорятъ; они всецѣло поглощаются еще живыми сравнительно образами прошлаго, и блѣдная для нихъ дѣйствительность перестаетъ существовать. Естественно, что незнакомымъ со всею прежнею жизнью субъекта бесѣда ихъ становится непонятною: такъ часто бывало между Сокольскимъ и Версиловымъ.

Рядомъ съ этимъ, конечно, больные легко утомляются умственною работой, вслѣдствіе чего они только на сравнительно короткое время способны къ умственному напряженію. Сокольскій, по мѣткому выраженію Версилова, размякалъ; онъ начиналъ говорить безсмысленный вздоръ, лицо теряло осмысленное выраженіе, вся фигура казалась опущенною, разслабленною. Дѣйствительно, такъ какъ психическое напряженіе обусловливаетъ выраженіе лица и

всего тѣла, то вмѣстѣ со временнымъ прекращеніемъ или, по крайней мѣрѣ, ослабленіемъ этого напряженія теряется и выраженіе, какъ это мы постоянно наблюдаемъ у находящихся въ глубокомъ снѣ и опьянѣніи. Эти быстро и часто появляющіяся ослабленія умственной дѣятельности нерѣдко наблюдаются у лицъ, страдающихъ старческимъ слабоуміемъ.

Наконецъ, при старческомъ слабоуміи иногда замѣчаются бредовыя идеи преслѣдованія, что не пропущено Достоевскимъ при изложеніи этого страданія. Сокольскій ко всѣмъ относится недовѣрчиво, всюду видитъ заговоръ противъ себя; по его наблюденію, у всѣхъ какіе-то подозрительные глаза. Князю также кажется, что его дворовые люди враждебно противъ него настроены, что кучеръ покушался на его жизнь. Но естественно, что, подобно всѣмъ идеямъ, и эти мысли о преслѣдованіи только на короткое время удерживаются сознаніемъ и, не входя въ связь съ другими представленіями, не достигаютъ надлежащаго развитія. Насколько впечатлѣнія слабо воспринимаются такими больными, Достоевскій прекрасно объяснилъ примѣромъ князя, который никакъ не могъ оріентироваться, во снѣ или наяву онъ сдѣлалъ предложеніе выйти за него замужъ; у нихъ иногда даже развиваются идеи бреда, почерпнутыя изъ сновидѣній, такъ какъ они уже не въ силахъ различать дѣйствительность отъ сновидѣній. Въ данномъ случаѣ мы видимъ такъ же хорошій примѣръ того, какъ искусно фактъ изъ области патологіи эксплуатированъ ради цѣлей романиста.

При этой болѣзни настроеніе обыкновенно становится крайне измѣнчивымъ; ребяческая веселость и смѣхъ у Сокольскаго вдругъ, безо всякой внѣшней причины, переходятъ въ глубоко угнетенное настроеніе, при чемъ появляется и безсонница, почти неизбѣжный спутникъ старческаго слабоумія.

Наконецъ, какъ непремѣнный симптомъ болѣзни, появляется тупость чувства, и, конечно, прежде всего нравственнаго: у Сокольскаго видно полное безучастіе какъ ко всѣмъ общественнымъ интересамъ, такъ и къ положенію

собственной семьи; у князя К., находящагося въ болѣе глубокомъ періодѣ болѣзни, эта тупость чувства достигла уже такой сильной степени, что онъ не тяготится своимъ положеніемъ лишеннаго свободы и возможности жить такъ, какъ онъ привыкъ и любилъ. Остается уже немного стимуловъ, способныхъ возбуждать погасшія чувства; только половое чувство легко возбудимо, что, вмѣстѣ съ притупленіемъ нравственныхъ чувствованій и исчезновеніемъ контролирующихъ и задерживающихъ представленій, ведетъ къ рѣзкому проявленію эротическаго настроенія. Благовоспитанный Сокольскій съ Версиловымъ, мало знакомымъ ему, и по лѣтамъ и по общественному положенію весьма отъ него далекимъ, постоянно ведетъ цинническій разговоръ о женщинахъ; окружаетъ себя молоденькими дѣвушками-воспитанницами и, наконецъ, дѣлаетъ предложеніе дѣвушкѣ, годящейся ему во внучки. Князь приходитъ въ совершенный восторгъ, при взглядѣ на двухъ декольтированныхъ танцующихъ дѣвочекъ-подростковъ и сравнительно долго находится подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія; также дѣлаетъ предложеніе, и счастливъ, считая себя женихомъ. Судебная психіатрія богата случаями самаго грубаго оскорбленія нравственности такими больными: жертвами этихъ преступленій чаще всего бываютъ дѣти. Не менѣе того извѣстна страсть ихъ жениться, и нерѣдко, такъ какъ они, благодаря совершенному незнакомству публики со психіатріей, считаются здоровыми, совершаются браки, влекущіе за собою и болѣе скорую смерть и разореніе семьи, потому что только развратныя женщины съ корыстною цѣлью, какъ это и выставлено Достоевскимъ, могутъ дѣлаться женами этихъ больныхъ. Если мы припомнимъ, какъ много несчастій въ общественной и частной жизни происходитъ оттого, что никто во время не умѣетъ констатировать развитіе старческаго слабоумія, то эти характеристики Достоевскаго имѣютъ даже практическое, дидактическое значеніе; но, конечно, нужно частое и многократное повтореніе, чтобъ извѣстныя истины вошли въ сознаніе общества.

Какъ естественное послѣдствіе бѣдности представленій, слабости сужденія, отсутствія умственныхъ и нравствен-

ныхъ интересовъ, является слабость воли; Сокольскій подчиняется своей дочери, князь посторонней женщинѣ. Но естественно, что они могутъ подчиняться всякому приказанію; князя, ѣдущаго въ гости, пересаживаютъ изъ экипажа и везутъ совсѣмъ въ другое мѣсто. Обѣщанія, имъ данныя, не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ онъ ихъ забываетъ; притомъ-же у него представленія вообще слабо связаны съ отвѣтственными чувствами, поэтому для него самого эти обѣщанія вовсе не обязательны. Изъ этого видно, какого бдительнаго надзора требуютъ эти больные.

Во всякомъ случаѣ, если Достоевскій и не далъ полнаго очерка старческаго слабоумія, то въ обѣихъ «исторіяхъ болѣзни» нѣтъ ни одной дѣланной, невѣрной черты; основныя явленія указаны и разработаны вполнѣ достаточно; изученіе этихъ обоихъ лицъ необходимо для ознакомленія со старческимъ слабоуміемъ» *).

В. Чижъ.

---

*) Кромѣ помѣщенныхъ здѣсь критическихъ отзывовъ о „Подросткѣ", еще можно указать на слѣдующія періодическія изданія, въ которыхъ говорится объ этомъ романѣ: „Биржев. Вѣдом." 1876 г., №№ 8 и 29; „Иллюстр. Недѣля" 1875 г., № 49; „Кіевскій Телеграфъ" 1875 г., № 19 и 1876 г., № 6; „Новое Время" 1875 г., № 55; „Новороссійск. Телеграфъ" 1875 г. № 43; „Новости" 1875 г., №№ 31, 65, 120 и 148; „Одесск. Вѣсти." 1875 г., №№ 36 и 58; „Пчела" 1876 г., № 1; „Русск. Міръ" 1875 г., № 237; „С.-Петерб. Вѣд." 1875 г., №№ 32, 58, 272; „Сынъ Отечества" 1875 г., №№ 64, 116 и 226; „Тифлисск. Вѣстникъ" 1876 г., № 195 (замѣтка на критическую статью Никитина въ „Дѣлѣ").

Рѣчь Ѳ. М. Достоевскаго объ А. С. Пушкинѣ *).

**) Нельзя безъ особенно глубокаго, сердечнаго сочувствія прослушать или прочесть прекрасную статью Ѳ. М. Достоевскаго о нашемъ безсмертномъ Пушкинѣ, прочтенную въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности и напечатанную въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Статья эта произвела на слушателей и читателей сильнѣйшее, едва-ли когда-либо прежде ощущавшееся впечатлѣніе. Да и не могла она не произвести у насъ, особенно теперь, такого потрясающаго дѣйствія. Мы всѣ чувствуемъ себя страждущими какимъ-то тяжкимъ, неопредѣленнымъ, но гнетущимъ недугомъ: одни изъ насъ мечутся, какъ угорѣлые, не ставя ни въ грошъ ни своихъ отношеній къ прочимъ людямъ ни собственной жизни; другіе, хотя съ виду какъ будто спокойные, однако страдаютъ немного менѣе первыхъ, и если не пускаются въ отчаянныя попытки, то почти столько же удручены существующимъ порядкомъ вещей; а большинство населенія, т. е. стадная его часть, кое-какъ перебивается, исправляетъ обычныя, необходимыя работы, живетъ со дня на день, не мудрствуя лукаво, но оно далеко не наслаждается существующимъ и охотно прислушивается ко всякимъ жалобамъ и осужденіямъ. При такомъ общемъ настроеніи, слова Ѳ. М. До-

---

*) Произнесена была – въ 1880 г. въ Москвѣ, во время открытія памятника А. С. Пушкину. Первый разъ напечатана въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1880 г., № 162, и во второй съ комментаріями въ „Дневникѣ Писателя“ Достоевскаго за 1880 г. *Примѣч. В. Зелинскаго.*

**) А. Кошелевъ. „Русская Мысль“ 1880 г., № 10. „Отзывъ по поводу слова, сказаннаго Ѳ. М. Достоевскимъ на Пушкинскомъ торжествѣ“.

стоевскаго, пропитанныя душевною и духовною скорбію, указывающія, хотя и весьма сдержанно и не вполнѣ вѣрно, ея причины и источники, но возбуждающія надежды, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ, на исцѣленіе, произвели и не могли не произвести какъ на слушателей, такъ и на читателей, сильнаго, животворнаго дѣйствія. Почти въ первый разъ раздалось у насъ, въ многочисленномъ собраніи, и въ здѣшней печати, серьезное, глубоко прочувствованное и обдуманное слово. Могли-ли мы остаться глухи и въ немъ безучастны?

Вполнѣ раздѣляя мнѣніе г. Достоевскаго на счетъ достоинствъ и заслугъ нашего безсмертнаго Пушкина, на счетъ великой будущности русскаго народа и тяжести нынѣшняго нашего положенія, мы не можемъ однако согласиться съ нѣкоторыми утвержденіями Ѳ. М. Онъ называетъ Пушкина пророкомъ, и даже по преимуществу таковымъ. Мы думаемъ, что всякій геніальный поэтъ и даже геніальный человѣкъ вообще — болѣе или менѣе пророкъ. Пророчество есть свойство и достоинство всякаго геніальнаго человѣка, говорящаго, или пишущаго, или дѣйствующаго, не на основаніи какихъ-либо данныхъ, соображеній и заключеній, которыя могутъ быть ошибочны, а по внушенію глубокаго чувства, которымъ онъ проникнутъ, и внутренняго, пожалуй, даже безсознательнаго прозрѣнія будущаго. Пушкинъ, исполненный народныхъ чувствъ и ими одушевленный, былъ, конечно, пророкомъ; но это не составляетъ отличительной его черты. Болѣе чѣмъ кто-либо изъ поэтовъ онъ отличался, какъ справедливо замѣтилъ г. Достоевскій, способностью перевоплощаться не только въ свой народъ, но даже въ чужеземцевъ. Пушкинъ, хотя воспитанный въ семействѣ, пропитанномъ духомъ французской литературы, и во времена ея у насъ общаго господства, однако, силою своего генія, такъ перенесся въ бытъ и чувства нашего народа и такъ проникся его духомъ, что заговорилъ языкомъ, роднымъ для каждаго изъ насъ, высказывалъ то, что мы всѣ чувствовали и думали, но чего не могли выразить, и открывалъ намъ насъ самихъ. Онъ такъ очертилъ и передалъ намъ характеры

Алеко. Онѣгина, Татьяны, инока-лѣтописца и нѣкоторыхъ другихъ личностей, что мы ихъ видимъ, осязаемъ, и должны сказать: никто, ни до ни послѣ Пушкина, такъ вѣрно, живо и глубоко не постигалъ и не олицетворялъ русскаго человѣка. Но тутъ не пророчество, а ясновидѣніе или ясновѣдѣніе настоящаго. Вотъ, кажется намъ, отличительная черта Пушкина. Былъ у насъ другой поэтъ, котораго изреченія часто повторяются и видимо изъ области предсказанія переходятъ въ дѣйствительность—его болѣе чѣмъ кого-либо можно признать поэтомъ-пророкомъ. Стоитъ вспомнить и прочесть стихотворенія А. С. Хомякова, и нельзя не быть пораженнымъ его даромъ прозрѣнія. Его «Орелъ», «Мечта», «Островъ», его нѣсколько стихотвореній «Россія», его «Мы родъ избранный», «Вставайте, оковы распались», и пр. и пр., сущностью и языкомъ дѣйствительно являютъ въ Хомяковѣ вдохновеннаго пророка. Всѣ его произведенія, отъ перваго и до послѣдняго, проникнуты однимъ духомъ, согрѣты живою вѣрою и исполнены высокихъ нравственныхъ чувствъ. Хомяковъ, какъ поэтъ, философъ и богословъ, у насъ еще далеко не оцѣненъ по достоинству; причиною тому—наша недостаточная развитость. Потребовалось намъ полвѣка для оцѣнки Пушкина—поэта ясновидца и ясновѣдца; авось, по истеченіи другого полвѣка, мы дорастемъ и до оцѣнки поэта-пророка и философа-богослова. Г. Достоевскій говоритъ, что не было въ мірѣ поэта, который обладалъ такою способностью всемірной отзывчивости, какъ нашъ Пушкинъ. Съ этимъ нельзя не согласиться; но г. Достоевскій прибавляетъ: «и эту-то способность, *главнѣйшую способность нашей національности,* онъ именно раздѣляетъ съ народомъ нашимъ, и тѣмъ главнѣйше онъ и народный поэтъ». Вполнѣ согласны, что Пушкинъ народный поэтъ, и прибавимъ—первой степени; но что отзывчивость вообще составляетъ главнѣйшую способность нашей народности — это, кажется намъ, не вѣрно; и мы глубоко убѣждены, что не это свойство утвердило за Пушкинымъ достоинство народнаго поэта. Не споримъ, что отзывчивость есть одна изъ чертъ характера нашего народа вообще: онъ радушно, даже съ любовью относится къ

другимъ людямъ, даже къ туркамъ и татарамъ; но онъ вовсе не расположенъ въ нихъ перевоплощаться. Если мы, люди «цивилизованные», и за границею и у себя дома, такъ отзывчивы къ другимъ, что часто и легко перестаемъ быть самими собою, и приносимъ въ жертву другимъ и языкъ, и обычаи, и даже наши убѣжденія; то это происходитъ не отъ того, что мы русскіе, не въ силу народнаго духа, въ насъ пребывающаго, а вслѣдствіе зыбкости нашего положенія, происшедшей отъ разрыва нашего съ народомъ, отъ невозможности для насъ вполнѣ усвоить чужое и отъ поврежденности въ насъ коренныхъ русскихъ свойствъ и началъ. Отзывчивость русскаго человѣка не есть, думаемъ, отличительное, и тѣмъ еще менѣе главнѣйшее свойство его духа, а принадлежность его какъ человѣка вообще и, въ особенности, какъ народа, только недавно вступившаго на міровое поприще и чувствующаго потребность усвоить себѣ то, что человѣчествомъ до него узнано и сдѣлано. Отзывчивость, конечно, помогла Пушкину стать народнымъ поэтомъ; но не она утвердила его въ этомъ достоинствѣ: свойства болѣе существенныя и проявленныя въ характерахъ Татьяны и инока-лѣтописца и вообще въ твореніяхъ поэта утвердили за нимъ это высокое значеніе.

Не могу также согласиться со слѣдующимъ мнѣніемъ г. Достоевскаго: «Что такое сила духа русской народности, какъ не стремленіе ея, въ конечныхъ цѣляхъ своихъ, ко всемірности и ко всечеловѣчности?» Думаемъ, что это стремленіе также вовсе не составляетъ отличительной черты характера русскаго народа. Всѣ народы, всѣ люди болѣе или менѣе съ сознаніемъ или безъ сознанія, стремятся осуществить идею человѣка—это задача каждаго изъ насъ. До сихъ поръ съ сознаніемъ мы менѣе другихъ народовъ ее исполняемъ или даже стремимся къ ея исполненію. Взгляните на француза, нѣмца или англичанина. Они всѣ убѣждены въ своемъ міровомъ значеніи, и разнятся между собою только въ томъ, въ какихъ отношеніяхъ считаютъ себя обязанными быть къ прочимъ людямъ. Французы убѣждены, что они умнѣе, просвѣщеннѣе и

ловче всѣхъ, и что потому они обязаны просвѣщать міръ и заправлять его дѣлами. Нѣмцы убѣждены, что они соль земли, должны распространять свое владычество по всему міру, ради его блага, и что человѣчество достигнетъ совершенства только тогда, когда все будетъ подчинено Германіи и всѣ превратятся въ германцевъ. Англичане считаютъ міръ существующимъ для нихъ, что ихъ интересамъ все должно быть подчинено, и что они не могутъ не быть всемірными владыками. Даже евреи и поляки не покидаютъ до сихъ поръ мысли о предназначеніи своемъ быть первымъ народомъ въ мірѣ. Нашъ народъ всего менѣе питаетъ такія чувства и заявляетъ такія домогательства; онъ объ мірѣ мало заботится и одушевленъ преимущественно добрымъ расположеніемъ къ людямъ, съ которыми онъ поставленъ въ сношенія. Россія никогда не предпринимала войнъ ради завоеваній; ея владычество распространилось такъ, въ силу обстоятельствъ, почти вопреки ея желаніямъ. Наши войны съ Турціею, а въ особенности послѣдняя, предприняты были не съ цѣлью утвердить наше если и не господство, то вліяніе на востокѣ, а просто по долгу совѣсти и еще болѣе въ силу обстоятельствъ. Для насъ, для нашего народа славяне по преимуществу единовѣрцы, а турки враги вѣры Христовой; а потому мы считаемъ долгомъ помогать первымъ и бороться съ послѣдними.

Одушевленіе, возбужденное въ Россіи возстаніемъ босняковъ и герцоговинцевъ, борьбою сербовъ съ турками и затѣмъ собственною нашею съ ними войною, было, конечно, дѣло народное; но при этомъ стремленіе ко всемірности и всечеловѣчности было не при чемъ. Братолюбіе, приверженность къ ученію Христову и чувство долга—вотъ что одушевляло русскій народъ и что составляетъ основу его духа и дѣйствій. Если мы, немногіе изъ народа, подчасъ и лелѣемъ мысли о всемірности и всечеловѣчности въ будущемъ, то въ этомъ вовсе не заключается отличительной черты нашего народнаго духа. Вполнѣ признаемъ и убѣждены, что славянскому племени, и русскому православному народу въ особенности, предстоитъ великая бу-

дущность, что ему предлежатъ къ разрѣшенію великія задачи, и что ему суждено, въ свое время, вложить свою лепту въ общечеловѣческую сокровищницу; но никакъ не можемъ согласиться, чтобы такое стремленіе составляло отличительную черту нашего народнаго духа. Потому, быть можетъ, и предстоитъ ему совершить многое, что скромны его желанія и требованія. Но да не подумаетъ кто-либо, что мы предназначаемъ русскому народу разыгрывать роль юродиваго и ждать, чтобы ниспала на него манна небесная. Конечно, нѣтъ. Онъ долженъ неусыпно, неустанно, всѣми силами трудиться надъ умноженіемъ ввѣренныхъ ему талантовъ. На Бога надѣйся, а самъ не плошай.

Г. Достоевскій мастерски и вполнѣ вѣрно очертилъ характеры пушкинскихъ героевъ: Алеко, Онѣгина и Татьяны, и вполнѣ справедливо сказалъ, что въ нихъ проявленъ русскій человѣкъ глубже и живѣе, чѣмъ въ какихъ либо русскихъ произведеніяхъ. Съ полнымъ сочувствіемъ повторяемъ слова г. Достоевскаго. «Типъ этотъ (Алеко) вѣрный и схваченъ безошибочно, типъ постоянный и надолго у насъ, въ нашей Русской землѣ поселившійся. Эти русскіе бездомные скитальцы продолжаютъ и до сихъ поръ свое скитальчество, и еще долго, кажется, не исчезнутъ. И если они не ходятъ уже въ наше время въ цыганскіе таборы искать у цыганъ, въ ихъ дикомъ своеобразномъ бытѣ, своихъ міровыхъ идеаловъ и успокоенія на лонѣ природы отъ сбивчивой и нелѣпой жизни нашего русскаго—интеллигентнаго общества, то все равно ударяются въ соціализмъ, котораго еще не было при Алеко, ходятъ съ новою вѣрою на другую ниву и работаютъ на ней ревностно, вѣруя, какъ и Алеко, что достигнутъ въ своемъ фантастическомъ дѣланіи цѣлей своихъ и счастья не только для себя самого, но и всемірнаго. Ибо русскому скитальцу необходимо именно всемірное счастье, чтобъ успокоиться: дешевле онъ не примирится,—конечно, пока дѣло только въ теоріи. Это все тотъ же русскій человѣкъ, только въ разное время явившійся. Человѣкъ этотъ, повторяю, зародился какъ разъ въ началѣ второго столѣтія послѣ великой Петровской реформы, въ нашемъ интелли-

гентномъ обществѣ, оторванномъ отъ народа, отъ народной силы. О, огромное большинство интеллигентныхъ Русскихъ, и тогда, при Пушкинѣ, какъ и теперь, въ наше время, служили и служатъ мирно въ чиновникахъ, въ казнѣ или на желѣзныхъ дорогахъ и въ банкахъ, или просто наживаютъ разными средствами деньги, или даже науками занимаются, читаютъ лекціи — и все это регулярно, лѣниво и мирно, съ полученіемъ жалованья, съ игрой въ преферансъ, безо всякаго поползновенія бѣжать въ цыганскіе таборы или куда-нибудь въ мѣста, болѣе соотвѣтствующія нашему времени. Много, много, — что полиберальничаютъ съ «оттѣнкомъ европейскаго соціализма», но которому приданъ нѣкоторый благодушный русскій характеръ, — но, вѣдь, все это вопросъ только времени. Что въ томъ, что одинъ еще не начиналъ безпокоиться, а другой уже успѣлъ дойти до запертой двери и объ нее крѣпко стукнулся лбомъ. Всѣхъ въ свое время то же самое ожидаетъ, если не выйдутъ на спасительную дорогу смиреннаго общенія съ народомъ. Да пусть и не всѣхъ ожидаетъ это: довольно лишь «избранныхъ», довольно лишь десятой доли забезпокоившихся, чтобъ и остальному огромному большинству не видать черезъ нихъ покоя».

Сдѣланная нами выписка длинна; но слова г. Достоевскаго такъ глубоко прочувствованы и обдуманы, что начавши разъ выписывать, мы съ трудомъ и здѣсь остановились. Дѣйствительно, мы, люди называемые «цивилизованные», думаемъ, что достигнемъ въ нашемъ фантастическомъ дѣланіи какихъ-то высокихъ цѣлей и счастья не только для себя, но и для прочихъ людей. Мы думаемъ нашими усиліями создать рай на землѣ, и нѣтъ придѣла нашимъ мечтамъ и надеждамъ. Да, мы великіе фантазеры! А это отчего? Конечно, не оттого, что мечтательность лежитъ въ основѣ нашего народнаго характера. Нѣтъ! Русскій человѣкъ по природѣ весьма практиченъ, и вовсе не расположенъ предаваться игрѣ воображенія. Это думаемъ и говоримъ не мы одни: это признается и иностранцами, которые хотя нѣсколько насъ изучили; сверхъ того, это несомнѣнно, кажется, доказано всею на-

шей исторіей: непрактическій народъ не могъ бы, въ теченіе тысячи лѣтъ, основать, утвердить и возвеличить въ мірѣ такого государства, какъ наша существующая имперія. Собственно мы фантазеры не по природѣ, а въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ; намъ душно, намъ скучно; дѣйствительная наша жизнь не представляетъ намъ ничего отраднаго. Всѣ наши идеалы мы должны переносить Богъ вѣсть куда, ибо здѣсь мы не можемъ не только стремиться къ ихъ осуществленію, но почти не имѣемъ къ чему ихъ даже приткнуть. Стремленіе къ осуществленію мечтательныхъ затѣй не составляетъ свойства русскаго духа; напротивъ, какъ произведеніе нашей оторванности отъ народа, нашего искусственнаго одиночества и всей окружающей насъ обстановки, оно составляетъ принадлежность только меньшинства русскихъ людей, хирѣющихъ и чуть-чуть не безумствующихъ. Это болѣзненное состояніе усиливается и поражаетъ все большее и большее число людей. Къ прискорбію, оно тяготитъ всего болѣе молодежь и людей чувствующихъ избытокъ жизненныхъ силъ. Конечно, между нашими, такъ называемыми, народниками соціалистами-революціонерами есть и люди, дѣйствующіе по расчету и имѣющіе въ виду въ мутной водѣ ловить рыбу; но число ихъ весьма незначительно, и большинство этихъ несчастныхъ—люди увлеченные или увлекающіеся. Причиною, почвою къ тому—пустота и духота нашей жизни. Дайте намъ чѣмъ существеннымъ заняться, надъ чѣмъ потрудиться; не запрещайте намъ того, другого, десятаго; не стѣсняйте насъ и тутъ и тамъ—и мечты и утопіи будутъ нами покинуты, и мы примемся за дѣло съ такою же ревностью и неустрашимостью, съ какими мы совершили освобожденіе крестьянъ и перешли Балканы.

Въ заключеніе не можемъ не поблагодарить Ѳ. М. Достоевскаго особенно за то, что, при торжествѣ Пушкина, онъ не ограничился воздаяніемъ хвалы и признательности нашему великому поэту, но, проникнутый его духомъ, захватилъ глубже и обратилъ вниманіе на злобу дня, и, указаніемъ ея причинъ и источниковъ, пособитъ, быть мо-

жетъ, ея опредѣленію и устраненію. Да поможетъ намъ Богъ днесь въ этомъ самомъ насущномъ для насъ дѣлѣ!

А. Кошелевъ.

* * *

*) Рѣчь г. Достоевскаго производитъ странное впечатлѣніе. Несомнѣнно, что эта рѣчь талантлива, горяча и искренна; прибавьте къ этому духъ мистицизма, проникающаго ее съ начала до конца, и вы до нѣкоторой степени поймете то сильное впечатлѣніе, которое она произвела на слушателей. Очевидно, она дѣйствовала болѣе на нервы, чѣмъ на умъ слушателей. Вообще г. Достоевскій мастеръ дѣйствовать на нервы. Высказанное имъ въ своей рѣчи по поводу Пушкина profession de foi не новость. Онъ не разъ его высказывалъ въ своихъ произведеніяхъ устами тѣхъ или другихъ героевъ. Это—какое-то туманно-неопредѣленное исканіе «правды», проповѣдь смиренія и любви съ оттѣнкомъ мистицизма и съ нѣкоторымъ запахомъ постнаго масла. То-же самое и въ его рѣчи, когда она касается завѣтныхъ убѣжденій и идеаловъ художника. Глубокая вѣра слышна въ его словахъ. Несомнѣнная любовь къ народу чувствуется въ его рѣчи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, когда вы прочтете рѣчь, у васъ остается нѣкоторое недоумѣніе, и вы остаетесь въ какомъ-то туманѣ. Вы не знаете, что именно хочетъ сказать художникъ, вы не можете, такъ сказать, перевести его идеаловъ на понятный языкъ. Вы глубоко чувствуете что-то несомнѣнно-правдивое, вы слышите по временамъ оригинальныя мысли, вы видите, что передъ вами много передумавшій талантливый писатель, но въ общемъ, повторяю, является нѣчто безплотное, какое-то «откровеніе» въ духѣ Анфантена. И языкъ рѣчи г. Достоевскаго носитъ характеръ именно проповѣдническій. Въ тонѣ звучитъ пророческая нота. Онъ не говоритъ, а проповѣдуетъ, и такъ-какъ проповѣдь его глу-

*) „Дѣло“ 1880 г., № 7. „Пушкинскій юбилей и Рѣчь Достоевскаго“. Статья О. П.

боко искренна, то понятно, что этотъ оригинальный характеръ ея еще болѣе дѣйствуетъ на нервы слушателей.

Я не стану касаться тѣхъ мѣстъ его рѣчи, въ которыхъ онъ опредѣляетъ значеніе Пушкина, какъ народнаго поэта. Замѣчу только, что эта часть рѣчи мастерски обработана, хотя съ основными положеніями оратора и нельзя вполнѣ согласиться. Насъ, впрочемъ, занимаетъ не эта часть рѣчи, а тѣ мѣста ея, въ которыхъ авторъ говоритъ о русскихъ страдальцахъ и пророчески рисуетъ великую будущность русскаго человѣка, и въ качествѣ «всечеловѣка», призваннаго сказать новое слово Европѣ. Говоря, что Пушкинъ въ лицѣ Алеко и Онѣгина геніально отмѣтилъ «того несчастнаго скитальца въ родной землѣ, того историческаго русскаго страдальца, столь исторически необходимо явившагося въ оторванномъ отъ народа обществѣ нашемъ», г. Достоевскій переходитъ къ современнымъ скитальцамъ и говоритъ слѣдующее:

«Эти русскіе бездомные скитальцы продолжаютъ и до сихъ поръ свое скитальчество, и еще долго, кажется, не исчезнутъ. И если они не ходятъ уже въ наше время въ цыганскіе таборы искать у цыганъ въ ихъ дикомъ, своеобразномъ быту своихъ міровыхъ идеаловъ и успокоенія на лонѣ природы отъ сбивчивой и нелѣпой жизни нашего русскаго интеллигентнаго общества, то все равно ударяются въ соціализмъ, котораго еще не было при Алеко, ходятъ съ новой вѣрой на другую ниву и работаютъ на ней ревностно, вѣруя, какъ и Алеко, что достигнутъ въ своемъ фантастическомъ дѣланіи цѣлей своихъ и счастья не только для себя самого, но и всемірнаго. Ибо русскому скитальцу необходимо именно всемірное счастье, чтобъ успокоиться; дешевле онъ не примирится—конечно, пока дѣло только въ теоріи. Это все тотъ-же русскій человѣкъ, только въ разное время явившійся. Человѣкъ этотъ, повторяю, зародился какъ разъ въ началѣ второго столѣтія послѣ великой Петровской реформы въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ, оторванномъ отъ народа, отъ народной силы. О, огромное большинство интеллигентныхъ русскихъ, и тогда, при Пушкинѣ, какъ и теперь, въ наше

время, служили и служатъ мирно въ чиновникахъ, въ казнѣ или на желѣзныхъ дорогахъ и въ банкахъ, или просто наживаютъ разными средствами деньги, или даже и науками занимаются, читаютъ лекціи,—и все это регулярно, лѣниво и мирно, съ полученіемъ жалованья, съ игрой въ преферансъ, безъ всякаго поползновенія бѣжать въ цыганскіе таборы или куда-нибудь въ мѣста болѣе соотвѣтствующія нашему времени. Много-много, что полиберальничаютъ «съ оттѣнкомъ европейскаго соціализма», которому приданъ нѣкоторый благодушный русскій характеръ,—но, вѣдь, все это вопросъ только времени. Что въ томъ, что одинъ еще и не начиналъ безпокоиться, а другой уже успѣлъ дойти до запертой двери и объ нее крѣпко стукнулся лбомъ? Всѣхъ въ свое время то-же самое ожидаетъ, если не выйдутъ на спасительную дорогу смиреннаго общенія съ народомъ. Да пусть и не всѣхъ ожидаетъ это: довольно лишь «избранныхъ», довольно лишь десятой доли забезпокоившихся, чтобы и остальному огромному большинству не видать черезъ нихъ покоя. Алеко, конечно, еще не умѣетъ правильно высказать тоски своей: у него все это какъ-то еще отвлеченно, у него лишь тоска по природѣ, жалоба на свѣтское общество, міровыя стремленія, плачъ о потерянной гдѣ-то и кѣмъ-то правдѣ, которую онъ никакъ отыскать не можетъ. Тутъ есть немножко Жанъ-Жака Руссо. Въ чемъ эта правда, гдѣ и въ чемъ бы она могла явиться и когда она именно потеряна, конечно, онъ и самъ не скажетъ, но страдаетъ онъ искренно.

Фантастическій и нетерпѣливый человѣкъ жаждетъ спасенія, пока лишь преимущественно отъ явленій внѣшнихъ; да такъ и быть должно: «правда, дескать, гдѣ-то, внѣ его, можетъ-быть, гдѣ-то въ другихъ земляхъ, европейскихъ, напримѣръ, съ ихъ твердымъ историческимъ строемъ, съ ихъ установившеюся общественною и гражданскою жизнью. И никогда-то онъ не пойметъ, что правда прежде всего внутри его самого, да и какъ понять ему это: онъ, вѣдь, въ своей землѣ самъ не свой, онъ уже цѣлымъ вѣкомъ отученъ отъ труда, не имѣетъ культуры, робокъ, какъ институтка въ закрытыхъ стѣнахъ, обязанности исполнялъ

странныя и безотчетныя, по мѣрѣ принадлежности къ тому или другому изъ четырнадцати классовъ, на которые раздѣлено образованное русское общество. Онъ пока всего только оторванная, носящаяся по воздуху былинка. И онъ это чувствуетъ и этимъ страдаетъ, и часто такъ мучительно!»

Въ этихъ словахъ въ первый разъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, вы слышите, что за русскими «скитальцами» послѣдняго времени хоть признано право страданія. И это знаменательно слышать изъ устъ художника, нерѣдко въ своихъ романахъ представлявшаго *скитальцевъ* «извергами» и «чудовищами», знаменательно особенно послѣ всего того, что говорилось вообще о «скитальцахъ» въ нашей безшабашной печати. Такъ, вѣроятно, поняла это мѣсто и та молодежь, которая сдѣлала овацію г. Достоевскому, и такъ хотѣлось-бы понять и намъ. Но найдутся многіе, которые во что-бы то ни стало захотятъ непремѣнно придать иное значеніе этимъ словамъ, и они до нѣкоторой степени правы. Дальнѣйшія мѣста рѣчи какъ-будто опровергаютъ мѣсто, нами приведенное, но, повторяю, даже и за обмолвку (если-бы это была, къ несчастью, обмолвка) нельзя не быть благодарными. «Обмолвки» эти такъ нужны въ наше смутное время! Осуждая затѣмъ этого гордаго «человѣка», этого «скитальца», г. Достоевскій прочитываетъ ему такое нравоученіе:

«Смирись, гордый человѣкъ, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человѣкъ, и прежде всего потрудись на родной нивѣ», вотъ это рѣшеніе по народной правдѣ и народному разуму. «Не внѣ тебя правда, а въ тебѣ самомъ; найди себя въ себѣ, подчини себѣ, овладѣй собой, и узришь правду. Не въ вещахъ эта правда, не внѣ тебя и не за моремъ гдѣ-нибудь, а прежде всего въ твоемъ собственномъ трудѣ надъ собою. Побѣдишь себя, усмиришь себя – и станешь свободенъ, какъ никогда и не воображалъ себѣ, начнешь великое дѣло, и другихъ свободными сдѣлаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь, наконецъ, народъ свой и святую правду его.

Не у цыганъ и нигдѣ—міровая гармонія, если ты первый самъ ея не достоинъ, злобенъ и гордъ, и требуешь жизни даромъ, даже и не предполагая, что за нее надобно заплатить».

Какое это «великое дѣло» и какая это «правда», разумѣется, почтенный романистъ не объясняетъ, и эта часть рѣчи остается туманной и какъ-бы опровергаетъ другую часть.

Но еще болѣе страннымъ является увѣреніе романиста, что мы въ теченіе двухъ вѣковъ служили болѣе Европѣ, чѣмъ себѣ самимъ сознательно, такъ какъ г. Достоевскій не думаетъ, «чтобъ отъ неумѣнья лишь нашихъ политиковъ это происходило».

Такимъ образомъ всѣ войны, которыя мы вели за возстановленіе чужихъ престоловъ и царствъ, поддерживая деспотизмъ, оказывается, мы вели потому, что, по словамъ романиста, «народы Европы и не знаютъ, какъ они дороги намъ!» Нечего сказать, хорошее проявленіе любви, если въ самомъ дѣлѣ чувствовали, что они служатъ Европѣ, а не творятъ волю начальства...

Въ концѣ концовъ совѣтующій «гордому человѣку» смириться и «овладѣть собой», нашъ романистъ высказываетъ пророчество, что русскій человѣкъ будетъ «всечеловѣкомъ» и что впослѣдствіи «будущіе, грядущіе люди» скажутъ «новое слово» Европѣ и укажутъ исходъ европейской тоскѣ въ русской душѣ...

Опять-таки въ этомъ, хотя и гордомъ пророчествѣ, есть, быть можетъ, зерно истины, но все это такъ запутано, что нужно скорѣе угадывать, чѣмъ слышать. Невольно припоминается не такое слово другого знаменитаго писателя, который съ болью говорилъ, что онъ въ Европѣ ни близкаго ни хорошаго выхода не видитъ, и, между прочимъ, писалъ, что «въ естественной непосредственности нашего сельскаго быта, въ шаткихъ и неустоявшихся экономическихъ и юридическихъ понятіяхъ, въ смутномъ правѣ собственности, въ отсутствіи сильнаго мѣщанства и въ необычайной усвоимости чужого—мы имѣемъ шагъ передъ народами усталыми и сложившимися». Этотъ языкъ понятенъ. Сочувствуете вы или не сочувствуете, но вы по-

нимаете автора, потому что у него есть опредѣленные идеалы.

Но нашего романиста трудно понять, потому что у него мистицизмъ затемняетъ и тѣ проблески истины, которые порой являются, хотя и въ фантастическомъ видѣ. И вотъ почему рѣчь его, производившая потрясающее впечатлѣніе на слушателей, въ чтеніи производитъ далеко не то впечатлѣніе, несмотря на талантливость. Вотъ почему она даже пришлась по плечу «Московскимъ Вѣдомостямъ», гдѣ она напечатана, и можетъ вызывать, съ одной стороны, вѣнки со стороны молодежи, а съ другой—одобреніе «Новаго Времени».

Изъ «Дѣла». Статья О. П.

* * *

*) Самымъ крупнымъ событіемъ на Пушкинскомъ праздникѣ, по общему отзыву, была рѣчь Ѳ. М. Достоевскаго. Она затмила все, произнесенное другими ораторами въ честь величайшаго нашего поэта. Она надолго останется въ памяти не только тѣхъ, кто ее слышалъ, но и тѣхъ, кто, не имѣя возможности присутствовать на праздникѣ, прочелъ ее печатно. Такой успѣхъ рѣчи знаменитаго романиста вполнѣ понятенъ: она заключаетъ въ себѣ и оцѣнку Пушкина, какъ *народнаго* русскаго поэта, и исповѣданіе вѣры самого г. Достоевскаго, выраженное съ тою силою убѣжденія, которая подавляетъ, если и не всегда убѣждаетъ другихъ. Каждый, кто слышалъ или читалъ г. Достоевскаго, знаетъ, какъ трудно *не подчиняться* ему въ то время, какъ онъ говоритъ, или пока вниманіе читателя приковано къ страницамъ его произведеній. Только потомъ возникаютъ въ умѣ читателя или слушателя разныя сомнѣнія; только потомъ испытываетъ онъ чувство нѣкоторой неудовлетворенности, и желаетъ еще разспросить и разъяснить кое-что.

*) А. Градовскій. „Голосъ“ 1880 г., № 174. „По поводу рѣчи Ѳ. М. Достоевскаго“.

Позволяемъ себѣ представить здѣсь нѣкоторыя сомнѣнія, овладѣвшія лично нами, въ надеждѣ, что ни читатели ни самъ г. Достоевскій не заподозрятъ въ насъ намѣренія нанести какой-нибудь «ущербъ» достоинству рѣчи. Но вопросъ, затронутый ораторомъ, имѣетъ слишкомъ большое общественное значеніе и нуждается въ разностороннемъ его объясненіи, не оставляющемъ мѣста справедливымъ сомнѣніямъ.

Рѣчь Достоевскаго содержитъ въ себѣ, какъ уже сказано, двѣ вещи: оцѣнку Пушкина, какъ народнаго поэта, и нѣкоторое исповѣданіе вѣры самого оратора. Во всей рѣчи чувствуется, что Пушкина коментируетъ именно авторъ «Братьевъ Карамазовыхъ», и отъ этого зависитъ, по нашему мнѣнію, недостаточное освѣщеніе Пушкинскихъ типовъ и довольно смутный выводъ изъ рѣчи.

Пушкинскіе типы освѣщены недостаточно; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ они были освѣщены *невѣрно*. Напротивъ: никому, быть можетъ, не удалось проникнуть въ суть пушкинской поэзіи такъ глубоко, какъ Ѳ. М. Достоевскому. Но онъ не далъ этимъ типамъ полнаго объясненія именно потому, что связалъ ихъ не со всѣмъ послѣдующимъ движеніемъ нашей литературы, а исключительно со своимъ міросозерцаніемъ, представляющимъ много слабыхъ сторонъ.

Объяснимся. Г. Достоевскій обращается, прежде всего, къ тому типу, въ которомъ впервые выразилась вся мощь пушкинскаго генія, къ типу Алеко. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу:

«Въ Алеко Пушкинъ отыскалъ и геніально отмѣтилъ того несчастнаго *скитальца* въ родной землѣ, того *историческаго* русскаго страдальца, столь исторически необходимо явившагося въ *оторванномъ* отъ народа обществѣ нашемъ. Типъ этотъ вѣрный и схваченъ безошибочно, типъ постоянный, и надолго у насъ, въ нашей русской землѣ поселившійся». Это совершенно вѣрно, и нельзя не признать большой заслуги г. Достоевскаго въ томъ, что онъ установилъ историческую связь между типомъ, созданнымъ впервые Пушкинымъ въ Алеко, и тѣми типами

«скитальцевъ», которые такъ художественно были выведены авторами «Кто Виноватъ», «Рудина» и друг. Но остается объяснить, откуда взялись эти «скитальцы», эти мученики, оторванные отъ народа?

Г. Достоевскій мало останавливается на этомъ вопросѣ, хотя важность его явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ оратора: «человѣкъ этотъ зародился какъ разъ въ началѣ второго столѣтія послѣ великой Петровской реформы, въ нашемъ *интеллигентномъ* обществѣ, оторванномъ отъ народа, отъ народной силы». Итакъ, «скитальцы» суть яркіе представители нѣкоторой общей болѣзни. Они сознали ее, они «забезпокоились», по выраженію оратора, въ то время, какъ другіе сидѣли и сидятъ еще спокойно, занимаясь службою, разными предпріятіями и, даже, наукой—«и все это регулярно, лѣниво и мирно». Но очередь дойдетъ и до нихъ.

«Всѣхъ, говоритъ г. Достоевскій—въ свое время то же самое ожидаетъ, *если не выйдутъ на спасительную дорогу смиреннаго общенія съ народомъ*. Да пусть и не всѣхъ ожидаетъ это: довольно лишь избранныхъ, довольно лишь десятой доли забезпокоившихся, чтобъ и остальному огромному большинству не видать черезъ нихъ покоя».

Вопросъ, стало быть, не въ избранныхъ «страдальцахъ», *а во всей русской интеллигенціи*. Ее нужно спасти отъ грозящей ей бѣды и бѣды большой. Но, прежде всего, посмотримъ, въ чемъ же бѣда. Корень бѣды, говорятъ намъ, *въ отчужденіи* отъ народа. Что́ же произвело это отчужденіе?

Изъ словъ г. Достоевскаго, что Алеки зародились во второмъ столѣтіи послѣ реформы Петра, можно бы заключить, что вина отчужденія, въ этой реформѣ, втолкнувшей высшіе классы въ формы западно-европейскаго просвѣщенія. Но ораторъ, очевидно, былъ далекъ отъ такого банальнаго объясненія, потому что онъ же видитъ славу Пушкина именно въ его «всемірной отзывчивости». Притомъ, если бъ г. Достоевскій и принялъ такое объясненіе (что́ было бы несоотвѣтственно его уму и таланту), оно, все-таки, ничего не объяснило бы и не принесло бы никакой практической пользы.

Такъ или иначе, но уже два столѣтія мы находимся подъ вліяніемъ европейскаго просвѣщенія, дѣйствующаго на насъ чрезвычайно сильно, благодаря «всемірной отзывчивости» русскаго человѣка, признанной г. Достоевскимъ за нашу національную черту. Уйти отъ этого просвѣщенія намъ нѣкуда да и нѣзачѣмъ. Это фактъ, противъ котораго намъ ничего нельзя сдѣлать, по той простой причинѣ, что всякій русскій человѣкъ, пожелавшій сдѣлаться просвѣщеннымъ, *непремѣнно* получитъ это просвѣщеніе изъ западно-европейскаго источника, за полнѣйшимъ отсутствіемъ источниковъ русскихъ. Затѣмъ, предусматривая даже сильное развитіе русской науки, русскаго искусства и т. д., мы должны будемъ признать, что всѣ эти вещи выростутъ на почвѣ западно-европейскаго просвѣщенія, подобно тому, какъ послѣднее выросло на почвѣ греко-римской культуры. Такимъ образомъ, практически вопросъ объ «отчужденіи» русской интеллигенціи отъ народа ставится слѣдующимъ образомъ:

Отчего просвѣщенная часть русскаго общества относилась *отрицательно* къ явленіямъ русской жизни и, потому, выработала изъ себя отрицательные же типы «скитальцевъ»? Это положеніе чрезвычайно трагическое и требующее выхода, потому что «забезпокоившихся», по выраженію г. Достоевскаго, было довольно, и они не давали покоя всѣмъ другимъ. Г. Достоевскій заговорилъ объ этихъ типахъ, основываясь на поэзіи Пушкина. Но Пушкинъ, выводя Алеко и Онѣгина съ ихъ отрицаніемъ, не показалъ, что́ именно «отрицали» они, и было бы въ высшей степени рискованно утверждать, что они отрицали именно «народную правду», коренныя начала русскаго міросозерцанія. Этого не видно нигдѣ.

Но, дѣйствительно, міръ тогдашнихъ скитальцевъ былъ міромъ, отрицавшимъ другой міръ. Для объясненія этихъ типовъ, необходимы другіе типы, которыхъ Пушкинъ не воспроизвелъ, хотя и обращался къ нимъ по временамъ со жгучимъ негодованіемъ. Природа его таланта мѣшала ему спуститься въ этотъ мракъ и возвести въ «перлъ созданія» совъ, сычей и летучихъ мышей, наполнявшихъ

подвальные этажи русскаго жилища. Это сдѣлалъ Гоголь—великая оборотная сторона Пушкина. Онъ повѣдалъ міру, отчего бѣжалъ къ цыганамъ Алеко, отчего скучалъ Онѣгинъ, отчего народились на свѣтъ «лишніе люди», увѣковѣченные Тургеневымъ. Коробочка, Собакевичи, Сквозняки-Дмухановскіе, Держиморды, Тяпкины-Ляпкины—вотъ тѣневая сторона Алеко, Бельтова, Рудина и многихъ другихъ. Это фонъ, безъ котораго непонятны фигуры послѣднихъ. А, вѣдь, эти гоголевскіе герои были русскими—ухъ, какими русскими людьми! У Коробочки не было міровой скорби, Сквознякъ-Дмухановскій превосходно умѣлъ объясняться съ купцами, Собакевичъ насквозь видѣлъ своихъ крестьянъ, и они насквозь видѣли его. Конечно, Алеки и Рудины всего этого вполнѣ не видѣли и не понимали; они просто бѣжали, куда кто могъ: Алеко къ цыганамъ, Рудинъ въ Парижъ умирать за дѣло, для него совершенно постороннее.

Итакъ, намъ представляется, прежде всего, не досказаннымъ, что «скитальцы» отрѣшались отъ самаго существа русскаго народа, что они переставали быть русскими людьми. До настоящаго времени нисколько не опредѣлены предѣлы ихъ отрицанія, не указанъ его объектъ, такъ сказать. А пока не опредѣлено это, мы не въ правѣ произнести о нихъ окончательное сужденіе.

Тѣмъ менѣе въ правѣ мы опредѣлять ихъ, какъ «гордыхъ» людей, и видѣть источникъ ихъ отчужденія въ этомъ сатанинскомъ грѣхѣ. Нельзя, конечно, отрицать въ этихъ типахъ значительной доли гордости; мало того: нельзя не видѣть въ нихъ и великой дозы себялюбія, выразившагося въ такихъ трагическихъ чертахъ въ исторіи Алеко. Но и гордость и себялюбіе не были ихъ первоначальными грѣхами, не были и первою причиною ихъ «скитальчества», физическаго или духовнаго. Совершенно напротивъ: гордость и себялюбіе явились *результатомъ* ихъ отчужденія, долговременнаго отрицательнаго отношенія ко всему окружающему, плодомъ ихъ одиночества. Черты эти неприглядны—спора нѣтъ. По временамъ они отвратительны, и не даромъ Пушкинъ развѣнчивалъ сво-

ихъ героевъ. Но не въ нихъ суть болѣзни: они ея симптомы, ея придатокъ. Лечить симптомы и оставлять корень болѣзни едва ли разсудительно. Вотъ почему мы не можемъ согласиться вполнѣ со слѣдующею моралью, выведенною г. Достоевскимъ изъ исторіи Алеко:

«Смирись, гордый человѣкъ, и, прежде всего, сломи свою гордость; смирись, праздный человѣкъ, и прежде всего, потрудись на родной нивѣ—вотъ это рѣшеніе по народной правдѣ и народному разуму».

Что гордость и праздность суть пороки, это не подлежитъ сомнѣнію. Но въ данномъ случаѣ, все-таки, остается нерѣшеннымъ: гордость: относительно чего? празность — почему? Передъ чѣмъ «гордились» эти люди? Почему они не находили себѣ дѣла въ «родной нивѣ»?

Не рѣшенъ вопросъ, передъ чѣмъ гордились «скитальцы», остается безъ отвѣта и другой—передъ чѣмъ слѣдуетъ «смириться». Г. Достоевскій останавливается на этихъ вопросахъ такъ, какъ будто бы вся суть дѣла въ личныхъ качествахъ «гордящихся» и не желающихъ «смириться». Объясняя, что долженъ познать «гордящійся скиталецъ», онъ говоритъ ему:

«Не *внѣ* тебя правда, а въ тебѣ самомъ, *найди себя въ себѣ, подчини себя себѣ,* овладѣй собою, и узришь правду. Не въ вещахъ эта правда, не внѣ тебя, не за моремъ гдѣ-нибудь, а прежде всего *въ твоемъ собственномъ трудѣ надъ собою*. Побѣдишь себя, смиришь себя, и станешь свободенъ, какъ никогда и не воображалъ себѣ, и начнешь свое великое дѣло, и другихъ свободными сдѣлаешь, и узришь счастье, ибо пополнится жизнь твоя и поймешь, наконецъ, народъ свой *и святую его правду*. Не у цыганъ и нигдѣ міровая гармонія, если ты первый самъ ея не достоинъ, злобенъ и гордъ, и требуешь жизни даромъ, даже и не предполагая, что за нее надо заплатить».

Въ этихъ строкахъ г. Достоевскій выразилъ «святая святыхъ» своихъ убѣжденій, то, что составляетъ одновременно и силу и слабость автора «Братьевъ Карамазовыхъ». Въ этихъ словахъ заключенъ великій *религіозный* идеалъ, мощная проповѣдь *личной* нравственности, но нѣтъ и на-

мека на идеалы *общественные*. Г. Достоевскій призываетъ работать надъ собой и смирить себя. Личное совершенствованіе въ духѣ христіанской любви есть, конечно, первая предпосылка для всякой дѣятельности, большой или малой. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ люди, лично совершенные въ христіанскомъ смыслѣ, непремѣнно образовали совершенное общество. Позволимъ себѣ привести примѣръ.

Апостолъ Павелъ поучалъ рабовъ и господъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. И тѣ и другіе могли послушать и обыкновенно слушали слово апостола; они *лично* были хорошими христіанами, но *рабство* черезъ то не освѣщалось и оставалось учрежденіемъ безнравственнымъ. Точно также г. Достоевскій, а равно и каждый изъ насъ, зналъ превосходныхъ христіанъ-помѣщиковъ и таковыхъ же крестьянъ. Но *крѣпостное право* оставалось мерзостью передъ Господомъ, и русскій Царь-Освободитель явился выразителемъ требованій не только *личной*, но и *общественной* нравственности, о которой въ старое время не было надлежащихъ понятій, несмотря на то, что «хорошихъ людей» было, можетъ-быть, не меньше, чѣмъ теперь.

Личная и общественная нравственность не одно и то же. Отсюда слѣдуетъ, что никакое *общественное* совершенствованіе не можетъ быть достигнуто *только* черезъ улучшеніе личныхъ качествъ людей, его составляющихъ. Приведемъ опять примѣръ. Предположимъ, что, начиная съ 1800 года, рядъ проповѣдниковъ христіанской любви и смиренія принялся бы улучшать нравственность Коробочекъ и Собакевичей. Можно ли предположить, чтобъ они достигли отмѣны крѣпостного пра́ва, чтобъ не нужно было *властнаго* слова для устраненія этого «явленія»? Напротивъ, Коробочка стала бы доказывать, что она истинная христіанка и настоящая «мать» своихъ крестьянъ, и пребыла бы въ этомъ убѣжденіи, несмотря на всѣ доводы проповѣдника. Пойдемъ дальше. Предположимъ, что въ тѣ времена проповѣдникъ подошелъ бы къ скептическому и невѣрующему Алеко и наполнилъ бы его душу истинами христіанства. Вышелъ ли бы изъ Алеко полезный

общественный дѣятель? Едва ли. Вѣрнѣе предположить вотъ что: Алеко-христіанинъ не побѣжалъ бы къ цыганамъ и не сдѣлался бы мужемъ несчастной Земфиры. Онъ ушелъ бы въ монастырь и обратился бы въ старца Зосиму. Форма «отчужденія» и скитальчества измѣнилась бы. Но много ли выиграло бы отъ того общество?

Улучшеніе людей въ смыслѣ *общественномъ* не можетъ быть произведено только работой «надъ собой» и «смиреніемъ себя». Работать надъ собой и смирять свои страсти можно и въ пустынѣ и на необитаемомъ островѣ. Но, какъ существа *общественныя*, люди развиваются и улучшаются въ работѣ, *другъ подлѣ друга, другъ для друга* и другъ съ другомъ. Вотъ почему въ весьма великой степени общественное совершенство людей зависитъ отъ совершенства *общественныхъ учрежденій*, воспитывающихъ въ человѣкѣ если не христіанскія, то гражданскія доблести. Съ этой именно точки зрѣнія, причину «скитальчества» должно искать не въ однихъ личныхъ качествахъ «скитальцевъ», а въ качествахъ общественныхъ учрежденій прежняго времени. Теперь бы нелѣпо утверждать, что они погибали отъ своей «гордости» и не хотѣли смириться передъ «народною правдою». Никто никогда не отрицалъ прекраснѣйшихъ качествъ русскаго человѣка. Скажемъ больше: если въ душѣ лучшихъ изъ этихъ «скитальцевъ» первой половины нашего столѣтія и сохранился какой-нибудь помыселъ, то это былъ именно помыселъ о народѣ; самая жгучая изъ ихъ ненавистей была обращена именно къ рабству, тяготѣвшему надъ народомъ. Пусть они любили народъ и ненавидѣли крѣпостное право по своему, по «европейски», что̀ ли. Но кто же, какъ не они подготовили общество наше къ упраздненію крѣпостного права? Чѣмъ могли, и они послужили «родной нивѣ», сначала въ качествѣ проповѣдниковъ освобожденія, а потомъ въ качествѣ мировыхъ посредниковъ первой очереди. Значительная часть даже скитальцевъ не отрицала, что въ глубинѣ русскаго духа таится нѣчто величавое въ нравственномъ смыслѣ. Но позволительно сказать, что это «прекрасное» было прикрыто толстымъ слоемъ грязи, и

что народная «правда» какъ-то странно выражалась въ «кривосудіи» отжившихъ учрежденій.

Теперь мы дошли до самаго важнаго пункта въ нашемъ разномысліи съ г. Достоевскимъ. Требуя смиренія передъ народной правдой, передъ народными идеалами, онъ принимаетъ эту «правду» и эти идеалы, какъ нѣчто готовое, незыблемое и вѣковѣчное. Мы позволимъ себѣ сказать ему — нѣтъ. *Общественные* идеалы народа находятся еще въ процессѣ *образованія, развитія*. Ему еще много надо работать надъ собою, чтобъ сдѣлаться достойнымъ имени великаго народа. Еще слишкомъ много неправды, остатковъ вѣкового рабства засѣло въ немъ, чтобъ онъ могъ требовать себѣ поклоненія, и, сверхъ того, претендовать еще на обращеніе всей Европы на путь истинный, какъ это предсказываетъ г. Достоевскій.

Странное дѣло! Человѣкъ, казнящій гордость въ лицѣ отдѣльныхъ скитальцевъ, призываетъ къ гордости цѣлый народъ, въ которомъ онъ видитъ какого-то всемірнаго апостола. Однимъ онъ говоритъ: «смирись!» Другому говоритъ: «возвышайся!»

Послушаемъ, къ чему г. Достоевскій предназначаетъ Россію:

«Впослѣдствіи, я вѣрю въ это, мы, т. е., конечно, не мы, а будущіе, грядущіе русскіе люди, поймутъ уже всѣ до единаго, что стать настоящимъ русскимъ и будетъ именно значить: стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія уже *окончательно*, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, *всечеловѣчной и всесоединяющей*, вмѣстить въ него съ братскою любовью *всѣхъ* нашихъ братьевъ, а, въ концѣ-концовъ, можетъ-быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармоніи, братскаго *окончательнаго* согласія всѣхъ племенъ по христову евангельскому закону».

Словомъ, совершится то, чего не предсказываетъ и Апокалипсисъ! Напротивъ, тотъ предвѣщаетъ не «окончательное согласіе», а окончательное «несогласіе» съ пришествіемъ Антихриста. Зачѣмъ же приходитъ Антихристу, если мы изречемъ слово «окончательной гармоніи»?

А пока что, мы не можемъ справиться даже съ такими несогласіями и противорѣчіями, съ которыми Европа справилась давнымъ давно, долбимъ азбучные азы и выпускаемъ теперь изъ своей среды такихъ «апостоловъ», которые давятъ всю Европу именно *озлобленіемъ* своимъ, и даютъ странное понятіе «о всепримиряющей» русской душѣ.

Правильнѣе было бы сказать и современнымъ «скитальцамъ» и «народу» одинаково: *смиритесь* передъ требованіями той общечеловѣческой гражданственности, къ которой вы, слава Богу, пріобщились, благодаря реформѣ Петра. Впитайте въ себя все, что произвели лучшаго народы—учители ваши. Тогда, переработавъ въ себѣ всю эту умственную и нравственную пищу, вы сумѣете проявить и всю силу вашего *національнаго* генія, внести и свою долю въ сокровищницу всечеловѣческаго. Ни одинъ народъ не получилъ всемірно-историческаго значенія, не возвысившись на степень народности, и каждая народность въ свое время проходила черезъ школу всечеловѣческаго, какъ прошли ее народы Европы въ эпоху среднихъ вѣковъ и возрожденія.

А тутъ, не сдѣлавшись какъ слѣдуетъ народностью, вдругъ мечтать о всечеловѣческой роли! Не рано ли? Г. Достоевскій гордится тѣмъ, что мы чуть не два вѣка служили Европѣ. Признаемся, это «служеніе» вызываетъ въ насъ нерадостное чувство. Время ли вѣнскаго конгресса и вообще эпохи конгрессовъ можетъ быть предметомъ нашей «гордости»? То ли время, когда мы, служа Меттерниху, подавляли національное движеніе въ Италіи и Германіи и коснились даже на единовѣрныхъ грековъ? И какую ненависть нажили мы въ Европѣ именно за это «служеніе»!

Нѣтъ, затвердимъ и замѣтимъ разъ навсегда, что истинно-всечеловѣческое значеніе мы можемъ пріобрѣсти только послѣ того, какъ мы разовьемся и укрѣпимся въ качествѣ народности, умѣющей и могущей дѣлать *свое* общественное дѣло, какъ мы, воспринявъ свободно начало общечеловѣческой культуры, откроемъ пути и средства для нашего творчества, которое безъ того навсегда останется въ видѣ зародыша, давая міру однихъ нелѣпыхъ «самоучекъ», на-

чиная отъ самоучекъ-механиковъ и кончая самоучками—«революціонерами».

Тогда выступитъ въ полномъ блескѣ «народная правда», на этотъ разъ уже нескрытая и неспрятанная подъ семью замками, а сіяющая какъ солнце. Тогда не будетъ уже мѣста скитальцамъ, или, лучше сказать, имъ будетъ мѣсто за общимъ народнымъ трудомъ. Тогда исчезнутъ и глупыя мечты о «всемірномъ счастьи», потому что каждый пойметъ, что отдѣльный человѣкъ можетъ служить человѣчеству только *чрезъ* свой народъ и что внѣ этого народа ему нигдѣ нѣтъ мѣста. Коротко говоря: нужно только смѣло и бодро итти по пути, открытому съ 1861 г., когда устранена была главная причина нашего «скитальчества». То, что мы видимъ теперь, есть только *наслѣдіе* временъ минувшихъ и, мы вѣримъ въ это, типы нашихъ скитальцевъ не суть типы «постоянные». Они прейдутъ вмѣстѣ съ ростомъ русскаго общества и народа. Въ заключеніе мы просимъ Ѳ. М. Достоевскаго извинить намъ выраженія, которыя онъ сочтетъ рѣзкими, хотя мы и старались говорить съ нимъ тѣмъ языкомъ, какого онъ вправѣ требовать по своимъ достоинствамъ. Но живость тона показываетъ, что вопросъ, возбужденный Ѳ. М. Достоевскимъ, столь же близокъ намъ, какъ и ему.

А. Градовскій.

* * *

*) Не многимъ писателямъ доводится получать такія удовольствія, какія получилъ недавно г. Достоевскій: его произведеніе — рѣчь о Пушкинѣ — признано «событіемъ»; оно признано «геніальнымъ»; авторъ слышалъ и читалъ это, и теперь не оставляетъ читателя въ неизвѣстности объ этомъ пунктѣ. Печатая свою рѣчь единственнымъ *годовымъ* выпускомъ *ежемѣсячнаго* изданія, авторъ прибавилъ къ ней предисловіе и комментаріи, въ которыхъ обязательно объясняетъ—въ чемъ именно заключается «событіе».

*) „Вѣстникъ Европы“ 1880 г., № 10. „Литературное Обозрѣніе“. Статья В. В.

Можно, пожалуй, согласиться, что это—событіе, но событіе довольно печальное, особенно если бы надо было думать, что тѣ, кто привѣтствовалъ рѣчь г. Достоевскаго, съ тѣмъ сочувствіемъ привѣтствовали бы изданныя имъ теперь толкованія—какъ самъ г. Достоевскій въ этомъ видимо увѣренъ.

Мы не станемъ передавать содержанія ни рѣчи ни толкованій, первая была не разъ перепечатана и изложена, вторыя также довольно извѣстны. Основныя мысли таковы: величіе Пушкина состоитъ особенно въ томъ, что онъ, какъ великій художникъ, есть совершеннѣйшій выразитель русскаго народнаго духа—именно способности его къ всемірной отзывчивости и всепримиренію: геній русскаго народа изъ всѣхъ народовъ наиболѣе способенъ «вмѣстить въ себя идею всечеловѣческаго единенія, братской любви, трезваго взгляда, прощающаго враждебное, различающаго и извиняющаго несходное, снимающаго противорѣчія»; «стать настоящимъ русскимъ, стать вполнѣ русскимъ и значитъ только стать братомъ всѣхъ людей, *всечеловѣкомъ*»; русскій народъ особенно (или единственно) понялъ христіанскую истину, и т. д. Эти и подобныя положенія въ рѣчи г. Достоевскаго связаны были съ возвеличеніемъ Пушкина; въ томъ настроеніи, въ которомъ была аудиторія послѣ длиннаго ряда торжественныхъ чествованій памяти великаго поэта, она готова была, наконецъ, и къ крайней идеализаціи, даже къ преувеличенію. Рѣчь г. Достоевскаго могла пройти какъ патріотическій порывъ, какъ чувствительный идеализмъ и, при всѣхъ крайностяхъ, могла, въ условіяхъ обстановки, возбудить сочувствіе въ людяхъ болѣе трезвыхъ—тѣмъ примирительнымъ оттѣнкомъ, который являлся въ ея заключеніи.

Но этого было мало г. Достоевскому. Овація, кажется, была причиной, что онъ и совсѣмъ потерялъ мѣру; въ истолкованіяхъ, которыми онъ снабдилъ свою рѣчь, кажется, вѣрнѣе отразился настоящій характеръ его идей, нежели въ рѣчи.—Еще наканунѣ Пушкинскаго праздника, въ литературномъ кругу обратила на себя вниманіе статейка газеты «Берегъ»: статейка извѣщала, что на пред-

стоящемъ Пушкинскомъ праздникѣ готовится либеральная демонстрація, — и успокоивала публику, что гг. *Катковъ и Достоевскій* сумѣютъ дать этой демонстраціи должный отпоръ.—Почитателямъ г. Достоевскаго было очень неловко видѣть его имя въ этомъ союзѣ и въ этой усмирительной рѣчи. Съ подобнымъ характеромъ теперь и выступаетъ г. Достоевскій. Если «Рѣчь», какъ мы сказали, имѣла отчасти примирительныя намѣренія, то комментаріи—строжайшее обличеніе «либераловъ», которые просто сгоняются со свѣту. Особенный, частный поводъ къ обличенію подала статья пр. Градовскаго; но г. Достоевскій обобщилъ свой отвѣтъ до цѣлаго обвиненія противъ либераловъ вообще, прошедшихъ и настоящихъ.

Что сказать объ этомъ походѣ противъ «либерализма»?

Первое, что спорить правильно противъ г. Достоевскаго нѣтъ никакой возможности; потому что изложеніе его не есть вовсе послѣдовательное развитіе какой-либо мысли, а раздражительное словоизверженіе, ясно показывающее, что авторъ резоновъ слушать не намѣренъ, что имъ овладѣла страсть и то жестокое настроеніе, при которомъ аргументація невозможна и безполезна.

Эта страсть — крайне неумѣренное самолюбіе, это настроеніе—мистицизмъ. Одинъ изъ критиковъ настоящаго выпуска «Дневника Писателя» провелъ очень вѣрную параллель между произведеніемъ г. Достоевскаго и «Выбранными Мѣстами» Гоголя; дѣйствительно, сходство поразительное. Самолюбіе и мистицизмъ—всего меньше логика. Аргументы мистицизма витаютъ въ такой сферѣ, гдѣ раціональное разсужденіе невозможно; онъ разсуждаетъ напитіями, провидѣніями, откровеніями; логическія противорѣчія его не затрудняютъ: къ мнѣніямъ, идущимъ отъ противоположной точки зрѣнія, онъ питаетъ крайнюю вражду и нетерпимость. Очень справедливо было замѣчено, что самый стиль «Дневника» повторяетъ «Выбранныя Мѣста» Гоголя: рядомъ съ возвышенной, или съ высокопарной проповѣдью идетъ вульгарная сплетня, христіанская «любовь» и «братство» съ крайнимъ озлобленіемъ; тонъ — высокомѣрный и проницательный. Г. Достоевскій не замѣтилъ,

что, осуждая западную Европу на погибель (она «рухнетъ», «завтра же» или въ слѣдующее же десятилѣтіе), онъ повторялъ Гоголя, который дѣлалъ тридцать пять лѣтъ тому назадъ то же самое предсказаніе, которое однако доселѣ не осуществилось: Европа покамѣстъ не «рухнула».—И какая же будетъ причина этого уничтоженія Европы?—то, что «стучится» четвертое сословіе, т. е. желаетъ пріобрѣсти себѣ право на человѣческое существованіе,—какъ всегда, въ цѣлой всемірной исторіи, «стучались» тѣ, кому жизнь становилась невыносима; ну, а наши крестьяне не могли бы «постучаться»? Были уже въ исторіи примѣры, что и они довольно безпокойно «стучались». Политическіе пріемы г. Достоевскаго противъ «либерализма» опять не новы; это — повтореніе старыхъ (еще сороковыхъ годовъ) нападеній противъ славянофиловъ на «Петербургъ» и «петербургскій періодъ», но повтореніе слабое, непослѣдовательное и иногда очень некрасивое. Г. Достоевскій не дѣлаетъ никакихъ различій между «либералами»: всѣ они одинаковые враги «народныхъ началъ», «развратители» народа.—Читатель пусть понимаетъ какъ знаетъ: кто эти либералы? Съ одной стороны, это—непріятные г. Достоевскому писатели и публицисты; съ другой стороны, онъ замѣчаетъ съ непостижимымъ для насъ азартомъ, что де «и настоящая полиція, вѣдь, у насъ теперь либеральна, отнюдь не менѣе возопившихъ на меня (г. Достоевскаго) либераловъ». Фразу эту можно было бы объяснить только желаніемъ сбить либераловъ въ одну кучу съ «полиціей», вѣдомствомъ не весьма популярнымъ. Одна услужливая къ г. Достоевскому газета припомнила, какъ бы мимоходомъ, что гр. Шуваловъ пользовался въ Европѣ репутаціей человѣка очень «либеральныхъ» взглядовъ... Что къ ненавистнымъ «либераламъ», которыхъ г. Достоевскій караетъ, принадлежитъ та доля литературы, которая не дѣлитъ его своеобразныхъ измышленій, это понятно; приспѣшники г. Достоевскаго стали и прямо называть такія изданія; но затѣмъ г. Достоевскій накидывается и на такихъ «либераловъ», которые о православіи говорятъ: «Le Pravoslavie». *Кого* онъ разумѣетъ здѣсь, остается непонятно;

потому что въ литературныхъ нашихъ кругахъ, сколько намъ извѣстно, такая терминологія вовсе не употребляется. Кто же это? и если такіе люди есть, то что общаго между *этими* людьми и литературой? Недостатокъ смысла въ такомъ огульномъ обвиненіи граничитъ съ недобросовѣстностью. Можно было бы не обращать вниманія на подобное прихотливое «теченіе мыслей» г. Достоевскаго и предоставить ему наслаждаться легкимъ торжествомъ надъ его непріятелями, но онъ имѣетъ своихъ поклонниковъ. Не знаемъ, какъ далеко идетъ ихъ поклоненіе; но если они видятъ въ г. Достоевскомъ не только писателя, увлекающаго ихъ своими художественными произведеніями, но и публициста, своего руководителя въ общественныхъ вопросахъ,—то имъ слѣдуетъ серьезно подумать о качествѣ получаемыхъ наставленій...

Но откуда же взялся этотъ ненавистный «либерализмъ»? Онъ взялся, очевидно, отъ собирающейся рухнуть Европы; но какъ это случилось, все ли было дурно въ этомъ либерализмѣ, или было въ немъ что-нибудь полезное,—этого адептъ г. Достоевскаго никакъ не пойметъ: въ прорицаніяхъ безнадежная путаница.

Отъ комментаріевъ возвращаемся опять къ «Рѣчи». Въ концѣ ея г. Достоевскій говоритъ о «всемірной отзывчивости» Пушкина, въ которой именно выразилась народность его поэзіи, народность нашего будущаго: «ибо что такое сила духа русской народности, какъ не стремленіе ея въ конечныхъ цѣляхъ своихъ ко всемірности и ко всечеловѣчности?» И далѣе объясняетъ, что такимъ стремленіемъ была и Петровская реформа.

«Въ самомъ дѣлѣ, — говоритъ ораторъ, что такое для насъ Петровская реформа, и не въ будущемъ только, а *даже и въ томъ, что уже было, произошло, что уже явилось воочію?* Что означала для насъ эта реформа? *Вѣдь, не была же* она только усвоеніе европейскихъ костюмовъ, обычаевъ, изобрѣтеній и европейской науки. Вникнемъ, какъ дѣло было, поглядимъ пристальнѣе. Да, очень можетъ быть, что Петръ первоначально только въ томъ смыслѣ и началъ производить ее, т. е. въ смыслѣ ближайше утили-

тарномъ, но впослѣдствіи, въ дальнѣйшемъ развитіи имъ своей идеи, Петръ несомнѣнно повиновался нѣкоторому затаенному чутью, которое влекло его, въ его дѣло, къ цѣлямъ будущимъ, несомнѣнно огромнѣйшимъ, чѣмъ одинъ только ближайшій утилитаризмъ. Такъ точно и русскій народъ не изъ одного только утилитаризма принялъ реформу, а несомнѣнно уже ощутилъ своимъ предчувствіемъ почти тотчасъ же нѣкоторую дальнѣйшую, несравненно болѣе высшую (sic) цѣль, чѣмъ ближайшій утилитаризмъ,— ощутилъ эту цѣль опять-таки, конечно, повторяю это, безсознательно, но однако же и непосредственно и *вполнѣ жизненно*. Вѣдь, мы разомъ устремились тогда къ самому жизненному *возсоединенію*, къ единенію всечеловѣческому! Мы не враждебно (какъ казалось, должно бы было случиться), а дружественно, съ полною любовью приняли въ душу нашу геній чужихъ націй, всѣхъ вмѣстѣ, не дѣлая преимущественныхъ племенныхъ различій, умѣя инстинктомъ, почти съ самаго перваго шагу различать, снимать противорѣчія, извинять и примирять различія, и тѣмъ ужъ выказали готовность и наклонность нашу, намъ самимъ только что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловѣческому возсоединенію со всѣми племенами великаго Арійскаго рода. Да, назначеніе русскаго человѣка есть безспорно всеевропейское и всемірное... О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у насъ недоразумѣніе, хотя исторически и необходимое».

При извѣстномъ смягченіи идеализаціи этого разсужденія, мы съ нимъ были бы отчасти согласны. Ораторъ зашелъ даже такъ далеко, что мы нашли бы даже, что онъ нѣсколько потерялъ мѣру въ увлеченіи своего краснорѣчія: «О, народы Европы и не знаютъ, какъ они намъ дороги» и пр. Такъ въ «Рѣчи». Обращаемся къ комментарію; но тамъ уже нѣчто совсѣмъ иное; тамъ цѣлая словно обвинительная тирада противъ взятаго у Европы либерализма, и оказывается, что «два послѣдніе вѣка», т. е. именно Петровская реформа и ея развитіе, были величайшимъ зломъ и преступленіемъ, которыя г. Достоевскій навязы-

ваетъ тому же несчастному либерализму. Козломъ отпущенія подвернулся профессоръ Градовскій, осмѣлившійся сдѣлать нѣсколько возраженій на «Рѣчь». «Вы, г. Градовскій, безжалостно укоряете Россію за ея неустройство. А *кто* мѣшалъ ей устроиться во *всѣ эти два послѣдніе вѣка*, и особенно въ послѣднее пятидесятилѣтіе? А вотъ все, подобные вамъ, русскіе европейцы, г. Градовскій, которые у насъ *всѣ два вѣка*, не переводились, а теперь особенно на насъ насѣли. Кто врагъ органическому и самостоятельному развитію Россіи на особенныхъ ея народныхъ началахъ? Кто насмѣшливо не признаетъ даже существованія этихъ началъ и не хочетъ ихъ замѣчать? Кто хотѣлъ *передѣлать* (?!) народъ нашъ, фантастически, «возвышая его до себя»—по просту надѣлалъ все такихъ же, какъ сами, либеральныхъ европейскихъ человѣковъ, отрывая, отъ времени до времени, отъ народной массы по человѣчку (!!) и *развращая* его въ европейца даже хоть фалдочками мундира? Этимъ я не говорю, что европеецъ—развращенъ; я говорю только, что передѣлывать русскаго въ европейца такъ, какъ либералы его передѣлываютъ, есть сущій развратъ зачастую. А, вѣдь, въ этомъ-то состоитъ весь идеалъ *ихней* программы дѣятельности (!!): именно въ отлупливаніи (?) по человѣчку отъ общей массы—экой абсурдъ!»

Дѣйствительно, экой абсурдъ вся эта тирада! На кого направлены всѣ эти обвиненія? Когда же это либералы, «подобные» г. Градовскому (т. е. люди профессорскаго и журнальнаго круга?), бывали у насъ такъ сильны, что могли «два вѣка» мѣшать Россіи устроиться? Когда они были врагами ея самостоятельнаго развитія? и т. д. На дѣлѣ, если гдѣ были пламенныя стремленія къ широкому и свободному устройству Россіи, то именно въ лучшихъ литературныхъ и профессорскихъ кругахъ—еще начиная со временъ Ломоносова; а мѣшали этому люди совсѣмъ иныхъ круговъ, которые не скупились противъ первыхъ никакими помѣхами, запретами, даже осужденіями и ссылками.... Г-нъ Достоевскій не можетъ этого не знать — и перевирать такимъ образомъ исторію непозволительно для

писателя, себя уважающаго. И послѣ этой характеристики европеизма, что-же могутъ означать приведенныя выше слова г. Достоевскаго о Петровской реформѣ, объ общечеловѣческомъ возсоединеніи и т. д.? Эти слова что-нибудь значатъ, и въ такомъ случаѣ—обязываютъ; иначе, самъ авторъ дѣлаетъ ихъ пустымъ словоизверженіемъ.

И какое странное историческое понятіе о «двухъ послѣднихъ вѣкахъ», за неудовлетворительность которыхъ г. Достоевскій упрекаетъ «либераловъ», какъ будто въ самомъ дѣлѣ они, а не кто иной, завѣдывали судьбами русскаго народа!

Способъ полемики съ противниками, принятый г. Достоевскимъ, отличается большой простотой. Надо вывести «либерала», будто-бы излагающаго систему своихъ мнѣній, и заставить его говорить уродливыя безсмыслицы, которыя авторъ тотчасъ побѣдоносно опровергнетъ. Страницы 6—8 составляютъ перлъ такого рода полемики. Напримѣръ, «западники» (или, что то же, «либералы»), говорятъ у г. Достоевскаго слѣдующимъ образомъ: «Въ народѣ русскомъ, такъ какъ ужъ пришло время (?) высказаться вполнѣ откровенно, мы видѣли лишь косную массу, у которой намъ нечему учиться, *тормозящую*, напротивъ, развитіе Россіи къ прогрессивному лучшему, и которую всю надо пересоздать и передѣлать—если ужъ невозможно и нельзя органически, то по крайней мѣрѣ механически, то-есть, *по просту* (!!) заставить ее разъ навсегда насъ слушаться, *вопьки въковъ*. А чтобы достигнуть сего послушанія, вотъ и необходимо усвоить себѣ гражданское устройство *точь въ точь* (?!) какъ въ европейскихъ земляхъ, о которыхъ именно теперь пошла рѣчь. Собственно-же народъ нашъ нищъ и *смердъ* (?), какимъ онъ былъ всегда, и не можетъ имѣть ни лица ни идеи. Вся исторія народа нашего есть абсурдъ, изъ котораго вы (разумѣется, г. Достоевскій или славянофилы, къ которымъ онъ себя сопричислилъ) до сихъ поръ чортъ знаетъ что выводили... Надобно, чтобъ имѣло исторію лишь одно наше интеллигентное общество, которому народъ долженъ служить лишь своимъ трудомъ и своими силами... Чуть мы выучимъ

человѣка изъ народа грамотѣ, тотчасъ-же и заставимъ его нюхать Европы, тотчасъ-же начнемъ обольщать его Европой... Если же народъ окажется неспособнымъ къ образованію, то устранить народъ». (!!!).

Объ этомъ «устраненіи народа», желаемомъ «западниками», г. Достоевскій разсказываетъ еще такой анекдотъ. Обличая «обезличенное, лакейство», подражаніе Европѣ, якобы проповѣдываемое западниками, онъ восклицаетъ: «Да куда-же дѣвать тогда русскій-то организмъ? Понимаютъ ли *эти господа*, что такое организмъ! А еще толкуютъ о естественныхъ наукахъ! «Этого народъ не позволитъ», сказалъ по одному поводу, года два назадъ, одинъ собесѣдникъ одному *яроу* западнику. «Такъ *уничтожитъ народъ*» (??), отвѣтилъ западникъ спокойно и величаво. И былъ онъ не кто-нибудь, а одинъ изъ представителей нашей интеллигенціи. Анекдотъ этотъ вѣренъ» (стр. 4).

Анекдотъ, можетъ-быть, вѣренъ, какъ вѣрно то, что есть на свѣтѣ очень глупые люди; намъ сомнительно одно, чтобы это могъ быть «представитель» интеллигенціи.

Правда, г. Достоевскій дѣлаетъ оговорку, что онъ «не осмѣливается вложить приведенныя сейчасъ безсмыслицы въ уста тѣхъ, которые жали мнѣ руку (по произнесеніи рѣчи), но и въ уста многихъ, *очень многихъ,* просвѣщеннѣйшихъ изъ нихъ, русскихъ дѣятелей и вполнѣ русскихъ людей, *несмотря на ихъ теоріи*, почтенныхъ и уважаемыхъ русскихъ гражданъ. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же было приводить мнѣніе шушеры за мнѣніе всѣхъ «либераловъ». Подобный пріемъ не есть пріемъ добросовѣстный. Признаемся, намъ сомнительно, чтобы даже шушера могла высказать мысль объ «уничтоженіи народа». Не было-ли это сказано г. Достоевскому на смѣхъ? Словомъ — уши вянутъ.

Итакъ нашему благополучію мѣшаетъ только Европа и ея наши приверженцы. Но, погодите, «*ваша* Европа рухнетъ», *завтра же* рухнетъ (г. Достоевскій повторяетъ это нѣсколько разъ—стр. 4, 36, 37), и тогда «и вы гг. доктринеры, можетъ-быть, схватитесь и начнете искать у насъ народныхъ началъ»... Попрекнувши г-на Градовскаго

Христомъ, авторъ продолжаетъ: «Вы спросите: какіе же могутъ быть у насъ свои общественные и гражданскіе идеалы мимо Европы? Да, общественные и гражданскіе, и наши общественные идеалы—лучше вашихъ европейскихъ, крѣпче вашихъ и даже — о, ужасъ! — либеральнѣе вашихъ! Да, либеральнѣе, потому что исходятъ прямо изъ организма народа нашего, а не лакейско-безличная пересадка съ Запада». Читатель заинтересованъ; онъ ожидаетъ узнать, наконецъ, «эти идеалы» и лучше и крѣпче вашихъ, «но, увы! не узнаетъ». Теперь я, конечно, не могу объ этомъ распространяться, *ну хоть* потому одному, что и *безъ того* статья длинная вышла». Отчего это «конечно», отчего г. Достоевскій не можетъ высказать своихъ идеаловъ,—ради которыхъ онъ однако злорадно пророчитъ Европѣ гибель «повсемѣстную», общую и ужасную», ради которыхъ онъ взвелъ столько небывальщинъ на «либерализмъ»,—непостижимо; «ну хоть»—вовсе не резонъ, потому что, если ужъ г. Достоевскій не хотѣлъ печатать длинной статьи, то смѣло могъ бы на половину сократить свои филиппики и удѣлить мѣсто для изложенія «идеаловъ»...

Въ концѣ г. Достоевскій спохватился: «скажутъ еще, пожалуй, что я моимъ отвѣтомъ *уничтожилъ весь смыслъ* моей «Рѣчи», гдѣ самъ призывалъ обѣ партіи русскія къ единенію и примиренію, и признавалъ законность той и другой». Онъ утверждаетъ, что, напротивъ, смыслъ его «Рѣчи» еще болѣе «закрѣпленъ»,—но объ этомъ читатель можетъ самъ составить понятіе, закрѣпленъ ли онъ, или, напротивъ, вмѣсто нѣкоторой примирительности «Рѣчи», въ комментаріяхъ господствуетъ одно раздражительное озлобленіе.

Надо думать, что изложенію идеаловъ будетъ посвященъ слѣдующій годъ «Дневника». Г-ну Достоевскому уже совѣтовали покинуть туманную фразеологію и говорить точнѣе,—иначе подумаютъ, что онъ «лавируетъ»: съ «крѣпкими идеалами» этого бы не слѣдовало дѣлать. Нѣсколько болѣе точности не мѣшаетъ и въ статистическихъ счетахъ. Авторъ не однажды ссылается на восемьдесятъ

милліоновъ *русскаго* народа (именно *русскаго,* потому что рѣчь идетъ о свойствахъ и идеалахъ русской *народности*). Но восемьдесятъ милліоновъ (теперь считаютъ уже девяносто, или за девяносто) составляютъ цифру населенія русской имперіи, а вовсе не русскаго народа, владѣющаго идеалами; въ восьмидесяти или девяноста милліонахъ заключено, кромѣ русской, множество иныхъ народностей, кромѣ православныхъ—милліоны католиковъ, протестантовъ, евреевъ, магометанъ, даже сотни тысячъ язычниковъ. Собственно же *русскаго* народа полагаютъ только тридцать пять милліоновъ. Кромѣ статистики, желательно, чтобы въ будущихъ разсужденіяхъ г. Достоевскаго не были забываемы элементарные историческіе факты, и не былъ совершенно отвергаемъ здравый смыслъ.

Изъ „Вѣстника Европы". Статья В. В.

* * *

*) Если бы собрать все то, что было написано умнаго и глупаго по поводу «знаменитой» рѣчи г. Достоевскаго, сказанной имъ на Пушкинскомъ праздникѣ, то вышло бы довольно объемистое и не лишенное интереса собраніе брошюръ и статей, въ которыхъ нашъ, по преимуществу журнальный міръ высказался болѣе или менѣе оригинально и откровенно, не только по отношенію къ самому Достоевскому, но также и по отношенію ко всѣмъ нашимъ общественнымъ вопросамъ. Съ одной стороны, г. Достоевскій превозносился до небесъ: поклоненіе его «невѣроятному» таланту, геніальной глубинѣ его «идей», его «изумительной» искренности — отняли, какъ кажется, у поклонниковъ нашего беллетриста всякое самообладаніе; съ другой стороны, столь же неумѣренны, столь же односторонни оказались его противники: они отказывали г. Достоевскому не только въ талантѣ, не только въ идеяхъ, но даже и въ простомъ здравомъ смыслѣ. Но ихъ мнѣ-

*) „Новости и Биржевая Газета" 1880 г., № 296. „Литературная хроника". Статья В. Ч. (Чуйко).

нію, онъ, просто, изувѣръ и мистикъ, не отличающійся даже новизной своихъ изреченій, такъ какъ все то, что онъ теперь проповѣдываетъ съ такимъ паѳосомъ и блескомъ, какъ г. Аксаковъ назвалъ его рѣчь, еще прежде не менѣе блистательно и не менѣе своеобразно, было высказано Гоголемъ въ его «Перепискѣ съ друзьями». Этотъ послѣдній взглядъ былъ высказанъ въ «Новостяхъ» моимъ почтеннымъ и уважаемымъ сотоварищемъ, Коломенскимъ Кандидомъ, который съ обычнымъ своимъ остроуміемъ сдѣлалъ эту параллель между г. Достоевскимъ и Гоголемъ. И дѣйствительно между этими двумя первоклассными талантами, охваченными мистицизмомъ подъ конецъ ихъ карьеры, существуетъ несомнѣнное и поразительное сходство,—сходство тѣмъ болѣе знаменательное, что мистицизмъ Гоголя и мистицизмъ г. Достоевскаго вызваны въ сущности одними и тѣми-же общественными причинами. Не разъ уже указывалось на печальную судьбу русскихъ писателей, изъ которыхъ самые талантливые, самые своеобразные умирали въ молодости: Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Веневитиновъ, не говоря уже о другихъ, болѣе близкихъ къ намъ. Ихъ ранняя смерть въ большинствѣ случаевъ объясняется общественными причинами. Гораздо любопытнѣе, я думаю, другое явленіе, въ сущности еще болѣе печальное: мистицизмъ, противъ котораго не могутъ устоять многіе изъ русскихъ писателей: вспомнимъ Чаадаева, перешедшаго въ католицизмъ, вспомнимъ Гоголя, захлебнувшагося тѣмъ-же самымъ мистицизмомъ и умершаго съ голоду, потому, что онъ не хотѣлъ принимать никакой пищи; вспомнимъ г. Достоевскаго, катящагося теперь по той же самой наклонной плоскости мистическихъ «идей» и уже договорившагося до болѣе чѣмъ странныхъ взглядовъ... Столь частыя повторенія одного и того-же явленія не могутъ быть, разумѣется, объяснимы одними лишь частными и случайными причинами; очевидно, въ нашей общественной атмосферѣ существуетъ эта мистическая зараза и въ гораздо большей, можетъ-быть, степени, чѣмъ это кажется на первый взглядъ.

Рѣчь г. Достоевскаго и защита ея, предпринятая въ его «Дневникѣ Писателя», тѣмъ не менѣе, принесла несомнѣнную пользу русскому обществу. Г. Достоевскій коснулся въ своей рѣчи и въ своей защитѣ самыхъ существенныхъ вопросовъ русской общественной жизни, коснулся талантливо, прямо и откровенно, и этимъ далъ возможность другимъ высказаться столь-же откровенно и столь-же прямо по тѣмъ-же вопросамъ. Правда, что этимъ «другимъ», казалось бы, никто не мѣшалъ высказаться и раньше, не дожидаясь рѣчи г. Достоевскаго. Но что прикажете дѣлать? Мы какъ-то усвоили себѣ пагубную привычку ничего не говорить безъ повода, безъ особеннаго случая. Г. Михайловскій, напр., говоритъ очень простую и очень симпатичную мысль, придираясь къ какому-то весьма посредственному разсказу г. Круглова и облекая свою мысль въ какое-то ненужное глубокомысліе; г. У. даже придумываетъ случаи, когда намѣренъ говорить о нашей деревнѣ; г. Щедринъ отправляется въ Германію и Парижъ съ тѣмъ, чтобы говорить объ урядникахъ... Наша критика точно также говоритъ лишь «по поводу». Нашъ критикъ вовсе не заботится о художественномъ произведеніи, которое ему приходится анализировать: въ немъ онъ ищетъ лишь «повода» говорить о томъ, что его интересуетъ, что у него наболѣло, что его тревожитъ... Такъ дѣлаетъ и г. Кавелинъ, обращаясь къ г. Достоевскому съ письмомъ «по поводу» знаменитой рѣчи, письмомъ, напечатаннымъ въ послѣдней книжкѣ «Вѣстника Европы»!

Г. Кавелинъ, какъ кажется, по преимуществу—писатель «по поводу». Этотъ пріемъ онъ усвоилъ себѣ болѣе, чѣмъ кто-либо другой. Такъ, «по поводу» статьи г. Сѣченова онъ написалъ цѣлую книгу о психологіи; «по поводу» какой-то статейки онъ написалъ о «деревнѣ»; «по поводу» какихъ-то разговоровъ съ какимъ-то художникомъ онъ написалъ чуть-ли не цѣлый разсказъ объ эстетикѣ; «по поводу» бюста Мефистофеля работы Антокольскаго онъ высказалъ очень много умныхъ вещей въ томъ-же «Вѣстникѣ Европы». Теперь «по поводу» странностей г. Достоевскаго г. Кавелинъ въ эпистолярной формѣ (которую

онъ какъ-то особенно облюбилъ) высказываетъ также очень много умныхъ и дѣйствительно своеобразныхъ взглядовъ.

Само собой разумѣется, что и здѣсь не обходится безъ «необычайнаго таланта», «всегдашней искренности», и «глубокихъ убѣжденій» г. Достоевскаго, но при эпистолярной формѣ это, конечно, понятно. Отдавъ, такимъ образомъ, дань вѣжливости, г. Кавелинъ приступаетъ къ анализу идей г. Достоевскаго и прежде всего касается вопроса о славянофилахъ и западникахъ. Для г. Кавелина вопросъ этотъ принадлежитъ уже прошедшему; названіе западниковъ и славянофиловъ вовсе не идетъ къ новымъ направленіямъ русской мысли. Въ настоящую минуту, между мыслящими и серьезными людьми нѣтъ ни одного, который-бы изъ теоретическихъ предразсудковъ смотрѣлъ свысока на наши народныя массы или думалъ, что Россія есть листъ бѣлой бумаги, на которомъ можно писать все, что угодно. Всякій очень хорошо понимаетъ, что какъ отдѣльныя лица, такъ и націи имѣютъ свой характеръ, свои особенности, свою физіономію; съ другой стороны, г. Кавелинъ точно также убѣжденъ, что теперь нѣтъ ни одного мыслящаго и серьезнаго русскаго человѣка, который-бы не понималъ, что новыхъ условій, созданныхъ въ Россіи реформою Петра, нельзя вычеркнуть изъ исторіи; что, какъ бы мы любовно ни смотрѣли на народныя массы, нельзя признать ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ теперь существуютъ, идеаломъ совершенства. Въ настоящую минуту г. Кавелинъ усматриваетъ въ русскомъ обществѣ два различныхъ направленія. Одно,—основываясь на воспитательномъ характерѣ общественныхъ учрежденій, ждетъ всего хорошаго только отъ ихъ перестройки, въ полномъ убѣжденіи, что хорошія учрежденія перевоспитаютъ людей и разовьютъ въ нихъ тѣ качества и свойства, которыя необходимы для благоустроеннаго общежитія и которыхъ намъ, къ сожалѣнію, пока не достаетъ въ значительной степени. Другое направленіе, исходя изъ той-же нашей неустроенности, не признаетъ всемогущества учрежденій. и, усматривая источникъ всего зла въ нашемъ нравственномъ состояніи, дѣйствительно крайне незавидномъ, ука-

зываетъ, помимо учрежденій, на разныя средства для поднятія у насъ нравственности. Г. Кавелинъ не отрицаетъ нѣкоторой исторической преемственности этихъ двухъ новыхъ направленій съ западниками и славянофилами, но думаетъ, что взгляды славянофиловъ и западниковъ были первыми незрѣлыми попытками самостоятельной критики, между тѣмъ, какъ новыя направленія переносятъ русскіе вопросы на чисто теоретическую почву и тѣмъ придаютъ имъ общечеловѣческое значеніе. Г. Кавелинъ убѣжденъ, что коренное зло европейскихъ обществъ, не исключая и русскаго, заключается въ недостаточномъ развитіи и выработкѣ внутренней, нравственной и душевной стороны людей; онъ думаетъ, что *новое слово,* котораго многіе ожидаютъ, будетъ заключаться въ новой, правильной постановкѣ вопроса о нравственности въ наукѣ, воспитаніи и практической жизни, и что это живительное слово скажемъ, именно, мы, русскіе. На чемъ основываетъ г. Кавелинъ этотъ послѣдній выводъ онъ не говоритъ, потому что нельзя же считать доказаннымъ аргументомъ ссылку на «смѣлыя чаянія» русскихъ молодыхъ умовъ, на «неясныя представленія» о будущемъ значеніи русскаго и славянскаго міровъ въ судьбахъ міра, или на успѣхъ рѣчи г. Достоевскаго.

Тутъ я даже вижу нѣкоторое противорѣчіе со стороны г. Кавелина. Надѣясь, что «новое слово» о нравственности въ наукѣ, воспитаніи и практической жизни скажемъ мы, русскіе, онъ ниже опровергаетъ самого себя, говоря, что «взглядъ г. Достоевскаго на нравственныя качества русскаго народа вызываетъ серьезныя недоразумѣнія». Если г. Достоевскій превозноситъ простоту, кротость, смиреніе, доброту русскаго народа, то другой, съ неменьшимъ основаніемъ, укажетъ на его наклонность къ воровству, обманамъ, плутовству, пьянству, на дикое, безобразное отношеніе къ женщинѣ. Кто-же правъ? Вопросъ, по мнѣнію г-на Кавелина, неразрѣшимый, потому что, разсуждая о нравственности и безнравственности, мы обращаемъ вниманіе не на то, какъ народъ относится къ предмету своихъ вѣрованій и убѣжденій, а на то, *что*

составляетъ ихъ предметъ, а это *что* есть результатъ исторіи, развитія, культуры. Поэтому, чтобы правильно оцѣнить народъ, слѣдуетъ говорить не о его нравственныхъ достоинствахъ и недостаткахъ, которые могутъ измѣняться, а о характеристическихъ свойствахъ его духовной природы. Но и тутъ г. Кавелинъ находитъ великое «недоразумѣніе». Онъ прямо говоритъ, что не въ состояніи дать точнаго отвѣта на вопросъ: есть-ли такія характерныя черты у русскаго народа? Конечно, русскій народъ богато одаренъ отъ природы, но въ чемъ состоитъ эта природная даровитость—этого никто не знаетъ, потому что говорить, напр., о живости, подвижности, юркости и бойкости ума,—значитъ, ничего еще не говорить, такъ какъ это—признаки всякаго народа въ юности. Говорятъ, что мы—страшные реалисты. Полноте, какіе мы реалисты, мы просто живые юноши. Г. Достоевскій восхищается нашею способностью «перевоплощенія въ геніи чужихъ націй, перевоплощенія почти совершеннаго». Помните,—это не болѣе, какъ свойство даровитаго и умнаго даже не юношескаго, а младенческаго народа. Словомъ, какую бы вы ни взяли черту русскаго народа,—всѣ доказываютъ замѣчательную его даровитость и, въ то же время, большую его юность,—возрастъ, когда нельзя еще угадать, какая у талантливаго юноши выработается духовная физіономія.

Изъ всего этого выводъ ясенъ; взглядъ г. Достоевскаго на нашъ простой народъ—какъ на хранителя христіанской правды, на наши образованные классы—какъ отщепенцевъ отъ этой правды, на Алеко, Бельтовыхъ, Тентентниковыхъ—какъ на представителей этого отщепенства,—все это въ глазахъ г. Кавелина не выдерживаетъ критики. Вглядитесь, прибавляетъ г. Кавелинъ очень остроумно и очень основательно, въ типы простыхъ русскихъ людей, которые насъ такъ подкупаютъ и дѣйствительно прекрасны: вѣдь, это нравственная красота младенческаго народа. Первою ихъ добродѣтелью, считается, совершенно по восточному, устраниться отъ зла и соблазна, по возможности ни во что не мѣшаться, не участвовать ни въ какихъ общественныхъ дѣлахъ. Такихъ людей, какъ Алеко,

г. Достоевскій считаетъ разорвавшими связь съ народомъ изъ гордости. Помилуйте! Да, вѣдь, это тѣ-же «восточные люди», которые изъ «великой печали сердца», отъ непорядковъ въ общественной и частной жизни, или изъ любви къ европейскому общественному и домашнему строю, бросали все и удалились кто за-границу, кто на житье въ деревню. Это тѣ-же пустынножители и обитатели скитовъ, тѣ-же «смирные люди» нашихъ селъ, только съ другими идеалами. Будь европеецъ на ихъ мѣстѣ, онъ сталъ-бы осуществлять, по мѣрѣ возможности, свои идеалы въ большомъ или маломъ кругодѣйствіи, который отвела ему судьба, боролся-бы, сколько хватаетъ силъ, съ обстановкой, и скоро-ли, долго-ли, а, въ концѣ концовъ, перестроилъ-бы ее на свой ладъ: мы же, восточные люди, бѣжимъ отъ жизни и ея напастей, предпочитая остаться вѣрными нравственному идеалу во всей его полнотѣ и не имѣя потребности, или не умѣя водворить его, хотя-бы отчасти въ окружающей дѣйствительности, исподволь, продолжительнымъ, выдержаннымъ, упорнымъ трудомъ.

И такъ, по одному и тому-же вопросу мы имѣемъ два совершенно различныхъ отвѣта. Г. Достоевскій въ русскомъ народѣ видитъ полнѣйшее осуществленіе христіанскихъ идеаловъ, во всей ихъ нравственной чистотѣ, между тѣмъ, какъ г. Кавелинъ въ томъ же самомъ народѣ видитъ лишь «восточныхъ человѣковъ», находящихся еще на первой стадіи своего развитія! Откуда такое различіе во мнѣніяхъ по вопросу столь важному, касающемуся не только лично каждаго изъ насъ, но также и нашего ближайшаго будущаго, нашихъ упованій, нашихъ общественныхъ идеаловъ? Въ томъ, что г. Кавелинъ говоритъ *не* для краснаго словца, а г. Достоевскій — *не* изъ желанія порисоваться своимъ пророческимъ идеализмомъ,—въ этомъ, конечно, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Оба они говорятъ очень искренно, очень серьезно, вовсе не отшучиваясь и вовсе не желая сказать что-либо своеобразное и необычное; а, между тѣмъ, оба говорятъ совершенно различныя вещи. На этотъ вопросъ я могу дать лишь приблизительный отвѣтъ: не говоря уже о томъ, что рус-

скій народъ terra incognita и что, слѣдовательно, о немъ можно говорить рѣшительно все, что угодно, я вижу и въ самомъ пріемѣ гг. Достоевскаго и Кавелина нѣчто противуположное, непримиримое: г. Достоевскій, такъ сказать, сердцевидецъ, мистикъ по складу ума, живущій чувствомъ, не признающій выводовъ разума, не знающій логики, и поэтому отыскивающій во всемъ лишь то, что онъ желаетъ отыскать; между тѣмъ, какъ г. Кавелинъ—умъ объективный, по преимуществу логическій, мало довѣряющій увлеченіямъ чувства и, какъ кажется, слишкомъ полагающійся на непогрѣшимость логики. Съ точки зрѣнія логики и фактовъ, мы, несомнѣнно, «восточные люди»; съ точки зрѣнія любви, вѣры и надежды, мы, конечно, осуществляемъ христіанскіе идеалы. Г. Достоевскій со взорами, устремленными на будущее и наполненными слезами умиленія предугадываетъ въ насъ всѣ добродѣтели; г. Кавелинъ, осматриваясь на прошедшее со скептической улыбкой, видитъ въ насъ лишь восточныхъ младенцевъ. Признавая, до извѣстной степени, взглядъ г. Кавелина, я бы сдѣлалъ, однакожъ, нѣсколько другой выводъ. Г. Кавелинъ высказываетъ положеніе, чтобы мы, не превращаясь въ европейцевъ, перестали быть восточными людьми, а были-бы тѣмъ, чѣмъ мы есть—русскими. Я же сказалъ бы, что намъ давнымъ-давно пора перестать быть «восточными человѣками», и стать просто европейцами; отъ того мы не сдѣлаемся менѣе русскими. Вѣдь, и французъ—европеецъ, но это не мѣшаетъ ему быть въ одно и то же время и европейцемъ и французомъ. Желательно было бы, чтобы и мы, не напяливая на себя высокихъ добродѣтелей, которыхъ, можетъ-быть, у насъ и нѣтъ, какъ нѣтъ ихъ у другихъ народовъ, были бы, въ одно и то же время, европейцами и русскими. Когда это случится, то, повѣрьте, прекратятся и всѣ наши разговоры о томъ, что мы такое и что изъ себя изображаемъ.

В. Чуйко.